

*К 1160-летию Великого Новгорода
К 100-летию архивной службы
Новгородской области*

Книга издана тиражом 300 экземпляров,
нумерованных и подписанных составителем

Экземпляр №

***«Тысячелетие совершившееся застало Россию
в самый важный момент ее исторической жизни».***

Из газеты «Северная почта». 1862 г.

Министерство культуры Новгородской области
Государственный архив Новгородской области

**Тысячелетие России
в записках, мемуарах,
документах**

Составление, вступит. статья, комментарии А. В. Кошелева

Великий Новгород
2019

УДК 947(471.24)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)
Т 93

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект № 17-44-93516/17-ОГОН)

ISBN 978-5-6041240-6-2

Рецензенты:

доктор филологических наук А. Ю. Сорочан
доктор филологических наук Д. Б. Терешкина

Тысячелетие России в записках, мемуарах, документах / Составление, вступит. статья, комментарии А. В. Кошелева.

В книге на обширном материале, в значительной части извлеченном из архивов, раскрыты обстоятельства празднования тысячелетнего юбилея России. Торжества прошли в провинциальном Новгороде 8 сентября 1862 года: именно в этот день, в присутствии Александра II и других членов императорской фамилии, был открыт памятник «Тысячелетию России». В сборник вошли разнообразные материалы: журнальные статьи, «письма в редакцию», «телеграфические депеши», фельетоны, дневники, мемуары и пр. Среди представленных авторов – известные писатели, ученые, журналисты и провинциальные чиновники, заезжие иностранцы. Собранные воедино, эти материалы позволяют не только узнать о том, как праздновали юбилейную дату, но и прочитать статьи 1860-х годов, в которых обсуждались художественные особенности памятника «Тысячелетию России», а также сложить некоторое представление о бытии Новгорода середины XIX века. Издание иллюстрировано и снабжено необходимыми комментариями и указателями.

Книга адресована широкому кругу читателей.

© А.В. Кошелев, составление, вступ. статья, комментарии

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Кошелев</i> . Торжество тысячелетия России и «памятник нации»	5
О конкурсе на представление проекта памятника имеющему совершиться в 1862 году тысячелетию Государства Российского	14
<i>Теофиль Готье (сын)</i> . Конкурс проектов памятника к тысячелетнему юбилею русской империи	17
< <i>В. В. Стасов</i> >. Один из проектов для памятника тысячелетию России.....	23
<i>М. О. Микешин</i> . Письмо в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей»	32
< <i>В. В. Стасов</i> >. Еще два слова о проекте памятника тысячелетию России.....	37
<i>Е. П. Карнович</i> . О памятнике тысячелетию Государства Российского ...	44
<i>Ф. И. Буслаев</i> . Памятник тысячелетию России	52
<i>Из журнала «Сын Отечества»</i> . Письмо нашего второго корреспондента.....	68
<i>Из газеты «Северная почта»</i> . Телеграфические депеши	78
<i>Из газеты «Северная почта»</i> . Письма из Новгорода	81
<i>П. И. Новиков</i> . Из дневника.....	101
<i>Из сатирического листка «Гудок»</i> . Торжество тысячелетия	109
<i>Из журнала «Сын Отечества»</i> . Письмо нашего второго корреспондента.....	120
< <i>А. В. Эвальд</i> >. Все и ничего	126
<i>Из газеты «Северная почта»</i>	154
<i>Н. И. Костомаров</i> . Тысячелетие	158
<i>И. С. Аксаков</i> . По поводу празднования тысячелетия России	168
Тысячелетие России	174
< <i>Н. П. Огарев</i> >. Тысячелетие России	177
<i>М. В. Толстой</i> . Торжество тысячелетия России в 1862 году.....	181
< <i>П. А. Валуев</i> >. 8-е сентября 1862 года. Из воспоминаний современника	190
<i>Приложения</i>	206
<i>Н. И. Костомаров</i> . О значении Великого Новгорода в истории России (Статья из публичного чтения в Новгороде 3 апр<еля> 1861 <года>)	—

<i>Н. К. Отто, И. К. Куприянов</i> . Из книги «Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России, воздвигнутом в г. Новгороде в 1862 году»	230
< <i>И. К. Куприянов</i> >. Прогулка по Новгороду и его окрестностям	296
Условные сокращения	371
Комментарии	373
Указатель имен	507

ТОРЖЕСТВО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ И «ПАМЯТНИК НАЦИИ»

Предлагаемый сборник составлен из статей, мемуаров, дневниковых записей, официальных документов, так или иначе связанных с 8-м сентября 1862 года, днем, когда Россия отметила свой десятивековой юбилей. Центром праздника стал провинциальный Новгород, а главным событием – открытие, в присутствии Александра II и других членов императорской фамилии, памятника «Тысячелетию России»¹.

Новгородскому торжеству посвящено немало книг². Наше издание отличается от многих из них. Главное место в нем уделено отзывам современников, которые лично присутствовали на празднике. Писали о нем разные люди: в сборник вошли как воспоминания министра внутренних дел, так и записи провинциального полицейского, – на взгляд составителя, они равноценны. Здесь и торопливые «телеграфические депеши», составленные на основе свежих впечатлений, и мемуарные очерки, написанные спустя четверть века. Наконец, в книгу вошли статьи, в

---

¹ В 1860-е гг. монумент Микешина называли по-разному: «Тысячелетие России» и даже «Памятник тысячелетия России». Мы предпочитаем вариант «Тысячелетию России» (сокращение от надписи в верхней части монумента: «Совершившемуся тысячелетию Российского государства в благополучное царствование Императора Александра II-го, лета 1862»).

² В основном в них рассматриваются биографии «героев», изображенных на памятнике. См.: *Смирнов В. Г.* Россия в бронзе. Памятник Тысячелетию России и его герои. Новгород, 1992 (2-е изд.: М., 2002); *Будницкий Б. Л.* Розыск о художественном образе по памятнику «Тысячелетию России». СПб., 2005. В юбилейном 2012 году (когда России исполнилось 1150 лет) были изданы две книги, содержание которых пересекается с нашим изданием. См.: Из истории памятника Тысячелетию России. Сборник воспоминаний, публикаций, документов / Составитель А. Н. Одинокоев. Великий Новгород, 2012; Тысячелетие России 862-1862 гг. в Новгороде. Составил Сибиряк Василий Колохматов. Новгород, 1863 (републ.: Великий Новгород, 2012; см. об этой книге: *Кошелев А.В.* Сибиряк Василий Колохматов // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2015. № 7 (90). С. 75-78). Обе книги лишены комментариев (необходимых пояснений к публикуемым текстам), – без них нельзя сложить полного представления о событиях 1862 года.

которых обсуждается идейное и художественное своеобразие памятника, открытого на кремлевской площади.

Великий французский просветитель Жан-Жак Руссо писал в одном из своих трактатов: «Мне известно три орудия, при помощи которых можно влиять на нравы народа: сила закона, власть общественного мнения и привлекательность наслаждения». Под «наслаждением» Руссо разумел и общественные праздники, организация и проведение которых – одна из главных сфер деятельности государства. Такое умозаключение на первый взгляд кажется парадоксальным: можно ли ставить в один ряд такое важное дело, как составление и принятие законов, и такое несерьезное, как народный праздник?

Руссо пояснил свою мысль: «Народу недостаточно иметь хлеб и жить в достатке. Надо еще, чтоб ему жилось приятно; тогда он будет лучше исполнять свои обязанности, меньше мучиться мыслью о том, как бы их облегчить, и общественный строй станет более прочным. <...> Положение государства твердо и прочно лишь при условии, если все, чувствуя себя на своем месте, дружными усилиями содействуют общественному благополучию, вместо того чтобы растрачивать эти усилия во взаимной борьбе, как это наблюдается в плохо организованном государстве»³. Важность подобных мероприятий состоит не только в том, что, организуя их, власть имущие стремятся облегчить жизнь граждан. Свои наблюдения Руссо дополнил мыслью, выраженной в вопросе: «Каким народам больше всего пристало часто собираться и завязывать в своей среде сладкие узы радости и веселья, как не тем, у которых столько оснований для взаимной любви и вечной дружбы?» Стремление людей выйти на улицу в праздник является признаком их счастливой жизни, а счастье граждан определяет благополучие государства, – оно напрямую зависит от лояльности населения устоявшемуся режиму. Не случайно Руссо настаивал, что «главным украшением» истинно народного праздника является «*многочлюдство*»: «У нас (т.е. в Женеве, где Руссо проживал во время написания трактата – *сост.*) уже есть несколько таких публичных празднеств; заведем еще больше, я буду в

³Руссо Ж.-Ж. Письмо к Д`Аламберу о зрелищах // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 81, 168.

восторге. Но не будем переносить к себе этих зрелищ для немногих, зрелищ, замыкающих маленькую группку людей в темном логове <...> Нет, счастливые народы, такие празднества не для вас! Под открытым небом, на воздухе – вот где должны вы собираться, упиваясь сладостным ощущением собственного счастья»⁴. Цель устроителей праздника будет достигнутой, если отдельный человек начнет осознавать себя гражданином страны, окруженным такими же гражданами-товарищами.

Александр II, пожелавший отметить годовщину российской государственности, конечно же, читал трактат французского мыслителя. Способствовал ли народный праздник в Новгороде единению россиян?

События праздника описаны в кратких и точных «телеграфических депешах», которые отправлял из Новгорода корреспондент газеты «Северная почта»⁵. Прочитав их, можно составить представление о том, что происходило во время торжеств. Однако в разных печатных изданиях об этих событиях рассказывалось по-разному. Вот показательный пример.

Торжества проходили по всей России. 7 сентября «Северная почта» писала о том, что грядет в Петербурге: «...перед началом литургии на площади перед Исаакиевским собором выстроятся по одной роте от каждой из частей пехотных войск, находящихся в Петербурге, для церковного парада. Все городские цехи, благовременно собранные в залах городской думы, выйдут перед началом литургии и будут следовать со знаменами в процессии в Исаакиевский собор и по окончании молебствия возвратятся тем же порядком.

По получении по телеграфу сведения о начале в Новгороде благодарственного молебствия жителям столицы объявят о том 3 пушечными выстрелами; по получении же известия об открытии памятника будет с Петропавловской крепости произведен 101 выстрел.

---

⁴ Руссо Ж.-Ж. Письмо к Д'Аламберу о зрелищах. С. 167-168.

⁵ См. наст. изд. С. 78-80.

В день 8 сентября будут даны бесплатные спектакли в петербургских театрах: Большом, Мариинском, Александринском и Михайловском.

Издержки по устройству празднеств обращаются на счет городской казны».⁶

Месяц спустя в декабрьском номере журнала «Отечественные записки» появилась небольшая заметка, – петербургским торжествам посвящено единственное предложение:

«Недавно Государство Российское праздновало тысячелетие своего существования. В Новгороде был открыт устроенный по сему случаю памятник и происходили разные торжества. В Петербурге были даровые спектакли и “народный” праздник на Царицыном лугу, а вечером город был великолепно иллюминирован. В Мышкине пили “здоровье тысячелетия”. В Москве ничего не было. Но не одна только Москва холодно отнеслась к празднику; не менее холодно он был встречен и литературою. Кроме статей г. Гильфердинга в “Дне”, говорящих, впрочем, о других славянских государствах⁷, не достигших тысячелетия, я могу указать только на официальные описания новгородских празднеств, помещавшихся в ежедневных газетах, из коих некоторые посылали в Новгород нарочитых корреспондентов.

Есть, правда, целый ворох книжонок с заголовками, показывающими, что они должны иметь отношение к совершавшемуся событию; но все эти книжонки принадлежат к тому разряду книжной торговли, в котором светилами первой величины являются разные “Таинственные микроскопы”, “Сонники”, “Оракулы”, “Предсказания” и т. п., и в котором главный (и единственный) двигатель издания – спекуляция»⁸.

---

⁶ *СПм.* 1862. № 195. 7 сентября.

⁷ В сентябрьских и октябрьских номерах «Дня» русский ученый-славист А. Ф. Гильфердинг опубликовал большую статью «Судьба прежних славянских государств (по поводу тысячелетия России)» (см.: *День.* 1862. №№ 36-39, 41-42, 44-46).

⁸ *Эфиоров А.* Литература новгородского тысячелетия // *ОЗ.* 1862. №12. Современная хроника России. С. 195-196. Особое место уделено одной из таких «спекулятивных книжонок»: Тысячелетие России. Составил по официальным источникам барон Вячеслав Штейнгель. СПб., 1862.

Заметка эта примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, как отметил корреспондент, к юбилею вышел целый ворох низкопробной литературы⁹. Во-вторых, хроникер «Отечественных записок» явно преуменьшил размах столичных (да и новгородских) торжеств: он не упомянул ни о литургии, ни о военном параде, ни о грандиозной пушечной канонаде в Петропавловской крепости. Обыденность события подчеркивается упоминанием о торжествующих «мышкинцах», которые восприняли «тысячелетие» разве что в качестве повода для возлияний. Либеральный корреспондент не принял праздника: торжество не пробудило ни в нем, ни в сердцах россиян гражданских чувств.

Об этом же писал и далекий от либеральных настроений Ф. И. Тютчев. Он присутствовал на торжествах и описал собственные чувства так: «Празднество было очень хорошо. Единственно, чего недоставало мне, как и многим другим, это религиозного чувства прошлого; а только оно могло придать истинное значение этому празднеству. Тысячелетие не смотрело на нас с высоты памятника. У всех нас душа слишком усыплена, и ведает Бог, что нужно, чтобы пробудить ее»¹⁰.

Праздник состоялся в переломное время. 19 февраля 1861 г. было отменено крепостное право, – разрушился вековой уклад, определявший не только экономическое, но и политическое бытие России. «Распалась цепь великая, // Распалась, рассколочилась // Одним концом по барину, // Другим – по мужику» (Н. А. Некрасов). Как и во все «эпохи перемен», резко ухудшилась жизнь буквально всех сословий российского государства. Разрушилась помещичья усадьба, ушли те «дворянские гнезда», без которых невозможно

---

⁹ Настоящий сборник не отличается полнотой. В диссертации А. И. Буслаева «Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом», защищенной в Москве в 2010 году, приложен обширный список статей о новгородском празднике. См. также перечень статей о памятнике М. О. Микешина и новгородском празднике в библиографическом издании: Литература русской истории за 1859-1866 г. вкл.<учительно>. Составил В. И. Межов. Т. I. СПб., 1866. С. 60-63.

¹⁰ Цит. по: Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двенадцатая. СПб., 1905. С. 277.

представить культуру XVIII-XIX вв., стал разрушаться и привычный крестьянский быт. А с проведением следующих реформ (земской, городской, судебной, военной и пр.) пошатнулись и вековые политические установления.

Именно поэтому праздничное действо не всегда шло «гладко». Многие его участники выказывали свое недовольство в присутствии императора, а архивные материалы свидетельствуют о том, что правительство серьезно готовилось к предотвращению серии террористических актов. Поэт-сатирик Д. Д. Минаев шутил по поводу сообщения о жителях Мышкина:

«Увлечение россиян в этот день простиралось до того, что переходило даже границы здравого смысла, а за этой границей начинается, сколько мне известно, область самого высокого лиризма. Посмотрите, например, какие вести доносятся из провинции. “Ярославские губернские ведомости” говорят, что они получили письмо из Мышкина, в котором сообщают, что мышкинцы, празднуя день тысячелетия России, в пылу благородного чувства пили... *за здоровье тысячелетия*. Какой-нибудь завзятый метафизик увидит в этом нелепость на том основании, что «тысячелетие» есть только идея, а не какое-нибудь существо, или насекомое, за здоровье которого можно предлагать тосты, что такой тост так же возможен, как возможно предположение, что у тысячелетия расстроился желудок или сделался припадок лунатизма. Но кто ж станет делать такие риторические придирки, кто будет винить бессравненных мышкинцев (а такими мышкинцами наполнена вся Россия) за проявление их высокого лиризма?»¹¹. Поведение ярославских обывателей, не удосужившихся задуматься о том, по какому поводу они выпивают, по мнению Минаева, характеризовало настроение всей русской провинции.

Такой вывод несправедлив. В том же Новгороде к празднику были изданы две яркие книги, написанные педагогами гимназии И. Куприяновым и Н. Отто. Одна из них, «Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России», заложила целую традицию составления изданий, включающих в себя серию очерков о героях памятника. Другая, туристический справочник

---

¹¹ <Минаев Д. Д.> Заметки Дон-Кихота Петербургского // *Гудок*. 1862. №37. С. 27.

«Путеводитель по Новгороду и окрестностям», настолько остро показывала реалии новгородской жизни 1860-х гг., что смелость автора отмечалась в столичных изданиях. Иван Куприянов, автор последней книги, был известным исследователем новгородских древностей, и обличительный пафос его сочинения органично соседствовал с ярким рассказом об истории Новгорода.

Обостренная политическая атмосфера 1860-х годов наложила отпечаток и на оценку замечательного памятника Микешина. Многим современником он казался образчиком беспомощного подражания западным образцам, художественного безвкусыя и политической ангажированности. Наиболее спорной и обсуждаемой частью памятника Микешина стал его нижний ярус, где размещены изображения исторических личностей, составивших славу и гордость России.

«Память нации каждому крупному историческому персонажу стремится придать цельный, законченный облик. Памяти нации чужд протеизм. Она как бы ваяет своих героев»¹², – отмечал в одной из своих статей А. М. Панченко. Многим героям памятника по разным причинам не хватает этой «цельности», – поэтому и правомерность их появления на памятнике подвергалась сомнению. Почему на памятнике, посвященном России, появились «варяг» Рюрик, греки Кирилл и Мефодий, «литвины» Витовт и Кейстут – и представлены далеко не все русские цари, даже и из династии Романовых? Зачем здесь «бунтарская» фигура Марфы Посадницы?.. Почему бы не «вычеркнуть» из национальной памяти всяких неудобных» героев? По какому праву эти персонажи считаются гордостью России? И как понять основные художественные установки авторов монумента?

«В настоящем виде горельеф пьедестала памятника без сомнения составляет самую назидательную летопись в лицах проявлений таланта, ума и редких нравственных качеств за тысячный период существования государства, – писал исследователь, имя которого, к сожалению, осталось неизвестным. – За Иоанном III Анастасия, между Сильвестром и Адашевым, приводят на память блестящую эпоху Грозную. Далее старец

---

¹² *Панченко А. М.* Боярыня Морозова – символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой. М., 1991. С. 5.

Гермоген как бы из-за гроба указывает избрать на престол Михаила. Мудрый Алексей Михайлович внимает сановнику Нащокину. Петр Великий поник головою, слушая представление друга правды Долгорукова. Екатерине II подносит бунчук Крыма воин и политик, достойный исполнитель предначертаний великой государыни Потемкин. За северною Минервою «миротворец народов» Александр I изображен положившим на карту Европы свою шпагу с ветвью оливы. За ним Николай I принимает свод законов от графа Сперанского.

Драгоценное наследие от предков, церковь православная представляет в свою очередь целый сонм патриотов-пастырей. За Кириллом и Мефодием рисуется образ Равноапостольной Ольги и виднее определяет личность ее царственного внука, стоящего подле купели и последующего греческим святителем. Из купы печерских отшельников восстает блаженный летописец Нестор. Святитель Алексей, об руку с Сергием, в близком соседстве от ученого грека Максима. За ним соловецкие угодники, первые святители Казани, ревнитель православия Константин Острожский и суровый Никон, оставляющий в тени друга просвещения Ртищева. Составитель Чети-Миней Дмитрий Ростовский открывает ряд духовных витий ближайшего к нам времени, оканчивающийся на Иннокентии Таврическом. За духовными пастырями почитатель военной славы увидит лицом к лицу в обширном свитке героев почти всех отважных витязей наших от Святослава до Нахимова. Тут представлены смелые бойцы-патриоты удельного периода и Донской с Кейстутием. Между вождей Иоаннова времени посадница Марфа, Ермак подле Скопина-Шуйского, Пожарский с Мининым как оберегатели державы, и подле них же пожертвовавший жизнь за царя земледелец Сусанин. Соратники Петра и Миних подле Румянцева и Суворова. Вожди войны Отечественной и предводители к победам войск Николая I-го; наконец, герои-защитники Севастополя. В науке, литературе и искусствах, к нам так недавно пересаженных с западной почвы, даровитые деятели начинаются с Ломоносова. Державин и Фон Визин рядом с отцом русского театра, зодчий здания Академии художеств Кокоринов и дедушка Крылов подле Карамзина. Беседе

историографа с баснописцем внимает Жуковский и, в глубине, погруженный в думу, Лермонтов. Особо уединились Пушкин с Гоголем, а за ними беседует с Брюлловым Глинка-композитор. Их последняя группа оставляет в тени погруженного в духовную мелодию Бортнянского»¹³.

Автор приведенных выше строк сознательно оставил в стороне вопрос о заслугах того или иного персонажа памятника, уделив основное внимание их расположению. Летопись (в которой речь зачастую может идти не о самых главных событиях определенного времени) – точно определяет замысел Микешина, который хотел увековечить не отдельных деятелей, а *многовековую историю государства*. Об этом же писал в своих воспоминаниях и Петр Валуев: «Новгородский памятник составляет по основной идее исключение между всеми историческими памятниками. Он не воздвигнут в честь или воспоминание какого-нибудь отдельного события, или ряда событий, или лица, или многих лиц, участников того или тех событий, но свидетельствует *об историческом цикле, обнимающем и объединяющем целое тысячелетие*»¹⁴.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Поэтому, готовя к изданию тексты XIX в., составитель ориентировался на орфографические и пунктуационные нормы современного русского языка. Публикация материалов сопровождается комментарием, а комментарии – многочисленными примечаниями и точными указаниями на книги и статьи, откуда позаимствована соответствующая цитата. В издании такого рода они необходимы: не только для того, чтобы подтвердить, что составитель ничего не придумал, но и для того, чтобы помочь любознательному читателю самому расширить свои знания.

А. В. Кошелев

---

¹³ *Памятник тысячелетию*. С. 15, 16-18.

¹⁴ Наст. изд. С. 198. Курсив наш – *сост.*

Новгородский кремль. Фотография начала XX в.

О КОНКУРСЕ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЕКТА ПАМЯТНИКА ИМЕЮЩЕМУ СОВЕРШИТЬСЯ В 1862 ГОДУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Для увековечивания торжественным воздвижением народного памятника тысячелетия существования Государства Российского открыта, с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, повсеместная по Империи подписка для сбора добровольных на сей предмет денежных пожертвований от всех сословий. Ныне, по Высочайшему Государя Императора повелению, объявляется в России конкурс на сочинение проекта означенного памятника на изложенных ниже основаниях:

1) Памятник по наружному виду должен соответствовать историческому своему значению.

2) Он должен состоять предпочтительно из ваяльных изображений, соединенных изящными архитектурными сооружениями.

3) На памятнике имеют быть представлены отдельными изображениями шесть главных эпох истории русской:

Рюрик – основание государства Русского, 862 г. по Р.Х.

Владимир – введение христианства в России, 988.

Дмитрий Донской – начальное освобождение от ига татарского, 1380.

Иоанн III – основание единодержавия царства Русского, 1491.

Михаил Федорович – восстановление онога избранием на престол дома Романовых, 1613.

Петр Великий – преобразование России и основание Империи Российской, 1721;

а над ними, в преобладающем виде, изображение веры православной как главного основания нравственного возвеличения русского народа.

Впрочем, составители проекта могут и не стесняться сим указанием, лишь бы памятник выражал главную мысль сооружения онога – ознаменование постепенного, в течение тысячи лет, развития Государства Российского – чтобы соответствовал условиям нижеозначенным:

4) Проект на возведение памятника имеет быть сопровожден пояснительным онога описанием с указанием свойства и хода работ, для онога потребным. Засим по тому проекту, который будет избран для сооружения памятника, детальные чертежи, рисунки и смета должны быть представлены составителем проекта не позже, как через три месяца по востребовании.

5) Ценность памятника не должна превышать 500 000 руб. сер., и самый проект должен быть соображен с возможностью исполнения онога в два года, так, чтобы, согласно с Высочайшею Государя Императора волею, памятник мог быть открыт 26 августа 1862 года.

6) Срок для представления проекта определяется шестимесячный, т.е. к 1 ноября сего 1859 года.

7) Памятник назначено возвести в Новгороде, в Кремле, между Софийским собором и губернскими присутственными местами, на площади, имеющей до 6-ти квадр. саж.<еней>, но несколько неправильной, так что к одной стороне место, избранное для памятни-

ка, будет отстоять от ближайшего здания (угла дома митрополита) только на 20 саженей; с прочих же сторон вдвое и втрое более. Сообразно сему памятник должен бы быть в плане продолговатым, высотой же не превышать 8 сажен.

8) За тот из доставленных на конкурс проектов, который избран будет для постройки памятника, сочинителю назначается денежное вознаграждение в четыре тысячи рублей серебром, из коих две тысячи выдадутся ему вслед за избранием проекта, а остальные две тысячи – по представлении и одобрении детальных чертежей, рисунков и сметы. Второй по достоинству проект, из числа представленных к конкурсу, получает премию в тысячу руб. сер. Прочие все проекты возвращаются по принадлежности.

9) Все художники русские, или в России проживающие, приглашаются к участию в сем конкурсе: они могут доставить свои проекты в С. Петербург, на имя главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями не позже исхода октября-месяца; причем желающие сохранить имя свое в тайне могут обычным в сем случае порядком означить оное в отдельном запечатанном конверте с девизом, помещаемым и на проекте.

*ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ (СЫН)***КОНКУРС ПРОЕКТОВ ПАМЯТНИКА К ТЫСЯЧЕЛЕТНЕМУ
ЮБИЛЕЮ РУССКОЙ ИМПЕРИИ**

Мы, конечно, помним, что в мае была опубликована программа, объявляющая о начале конкурса на возведение памятника к тысячелетнему юбилею русской империи. – 26 августа 1862 года России исполнится тысяча лет. В 862 году начался ее исторический путь. Упомянем лишь самые значительные факты из длительной истории русского народа. Он пережил большие изменения: преодолел иностранные вторжения, впоследствии победоносно отраженные, религиозные реформы, общественные устройства, попытки организации олигархии и монархии. Собрались понемногу богатые и могучие материалы, из которых Петр Великий, повинувшись воле Провидения, прислушиваясь к своему гению, создал свое творение.

Программа конкурса способна охватить любой замысел. Это точка, вокруг которой свободно кружатся воображение и фантазия. Напомним, впрочем, его основные условия.

Внешний вид памятника должен соответствовать его предназначению. На нем должны быть ясно представлены шесть главных эпох России, а именно: 1. *Рюрик*, основание русской империи, 862; 2. *Владимир*, введение христианства, 988; 3. *Дмитрий Донской*, освобождение от татарского ига, 1380; 4. *Иван III*, первый царь-самодержец; 5. *Михаил Феодорович*, восшествие Романовых, 1613; 6. *Петр Великий*, возрождение России и основание русской империи.

Изображение православной веры должно располагаться сверху: под ее защитой Россия исполняет свое предназначение.

Этим ограничиваются художественные условия конкурса. Что касается материальных требований: сумма не должна превышать пятисот тысяч рублей серебром; памятник должен быть завершен через два года, чтобы была возможность открыть его 26 августа 1862 года. Располагаться он будет в Новгородском кремле.

Художникам, желающим поучаствовать в конкурсе, был предоставлен шестимесячный срок для подготовки проектов. Пять-

десять три работы были представлены на суд комиссии, несмотря на то, что отведенного времени для окончательной проработки идеи памятника вряд ли было достаточно. Необходимо отметить, что многие проекты были признаны неоригинальными как с точки зрения архитектурного и скульптурного искусства, так и общего замысла. По этой причине комиссия, составленная из совета Академии и шести делегатов из ведомства путей сообщения, должна была провести первичный отбор проектов и выделить шестнадцать проектов, достойных детального рассмотрения. На втором этапе состоялось голосование, в результате которого из шестнадцати проектов были выбраны три – г. Микешина и гг. академиков Ивана Горностаева и Антипова.

Опишем, прежде всего, насколько это возможно, проект г. Микешина. Он более всего заслуживает нашего внимания.

Из основания, состоящего из двух ярусов, появляется сфера, символизирующая императорский шар, *державу*. Наверху вера, представленная в виде креста на шаре. С одной стороны креста ангел, держащий Евангелие, с другой – святая дароносица. У их ног Россия преклонила колени. Ее рука поддерживает щит, украшенный имперским орлом, с датой: 1862. На площадке, расположенной у основания шара, разворачивается тысячелетний цикл России, – это корона, положенная временем на голову России. Здесь художник разместил деятелей, обозначенных в программе. Композиция, напоминающая круг, имеет два центра, в них воплощен дух древний и дух новый. Эти центры связывают различные сюжеты. С одной стороны Рюрик. Он предок России: желая показать это, художник преувеличил его возраст. Одну руку он положил на щит с датой 862, в другой, вытянутой руке – идол старой веры (*Баба*). Справа от него Владимир с крестом в руках. Люди вокруг него отбрасывают идолов и преклоняют колени перед знаком новой веры. Слева от Рюрика законодатель Ярослав. Сова, символ мудрости, покоится в его ногах.

Петр Великий образует центр другой, наиболее важной, центральной части монумента. Царь, в военном костюме, гордо стоит с высоко поднятой головой. Его левая рука расположена на сердце, правую руку со скипетром он вытянул вперед. Кажется, он повинуется божественному голосу. Его гений расправил над ним крылья.

Своей рукой, направленной в пространство, он показывает путь в будущее. В ногах Петра Великого умирает, сжимая сломанное знамя, шведский воин. Слева от группы Петра Великого художник поместил Дмитрия Донского, который ходил к татарским бунчукам. С другой стороны Иван III, основатель государства, держит знаки верховной власти, скипетр и державу. Между ним и Дмитрием расположены коленапоклоненные и присевшие фигуры, символизирующие различные народы, которые были присоединены к русской империи: крымский татарин, литвин, сибиряк, тевтонский рыцарь. Представленные завоевания России соединяют между собой различные группы, но не смешивают их. Каждая группа выражает особенное чувство, которое соотносится с главной идеей памятника.

Нижний уровень, или барельеф, в форме круга, заключает в себе изображения лиц, которые поясняют отдельный сюжет верхней части памятника. Внизу – шестиугольное основание, составленное из аркад, соединенных круглыми арками. Приземистые столбики, суженные посередине, в старовизантийском стиле, который подчеркнут формой пилястров, поддерживают аркады. В каждом из шести отделений, образованных столбиками, художник расположил другие барельефы, меньшего, чем на верхнем этаже, размера. На шести барельефах представлены сюжеты, взятые из истории русского народа. Изображения знаменитых людей помещены во фронтонах аркад.

По замыслу автора, фигуры, которые мы попытались описать, будут бронзовыми, шар будет выполнен из цельного куска сердобольского гранита, из гранита будет и основание памятника.

Что более всего поражает в монументе Микешина, так это выразительность и ясность фигур. Каждая из них представляет почти живую и понятную всякому зрителю страницу истории. Но наиболее интересной частью работы является, бесспорно, группа Петра Великого. Побуждаемый голосом свыше, царь, кажется, хочет оторваться от земли и продолжить свой путь в будущее, открытое перед ним. В нем истинное величие, но не спокойное, а пылкое, выражающее победителя и творца.

Нам представилась счастливая возможность оценить в деталях работу Микешина. Он не отсрочил неизбежного суда публики и сде-

лал глиняную модель своего монумента во всех деталях и со всеми фигурами.

Решение комиссии подтвердило высокую оценку судей, несмотря на то, что счастливому победителю необходимо было простить его юность и то, что он художник. Приступив к воплощению своего дерзкого замысла, он сделался архитектором и скульптором, показав, что истинный талант не замкнут в одной специальности: талант должен узнавать все необходимые способы для выражения своего замысла.

Назвав г. Микешина, мы не должны упустить г. Шредера, молодого скульптора, коротавшего ночи с художником, помогая тому выполнить модель проекта. Г. Шредер – ученик г. Пименова. Последний, между прочим, к сожалению, не стал участвовать в конкурсе. Не правда ли, это пример для всех мэтров?

Остается произнести несколько личных наблюдений о проекте г. Микешина. Нам кажется, что этому монументу, предназначенному к установке на открытом воздухе, на площади, не хватает правильных архитектурных линий, поэтому он, будучи открыт до основания, станет выглядеть несколько беспорядочно. Мы считаем также, что в нем слишком много выступающих частей: предположим, что они могут быть повреждены со временем. Древние, создавая такие конструкции, были обеспокоены их долговечностью и не совершали такой ошибки. Нас убеждают, кроме того, что суммы в 500 000 рублей и двухлетнего срока, назначенного для производства памятника, будет недостаточно. Смеем надеяться, что художественный вопрос возобладает над материальными препятствиями. Предлагают также в юбилейный день заложить первый камень, а затем неторопливо и старательно продолжить работу. Потрачено десять лет и миллион талеров на памятник Фридриху Великому в Берлине: монумент России требует, конечно, подобных материальных затрат и сроков строительства. Все так: эту проблему, в конце концов, может разрешить только августейшая благожелательность.

Три отобранных проекта, перед тем, как их представили на высочайшее одобрение, выдержали рассмотрение второй комиссии, составленной из архитекторов. Прежде всего, она подтвердила, что проект г. Микешина достоин первой премии в 4000 рублей. Кроме

того, второе место было разделено между вторым и третьим проектами. Комиссия предложила г. Микешину подвергнуть план следующим изменениям: уменьшить высоту и увеличить диаметр основания; оставить только один гранитный этаж, убрав аркады и оставив только ряд барельефов. Этот ряд было бы хорошо завершить узкой бронзовой полосой вокруг памятника, расположенной непосредственно над барельефами. Шар, который мы описали, будет не гранитным, а бронзовым: кажется, это позволит проще связать расположенные вокруг него фигуры. Сделать Рюрика более воинственным. Наконец, убрать две из четырех фигур, расположенных вокруг креста. Изменения коснулись главным образом основной части монумента. Они сгладят его выпуклые части, облегчат производство и значительно уменьшат расчетную сумму. Обсуждая последний вопрос, г. ректор Тон неожиданно поделился своим богатым опытом, указав г. Микешину на некоторые детали его конструкции. Быть объектом подобного разбора – большое счастье и истинная честь для молодого художника.

Проект академика Горностаева своей формой напоминает монумент Микешина. На вершине глобуса, обрезанного наполовину, возвышается колоссальная статуя России в военном одеянии. Она опирается на хоругвь, верх ее древка выполнен в форме креста. Шестиугольный цоколь выделен для барельефов, они иллюстрируют эпизоды, прописанные в программе. В углах разместили орлов, связанных между собой гирляндами.

Проект г. Монигетти той же полусферической формы. Он представляет собой округлое здание, излишне декорированное снаружи, с куполом, возвышающимся над статуей религии. Внутри этого своеобразного пантеона расположены группы и барельефы. Художник пожертвовал скульптурами по соображениям климата. Идея хорошая, но эффект в данном случае должен быть непосредственным: внешний вид памятника, а не его практичность, должен был прежде всего впечатлить организаторов конкурса.

Г. Антипов вдохновился новогреческим стилем мюнхенского монумента. Колонны с капителями, сделанные из мрамора, образуют полукруг; в центре его возвышается колоссальная статуя России. На мозаике круглой формы, обвивающей цоколь статуи, читаем сло-

ва: *Тысяча восемьсот шестьдесят два. Русские – России*. С двух сторон полукруга, выступая несколько вперед, располагаются две группы: с одной стороны Рюрик, с другой – Петр Великий. К внутренней стороне стены приложены барельефы, аллегорические фигуры опираются на нее снаружи. Наверху позолоченная крыша, окаймленная акротериями.

Четвертый проект, представленный лишь под девизом *Слава*, был задуман в византийском стиле. В углах основания, выполненного из серого гранита, возвышаются четыре пьедестала. На них стоят группы, изображающие принятие христианства, законы Ярослава, избавление от татарского ига и Ивана Грозного. Аллегорические фигуры, поясняющие смысл верхней части, расположены между пьедесталами. Пятый пьедестал, в форме усеченной восьмисторонней пирамиды, опущен в центр монумента. Расположенные там изображения религии и славы венчают работу. Поверхность монумента покрыта бронзой и яркой мозаикой. Этот богато украшенный проект не ускользнул от Его Величества. Он остался доволен его внешним видом и тем, как в проекте передано значение события, которому он посвящен.

Пятый проект выполнен в том же византийском стиле. Это башня с вечевым колоколом наверху, украшенная так же, как и предыдущий монумент. В целом башня напоминает продолговатые здания исторического музея.

Проекты, не получившие места по результатам конкурса, были полны новых и оригинальных идей, но все они грешили или чрезмерной простотой, или абсолютной *невыполнимостью*. Выскажу здесь точку зрения одного русского скульптора, отправленного во Флоренцию. Несмотря на свою приверженность к классическому стилю, он безоговорочно поддержал работу, занявшую четвертое место.

Таким образом, итоги конкурса более чем удовлетворительны. Конкурс показал, большим количеством присланных работ, что соревнование привлекло многих художников и разбудило таланты юные, сильные и глубоко оригинальные.

<В. В. Стасов>

ОДИН ИЗ ПРОЕКТОВ ДЛЯ ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ РОССИИ

Наконец, проекты для памятника тысячелетию России представлены в Академию художеств. Их всех было пятьдесят с чем-то. Разумеется, в этом числе встречаются образцы самых разнообразных фантазий, есть несколько программ хороших, есть большое количество плохих, есть даже забавные, но я не стану рассматривать их. Мне хочется дать вам понятие только об *одной* из числа всех пятидесяти программ, именно о той, которая всех больше нравится решительно всем, кто ее ни видел, и которую, мне кажется, по всем вероятностям, – если судить по слухам и по шуму, который она уже и теперь производит в публике, при самом появлении своем, – непременно выберут для выполнения.

Автор проекта, о котором мне приходится говорить, г. Микешин, молодой художник, получивший в прошлом году первую золотую медаль и, значит, право быть посланным от Академии художеств за границу. Он был до сих пор живописец, и нынешняя программа едва ли не первая попытка его по части скульптуры. Говорят, что теперь он решительно хочет оставить прежнее свое искусство и сделаться скульптором. Что ж, прекрасно: это будет служить доказательством многосторонности и богатства дарования г. Микешина. Но в настоящем случае дело не в том. Нам важно только убедиться: имеет ли г. Микешин и его программа те качества, которые нужны для создания памятника тысячелетия России?

Прежние работы этого молодого художника отвечают на этот вопрос *отрицательно*. В них виден был талант, живая натура, фантазия, огонь, чувство колорита, но все эти качества затемнялись проявлением такой наклонности, которая не обещала утешительных результатов для будущих созданий этого художника. Эта наклонность – наклонность к мелодраматизму, к французским эффектам, французской напыщенности чувства, мысли и формы, к театральности и преувеличению. Картины его были судорожным воплощением исступления, насилия, буйства, воплей; все люди, представленные на этих картинах, метались, кричали, дрались, находились в самых

напряженных положениях, все они были с неестественно-устремленными взглядами, конвульсивными руками и ногами. Одним словом, эти картины являлись каким-то запоздалым эхом литературной и художественной Франции 30-х годов, тогдашних романов и драм гг. Виктора Гюго и Александра Дюма. Вспоминая эти качества артистической натуры г. Микешина, мудро было ожидать, чтоб они могли помочь ему в создании произведения монументального, долженствующего выразить характер нашей страны и целого тысячелетия ее истории. И действительно, опыт доказал справедливость этого предположения.

Новое произведение г. Микешина (я видел вылепленную автором модель из глины и фотографии с нее) представляет то же самое направление, те же хорошие и дурные качества, которыми отличались прежние его произведения. Г. Микешин дает нам памятник самый французский, то есть памятник, который был бы, вероятно, очень удачен, как ловкая, бойкая (в большинстве частей своих) виньетка, но который лишен всякого монументального характера, всякой исторической серьезности и в мысли, и в форме. Неужели это и нужно для России?

Основною идеей всего монумента является что? – Держава, то есть шар, и над ним крест. Вокруг того и другого сгруппированы разные исторические и аллегорические фигуры. Спрашивается, почему же держава выражает именно Россию, или какой бы то ни было другой народ, другую страну? Держава есть только аллегорический атрибут правительственной власти, и ничего больше. Между тем, задача состояла здесь в выражении самой России посредством такой формы, которая выразила бы совокупность ее состава, сил и жизни. Следовательно, уже в самом корню идея художника была значительно не верна и неудовлетворительна. Над шаром видим крест, вокруг которого группа, состоящая из двух ангелов и коленопреклоненной женщины. Некоторые утверждают, что эта женщина – изображение России. Но что же это такое? Значит, Россия представлена тогда два раза: один раз в виде державного яблока, а другой раз в виде женщины, из которых последняя стоит на первом. И к чему ей придан вид будто бы кающейся грешницы? Ни история, ни логика этого не оправдывают. Но как бы то ни было, вся группа трех фигур

около креста на верху шара назначена изобразить религию, которой Россия (шар) служит подножием. Мне кажется, здесь опять заключается совершенно неверная идея: почему же Россия служит основанием религии, поддерживает ее? Это соединение, я уверен, чисто случайное на программе, и условлено необходимостью не оставить в уединении крест на верху державы и желанием закончить монумент чем-нибудь блестящим наверху, подобно тому, как риторические стихотворцы заканчивают стихотворение удакою сентенцией или фразой в виде ракеты. Правильное, не риторическое мышление потребовало бы расположения совершенно в обратном порядке: оно требовало бы представления, что религия поддерживает Россию, а не Россия религию, и это расположение удовлетворяло бы требованиям и логики, и истории. Программа же г. Микешина не удовлетворяет ни той, ни другой. Неприятнее же всего то, что вся держава, взятая во всей совокупности и выбранная за основание монументу, имеет какой-то характер *шарады* или *ребюса*, и сам автор до такой степени чувствовал этот главный недостаток своей программы, шарадность, допускающую множество разнообразных толкований, что вынужден был выставить на своем шаре крупными буквами надпись: *Держава Российская*. Обращаюсь ко всем и спрашиваю: до какой степени может льстить национальному чувству нашего и будущих поколений монумент тысячелетней жизни, имеющий преимущественно вид *шарады*?

Вокруг державы, и вплоть к ней, расставлены шесть колоссальных фигур, представляющих правителей России из шести главных периодов ее исторической жизни. Эти правители следующие: Рюрик, Владимир, Ярослав, Дмитрий Донской, Иоанн III, Петр Великий. Пусть наши историки решают: верно ли выбраны имена, помещены ли тут все нужные, нет ли лишних; этого я не стану разбирать, точно также как не разбираю, до какой степени мы должны основываться на полу-мифической цифре 862 года при определении подлинного времени, когда России минула тысяча лет, точно также как я не разбираю вопроса о необходимости отметить памятником и торжеством таковые тысячу лет. Все это вне моей задачи. Но зато я обращусь к самим фигурам. Нам говорят, что они должны выражать шесть главных эпох России, — очень хорошо. Но, расстановив их

вокруг своего главного центра *Российской Державы*, художник забыл самое важное: он забыл установить какое-нибудь отношение между «державой» и фигурами. Если «державка» центр всему сочинению, то к этому центру непременно должны стремиться все отдельные лучи, к нему должна нестись вся их сила, все их выражение. То ли находим в будущем памятнике?

Нисколько. Все шесть фигур стоят каждая сама по себе, спиной к «Российской Державе», как будто вовсе позабыв, что она у них за плечами, нисколько не заботясь ни о ней, ни об аллегории религии, которая красуется на вершине всей композиции. Не вынуждает ли у каждого подобная система сочинения невольный вопрос: почему же всем этим шести особам вовсе нет никакого дела до «Державы Российской», почему же они отворотились от «державы», почему они ограничиваются тем, что равнодушно стоят к ней спиной, точно греясь около какой-то печки или какого-то колоссального самовара? Казалось бы, должно было ожидать здесь совершенно другого рода сочинения, а именно, желательно было бы видеть воплощение теснейшей связи между «Российскою Державой», ее правителями, и тем ингредиентом, который здесь вовсе опущен, – русским народом. Чувство нынешнего и будущего зрителя требовало бы, чтобы на монументе тысячелетия России фигуры князей и царей нашей страны были обращены к России лицом, а не спиной. Хотелось бы видеть и чувствовать выражение их взаимных отношений, взаимного действия. Без этого, мне кажется, памятник тысячелетия России будет лишен не только исторического, но даже и просто всякого серьезного смысла.

Но оставим даже и это требование в стороне. Если принять общее сочинение проекта г. Микешина, как оно теперь есть, то и так нельзя быть довольным шестью статуями, расставленными вокруг «державы». Посмотрите, чем занят и кем окружен каждый из этих персонажей, и скажите, есть ли возможность не обвинять г. Микешина в отсутствии исторического чувства? Рюрик представлен у него каким-то ветхим норманнским воином, который удручен тяжестью лет и озабочен только остатками язычества, его окружающими. Зачем ему быть таким ветхим? Зачем давать ему вид какого-то несчастного нищего, одетого будто бы в чужую воинскую одеж-

ду? Этот Рюрик, я думаю, вышел бы очень хорошо на сцене театра *de la porte St.-Marten*, для роли одного из бургграфов Виктора Гюго; но из этого не выходит еще, чтоб он годился на наш монумент. Следует Владимир, креститель земли русской. У г. Микешина он поднимает в руке своей крест, – движение, известное по множеству академических программ, но, по крайней мере, около Владимира есть представители народа русского: миловидная крестьянка (правда, немножко гризетка) и мужичок преклоняются перед крестом. Они позами своими сильно отзываются академией, ну да нужды нет, по крайней мере тут хоть русский народ представлен; в остальных сюжетах его даже и на столько нет. Говорят, на пьедестале (которого еще нет ни на глиняной модели, ни на photographиях) должны быть помещены разные барельефы. Может быть, русскому народу там больше посчастливится, но во всяком случае место уже слишком второстепенное. Пойдем далее. Стоит Ярослав Мудрый и задумался над книгой законов, которую сочиняет: у ног его лежат книги. Русских опять нет. Но удовлетворительно ли такое представление, оставив даже в стороне русских? *Законодатель не художник, не поэт*, читали мы все недавно в одной превосходной статье; законы не выдумываются из головы, не создаются воображением и фантазией, а списываются с живой действительности и ее потребностей, – и таким образом велика была ошибка изображать Ярослава так, как прилично было бы представить фантазирующего художника – Байрона или Бетговена. Фантазирующим и думающим над записною книгой не следует представлять законодателя точно так же, как и естествоиспытателя. Мотив статуи должен быть выбран совсем другой, и верно то, что присутствие русского народа ничему бы тут не мешало. Стоит далее Димитрий Донской – около него русских нет, – стоит Иоанн III – опять русских вокруг него нет, – стоит Петр Великий – опять то же. Все они заняты у г. Микешина единственно победами, около них видишь только покоренные народы: у ног их лежат там татарин, здесь литвин, там сибиряк, здесь ливонский рыцарь, швед; неужели же царствования эти всего дороже для русского своими кровавыми трофеями? Правда, позади Петра Великого летит еще гений и указывает ему протянутым перстом путь вперед. Но нельзя поблагодарить г. Микешина за эту аллегорю, потому что,

во-первых, аллегии вообще ужасно холодны и скучны в наше время, больше чем когда-нибудь; во-вторых, до крайности неловко соединять на одном и том же монументе, чуть не на нескольких вершках расстояния, христианских ангелов и языческого гения, это слишком отзывается академическим вкусом *рококо* XVIII века, а, в-третьих, здесь опять-таки выходит, что гений, показав «Российской Державе» тыл свой, учит Петра Великого устремиться куда-то вдаль, в неизвестное безвоздушное пространство. Сравните с этой мало-удачною мыслью мысль Фальконета на монументе того же самого великого человека нашего, – какая разница!

То, что я до сих пор сказал здесь, относится, правда, только до сочинения, но разве оно не важнее всего в каждом художественном произведении? Исполнение, хотя бы самое высокое со стороны художественности, есть только форма, которая может быть изящна и талантлива, но, несмотря на то, все-таки будет мало значить, если самый корень, если самый скелет, если самая душа произведения ложна и ошибочна.

Но обратимся даже и к форме, к телу, которое воплощает идея г. Микешина, – что мы найдем? Опять-таки преобладание французского элемента, французского настроения, французского склада. Стоило бы снять с этих фигур наши древние кафтаны, шапки, бармы, кресты, мечи, заменить все это французским историческим гардеробом и подробностями, и французская группа и фигуры были бы готовы для *Иллюстрации* или для магазина статуэток. Все для внешности и все внешностью, все декорация, все театральный эффект – вот девиз этого рода произведений. Посмотрите на дряхлого, опустившегося Рюрика, на Димитрия Донского, вычурно-влагающего меч в ножны, на Петра Великого, балетно-выступающего вперед – разве это не французы с французской мелодраматической сцены? То ли ожидали мы увидеть, смотря на монумент, где нам должны быть представлены лучшие, глубочайшие и серьезные личности нашей истории? Что же касается до ангелов наверху монумента, то они, по-моему, всего менее удовлетворительны: они чересчур отзываются опять-таки вкусом *рококо*, слишком напоминают летающие фигуры подобного рода, которыми наполнены были иезуитские церкви XVIII века. Те же героические

движения, та же поднятая рука с чашей (и что за чаша, к чему она? здесь дело вовсе не идет ни о тосте, ни о застольной песне), то же отсутствие всякого значения и выражения. Неужели наш век, имея перед глазами произведения всех веков и всех народов, не в состоянии выбрать для ангелов никаких лучших форм, кроме академических форм XVII столетия, а для исторических личностей никаких других форм, кроме форм французских иллюстраций и статуэток?

Наконец, пьедестал под державой такой неуклюжий и долговзый, что в общем пропадает для глаза и то хорошее, что есть в группах около державы.

Какое же из всего сказанного заключение? – спросят меня. – Неужели у г. Микешина нет таланта? Неужели должно сожалеть, что он сочинил этот памятник? Неужели этот памятник такая вещь, на которую не должно обращать никакого внимания? Неужели, наконец, проект г. Микешина не должен быть приведен в исполнение на основании каких-то исторических, научных и общеэстетических соображений, между тем как он прекрасен, если его взять чисто как художественное произведение, если в нем есть и красота, и сила, и свежесть, и выражение, и мастерство, и искусство? Одни эти качества составляют *все* в художественном произведении, и, только основываясь на том, есть оно или нет в проекте, следует решать: должен ли быть построен памятник тысячелетия России по мысли г. Микешина, или нет?

На эти вопросы вот мои ответы: невозможно не видеть в г. Микешине художника с талантом, а в нынешнем его произведении доказательство живой фантазии, поэтического чувства и всего более – стремления к живописности и новизне. Однако же и с чистохудожественной стороны это произведение далеко неудовлетворительное, далеко не такое поразительно-громадное, которое заставило бы забыть и простить частные ошибки. Быть может, хорошие качества, которыми обладает этот молодой художник, поведут его когда-нибудь к созданию произведений замечательных, а может быть этого и никогда не случится, если он не сумеет избавиться от мелодраматичности и фривольного французского направления, если он будет продолжать искать в искусстве одного только средства для воплощения более или менее эффектных *внешностей*: потому что в

таким случае он во всю жизнь свою не найдет уже настоящей дороги к истинному искусству. Но оба эти вопроса не принадлежат к нынешнему моему рассмотрению. Мы все обязаны следить с любовью и симпатией за попытками возникающего таланта, но дело здесь не в том. Дело заключается единственно в том, можно ли и должно ставить тысячелетию России тот памятник, который предлагает г. Микешин?

На это я отвечаю: нет, не может и не должен быть поставлен тысячелетию России такой памятник.

Для памятника нашего нужны не попытки, хотя бы и в тысячу раз более *живописные* и *новые* (это, кажется, постоянный и главный аргумент всех тех, кому нравится проект г. Микешина). «Новость» и «живописность» такие качества, которых здесь еще слишком мало, да они, пожалуй, и пропадут через несколько времени: необходимы для монумента качества более прочные, более глубокие, а главное, более надежные для того, чтобы выдержать суд всего будущего времени. Какой ответ дадут «новость» и «живописность» на том суде, к которому потомство призовет нас всех нынешних, когда станет рассматривать памятник, поставленный нашим временем целому тысячелетию нашей истории? Виньетки должны будут замолчать на этом суде. Нет, не попытки фантазирующего, хотя бы и талантливое художника, нужны для народного памятника. Нужны здесь: зрелый ум, глубокая и верная мысль, талант и искусство, не ощупью идущие и спотыкающиеся, а создающие верно, привычною рукой. Должен ставить народный монумент не тот, чья программа вышла лучше или интереснее на конкурсе нескольких случайных охотников, а кто способен воплотить мысль и чувство всего своего народа. Если нынче ни один наш художник не в состоянии произвести памятник с более-высоким и глубоким содержанием, с более-художественными формами, чем шарада-виньетка г. Микешина, то лучше вовсе не ставить памятника или подождать лучшего времени, когда у нас будут такие таланты, которые, создавая памятник, не постыдят ни себя, ни нас, своих современников. Торопиться некуда, да и к чему?

Нынче уже невозможно удовлетворяться, как во многие прежние эпохи искусства, одною наружною стороною художествен-

---

ного произведения. Что позволительно было прежде, не может более быть терпимо нынче, и такой памятник, как предлагаемый г. Микешиним, *не должен* быть поставлен. Художество, лишенное глубокого и истинного корня своего, правильной и здоровой мысли, способно производить только более или менее изящные игрушки, а навряд ли кто из всех русских найдет хорошим, чтобы такую праздную и ненужную игрушкой был тот памятник, который назначен свидетельствовать на веки-веков о том, какое в наше время было понимание всей прошедшей нашей жизни и состояние искусства, признанного воплощать это понимание.

М. О. МИКЕШИН

**ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»**

Позвольте надеяться, что вы не откажете мне поместить в фельетоне «Санкт-Петербургских ведомостей» коротенький ответ на критические замечания г. О касательно памятника тысячелетия России.

В 22 № «Русского вестника» г. О говорит в начале своей статьи: «Мне хочется дать вам понятие только об одной из числа всех пятидесяти программ, именно о той, *которая всех более нравится решительно всем, кто только ее видел*» и проч.

Затем немедленно следуют порицания, в которых г. О доказывает, что проект памятника ни по идее своей, ни по исполнению не заслуживает никакого внимания.

Значит, общественное мнение людей сведущих, и притом – говоря его словами – *решительно всех*, он ставит ни во что, предпочитая ему свой исключительный, индивидуальный взгляд. Я полагаю, что в наше время подобную смелость можно отнести почти к сказочным подвигам героя, для которого ничего не значит вступить на арену и в лицо публики сказать зычным голосом: Гг., я выше вас, и знаю больше вас, да и умнее во сто крат, а потому и имею полное право не уважать ваших мнений. Но так можно шутить только в приятельской беседе, а говорить серьезно и печатным образом – значит рисковать собственным достоинством. Далее в доказательствах своих г. О окончательно теряет такт, путается в фразеологии и, к несчастью, доказывает только то, что ни истории, ни значения ее, ни выражения самого памятника он не понимает. «Памятник, – говорит он, – должен выразить характер нашей страны и целого тысячелетия ее истории, а этот проект не более как виньетка, лишенная всякого монументального характера и всякой исторической серьезности и в мысли, и в форме».

Не ясно ли, что это только слова и фразы? Что он понимает под характером страны? Если это выражение нашей национальности, то пусть г. О попробует придумать, какую фигурую и в какой позе следовало бы представить народный характер? Ведь это невыполнимая

претензия, зачем же и говорить о невозможном. Потом – характер тысячелетия истории. Опять тот же камень. Задача, неразрешимая для искусства, не говоря уже о том, что народное развитие есть бесконечный, едва заметный и чрезвычайно медленный процесс, а не момент, удобный для олицетворения в какой-нибудь группе. Если же г. О намекает в своем замечании на главнейшие исторические события, то всякое важное событие имело у нас и своего представителя в своем монархе, за исключением 1612 года. Вот почему и в программе правительства, которую г. О или не читал вовсе, или забыл совершенно, определены не только имена, но и число представительных особ, соответственно главнейшим эпохам. Что же касается до сходства моего проекта с виньеткою и до отсутствия в нем монументального характера и исторической серьезности, мысли и формы, то пора бы, кажется, ему, сознавая нашу рутину, не связывать с идеею памятника понятие о чем-то непременно массивном, тяжелом и мрачном. Г-ну О, как видно, очень не нравится все французское. Уж не потому ли, что первый печатный и благосклонный отзыв о проекте памятника был высказан в петербургской газете французом, г. Готье. Все французское г. О вообще находит слишком легким, эффектным, надутым и театральным, не признавая, таким образом, за французами ни малейшей способности к воспроизведению серьезных предметов. В то же время он указывает на памятник Петра Великого как на образец монументального совершенства. Г. О, вероятно, не рассчитывал попасть так внезапно в собственную яму, или, может быть, он не знает, что Фальконет, создавший этот замечательный памятник, был истый француз.

«Основною идеею памятника, – говорит г. О, – есть держава». «Зачем держава? – продолжает он, – разве держава может выражать Россию или какой бы то ни было другой народ, другую страну? Держава есть аллегорический атрибут правительственной власти, и больше ничего. Между тем задача состоит в том, чтобы, в выражении России посредством формы, представить совокупность ее состава, сил и жизни».

Опять слова и фразы, и опять наткнулся на собственную шпору. Да ведь атрибуты не побрякушки же какие-нибудь, а главное не символ власти, а эмблема государства. Неужели г. О и этого еще не

знает? Скипетр есть атрибут власти; побрякушками же собственно называются слова, не имеющие, в известной фразе, смысла, как, например, *состав, сила и жизнь*. В какой форме России можно представить состав ее, силу и жизнь? Ну можно ли добиться какого-либо толку от подобной претензии. Сначала, особенно когда не вслушиваешься внимательно, фразы г. О действительно кажутся довольно-звучными и довольно-сильными, а местами так и красноречивыми; но одну каплю внимания – и все превращается в поток злословия, основанного на самых ложных и неразумных требованиях.

Я не знаю, продолжать ли мне далее эту скучную выписку. Несколько страниц, до самого конца, выдерживают у него один характер, т.е. довольно-резкий тон, желчное настроение и постоянный недостаток некоторой основательности. Вот, для доказательства, еще несколько странных замечаний, ясно обличающих в своем авторе сильнейшее отвращение к логике.

«Зачем, – говорит он, – эмблема веры поставлена сверху над державою, т.е. над Россиею? Это показывает, что будто Россия поддерживает веру, между тем как следовало бы сделать наоборот, т.е. державу поместить над эмблемой веры».

Можно даже посоветовать поместить эту эмблему и внутри самого шара и подвести столь же глубокие толкования. Далее: «Зачем фигуры стоят к державе задом, *точно греясь около самой печки или какого-то колоссального самовара?* Чувства нынешнего и будущего зрителя требовали бы, чтобы на монументе тысячелетия России фигуры князей и царей нашей страны были обращены к России (т.е. к державе) лицом, а не спиною». Опять промах. – Одним словом, что шаг – то яма. Да ведь не прячьтесь вы, г. О, за этот арифметический знак ничтожества, вам было бы очень неловко. Поставить фигуры к зрителям спиною! Bravo! лучше этого вы уж – надеюсь – ничего не придумаете. Должно быть из-за О, под которым неизвестно, что можно подозревать – букву ли, цифру ли, имя, фамилию, или просто ничего, очень удобно метать камень и в здравый смысл, и в общественное мнение, и во что хотите, не подвергая себя никакой ответственности. Каково чувство-то нынешнего зрителя, за которого так хлопочет г. О! Напрасно, однако ж, он беспоко-

ится о будущих: им, может быть, и не придет такая забавная идея в голову.

Между прочим, г. О сетует, зачем у каждой фигуры я не поставил по несколько мужичков – что выражало бы, по его мнению, русскую национальность. Час от часу не легче. Ведь стыдно даже оспаривать такое наивное мнение. Недоумеваешь, как могут подобные мысли появляться в критической статье под формою серьезного требования.

В заключение своей статьи г. О, называя проект памятника шарადой-виньеткой, советует вовсе не принимать его, а подождать лучше времени, когда у нас будут такие таланты, которые, созидавая памятник, не постыдят ни себя, ни нас, своих современников.

Пока еще потомкам нашим придется краснеть за свой выбор, г. О уже стыдит современников презрением своим к их общественному мнению, теряя, таким образом, взаимно права свои на их уважение. Я не отвергаю достоинств оппозиции: при свободе мнений уясняется правда; но одному порицать мнение всех – это, я думаю, едва ли можно назвать оппозициею. Нет спору, что в проекте моем должны быть недостатки – общему закону для всех произведений человека, вследствие собственного несовершенства – и потому недостатки эти, указанные уже комиссиею, подлежат исправлению и некоторым незначительным переделкам.

Очень естественно, что выполнение такой громадной программы, как памятник тысячелетию России, не могло быть отчетливо окончено в такой короткий срок и не могло обойтись без ошибок. Каждая фигура, каждая поза, каждая складка требовали серьезного обдумывания и проверки как историческою, так и художественною критикою. Принимая все это во внимание, комиссия дала мне время исполнить ее замечания и поправить неизбежные пропуски. Здесь, кстати, считаю не лишним прибавить, вместо ответа на все другие замечания г. О, что в барельефах будут помещены все важнейшие события из нашей истории, а притом и народные костюмы, и национальные типы, и даже племенной состав самого государства.

Для меня, конечно, в высшей степени лестны одобрения особ, пользующихся в свете авторитетом людей сведущих и известных; но, тем не менее, я всегда готов принять с благодарностью всякое

дельное замечание, без различия лиц, которым не премину воспользоваться. Желательно только, чтобы эти замечания не были пересолены и без особенной горечи, отзывающейся желчью – чего никак нельзя сказать о замечаниях г. О. Очень сожалею, что не могу ими воспользоваться, потому что не в натуре человека быть собственным врагом, при полном сознании своего нормального состояния.

<В. В. Стасов>

ЕЩЕ ДВА СЛОВА О ПРОЕКТЕ ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ РОССИИ

Г. Микешин отвечал в № 28 *С.-Петербургских Ведомостей* на мои замечания о проекте монумента тысячелетию России, напечатанные в № 23 *Русского Вестника* за прошлый год. В этом ответе всего существеннее, а вместе с тем всего горестнее, объявление г. Микешина, что он проект свой *будет* приводить в исполнение, и притом почти без всяких изменений. Мы узнаем об этом из тех строк статьи, где г. Микешин объясняет нам превосходство своего произведения. «Нет спору, – говорит он, – что в проекте моем должны быть недостатки – по общему закону для всех произведений человека, вследствие собственного несовершенства – и потому недостатки эти, указанные уже мне, подлежат исправлению и *некоторым незначительным переделкам*». Итак, дело уже кончено: г. Микешин построит свой монумент, и никакие доводы не спасут нас от него. Есть с чем поздравить современников и потомство! Тысячелетняя жизнь России будет воспроизведена на память будущим поколениям посредством скульптурной игрушки, которой настоящее место где-нибудь между куколок и *chinoiserie*^{*}, но которую выполняют из гранита и меди!

Этот факт столько важен, что, казалось бы, после него собственно нечего более отвечать г. Микешину. Действительно, к чему доказательства, когда они ничего не остановят, ничего не переменяют? Удивительно: как, интересно узнать, что г. Микешин снисходит на кое-какие «незначительные перемены», если дело состоит в том, что вся основная мысль, все осуществление ее, все формы не годятся для такого важного дела, как исторический памятник. Ведь это похоже на то, как если бы человеку доказывали, что дом его никуда не годен, и неудобен, и неэкономичен, пожалуй, даже вреден и скоро повалится, а он отвечал бы: нет, он будет очень хорош, вот я его поштукатурю и крышу выкрашу заново. Чрезвычайно также интересно узнать, что г. Микешин обещается принимать (с благодарностию NB) всякое

---

* китайская фарфоровая безделушка (*франц.*).

дельное замечание, без различия лиц, и тут же прибавляет свои особенные условия: замечания должны быть «без особенной горечи и желчи, не должны быть пересолены (пересоленные замечания?!); должны быть без резкости» и т.д. Но ведь эти условия до бесконечности эластичны: постарайся, так найдешь враждебные г. Микешину качества в какой угодно критике, в каком угодно замечании, и тогда прощай, критика, прощай, замечания, будьте вы хоть самые резонные, самые основательные!

Таким образом, после объявления г. Микешина об исполнении его проекта, и притом только «с некоторыми незначительными переделками», ничего другого не остается, как замолчать, бросить дальнейшее анатомирование проекта и предоставить его собственной его судьбе.

Я так и сделаю, но все-таки прибавлю здесь к прежнему моему обзору проекта г. Микешина – небольшой обзор мыслей, который г. Микешин изложил теперь по поводу будущего своего памятника. Я думаю, это дело хорошее и нужное, потому что «мысли» послужат иллюстрацией «программе», а «программа» «мыслям», и таким образом друг друга объяснят и пополнят. Мы прежде познакомились с г. Микешиним-художником, теперь познакомимся с г. Микешиним-мыслителем. После того понятие о произведении и его авторе будет уже полное.

Мне очень жаль, что я принужден повторять здесь сущность прежних моих замечаний, но этого избежать невозможно.

Я обвинял проект г. Микешина в том, что он нисколько не выражает ни характера нашей страны, ни тысячелетия ее истории, а он в ответ предлагает мне «попробовать придумать, какую фигурую и в какой позе следовало бы представить наш народный характер». Тут же он прибавляет, что если представление народного характера в одной фигуре невыполнимая претензия для искусства, представление характера тысячелетия посредством группы тоже задача, неразрешимая для искусства, потому что «народное развитие есть бесконечный медленный процесс». Зачем же, спрошу я, должен я выдумывать *фигуру народною характера*, или *группу тысячелетнего развития*? Признаюсь, мне нет ни малейшей охоты выполнять заказ г. Микешина, нет никакого дела ни до фигур, ни до групп, я об них и

не говорил, но полагаю, что художник, взявшийся ставить монумент народу, не может несчастнее отрекомендовать себя, как печатно объявив, что он не умеет ни представить народного характера, ни выразить тысячелетия истории иначе, как посредством какого-то шара с фигурами, около него приткнутыми, и что это действительно так не для него одного, но вообще для всего искусства.

Я говорил, что монумент тысячелетию России должен быть народный, русский, а не французский. Г. Микешин отвечает, что, вероятно, я так думаю потому, что «первый печатный и благосклонный отзыв о проекте памятника был высказан французом г. Готье», а также, что и у французов есть способность к воспроизведению серьезных предметов.

Я говорил, что будущий монумент г. Микешина лишен всякого характера монументальности и похож на пустую игрушку, а он отвечает, что «с идеей памятника пора уже не связывать понятия о чем-то непременно массивном, тяжелом и мрачном».

Я говорил, что аллегии вообще и холодны, и скучны, и темны, и ничего не выражают, в особенности же мало выражает аллегорический шар г. Микешина, так что если отнять у него надпись, то никто даже не догадается, что такое хотел им сказать автор, а он мне отвечает, что атрибуты не побрякушки.

Я утверждал, что если даже, наконец, допускать аллегии, то все-таки на монументе тысячелетию России должно быть представлено, что вера поддерживает Россию, а не Россия веру, – г. Микешин отвечает чрезвычайно едко, что, пожалуй, можно советовать поместить эмблему веры даже и внутри того шара, который он придумал для своего проекта.

Я утверждал также, что на будущем памятнике *непременно* должно быть выражено – так как ничего важнее этого нет в истории – взаимное отношение правителей и народа, и что этого не выполнил, да и не в состоянии выполнить проект г. Микешина, коль скоро ему постоянно и во всем мешает нескладный шар, втиснутый в самое сердце композиции, и мешает до такой степени, что расставленные вокруг фигуры правителей стоят совершенно праздно, задом к державе, точно греясь около печки или какого-то большущего самовара, – а г. Микешин радостно восклицает: «Поставить фигуры к

зрителям спиной! Bravo! лучше этого вы уже ничего не придумаете».

Еще я принужден был заметить г. Микешину, что вовсе не видеть у него народа на монументе, а только и есть, что побежденные литвины, да татары, да шведы, распростертые у ног наших государей: точно будто русские князья, цари и императоры, в продолжение целых тысячи лет, были не что другое, как военные генералы, и ничем другим не занимались, кроме отнятия чужих земель и побивания людей на полях сражения. Мне хотелось хоть несколько обратить г. Микешина к истории, для того, чтобы на страницах ее он нашел и другие подвиги наших правителей, не военного, а государственного содержания: мне казалось, что на памятнике тысячелетию много места (и самого главного) должны занять фигуры, выражающие русский народ. Что ж отвечает г. Микешин на все это? Он отвечает, что я сетую, зачем у каждой фигуры правителя он не поставил по несколько мужичков, выражающих, по моему мнению, национальность, и что ему стыдно даже оспаривать такое наивное мнение. «Впрочем, – прибавляет он, – на барельефах будут помещены все важнейшие события из нашей истории, а притом и народные костюмы, и национальные типы, и даже племенной состав самого государства». Итак, г. Микешин все-таки продолжает не понимать, что главному лицу должно принадлежать и главное место, а не последнее, где-нибудь по углам, из милосердия и на придачу; но зато г. Микешин угощает нас интереснейшим и курьезнейшим сопоставлением: «исторические события, костюм» и т.д. Ведь это равняется такому перечислению: освобождение Москвы, панталоны, туфли и проч.

Наконец, у меня был общий вывод, что памятник г. Микешина ни за что на свете не должен быть выполнен, и что если бы действительно у нас теперь не было художников, которые были бы в состоянии достойным образом выполнить задачу памятника тысячелетию России (а в таком недостатке я сильно сомневаюсь), то лучше подождать до тех пор, пока у нас будут такие таланты, которые не постыдят ни себя, ни нашего времени. В ответ на это г. Микешин старается испугать меня; а именно, он грозит, что я потеряю права на уважение публики, потому что я презираю общественное мнение

моих современников и зычным голосом говорю на арене публике в лицо: г., я выше вас и знаю больше вас, да и умнее во сто крат, а потому и имею полное право не уважать ваших мнений.

Вот и все ответы г. Микешина. На всё остальное в моей статье г. Микешин не удостоивает дать даже и таких ответов. А хотелось бы узнать многое, хоть, например, то, как он защитит отсутствие на своем проекте истинно-художественных форм, которым наше столетие обязано всею прошедшею историей искусства, которую оно почитает, и замену их антихудожественными формами *рококо*, т. е. формами времени упадка искусства, годными разве только для украшения будуаров и буфетов?

Однако же сведем счеты, перечтем все выводы г. Микешина. Они столько же успокоительны, сколько и интересны. Мы узнаем: 1) что мысль проекта превосходна, как в общем, так и в частях; какие были несовершенства («незначительные», разумеется), и те все исправлены посредством серьезного обдумывания и проверки историческою и художественною критикой, так что теперь налицо осталось только одно зрелое и обдуманное; 2) мои замечания все опрокинуты (те самые замечания, на которые стыдно отвечать, или которые обличили во мне сильнейшее отвращение к логике, непонимание истории и выражения памятника); 3) сам «француз г. Готье» напечатал благосклонный отзыв о проекте, — чего еще остается ожидать лучшего для проекта? Кажется, нечего (сам г. Готье!) Результаты проекта и статья решительно великолепные и, конечно, должны покориť сердца и умы всех. Должны; однако же не покоряют, и именно я принужден сказать это хоть про себя.

Моя беда вся в том заключается, что мне кажется, будто г. Микешин лишен двух важных качеств истинного таланта: способности здраво и светло думать и способности к истинной красоте формы. Затем мне кажется, что г. Микешин вовсе не так далек от той рутины, на которую нападает. Я бы спросил: эти скучные гении, эти несносные аллегории, эти несчастные статисты — побежденные народы, а, всего более, эта нескладная шарада в виде шара, — что же это все, как не старая-старая рутина времен самых париковских?

Если я вторым уже разом обращаюсь к проекту г. Микешина, то это единственно вследствие глубокого убеждения, что рассматри-

вать проект памятника тысячелетию России должно *непрерывно*, и со всею строгостью, со всею внимательностью, к какой только можешь быть способен. Памятник этот – не безделица; он совсем не то, что всякий другой монумент или вообще всякое другое художественное произведение. Это ведь не то, что картинка, нарисованная приятелю в альбом и представляющая испанку в плаще или какую-нибудь исковерканную сцену истории, или какой-нибудь лихой пейзаж. Я, пожалуй, посмеюсь над такою картинкой, но тут же и забуду ее. Это также совсем не то, что какие бы то ни было нелепые картины, скульптуры или постройки; – я пожалею о них или позабавлюсь над ними, но все-таки останусь при убеждении, что слишком тужить о них нечего, потому что если хочу, то могу никогда больше не видеть их, имею возможность забыть их и смотреть только на то, что истинно прекрасно, где веет настоящим и здоровым искусством. С народным историческим памятником совсем другое дело. Тут уже не до смеха и не до забавы. Его не позабудишь, его не выбросишь из головы, не обезжишь ту площадь, на которой его поставят. Такой памятник ставится для всех нынешних и будущих людей; в нем должна воплотиться важная и глубокая, а главное – справедливая мысль; его ставят на то, чтобы на него смотрели все глаза, чтобы к нему обращались все чувства. Тут уж мудроено остаться равнодушным; всякий заговорит во весь голос, постарается высказать то, что столпилось в голове при рассматривании проекта, при чтении статьи, защищающей проект.

Г. Микешин обвиняет статью мою в резкости, желчности, горечи – я не думаю, чтоб это обвинение было справедливо. Я этих чувств к автору проекта вовсе не имею; даже не имею чести знать его. Но допустим, что эти качества и находились бы в моей статье; я могу отвечать только: всякий пишет, как может и как умеет. Внимание же должно обращать на сущность дела, о котором идет речь, а не на то, как кто пишет свои статьи.

Таким образом, основываясь именно на последнем убеждении, я никак не могу взять в толк, зачем г. Микешину нужно мое имя? Неужели памятник делается лучше, если автор его узнает, что меня зовут Сидором или Карпом? Г. Микешина затрудняет вопрос: что такое выражает моя подпись: букву ли, цифру ли, имя, фамилию,

---

или просто знак ничтожества? Положим, что она выражает знак ничтожества, нуль; что ж он через это выиграет для себя, а главное – для монумента? Я не знаю такого закона необходимости, логики или приличия, который требовал бы непременно подписи фамилии под критическими статьями. Этого никогда нигде не было, да, вероятно, и не будет. Г. Микешин может быть уверен: что бы ни стояло под его нынешнею статьей, имя ли, которое с особенным чувством будет, конечно, повторять всякий, кто посмотрит на его памятник, или же буква, цифра, – я по прочтении этой статьи все-таки не перестану сожалеть о том, что г. Микешин будет выполнять свой проект не для дамской этажерки.

Е. П. Карнович

О ПАМЯТНИКЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

После долгих сомнений касательно точности летоисчисления, принятого нашим первым бытописателем, Нестором, 862 год был признан официально годом основания Государства Российского. Естественным событием такого окончательного определения одного из важнейших фактов в нашей отечественной истории было то, что в 1862 году должно совершиться тысячелетие со времени основания русского государства.

Очень понятно, что русский народ, живший в течение этих десяти веков и под удельной неурядицей, и под игом монгольским, и под московским единовластием, и, наконец, создавший с лишком шестидесятимиллионную империю, имеет весьма много исторических данных для того, чтобы увековечить воспоминания о своей миновавшей судьбе – если (из скромности) не в свою собственную силу, то, по крайней мере, в память и в назидание потомству.

Впрочем, надо сказать, что мысль о сооружении памятника тысячелетию Государства Российского зародилась не в самом народе, который, как известно, мало знаком, или, лучше сказать, вовсе не знаком с отжитыми судьбами своей родины.

Таким образом, в мае 1859 года в русских периодических изданиях явилась конкурсная программа на составление проекта для такого памятника. Сущность этой программы, изданной от Главного управления путей сообщения, обуславливалась следующими основными требованиями, именно: во-первых, чтобы памятник напоминал ясно о шести эпохах русской истории, признанных главными в упомянутой программе, то есть о Рюрике, как об основании государства в 862 г., о Владимире, как о введении христианства, 988 г.; о Дмитрии Донском, как об освобождении России от ига монгольского, 1380 г.; об Иване III, как о первом единомыслителе русском государе; о Михаиле Феодоровиче, как о вступлении на престол дома Романовых, 1613 г.; и о Петре Великом, как о преобразовании России в империю. Во-вторых, чтобы ценность памятника не превышала 500 000 руб. Упомянутые главные эпохи в русской истории, слитые в программе с главными личностями, должны были быть пред-

ставлены отдельными ваятельными изображениями, а над ними, в преобладающем виде, следовало поместить изображение веры православной как главного основания нравственного возвеличения русского народа.

«Впрочем, – добавлено в программе, – составители проекта могут и не стесняться сим указанием, лишь бы памятник выражал главную мысль сооружения оного: ознаменованние постепенного, в течение тысячи лет, развития Государства Российского».

Надобно сказать, что когда впервые, через газеты и журналы, была заявлена упомянутая программа, то не только художники, но и вообще все русские люди, которые когда-нибудь призадумывались над минувшими судьбами своей родины, невольно задавали себе два вопроса: первый, в чем же именно выразится прошедшая государственная жизнь нравственно-возвеличенного русского народа? и второй, будет ли памятник, сооруженный в воспоминание тысячелетнего существования России как государства, воспроизводить верно все то, что выпадало в течение десяти веков на долю русского народа и что привело его к тому гражданскому быту, в котором он ныне существует?

Надобно, однако, сказать, что после появления в наших журналах и газетах упомянутой программы вы уже не встретите более в нашей литературе, этой главной и разумной представительнице наших чувств и наших мыслей, никаких толков и суждений о сооружении памятника тысячелетию Государства Российского, и, как казалось, всё прошедшее России, вследствие конкурсовой программы, предложившей от себя почти уже совсем готовую тему, а, может быть, и по чему другому, перешло исключительно в область изящных искусств и сделалось материалом для одних только художников. Затем не только всякие разговоры, но даже и слухи как о программе, так равно и о самом памятнике, совершенно замолкли.

Только в исходе декабря-месяца прошедшего года мы могли узнать о последствиях конкурса, и – замечательное обстоятельство – первое известие о памятнике тысячелетию Государства Российского явилось у нас в России не на русском, а на французском языке, так как г. Теофиль Готье-сын поместил об этом довольно обширную статью в газете «Journal de St. Pétersbourg». Таким образом, любез-

ная предупредительность французского писателя избавила наше родное слово от труда сообщить впервые России о таком предмете, который должен бы быть русским, если не сказать даже чисто-народным делом. Русские же газеты и русские журналы не удостоились получить никакого известия об исходе бывшего конкурса. Они, так сказать, узнали об этом стороной из французской газеты благодаря г. Готье. Чем же, однако, объяснить все это?

В статье своей, не лишенной, впрочем, до некоторой степени обычного французского красноречия, г. Готье извещает, прежде всего, что «26-го августа 1862 года Россия будет иметь тысячу лет». Таким образом, он момент основания России определяет даже в годовщине с такою хронологическою точностью, до которой не достигали никогда ни наши ученые изыскания, ни даже официальное определение той эпохи, когда возникло Государство Российское.

Затем г. Готье, сделав весьма основательное замечание, что шестимесячный срок, назначенный для представления проектов по конкурсной задаче, едва ли был достаточен для того, чтобы только могла созреть идея о таком сложном памятнике, сообщает, что на конкурс было прислано 53 проекта. Проекты же, как видно из статьи г. Готье, были рассмотрены комиссией, составленной из совета Академии (по всей вероятности, не наук, а художеств!) и шестью депутатами от ведомства путей сообщения. Комиссия эта из числа всех представленных проектов признала 16 достойными подробного рассмотрения, и затем уже, из этого числа, тремя первыми проектами были признаны проекты гг. Микешина, Горностаева и Антипова; вследствие чего г. Микешину была предназначена первая премия в 4000 руб., а вторую премию, в 1000 руб., присуждено разделить поровну между гг. Горностаевым и Антиповым.

Так как в 22-м номере «Русского Вестника» и в самой статье г. Готье находятся: в первом – критический обзор проекта г. Микешина, сделанный г. О., разбор строгий, но до некоторой степени и справедливый, а во втором – довольно подробное описание проекта, то, кажется, излишним будет повторять здесь целиком описание предполагаемого памятника; скажем только, что нельзя не разделить той мысли, которую г. О., как русский человек, положил в основание своего взгляда на недостатки в проекте г-на Микешина, и

нельзя не прибавить, что описание г-на Готье, как иностранца, слишком поверхностно на такое, хотя бы и художественное произведение, цель которого, однако, состоит в том, чтоб увековечить воспоминание о жизни русского народа в известной форме государственного быта, и периодом в течение такого долгого периода, каков период, сложившийся из десяти последовательных веков.

Впрочем, весьма естественно было ожидать вообще легонького воззрения на это дело со стороны г. Готье, который характеризует минувшую судьбу русского народа в следующих словах: «Вследствие многих перемен, от неприятельских вторжений, сперва испытанных, а потом победоносно-отраженных, религиозных реформ (?), общественного устройства, попыток организации олигархической и монархической, собрались богатые и могучие материалы, из которых Петр Великий, послушный видам Провидения и влечению собственного гения, создал свое творение». Конечно, при таком взгляде на развитие всей русской государственной жизни, законченной личностью Петра, каждый, лишь бы щеголеватый и прекрасный, проект должен казаться не только удовлетворяющим исторической идее памятника, но даже и избыточествующим фактами из народной русской жизни...

Радуюсь вполне появлению нового и замечательного таланта среди русских художников в лице г. Микешина, мы не можем, однако, не сделать, кроме возражений, помещенных уже в «Русском Вестнике», еще следующих возражений против его проекта, описанного в статьях г. О. и г. Готье. Возражения наши относятся, впрочем, не к области художеств, требующей особых познаний по этой части, а также и слишком изящного вкуса; но, как кажется, возражения наши необходимо вызываются простым здравым смыслом и некоторыми самыми общими понятиями в деле искусства.

Так, преобладающим предметом во всем памятнике, проектированном г. Микешиним, является «держава», т. е. большой шар с водруженным на нем крестом, у этого креста стоит, по словам г. Готье, «Вера», разумеется, православная, а по словам г. О., «Россия». Впрочем, как бы то ни было, но вся сущность здесь заключается в том, что у креста, осеняющего державу, действительно находится женщина. Не спорим, что мысль эта и высока, и эффектна. Но

спрашивается, однако, кто же, взглянув на женщину, поставленную на гладко отполированном бронзовом шаре, не подумает с первого же раза, что женщина эта, при такой скользкой обстановке, знаменует собою «непрочность всего земного». Правда, впрочем, что с первого раза покажется как будто легким делом пособить этому горю двумя способами: или срезать только верхушку шара, или сделав шар таким громадным, чтобы на верхней его части образовалась площадь, не представляющая покатости, соразмерно с величиною фигуры, поставленной на шаре. Но надобно заметить, что в первом случае весь памятник утратит идею, данную ему г. Микешиним, так как такой шар уже не будет «державой», которая, как известно, знаменуя собою земной шар и на иконах и в религиях, всегда и везде изображается только в виде совершенно круглого шара. Во втором случае шар должен быть так громаден, что на нем будет теряться изображение России; в то же время эта геометрическая фигура будет господствовать над всем памятником, подавляя своей громадностью расположенные около ее изваяния.

Другие замечания должно сделать против того, как г. Микешин изобразил Петра Великого. «Петр, – по словам г. Готье, – в проекте г. Микешина является в одежде воина, с горделивой осанкой, с поднятой вверх головой, и устремляет правой рукой вперед свой скипетр, а левую руку держит на сердце и, кажется, повинуется вдохновению божественного голоса». Между тем у ног Петра умирает шведский солдат, обхватывая сломанное знамя. Положим, что изображение Петра, особенно с крылатым гением сбоку, несколько фантастично, но тем не менее здесь видно усилие художника выразить характер и стремления этого государя. Но к чему же умирать у ног его шведу? Разве для ознаменования его победы над шведами? Нельзя не заметить большую разладицу между Петром со скипетром в руках, стремящимся вперед, по указанию крылатого гения, и подстреленным шведским драбантом, разлегшимся на том пути, по которому несется преобразователь России. Безошибочно можно сказать, что такое сочетание в одной группе и фантазии, мифологии и действительности находится вне всякой гармонии. Если же художнику непременно нужно было напомнить о победе Петра

над шведами, то не лучше ли было бы, если бы он изобразил Петра, попирающим только шведские трофеи, а не умирающего человека.

Нельзя также вообще не пожалеть и о том, что наш замечательно даровитый художник не попытался изобразить Петра Великого в ином виде. Произведение г. Микешина, в той части, которая касается Петра, выиграло бы, без сомнения, гораздо более, если бы он вместо фантастического изображения последнего представил Петра перед началом полтавского боя, когда он, в виду шведских дружин, говорил своим соратникам, что они сражаются не за Петра, но за Россию, и что Петру жизнь недорога, лишь бы благоденствовала его родина; или, какая была бы величаявая идея о Петре, если бы художник, вместо лежащего у его ног шведского драбанта, изобразил бестрепетно стоящего перед Петром князя Якова Долгорукова, этого твердого поборника правды, так высоко чтимого государем.

Позволительно также заметить в проекте г. Микешина отсутствие народной представительности. Художник, как видно, посвятил свой памятник только лицам, а не целому государству, между тем как совокупное посвящение этого памятника и русским государям и русскому народу требовалось уже по самой идее памятника. Даже по программе конкурса монумент сооружается не в память отдельных прославившихся лиц, но в память тысячелетнего существования русского государства. Что же, однако, напомним русскому народу в памятнике, проектированном г. Микешиним, о деянии его предков, кроме скромных барельефов, которые, конечно, потеряются совершенно под первенствующими фигурами и возносящейся державой. Только перед св. Владимиром поставлено у г. Микешина несколько коленопреклоненных русских, а между тем надобно заметить, что хотя Рюрик и начинает собою ряд русских государей, но все-таки, по свидетельству нашей летописи, ему добровольно вручили верховную власть над новгородскою землею представители народа, и потому одинокий норманн, Рюрик, без намека об упомянутом событии на памятнике тысячелетия русского государства, будет там казаться каким-то завоевателем, каким, например, был Хлодвиг во Франции.

Во-вторых, хотя, по выражению наших руководств, Димитрий Донской и разбил татар на Куликовом поле, но из современных ска-

заний об этой битве мы узнаем, что под великокняжеский стяг собрались и суздальцы, и тверитяне, и ярославцы, и муромцы, и ростовцы, и т. д. И нам кажется, что только окруженный представителями ратей Димитрий Донской может дать понятие о великости этого народного события; иначе же одинокое вложение им меча в ножны может служить только знаком удачно оконченного единоборства, так что это изображение будет подходить всего ближе к изображению Владимира Мономаха, а не к изображению донского героя, привлечшего к себе и вождей и ратников со всех концов тогдашней России. Ведь Куликовское побоище делает столько же славы личной храбрости великого князя, сколько и умению его направить все русские народные силы против одного общего врага.

Кроме того, мы не видим на этом памятнике воспоминания о 1812 году, а между тем это была пора напряжения наших народных сил.

Наконец, нельзя также не заметить бесполезность и даже странность нахождения совы подле Ярослава Мудрого. Правда, что сова у греков была эмблемой мудрости, и потому помещение ее на каком-нибудь афинском памятнике подле греческого законодателя было бы как нельзя более кстати, но едва ли она будет у места на памятнике, поставленном в Новгороде. Прежде всего, предположенный памятник ставится для понимания его народом, а наш народ, как известно, из всей символики знает только орла, да и то двуглавого, которого он справедливо считает знаком казенной собственности или казенного управления. При виде же совы на памятнике русскому государству он решительно станет в тупик.

Ко всему этому нужно прибавить еще одно обстоятельство.

По всей вероятности, наши самые даровитые художники не могли дать слишком большого простора своей фантазии, имея в виду, что на сооружение памятника предложено употребить 500 000 рублей.

Очень понятно, что стоимость памятника, как художественного произведения, нельзя было подвести под урочные положения. Художникам нашим нужно было сообразоваться с практикой, между тем известно, что на памятник покойному императору Николаю, состоящий только из пяти фигур и одного коня, употреблено

---

750 000 рублей. Следовательно, имея это в виду, художники должны были стесняться развитием ваяльных фигур; быть может, обстоятельство это и было причиной односторонности и в памятнике г. Микешина.

Вот те замечания, которые, кажется, может покуда сделать и не художник против проекта, составленного г. Микешиним и сообщенного в статьях г. О. и г. Готье. Впрочем, очень легко может быть, что проект этот как художественное произведение выказывает бездну особенных достоинств, и что приведенные здесь замечания не должны иметь никакого значения в области изящных искусств.

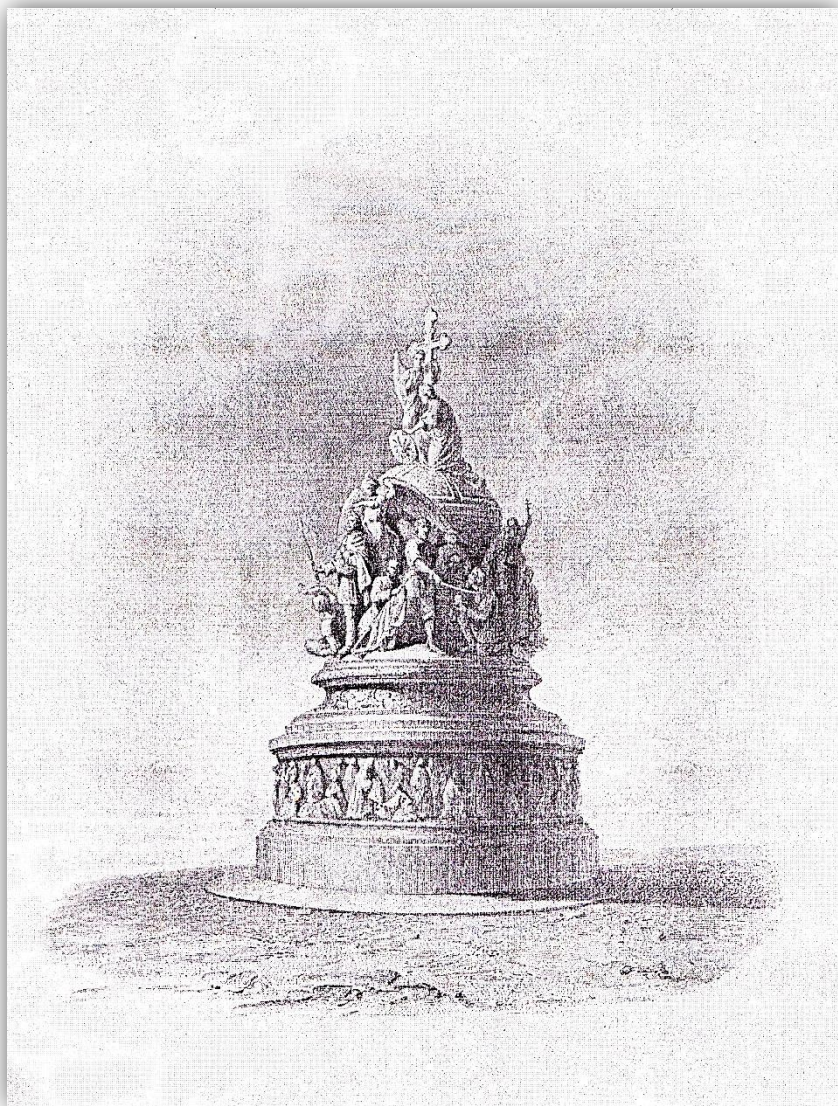
Ф. И. БУСЛАЕВ

ПАМЯТНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ РОССИИ

Наконец, по изображению, приложенному к **Месяцеслову на 1862 г.**, вся Русь, читающая и не читающая, может теперь познакомиться в общих чертах с памятником, который воздвигается в память ее тысячелетнего существования, с того знаменитого дня, когда наши предки пошли искать себе суда и расправы за море к варягам, простодушно сознаваясь им, что земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет.

Перед художником была самая обширная задача – изобразить тысячелетнее водворение порядка в этой великой и обильной земле. Для решения этой задачи не довольно было одной фантазии и художественного такта; надобно было воспользоваться результатами русской исторической науки, чтоб дать памятнику соответствующее цели содержание. Воссоздавая все прошедшее нашего отечества, художник брал на себя тяжелую ответственность и перед будущими поколениями, завещая им в монументальных формах гранита и бронзы национальное сознание нашего века о своей собственной исторической жизни. Это не только усердная дань любви к отечеству, воспитанной благородною национальною гордостью, но и строгий урок потомкам, красноречивая межа, которою старое тысячелетие русской жизни будет разграничиваться для них от новых веков и тысячелетий. Трудно угодить и на современников в каком-нибудь мелком ландшафте или ювелирной безделке; но стать пред лицом всего прошедшего и всей будущности такого великого исторического народа, как народ русский, в сооружении памятника его тысячелетнему бытию, – это такая задача, от которой только разве у истинного гения не закружится голова и не займется дух при мысли о той высоте исторического, национального сознания, с которой художественное творчество должно господствовать и над прошедшими и над будущими судьбами нашего отечества.

Художник, глубоко проникнутый идеею своего произведения, конечно, не найдет преувеличенья в этих, впрочем, столь естественных требованиях от памятника, самый смысл которого определяется веками и границею между двумя тысячелетиями.

Из книги «Месяцеслов на 1862 год».

Малый размер изображения, к тому же снятого только с одной стороны памятника, не дает возможности входить в подробности художественного исполнения. Теперь следует ограничиться только отдельными сюжетами, вошедшими в состав содержания памятника и его общим характером, то есть его архитектурными линиями и отношением их к скульптурным частям.

Сначала о содержании.

Верхняя группа, состоящая из двух фигур, изображает **православную веру**, – как сказано в описании (стр. 71). Сколько можно судить по мелкому рисунку, – это коленопреклоненная женская фигура перед ангелом, держащим крест. Почему же все это вместе должно изображать православную веру? Почему не вообще христианскую? Мне кажется, точно также мог бы изобразить веру и католик и реформат какого-нибудь толка. Без сомнения, в подробностях, которых теперь не видать, выражена отличительная черта православия; но самая группа не дает никакого на то намека. Крест и ангел – вещи понятные; но что такое эта коленопреклоненная женщина? Молодая она или старая? Зачем на ней это широкое одеяние будто со шлейфом? В каком отношении это одеяние состоит с преданьями **православной** старины, если уж в группе обе фигуры должны выражать идею православной веры? Почему у этой женской фигуры рука обнажена почти по локоть? Как эта подробность гармонирует с идеею православия, если уж от художественного произведения привыкли требовать согласия между идеею и формою, и если самый костюм в разные времена и в разных народностях соответствовал быту и даже нравственным и религиозным убеждениям? Одним словом, какой именно **определятельный** тип выражен в этой фигуре? Искусство восточное и западное предлагало художнику целый ряд типов в представлении **христианской церкви, иудейской синагоги, божественной премудрости** и т.п. Имеет ли эта женская фигура что-нибудь общее с этими и с другими им подобными, **установившимися** типами, или художник создал новый идеал, внес **новый** образ в христианскую символику? Тогда могут спросить: согласно ли с идеею православия, здесь выраженною, внесение этого **нового** элемента, может быть и прекрасного, но идущего ли к делу? – Уже не сама ли это Русь? не ее ли протекшая история, преклонившая ко-

лена перед крестом? Тогда опять вопрос: почему такой именно тип и в таком костюме выражает нашу историю и национальность? Художественная критика не имеет права посягать на свободу творчества, предоставляя ему совершенный простор в создании более точных, более характеристических и изящных форм для выражения идей; но когда художник берется за воссоздание исторического преданья в памятнике тысячелетию целой России, когда он думает выразить идею православной веры, которая вся живет преданьем, то всего естественнее спросить, как он умел примирить свою творческую свободу с тем, что дала ему история и современная народность, для того именно, чтоб найти наиболее соответствующие формы для задуманной идеи, то есть, чтоб эта группа действительно выражала идею православной веры, чтоб эта идея не оставалась пустою фразою только в описании памятника, а была бы художественно воссоздана в самом произведении. Кто найдет такое требование от искусства несовременным, тот еще новый и более трудный вопрос сделает художнику: зачем он взялся за выражение такой идеи, которая уже не находит себе приличных форм в современном искусстве? – Художественная критика строго отделяет себя от богословских прений о разделении церквей и т.п. Но когда ей говорят, что вот именно такой-то церковный оттенок должен быть выражен в такой-то группе, то уже для одной только художественной оценки необходимо знать: ясно ли говорят самые формы о том, что художник хотел ими сказать?

Предоставляю историкам русского государства и политики оценить, в отношении содержания, шесть главных групп, олицетворяющих главные эпохи русской истории. Так как история русского народа доселе еще не вполне разработана, то нельзя от художника и требовать, чтоб он в памятнике России, в главных его группах, изобразил при жизни **государственной** и жизнь **народную**. Может быть, даже история России в первое тысячелетие и отличается, по преимуществу, характером государственным. Так думал Карамзин, так думают некоторые и из современных историков. Следовательно, это памятник тысячелетию **не России вообще, а русской государственной жизни, русской политики**. Это вполне видно из подбора всех шести групп, составляющих самую видную и главнейшую

часть памятника. Сплошной барельеф с изображениями лиц из разных классов народа, опоясывающий подножие памятника, и по размеру фигур, и по самому помещению своему, несколько не может видоизменять главного впечатления, производимого колоссальностью верхних шести групп.

На основании приложенного к **Месяцеслову** изображения ничего нельзя теперь сказать положительного о костюмах и подробностях в постановке этих главных групп; но даже и по мелкому рисунку можно, кажется, с достоверностью заключить, что все группы больше или меньше сливаются в одно целое, так что эпизод о Петре Великом нечувствительно для глаза может переходить то к мифическому Рюрику, то к какой-нибудь фигуре из группы царя Михаила Феодоровича. Потому, – как бы мастерски ни была каждая группа сосредоточена в себе самой, – надобно опасаться, чтоб от этого сливания и незаметного перехода из одной группы в другую, – как бы он художествен ни был, – не произошло самое смутное впечатление о нашей тысячелетней истории, и особенно у зрителей необразованных, у безграмотных, на которых непременно должен рассчитывать художник, помещающий свое произведение на площади. Такой исторический монумент должен быть книгою для безграмотных, как в средние века для безграмотных же стенная живопись внутри храмов, а барельефы снаружи заменяли и Библию, и жития святых.

Положим, воззрения и требования простонародья могут быть грубы, не развиты, могут противоречить вкусу и убеждениям современного художника. Но если он взялся увековечить для народа всю его прошедшую жизнь, – он должен знать, что только тогда его гранит и бронза перестанут быть для народа мертвою массою, когда художник выразит свои идеи так, чтоб народ его понял. Будут ли проходящими перед Софийским собором толпами простонародья поняты эти шесть главных эпох русской государственной истории, если художник не отделит одну группу от другой какими-нибудь архитектурными и скульптурными границами, как это делалось мастерами не только романского и готического стилей, но и эпохи Возрождения? Таковую же систему размещения привыкло видеть и русское простонародье на своих образах, прилепах и во всем иконостасе. Может быть, эта система уже устарела для современного ис-

кусства, но ею еще отлично пользовался Микель-Анджело, например, в своем великолепном плафоне Сикстинской капеллы; а мне кажется, что в свободном стиле западных мастеров XVI века можно бы найти еще богатый источник для памятника, воздвигаемого на Руси в половине XIX в. Большая часть наших художников убеждены, что они своими произведениями должны **облагороживать грубый вкус простонародья**. Цель похвальная; но ее достигнуть можно только путем последовательного развития, как и вообще в деле воспитания, то есть, прилагая новые элементы к данным уже самою историею народной жизни. И какой удобный опыт для достижения этой цели представлялся уже в самом размещении групп и фигур на русском памятнике! Великолепие западного искусства предлагало художнику тысячи изящных форм, которыми он мог воспитать глаз, чтоб украсить и облагородить невзрачные рамки, которыми народ привык отдалять сюжеты на своих иконах.

Может быть, тогда расстроился бы весь план художника в размещении фигур кругом шара, может быть, и самый памятник принял бы тогда другую форму, но форму более строгую и, без сомнения, **более согласную с архитектурным и скульптурным стилем**, который должен бы господствовать в таком произведении, как памятник тысячелетию великого народа.

Знакомые с историею архитектуры и скульптуры не потребуют от меня объяснения, почему я приписываю экономии **размещения** такой важный смысл.

Еще меньше можно сказать теперь что-нибудь определительное о костюмах, характерах и размещении фигур на сплошном барельефе, окружающем подножие памятника. Сколько позволяет судить мелкий рисунок, – можно только с достоверностью заключить, что русские знаменитые люди будут размещены некоторым образом наподобие пресловутого парижского **полукружия**^{*}, на котором Деларош изобразил всех великих художников разных времен и у разных народов. Художники собрались группами: кто стоит, кто сидит, многие ведут одушевленную между собою беседу. Так как большая часть из них оставили по себе портреты, даже ими самими писан-

---

^{*} В *École des beaux-arts*, где раздаются художникам премии [Училище изящных искусств – *франц.*].

ные, то и без подписей можно узнать, кто Леонардо-да-Винчи, кто Рубенс или Рембрандт. Характеры великих мастеров так определились в их произведениях, что всякому понятно, кто из них что думает или что скажет. К тому же литература сохранила о многих подробнейшие сведения в автобиографиях, жизнеописаниях, мемуарах, письмах. Сверх того, входящий в это святилище искусства, где раздаются награды новым мастерам, должен быть больше или меньше знаком с историей художеств.

Совершенно в других отношениях стоит мастер русского памятника, и к своему содержанию, и к публике.

Памятник, воздвигаемый на площади, памятник народный и для всего народа, уже не может быть исключительной собственностью немногих, образованных или полубразованных. А как в одно и то же время угодить и простонародным массам, и требовательному вкусу знатока? Где и как найти точку соприкосновения интересов доморощенного невежества и европейской образованности? Как низойти до простонародья, не сделавшись тривиальным, и как быть последователем Делароша на новгородской площади, перед Софийским собором, не наложив чужого клейма на родную старину? Надобно иметь в виду эти едва ли победимые трудности, чтоб в художественной критике памятника видеть не столько оценку действительности, сколько идеальное желание того, что могло бы быть.

Чтоб удовлетворить всем и каждому, художник прибегнул к **эклeктизму**, к этой блаженной середине, где можно до времени держаться нейтральным между противоположными партиями. Потому, в сплошном барельефе, он поместил и Авраамия Ростовского, и Шевченку, Кукшу и актера Дмитревского, Гурия и Варсонофия Казанских, и музыканта Глинку и т.д. Конечно, художник имел полное право поместить в памятнике тысячелетию России все знаменитые личности, к какому бы времени и к какой бы сфере они ни относились; и знакомый с произведением Делароша, может быть, вполне оценит удачное применение его системы к классификации русских людей; но признает ли простонародье хорошо известных ему Зосиму и Савватия Соловецких или Стефана Пермского в сплошной толпе, где очутился и актер Дмитревский, и какой-нибудь модный стихотворец нашего времени? Было бы смешно между людьми образо-

ванными толковать о важном значении перегородок и клеточек для размещения в них противоположностей, и, вероятно, самыми группами художник отделит Лермонтова с Жуковским от полумифического князя Святослава. Но во всяком случае не без основания можно опасаться, чтоб смыслённый мужичок, взглянув на это вавилонское смешение русских людей, столь различных между собой по историческому их значению и по характеру деятельности, не вспомнил бы слов князя Владимира о том, как Илья Муромец поломал перегородки между богатырями:

Илья Муромец да сын Иванович,
Помешал ты все места, да учения,
Погнул ты у нас сваи, да все железныя:
У меня промеж каждым богатырем
Были сваи железныя,
Чтоб они в пиру... да не столкнулись.

Одним словом, художник добровольно взял на себя еще новое затруднение, выбрав так много лиц из русского исторического пантеона. Чем меньше бы их было, тем лучше можно бы отделить противоположности, и тем меньше можно бы опасаться, что этот сплошной барельеф произведет в зрителе смешённое представление.

Если художник последует Деларошу в группировке своих фигур, то встретит новые, неожиданные трудности в недостатке исторических данных. Положим, многие личности последних полутора-ста лет сохранились в портретах, иные из русской старины довольно определительны в своих характерах, другие так недавно померли, что художник для памятника тысячелетию России мог снимать маску с неостывшего еще трупа. Извинительная дань своему времени и новое свидетельство, как еще рано нам думать о тысячелетней образованности. По крайней мере, личность современная удачно может быть воспроизведена в памятнике по способу Делароша.

Но какой тип даст художник Кукше? С кем его постановить или о чем заставить его беседовать? Потом, не будут ли слишком однообразны и бесцветны типы Авраамия Ростовского, Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия и других монашествующих подвижников? Воспользуется ли художник иконописными их подобиями, или для единства стиля создаст что-нибудь новое, так как он поку-

сился уже на новизну в типах, выражающих православную веру? Будут ли эти святые мужи в сиянии или в венцах, как они пишутся на иконах, или в виде обыкновенных исторических личностей? Для современного вкуса последнее лучше: но признает ли народ в фигурах без сияния Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского и другие святочитимые личности? Будут ли в сиянии или в венцах Довмонт Псковский, Александр Невский, Михаил Тверской?

Но что особенно может затруднить зрителя, так это случайность и ничем не объяснимая странность в выборе лиц, **споспешествовавших своими подвигами** – как сказано в описании памятника – **прославлению Российского государства**. Чем, например, прославил его некто Волков, **основатель театра (?)**, и Дмитревский, **его товарищ и преемник, усовершенствовавший сценическое искусство**, как говорит то же описание? И что за **подвиг** такой: **основать** театр на Руси в половине XVIII в., когда он давным-давно был уже основан, подновлен и видоизменен на Западе? Почему для единства системы художник не поместил первых на Руси типографщиков? Это для просвещения России поважнее какой-нибудь запоздалой труппы актеров, которая скорее свидетельствует об отсталости русской цивилизации, нежели о каких-то славных подвигах. Художник имел полное право в своем памятнике тысячелетию России предать вечному забвению пресловутых в старину иконописцев Андрея Рублева и Симона Ушакова. Что́ они такое в истории живописи рядом с Рафаэлем или Альбрехтом Дюрером? Но зачем же он поместил между пресловутыми мужами некоего Кокоринова, **строителя Академии художеств** – как он характеризуется в описании?

Вы завещаете бессмертной памяти Кокоринова: зачем же обходите Рублева и Ушакова? Скажут, что этих имен не знают или не хотят знать в Академии художеств, а на это могут ответить, что никто на Руси не интересуется строителем Академии; да и многие ли знают его по имени? Вы назовете это отсталостью и невежеством; но тогда поместите уже в своем барельефе Ушакова. Вы увековечили Карла Брюллова. Действительно, он этого стоит: зачем же обошли Иванова, картину которого как нарочно для того передали в Москву, чтоб из центра России повсюду разносилась о ней слава как о национальной

знаменитости? В барельефе помещается Жуковский и предается забвению Державин. Положим, Державин не достоин вашего памятника; но зачем же почтили вы этою честью стихотворного переводчика? И это – переводчик действительно мастерской; но не обидно ли для тысячелетней цивилизации России, что к славным подвигам мы добродушно причисляем удачный перевод с иностранных языков или основание театра задним числом? Итак, или Брюллова и Иванова, Жуковского и Державина, или уж ни того, ни другого.

Еще страннее и непонятнее выбор лиц между так называемыми **просветителями**. Если уж помещены в числе знаменитостей первого тысячелетия России Митрофаний Воронежский, Георгий Конисский, Тихон Задонский, даже Иннокентий Херсонский и Таврический, то на каком основании преданы забвению Исаия и Леонтий Ростовские, Евфросиния Полоцкая, Меркурий и Авраамий Смоленские, Никита, столпник Переяславский и многие другие лица, имеющие столько же права быть в числе лиц, прославленных на Руси. Но если памятник тысячелетию России может обойтись без этих и многих других лиц того же достоинства, то для чего помещены на нем вышеупомянутые? Если нужны те, то необходимы и эти и многие другие. Тогда придется растянуть сплошной барельеф до бесконечности, превративши его в лицевые святцы, с придачею всей русской истории.

Иван Грозный вовсе забыт; а его современники и подручники красуются на сплошном барельефе: и Адашев, и Сильвестр, **добродетельный советник Иоанна Грозного** – как значится в описании памятника, – даже супруга Грозного, царица Анастасия, личность довольно бесцветная. Будут ли иметь смысл эти второстепенные личности без главной, около которой они вращались, как спутники около планеты? Если составитель сплошного барельефа следовал мнению тех немногих ученых, которые заслоняют деятельность Ивана Грозного Сильвестром, Адашевым и другими его современниками; то напрасно он не прислушался к голосу народа, который в своих былинах отдает первенство Ивану Грозному перед всеми московскими царями, потому –

Что взял он царство Казанское,
Симеона царя в полон полонил,

С царицею, со Еленюю
Выводил он измену из Киева,
Что вывел измену из Новагорода,
Что взял Рязань, взял и Астрахань и проч.

Упорно придерживаясь какого-нибудь ученого или даже журнального мнения, можно заподозрить народную былинку в пристрастии, обвинить ее в невежественном понимании русской жизни; но относительно Ивана Грозного этого допустить нельзя, потому что некоторые из современных историков, совершенно игнорируя русские былины и исходя совершенно от иной точки зрения, сошлись однако с ними в понятии о высоком значении Ивана Грозного в русской истории.

Итак, по памятнику, воздвигаемому в половине XIX века, в ознаменование первого тысячелетия России, наши потомки не могут судить о том, как простонародье и люди образованные в наше время понимали свою прошедшую жизнь, и кого причисляли, кого не причисляли они к героям, **споспешествовавшим своими подвигами прославлению Российского государства.**

Впрочем, как бы то ни было, но русский мужичок, знающий историю только по своим былинам, непременно будет отыскивать на памятнике Ивана Грозного, и непременно найдет его в одном из двух экземпляров Ивана III-го, которыми украшены оба барельефа. И если бы не были также повторены на памятнике дважды Дмитрий Донской, Михаил Федорович, Петр Великий, то можно бы подумать, что в описании сплошного барельефа ошибкою поставлено Иоанн III вместо Иоанн IV. Русское простонародье поправит для себя эту ошибку.

Не касаясь внешних форм сплошного барельефа, о которых вовсе нельзя судить по мелкому рисунку изображения, и пользуясь только описанием памятника, можно, кажется, с некоторою достоверностью сказать, что это монументальное произведение своим историческим и национальным содержанием далеко не выражает современного сознания русских людей о своей истории и народности.

Отсутствие основной мысли и системы при выборе лиц, помещаемых на сплошном барельефе, — свидетельствует о какой-то поспешности и случайности, с какою набирались все эти герои, **спо-**

спешествовавшие своими подвигами прославлению российского государства. Точно будто годовщина тысячелетия России застала нас врасплох, и мы во что бы то ни стало решились поставить известное число великих людей для украшения их подобиями памятник в память этого события. Точно будто мы впопыхах не успели в темной массе нашей прошлой истории различить важное от незначительного и наугад брали то, что попадет, под руку. Следовательно, нечего было и думать о том, чтоб дать какой-нибудь общий смысл набору всех этих исторических лиц; но чтоб угодить тому или другому мнению, – надобно было поместить одно лицо или выкинуть другое. Каким же основным началом, какую живительную идею примирены все эти случайные мнения, на основании которых составлялся каталог великих мужей?

Вопросы по **народности** дают главное направление современной жизни. Из-за них объявляются войны, ими руководствуется политика, во имя их эманципируются миллионы крепостных тружеников; эти же вопросы задает себе и разрабатывает историческая наука по всем ее отраслям. Чтоб быть верным выражением эпохи, – памятник тысячелетию России должен был удовлетворить эти современные требования по вопросам о народности; и тем необходимее, что это – памятник исторический и народный. Сплошной барельеф своим общенародным содержанием должен был восполнить односторонность политических сюжетов главного барельефа. Надобно было, чтоб стекающиеся со всех концов нашего великого отечества видели на памятнике представителей, прославивших ту или другую область, тот или другой город. Житель Смоленска, обходя кругом памятника, непременно будет отыскивать свои **местные** знаменитости, житель Пскова или Устюга – свои и т.д. Встречая в каталоге так называемых **просветителей** имена Зосимы и Савватия **Соловецких**, Гурия и Варсонофия **Казанских**, мы на первый раз пришли было к убеждению, что памятник тысячелетию России, удовлетворяя *местным* интересам народа, действительно будет памятник **народный**, потому что чем же иным можно себе объяснить присутствие этих соловецких или казанских просветителей на памятнике тысячелетию России, как не желанием сгруппировать избранные местные знаменитости, чтоб каждому русскому человеку, откуда бы он ни пришел,

виделось в памятнике **свое родное**, что он привык чувствовать с малых лет, и в чем видит свою неотъемлемую местную собственность. Положим, для человека, европейски образованного, такой доморощенный пиэтизм покажется слишком наивным, недостойным для увековеченья в тысячелетнем памятнике; но для современной образованности сплошной барельеф сделал значительные уступки; он дал ей Паскевича, и Нахимова, и Шевченку, и Лермонтова, и т.п. Почему же было не уступить очень естественному требованию новгородских мужичков видеть на памятнике, сооружаемом у них в Новгороде, свои **домашние, местные**, новгородские знаменитости: архиепископа Иоанна, Антония-Римлянина или Варлаама Хутынского? – Не найдя ни одной из этих личностей в сплошном барельефе, не видя также представителей ни Устюга, ни Муррома, ни Смоленска, ни многих других, старых и новых, городов, мы должны были отказаться от принятого наскоро убежденья и признаться, что составитель каталога знаменитых мужей вовсе не имел в виду ни местных интересов, ни вопросов по русской народности.

Если бы художник подчинил сюжеты русской старины и народности каким-нибудь крупным массам, и именно местным рубрикам, то, приближаясь к идее о народности, он вернее бы воспроизвел русскую историю. До петровской реформы **личность** на Руси была мало развита. С одной стороны, представлялись власти церковные и светские, будто какие сверхъестественные силы, окруженные ореолом восточной символики; с другой стороны, – сплошная масса народа, еще не тронутая лучами образования, самородная, полужыческая и даже языческая. Чтоб разместить на барельефе содержание, извлекаемое из такого первобытного брожения исторической жизни, надобно было, выбрав весьма немногие, более яркие личности, все остальное сгруппировать в крупные массы, подчинить личность толпе или не давать ей никакого индивидуального характера, погрузив ее в сияние, под таинственным знаменем которого выступали бы интересы и симпатии городов и других местностей. Одним словом, чтоб воспроизвести в барельефе русскую старину и народность, надобно было отказаться от системы **исторической** и усвоить систему **географическую и этнографическую**, или, по

крайней мере, – сколько возможно больше подчинить первую двум последним.

Потому, – мы глубоко убеждены, – система Делароша, отлично примененная к строго определенным, развитым цивилизацией личностям западных художников, и, может быть, уместная для группировки русских людей последних полутора столетий, – вовсе не годится для художественного воссоздания русской истории до XVII века включительно. Художественная форма состоит в полной зависимости от содержания. Свободное развитие личности отразилось в образованных странах ранним процветанием поэзии лирической и драмы, а в живописи и скульптуре решительною победою светских элементов над церковными, между тем как у нас, на Руси, до петровской реформы, вековому застою в развитии личности соответствовало отсутствие светской литературы; церковное начало покоряло себе все явления нравственной жизни и упорно поддерживало архаические формы византийского стиля, которые, под общим уровнем мистического чествования, сглаживают с личности всякую реальность и разнообразие. Потому иконописные сюжеты повторялись стереотипно, удерживаемые верою от профанации светской примеси, равно как и в литературе витиеватое житие оставалось в своей мистической неприкосновенности, не давая живительных соков для свободной фантазии художника; житие не развилось в искусственную, поэтическую легенду, точно так, как и русская летопись не воспитала драмы.

Если такова, в своей сущности, наша старина и народность, то в художественном воспроизведении ее надобно было взять себе образцом не Делароша, а скорее гомерического Вулкана, который, украшая фигурами щит Ахиллеса, воспроизвел античную жизнь не в характеристике отдельных личностей, но в действиях и событиях, в которых личность подчиняется эпическому тону целых масс. Там изобразил он город в осаде, там пиршество и свадьбу, там земледелие и хлебопашество, там веселые хороводы. Конечно, критика не может проникнуть в святилище творческой фантазии художника, не может даже навести читателя на общее представление того, что может создать фантазия из русской старины; но во всяком случае нельзя не допустить той мысли, что русская национальность, столь же

наивная и мало развитая, какова была греческая, в эпоху Гомера, – удобнее может быть воссоздана по образцу ахиллесова щита, нежели по знаменитой картине Делароша. Иному может показаться наше указание на мифическое изделие Вулкана странным, смешным. Согласно; но это такая же крайность, как художественное воспроизведение Кукши или Зосимы и Савватия Соловецких по методу Делароша. Всему свое место и время, и в русской старине и народности несравненно больше точек соприкосновения с мифическим кузнецом, нежели с модным французским живописцем. Подражая последнему, художник подвергается опасности не угодить ни образованным людям, ни простонародью: образованные, может быть, предпочтут оригинал неуместной копии, простонародье же не поймет и не оценит копии до тех пор, пока выдет из моды и забудется и самый оригинал. Следуя гомерической методе, художник становится на твердую, историческую и национальную почву; людям западного образования он давал бы из нашей темной старины сплошные массы с самым ничтожным развитием личности, не более как пьедестал для новой исторической жизни, тем более приличный, что по самой экономии в размещении сюжетов эти безразличные массы национальной старины украшали бы барельеф, опоясывающий действительно пьедестал самого памятника. Для простонародья и для тех из людей образованных, которые не отказывают ему ни в сознании своих исторических преданий, ни в здравом смысле, ни в эстетических наклонностях, – художник предложил бы в своем барельефе всю жизнь русского народа в ее малосложных проявлениях.

Впрочем, довольно о желаньях и ожиданиях. По изображению нельзя строго судить о самом оригинале, и, может быть, сюжеты памятника, известные теперь только по описанию, будучи воплощены в соответствующие им изящные формы, вполне удовлетворят самую строгую эстетическую критику.

Теперь несколько слов об общем виде памятника.

Помнится, где-то в журналах упрекали художника за отсутствие монументального величия в общем очерке памятника, находя, что такой очерк приличнее кабинетной вещице, нежели колоссальному памятнику, воздвигаемому на площади. Мы с этим не согласны, или, по крайней мере, на основании мелкого рисунка, не счита-

ем себя вправе разделять это мнение. Знакомым с историей искусств хорошо известно, что один и тот же очерк линий иногда давали и целому храму, и раке святого, и какой-нибудь церковной утвари, например, – дароносице, кадилнице; то есть, по рисунку романского, византийского или готического собора делали какую-нибудь церковную утварь. Что поражало величием в колоссальном храме, то казалось игривым и затейливым в мелкой вещице. Упрекавшие русского художника не переносили ли свое представление от миниатюрного рисунка к имеющей воздвигнуться гранитной и бронзовой массе? Одним словом, о величии и торжественности впечатления, производимого памятником, можно будет судить только тогда, когда он будет сооружен.

Но и теперь, на основании рисунка, можно составить себе некоторое понятие о самых линиях, характеризующих общий вид памятника. Эти линии описывают форму колокола, ушками которого служит верхняя группа из двух фигур. Если в художественном произведении внешность имеет художественное значение, то почему именно памятник первому тысячелетию России принял форму колокола? Подобие ли это московского царь-колокола или воспоминанье новгородского колокола, вечевое, или соединение того и другого, как бы символический акт того, что время господствует надо всем и веет своим примирительным крылом и над грозною Москвою, и кичливым Новгородом? Или этот монументальный колокол заблаговестил нашим потомкам, – только не звуками, а изображениями, – о русской старине и нашем XIX веке, и, в течение будущих столетий, станет разносить повсюду славу о великих мужах первого тысячелетия русской истории?

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»
ПИСЬМО НАШЕГО ВТОРОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

8 сентября

Новгородский кремль, обведенный вокруг высокою стеною и расположенный на берегу знаменитого историческими воспоминаниями Волхова, имеет все права, и исторические и топографические, на то, чтобы видеть в центре своем памятник тысячелетней жизни России. Стены кремля, исправленные в последнее время, видели и первого властелина земли русской, и те бурные эпохи, которые переживала Русь, сплываясь в одно целое, стройное, громадное государство из уделов, так часто враждовавших друг с другом и успокоившихся только под скипетром самодержавия. Стены эти, как видно, выдерживали разрушительные осады еще и до времен Иоанновских, до того времени, когда Великий князь Московский объявил гражданам Новгорода свое непреклонное решение: «Хочу властвовать в Новгороде, как властвую в Москве». Гранитные ядра, найденные в этом году под обрушившимися стенами, свидетельствуют об упорной защите посадников вольного веча. Вероятно, в те времена в стенах кремля были бойницы и казармы, но теперь пространство детинца окаймляется только стеною, в некоторых местах зубчатою, с двумя главными воротами: одни возле моста через Волхов, а другие против их, со стороны летнего сада. Из-за стен виднеются только куполы и колокольни церквей. Войдя в Волховские ворота, на правой стороне представляется церковь св. Софии, древней архитектуры, стесненная несколько зданием архимандритского дома, и на левой стороне здание присутственных мест. Площадь между двумя этими капитальными постройками довольно обширна, а памятник занимает видное, свободное и приличное место.

Подойдем к памятнику.

Памятник состоит из трех главных частей; верхняя – из двух главных фигур: ангела с крестом в руках, означающего православную веру, коренной элемент в жизни русского народа, и перед ним коленопреклоненную женщину, которая олицетворяет собой Россию. На голове женщины прикреплен кокошник, вылившийся очень

удачно, так что, глядя на него с подножия памятника, точно видите узорчатое шитье с бурмитскими зернами, составлявшее венец образования русской женщины во времена тесовых теремов. Ангел благословляет Россию, а эта, держа в одной руке щит с изображением государственного герба и прижимая другую руку к груди, принимает благословение, выражая всею фигурою спокойное состояние духа и чувство благоговения перед ангелом-хранителем. Обе эти фигуры исполнены превосходно и по своему положению, как относительно друг к другу, так и прочим частям памятника, не оставляют желать ничего лучшего. Они выполнены легко, творчески и имеют много смысла, так что глаз не скоро отрывается от них и переходит на вторую часть памятника.

Ангел и женщина – православная вера и Россия – поддерживаются сферообразной державой, которая в свою очередь покоится на граните, окаймленном лавровым венком. Вокруг державы обвивается надпись: «Совершившемуся тысячелетию Российского государства в благополучное царствование Александра II-го, лета 1862». Кругом державы поставлено шесть бронзовых групп, состоящих из семнадцати фигур, расположенных на пьедестале в различных позах, передающих ясно значение и смысл тех шести главнейших эпох, через которые суждено было пройти России, чтобы занять почетное место в среде всемирных держав. Первая эпоха, когда новгородцы, воевавшие непрерывно то с внутренними врагами – родовыми междоусобицами, то с внешними, почувствовали необходимость вручить власть мира, войны и суда одному лицу, выражена на памятнике фигурою Рюрика. Фигура его, как мне кажется, могла бы иметь какую-нибудь связь с другими группами, в особенности с правую, а между тем она совершенно уединена, и притом нет возле нее атрибутов, которые могли бы передать наглядный смысл этой первой эпохи России. Та минута, когда послы от древлян, полян, тиверцов и вятичей предстали перед тремя братьями руссов: Рюриком, Синеусом и Трувором, и сказали им: «пойдите княжить и володеть нами», – минута эта могла бы послужить художнику для более ясного олицетворения переходного состояния наших прапредков из хаоса в строй государственного порядка. Ни одна летопись не оставила нам жизнеописания Рюрика, по которому можно бы судить о

возрасте его во время пришествия в Новгород и поселения его в городище, слывущем и до сих пор под его именем; но нужно думать, что он был не стар еще, умен, энергичен, исполнен доблестей государственного мужа, иначе его не избрали бы вольные народы княжить и владеть собою, а потому одинокая фигура Рюрика, несколько старческая, классическая, неподвижная – идет в разлад со смыслом эпохи...

С правой стороны Рюрика находится группа из трех фигур: Владимира Равноапостольного и двух мужичков. Группе этой суждено выразить собою переход из языческой веры в христианскую, обращение от перунов, коляд, купал, леших, упырей к кресту и чаше с таинственным причастием человека к божеству. Владимир представлен как креститель земли русской, с крестом в руках; у ног его фигура мужичка, ломающего на колене изваяние идола. Владимир, как говорит история, был сначала ревностным язычником: умножал число идольских капищ, приносил людей в жертву мнимым богам, имел множество жен, несколько наложниц, вел жизнь, полную страстей, роскоши, разгула и слыл, по словам летописца, вторым Соломоном. Он далеко не сразу принял христианскую веру. Колеблясь между магометанскою религиею, римско-католическою и еврейскою, он отдал предпочтение греческому вероисповеданию вследствие двух причин: чудесного исцеления глазной болезни и картины страшного суда, развернутой перед ним греческим богословом и подействовавшей на него с потрясающею силою. Эпоха обращения его и его поданных в христианство, совершившаяся в 988 г. в водах Днепра, в Киеве, послужила сигналом к общему истреблению идолов и общему крещению всего народа. Вот почему, мне кажется, группа второй эпохи не вполне верна истории и не вполне обнимает собою ее обширный смысл. Владимир представлен здесь как бы уже родившимся христианином и притом в роде священника, идущего с войсками на брань с неприятелем, а не просветителем, разлившим широким потоком во все концы нашего отечества христианскую религию. Фигура новообращенного христианина не совсем верна истине: выражение ее очень холодно и притом отзывается чересчур сухой аллегорией: идолы перуна высекались большею частью из камня, а потому разломать его на колене невозможно, а между тем

тот момент, когда перун был низвергнут к Днепр и когда по берегу реки раздался возглас – *выддыбай, наш Боже, выддыбай!* – момент этот послужил бы художнику для более точного определения второй эпохи в истории развития нашего народа...

Третья группа, по порядку, состоит из трех фигур, стоящих рядом: Михаила Федоровича и с левой стороны его – нижегородского гражданина Козьмы Минина Сухорукого, а с правой – князя Пожарского, потомка Всеволода III и князей Стародубских. Минин представлен с скипетром в руках, подносящим его к Михаилу; Михаил с державой и Пожарский с мечом. Общая постановка группы передает понятно и зрителю, незнакомому с историей, эпоху избрания первого царя из дома Романовых. Мужественное, полное лицо Минина, обретенное национальною бородою, глядящее честно, умно на Михаила, не погрешая против истории, олицетворяет деятеля начала XVII столетия. Глядя на фигуру, припоминается само собою то увещательное слово, которое обращено им к согражданам, после прочтения, с амвона Софии, грамоты Троицкой лавры. «Буде нам хотеть помочь Московскому государству, – говорил нижегородский гражданин, – то не жалеть нам и животов своих, и не токмо животов своих, – и дворы свои продавать и жены и детей закладывати...» Фигура Михаила представлена в момент избрания его на царство, а именно когда собирается в Москве земский совет для избрания *царя кого Бог даст*, избрал юного Михаила и отправил к нему в обитель депутацию. Обнимая державу руками и возведя глаза на небо, Михаил точно повторяет слова, сказанные им архиепископу Феодориту: «когда есть на то воля Божия, то будет тако!» Князь Пожарский, представленный с обнаженным мечом, в броне, напоминает своею фигурою те дни из его жизни, когда он, разбив в упорной схватке гетмана Ходкевича и не успев еще обтереть лезвеё, явился к Михаилу во главе депутации. Он своим быстрым взглядом, твердою осанкою и протянутым мечом говорит зрителю о той нравственной силе, какою были наделены деятели земли русской в смутную эпоху мятежей. Вообще группа эта, избегнув эффектности и напыщенности, по отношению к форме, мысли и исполнению – превосходит все группы, и за нее большое спасибо Микешину.

Четвертая группа, состоящая из трех фигур, изображает ту эпоху, когда Петр I, прорубив окно в Европу, повел Россию по пути прогресса, дал новый ход и народной жизни, и государственному порядку. Петр Великий в costume его времени: в мундире, в высоких ботфортах, с лентой, при шпаге и с плащом, перекинутым через правое плечо, уже резко отличается одними внешними формами от своих предшественников. Покинуты мурmolки, охaбни, душегреи и выступила новая форма, новая жизнь, стерся тот Рубикон, который восемь столетий служил ненарушимою межою между государством русским и Западною Европою. Петр правую рукою держит скипетр, а левую прижимает к груди, точно указывая, сколько в ней зарождалось жарких стремлений на благо подданных, благо, принимавшееся ими в ту пору с недоверием и только спустя много лет оцененное по достоинству. Голова его увенчана лавровым венком. Из-за спины его, или, вернее сказать, над ним парит его гений, обвевающий крыльями своими державу; правая рука гения лежит на плече Петра, а левую, протянутую, он указывает в пространство... пространство, которое суждено наполнить благими преобразованиями потомкам державного царя. У ног Петра находится третья фигура, склоненная на одно колено, с поникшим вниз знаменем. В общей архитектуре памятника пришлось так: ангел с крестом в руках и коленопреклоненная перед ним Россия обращены лицами по одному направлению с группою Петра – к Софийскому храму, и глядятся прямо в растворенные двери его. Сегодня, при освящении памятника, царский дом и духовная процессия, выйдя из храма с хоругвями, крестами и иконами остановились против группы Петра и потом уже обошли вокруг всего памятника. Прислушиваясь к различным толкам и мнениям, слышавшимися на площади кремля, я пришел к тому заключению, что группа, изображающая четвертую эпоху развития нашей империи, не вполне совмещает в себе все громадное значение этой эпохи. Одни желали бы видеть в ней подавление Петром стрелецких бунтов, другие – начатки кораблестроения, третьи – борьбу с расколом, четвертые – увеличение финансов, усиление горного дела, и, вообще, подобным желаниям не было конца. Правда, группа с аллегорическим гением и побежденным шведом не заключает в себе исключительного, характеристического отпечатка, но дело в том, что в

жизни великого преобразователя России было столько дней и дел, выдающихся из обыкновенного уровня, что трудно решиться дать место одному и не дать другому. Дать же место всему тому, что он сделал, нет никакой возможности, иначе эта часть памятника превратилась бы в барельеф, в скульптурную виньетку, и группа атрибутов лишила бы собою всякую историческую серьезность. Ведь достаточно одного взгляда на портрет Петра, или даже на лицо его, чтобы вспомнить страницы нашей истории, вызванные его явлением на царском троне.

Пятая группа, состоящая из пяти фигур, представляет собою эпоху «собираения земли русской». На первом плане стоит Иоанн III в шапке Мономаха, с державой и скиптром в руках; по левую сторону его находится в полулежачем положении рыцарь в кольчуге и налокотниках, с обломленным мечом в левой руке, на правой стороне фигура в положении человека побежденного. Стройная фигура Иоанна выделяется из этой группы с тем же величием, с каким он выходит из страниц истории, имея постоянно, так сказать, под рукою полководца Даниила Щеню. В отношении Новгорода осторожный и расчетливый, и потом в жестокой битве при реке Шелони с князем Михаилом Олельковичем, помогавшим Новгороду, отважный и решительный, он неустанно шел к цели округления московского государства. Уничтожив вече новгородское и переселив несколько тысяч новгородцев в московские земли, он окончательно подавил волнения вольного города и потом утвердился в княжествах рязанском, тверском, в Верее и в уделах братьев. Побуждаемый женою Софьею, происходившею родом от византийских императоров, он решился на борьбу с Золотою ордою и успел низвергнуть ее иго, или, вернее, ослабить до того, что баскаки, или пристава татар, перестали являться уже в московское государство за получением дани. Войны с Польшею, Литвою, сношения с Швецией, Австрией, Венецией и Турцией, вызов зодчих из-за границы, в том числе и знаменитого Аристотеля Фиоравенти, украсивших кремль Москвы дворцами, грановитую палатую – все это дает место Иоанну III как собирателю земли русской и как государю, много трудившемуся над созданием внутренней и внешней гармонии царства. Проникновение западной роскоши в московское государство тоже должно отнести к

этой эпохе. Вообще, эта группа с фигурами побежденных князей удачно характеризует возрождение большого государства из мелких уделов. Впрочем, Иоанн Калита имеет больше прав на место возле Иоанна III, нежели та фигура, которая прячется за ним и почти под державой, так что назначение ее, и для чего она здесь, и что она выражает – остается загадкой для зрителя...

Остается последняя группа, выражающая освобождение России от зависимости татар. Представителем этой эпохи является Дмитрий Иоаннович Донской, который, по словам летописи: «баше крепок и мужествен, и телом велик и широк и плечист, чреват вельми и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело...» Дмитрий Донской готовился, кажется, сизмала еще к борьбе с врагами и к делу ратному: борьба с суздальским князем Дмитрием Константиновичем, *выходившим* было себе ярлык в орде на княжество владимирское, борьба со многими другими удельными князьями: стародубским, галицким, ростовским – борьба и борьба готовили князя к побоищу с татарами, слывающим в памяти народа под именем Мамаевого.

В нынешний день, т. е. 8 сентября 1380 г., четыреста тысяч войска русского встретились на Куликовом поле с бесчисленными ордами татар, и произошел кровопролитный бой, не легко доставивший победу закаленному в борьбе и боях Дмитрию. Из 400 000 войска едва насчитали после победы 40 000, и самого победителя нашли едва дышащим в изрубленном панцире. «Оттого земля русская оскудела воеводами и слугами, и была печаль в людях», но победа, доставшаяся потоками крови и сотнями тысяч трупов, и вслед затем введение огнестрельного оружия, придала ту нравственную силу славянам, которая впоследствии окончательно свергнула иго луны над христианским крестом. Дмитрий, стоя на памятнике по левую сторону Рюрика, заключает собою цикл наших эпох, и заключает торжеством мощи народа пред вражьей силой. «Ляжем костями ту, но не посрамимся во веки!» Эти знаменитые слова Святослава воодушевили, вероятно, Дмитрия, когда он решился пожертвовать сотнями тысяч народа за русскую землю.

Все эти шесть главных групп, вместе с державой в середине их, с ангелом, крестом и Россией, вся эта масса бронзовых фигур уста-

новлена на фундаменте из сердобольского гранита, отшлифованного с артистической чистотою. Вокруг цоколя его обвивается лавровый венок, а кругом постамента неразрывный барельеф с изображением просветителей, государственных людей, полководцев, писателей и художников. Постамент имеет в окружности $87\frac{1}{2}$ футов, и главнейшие группы помещенных здесь деятелей отделяются одни от других приличною скульптурной драпировкой. Нет возможности определять положение каждой из этих фигур отдельно и то значение, какое имели лица, обретшие здесь место на память потомству в ходе нашего духовного, материяльного, государственного, художественного и литературного развития, и потому скажу только, что барельеф этот есть только более полное разъяснение того пути, по которому двигалась Россия в продолжение минувшего тысячелетия, пока она достигла настоящего строя по всем отраслям народной и государственной жизни. Просветители, коих на барельефе 27, начинаются от Кирилла и Мефодия, составивших славянскую азбуку и переведших главнейшие богослужebные книги на славянский язык, по исследованию г. Бодянского, в 862 г., т.е. в год призвания Рюрика, и оканчиваются Иннокентием, принимавшим деятельное, живое участие в последнюю войну нашу с западными державами. Государственные люди, которых на барельефе 26, начинаются Ярославом I, издавшим первый гражданский устав под названием «Русской правды», и оканчиваются графом Сперанским, совершившим великий труд, собравшим в одно целое полное собрание законов Российской империи. Итак, цикл наших государственных людей минувшего тысячелетия начинается и оканчивается деятелями по законодательной части. Полководцы, которых на барельефе 36, начинаются Святославом, не любившим роскоши, не знавшим усталости, питавшимся кониною и мясом диких зверей, воодушевлявшим воинов собственным примером бесстрашия и суровости, до адмиралов: Лазарева, Корнилова и Нахимова, запечатлевших кровью геройскую защиту Севастополя. Святослав, по летописи Льва Дьякона, носил в знак благородства «на голове клок волос, а в ухе серьгу, украшенную камнями и жемчужинами». Интересно проследить ход нашего военного искусства от ладьи и коня Святослава до подземной войны наших минеров и саперов в севастопольских траншеях. Писатели

начинаются Ломоносовым и Волковым, и оканчиваются Гоголем, Брюлловым и Бортнянским. В этом отделе наших деятелей немного лиц, всего 15, но много сделано ими на пользу нашего художественного и литературного развития. Здесь я вижу многие пробелы, но укажу только на Иванова; его «Явление Христа народу» заслуживало бы местечко в среде художников, в особенности если взять во внимание, что этого местечка заслужил Кокоринов, строивший Академию художеств и недостроивший ее...

Памятник осмотрен. Какое же производит он впечатление в душе зрителя, озирающегося на десять столетий прошлого? Выражает ли он собою идею развития нашего государства? Удовлетворяет ли он исторической верности? Верен ли он законам скульптуры? Нет ли на нем лишних лиц, которых следовало бы заменить другими, теперь отсутствующими? – Все эти вопросы задаются сами собою и вызывают такие разнообразные ответы, что, право, нет никакой возможности применить сюда в полной силе юридическое: *auditor et altera pars*.^{*} Одни находят, что Россия дважды изображена на памятнике: в виде державы, вокруг которой расставлено шесть групп, и в виде женщины, коленапреклоненной на этой державе. Другие недовольны тем, что шесть разобранных мною групп обращены к державе не лицами, а спинами, но рядом с этим мнением я слышал и опровержение очень энергичное, а именно то, что мать, защищая свое детище, не выставляет его впереди себя, а прячет за спину... Третьи желали бы видеть какую-нибудь связь между шестью историческими группами, но эти третьи забыли, вероятно, что легко высказать всякое желание, но нелегко его исполнить. Пожалуй, скульптору не трудно было заставить Рюрика подать руку Владимиру, а Владимира обняться с Михаилом и т.д., но такая связь эпохи с эпохой была бы уж чересчур не натуральна... Четвертые говорят, что общий вид памятника страдает от эффектности, театральности, декоративности, но ведь и то сказать, что в минувшую тысячу лет, действительно, в жизни России выдавались минутки, годные для драмы и трагедии, отчего же в таком случае им не занять место, сохранив характер факта, события? Пятые... но, повторяю, нет никакой возможности выслушать, а тем более передать на бумагу, всю

---

^{*} Следует выслушать и другую сторону (*лат.*).

массу мнений, суждений, возражений, объяснений, какие мне только пришлось выслушать сегодня в толпе зрителей, то разбиравших памятник по суставчикам, то критиковавших его в целом... В одном только сходились все эти разносторонние суждения, и именно в том, что освобождение крестьян от рабства должно бы быть седьмою эпохой и занять место возле тех шести, которые окружают собою державу. Но и тут, впрочем, мнения разделились и за, и против: одни говорили, что не принято ставить памятник живому, а другие возражали, что если неуместно ставить памятник живому, то совершенно прилично отдавать совершившемуся факту и т. д., и т. д. Повторяю еще раз, мнений и суждений не перечсть!

Внешнее исполнение памятника, за весьма малыми исключениями, и то на барельефе постамента, где видна некоторая торопливость, очень хорошее, зато, как я слышал, лица, принимавшие участие в создании памятника, не остались без щедрой награды. Особенного внимания еще заслуживает то обстоятельство, что расходы, произведенные на постройку памятника, сравнительно с другими расходами на другие подобные же постройки – не идут даже в параллель, так экономны. Мне следовало бы сегодня сказать еще несколько слов об иллюминации и вообще о нынешнем празднике Новгорода, но письмо и без того длинно, рука устала, а потому до завтра.

Новгородъ.

Волховская пристань.

Изд. Ф. Ф. Кохъ, Новгородъ.

Новгород. Волховская пристань. Фотография начала XX в.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» ТЕЛЕГРАФИЧЕСКИЕ ДЕПЕШИ

Новгород, 7 сентября, 8 ч. 45 мин. попол. <удни>

Их Величества Государь Император и Государыня Императрица, и Их Императорские Высочества Государь Великий Князь Наследник Цесаревич, Государи Великие Князья Александр, Владимир и Алексей Александровичи, Михаил Николаевич и Николай Константинович, Государыни Великие Княгини Мария Николаевна и Ольга Федоровна, и Княжна Мария Максимилиановна, выехав сегодня по железной дороге из Колпина в 12 часов дня, прибыли в 2¼ пополудни к Сосницкой пристани, откуда изволили следовать на пароходе до Новгорода.

В 6¾ часа пополудни Их Величества и Их Высочества прибыли благополучно в Новгород, и на пристани были встречены Их Императорскими Высочествами Великим Князем Николаем Николаевичем, Великою Княгиною Александрою Петровною и Вели-

ким Князем Николаем Николаевичем младшим, военными и гражданскими чинами, дворянством, купечеством, волостными старшинами и сельскими старостами, и многочисленную толпою народа, приветствовавшею Их Величества громкими криками «ура».

На всем протяжении Волхова берега близ деревень украшены были декорациями из зелени, вензелями Их Величеств и разноцветными флагами; народ собирался густыми толпами, приветствовал и провожал проходивший пароход громким «ура».

<8 сентября>

Телеграфическая депеша от 8 сентября известила: «Памятник тысячелетия торжественно был открыт и освящен в 12½ часов при огромном стечении народа. До открытия Государь Император изволил принять хлеб-соль от дворянства и купечества; после торжества жители Новгорода угощали 12 тысяч войска на Сенной площади. В 5 часов пополудни Государь Император дает обеденный стол в залах дворянского собрания для новгородских дворян.

С.-Петербург, 11 сентября

Их Императорские Величества и Августейшая Фамилия изволили выехать 10 числа сентября из Новгорода в 12 ч. пополудни, сопровождаемые тем же всеобщим восторгом, с каким были встречены при въезде в Новгород. Обед был приготовлен на станции Любянской. В 8 часов вечера поезд прибыл благополучно в Царское Село.

Телеграфическою депешою из Новгорода от 10 сентября сообщают в Journal de St.-Petersbourg следующее: встреча, сделанная вчера Государю Императору крестьянами, была самая задушевная. Его Величество обратился к ним со словами, в которых разъяснил ложные слухи, распространенные по деревням, чтобы убедить крестьян, будто изменения в постановлении об освобождении даруют им новые благоденствия, и тем замедлить окончательные сделки между помещиками и крестьянами.

Государь Император убеждал крестьян окончить, сколь возможно скорее, для общего блага их, сделки с помещиками на основании положения.

На обеде, данном купечеством, Его Императорское Величество был встречен с восторгом, как на блестящем балу, данном дворянством, где присутствовали все члены Императорской Фамилии. Их Величества прибыли на бал в 10 ч. вечера и после ужина, в 1 ч. пополуночи, изволили оставить общество.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА»
ПИСЬМА ИЗ НОВГОРОДА

Письмо I

7 сентября 1862 г.

Поездка наша в Новгород была весьма удачна. Погода как нельзя лучше благоприятствовала. Оставляя Петербург, мы уже видели многочисленные приготовления к празднеству тысячелетия. Тюки разных товаров, бесчисленное количество чемоданов с вещами, все это назначалось в Новгород.

От Волховской станции мы решились ехать в Новгород на пароходе. При покупке билетов давка была так велика, что у г-на фотографа Александровского просто из рук выхватили 150 рублей и, разумеется, их след пропал. Мы приехали в Новгород в 9 ½ часов, выехавши из Петербурга в 12.

Что сказать о Новгороде? – Это маленький городок, почти весь каменный, с 17 000 жителей и 52 церквями. По уверениям местных жителей, некоторые церкви так бедны, что многие из них не имеют священников. В настоящее время Новгород весьма чист и опрятен. Все лето его красили, мели, чистили и мыли ради предстоящего торжества. Мостовые довольны исправны, а тротуары в некоторых местах весьма хороши и вымощены известковым плитником. Жизнь в Новгороде, вообще говоря, столь же дорога, как и в Петербурге. Фунт говядины 10-12 копеек, в обыкновенное время, цыпленок живой 20 копеек; фунт чухонского масла 25 копеек; две комнатки в год стоят 120 рублей и пр. До сооружения московской железной дороги Новгород был на перепутье по шоссеному тракту. Поэтому-то в нем и теперь много постоялых дворов, но все они пусты. Нас весьма озадачило то обстоятельство, что в Новгороде нет садов. Все обыватели строили небольшие дома и старались иметь громадный двор, *постоялый*, для приезжих. В Новгороде есть театр деревянный, с сильным сквозным ветром, но с очень порядочной труппой артистов. Вчера давали «Карьеру», соч. Королева, и какой-то водевиль. Считаем справедливым упомянуть имена артистов, которые обратили на себя внимание публики: г. Павлов, комик весьма

даровитый; г. Волгин играет влюбленных и разочарованных; г-жа Павлова и г-жа Алексеева достойны поощрения.

Одно из прекраснейших зданий, по красоте архитектуры и по внутренней отделке, несомненно, дворянское собрание.

Из гостиниц особенно славится гостиница Соловьева. Вечером мы там пили чай, и за порцию взяли с нас 75 коп. Эта гостиница поразила нас своей опрятностью и даже некоторым изяществом в сервировке. В ней остановились многие лица, принадлежащие к свите Его Императорского Величества.

Новгород переполнен народом. Все ожидали дороговизны и недостатка в припасах, но всего навезли из Петербурга вдоволь, и цены понизились на несколько процентов. Народ называет этот съезд ярмаркою. Нам удалось слышать это выражение даже и от извощиков. Кстати, об извощиках. Здесь линейки не хуже обыкновенных петербургских. По случаю тысячелетнего торжества им платят по 50 и 75 коп. за час. Многие нанимают их по 5 рублей в сутки, другие подрадили на все время празднества за 35 рублей.

Приготовления к иллюминации громадные. Обыватели стараются устроить ее великолепно и ничего не жалеют, чтобы достойно принять дорогих сердцу их Гостей. Говорят, что работы по иллюминации принял на себя какой-то заезжий петербуржец.

Из Высочайших Особ в настоящее время в Новгороде Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич старший с Супругою и Сыном. Нынче вечером в 6 часов ожидают прибытия Его Императорского Величества Государя Императора, Ее Императорского Величества Государыни Императрицы, Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, Их Императорских Высочеств Великих Князей Александра, Владимира и Алексея Александровичей, Михаила Николаевича с Супругою и Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Николаевны с Августейшими Детьми Ее.

Сейчас иду в кремль для того, чтобы посмотреть на крестный ход по случаю переложения мощей св. Владимира. О подробностях писать буду в следующем письме. Покуда известно, что завтра произойдет открытие памятника, и в тот же день будет угощение от города нижних воинских чинов на площади за зданием дворянского

собрания; послезавтра бал, который дворянство дает для Государя Императора.

Письмо II

7 сентября 1862 г.

Сегодня в Новгороде уже началось празднество. С раннего утра все жители устремились в кремль, где должно было совершиться переложение мощей св. князя Владимира Ярославовича в новосооруженную раку.

Эта рака уже несколько дней стояла в соборе, и все жители Новгорода могли ее обозревать. Вчера после полудни мы сами были в соборе. Многочисленные богомольцы толпились в церкви и с благоговением обозревали новую раку.

Считаем обязанностью сказать несколько слов о новой раке, а после приступим к описанию церковных обрядов, сопровождавших самое совершение переложения мощей.

Раку чеканил петербургский мастер *Федор Андреевич Верховцев*. Посвятив свои труды сооружению церковной утвари, он соорудил с этим вместе и самому себе истинный памятник в летописях благолепия православной церкви.

Новоустроенная рака весит 4 пуда 28 фунтов 7 золотников. На верхней доске изображен св. великий князь Владимир, покоющийся на подушке. Боковые барельефы: 1) возвращение св. Владимира в Новгород после победы над греками; новгородцы подносят своему князю хлеб-соль. 2) Закладка храма св. Софии в Новгороде, 1045 года; архиепископ окропляет святой водою место будущего храма; св. Владимир выражает зодчему свои мысли относительно устройства храма; зодчий стоит перед ним на коленях и держит развернутый план Софийского собора. 3) Тропарь. 4) В ногах раки – преставление св. Владимира (1052 года).

Вот как происходила церемония переложения св. мощей.

7 сентября начался перезвон: в Софийском соборе, в кремле, в половине девятого часа утра; в половине девятого часа в Знаменском соборе, где чудотворный образ Знамения Божией Матери, на Торговой стороне; в то же время в Николаевском соборе, где чудотворная икона святителя Николая, на Ярославовом дворе.

В 9 часов благовест в Знаменском соборе, откуда преосвященный Леонтий, с.-петербургский викарий, епископ Ревельский, в начале десятого часа, в сопровождении прибывших на сие торжество 5 архимандритов и всего градского новгородского духовенства, совершил крестный ход в Софийский собор, в преднесении 4 хоругвей, запрестольного креста и чудотворной иконы Знамения Божией Матери, которая несена была священниками, для сего назначенными, по очереди. На пути, у часовни праведного и блаженного Феодора, новгородского чудотворца, протоирей Николаевского двориченского собора с некоторыми священниками вышел с чудотворною иконою святителя Николая и хоругвями, и соединился с общей процессиею. Таким образом шествие продолжалось до часовни Чудного Креста, на конце волховского моста, близ кремля. По мере приближения к часовне, по трезвону в Софийском соборе вышел навстречу к часовне Креста с хоругвями и крестом запрестольным новгородский викарий преосвященный Феофилакт с назначенными к служению литургии архимандритами, протоиреями и прочим соборным духовенством. Здесь преосвященные Феофилакт и Леонтий, предшествуемые всем, уже – и из Знаменского собора, и из Софийского собора – духовенством, продолжили шествие общее прямо к южной паперти Софийского собора, где встретил шествие митрополит Новгородский и С.-Петербургский Исидор, который по охажде-нии св. икон приложился к ним и вошел в собор с одним старшим духовенством. Иконы с запрестольным крестом и хоругвями не были вносимы в собор, но с прочим духовенством направлены к западным корсунским вратам, где ожидался выход процессии из собора. В соборе, после обычного вокруг раки каждения и молитвенного земного троекратного поклонения мощам св. благоверного князя Владимира, митрополит с преосвященными, архимандритами и протоиреями совершил переложение их из прежней в новую серебряную великолепную раку, которую они же подняли и несли по собору до наружной корсунской паперти на руках. Здесь на приготовленные носилки поставили оную и, в предшествии особых лиц, несли на бархатных красных подушках регалии великокняжеские: корону или шапку великокняжескую древнюю – г. предводитель дворянства

князь Мышецкий, а великокняжеский крест с цепью или наперстный нагрудный старинный – генерал Бахметев.

Шествие это при полном колокольном звоне от корсунских врат направилось кругом холодного собора в преднесении означенных запрестольных крестов, хоругвей, св. икон Софии, Премудрости Божией, св. Николая чудотворца и Знамения Божией Матери, и серебряной раки с мощами вел. кн. Владимира, в сопровождении всего духовенства, преосвященных и митрополита, Великого Князя Николая Николаевича и Супруги Его Александры Петровны, и прочих многих особ и народа – к югу, и у южных врат остановились для первой ектеньи совершаемого молебна в честь благов. кн. Владимира, с осенением св. крестом на 4 стороны – при троекратном: Господи, помилуй, пропетым митрополитскими певчими. Затем процессия направилась к восточной стороне собора, и против главного алтаря митрополит читал Евангелие, и после опять осенил крестом на 4 стороны. Потом процессия обратилась к западной стороне собора, и здесь опять митрополит осенил крестом на 4 стороны.

В собор входили опять теми же корсунскими западными вратами и положили мощи на возвышении среди собора до окончания литургии. Чудотворные иконы Знамения Божией Матери, Николая чудотворца в особых позолоченных тумбах поставлены на все время совершения литургии: первая по левую, а вторая – по правую сторону иконостаса, у самых царских врат. Здесь же стояла икона св. благ.<оверного> князя Владимира, подле знаменской.

Литургию совершал митрополит с преосвященным Феофилактом, 4-мя архимандритами и соборным духовенством. Певчие пели митрополичьи. Проповедь говорил соборный священник Добрадин. По окончании литургии возглаголено многолетие Государю Императору *полное*. Наконец, рака с мощами поставлена на свое прежнее место с величанием благ. князю св. Владимиру.

С раннего утра весь город украшен был тысячами разноцветных флагов, гирляндами живой зелени и цветов, деревьями и бесчисленными транспарантами. Флаги развевались на всех домах и балконах. На Волхове все барки и садки тоже украшены были флагами. Около 5 часов народ толпился у пристани, по берегам Волхова, в городском саду, и пр. Ровно в шесть часов начался звон во всех

церквах. Это была торжественная минута. Набожный русский народ проникнут был необыкновенным умилением: *Царь едет! Царь едет!* – раздавалось со всех сторон! Звон продолжался с лишком четверть часа, пока ясно начали видеть приближавшийся пароход, на котором развевался Императорский флаг. Крики «*ура!*» раздались со всех сторон. Нельзя описать того истинного восторга, с каким новгородцы встречали своего возлюбленного Монарха. Матери с грудными младенцами, дряхлые старики – все вышли на встречу, чтобы лицезреть обожаемого Государя!

По приезде в Новгород Его Императорское Величество изволил отправиться в Софийский собор, а после в архиерейский дом, в котором изволил остановиться.

Вечером весь город был великолепно иллюминирован, несмотря на то, что погода испортилась, и полил дождь.

Все с нетерпением ожидают завтрашнего дня и справляются по календарю о фазисах луны, в ожидании все-таки благоприятной погоды.

Итак, мы провели канун открытия памятника весьма торжественно. День начался молитвою св. угоднику велик.<ому> кн.<язю> Владимиру и кончился горячею молитвою за возлюбленного Монарха.

Оканчивая настоящее письмо, посвятим несколько строк обозрению литературы, появившейся по случаю праздника тысячелетия.

Не будем говорить о статье, напечатанной в месяцеслове 1862 г., и о лекции профессора Костомарова; но обратимся к животрепещущим вопросам:

Преподаватели новгородской гимназии Н. Отто и И. Куприанов в Новгороде издали *Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России, воздвигнутого в г. Новгороде 1862 года*. Это весьма старательно и дельно составленная книга, на которую мы обращаем внимание наших читателей.

Памятник тысячелетия России, приложение к «Грамотею». Это жиденькое извлечение из предыдущего сочинения. Цена 25 коп.

Тысячелетие, листок для всех, Ирина Мельника. Цена 10 коп. Это №1 какой-то газеты, появляющейся в неопределенные сроки. Здесь описанию памятника посвящено только 2 страницы.

Тысячелетие России, стихотворение Ивана Ваненко. Автор сзывает всю Русь на праздник тысячелетия:

Сходитесь в Новгород, братья!
Сходитесь пир пировать,
Вас древнего старца объятья
Готовы радушно принять.

Иди, златоверхий Киев!
Да будет твой первый привет:
Крещением Русь просветил ты,
К нам внес православия свет.

Иди ты, родимая мать,
Кормилица наша, Москва и т.д.

Автор таким образом собирает всю Русь, выставляя заслуги каждого города, и оканчивает стихотворение возгласом:

Боже, Царя храни!
Славному долгие дни
Дай на земли!

К тысячелетию России, стихотворение, напечатанное в типографии Арнгольда. Цена 5 коп.

Беседа у памятника тысячелетия русской земли. Соч. В. Б-ва. В этой брошюре рассказывается очерк истории русского государства и вкратце описывается памятник. Мы приведем следующий отрывок:

«19 февраля 1861 года последовало *освобождение крестьян* – вот подвиг, за который век будет молить Бога русская земля за Государя своего Александра II. Избавились мы от рабства татар, отбили от иноземцев, теперь избавились и от домашнего рабства. Вперед же, братцы, в новую жизнь, на новые мирные гражданские подвиги! Недаром же выстрадали наши деды и отцы свободу русской земли у татар, поляков, французов и внутренних неурядиц. Возьмитесь же, по слову *Царя Освободителя*, за свободный труд всей могучей русской силой, и покажем свету, сколько великого и

доброе делает единая и свободная земля русская и великий вольный народ русский».

<Письмо III>

Новгород, 8 сентября 1862 года

Новгород праздновал нынче тысячелетнее существование русской державы. Воображение невольно переносит нас в века минувшие. На широких сарматских равнинах раскинул свое преобладающее влияние могущественный народ и, подчинив многочисленные племена, создал гением своим несокрушимую державу. Как сложилась эта держава, как выработывался гений народа, как сливались разнородные элементы в одно общее гармоническое целое, какими путями великая идея порядка облеклась в России в форму самодержавия – все это находим мы в исторической драме, охватившей одну седьмую часть всей нашей планеты и подчинившей влиянию своему около 10 миллионов населения. Самый закоснелый пессимизм невольно преклоняется пред величием этой драмы, и чувство неподдельного душевного умиления овладевает тем, кто примет на себя труд вникнуть глубже в тысячелетнюю историю народа русского!

На первых страницах русской летописи сохранилось драгоценное предание, послужившее основанием настоящего праздника. Бессмертный летописец наш повествует, что наши предки решили поискать себе князя, который бы владел и судил *по праву*, потому что «земля наша», как они выразились, «велика и обильна, а порядку в ней нет».

В этих словах заключается идея неоспоримой политической истины, государственной мудрости всех веков и всех народов, глубокое сознание права и благоустройства, и уважение святости правительственного юридического начала. Порядок и благоустройство – это душа жизни общественной, это жизнь, облеченная в видимую, осязательную форму деяний человеческих, это тайна земного счастья человека. Без порядка нет и не может быть систематической последовательности в действиях; без порядка не существует никакой гарантии для частных и общественных интересов; без порядка нет разумного развития; без порядка, наконец, идея *права* немыслима.

Призывая варяжских князей, предки наши сознали святость власти самодержавной, ожидая от нее именно того блага, которое доступно для человека на земле, а именно: *блага в порядке*. Вся драма нашей отечественной истории есть не иное что, как постепенное уяснение государственного начала и водворение порядка и благоустройства на всех ступенях гражданственности. Таким образом, слова летописца, имея глубокий философский смысл, заключают в себе символ жизни всех народов и полную задачу тысячелетней жизни народа русского, от Рюрика до наших дней.

Отец русской исторической критики, Шлецер, благоговей пред русским летописцем, нисколько не преувеличил его достоинства и значения, поставив русскую летопись, по ее правдивости, по ее достоверности, выше всех летописей мира. Будущий историк второго тысячелетия России найдет столь же много побудительных причин и оснований для прославления истории славян вообще и русских в особенности за то многообразное влияние, которое внесет оно в сокровищницу общечеловеческой науки и жизни, счастливо развивавшейся под сенью самодержавного и единодержавного начала.

День 8 сентября, назначенный для открытия и освящения памятника тысячелетия государства российского, есть день незабвенный в летописях нашего отечества. 8 сентября 1380 года Дмитрий Донской на поле Куликовом одержал блистательную победу над татарами и положил тем начало низвержению монгольского ига, а следовательно, и возвышению Москвы над всеми городами русскими; 8 сентября родился Тот, кому Провидение вручает в будущем судьбы народа русского; Тот, кто будет иметь полное право гордиться благородным наследством нравственным, ранее завещанным ему венценосным Отцом Его, записавшим Свое Имя в святой список *друзей человечества*.

Этот день начался в Новгороде пятью пушечными выстрелами, возвестившими жителям о предстоящем торжестве. Народ хлынул в кремль. На площади, на которой возвышается монумент, были расставлены войска; близ монумента раскинута была палатка для Императорской Фамилии и для лиц, составляющих свиту Его Импе-

раторского Величества. До начала литургии Государь изволил объехать войска и затем, возвратившись в митрополичий дом (в котором изволил остановиться) вместе с Государынею Императрицею, Государем Наследником и прочими Членами Августейшего Семейства, в сопровождении ближайшей свиты, изволил отправиться в Софийский собор для слушания божественной литургии, которая началась в 11 часов. По окончании литургии высокопреосвященнейший митрополит С.-Петербургский и Новгородский Исидор и все духовенство вышли из собора с хоругвями и образами, и крестный ход медленно потянулся из церкви к памятнику. Государь Император, сев на коня, сопровождал церковное шествие, а Государыня Императрица, Государь Наследник Цесаревич вместе с прочими Членами Августейшего Семейства следовали за церковной процессией до самой палатки пешком. Тут Государь сошел с коня и вместе с Августейшим Семейством Своим стал под палатку для слушания молебствия.

Во время молебствия особенно была торжественна минута, когда Государь, войско и весь народ преклонили колени и соединились в общей молитве о счастье и благоденствии России*.

По окончании молебствия и по окроплении памятника святой водою Государь Император обнял Наследника престола русского, горячо прижал Его к груди Своей, поцеловал и благословил. После того Его Императорское Величество сел опять на коня и проводил церковное шествие обратно до Софийского собора.

Перед началом военного парада Государь милостиво благодарил *академика Микешина* и удостоил его пожатием руки. В день открытия памятника г. Микешин был пожалован кавалером ордена св. Владимира 4-й степени и ему дана пожизненная пенсия в 1200 рублей.

Здесь место сказать несколько слов об этом замечательном и в высшей степени даровитом нашем художнике. Г. Микешин приоб-

---

* Для торжества 8 сентября его высокопреосвященство московский митрополит Филарет написал особую молитву, которая и была прочтена во время молебствия. Молитва эта дышит такой удивительной теплотой, таким чистым сердечным умилением, таким глубоким религиозно-нравственным чувством, что, читая ее, невольно забываешь все окружающее и возносишься в иной мир, в мир неземной.

рел уже себе известность как живописец, когда проэкт памятника тысячелетия России обнаружил в нем одного из даровитейших скульпторов. На конкурсе, учрежденном по случаю предполагаемого сооружения памятника, найдены лучшими три проэкта: гг. Микешина, Горностаева и Антипова. Г. Горностаев предлагал воздвигнуть стацию России по образцу известной статуи Баварии; г. Антипов составил замечательный проэкт пантеона. Разумеется, что место не позволило соорудить пантеона, а статуя России не имела бы того символического значения, которое заключается в проэкте г. Микешина; поэтому последний принят и приведен в исполнение. В какой мере искусство художника успело разрешить многотрудную задачу, принятую им на себя, могли судить все, видевшие новгородский памятник. Мы с своей стороны можем лишь сказать, что на нас он произвел самое отрадное впечатление, и что все те, которые видели памятник, отдавали полную справедливость громадному таланту г. Микешина. Впрочем, мы в особой статье намерены поговорить подробнее о значении и достоинстве вновь воздвигнутого у нас в России памятника, а теперь обратимся снова к описанию праздника 8 сентября.

Площадь, на которой поставлен монумент, представляет почти правильный четырехугольник. На правой стороне этого четырехугольника возвышается древний Софийский собор и так называемый митрополичий дом, в котором остановился Государь Император; налево находится весьма обширное здание присутственных мест; две другие стороны четырехугольника, по случаю торжества, были обстроены подмостками, на которых устроили ложи для публики. Пехотные войска расположены были близ здания присутственных мест и около лож шпалерами. Военный парад начался около 12 ½ часов. Все войска проходили, по обыкновенному порядку, мимо Государя Императора. По окончании парада, в 2 часа пополудни, Его Величество, сошедши с коня, подошел к Императрице и вместе с Ней изволил отправиться в занимаемые Им в митрополичьем доме покои. В это время народ с восторженными криками *ура* бросился посмотреть ближе на своего возлюбленного Монарха и, проводив Его до ворот архиерейского дома, с нетерпением ожидал вторичного появления Государя, который вскоре вышел вновь с Императрицей и отправился

на площадь, находящуюся по ту сторону кремлевской стены и на которой накрыто было 360 столов для угощения войска. На столах стояли целые жареные бараны с позолоченными рогами, пироги, щи и каша, а около столов в чанах приготовлено было для солдат пиво. В особой палатке накрыт был стол с закуской для Государя Императора, Его свиты и для гг. офицеров. По прибытии Государь Император и Государыня Императрица подошли к солдатам, расположенным за столами. Громкое ура раздалось тотчас по появлении Государя, который изволил благодарить войска и пить за их здоровье. Обойдя все столы, Государь Император и Государыня Императрица возвратились в занимаемые ими покои.

Утром, за несколько времени до открытия памятника, Государь принимал дворянство, которое поднесло Его Величеству, по русскому обычаю, хлеб-соль на серебряном блюде. Новгородский губернский предводитель дворянства князь Мышецкий, поднося Государю хлеб-соль, сказал следующее:

«Государь!

Поднося Вам хлеб-соль русскую и с благоговением и сердечною радостью приветствуя приезд Ваш в колыбель царства русского, новгородское дворянство осмеливается выразить своему Монарху те неизменные чувства горячей любви и преданности, которыми оно всегда гордилось и гордиться будет».

По выслушании приветствия губернского предводителя Государь Император изволил произнести следующие слова: «Поздравляю вас, господа, с тысячелетием России, рад, что Мне суждено было праздновать день этот с вами в древнем нашем Новгороде, колыбели царства всероссийского.

Да будет знаменательный день этот новым залогом неразрывной связи всех сословий земли русской с правительством, с единой целью – счастья и благоденствия дорогого нашего отечества.

На вас, господа дворяне, Я привык смотреть как на главную опору престола, защитников целостности государства, сподвижников его славы, и уверен, что вы и потомки ваши, по примеру предков ваших, будете продолжать вместе со Мною и с преемниками Моими служить России верою и правдою». (При этом все дворяне с чувством отвечали: *будем, Государь! Будем!*)

«Благодарю вас от всей души за радушный прием. Я верю чувствам вашей преданности (*Верьте, Государь! верьте*) и убежден, что они никогда не изменятся»*.

В 6 часу пополудни был дан Государем Императором обед в залах дворянского собрания, на который были приглашены все дворяне и высшие должностные лица. До обеда Государыне Императрице представлены были новгородские дамы.

За обедом первый тост был провозглашен Государем Императором за благоденствие России. Второй тост провозглашен дворянами за Государя Императора и Наследника Цесаревича. Третий тост провозглашен был Государем за благоденствие всего русского дворянства и дворянства новгородского. Продолжительное, восторженное *ура!* послужило ответом на все тосты. Хор военной музыки исполнил народный гимн «Боже, Царя храни!».

После обеда Государь Император и Государыня Императрица милостиво и с особенной приветливостью разговаривали со всеми дворянами. Восторга дворян описать воистину невозможно; день этот был для них праздником из праздников.

Вечером Его Императорское Величество изволил отправиться на *Рюриково Городище*, которое находится при выходе Волхова из озера Ильменя. Народ встретил возлюбленного Монарха с невероятной радостью и восторгом: мы были свидетелями, как многие снимали с себя одежду и бросали ее под ноги Государю; как некоторые становились на колени, смотрели на Государя и крестились, называя Его ангелом небесным. От криков «*ура!*» дрожал, так сказать, воздух. Описывать все частные эпизоды этого в высшей степени трогательного зрелища мы не беремся; можем сказать лишь, что счастлив должен быть Монарх, который имеет подобные минуты в жизни своей!

Вечером Новгород был великолепно иллюминирован. Весь город украсился транспарантами и разнообразными декорациями, изящно и богато устроенными. Дворянское собрание, губернские присутственные места, городская дума, гостиный двор, гимназия, губернская почтовая контора, дом купца Кузнецова и многие другие здания были, можно сказать, залиты огнем. Особенно замечательна была

---

* Слова эти сообщены были в № 197 «Северной Почты».

иллюминация на воде, устроенная новгородским помещиком г-м Эртелем. Против моста и кремлевских ворот по реке Волхову на барке большого размера возвышался щит, имевший в основании 13 аршин и в высоту 7 сажений 1 аршин. Щит этот изображал памятник тысячелетия России; по правую сторону этого щита помещен был другой щит с изображением герба русской империи, окруженного губернскими гербами; такого же размера помещен был щит по левую сторону большого щита, изображавшего памятник. В середине второго находился герб новгородский, окруженный тоже губернскими гербами. Вся эта декорация украшена была зеленью, разноцветными флагами, иллюминирована пятью тысячами разноцветных огней, римскими свечами и большим фонтаном.

Мы забыли упомянуть об иллюминации старого екатерининского дворца, которая также была необыкновенно эффектна.

<Письмо IV>

Новгород, 9 сентября 1862 года

Вчера, говоря об иллюминации в день открытия памятника, мы забыли сказать, что летний сад, живописно раскинувшийся на берегу Волхова и расположенный в холмистой местности над диким оврагом, был замечательно хорошо иллюминирован и украшен транспарантами и разноцветными фонарями. В саду играл, в продолжение всего вечера, военный оркестр музыки; другой оркестр поставлен был перед архиерейским домом, в котором остановился Государь Император. Гулянье 8 сентября продолжалось до глубокой ночи, несмотря на то, что в 11 часов начался дождь.

Государь Император с Государем Наследником Цесаревичем в открытой коляске объехали вечером город и были повсюду сопровождаемы восторженными криками «ура»!

Сегодня, в воскресенье 9 сентября, в 10 ½ часов утра, Государь Император изволил принимать хлеб-соль от крестьян: удельных, государственных и временно-обязанных. По Софийской площади трудно было проехать, так велика была толпа народа.

Крестьяне расположились между Софийским собором и архиерейским домом шпалерами в ожидании Государя.

Крестьяне удельные и государственные одеты были в парадные кафтаны, а старосты и волостные старшины временно-обязанных крестьян – в обыкновенные кафтаны с медалями на бронзовой цепи. На площадке около архиерейского дома ожидали выхода Государя Императора гг.: министр государственных имуществ А. А. Зеленый, помощник председателя Департамента уделов граф Ю. И. Стенбок, новгородский гражданский губернатор В. Я. Скарятин и мировые посредники. Кроме крестьян ожидали еще Государя для поднесения Ему хлеба-соли, яиц, масла и проч. немецкие колонистки удельного ведомства, солдатка с двумя дочерьми, обвешанные все три медалями за оказанную ими неустрашимость при Севастополе во время последней крымской кампании; 2-й гильдии суздальский купец *Жинкин*, прибывший в Новгород, чтоб «взглянуть», как он выразился, «на своего Государя и поднести ему на здоровье кулич, чтоб Он кушал и жил на счастье детей своих, всех его подданных, сто лет»; и, наконец, Новгородского уезда, Красностанского приказа удельный крестьянин *Афанасий Эмельянов*, который представил в дар Государю семимесячного теленка, выпоенного молоком и весившего *восемь* пудов.

Все с нетерпением ожидали появления Государя Императора. Находясь в толпе, мы прислушивались к разговорам народа. Мы видели, с каким восторженным умилением русский крестьянин встретился при виде своего Царя; мы видели, как женщины бросались на колени и прикладывались устами к тому месту, по которому проходил Государь; мы слышали от стариков следующие слова: «увидать бы только нашего Государя-Батюшку, а там хоть и умереть, все равно!» В эту минуту было бы желательно, чтобы заморские наши преподаватели, в жилах которых льется все-таки кровь русская, взглянули на этот добрый, честный народ, толпящийся с раннего утра для того только, чтобы взглянуть на Того, Кто сказал им: «будьте свободны и работайте на себя!» Нам бы хотелось, чтобы молодое наше поколение тоже поучилось у этих простых, но честных людей, и поверило, что теплое, сердечного чувства не следует убивать в себе подпольными бреднями; что искренности чувств, нам прирожденных, не нужно стыдиться, а, напротив, гордиться ею, и что благоденствие народа зависит не от пошлых, невыполнимых

утопий, а от точного применения начал *законности* и *порядка* к жизни действительной.

Около 11 часов Государь вышел из занимаемых им покоев. Громкое *ура* раздалось при Его появлении. Он изволил сказать несколько слов крестьянам удельным и государственным, и принял от них хлеб-соль; потом подошел к временно-обязанным крестьянам. Обращаясь к ним, Государь громко и внятно сказал им, чтобы они не верили кривотолкам людей недоброжелательных, чтобы они исполняли в точности положение 19 февраля и не ожидали иной воли, и чтобы всем объявили, что им лично сказал это Сам Государь. Крестьяне, когда Государь спрашивал их: «понимаете ли вы Меня?», отвечали: «понимаем, Государь!» После того Его Величество изволил принять от временно-обязанных крестьян хлеб-соль, поднесенные ими на деревянном резном блюде, и возвратился в архиерейский дом. По прошествии нескольких минут снова раздались крики *ура!* – К крестьянам вышла Государыня Императрица и приветливо благодарила их за поднесенное ими. Когда Ее Величество удалилась, народ все еще не расходился, потому что вторично желал видеть Государя и всю Царскую Фамилию, когда они будут садиться в экипажи.

В 12 часов Государь Император посетил гимназию и Николаевский приют*, которыми изволил остаться совершенно доволен.

---

* Нам тоже удалось видеть Николаевский приют. Супруга начальника губернии, Марья Павловна Скарятина, была так добра и любезна, что сама вызвалась показать нам заведение, находящееся под ее попечительством.

Приют основан в 1860 году на капитал, собранный от доброхотных дателей, жителей Новгорода. Самая большая сумма пожертвована была купцом Колмовским; он дал на приют 4 000 руб. сер. В настоящее время капитал приюта состоит из 27 000 руб. серебром.

Приют помещается в доме, купленном для него на собранные от жертвователей деньги. Помещение весьма хорошо и содержится необыкновенно тщательно.

При приюте находится сад, в котором дети в летнее время проводят целый день, не исключая и классного времени, потому что в саду устроена открытая беседка с лавками, в которую собираются ученики и преподаватели. Воспитанников и воспитанниц в приюте в настоящее время 50. Большая часть из них принадлежит к детям местных мещан; есть между ними дети солдат и разночинцев. В приют принимают мальчиков до 10 лет, де-

Приют посетили тоже Ее Величество Государыня Императрица, Их Высочества Великая Княгиня Александра Петровна, Великая Княгиня Мария Николаевна, Великий Князь Николай Константинович и Княжна Мария Максимилиановна.

В 9-ть часов вечера почти все новгородское общество двинулось по направлению к дому дворянского собрания, где местное дворянство давало бал Государю Императору. Дом собрания виднелся издалека, потому что, в полном смысле слова, был залит огнем. Приглашительные билеты на бал были разосланы от имени г-на губернского предводителя дворянства Мышецкого. Не знаем числа лиц, приглашенных на бал, но когда мы вошли в зал, то он был уже решительно полон. Должно заметить, что дом дворянского собрания, который удалось нам осмотреть во всех его подробностях, представляет весьма красивое и удобное здание, расположенное согласно потребностей и цели, с которыми оно было построено. В этом здании помещаются дворянское присутствие и клуб. Танцевальный зал хотя и невелик, но чрезвычайно красив, как по своей отделке, так и по своим пропорциям. В углу зала помещен был оркестр г. Лядова, отгороженный зеленью и цветами; направо от большого зала находится род гостиной, отделяющийся от главного зала арками; подле этой гостиной была устроена уборная комната для Государыни Императрицы, комната, убранная с большим вкусом. Налево от большого танцевального зала находится комната, в pendant гостиной, тоже отделяющаяся от главного зала арками и, наконец, дальше угловая комната, в которой устроен был весьма роскошный буфет. В одной из комнат, которая, как кажется, в обык-

---

вочек до 12. Они учатся здесь закону Божию, читать и писать и четырем правилам арифметики. В зимнее время дети остаются в приюте до 5 часов пополудни, а летом до 8 часов вечера.

Мы застали детей за столом, они обедали. Нельзя требовать более свежей и лучше приготовленной пищи, как та, какую подавали воспитанникам приюта. После обеда дети пошли в класс, и некоторые из них в присутствии нашем чрезвычайно бойко читали, считали на счетах и решали арифметические задачи на доске. Потом они отправились в сад и, как видно, были очень счастливы судьбой своей. Мы очень сожалеем, что не имели времени осмотреть в Новгороде Тамаринский приют, который, как говорят, весьма замечателен.

новенное время занята присутствием, или канцелярией, был накрыт стол для ужина. Все мужчины, за исключением г-на Микешина, были в мундирах. Около 10 часов вечера Государь Император, Государыня Императрица, Государь Наследник Цесаревич и все лица, принадлежащие к Августейшему Семейству, приехали на бал. Музыка загремела, и бал открылся польским. В первой паре шли Императрица с губернским предводителем дворянства, во второй Государь с княгиней Мышецкою, супругою губернского предводителя. В польском принимали участие все особы, принадлежащие к Императорской Фамилии, г-жа Скарятина, г-жа Лерхе (супруга вице-губернатора), другие дамы и прочие лица, принадлежащие к свите Его Величества, а также и местные власти. По окончании польского начались танцы более оживленные: кадрили, польки, вальсы и мазурка, превратившаяся к концу бала в котильон. Его Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу старшему угодно было самому распоряжаться танцами, которые почти совершенно потеряли характер официальный и походили скорее на веселый семейный бал. Государь Император во время танцев подходил ко многим дворянам, со всеми изволил говорить чрезвычайно милостиво, приветливо, и вообще оставил в присутствовавших одно из тех отрадных впечатлений, которое не забывается в течение всей жизни. Дамские туалеты вообще были замечательно хороши.

В 1 часу пополудни начался ужин. Государь Император и Государыня Императрица изволили остаться к ужину и во все время с особенною приветливостью разговаривали с присутствовавшими. За ужином первый тост был провозглашен хозяином праздника, князем Мышецким, за здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы.

Его Величество в Свою очередь поблагодарил дворян за бал, изволил пить за их здоровье. После этих тостов были еще провозглашены тосты за здоровье Государя Наследника и всего Августейшего Семейства. По окончании ужина Государь и лица, принадлежащие к Семейству Его Величества, изволили оставить бал, который, однако же, продолжался до раннего утра. Нам давно не приходилось видеть официального бала, столь оживленного всеобщим неподдельным весельем и восторгом. Милостивое внимание, которого удостоились

жители Новгорода со стороны возлюбленного Монарха, имело отрадное влияние на всех, и всё как-то помолодело и приняло вид истинно праздничный. Мы оставили бал около 3 часов пополуночи, а танцы все еще были в разгаре и, как мы узнали, продолжались до 5 утра. Этим балом окончился в Новгороде день 9 сентября.

<Письмо V>

Новгород, 10 сентября 1862 года

Нынче утром небо сильно нахмурилось, пошел снег, и погода не обещала ничего хорошего; но около десяти часов неожиданно вдруг показалось солнце, и день немного разгулялся. В 10 часов утра Их Императорские Величества изволили посетить Юрьев монастырь, один из древнейших и богатейших русских монастырей, находящийся на левом берегу реки Волхова при устье ручья Княжева, в трех верстах от Новгорода.

С самого раннего утра народ толпился у пристани и ожидал Государя, который по возвращении Своем из Юрьева монастыря должен был прибыть к пристани, дабы отправиться в Петербург. Весь Новгород вышел провожать возлюбленного Монарха. От кремлевской площади, по пути, по которому должен был проехать Государь Император, расположены были войска шпалерами; близ самой пристани стояли кадеты аракчеевского корпуса, воспитанники новгородской гимназии, новгородские дворяне, предводители дворянства, мировые посредники, генералитет и лица, составлявшие свиту Государя Императора. Тысячи народа стояли по обоим берегам Волхова, близ пристани и на мосту. Наконец, показалась коляска Государя; начался праздничный звон колоколов, заиграла военная музыка, раздалось родное «*ура!*», и вся публика трогательными восклицаниями и благословениями напутствовала Августейших Гостей, осчастлививших Новгород своим приснопамятным посещением. «Да благословит тебя Господь! Счастливый путь!» – раздавалось отсюду. Государь Император, увидевши мировых посредников, подошел к ним и, поблагодарив за добросовестное исполнение ими своих трудных обязанностей, изволил прибавить, что Он уверен, что и на будущее время они также усердно продолжать будут заниматься общим делом. После того Его Величество приблизился к пароходу.

Снова раздалось всеобщее «ура!» Как заметно было, Государь был тронут искренностью чувств Своего народа. Несмотря на начавшийся довольно сильный град и ветер, все оставались около пристани: дамы в праздничных нарядах, народ с непокрытыми головами, все хотели взглянуть, все напутствовали сердечным восклицанием Августейших гостей. Уже развевался Императорский флаг, и раздался свисток машины, но народ еще с большею напряженностью стал толпиться у пристани и оглашать воздух неумолкаемыми «ура!» Наконец, Их Величества в последний раз изволили Всемилостивейше выразить свое внимание и благоволение собравшейся публике, и пароход стал отчаливать. Громкое «ура» раздалось и долго не умолкало. Уже скрылся из виду пароход, унесший дорогих Гостей, но все неподвижно смотрели на взволнованный Волхов. Воцарилась тишина, только торжественный звон колоколов и звуки военной музыки нарушали всеобщее безмолвие! Все были погружены в умиление и теплую молитву за Отца-Государя, за Его Августейшее Семейство. Долго и очень долго будут помнить жители Новгорода великое празднество и, смотря на праздник вместе с целою Россией, будут вспоминать о Монархе-Освободителе, Монархе-Благодетеле, о Монархе – *друге человечества!* Повторим с Пушкиным:

Благословен Всевышний, посетивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе Твоей, Великий Государь!
Ты грешному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце Правды Вечной
Всех озарит.

Новгород. Губернаторский дом. Фотография нач. XX в.

П. И. НОВИКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА

*1862-го, Сентября 5
Новгород*

Сегодня я еще был в постели, как пришел ко мне жандарм от губ.<ернатора> и просил меня приехать в Кремль. Покуда я одевался, приходил кв.<артальный> н.<адзиратель>, и, наконец, дрожки губ.<ернатора> попались мне на дороге. Когда я приехал в Кремль, нашел там губ.<ернатора>, ген.<ерала> жанд.<армского> Диренякина, полковника петерб.<ургской> пол.<иции> Романовского и нов<городской> Ланге. По прибытии моем губ.<ернатор> подошел к нам и сообщил, что он город разделяет на 3 полицмейстерства, из которых Софийское получаю я. Он объявил также, что каждый из нас в своем участке действует отдельно и отвечает за свою часть. Каждому из нас дали петерб.<ургских> городских и по 3 квар.<тальных> надз.<ирателя>. Из Кремля я заезжал в полицию и сделал нужные распоряжения – после, часу в 1-м, заехал к С. В. и

узнал, что О. В. уехал встречать графа Стейнбока. Позавтракавши у С. В. и посидевши часа 2, я отправился домой. С. В. сказала, что она сегодня будет у нас с визитом – мне удалось сегодня раза 3 поцеловать С. В. После я ездил к Лерхе поздравить его жену: она сегодня именинница. Но, подъехавши к дому, я увидел много экипажей, и поэтому не пошел к нему, а вернулся домой и застал у нас С. В. Она была с визитом.

В 7-м часу я отправился к С. В. и проболтал <?> до 8 часов – после заезжал в полицию и с рапортами к губер.<натору> и вернулся домой, где нашел Новаковского и Быстрицкого.

*1862-го, Сентября 6
Новгород*

Сегодня Его Высочество делал репетицию в Кремле открытия памятника и 2 раза пропускал войска церемониальным маршем. Распоряжения касательно полицейской команды все делал Романовский, и я не знаю, для чего меня командировали. После репетиции я приехал домой, пообедал и лег спать. В это время, как я узнал после, С. В. прислала Николая спросить сестер, не желают ли они видеть блюдо, на котором удельные крестьяне поднесут государю хлеб – и если желают, чтобы приехали в 9-м часу – поэтому я после чаю послал за ними Григория и велел узнать, будет ли дома С. В. Когда Григорий вернулся, то объявил, что С. В. дома и ожидает меня. Я тотчас же отправился к ней и узнал, что О. В. уехал в 4 часа в Волховскую станцию встречать государя. С. В. тоже сообщила мне, что у нее сегодня граф Стейнбок будет пить чай – чрез ½ часа после этого прибежала горничная <нрзб> <нрзб> и объявила мне, что Обольянинов просит меня придти домой – хотя грустно было расставаться, но делать было нечего. Я отправился – предварительно расцеловав С. В. Николая в это время спал – я пробыл дома до 9-ти часов, и когда Обольянинов уехал, я опять отправился к С. В. После меня вскоре пришли граф и д.<ействительный> т.<айный> с.<оветник> Корнилов, с которым познакомила меня С. В. Граф был сегодня со мной очень любезен, и мы просидели с ним до ½ 12. После я ездил к губернатору и в полицию, и вернулся домой во 2-м часу.

7 сентября 1862 года
Новгород

Ночью я получил бумагу от губ.<ернатора>, в которой он уведомляет, что в 6 ½ часов утра назначена в Кремле репетиция пехоте, а поэтому приказывает сделать зависящие от меня распоряжения. Я тотчас же сделал наряд – но сам не поехал. В ½ 9 я отправился в Софийский собор, где будет переложение мощей св. к.<нязя> Владимира в новую раку. Когда я приехал, полиция уже занимала назначенные места. Народу было тьма, но порядок был удивительный, потому что петерб.<ургские> городовые удивительный народ – им приказывать нечего, они сами все видят. На переложении мощей были Его Высочество Николай Николаевич с супругой и очень много генералитета. Эта церемония кончилась в час – из собора я проехал к С. В., где узнал, что О. В. приедет вместе с государем. Я пробыл у нее до 3-х часов и, вернувшись домой, я отобедал и, после обеда отдохнув с ½ часа, отправился опять к С. В., где пробыл до ½ 6, а оттуда отправился в Кремль, где много было публики и офицеров. Но так как мне нужно было встретить во дворце наследника и чтобы не толкаться в публике, я отправился в Летний сад на берег Волхова, откуда видел, как была приготовлена пристань и как были выстроены кавалерийские офицеры верхом. Мост был весь занят народом, а также и противоположный берег. Увидевши, что из саду можно видеть все хорошо, я послал своего кучера сказать С. В., что если она хочет видеть эту церемонию, то может приехать в сад, и я ее провожу на пристань. Борис скоро возвратился и объявил мне, что С. В. благодарит меня и что она едет с графом Стейнбоком в собор. В ¼ 7 показался пароход с царской фамилией. Народ закричал ура и продолжал кричать все время, покуда царская фамилия сошла на пристань, села в экипажи и двинулась. Я в это время поехал к пугачевскому дворцу встретить наследника и великих князей, куда вскоре приехали Стейнбок и Лутков.<ский>, а вслед за ними все офицеры Град.<?> гус.<арского> полка. Минут через 15-ть приехали наследник и князя – кроме служащих <их> встречали головы удельного ведомства. После этого я заезжал к С. В. на несколько минут – а в 12 часов ездил с рапортом к губ.<ернатору> – и вернулся домой в час.

1862 года, Сентября 8
Новгород

Сегодня я отправился в крепость в 9-ть часов – войска были уже на своем месте – народу было пропасть, который, однако, стоял в порядке. В 11 часов началась обедня – в это время государь со всей свитой объехал все войска, после этого вернулся во дворец и вместе с государыней пошел в собор, где за ними и вся царская фамилия, а перед тем, чтобы объезжать войско, он принимал нов.<городское> дворянство, купечество и всех чиновников Нов.<города>. По окончании обедни был выход сначала духовенства, а потом царской фамилии и двора в палатку, приготовленную на возвышении около памятника. В доме присутственных мест и в нарочно выстроенных местах было очень много публики, и кроме этого вся площадь была занята народом и войсками. По окончании молебствия государь пропустил мимо императрицы все войска по полувзводно церемониальным маршем. После этого все отправились на обед, который был устроен нов.<городским> купечеством для войска. На площади за дворянским собранием были накрыты столы для нижних чинов и был выстроен павильон для офицеров, в котором приготовлена закуска и вино. Вся царская фамилия обошла столы, и государь пил здоровье нижних чинов, после этого они уехали, а я по приглашению купечества пошел с знакомыми офицерами завтракать. После завтрака я поехал домой, потому что дорогой подходил к уланскому полку, где видел многих знакомых офицеров, в том числе и Семенова, который дал мне слово тотчас заехать ко мне. По возвращении домой вскоре зашли ко мне Семенов, Владиславлевич и град.<?> гусар Лутковский. Сегодня я видел также град.<?> гус.<ар> Тумановских. Они славные ребята. После обеда я пошел в полицию, отдал там приказание относительно наряда к обеду, который государь даст в двор.<янском> соб.<рании> дворянству и куп.<ечеству>. Оттуда я зашел к С. В., где нашел Фар.<?> и Симанского. О. В. был в городе – я провел у С. В. до 9-ти часов. После этого она в карете поехала к Гризельде Стан.<?>, и я за ней, она пригласила Гриз.<ельду> Стан.<?> поехать с ней посмотреть иллюминацию, и чтобы она взяла с собой Зину. У нас в это время были <нрзб> <нрзб>, инженер пут.<ей> сообщ.<ения> Новаковский и Быстрицкий. Когда Гризельда

Стан.<?> поехала кататься, и я поехал за ними – мы проехали за Федоровский ручей. Город был иллюминирован порядочно – в особенности мне понравилась гимназия. Когда мы возвращались назад, нам у моста показалась вся царская фамилия. Я поехал за ними. Доехавши до полиции, они вернулись обратно и проехали на пристань, отправились в деревню Городище на лодке, где была иллюминация и парадный ужин для удельных крестьян. С. В. завезла Гриз.<ельду> Стан.<?> и пригласила меня к себе. Я нашел у С. В. Симанского и Фар.<?>. Вскоре пришел граф и рассказал, что государь остался очень доволен этим праздником, в 10 $\frac{1}{4}$ приехал и О. В. Граф тотчас же ушел – отговариваясь усталостью – и мы все остались до $\frac{1}{4}$ 12. После этого я поехал с рапортом к губ.<ернатору>, и мне пришлось с $\frac{1}{2}$ часа ожидать его. Губер.<натор> благодарил меня и Романовского за порядок в городе и говорил нам, что государь сказал ему, что он очень доволен сегодняшним днем, и что этот день останется памятен для него потому, что он немного проводил так дней в своей жизни. Радушие дворянства, народа и войска утешило его. От губ.<ернатора> я заезжал к Стейнбоку передать, что государь в 11 часов будет принимать всех голов.

Когда я сегодня прощался с С. В., она просила меня хлопотать о моем переводе в Новгород.

*1862 года. Сентября 9
Новгород*

Сегодня в 10-ть часов я выехал из дому и объехал все те места, где хотела быть императрица, и нашел там команды все в исправности. После я отправился в Кремль, где ожидали государя все головы с хлебом-солью. В 12-м часу вышел государь, принял хлеб-соль и сказал им, что он им дал волю законную, и чтобы они другой воли не ожидали – после этого я слышал рассуждения этих голов. Они толковали, что будто бы государь им приказал относиться прямо к нему, если они останутся не довольны. Нечего сказать, хорошо же поняли речь государя. После этого я поехал к С. В., позавтракал там и просидел уже до 2-х часов – приехавши домой, я лег спать и проспал до 3-х часов – в это время пришли к Гризельде <нрзб> обедать Жерве, Навохоцкий и Быстрицкий – и после заехал Офенберг. Он в

4 часа уехал обедать к жене. В $\frac{1}{2}$ 8 я отправился опять к С. В. и застал там Симанского и Фарафонтова, а О. В. был у графа. В $\frac{1}{2}$ 9 он пришел и сказал, что сей час к ней придет проститься граф – а сам с Симанским ушел одеваться. Граф посидел минут 5-ть и уехал с О. В. на бал, а С. В. поехала с Симанским завести его в собрание. Она пригласила меня заехать сыграть с ней в пикет. Я отправился к собранию встретить царскую фамилию – и провел у подъезда до 10-ти часов, потому что государь только в это время приехал. После этого я поехал к С. В., и когда я взошел на крыльцо и постучал в дверь, то в это время заметил в окошко, что на диване была постлана постель, но на ней никто не лежал. Вскоре после этого кто-то вынес из первой комнаты свечку, и Пелагея спросила, кто пришел. Я отвечал кто, она на это сказала, что О. В. нет дома, а С. В. и Николя спят. Покуда я говорил с Пелагеей, я заметил, что в первой комнате стоял человек в какой-то нерешимости, и Пелагея отвечала как-то нерешительно, поэтому мне показалось странным, и главное то, как могла С. В. лечь спать, пригласивши меня $\frac{1}{2}$ часа тому назад. Но как это ни было странно, а делать было нечего, я велел сказать С. В., что я у ней был и сам отправился домой, где тотчас же написал С. В. о случившемся со мной, на что получил следующий ответ:

«Возвратившись с гулянья, я чувствовала такую усталость, что действительно легла спать, отправилась тотчас в свою комнату, а свет, который появился в комнате, вероятно, была свеча, которую внесли, чтобы поставить кровать Симанскому. Извините, что пишу неразборчиво, но когда принесли Ваше письмо, я спала.

С. Лутковская».

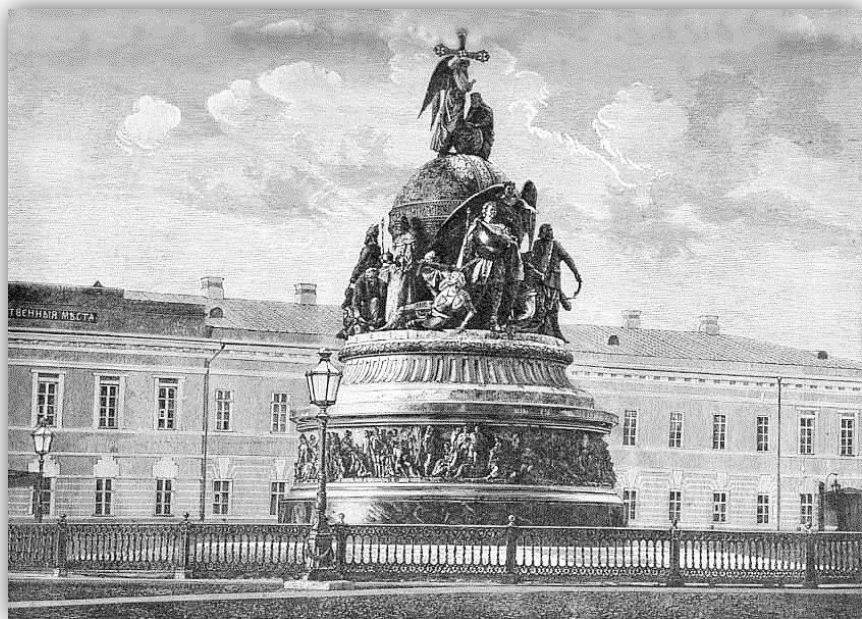
Это письмо хотя немного успокоило меня, но мне казалось, что С. В. не приняла меня потому, что ей не велел О. В. В $\frac{1}{2}$ 12 я поехал к собранию, где узнал, что царская фамилия еще не уезжала, поэтому я отправился в полицию, где пробыл с $\frac{1}{2}$ часа, а оттуда поехал к губернатору, но он еще не возвратился из собрания – поэтому я опять поехал к царскому подъезду и ожидал там до $\frac{3}{4}$ 2, покуда вся царская фамилия уехала. Со мной были генерал Диренякин и Бутковский – после этого я отправился к губернатору. Он в одно время подъехал со мной к своей квартире. Я дал ему войти прежде и потом вошел вслед за ним. Он, увидевши меня, спросил –

нет ли чего особенного? Я отвечал, что ничего – тогда он сказал мне, что у него нет особенного приказания и раскланялся со мной. Вернувшись домой, я лег спать.

1862 года. Сентября 10

В 7 часов мне дали знать, что государь в 9 часов смотрит на гарниз<онном> плацу кадет, поэтому я сейчас же встал, оделся и в 9-ть часов отправился на назначенное место, где узнал, что Ник.<олай> Ник.<олаевич> в казармах смотрит гор<одской> бат<альон>, а государь будет смотреть кадет в 10 часов. Поэтому я вернулся домой, где узнал, что государь отложил смотр кадет по случаю ненастной погоды и поехал в Юрьев монастырь. В 11 часов я поехал в полицию, где Родионов произвел следствие о пожаре, оттуда мы с ним отправились в канцелярию губер<натора>, где узнали, что вчера вышли награды 12 человекам, в том числе получил Ланге Станислава на шею, мне ничего не дали. Признаюсь, славная откомандировка, можно поблагодарить начальство – 200 руб. не дощитался и притом до того измучился, что едва таскаю ноги. Ветлицкий также получил награду, крест Станис.<лава> на шею – мы распили у него 1 бут.<ылку> шам.<панского> – он передал, что губ.<ернатор> хочет меня оставить в Новгор.<оде>. От Ветлицкого мы поехали к пристани, где проводили государя и всю царскую фамилию – губ.<ернатор> уехал проводить государя до Волховской станции. После этого я был у Лерхе, поздравил его с наградой. Ему дали Владимира на шею. Я просил Лерхе отпустить меня поскорей в Руссу. В виде награды он на это мне сказал: подождите, когда приедет губ.<ернатор>, а вы не беспокойтесь о награде, вы ее получите. Я вам за это ручаюсь, а о переводе вашем в Новгород мы потолкуем еще с вами. Вы заезжайте ко мне завтра. Вернувшись домой от Лерхе, я нашел у себя Семенова. Он собирался ехать домой – утром у меня были Владиславлевич и <нрзб>. В ¼ 4 пошел к Лутков.<ским>, но в это время О. В. спал, а С. В. с Николой куда-то ушли, как сказала мне Пелагея. Это опять удивило меня, потому что когда я ехал от Лерхе, С. В. с Николой попались мне в карете, и поэтому мне казалось, что они дома, но не приняли меня. Это решительно озадачило меня, и я предполагал, что причиной этому О. В., но меня сбilo с

толку то, что сегодня О. В., встретивши меня у пристани, был чрезвычайно любезен со мной и довез меня в своей карете до полиции. Выйдя из кареты, я машинально пошел к Летнему саду и около самого дворца встретил С. В. с Николой. Они ходили смотреть свою квартиру. С. В. показалась мне не в духе. Я спросил ее, отчего она вчера так поступила со мной. Она сказала, что оттого, что хотела спать. Но я просил ее сказать правду. Она на это мне ответила, что хотела наказать меня за вчерашнюю болтовню. Я поблагодарил ее за правду. Когда мы подошли к ее квартире, она пригласила меня зайти к ней и приняла меня в большой временной квартире гр. Стейнбока. Мы играли с ней в пикет до $\frac{1}{2}$ 5, и когда она посылала Николю за водой и другой раз за бумагой, мы сладко целовались, и С. В. просила меня хлопотать о переводе в уланский полк. Когда я смотрел на С. В., мне делалось невыносимо грустно при мысли, что мы скоро навеки расстанемся. После этого мы пошли в ее квартиру, где О. В. уже проснулся – они пригласили меня обедать. После обеда пришли Симанский и Фараф.<онтов>, и я узнаю, что С. В. с ними едет в театр – поэтому и я хотел ехать. В 7-м часу мы все вышли, а С. В. сказала, что она приедет после. Я 2 раза приезжал в театр, но один никак не желал войти, и поэтому вернулся домой. На дороге мне попалась С. В. в карете. Это было в 8 часов. Что за проклятая застенчивость, которая мне так во всем мешает. Как я ни стараюсь переломить себя, но решительно не могу, – мне сегодня ужасно хотелось быть в театре потому, что там была С. В., но, несмотря на это, не решился войти. По этому можно судить, до какой степени она сильна, потому что для того, чтобы видеть С. В., я готов на все.

Памятник «Тысячелетию России». Гравюра 1870-х гг.

ИЗ САТИРИЧЕСКОГО ЛИСТКА «ГУДОК» ТОРЖЕСТВО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Наступившее торжество тысячелетия побудило и меня совершить поездку в Новгород. 6 числа утром я собрался и полетел на железную дорогу. Судьбе угодно было усадить меня в один вагон с двумя знакомыми мне литераторами, а кто не согласится, что в знакомом обществе путешествовать приятнее. Чувствуя, что дышишь атмосферою, в которой есть и доля литературного благоухания, как-то отраднее и ехать. Притом оба мои знакомые литераторы ехали с полезною целью – один для описания торжества с торжественной стороны, а другой с обязанностью написать фельетонную статью. Они запаслись на дорогу целою кипкою книг, чтобы иметь под руками все пригодные источники для составления своих статей, а я не взял с собою даже и клочка бумаги, чтобы записывать мои первые впечатления. Но ведь я ехал не на счет редакции, не по обязанности,

а волонтером, из одного любопытства, из желания видеть церемонию. Я думал, авось эта церемония избавит меня, хотя на несколько дней, от несчастного любопытства читать наводящую уныние и сплин Северную Пчелу.

Путешествие наше совершилось до Волховской станции благополучно и, что всего удивительнее, без скандалов; не благополучно только сжималось мое бедное сердце, когда я слышал толки пассажиров о дороговизне новгородских квартир.

– Ужас, что такое, – говорил один, – за крошечную комнатку берут по десяти рублей в сутки.

– Какое по десяти, по пятнадцати! – восклицал другой.

– По двадцати, господа, ей-богу, по двадцати, – отозвался третий.

«Господи! – думал я, сжимая мой бумажник, в котором было только тридцать рублей, – будь милостив ко мне, грешному».

И из груди вырвался вздох, тяжелее всех стихотворений Кукова.

На Волховской станции, у так называемой Соснинской пристани, стоял уже пароход, готовый принять пассажиров, ехавших в Новгород. Но у кассы толпилось так много народу, что не было почти возможности пробиться к ней без помятия боков. К счастью, мне еще в вагоне один добрый человек предложил достать билет, и я был избавлен от удовольствия таскаться в народе. Не без труда совершили путешественники переход и на палубу парохода. Давка была страшная: азартные люди тарасились вперед, толкая других в бока и спину и не обращая внимания на дам и детей. Ни убеждения капитана, ни крик начальника стражи не действовали на передовой русский народ. Следствием этой толкотни было только то, что у одного господина не оказалось часов, а у одной дамы зонтика. Но это еще вздор в сравнении с тем, что слышал я в Новгороде от одного известного фотографа. В то время, как получал он билет из кассы пароходства и вынул кошелек, который был довольно туго набит, ему с одной стороны дали тычка в бок, а с другой вырвали кошелек. Фокус исчезновения кошелька сделан был так искусно, что фотограф и не заметил, кто его выхватил. Впрочем, это случилось за два дня до моей поездки.

Выехав из Петербурга натошах, я сошел в каюту и спросил себе закусить... но, увы! Долго, и даже очень долго пришлось моему грешному желудку ждать удовлетворения голода. Кушанья мимо моего носа носили к тем, кто был в форме или требовал себе фундаментальной закуски с хорошим вином, а так как мое требование ограничивалось только двумя порциями, то на меня и не обращали внимания.

Две прекрасные камелии угощались в одной же со мною каюте на счет какой-то персоны. Они изволили кушать раков и пить шампанское, а по окончании стола получили от одного любезного воина торжественное поднесение великолепных груш. А я все сидел да ждал себе щей и карася в сметане. Неизвестно уже, по какой физиологической причине требование на карасей в сметане было почти общее. По крайней мере раз пятнадцать напоминал я о себе буфетчику, но все его внимание было сосредоточено на том почетном столе, за которым сидели камелии, и он был столько любезен, что даже и не смотрел на меня. Но, наконец, вероятно, выведенный уже из терпения моими частыми напоминаниями, обратился ко мне с сердитым вопросом:

– Да имеете ли вы еще право здесь сидеть... какого класса у вас билет?*

Хотя у всех пассажиров, сидевших в каюте, билеты два раза осматривал капитан парохода, и спрашивать о них в третий раз было уже не совсем вежливо, да и не дело буфетчика, но я удовлетворил его свирепое любопытство.

– Сейчас подадут, – сказал он мне уже тоном снисхождения.

Но и этого *сей-час* я ждал ровно целый час. Да и тут, когда уже буфетчик поставил передо мною прибор, то спросил меня, что я заказывал. Ко мне были еще более благосклонны, нежели к одному молодому человеку, сидевшему со мною рядом. Он спросил себе закусить еще раньше меня, а покушал уже у новгородской пристани.

Когда причалил пароход, я и мои знакомые литераторы уговорились квартировать вместе, чтобы соблюсти хоть немного эконо-

---

* Пассажиры 2-го класса не имеют права обедать и закусывать в каюте, а должны кушать на палубе, хоть бы это было и под дождем.

мии. При той страшной дороговизне квартир, какую напуганы мы были в пути, это было очень полезно для наших карманов.

Да, я забыл еще сказать, что одному из литераторов вызвался найдти квартиру мужичок, ехавший, впрочем, с билетом первого класса и угощавшийся на счет литератора по крайней мере восемь раз коньяком и требовавший этого угощения почти неотступно. Но тогда, как мы стали сходить с парохода, этот мужичок исчез. Может быть, и к лучшему, потому что аллах ведаёт, какую бы показал он квартиру, а нам удалось найдти две комнатки, правда, в мезонине, но за сходную цену. Не более как через полчаса после того, как ступили мы на землю Новгорода, у нас уже кипел на столе самовар.

На другой день утром мы пошли осматривать новгородские древности. Археологию нашу мы начали с Софийского собора. В этот день здесь должно было совершиться переложение мощей; у придверия храма мы натолкнулись на полицейскую баррикаду в виде двух растопыренных дланей грозного городского из Петербурга.

– Не велено пускать, – сказал он нам грубо и чуть-чуть не толкая нас в грудь. Между тем, в наших же глазах, некоторые дамы и господа, приезжавшие, впрочем, в колясках, входили в церковь беспрепятственно.

– Отчего же другие-то входят? – спросил городского один из моих товарищей.

– А потому, значит, и входят, что это не ваше дело, – отвечал городской, – мы знаем, кого пускаем.

– Да ты растолкуй нам, отчего ты нас не хочешь впустить? – заметил ему другой мой товарищ.

Городовой пришел в ярость от такого неблагоприятного и неосновательного вопроса и *приказал* нам убираться прочь, и когда ему было замечено, чтобы он не горячился, то он до того рассвирепел, что побежал жаловаться на нас офицеру. Вероятно, и сам офицер принял нас сначала за людей беспокойных, но когда ему было объяснено, как происходило дело, он сказал, что такое уж приказание отдано. Однако ж сжалился и пропустил нас, грешных, во храм.

По выходе из храма я и один из моих товарищей пошли бродить по Новгороду, а другой остался в церкви. Грустное впечатление произвел на меня Новгород. «Неужели, – думал я, – это тот самый

Новгород, носивший когда-то название великого». Теперь одни только стены крепости (детинца) напоминали несколько о древнем его величии, а не новгородцы, в которых нельзя даже и узнать, чтобы это были потомки тех сильных и богатых новгородцев. Теперь они такой же грешный народ, как и везде. Ни в одном из них не видно даже и признаков той размашистой удали, какую в былое время славились.

Минут десять стоял я на Волховском мосту и смотрел на красноватые волны Волхова, получившие этот цвет будто бы с тех пор, как они смешались с кровью новгородских воинов, с кровью невинных жен и детей, потопленных *приснопамятным* Иваном Грозным*.

После нам указали на руину, обращенную теперь в курятник (до курятника тут была кузница). Эта руина, по словам новгородских жителей, есть остатки дворца знаменитой новгородской посадницы Марфы Борецкой. Если это предание в самом деле справедливо, то хорош же почет у нас на Руси этой древности. Но ведь Марфа была беспокойная женщина и вовсе не стоит того, чтобы об ней сохранялся какой-нибудь памятник.

Побродив еще немного по Новгороду, мы пошли доставать билеты, без которых во время торжества нельзя было войти в кремль. Нам удалось узнать об этом еще утром, но тогда мы не могли получить билетов и должны были записать только свои фамилии.

Вечером спутники мои занялись составлением своих статей, а я, как человек, не обязанный к подобной работе ничем, бросился в объятия Морфея. Когда я заснул, мне приснился Новгород во всем своем древнем величии, с его единственным в старое время кремлем, вечем, с его вечевым колоколом, с его отжившей вольницей.

---

* Название приснопамятного дано Ивану Васильевичу не мною, а составителем книги «Прогулки по Новгороду» г. Куприяновым. Вот что он пишет о нем на 85 стр. своей интересной книги: «Еще долго после смерти Ивана III, сокрушителя новгородской вольности, усмиряли новгородцев московские государи, особенною лютостью в этом отношении отличался приснопамятный Иван Грозный, истреблявший новгородцев тысячами, без всякой политической надобности, а так, по влечению своего кровожадного сердца: грабительство, не только частного имущества, но даже расхищение имущества монастырей и церквей, всегда сопровождало его посещения Новгорода».

Так уж, верно, настроено было мое воображение. Сны мои следовали в хронологическом порядке: *возрастания, процветания и падения Новгорода*. Последний сон навел на меня такой ужас, что я проснулся. Я видел *приснопамятного* Ивана Грозного, стоящего на берегу Волхова и любовавшегося на своих опричников, которые привязывали к грудям матерей грудных детей и, раскачивая, бросали их в Волхов. Я видел, как целые тысячи народа тонули в этой реке; я видел, как вода Волхова обратилась в кровь; мне слышались раздирающие слух стоны несчастных жертв лютой Иоанновой. Да, я видел такой сон, о каком страшно даже подумать. Не скоро заснул я после этого сна; зато как весело было мое пробуждение утром 8 сентября. «О, Россия, – думал я, – ты начинаешь свое новое тысячелетие, и чем ты ознаменуешь его? Подумай, что каждое твое деяние должно перейти в историю».

Пушечные выстрелы возвестили городу о дне наступившего торжества тысячелетию России.

Я наскоро оделся, чтобы съездить к одному моему знакомому, который квартировал на Софийской стороне. Мне приходилось проезжать к нему через площадь детинца. На Волховском мосту меня остановили.

– Билет, билет! – кричали мне городовые со всех сторон.

– Если вам мало одного билета, – отвечал я городовым, – так у меня их три.

Билеты моих товарищей были со мною же.

О! как я был неосторожен; один из стражей тотчас же придрался ко мне.

– А зачем у вас три билета? – спросил он меня.

– А затем, мой ангел, – отвечал я ему, – что два билета принадлежат двум моим товарищам.

Меня пропустили. Но я остановил извозчика и пошел пешком. В десять часов я воротился домой, чтоб отдать билеты. Товарищи мои все еще сидели за работой. Они оканчивали свою корреспонденцию. В 11 часов утра я сидел уже на скамье амфитеатра. На площадь детинца входили войска; они заняли все пространство (со стороны присутственных мест, от одного амфитеатра до другого). Простой народ толпился направо от въезда с Волховского моста. Откры-

тие памятника совершилось по окончании обедни. Но не стану описывать церемонии: об ней уже было писано много.

Осматривать памятник мы отправились уже часа через два после церемонии; раньше трудно было бы и добиться к нему. Но и в то время, как мы подошли, застали порядочную толпу. Обойдя его кругом, я остановился, чтобы послушать народные толки о фигурах и барельефах.

– А который тут Рурик-от, служивый? – спрашивал мужичок у отставного солдата.

– Вон который! – отвечал солдат, показывая рукою на фигуру Рюрика.

– Это что он на присутствие-то глядит?

– Дурак! да разве туда он глядит.

– А что же это, служивый, в руках-то он точно рыбу какую держит?

– Сам ты рыба, лапотник! – сказал сердито солдат, – толкуй тут с вашим братом, олухами. Не понимаешь, так и спрашивать нечего. Экой глупый народ!

И солдат отошел прочь от мужичка.

– Это вот Иоанн Васильевич III, – объяснял гимназист двум женщинам.

– А какой же это, батюшка, Иван Васильевич, – спрашивала гимназиста одна из женщин, – не Грозный ли царь?

– Нет, – отвечал гимназист, – тот был четвертый.

– А Грозного-то нет на памятнике?

– Нет.

– Отчего же не поставили? Он ведь наш Новгород покорил.

– Покорил, да и разорил, – отвечал гимназист, – тысячи народа потопил на Волхове.

– Так, кормилец, так... толкуют, что больно-де лютый был царь и сам-де своими руками убивал народ. Я слышала, что в Софийской ризнице и о-сю пору хранится колотушка, которой гвоздил он новгородцев... вся-де в крови.

– Да, история и народные предания сохранили много памятников о его жестокости, – отвечал гимназист.

– Слышите, что проповедует, – шепнул какой-то отставной г-н своему соседу, – ведь щенок еще, белогубый щенок! А вон уж о каких вещах рассуждает. Ну, клянусь вам честью, будь этот каналья моим родным сыном, я бы его тут же у памятника растянул да вка-тил бы ему полтора ста.

От этих господ я перешел на другую сторону. Здесь двое франтов критиковали идею памятника.

– Помилуйте, – говорил один, – единства нет... Какая тут идея? Если мы примем памятник за идею самодержавия, то к чему же тут Марфа Посадница? к чему вечевой колокол?

– Да ведь он представлен разбитым, – возразил на это другой франт.

– Это решительно все равно. Наконец, если памятник есть выражение всех замечательных эпох, прожитых Россией в течение ми-нувшего тысячелетия, то некоторых эпох тут вовсе нет. Например, покорение Кавказа, присоединение Амура, разве это не важные со-бытия?

– Ну уж, как вы хотите, – сказал другой франт, – а памятник превосходный, в нем есть и величие, и грандиозность!

Франты разошлись.

В это же самое время простая женщина встала перед памятни-ком на колени и начала класть земные поклоны, но какой-то дьячок остановил ее.

– Дура! – сказал он, дернув женщину за рукав, – на что ты мо-лишься, вон куда надо молиться. – Дьячок показал на Софийский собор.

– Да как же, кормилец? – спросила женщина. – А крест-от за-чем наверху?

Дьячок не нашел на это возражения и оставил женщину в по-кое; но, спутанная им, она уже стояла в недоумении и робко озира-лась кругом.

От памятника мы пошли в городской сад. Побывали на том возвышении, где, по книге г. Куприянова, стоял когда-то дом Мар-фы Посадницы. Выходит, если верить и народному преданию, она имела два жилища, третье и уже самое удобное дано ей было мос-ковским царем. Потом мы зашли в кофейную городского сада. К

удивлению моему, на дверях кофейной я увидел, что и знаменитая собачка Леля изволила пожаловать в Новгород; так гласило прибитое к дверям объявление. Мы спросили себе чаю и сели у стола. За другим столом двое новгородских граждан угощали какого-то фельдфебеля.

– Нет, нет, – говорил фельдфебель, – что вы тут ни толкуйте, а угощение ваше было плохое; кому по три чарки досталось, а кто и не понюхал вашего вина.

– Как, что вы, – отвечал ему новгородский гражданин, – слава тебе, Господи!.. право, слава тебе, Господи! 16 бочек вина, 8 пива, 1000 пирогов и все другое прочее... Ну, под конец не хватило маленько... что же делать, не чаяли, что так много будет гостей. При том, я вам доложу, общество у нас небогатое, капиталы небольшие... извините уже нас в этом. А мы, что называется, от всей души, от всего сердца радели.

Гражданин крестился, а фельдфебель смотрел на него с насмешливой улыбкой.

Напившись чаю, мы пошли смотреть иллюминацию. Иллюминация, судя по городу, была очень хороша, только горевшие у памятника фонари светили тускло, зато под ними красовались урны, извергавшие синеватое пламя. Маслу, горевшему в фонарях, совестно было соперничать с этим пламенем, и часам к 10-ти фонари едва уже мерцали.

Какие-то два господина подшучивали над освещением присутственных мест.

– Святилище-то святой Фемиды^{*} как просветилось, – говорит один из них. – Напрасно же Куприянов пишет, что будто наша новгородская Фемида извергает одни только груды исписанной бумаги, а посмотрите-ка, сколько свету.

– Ну, мало ли что пишет Куприянов, – отозвался другой, – например, он говорит, что у нас нет ни просвещения, ни освещения, что фонари наши освещают только сами себя, что наша дворянская библиотека имеет мало читателей, а городская ни одного^{**}. Но ведь

---

^{*} Прогулки по Новгороду. – См. стр. 53.

^{**} В той же книге, стр. 159.

он злой человек. Все-таки в нашей городской библиотеке есть 1000 книг, как раз по числу лет, прожитых Россией.

– Да, Куприянов у нас либеральный господин; петербургская цензура никогда бы не пропустила этой книги.

Народ двинулся смотреть фейерверк. За народом пошли и мы. Фейерверк устроен был на Волхове, у картины памятника, но, вероятно, отсырел, а поэтому и не удался.

Около одиннадцати часов иллюминация начала гаснуть, народ стал расходиться, я вздохнул и пошел домой, а товарищи мои остались в кондитерской. Но не думайте, читатель, что их заманило туда сластолюбие, нет, им хотелось поиграть на бильярде.

На другой день мы стали собираться в Петербург и, уложившись, пошли последний раз взглянуть на Новгород.

Через полчаса мы были уже на пароходе. Здесь с нами столкнулись еще двое наших знакомых.

В другой каюте происходила попойка. Какой-то почтенной купец почтенной наружности и очень почтенных лет говорил спичи и поил шампанским всех окружающих и слушающих его.

Несколько раз я входил в комнату, чтобы взглянуть на эту компанию, то безмолвно слушающую, то кричащую ура, но видел только, как почтенный купец стоял с бокалом в руке, а рядом с ним сын его, мужчина лет 25-ти. Сын был *в упоении* и с торжеством внимал таланту своего родителя. К несчастью, мне удалось слышать только одни отрывки спичей, а их было несколько.

Привожу один из подслушанных мною отрывков, как более запечатлевшийся в моей памяти:

«С чувствами моего искреннего сердца, проникнутого днем великого торжества (икота), изливаю перед вами, достопочтенные господа, те глубокие чувства, какие всегда хранились в недрах души моей (икота), из недр этой души я воссылаю...»

Больше память моя не сохранила.

Через несколько времени оратор явился в нашу каюту в сопровождении своего сына и всей спичелюбивой компании. Знаменем этого шествия был поднос с бокалами и бутылка шампанского. В нашей каюте, по соседству с нами, сидел генерал, и к нему-то почтенный оратор направил стопы свои.

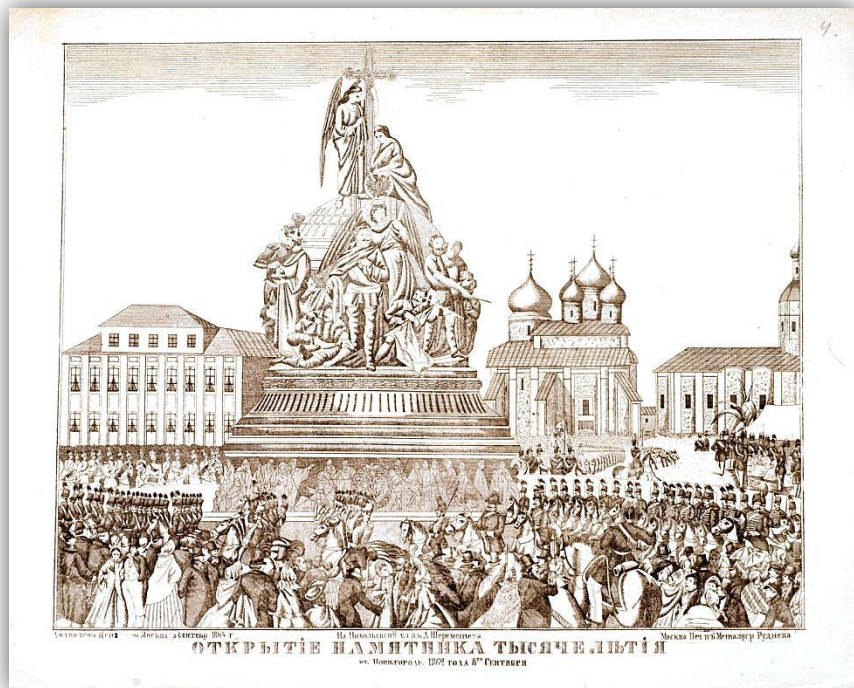
– Ваше высокопр-во! – начал он, – позвольте от лица всех предстоящих... в лице моем... заявить... перед лицом вашим... те глубокие чувства... какие вызвало в нас великое торжество... тысячелетия...

Он ораторствовал долго, с расстановками, но уже без икоты. Речь была говорена в таком духе, что и генерал, и все мы должны были стоять. Но при всей торжественности своей она у всех вызывала улыбку. Как ни крепился генерал, но, смотря на купца, ораторствующего нетвердым голосом, не мог не улыбнуться.

По окончании речи раздалось пение, хором управлял сын почтенного оратора, он приседал и размахивал руками, и раз чуть не задел своего родителя по носу. Потом налито было шампанское; при криках: ура! оратор и сын его первые осушили бокалы. В числе прочих и мне достался бокал. Я не люблю шампанского и не знал, что делать с моим бокалом, но, к счастью моему, и генерал, и один мой сосед оказались тоже не любителями этого нектара, и сладкие чаши минули нас.

Тосты не прошли, однако ж, даром. В вагоне железной дороги сын оратора затеял скандал и обругал одного из пассажиров; его хотели даже вывести, но он сам догадался уйдти и приютился в том почтенном отделении, куда пассажиры ходят только по необходимости. Родитель его, мотая головою, спал во всю дорогу, бормоча что-то во сне и икая по временам.

В 8 ½ часов мы были уже в Петербурге.

Открытие памятника. Литография. 1866. НГОМЗ

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА» ПИСЬМО НАШЕГО ВТОРОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Новгород, 9 сентября вечером

После открытия памятника и окончания религиозного и военного церемониала толпы народа окружили монумент, и тут-то посыпались толки о том, кого изображают фигуры и какое значение имеют изображенные лица в ходе развития нашей империи? Мужички, составляя группы, делали складчину на покупку брошюрок, объясняющих содержание монумента, и жадно вслушивались в чтение грамотной головы... Две группы привлекали их особое внимание и, вероятно, потому, что они не требуют ни пояснений, ни брошюр – группы эти: Владимир, креститель земли русской, и

Петр Великий, преобразователь отечества. Народ, не развертывая истории, знает и того и другого по преданию, переходящему из колена в колено. Я видел, как одна поселянка, став перед памятником на колени, усердно крестилась и клала земные поклоны...

Войска, пройдя церемонияльным маршем мимо Государя Императора и императорской фамилии, отправились к обеденным столам, приготовленным на открытом воздухе для двенадцати тысяч приборов. Обед был дан городом и, как мне говорило одно лицо, принадлежащее к сословию новгородского купечества, обошелся в семнадцать тысяч рублей. Недостатка ни в чем не было: пироги, щи, пиво и вино предлагались вдоволь, сколько душа пожелает – обед был открыт тостом Государя Императора за новгородских граждан, и потом Государыня прошла у столов вместе с градским головою. Может быть, на этом самом месте несколько столетий тому назад пировали полчища Иоанна, и притом пировали на счет новгородцев, но уж, разумеется, лица тогдашних посадников не искрились тем чувством, каким были осенены теперь потомки этих посадников. – Государь пил за наше здоровье! Государыня разговаривает с головою, голова кланяется... ура!

В вечеру был обед при дворе, на который были приглашены новгородские дворяне и офицеры войск, участвовавших в церемонии. Здесь Государь Император изволил разговаривать с предводителями дворянства и благодарил их за то сочувствие, какое они постоянно выказывают, как только представится тому случай. В вечеру же было назначено народное гулянье. Толпы народа, в котором встречались на каждом шагу медали сельских старост и волостных голов, день целый запружали кремль и, только утомившись ходьбою, шли отдыхать целыми группами на берег Волхова. Город был еще за несколько дней до праздника украшен разноцветными флагами, развевавшимися не только на главных улицах, но и в предместьях, в глухих местах, куда обыкновенно прокрадываются радости только в сильно торжественных случаях. Приготовления к иллюминации кипели: арки, щиты, транспаранты, вензеля, гирлянды, фонарики и изображения памятника на холсте и на дереве обещали очень эффектный декоративный праздник. Настал вечер, и огни начали сверкать на всех окнах и по всем направлениям Новгорода. У па-

мятника на фонарях были расставлены чаши со спиртом, и когда его зажгли – ночь была темная, небо темно-синее – освещение было великолепное и, при жужжавшей толпе народа, придавало фантастический характер взглянувшему на свет монументу в первый раз без покрывала. Легкий ветерок колебал пламя горевшего спирта и освещал попеременно то фигуру Петра, то крылья ангела, то обломок вечевоего колокола на барельефе постамента, и над обломком скорбящую Марфу Борецкую. Присутственные места и арки в кремле переливались тысячами разноцветных огней. Очень эффектно было освещение памятника, стоящего на торговой площади, воздвигнутого в память 1812 г.; мост через Волхов и раскрашенный на дереве памятник настоящему событию, красовавшийся на воде, были также залиты огнями. Последнее декоративное украшение, с гербами и пушками по сторонам, привлекало особенное стечение народа; здесь пускали феерверочные шутихи. Хорошо были освещены: искусственная арка возле дома губернатора, гимназия, гостинный двор и... да, словом, иллюминация была, какой не видал Новгород от пришествия вождя варягов и до днесь. Погода стояла хорошая, и хотя нынешний Новгород занимает не больше одной трети того пространства, какое он занимал прежде, до разорения его междоусобицами, хотя в нем считается всего 17000 жителей, но приезжие: петербуржцы, москвичи и поселяне удвоили, утроили его население, и на улицах было тесно. Долго народ толпился на Волховском мосту, любуясь кострами, горевшими вдали, за городом, по берегу реки, и картинно отражавшими пламя в воде и на темном небосклоне. Народное гуляние кончилось далеко за полночь...

Я не решаюсь возвратиться мыслью за тысячу лет назад, когда еще не знали ни презренного металла, ни паровой силы, ни электризма, ни гальванизма, ни бифстека на красном вине, я не дерзаю также побывать воображением на втором юбилее России, когда железные дороги, чтобы дать простор народонаселению, протянутся под землю, и каждый гражданин, вероятно, будет иметь карманный телеграф, и каждый пахарь будет читать утреннюю и вечернюю газету, но я желал бы побывать на днях в избе современного пахаря. Сколько говорю там, сколько толков! Голова и староста, возвратясь сегодня в деревню, станут еще выше в глазах своих односельцев и

возбудят сильнейший интерес своими повествованиями о виденном и слышанном. И, поверьте, ни один корреспондент не может сообщить тех подробностей, какие, наверно, уже передаются сегодня в каком-нибудь селе под Новгородом. Безыскусственный бард села теперь уже сидит за брашным столом, ораторствуя перед толпой парней, баб и мужичков. Как ризы блестели на солнце, и как Государь махал саблей, и сколько генералов было в его свите, и какого цвета шатер был раскинут у памятника, и как тамбур-мажор управлялся своею булавой – все, все он передаст на сельской вечеринке под шумок вертящегося веретена да односложных восклицаний заинтересованных слушателей. А если он при этом еще вспомнит, что его предки платили когда-то подать лыком, а он носит жалованный светло-синий кафтан с позументами и медаль, выглядывающую из-под бороды, на цепочке – воспоминаниям и удивлениям не будет конца!..

Но пора уже в Петербург. До открытия парохода было еще полчаса, но я уже был на пристани и ласкал себя надеждою, что вот сейчас получу билет, займу место в каюте, позавтракаю и прочту вчерашние газеты, которые уже успели прибыть в Новгород. Скажу здесь мимоходом, что в гостиницах Новгорода не достает двух вещей: прислуги и газет. В лучшей гостинице Б., во дворе которой дом Марфы Борецкой обращен в сарайчик, я принужден был довольствоваться туземными афишками за прошлый месяц, газет не имелось ни одной!

– Позвольте пройти!

– Билеты есть?

– Да ведь я иду за билетами; они продаются за вашей спиной.

– Нельзя-с в таком случае.

– Умоляю вас, я буду целовать ваши ручки и ножки, помолюсь за вас и за деток ваших; у меня жена больна, невестка при смерти, ребята в оспе...

Смиловался, пропустил-таки.

– Если вы здесь возьмете билет и на железную дорогу, то вам не нужно будет беспокоиться о вещах до самого Петербурга.

– Билет на железную дорогу! билет на железную дорогу!

Получил. Слава Богу, я на пароходе и сейчас потребую себе газеты и завтрак.

– Человек! газет и чаю.

– Газет не держим, а чаю нет.

– Отчего же газет не держите?

– Потребителей мало.

– А чаю отчего нет?

– Кипяток не разогреть!

– Да вы потребуйте от него шампанского, он сейчас подаст, – проворчал тут мой сосед довольно взбешенным тоном.

– Дай котлетку, шей, бутерброд – дай, пожалуйста, хоть что-нибудь?

– Повремените.

Я временил, временил и наконец задремал. На палубе шел проливной дождь со снегом, градом, вьюгой, и несчастные третьеклассники жались возле паровой трубы как возле единственного места, у которого хотя и можно было замерзнуть, но все-таки не так быстро, как на носу или на корме парохода. И приснился мне тут второй юбилей России, приснилось то счастливое время, когда наши пароходные компании перестанут принимать пассажиров за овечек, которых можно только стричь и стричь, и употреблять все сверхъестественные усилия, чтобы натянуть над пароходной палубой грошовую крышку. Я проснулся от какого-то дикого воя и вопля, раздавшегося в соседней каюте.

– Не тонем ли?

– Нет, это пьют заздравные тосты!

– Помилуйте, тосты с воплем?

– Что делать, такой уж вкус у этого барина. Он уж третий раз проезжает по Волхову и перепаивает встречного и поперечного. Он как-то поехал из Новгорода в Кронштадт посмотреть английскую эскадру и возвратился домой, не выдав ничего, кроме бутылок клико и свиты прихлебателей.

Дремлю. И вижу я второй юбилей России, вижу то приятное время, когда наши безобразники поймут все неприличие воплей, смущающих сон и дерущих уши несчастных пассажиров, попавших-

ся в каюту, как в капкан, в засаду. Грезы мои были непродолжительны, и возле меня раздался гул, гам, стук, шик...

– Не горим ли?

– Нет, это любитель тостов собирается говорить спич.

Я слышу: «Ваше высокопревосходительство! Я, который, и вы, которые, а также и все предстоящие граждане, которые... а потому, поднося вам бокал заздравный, прошу вас доложить об этом кому следует». Я вижу: генерал морщится и отворачивается.

– Что генерал сказал? – слышу я за перегородкой комнаты.

– Остался чрезвычайно доволен.

– Вот тебе на чай за то!

А голод, о голод! – без ножа потрошит мой желудок.

– Дашь-ли ты мне шей?

– Повремените-с!

– Да вы посулите ему полтину, сейчас принесет.

– Послушай, мой милый, я тебе дам полтину на чай, принеси мне шей на гривенник!

– Сейчас, сию минуточку, в один миг.

И действительно принес. Я ел щи. Мыслями в то время я носился в отдаленном будущем, когда нахрап и полтина заменятся у нас порядком, уважением к личности каждого смертного, сознанием, что тосты и спичи приличны не каждому и не во всяком месте...

– Мне желательно, чтобы ты скидочку с шампанеи сделал, – говорил безобразник буфетчику, поддерживаемый свитою прихлебателей, – без скидочки никакое дело не вершится... примерно сказать, насчет мукú теперича...

– Пожалуйте деньги, пароход у пристани.

Пароход у пристани – и я в Петербурге.

Новгород.
Въезд в Кремль.

Новгород. Въезд в Кремль. Фотография начала XX в.

<А. В. ЭВАЛЬД>

ВСЕ И НИЧЕГО

Вали все в кучу – после разберем.
Поговорка.

Повесть о том, как Иван Еремеевич и Антон Антонович ездили в Новгород праздновать тысячелетие государства всероссийского, и о том, как они, часто ссорившись за различные убеждения, все-таки остались добрыми друзьями. – Нравоучительный и поучительный рассказ в двух лицах для назидания юношества и утешения старости.

– Позвольте, вы говорили сейчас, что человечество многое делает, само не зная почему и для чего?

– Говорил.

– Докажите это примером.

– Извольте. Скажите, к чему празднуются юбилеи?

– Какие юбилеи?

– Всякие: серебряные и золотые свадьбы, двадцатипятилетние и пятидесятилетние сроки службы, столетие каких-нибудь учреждений и, наконец, тысячелетие государств?

– Для чего празднуются?

– Да.

– Потому что время придет. Прожили с женою двадцать пять лет – ну, вот и празднуете.

– А если я двадцать три года прожил?

– Ну, так что ж?

– Тогда не следует праздновать?

– Конечно, нет. Что ж такое: двадцать три года?

– Да то же самое, что и двадцать пять лет.

– Двадцать пять больше двадцати трех.

– А двадцать шесть еще больше, однако вы их не празднуете.

– Да ведь двадцать пять лет, понимаете ли, ведь это четверть века!

– А двадцать шесть лет – четверть века и один год.

– Вот оно и не выходит складно: один год лишний. Нужно пригнать так, чтоб ровно было, тогда и празднуй!

– Да ведь и у вас неровно: двадцать пять – цифра нечетная.

– Зато состоит из пятерок.

– Позвольте: ведь и двадцать состояло из пятерок, а вы ее не праздновали.

– Да ведь двадцать не четверть века!

– А! Так нужно, чтоб цифра состояла из пятерок и составляла четверть века?

– Ну, да. А потом полвека, а потом век, а потом десять веков; вот тогда и праздновать.

– А девять веков?

– Ну, вот, вы опять свое!

– Да отчего же десять праздновать, а девять нет?

– А пятерки? забыли?

– Какие пятерки?

– Я говорил, чтоб цифра состояла из пятерок и была бы или четверть века, или полвека, или век, или десять веков! А то выдумали девять! Да кто же девять празднует!

– Я про то и спрашиваю вас: отчего же десять веков празднуют, а девять нет?

– Это не мы с вами выдумали.

– Ну, давно бы так и сказали. Значит, все-таки основания-то никакого нет.

– Есть.

– Какое же?

– Да оттого, что девять не состоит из...

– Позвольте. Вы знаете сказку:

Жил был царь,
У царя был двор,
На дворе был кол,
На коле мочала:
Начинай сначала.

И два приятеля, надувшись один на другого, разошлись. Тот, который защищал свои пятерки, прозывался Антон Антонович, а нападавший на празднование юбилеев – Иван Еремеевич.

Иван Еремеевич не выдержал. Склонив немного на бок голову, он подошел к своему приятелю.

– Антон Антоныч!

– Ну, что вам?

– Знаете ли что? Не катнуть ли нам в Новгород?..

– В Новгород? Зачем?

– Да на тысячелетие-то.

– А вам что до него за дело?

– Как, помилуйте! Тысячелетие-то России?

– Едем, пожалуй; я теперь свободен.

– Когда же?

– Да хоть завтра. Ехать, так уж раньше: любопытно посмотреть, как все это там у них делается.

– Да, это очень любопытно. Так завтра на машине.

– На машине.

– До свиданья.

Нужно сказать, что Антон Антонович небольшого роста, кругленький, с лысой головой, красным лицом и сизоватым носом в виде спелой сливы. Нрав его вообще добрый, хотя несколько и задорный. Любит пофилософствовать о тленности всего в мире, но глубоко сочувствует всем старинным преданиям и обычаям. Что существует, то, по его мнению, должно всегда существовать, и рассуждать тут нечего. Он с презрением смотрит на всякие нововведения и долго не мог примириться с московской железной дорогой. Новейшее поколение для Антона Антоновича хуже всякого рвотного, и он не может говорить о нем, не понюхавши предварительно табаку.

Иван Еремеевич – человек совсем другого полета. Лысину свою он прикрывает и помадит, одевается несколько франтовски и ходит наклонясь вперед, как будто всегда готовый отвесить всенижайший поклон. Лицо его рябовато, ноги длинные и тонки. Он считает себя либералом, прогрессистом и еще чем-то.

На другой день приятели действительно сошлись в воксале московской железной дороги.

– Аккуратны! – закричал еще издали Иван Еремеевич, расправляя свою руку со шляпой вперед и откидывая одну ногу назад. – Антону Антонычу мое почтение!

– Здравствуйте, батенька, здравствуйте, – проговорил Антон Антонович, кивая головой, но не снимая шляпы, потому что руки его были заняты всяким скарбом.

Приятели наши благополучно проехали до Волхова и там пересели на пароход.

– А что, Иван Еремеич, не пойти ли нам в буфет?

– Можно-с.

– Так пойдем.

– Пойдемте.

– Человек! Подай, братец, нам закуску и бутылку пива, – сказал Антон Антонович, входя в буфет. – Вот мы поедем, – сказал он, обращаясь к Ивану Еремеевичу, – а вы мне пока расскажите, что знаете о Новгороде. Вы ведь живали там?

– Жил-с, Антон Антоныч, очень жил.

– Как, то есть, очень?

– Да так-с, без малого три года выжил.

– Ну, это еще немного.

– Пожалуй, что немного, да с меня-то будет. Вы не поверите, как грустно образованному человеку пресмыкаться в такой глуши.

– Гм!

– Да-с, ужасная глушь, и народ такой дикий, точно самоеды.

– Гм!

– Вообразите: общежития нет никакого; всякий про себя, все друг друга дичатся, точно боятся, чтоб их не укусили.

– Это везде у нас в России.

– Везде-то везде, кроме Петербурга, конечно.

– И в Петербурге то же самое.

– Ну, нет, Антон Антоныч, не то же самое.

– Решительно то же. Только мы в Петербурге не имеем возможности так строго следить друг за другом, оттого и не замечаем. Ну, да это все равно; что же еще в Новгороде?

– Дворянское собрание есть.

– А!

– Еще есть клуб соединенного общества.

– Вот это хорошо.

– Потом есть древности разные: место, где был дом Марфы Посадницы; место, где жил Рюрик; место, где висел вечевой колокол...

– Все эти места целы?

– Совершенно целы, Антон Антоныч, только здания-то уж не существуют.

– Гм!

– Потом Софийский собор, очень древний.

– Да?

– Ей Богу-с! Разные церкви есть, монастыри, мощи... Вообще, город замечательный. Только ходить по улицам нельзя.

– Отчего?

– Тротуаров почти нет, а мостовые не приведи Бог как плохи. Хуже петербургских.

– Может ли быть хуже?

– Хуже. В Петербурге камни как бы ровнее, а в Новгороде они острые такие: сапоги разом обдерут.

– К праздникам-то, верно, поправят...

– Где же, помилуйте! На это ведь капиталы нужны. Так, разве песочком кое-где подсыпят, для виду.

– А что, вы не слышали, делает город приготовления к торжеству?

– Как же-с, и большие!

– Например?

– Да вот, например, от полиции был приказ, чтобы пред каждым домом поставлены были тумбы для плошек, под страхом взыскания, если кто не поставит тумб и не зажжет плошек.

– А если кто средств не имеет? Ведь есть же и бедные домохозяева?

– Это всё равно-с: все должны. И чтобы днем были флаги на домах.

– Гм!

– Вот я всегда и говорю, Антон Антоныч: кому смех, а кому и слезы.

– Д-да! А кто там полицмейстер?

– Из отставных гусар.

– А! Что это, братец, на берегу-то видно?

– Где-с?

– Вон столбы какие-то из соломы, с гирляндами.

– Да, в самом деле: елочки поставлены, а между ними соломенные гирлянды. Это, верно, декорации, для украшения берега.

– Вон еще, видите подальше?

– Вижу, вижу.

– Должно быть, лиминация будет.

– Как же можно: ведь солома загорится.

– Правда. Вон еще, смотрите!

– Да, да! Это все хитрости сельских жителей.

– А мы в Новгороде когда будем?

– Да не раньше часов девяти.

– Что вы!

– Никак не раньше. Пароход-то наш плоховат.

– Должно быть, что плоховат. Однако, Иван Еремеич, мы с вами приедем в Новгород поздно. Где-то мы остановимся?

– Где? Да в гостинице.

– Смотрите: найдем ли там место?

– Как не найти, помилуйте! Да, наконец, если не в отеле, так у кого-нибудь из обывателей найдем квартиру.

– Найти-то найдем, да ночью-то искать трудно.

– Ничего; Бог поможет.

Успокоенный этой мыслью, Антон Антонович больше не волновался насчет квартиры и обратил свое внимание на пассажиров.

В девять часов пароход пристал, и наши приятели вышли на берег.

– Извощик! подавай! – крикнул Иван Еремеевич.

– Куда прикажете?

– В гостиницу!

– Рублик серебра пожалуйста.

– Как? Да ведь это два шага отсюда!

– Время-то такое, его нескоро дождешься, барин.

– Ах вы, грабители! Да ты бы Бога побоялся!

– Что делать, барин, теперь у нас праздники. Мы этого времени сколько ждали!

– То-то и видно, что дождались. Пойдемте пешком, Антон Антоныч: это недалеко отсюда.

– Должно быть, мазурики петербургские! – проворчал с досады извощик.

Но Иван Еремеевич сделал вид, будто не слышал замечания, и твердым шагом повел своего приятеля.

– Голубчик, не так скоро! – кричал сзади Антон Антонович, спотыкаясь впотьмах на каждом шагу, – тут ведь все ноги переломашь!

– Ничего, Антон Антоныч; идите всегда вперед и никогда назад!

– Идем, идем; только, ради Бога, не так скоро, а то придешь без головы. Вишь ведь, понатыкали каменье; я думаю, из каждого этого булыжника можно монумент поставить.

– Ничего, Антон Антоныч, идите по монументам, придете прямо в храм славы.

– Ну вас со славою и с храмами; мне бы до постели-то добраться целым.

– Вот сейчас и доберемся, только улицу перейти. Есть у вас номера? – спросил Иван Еремеевич, входя на крыльцо.

– Два номера, – ответил лакей во фраке.

– Почему?

– По тридцати рублей.

– В месяц?

– Нет-с, в сутки.

Антон Антонович и Иван Еремеевич посмотрели друг на друга, как смотрят люди, ничего не понимающие; потом оба посмотрели на лакея, как на какую-то невиданную птицу.

– В сутки! – проговорил будто про себя Иван Еремеевич.

– Точно так-с, – ввернул невозмутимый лакей.

– Как же так, братец? – спросил Иван Еремеевич, немного опомнившись, – ведь у вас тут есть номера по рублю, я сам прежде останавливался.

– Через неделю будут опять, а теперь дороже.

– Что же нам делать? – спросил Антон Антонович.

– Пойдемте отсюда, пойдемте.

– Да куда же?

– Пойдемте, я вас поведу.

– Куда?

– Уж я знаю куда; пойдемте.

– Опять по монументам?

– Нет, теперь по шоссе. Пойдемте.

Пошли. Шли они, шли и, наконец, зашли в маленький глухой переулок, отыскиали там домик в три окна и постучались.

– Но что это за дом?

– Это... тут живет одна моя прежняя знакомая...

– Знакомая?

– Да...

Дверь отворила женщина лет тридцати.

– Ты узнаешь меня, Аннушка? – спросил ее Иван Еремеевич.

Аннушка осмотрела его внимательно.

– Узнаю.

– Можно мне будет остановиться у тебя с моим приятелем?

– Можно.

– Что ты возьмешь в сутки?

– Ничего.

– Как ничего?

– Ничего. Входите.

Изумленные более, чем в гостинице, приятели вошли в небольшую комнату, освещенную лампадой перед образом. Аннушка молча подала самовар, потом приготовила две постели и ушла в другую комнату, пожелав спокойной ночи.

– Что за странная женщина! – сказал Антон Антонович, ложась в постель, – откуда вы ее выкопали?

– Да, – сказал Иван Еремеевич, – женщина эта стоит всех женщин, которых я знал, а мы с вами, Антон Антоныч, не стоим и одного ее мизинца.

– Но кто же она?

– Она? Она дочь солдата и была бы теперь моей женой, если б прежде я был умнее.

– Что же вы, разошлись с ней?

– Да. Тогда я считал неприличным жениться на солдатке, а теперь... теперь, верите ли, Антон Антоныч, я бы отдал половину своего состояния... Да что тут говорить! Покойной ночи, Антон Антоныч!

На другое утро первою заботой приятелей было достать себе место в Кремле. Они узнали, что места раздаются в губернаторской канцелярии, и отправились туда.

– Здесь раздаются билеты? – спросил Иван Еремеевич у солдата в дверях.

– Здесь.

– Можно войти?

– Можно-с.

– Ну, толпа! – сказал Антон Антонович, оглянув комнату, набитую сплошь разным людом, – как мы тут проберемся к столу?

– А вы держитесь за меня.

– Да зачем мне идти? Вы уж ступайте одни.

– Нет, Антон Антоныч, идите за мной, всё лучше будет. Только держитесь крепче.

– Ну, ладно, ступайте. Я буду вас подталкивать.

И, приводя свои слова в исполнение, Антон Антонович сложил на груди руки, уперся в спину приятеля и разом втиснул его в самую гущу народа.

– Тише, тише! – закричал Иван Еремеевич, – не так сильно! Вы меня раздавите!

– Что вы тут толкаетесь? – заворчал один купец, – вишь, куда лезут! Обождите!

– Слышите, что говорят, Антон Антоныч? Не так сильно!

– Нечего их слушать! Вы разгребайте только руками, а я буду пихать.

– Голубчик, да меня-то пожалейте!

– Нечего жалеть, надо скорей пробраться, а то билета не достанем. Руками-то, руками разгребайте сильнее!

– Я-те вот дам: разгребайте! – воркнул другой молодец, которого приятели сильно стиснули, – назад! куда лезете?

– За билетом, голубчик; ты бы нам помог.

Молодец, видно, рассудил, что выгоднее будет вместе с ними тискаться вперед, чем осаживать назад, потому что тотчас же и принялся за работу руками и ногами.

– Прите сильнее, – шепнул он Антону Антоновичу, – а я буду осаживать в стороны.

– Господа, тише, тише! – кричал из-за стола чиновник, заметив в толпе сильное волнение, – всем будут билеты, а то стол опрокинете.

– Мне дайте десять мест! – крикнул кто-то.

– Мне сорок восемь! – крикнул другой.

– Для кого?

– Генералу Ползикову!

– Куда же так много?

– Вишь ты! – сказал какой-то купец.

– Гости к ним приехали, так сорок восемь мест нужно.

– Вишь ты! – повторил купец. – А мне, батюшка, тридцать два местечка одолжите.

– Что, и у тебя гости, что ли?

– Куда нам гостей, лишь бы своих-то усадить.

– Эх тебя расперло на тридцать два места!

– Что же делать, батюшка? сродственниками Господь не обидел.

– Тише, господа; пожалуйста... не толкайтесь! – говорил чиновник. – Кто это там лезет сюда?

– Это я! это я! – кричал Иван Еремеевич, подымая руку вверх, – это я лезу!

– Так не лезьте, ведь вы всех толкаете.

– Толкает-то Антон Антоныч, а я только руками...

– Какой Антон Антоныч?

– Билет ему нужен, так он и толкает меня; дайте, пожалуйста, билет, то есть, два билета.

– Натё, нате, только уходите отсюда и не делайте беспорядков.

Схватив на лету билеты, Иван Еремеевич начал пятиться задом, так что придавил спиною нос Антона Антоновича, который в свою очередь начал пищать. После небольшой борьбы, получив несколько толчков в бока и пинков сзади, приятели наши вырвались на улицу.

– Ну, что? Ведь живо устроили дело по-моему? – спросил Антон Антонович, отирая с лица пот.

– Да, только, черт возьми, натискали меня порядком.

– Это ничего, обойдется. Посмотрите-ка, Иван Еремеевич, какие люминации-то строят, а?

– Я не люблю эти штуки.

– Что так?

– Помилуйте, ведь это совсем напрасная трата денег.

– Так что ж, по-вашему, нужно отказывать себе во всех удовольствиях?

– Да какое тут удовольствие, что горят фонари? только смрад и копать по улице, даже голова заболит.

– Зато глядеть приятно: так все и сверкает в глазах.

– Вон, лучше бы улицы сверкали мостовыми. А то ведь нет: на иллюминацию-то всякий разорится, а мостовых не сделают порядочных.

– Да ведь мостовые дороже.

– Дороже, да полезнее.

– Эх, Иван Еремеич, какой вы нынче народ стали! зарядили одно: польза, да польза! Конечно, хороша польза, да ведь и веселье-то хорошо. Не все же делом заниматься.

– Слава Богу, пора за дело приниматься: тысячу лет ведь прожили!

– Дело делом, а веселье само по себе. Нет, батюшка, в наше время молодежь принималась за дело, как стукнет за пятьдесят. Зато уж и кутили! А вы что нынче? курицы!

– Несущие яйца, а вы были петухи.

– Петухи, да задорные.

– Только и толку в вас было, что по трактирам кричали.

– А вы нынче в газетах кричите, и все пустое. Мы хоть дело кричали.

– Какое же дело?

– А так, что, бывало, пред нами все тряслись, а пред вами теперь всякий нос подымает.

– Придет время, и мы подыдем нос.

– Подымайте, пока его не отклевали у вас. Нет, батенька, лучше-то было по-нашему, ей-Богу, лучше. И жили-то веселее, и смирно-то все было, и бояться было некого. А теперь... посмотрите-ка, вон городской идет, должно быть, петербургский, с номером на груди.

– Да, это петербургский!

– А разве здесь нет?

– Есть.

– Зачем же из Питера-то понавезли?

– Оттого, что здешним не справиться, верно, одним.

– Да, Иван Еремеич, в старину-то лучше было. Помню я, как мы одного немца в трактире отваяляли, так я вам говорю, он только ножками заболтал в воздухе. А все за то, что вздумал сидеть, когда мы стояли.

– И вы гордитесь этим?

– А что ж? Так ему и нужно!

– Нет, Антон Антоныч, нехорошо все это было. Правда, мы нынче тоже много пустого и скверного делаем, зато идеи-то у нас хороши. А у вас ведь никакой идеи не было.

– Да на что они? Шубу, что ли, сошьешь из ваших идей?

– Шубу не шубу, а жизнь.

– Ну, братец, я этого совсем не понимаю. А скажу тебе правду, что вы все-таки дрянь перед нами. У нас было во всем единодушие, товарищ за товарища стоял горой, и друг друга ни за что не выдавали. А вы-то? Люди, желающие блага России, прогресса и там еще чего-то, можете ли вы тем же похвалиться? Нет, небось: грызетесь друг с другом, как волки с собаками, вместо того, чтобы помочь или хоть не мешать один другому.

– Это оттого, Антон Антоныч, что, хотя цель у нас и одна, да средства для достижения разные: у каждого по своим понятиям. За это и грызутся.

– Есть за что! Хотим мы вот оба быть на другом берегу Волхова: ты думаешь, лучше идти по мосту, а я думаю – лучше переехать в лодке: нам и делать, кто как хочет, а не драться за это, чтоб тащить именно по своей дороге. А если подеремся, придет городской, да и посадит нас в будку. Так и вы: вместо того, чтобы трудиться дружно, хоть бы не мешая друг другу, вы спорите о дороге, бранитесь, клеветеете один на другого, выдаете друг друга, вас забирают, разгоняют, и никто ничего не достигает. Хорошо ли это? Умно ли это? Честно ли это? а? Скажите-ка мне сами?

– Нельзя, Антон Антоныч, без спора – нельзя.

– Кто говорит: без спора? Пожалуй, спорьте, да зачем клеветать друг на друга? зачем выдавать друг друга? Я, братец, почитываю иногда газетки и вижу, что вы делаете... срам читать, ей-Богу, срам! Зависти-то у вас всех много, каждый хочет быть первым: оттого и грызетесь меж собою на потеху всему свету; недалеко вы уедете на этом! Оттого, брат, я и говорю, что мы были лучше: хоть меньше делали, да зато не выдавали друг друга.

– Во многом вы правы, Антон Антоныч, да что же делать-то?

– Не нападать друг на друга, не узнавши хорошенько дела. Вы все судите по наружности, придираетесь только к словам. Кто не горланит про свои идеи, тот у вас и отсталой, и обскурант, и такой, и

сякой. Вот и начинаете заедать. Те у вас только и хороши, которые, ради красного словца, не пощадят родимого отца. Молоды вы еще больно: молоко-то у вас на губах еще не обсохло.

– Нет, Антон Антоныч, не то. У нас идет борьба партий...

– Партий? Каких это партий?

– Разных. Одни стоят за одну идею, другие – за другую.

– Вы, пожалуй, Иван Еремеич, врете, да знайте меру. Я хоть человек необразованный, а настолько-то смыслю в делах. У нас, в России, могут теперь существовать те же самые две партии, которые были всегда и которые особенно сильно высказались при Петре Великом: это именно – партия, желающая улучшений, и партия, желающая оставить все неподвижным. Пожалуй, назови первую – партией прогрессистов, а вторую – партией обскурантов. Только при Петре Великом обскуранты держались бороды и боялись мундира, а прогрессисты брились; теперь же, как кажется, наоборот: обскуранты боятся бороды, а прогрессисты боятся мундира. Ну, да это наружность. А других партий вы не выдумаете.

Говоря таким образом, приятели шли по улицам Новгорода и посматривали направо да налево. Пред ними то подымались леса для иллюминации, поперек всей улицы, изображавшие триумфальные ворота, то щит на барке, с нарисованным памятником, то какой-нибудь замысловатый вензель или даже целая картина, аллегорически изображавшая тысячелетие России. По дороге им встречались выборные от крестьян, в шитых галунами кафтанах, гвардейские офицеры, солдаты, мировые посредники с медалями на широких цепях, купцы, помещики, съезжавшиеся изо всех уездов, придворные лакеи в мундирах или красных шинелях и всякий тому подобный люд, собравшийся в Новгород на праздник.

– Не правда ли, как город теперь оживлен? – заметил Иван Еремеевич.

– А разве прежде он не такой был? – спросил Антон Антонович.

– Как же можно! Уж одно то, что теперь прибыло сюда наверно тысяч пятнадцать лишнего народа. Деятельность-то какая! Любо посмотреть! Пойдемте-ка взглянуть на памятник.

– Да ведь он закрыт.

– Ничего; мы тихонечко откроем его, с краешку.

– Да ведь не подпустят близко.

– Подпустят. Дадим на чаек.

– Попробуем.

– Послушайте, голубчик, – сказал Иван Еремеевич, подходя к памятнику и обращаясь к десятнику, – что, нельзя памятник посмотреть?

– Нет-с, нельзя.

– Нам бы только кусочек.

– Нельзя-с, не велено.

– Вот только с этого краешку чуть-чуть полотно откиньте.

– Нельзя-с. Вот если вам угодно будет погодить маленько, фотограф придет снимать, тогда мы откинем полотно.

– А скоро он придет?

– Должно быть, скоро. Да, теперь скоро, – прибавил десятник, взглянув на часы.

– Ну, так мы подождем. Вот-с, Антон Антоныч, это и есть Кремль, – сказал Иван Еремеевич, повертываясь на каблуки и размахнув руками, чтоб яснее выразить свою мысль.

– Кремль! А где же детинец?

– Да это же и есть детинец!

– А! Ну, а где тут стоял вечевой колокол?

– Вечевой колокол?

– Да.

– Он стоял... позвольте... он на колокольне висел.

– На какой?

– Да вот на этой, у собора.

– Ой-ли?

– Где же ему быть больше? Конечно, на колокольне.

– А от него не осталось черепков?

– И-и-и! Что вы! Ни одного черепка.

– Жаль. Я было хотел своей жене привезти кусочек.

– На что ей?

– На память об Марфе Посаднице. Она меня все корит этой Марфой: «вот, говорит, в старину-то какие женщины были, свою

волю имели, а теперь вы нам ничего не даете, даже рассуждать не позволяете».

– А вы бы ей сказали: за то Марфу и в тюрьму посадили, что больно много рассуждала.

– Я уж говорил.

– Ну, и что же?

– Не помогает!

Пока приятели осматривали Кремль, памятник действительно уже был открыт с одной стороны для фотографа.

– А! – сказал Антон Антонович, изъявляя этим восклицанием свое удовольствие при виде памятника.

– Хорошо? – спросил Иван Еремеевич, хотя ни тот, ни другой не успели еще ничего увидеть.

– Хорошо! Очень, очень хорошо! – подтвердил Антон Антонович, расставляя ноги и прикрывая рукою глаза от солнца.

– Не правда ли?

– Д-да! Отличная штука! Кто это его делал?

– Разные люди. Проект составлял художник М.О. Микешин. Лепили верхние фигуры Микешин, Шредер, Залеман и Михайлов. Отливалась бронза на литейной фабрике Никольса и Плинке. А строили... позвольте... я читал об этом... да, строителем был генерал Евреинов, а производителем работ капитан Адамс.

– Вот как! А хорошо!

– Не правда ли?

– Хорошо! Что говорить, важно! Что же это наверху-то стоит?

– Разве вы не видите: ангел с крестом, а пред ним Россия, на коленях.

– Где же Россия?

– Да женщина-то эта? Видите?

– Какая же это Россия?

– Такая! Государство всегда изображают в виде женщины.

– Зачем же ее художник сделал на коленях?

– Молится. Это изображает, что Россия крепка своей верою.

– Ну!

– Что ну?

– Зачем Россия-то на коленях? Это мне не нравится.

– Отчего же?

– Лучше бы она стояла с крестом в руке... а этак обидно.

– Так ведь она перед крестом. Нарисуйте Бонапарта и пред ним Россию на коленях: ну, так я согласен, что это было бы обидно, а то перед крестом! Это совсем другое дело.

– А это кто?

– Который?

– Еще с крыльями над ним летит.

– Это Петр Великий! и его гений. Внизу лежит разбитый швед.

– А это?

– Это Михаил Федорович молится о ниспослании свыше силы на несение царского подвига; Минин на коленях подносит ему шапку Мономаха, а Пожарский прикрывает мечом.

– А это?

– Это Владимир Святой; подле него справа женщина несет свое дитя крестить, а слева – старик разбивает идол Перуна.

– А это?

– Рюрик со щитом, на котором написан год основания России.

– А это?

– Дмитрий Донской влагает меч в ножны и молится Богу за победу над Мамаем, которого тут и придавил ногой, видите?

– Вижу. Ну, а это кто?

– Иоанн III.

– Что ж это около него так много фигур?

– Это четыре главные народности, уничтоженные им.

– Хорошо! Отлично все фигуры сделаны! Отлично!

– Не правда ли?

– Да, хорошо, очень хорошо!

– Теперь посмотримте барельеф. Вот Минин, Пожарский и Сусанин.

– Да ведь Минин и Пожарский уже были наверху?

– Что ж такое? Это не мешает быть им и на барельефе.

– Это Сусанин, говорите вы?

– Да.

– Почему же вы знаете, что это он?

– Подписано; ну, да и подле Минина с Пожарским какому же быть крестьянину, как не Сусанину?

– А это?

– Генералы Миних, Румянцев, Суворов, Барклай, Кутузов... А тут литераторы и художники.

– А это?

– Дмитрий Донской.

– Тоже во второй раз?

– Да.

– А это?

– Иоанн Грозный.

– Отчего вы так думаете?

– Да оттого, что в группе с ним стоят Анастасия, Сильвестр и Адашев.

– Тут написано: Иоанн III.

– Нет, это Грозный.

– Как же, г по-славянски значит III.

– Будто?

– Слава Богу: славянскую-то грамоту я знаю!

– Не может быть: Анастасия, Сильвестр и Адашев – ведь это современники Иоанна IV.

– Так отчего же вы думаете, что эта фигура непременно Иоанн IV?

– Оттого, что она подле Анастасии. Иначе как же?

– А я вам говорю, что это Иоанн III.

– Вы, верно, не так прочитали.

– Читайте сами.

– Я не знаю цифры по-славянски.

– Так спросите.

– Ну, вот еще!

– Нет, спросите-ка, а то потом будете уверять всех в Петербурге, что я вам наврал. Вон десятник идет, спросите-ка его. Послушайте, любезный!

– Что-с? – спросил десятник, подходя.

– Кого изображает эта фигура?

– Эта?

- Да.
- Эта изображает Иоанна III.
- Третьего?
- Точно так.
- Ну, что? Ведь я вам говорил!
- Странно. Иоанн III, значит, тоже во второй раз.
- Сами же говорили, что это ничего. Ну, а это кто?
- Петр Великий и Яков Долгорукий.
- Вот видите: и Петр Великий во второй раз!
- Вижу, вижу.
- А эти кто?
- Ольга и Владимир.
- Святой?
- Да, Равноапостольный.
- Так видите ли, Иван Еремеич, тут почти все верхние фигуры повторяются на барельефе: верно, так надо было.
- Вероятно.
- Ну, это ничего; все-таки памятник великолепно отделан. Цоколь-то отполирован как, точно зеркало!
- Да. Теперь пойдете, Антон Антоныч, домой пообедать.
- Куда же домой? чего вы там найдете пообедать? Лучше отправимтесь в какое-нибудь кафе. Есть тут такие?
- Есть. Пойдемте к Бендту.
- Кто это?
- Ресторатор.
- Приятный, значит, человек. Пойдемте к нему.
- При входе в столовую залу кафе Антон Антонович, бывши впереди, остановился.
- Иван Еремеич! Посмотрите, тут дамы сидят.
- Где?
- Вон, в углу, целых четыре.
- В самом деле! Да знаете, кто это? Певицы; должно быть, тирольки или шведки.
- Только что приятели сели за стол и принялись за суп, как четыре певицы встали и, смотря одна на другую, начали петь.

– Иван Еремеич! Какие голоса-то басистые! – сказал Антон Антонович, прячась от певиц за графином. – И мы с вами так не споем?

– Особенно после обеда.

– Попробуйте.

– Дома попробую.

Все время обеда певицы вставали, пели, глядя одна на другую и на наших приятелей, которые уничтожали блюда одно за другим. Антон Антонович все прятался то от одной певицы за графином воды, то от другой за вазой шампанского. Иван Еремеевич, наоборот, старался показать, что ему это нипочем: небрежно разваливался на спинку стула, играл вилкою в ожидании блюда, глядел прямо в глаза певицам, поправлял свою лысинку с артистической небрежностью, говорил несколько в нос, беспрестанно примешивая французские слова, и вообще старался заинтересовать собою. Певицы, довольно здоровые и краснощекие, переглядывались между собой, улыбались Ивану Еремеевичу и до того зачастили петь, что на каждое блюдо приходилось, по крайней мере, по три песни. Но как их усердие, так и маневры Ивана Еремеевича кончились ничем, потому что, едва проглотив желе, совершенно сконфуженный, Антон Антонович вскочил и увлек за собою Ивана Еремеевича.

После обеда приятели ходили на волховский мост поглядеть встречу царя.

– Останетесь тут, на мосту, – сказал Антон Антонович, – тут хорошо видно и народу меньше.

– Пожалуй.

Иван Еремеевич, может быть, и не согласился бы так скоро, но его привлекли две женские головки, стоявшие у перил моста. Сердце ведь не камень. Только к большому его огорчению оказалось, что дамы не одни, а с довольно большой свитой кавалеров, между которыми один из себя выходил, чтоб занять публику. Иван Еремеевич, однако, не упал духом и стал таким образом, чтоб его заметили, надеясь привлечь внимание своей истинно джентльменской наружностью и совершенно столичными манерами. Тут же стояли два рядовые из конвоя, в мерлушечьих шапках и с кинжалами. Проповедывавший господин начал показывать медаль в память тысячелетия

России. Ивану Еремеевичу это показалось удобным предложением, чтоб вступить в беседу; но, к величайшему его огорчению, конвойные предупредили и, попросив поглядеть медаль, вступили в беседу с одной из дам.

– Послезавтра будет для государя бал на дворянском забрании, – сказал один.

– Да, я это знаю, – ответила желавшая беседовать дама.

– Вы будит там?

– Нет, не буду.

– А как же? Я жилал данцовать з вами завтра на бал.

– Очень рада, но я не буду, к сожалению.

Иван Еремеевич и руки опустил...

– Вы слышали? – спросил он Антона Антоновича.

– Что?

– На дворянском балу будут лезгины танцовать...

Внимание публики было развлечено приездом парохода с императорским штандартом...

На другое утро они встали спозаранку, чтоб найти повыгоднее место, так как места на амфитеатрах у памятника не были нумерованы.

– Вот отсюда мы отлично все увидим, – говорил Антон Антонович, усаживаясь.

– Да, действительно.

– Какие это войска собираются?

– Гвардия, по одной роте от каждого полка.

– А начальства-то сколько! Только и видишь, что серебро да золото.

Антон Антонович обернулся, потому что недалеко от него раздался женский смех.

– Иван Еремеич, посмотрите: кажется, это над нами смеются вчерашние ваши знакомые?

– Где?

– Да вон тут!

Иван Еремеевич покраснел даже от одной мысли, что над ним можно смеяться, и брюзгливо повернулся.

– Совсем нет... Это какой-то франт старается выказать свое остроумие перед двумя барышнями.

– Послушайте, что он говорит.

– Конечно, вздор. Рассказывает, как его полицейстер не пропускал в Кремль, несмотря на билет.

– Чего же барышни-то смеются?

– Да так. Они, кажется, принесли с собой провизию, чтоб не проголодаться.

– Вишь ведь, какие запасливые! А мы-то с вами не догадались.

– Да зачем?

– Как зачем? Ведь раньше трех часов не кончится церемония: так до тех пор успеете проголодаться порядком.

– Вы всё только об еде и думаете.

– Видно, не я один, когда и барышни...

– Какие-то провинциалки. Поверьте, что наши петербургские не стали бы носить с собой закуски.

– И очень бы глупо сделали. Провинциалки-то, видно, умнее петербургских. Пойдите-ка лучше да познакомьтесь с ними.

– У них уж есть там кавалеры и без меня.

– Очень жаль. И кавалеры-то эти, видно, догадливее вас: знают, где раки зимуют.

– Верно, такие же обжоры, как и вы.

– Отчего же обжоры?

– Да оттого, что пристроились к провизии этих барышень.

– Отчего же не к барышням? Вы на все смотрите с черной точки зрения, как Мефистофель.

Сравнение с Мефистофелем видимо польстило Ивану Еремеевичу: он самодовольно улыбнулся и, чтоб поддержать такую репутацию, решился быть еще злее на язык, особенно когда разговор коснется этих барышень.

– Я не раз слышал, что похож на Мефистофеля, – сказал он, чтоб еще более утвердить Антона Антоновича в этом сравнении.

– Не завидую вам: у Мефистофеля рожа-то была, говорят, очень паскудная.

Иван Еремеевич резко отвернулся и стал смотреть на барышень с провизией.

– Смотрите, – говорил он, – едят!

– В самом деле?

– Едят! Булку вынули, колбасу, сыр! Вот женщины!

– Отличные женщины, ей-Богу; я уж заранее люблю их за это.

– Да вы посмотрите на них.

– Пойдите, стыдно.

– Чего стыдно?

– Да смотреть: подумают еще, что я приволокнуться хочу. Чего доброго, жена еще узнает... Вы уж смотрите и рассказывайте мне, что они делают.

– Что делают? Я вам говорю: едят.

– Ну, а дальше?

– Дальше? Подле них сидит какой-то господин в синих очках и с бородой. Я говорил, что кавалеры подсоседились к ним только ради провизии, – почти вскрикнул Иван Еремеевич.

– А что?

– Ему тоже дают хлеба с сыром.

– Эге!

– Да еще как дают-то: горничная тихонько вынет из мешка и передает первой барышне, та потихоньку же передает второй, верно, своей сестре, а уж вторая дает этому уроду в синих очках. Тут, батюшка, целая почта устроилась.

– Я думаю, вы бы не отказались быть на месте этого урода?

– С какой радости?

– Хоть ради того, чтоб закусить, да еще из рук хорошенькой женщины.

– Никогда! Я имею привычку сам угощать женщин, а не угощаться на их счет.

– Зачем же такая брезгливость? Гораздо лучше смотреть на женщину так же, как на себя. Что же, синие очки едят тоже?

– Ест, каналья, без зазрения совести. Еще кто-то подошел к ним.

– Тоже ест?

– Берет, берет! Только этот скрывает как-то, не то, что бородач. Подле них еще кто-то сидит, с усами: верно, отец их.

– И тоже ест?

– Ест; все едят.

– Хорошие люди, право, хорошие люди.

– Ну уж, люди! Таких разве только в провинции встретишь: едят пред целым народом!

– А что же народ? Не видал, что ли, как люди едят?

– Да неприлично...

– А в петербургских театрах разве не едят дамы?

– Так там конфеты берут, чтоб только время убить.

– У всякого свой вкус: одним нравятся конфеты, а другим – сыр. Да, наконец, это зависит и от времени дня: утром кто же станет конфеты грызть? Право, пойдите-ка к ним да расшаркайтесь хорошенько: авось, и вам дадут. Поучитесь-ка уму-разуму у этих франтов... Однако смотрите: парад начинается.

Действительно, раздалось несколько команд, толпа немного зашевелилась и стала. Вышел государь, объехал ряды войск при криках «ура» и потом отправился в собор. Солдатам дали вольно. Барышни, утихшие на минуту, снова стали смеяться, к величайшей досаде Ивана Еремеевича, который находил все это крайне неприличным.

– Никакого нет уважения к публике, – ворчал он.

– Да что они, мешают вам, что ли?

– Конечно, мешают: небось закури я сигару, так они бы какой гвалт подняли!

– А может быть, и не подняли бы.

– Нет, подняли бы.

– Положим и так, да, сигара, действительно, мешает другим своим запахом, а съестное?

– Тоже мешает запахом; я вот сюда слышу, как пахнет сыром.

– А! ха-ха-ха! Так давно бы так и сказали! Они дразнят ваш аппетит, оттого и попали в такую немилость к вам!

Иван Еремеевич ничего на это не ответил. Молча, он смотрел, как духовенство вышло с хоругвями и образами из церкви, обошло кругом памятника, потом служило молебен, как потом, по уходе духовенства, войска прокричали «ура» и начали перестраиваться для церемониального марша.

По окончании парада Иван Еремеевич схватил Антона Антоновича за руку и, не глядя на ужасных дам, кушавших при публике, побежал из Кремля, что было духу.

– Пойдемте посмотреть солдатский обед, – говорил Антон Антонович, едва успевая переваливаться за своим бежавшим приятелем.

– Чего там смотреть? Не видали еще, как солдаты едят?

– Все-таки любопытно, как это устроено; пойдемте.

– Есть чего!

– Ведь мы же затем и приехали в Новгород, чтоб все видеть.

– Да видеть-то нечего.

– Ну уж и нечего. Ведите-ка меня, что тут разговаривать; вернетесь в Петербург, сами спасибо скажете...

– Ну, пойдемте.

– Где же это, далеко?

– Нет, сейчас будет, только завернуть за угол дворянского собрания. Да вот, смотрите.

– Эге, да тут целый гомеровский пир под открытым небом! И жареные бараны с золотыми рогами!

– Не хотите ли барана?

– Спасибо, я люблю его только на блюде и без золотых рогов... Ну, пойдемте теперь домой.

– Пойдемте. А что сегодня еще будет?

– Обед в дворянском собрании.

– А еще что?

– Чего же вам еще больше? Парад и два обеда.

– Да ведь сегодня тысячелетие!

– Довольно вам для него. А вы, небось, хотите, чтоб вам что-нибудь дали?

– Зачем? Мне ничего не нужно; благодаря Бога, сыт и одет. То есть, теперь-то не сыт, а потому и пойдемте в ресторан.

В ресторане, в ожидании обеда, Иван Еремеевич взял газету.

– А что, Иван Еремеич, певицы-то эти опять запоют?

– Вероятно.

– Нужно будет им что-нибудь дать.

– Зачем?

– Да ведь они для нас поют.

– Мы их не просили.

– Все неловко.

– Что же вы им дадите?

– Хоть двугривенный.

– Не возьмут.

– Что ж, мало, что ли?

– Конечно, мало.

– Не пять же рублей дать?

– А меньше стыдно.

– Так я ничего не дам.

Пообедав и отдохнув, приятели наши погуляли по улицам, любуясь на освещенные фонарики, и потом вернулись домой.

На другой день... они ничего не видели. Слышали, впрочем, что купечеству был обед от государя, а вечером дворянство давало бал, попасть на который, однако, не могли, не имея знакомых. Зато целый день они толкались по улицам, наблюдая над тем, как новгородцы радуются тысячелетию России.

– Приятно посмотреть на народ теперь, – говорил Антон Антонович, – как он ведет себя во время праздника: ни пьянства, ни буйства не видать, все так чинно, хорошо.

– Ну! дайте им волю, так они налижуются.

– А кто же им мешает?

– Безденежье, дороговизна... Мое почтение! – крикнул вдруг Иван Еремеевич, раскланиваясь с кем-то.

– Кто это?

– Это Владимир Иваныч, всеобщий дамский поклонник и жених.

– Куда же это он летит так скоро?

– С визитами: должен ведь объехать весь город – дело, не терпящее отлагательств.

– Однако, Иван Еремеевич, нам больше нечего делать в Новгороде; не отправиться ли восвояси?

– Пойдемте.

– Когда же?

– Завтра, с первым пароходом.

– Идет.

На третье утро пребывания своего в Новгороде два друга явились на пароходную пристань. Народу было уж много. Крики, шум, толкотня, брань дали им заранее почувствовать, что тут будет репетиция того, что они испытали, доставая билеты в Кремль.

– Антон Антоныч, вы сдайте наши чемоданы, а я достану билеты.

– Хорошо.

Иван Еремеевич резнулся было в толпу у одного окна, но тотчас же и завяз в ней.

– Два билета на пароход! – крикнул он, подымая руку с деньгами кверху.

– Тут не дают на пароход, – сказал кто-то в толпе.

– А куда же?

– На машину.

– Два билета на машину! – крикнул Иван Еремеевич. Но кассир не обратил внимания на его крик и спокойно продолжал раздавать билеты ближайшим к окну. В это время Иван Еремеевич почувствовал, что его схватили за руку и грубо отталкивают в сторону. Это тискался к окну лезгинец. И без того неспособный прощать дерзости, Иван Еремеевич еще более озлился, когда увидел, что эту дерзость оказал лезгинец. Сжав кулак и поднеся его к самому носу мохнатого воина, он проговорил:

– Только тронь еще!

– Мне билета нужно, – ответил тот, покраснев.

– Успеешь; тут все ждут.

– Господа! не толкайтесь так, потише, потише! – говорил квартальный, раздвигая публику.

Но его увещания мало действовали. Народ продолжал тесниться и браниться в виду опасности остаться без билета, потеряв всякое сознание о чинопочитании. После долгих хлопот Ивану Еремеевичу удалось, однако, добыть два билета на машину и с торжеством победителя вырваться из этой толпы. Посмотрев на часы, он увидел, что истратил уже полчаса времени: ровно столько же оставалось до отъезда парохода. У другого окна стояла еще более густая толпа; но делать было нечего: Иван Еремеевич резнулся и в нее. Не

обращая внимания, что делается вне пристани, он тискался, тискался, пока, наконец, не пробрался до кассира и добыл себе два билета на пароход.

«Слава Богу! – подумал он, – хоть бока-то у меня и болят, да и платье порядком истрепано, но, по крайней мере, мы едем сейчас».

Он оглянулся, выйдя из толпы: парохода уж не было. Перед ним стоял Антон Антонович, красный, как рак, и тоже с билетами в руках.

– Что ж это такое значит? Где же пароход? – спросили они друг друга в один голос.

– Уж уехал, проклятый! – сказал какой-то купец, также с билетом в руке.

– Здравствуйте, Антон Антоныч.

– Здравствуйте, Иван Еремеич.

– Это ничего, господа, – обратился к ним некто, – вы пойдете на следующем пароходе: деньги ваши не пропадут.

Кремль и памятник «Тысячелетию России». Фотография середины XX в.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА»

С.-Петербург, 7 сентября

Прошло тысячу лет историческому существованию России как государства. И прежде 862 года существовали народы, ее населявшие, но они жили жизнью отдельною, родовою. События их жизни не записаны историю, как представлявшие мало общечеловеческого интереса. Вообще народы и государства, как и отдельные люди, важны для истории не одним счетом годов и дней, но тем, что они совершили великого и славного. Часто один год в истории народа является более светлым явлением, чем ряды веков, ничем особенным не ознаменованные. И народы, и государства, как и отдельные люди, иногда в немногое число лет и дней переживают более, чем прежде в столетия и годы. Но для того, чтобы достигнуть такой степени умственного и нравственного сознательного развития, чтобы действия народа и человека становились достоянием истории, нужно время, нужна возможность созреть для этого развития. В природе

все постепенно; в жизни человека и народов точно также, только то развитие и прочно, которое условлено, приготовлено прежнею его жизнью. Моментам же исторического развития предшествуют в истории государств и народов целые века темные, мрачные, века заблуждений и ошибок. Истина и знание не даются даром; они приобретаются тяжелым опытом жизни, среди борьбы и затруднений.

Так и в жизни русского народа и государства далеко не все тысячу лет посвящены были сознательному нравственному и умственному развитию. В этом отношении в немногие последние годы совершенно или положено начало к совершению гораздо большего и более важного в жизни русского народа, чем в прежние сотни лет. Но не упрем в том прошедшее России. И оно было необходимо как подготовительный период. Некогда было думать о внутреннем развитии, когда Россия в продолжение целого ряда веков должна была отстаивать свою самостоятельность, с одной стороны от кочующих племен востока, с другой от завоевательных стремлений германских племен и покушений католицизма. К тому же присоединилась внутренняя междоусобная борьба двух начал в самой Руси, борьба, продолжавшаяся целые века. В великой Руси личность гражданина смирилась перед началом государственным; в западной Руси, под влиянием соседственной Польши, излишнее преобладание личности человека и притом в одном привилегированном сословии дало особенный оттенок истории того края. Была минута (в 1612 году), когда начало западной Руси едва не восторжествовало над государственным началом Великороссии; но здравый смысл и практичность русского человека, убежденного, что власть самодержавная есть единственное примиряющее начало, есть воплощенное общее благо, для которого чужды интересы частные и сословные, не дали места аристократическому началу западной Руси и восстановили начало государственное, начало равенства всех перед державною властью, изрекающею законы. Историческая жизнь русского народа начинается со слов славян к князьям варяжским: *приидите владеть нами*. Эта покорность власти, это сознание в ее необходимости, это ясное сознание, что твердая и сильная власть, чуждая всех частных побуждений, необходима для блага государства, не оставляли русских во все тысячелетие существования их государства. И в минуты

своеволия граждане новгородские, дав волю разгулу свободы, не могли обходиться без князей. Самое падение Новгорода, то есть его самостоятельного, отдельного существования, не было насильственным. Войска московских князей мало тут что сделали. Большинство простых граждан, теснимое богатым классом, призвало московского государя как своего защитника. Русский народ всегда предпочитал иметь одного господина, чем многих. Потому-то самые жестокости Иоанна Грозного были понимаемы нашим народом как государственная необходимость пожертвовать частью для спасения своего. Не сокруши Иоанн IV боярское начало, борьба начала XVII века могла бы окончиться не в пользу начала государственного. Но с 1612 годом прошло самое тяжелое время для России; с воцарением дома Романовых началась история мирного развития, гражданских успехов. Петр Великий дал этому развитию направление западно-европейское. Он в короткое время совершил дела столетий и, быв в душе вполне русским человеком, он понял потребности своего народа и связал его жизнь с жизнью других народов европейских. Он искренно любил Россию, доказал на деле эту любовь, и имя его навсегда должно остаться в памяти признательного русского человека. С того времени и поныне власть державная является постоянно блюстительницею блага общего, уравнивая постепенно все условия и призывая их в одинакой степени и материального, и нравственного развития.

Тысячелетие совершившееся застало Россию в самый важный момент ее исторической жизни. Сравнительно с прежнею медленною, тихою деятельностью, с едва заметными признаками жизни умственной и нравственной, Россия в последнее время переживает днями годы, если не века. Есть дни теперь в ее истории, которые стоят веков. Конечно, все это подготовлено прошлым, но нужно же было угадать потребности, благоприятную минуту исполнения, и иметь решимость, чтобы исполнить. А потому нечего упрекать прошлое за то, что оно таково, каково было; не будь прошлого, не было бы настоящего. Но жизнь в понятии человека и народов должна быть тождественна с деятельностью. Только ею и красится жизнь сознательная, жизнь разумная, единственная достойная как человека, так и человеческих обществ. Никакая степень материального и

нравственного развития не дает права государству и народу сказать: довольно, я здесь остановлюсь. Отсутствие движения в мире нравственном равносильно возвращению назад. А потому, как ни велико наше настоящее, как ни справедливо может гордиться Россия успехами, совершенными ею в последнее время, но не все еще сделано. Нужно, чтобы развитие, чтобы совершенствование были не видимые только, кажущиеся, но чтобы они проникли в сок и кровь народа, в душу каждого отдельного гражданина, в жизнь его, в образ его действий; только такое развитие и прочно. Правительство, верное своему историческому значению, приняло инициативу многих важных, благотворных, спасительных мер для России; но осуществление их, применение к делу зависит уже от самих граждан, без искреннего содействия которых самые лучшие меры не принесут всей пользы, какую бы могли. Совершенства нет в мире явлений человеческой природы; но стремиться к совершенству – обязанность каждого сколько-нибудь развитого, разумного человека; не затруднять осуществление благих мер правительства, если бы они и не совсем согласны были с нашими частными интересами, с личными видами, должны мы, а содействовать им, имея прежде всего в виду благо общее, в котором заключается и благо каждого отдельного члена общества. Оставаясь постоянно блюстителем сознательным общего блага, правительство русское, сильное любовью и преданностью народа, имеет достаточно сил для осуществления своих великих начинаний. Сегодня Россия будет праздновать сооружение памятника своему совершившемуся тысячелетию; будем надеяться, что эпоха тысячелетия России будет эпохой, в которую и с которой отныне навсегда забудутся все частные неудовольствия, все личные стремления, все неосуществимые на деле утопии, и что все сословия, все граждане русского государства соединят свои силы к осуществлению благих видов правительства, к достижению, развитием своих собственных сил и разработкою богатых средств русской земли, возможно равной и доступной для всех степени нравственного и материального благосостояния.

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Jam nova progenies coelo dimittitur alto
Virg. Bucolic. Ecl. IV*.

Тысяча лет кончилась. Наконец, мы можем сказать это поздравление Руси, нашей доброй кормилице, нашей крепкой страдальнице, нашей дорогой родной земле... Тысяча лет кончилась! Как многозначительно значение настоящих минут! Невольно пред воображением нашим проносятся вереницы прокатившихся событий, проходят ряды поколений, сменявших друг друга; встают из-под древнего праха забытых могил мучители мира, мученики правды, подвижники воли, герои веры и мысли, яркие личности – руководители масс, бесцветные массы, идущие бессознательно по следу путеводных нитей, приготовленных без их желания... Старое жите-бытье сбрасывает с себя вековую плесень; нам слышатся стоны рано отцветших надежд, бесполезно растроченных сил, вопль миллионов страдальцев, погибших в эпохи ломовых бедствий, без участия современников, не оплаканных потомством, забытых историею – зверский разгул произвола, тихая скорбь безвыходного терпения... Все, прожитое русским народом в минувшее тысячелетие, просит нас вспомнить его, подумать о нем, поплакать над ним. Даже и поплакать... научное беспристрастие истории должно хоть на эти торжественные минуты дать волю чувству. Ведь эта протекшая жизнь не чужая нам: это плоть и кровь наша, в ней наши семейные предания, в ней оставленное нам благословение праотцев наших. А как не остановиться, как не задуматься над ним, когда мы, стоя на рубеже десяти веков, едва только отвернемся от своего минувшего, как уже встречаемся лицом к лицу с нашим будущим! Эта полная таинственности будущность манит к себе наши надежды и желания. Тысяча лет кончилась! Наступает другая: пройдет некогда и она; настанет время, от которого наша эпоха будет так же далеко стоять, как от нас эпоха Гостомысла и Рюрика. Чем вспом-

---

* *Ныне с высоких небес посылается новое племя.* Вергилий. Буколики. Эклога IV (лат.).

нут тогда нас и грядущие после нас века? Пытаться ли нам угадывать, что вперед будет? Конечно, произойдет то, о чем теперь мы и мыслить не можем – но несомненно, что грядущим временам передадутся наши стремления, что потомки наши примут то, что мы им приготовим, и как бы ни повернули нашу будущую историю непредвиденные обстоятельства, а в ней отразятся неизбежные последствия наших теперешних желаний, понятий и взглядов, точно так же, как устроенное в IX веке отразилось на последующих веках, хотя обстоятельства и произвели то, о чем, разумеется, не думали и думать не могли русские, призвавшие варягов.

Итак, дошедши до рубежа тысячелетия, с одной стороны обозревая длинное наше прошедшее, с другой невольно порываясь к грядущему, оглянемся на себя. Много лет прожито, а что нажито? Много перенесено, а что вынесено? Много думано – до чего додумано?

Посмотрим внутрь себя. Какие задатки можем мы, теперь живущее поколение, оставить для будущего? Не станем толковать о наших общественных, государственных, экономических формах: эти предметы должны входить в область научных исследований. Но все вообще формы составляют мир внешности, которая может принимать такой или другой образ, завися от духа, сообщающего ей жизнь и движение. Оставим пока этот внешний мир жизненных явлений и посмотрим на свои внутренние, нравственные силы, на способ их употребления, на приемы, с которыми мы управляемся с нашими общими стремлениями, убеждениями и желаниями.

Неясный гул кругом нас. Мы слышим заветные слова: вперед, прогресс, развитие, свобода, гласность и проч., и проч. – целый словарь волшебных речений, приводящих в движение нервы того, кто хочет быть общественным деятелем. Но мы не уяснили себе значения этих слов, потому что не нашли еще непосредственного, тесного приложения их к условиям своей жизни. Они для нас не более, как общие места, потому что прилагаются разом ко многому и разом многими способами. От этого, если бы собирать голоса, в чем состоит их сущность в сфере потребностей нашей жизни, то вышла бы тотчас разноголосица, не от многосторонности убеждений, приобретенных думою и опытом, а от недостатка мысли и опыта, оттого, что каждый из нас был бы, так сказать, захвачен врасплох этим вопросом, и должен был

бы, может быть, в первый раз импровизовать на тему, которую до сих пор повторял машинально. У нас – не сознанный потребность факта вызывает отвлеченное понятие, а последнее принимается за необходимость в его общем значении, и потому уже мы ищем факта; а так как оно, само по себе, прилагается к слишком многому, то из этого и выходит, что мы разом хотим слишком много, хватаемся за тысячу фактов, ко всем разом стремимся, ни одного как следует не осмотрим со всех сторон, ни одного не оценим, не знаем, что нам поставить прежде, что после – и наше понятие остается чем-то неуловимым, неприменимым, а потому, в сущности, ненужным. От этого у нас шаткость в суждениях, нетвердость в приговорах и несообразность слова с делом. Много толков об уважении к науке и о необходимости образования, а на деле и мало уважения к науке, и образование неполно: когда возникает нужда в специалистах по той или другой ветви человеческих знаний, приходится искать их с диогеновым фонарем или прибегать к иностранцам. А это оттого, что большая часть из нас, желая образовать себя, заранее задает себе такой широкий круг, с которым нет сил сладить, а изучая какой-нибудь предмет, хочет сразу проглотить его и быть в нем законодателем.

Наши учебные программы пишутся так широко, что незнакомый с делом придет в изумление от громадной учености кончившего курс в любом заведении, получившего свидетельство об умственных успехах по такой программе; а до какой степени это несправедливо и невозможно, обличает нас собственная совесть. Во всех сферах жизни мы берем не по силам, слишком много хотим, слишком много на себя надеемся и в слишком многом теряемся; и отсюда, естественно, вытекает, что только на словах у нас то, чему следовало бы на деле. Мы на словах готовы на какое угодно предприятие, гражданское, экономическое или другое, и скоро оставляем его, иногда потому, что вовсе не решили, действительно ли оно уместно, и не удобнее ли было бы обратить наши силы совсем на другое, а иногда, при всей его уместности, охлаждаем к нему, потому что хотели осуществить его в слишком широком размере и хватились прежде всего за такие стороны, которые надлежало затронуть уже после других. На словах мы готовы на всякое пожертвование в пользу общую, но тут является такое множество жертвований, что нам ста-

новится трудно: оказывается, что не цели пожертвований были для нас нужны, а сама идея жертвования искала цели, но ни сердце наше, ни убеждение не подсказывало нам, куда обратиться с нашей готовностью жертвовать, и выходит на деле то, что мелкое мотовство для себяулаждения житейским комфортом нам отраднее всякого жертвования. Труд и терпение необходимы, говорим мы, но как мало в нас и того и другого! Правда, в нашем народе много завещанного праотцами страдательного терпения, часто изумительного, но нет у нас терпения свободного, которое вытекает из твердой решимости идти по дороге, указанной разумным убеждением. Мы говорим об общественном единодушии, о взаимодействии, но как мало этого на деле, доказывает та черта нашего общежития, что мы постоянно стесняемся в обществе незнакомых нам людей и не можем быть искренны. А это оттого, что у нас нет целей, вызывающих взаимодействие и общественное единодушие. В мнениях о самих себе мы переходим то к высокопарному самовосхвалению, то к крайнему самоуничижению. Идя ощупью по стезе западной цивилизации, нам иногда кажется, что мы на этой стезе вовсе не отстали от тех, которые прошли по ней прежде нас, а иногда мы называем себя незрелыми детьми, с унынием видим на западе недостижимую для нас высоту, а потом, в утешение себе, воображаем, что у нас дома есть такие сокровенные начала, которые не только составляют неоценимое богатство и надежду для нас, но послужат некогда средством возрождения и преобразования всей вселенной. Давно ли в наших патриотических стиходействиях мы воспевали свою материальную громадность и думали, что все должно преклониться пред нею, и давно ли после того впадали в такое отчаяние, что готовы были признать за собою совершенное бессилие, и нравственное, и физическое? Все это оттого, что у нас готовые, но неясные и слишком общеприменительные понятия ищут явлений для своего воплощения, а не вырабатываются из явлений и не уясняются вместе с ними. У нас много идеалов и нет ближайших прямых целей, а потому наши стремления вместо действительной жизни обращаются в область моды – самый печальный исход! Свойство моды меняться и не иметь разумного основания. Кого только занимает мода, в чем бы то ни было, тот непременно одержим болезнью пустоты, бессмыс-

лия и неспособности ни к умственному, ни к гражданскому подвигу. Иные в явлениях моды видят соотношение с прогрессом и противопоставляют ей обычай, в котором находят застой и рутину. Те ошибаются, которые так смотрят. Мода имеет те же отрицательные стороны, какие есть в обычае, и не имеет положительных сторон последнего. Сходство между ними в одинаковом устранении мысли и критики. Наши модные прогрессисты, гуманисты, либералы с презрением глядят на раскольников, убегающих «богомерзкие травы табака и чайного питья, еже есть от Бога отчаяние», но, в сущности, между ними не так велико различие. И те, и другие руководствуются примером. Модники говорят: так говорится и делается в Германии, Англии, Франции; а раскольники опираются на то, что отцы их так думали и делали! Различие между модой и обычаем то, что в обычае, при отсутствии мыслительной критики своих убеждений и поступков, участвует сердце; в моде нет его – там холодная пустота и бесплодное воображение, творящее даже не очерченные образы, а неясные тени, облачные призраки. Передовые люди в сфере обычая всегда лучшие личности: в сфере моды напротив: тут передовые люди – личности, наиболее неспособные и пустые. Мы не говорим: передовые люди идей, которые, по несчастью, достаются игрушкой моде, но разумеем передовых людей – именно моды. Если идеи не воплощаются в мире прочных явлений, то, значит, первого рода передовых людей и нет; все вращается в одной моде. Мода имеет то губительное свойство, что коль скоро какая-нибудь идея, самая священная, самая удобоосуществимая, самая сообразная с нашими действительными потребностями, прежде чем начнет выражаться действительным применением к жизни, попадает в вихрь моды – становится на долгое время неприменимой и годится только для комедии.

Вот, по нашему крайнему разумению, те характеристические черты нашего внутреннего мира, наших приемов обращаться с своими нравственными силами. Многие, которые видят задачу всего человеческого развития в определенных формах, выработанных западной Европой, и признают, что нам следует раболепно идти по пути, указанному другими обществами, находят, что это оттого, что мы еще молоды, что мы еще не созрели вполне, не дошли до совершенного возраста. Эта мысль основана на сравнении жизни отдель-

ных лиц с жизнью народов и обществ; но такое сравнение очень часто бывает неудачно. Мы едва ли можем назваться молодым народом, когда уже история нашей гражданственности насчитывает целую тысячу лет, и если мы, в самом деле, несозревшие дети, то разве в том смысле, в каком называют детьми шестидесятилетних стариков, остающихся неразвитыми на всю жизнь, с ребяческими приемами и воззрениями. Сравнение отдельных лиц с народами уже потому несостоятельно, что первые, во всяком случае, должны стареться и умирать в определенные сроки, тогда как мы не видим необходимых сроков стареться и умирать целым народам, коль скоро они сами не впадут в условия, склоняющие их к бессилию, подобному старости, и к смерти. Наши недостатки не от молодости нашей, но также не от прямой неспособности думать и действовать – иначе в русском народе не было бы умных и талантливых людей – а от слишком большого многообразия и сложности наших общественных вопросов. Мы похожи на силача, у которого такие крепкие мускулы, что может сразу поднять четыре пуда, но хочет поднять двадцать, и не поднимет ни одного. Нам нужны не идеалы, а ближайшие, практические цели. Нам следует собрать все свои требования, все свои современные вопросы и отделить из них те немногие, от решения которых зависит успешное решение других, и сосредоточить свои силы на первых, формулируя их возможно теснее и осязательнее, не страшась трудностей, которые окажутся в деле их разрешения, и не пугая себя темными сторонами, неизбежными в каждом предмете. Есть потребности, общие для всех специальностей, такие потребности, от которых зависит успех всякой специальной деятельности, во всех сферах: умственных, гражданских, экономических. Вопросы, касающиеся таких потребностей, должны быть упрощены и уяснены до возможности выразиться в самых коротких выражениях, и сделаться предметом взаимодействия всех нравственных сил наших. Нам нужно целей, целей, целей и крепкого, непреодолимого терпения к их достижению.

В таком положении, вместо того, чтобы повторять избитую модную фразу: вперед! не уместнее ли будет сказать: назад! Даже назад к половине IX века, за тысячу лет. Разумеется, не в том смысле назад, чтобы нам терять плоды всего нашего тысячелетнего

развития, возвращаться к патриархальной простоте разума предков и к тесному горизонту их знаний и опыта, а в смысле простоты действия и решимости, с какою, по рассказу нашего летописца, поступили они в важном деле закладки русского политического общества. Послушаем нашего летописца: «Изгнаша варяги за море и не даша им дани и почаша володети сами в себе и не бе в них правды и вста род на род, быша в них усобице и воевати почаша сами на ся. Реша сами себе: поищем себе князя иже бы володел нами и судил по праву. Идоша за море за варягом к Руси: сице бо ся зваху ти Варяги Русь яко се друзии зовутся Свое, друзии же Урмане, Англяне, друзии Гъте, тако и си. Реша Руси Чюдь Словени и Кривичи и Вся: земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да пойдете княжить и володети нами. И избрашася 3 братья с роды своими, и пояша по себе всю Русь и приидоша...» (Собр.<ание> Лет.<описей>. I. 8). Здесь поразительно для нас то, что народы, живущие на большом пространстве и при множестве естественных условий, неблагоприятных для их соединения, единодушно собираются для изгнания от себя чуждых завоевателей и достигают цели. Недавность их связи и, без сомнения, тотчас же возникшее многообразие вопросов в тогдашней сфере жизни порождают хаос. Они призывают для водворения порядка силу совершенно постороннюю, не причастную их домашним неурядицам, беспристрастную, и потому способную быть посредником и миротворителем. Они не возвращаются к прежней силе, которая тяготела над ними и от которой они себя избавили. Летописец, кажется, особенно хотел это заметить в своем рассказе, указавши, что варяги, которых теперь призывали, не принадлежали к группе народов, бравших прежде дань с славян. Они призывают их не раболепно, с самоунижением, но, откровенно сознаваясь в неурядице земли своей, предлагают судить и владеть у себя по праву. Князья призываются не из сильного и влиятельного народа, напротив, из такого незначительного, который, взошедши в славянский мир, не только не внес туда каких-либо посторонних элементов, но скоро даже память его происхождения затерялась. Как не видеть в этом событии политического такта, несмотря на скудные

зачатки цивилизации! На этом призвании, случившемся в половине IX века, совершилось развитие нашей последующей истории.

Земство, составляющее издревле автономию туземной народной силы, через это призвание не лишилось своей самобытности и самостоятельности. Пригласив к себе княжеский род, оно постоянно оставляет его в отдельном от себя положении, дав ему то достоинство, что его членов, а не кого другого, оно будет всегда считать способными быть правителями. Вече, выражение земства, считало необходимостью иметь князя как средоточие власти, охраняющей внешний и внутренний порядок. Князь чувствовал и признавал свое право на Руси, но допускал существование вече: князь и вече были два различные по происхождению начала, подававшие друг другу согласие на взаимодействие, одно с другим связанные, одно другому необходимые. Правда, нередко происходили столкновения между ними, но это были следствия индивидуальных страстей, а не желания переменить порядок вещей, и всегда почти князья в таких случаях должны были прибегать к чуждым пособиям. Подобные явления были сами по себе всегда ненормальными, самый же принцип двоевластия оставался неприменим в своей силе, до тех пор, пока не явилась необходимость усвоить иной принцип, единодержавный. Призывавшие в IX веке варягуруссов призывали не одного правителя, а целый род: это основание так и осталось на последующие века. Русские земли существовали каждая самобытно, и все вместе признавали свою связь в единстве русской державы как неразрывном союзе земель; сообразно этому и члены княжеского дома признавали каждый свою независимость, и все вместе составляли один правительственный род, одно сословие в цельной русской державе. В землях возникали города, около городов определялись волости; эти города с волостями достигали автономии, не теряя связь с своею землею и со всею русскою державой: так и княжеские роды разветвлялись, устанавливались новые княжения, князья множились, но не утрачивали своего родового единства. Связь территориальная поддерживалась родою связью князей, и, наоборот, родовая связь служила поддержкою территориальной. Этот порядок был прочен и удовлетворителен для своего времени, несмотря на многие недоразумения и столкновения, и вовсе не носил сам в себе, независимо от посторон-

них воздействий, задатков разложения. Княжеские междоусобия, поддерживаемые соперничеством земель и, в свою очередь, продолжавшие их, были, конечно, неутешительными явлениями, но виною тому был не удельно-вечевой строй русской державы, а степень развития общественных отношений: смуты были неизбежны и при всяком другом политическом составе. На эти междоусобия, благодаря привычке и способам выражения у наших летописцев, мы приучили себя смотреть в увеличительное стекло. Летописцы обратили на них почти исключительное внимание, оттого они так резко и бросаются нам в глаза и смущают нас своею утомительною нескончаемостью. Самые бедствия, постигавшие от них страну, представляют в преувеличенном до крайности виде. Стоит только сравнить их с тем, что происходило в средние века на западе, и тотчас можно видеть, что пагубные следствия общественных неурядиц у нас, при нашем удельно-вечевом строе, были несравненно слабее и сноснее. Этот строй сам по себе совершенно был по мерке тогдашнему русскому народу. Его уничтожили не внутренние потребности самоизменения, но сильные, чуждые элементы. На юге вмешательство диких орд воспрепятствовало развитию славянской цивилизации вообще и разом подорвало нормальное развитие удельно-вечевого порядка. Из Византии пришли к нам гражданские и государственные мнения, не сходные с нашими, и, распространяясь в классе наиболее образованном, по тогдашнему времени, мало-помалу приготавливали вызов иному политическому принципу.

Татарское завоевание поставило верховным законом волю завоевателей, сначала сообщило князьям в их уделах достоинство вотчинников, и тем ослабило вечевую самодеятельность народных сил; потом, признавая все земли русские одинаким достоянием победителей, возвысило значение одного из старейших князей над всюю русскою землей. Наконец – это было важнее всего – оно возбудило против себя религиозную и патриотическую борьбу всего русского народа: и русский народ пришел чрез то к сознанию необходимости единой сильной власти для своей охраны и независимости. Порядок, устроенный в IX-м веке, рушился во всех своих трех стихиях: умолкли вече, пали удельные князья, и вместе с тем прекратилась самостоятельность земель. Московские князья, творцы нового порядка, уничтожили

ли разом эти три стихии: веча и удельность князей должны были исчезать, коль скоро земли собирались под власть Москвы! Борьба длилась медленно и упорно, и новый принцип окончательно восторжествовал над старым не ранее XVI века. Катастрофа Новгорода, а потом Пскова, были последними падениями самобытности удельно-вечевого порядка; некогда общего всем землям русским. Только обломки его оставались долго и среди нового порядка; одни дополняли его, другие мешали его развитию. Освободившись от татарского ига при помощи единовластия, еще не вполне утвердившегося, русский народ продолжал терпеть со всех сторон от внешних врагов. Его самобытность не была еще слишком крепка; только при строгой неограниченности единой власти он мог охранить себя: это чувствовал и понимал русский народ, и сознание необходимости, а затем святости единовластия привилось к нему, стало его природою, и отодвинуло в сумрак отживших и холодных преданий строй общественной и политической жизни его праотцов. Во всяком случае несомненно, что важнейшие черты нашего протекшего тысячелетия зависят от события, совершившегося в половине IX века, именно в призвании князей русскими землями. Итак, поистине, событие это может назваться великим, мировым событием, ибо оно дало толчок и направление жизни многих племен, составивших народ русский, на многие века, пока новые потребности не вызвали иного строя.

Несмотря на несходство нашей цивилизации с цивилизацией наших предков IX века, в нашем настоящем положении есть много такого, что сближает нас с этой отдаленной эпохой. Если наше настоящее государственное устройство не представляет ничего подобного с бытом кривичей и славян ильменских, то мир наших нравственных сил, наших понятий и стремлений можно уподобить такому же хаосу; поле нашей духовной и общественной деятельности также велико и обширно, как земля наших предков, и также нет в нас *порядка*, как его не было в этой земле. Как предки наши в IX веке пришли к необходимости призвать к себе княжеский род, так и нам следует обратиться к главным целям, около которых должны сгруппироваться, сложиться и им подчиниться все наши многообразные современные вопросы.

2-го января 1862 г.

И. С. АКСАКОВ

ПО ПОВОДУ ПРАЗДНОВАНИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ

Нынешний день назначен днем празднования тысячелетия России. Нынешний день Россия из собственных уст воздает себе хвалу и собственными руками ставит себе памятник славы в Великом Новгороде. Такова официальная программа официального торжества, которого значение, впрочем, едва ли доступно пониманию простонародной России. Она не ведает наших археологических вычислений, она непричастна западной юбилейной сентиментальности; ей, живущей непрерывным историческим преемством народного духа, малоизвестны времена и лета минувшего, внешние грани внешней истории. Но и внешняя история не была ей чужда, пока сохранялась связь между землею и государством, пока переворот, положивший начало нашей новой истории, не нарушил цельности общественного организма, пока Петр I не воздвиг гонения против народной исторической памяти одного из могущественнейших образовательных элементов русского народа, запретив, под страхом жестоких казней, этот древний прекрасный обычай монастырского уединения, в силу которого тщательно собирались и записывались сказания о судьбах родного края, и в тишине келий, в часы отдыха между молитвами, велась непрерывная летопись русской земли!..

Но мы, знакомые с историей России не по внутреннему ведению, как народ, а путем научного изучения, мы не можем оставаться совершенно равнодушными к обычным человеческим делениям времени, и мера годов, прожитых нами, становясь предметом внимания, сама собою наводит нас на суд и размышление.

Мы невольно спрашиваем себя, чем бы в настоящую минуту проявил себя русский народ, если бы, обладая нашей наукой, он сознавал в то же время всю историческую ценность тысячелетнего пространства времени в жизни гражданских обществ?

Он почувствовал бы потребность подвести итог десятивековому своему существованию, обнять сознанием все прожитое им тысячелетие и, силою мысли и памяти воссоздав в своем представлении эту тысячу лет *яко день един*, призвать самого себя к неумолимо строгому суду всенародной совести. Постоянно знаменуя при-

сутствие Бога в истории, постоянно преднося в своих бытописаниях созерцание глубоко верующего духа и простирая устами своих летописцев нравственные требования ко всем деятелям историческим, русский народ и теперь, как и в прежние времена, не стал бы улаживать себя горделивыми самовосхвалениями, легкомысленными славословиями и вообще превозноситься земною славою: он понял бы, что такой минуте, какая проживается теперь, такому действию народного самосознания приличны важность и трезвое слово. Он не соорудил бы себе памятника, восхищая прежде времени приговор истории, а воздвиг бы храм тому, в чьей руке времена и лета, и в этом храме покаяния принес бы всенародную исповедь всех своих исторических неправд и прегрешений!

Если история вообще считается наставницей народов, то ни для кого не имеет она такого жизненного значения, как для племен славянских, и для русского в особенности. При ее помощи совершается возрождение славянских народностей тяжким подвигом самосознания, обретается мыслию – утраченная жизнью, и вновь усваивается жизнью вооруженное всею крепостью разумного ведения; она возвращает нас к нашим основным органическим началам и предносит путеводный свет нашему историческому шествию. Ни один европейский народ не состоял никогда и не имел надобности состоять в таком сознательном отношении к своей истории во всем ее целом объеме; ни один не искал в ней ответов на такие жизненно нравственные запросы, как народы славянские, ни у кого из них литература исторической науки не представляет такого пытливости суда, такого строгого следствия над своей историей, как русская историческая литература. Действительно, какими бы ближайшими побуждениями ни руководствовались наши деятели на поприще исторической науки, как бы некоторые из них ни отрицали в принципе нравственный элемент и его духовно-производительную силу в истории, как бы ни уклонялись, по-видимому, от христианского созерцания, все они невольно, бессознательно, движимые тем же народным инстинктом, к которому большая часть из них выражает такое высокомерное презрение, – все они предъявляют прожитому тысячелетию такие нравственные требования, которые свидетельствуют о живучести нравственного начала в народе и о живом значении ис-

тории. Даже для английской исторической науки история представляется, кажется нам, скорее суммой жизненного внешнего опыта, чем нравственным судом над жизнью народа и государства. Конечно, постоянное следствие, производимое над историческим бытием русской земли, нередко пристрастно строго, грубо и невежественно, – но и такое следствие приносит свою значительную пользу нашему народному самосознанию, заставляя нас изыскивать разумные оправдания для нашей непосредственной любви к родной земле и износить из тьмы неведения на свет Божий те сокровенные основные начала, без постижения которых немислимо наше будущее духовное развитие. Мы постоянно встречаемся в нашей словесности с оживленными прениями о том, вполне ли согласен с понятиями добра или чести тот или другой поступок народа или князя, начиная чуть ли не со времен Рюрика; наши книги исполнены нравственных приговоров и личной оценки всех исторических деятелей; вопрос об оправдании Иоанна Грозного или Бориса Годунова есть для нас вопрос вовсе не мертвый и не отвлеченный, – и, конечно, ни одно темное пятно нашей исторической тысячелетней жизни, ни одна совершенная нами неправда в каком-нибудь XIV или XV веке не осталась или не останется без указания, без строгого осуждения и, следовательно, возмездия если не в жизни, то в области сознания. Так насилие и двоедушие Москвы в собирании Московского государства сказываются нам ныне учеными толками о федерации, и как ни безобразны эти толки сами по себе, как ни противоречат они откровениям жизни и истории, но доля неправды, внесенная государством в дело сложения государства, силою сокровенной нравственной логики, отразилась чрез много веков и в нашем историческом сознании в форме отвлеченного отрицания. Мы могли бы привести много примеров подобной расправы нашей ученой мысли со всеми историческими прегрешениями прожитого тысячелетия, но нам достаточно возбудить в этом отношении внимание любопытного читателя: оно само поможет ему отыскать необходимые доказательства в пользу нашего мнения. Повторяем, при всем отчуждении нашего общества от народности, при всей личной безнравственности каждого из нас отдельно, наша историческая литература постоянно вращается в сфере нравственного суда и не сходит с поля нравственных требова-

ний, предъявляемых во имя того нравственного идеала, который без их собственного ведома живет в сердцах отрицателей этого нравственного идеала! И как ни строг, как ни придирчив, как ни жесток иногда этот отвлеченный приговор, отрешенный от живого ощущения всей жизненной обстановки данной исторической минуты, – но мы предпочитаем такое отношение к истории, как более живое и нравственно-плодотворное, чисто отвлеченному бесстрастному отношению, или внешней живой любознательности, или же, наконец, тому кровному, естественному самодовольству потомков своими предками, каким отличаются, например, французы. Да, нам кажется, что действие нравственных истин не прекращается в нашей истории и продолжает свой логический процесс в сфере отвлеченной работы мысли, и мы таким образом как бы повторяем, как бы переживаем вновь и должны пережить всю нашу тысячелетнюю историю в области сознания.

Нам нечем превозноситься и славиться. Итог нашего тысячелетия скуден благими деяниями человечеству; нам не на что указать, в чем бы плодотворно проявилось наше историческое призвание в семье народов. Мы слышим в себе присутствие сил и талантов, но силы наши служили до сих пор только внешнему сложению государства, а на таланты наши, обильно отпущенные нам от Бога, не принесли мы ни единого таланта и едва не зарыли их в землю. С уважением должны мы взглянуть на западные народы, которым дано едва ли не менее, чем нам, непосредственных даров духа, но которые врученные им таланты умножили сторицею, подвизаясь в непрерывной работе. То, что составляет силу, крепость и упование России, принадлежит к такой области нравственной, которая не терпит ни похвалы, ни гордости, а требует смирения и непрестанного духовного подвига, «да не отнимется от нее и сия часть» за наше нерадение и грешную косность. Мы можем утешаться тем, что донесли к рубежу нового тысячелетия в неприкосновенной целостности наши нравственные народные основы: и учение веры в первоначальной догматической чистоте, и коренные добродетели народа, и стихию гражданского братства, выражающуюся в наших общинах, мирах и артелях, – но мы только донесли, мы еще не вывели их на путь всемирного исторического развития, мы еще не явили их света

миру. Конечно, благодаря верности народа этим основам, русское государство одно из всех, некогда могучих, славянских держав, пережило тысячелетие, – но это самое призывает нас к удвоенному труду и к неусыпной заботе, и налагает на нас, на все наше образованное общество, строгую ответственность пред Провидением и пред нашим простым народом.

Да, мера годов, пережитых Россией, заставляет нас с новым живым благородным чувством почтить подвиг простого русского народа, который, как мы уже говорили однажды, несмотря на все невзгоды, несмотря на то, что органы, необходимые для полноты жизненных отправлений, были у него оторваны в лице образованных сословий, сохранился и уберегся, перемог и перебыл многое множество исторической лжи и неправды, и спас для нас залог нашего будущего духовного возрождения.

Но возрождение невозможно без обличения всей этой лжи и неправды: оно требует от нас не самовосхваления и памятников, а покаяния и исповеди. Хотя мы и указали на присутствие нравственного элемента в нашей исторической науке, хотя мы придаем большую цену этому переживанию нашей истории в сознании, но этого еще недовольно. Необходимо, чтоб эту же нравственную потребностью отречения от лжи были объаты все слои общества, от самого верхнего, чтобы мы не боялись, чтоб мы жаждали спасительного отрезвления, строгого суда, сурового укора. Необходимо, чтобы мы вместе с поэтом почувствовали на своей совести тяжесть грехов не только личных, но и друг друга, и всей русской земли, во всем их историческом греховном преемстве, чтобы вместе с Хомяковым, так горячо и всецело любившим Русь в ее прошедшем, настоящем и будущем, мы с такою же, как он, искренностью убеждения, могли повторить его покаянный поэтический гимн к небу за русскую землю и упреки, с которыми обращается он к нашему обществу, напоминая нам, старый грех отцов еще с нами, что он

...в нас, он в жилах и крови,
Он сросся с нашими сердцами,
Сердцами, мертвыми к любви!
Молитесь, кайтесь, к небу длани!
За все грехи былых времен,

За наши каинские брани
Еще с младенческих пелен;
За слезы страшной той години,
Когда, враждой упоены,
Мы звали чуждые дружины
На гибель Русской стороны;
За рабство вековому плену,
За робость пред мечом Литвы,
За Новград и его измену,
За двоедушие Москвы,
За стыд и скорбь святой царицы,
За узаконенный разврат,
За грех царя-святоубийцы,
За разоренный Новоград...
За слепоту, за злодеянья,
За сон умов, за хлад сердец,
За гордость темного незнанья,
За плен народа...

За то, наконец, продолжает пророческий голос поэта, что
...обуяв в чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Мы отреклись от всей святыни,
От сердца стороны родной;
За все, за всякие страданья,
За всякий попранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края,
Пред Богом благости и сил,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!..

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ РОССИИ

Милостивые государыни и господа!

Россия прожила тысячелетие. По прошествии этого длинного периода на наших глазах совершается событие огромной важности: Высочайший манифест 19-го февраля 1861 года открывает свою печальную историческую процессию похорон старого рабовладельческого порядка вещей; у ног наших разверзается великая могила, готовая принять труп отжившей старины. За плечами нашими – пора рабства; перед нами – неизвестное будущее.

В виду скорбного траурного зрелища естественно рождаются два вопроса: во 1-х, чем была старина наша? Во 2-х, каким образом, похоронив старину, мы в состоянии через ее историческую могилу выдти на широкую столбовую дорогу успеха и благосостояния, избегнув опасностей?

Исполняя долг гражданина, попытаюсь, по крайнему разумению, ответить на оба вопроса.

В продолжение целого тысячелетия Россия была рабовладельческой.

Несправедливо видеть в союзной удельно-вечевой Руси общество вполне свободное. Княжеские съезды, служилые думы, общинные веча и церковные соборы существовали только для свободных, охраняя до некоторой степени вольности владетельных князей, людей служилых, людей общинных городов и сёл, наконец, духовенства. Княжеские съезды, служилые думы, общинные веча и церковные соборы были только щитом воли одних людей вольных: благодеяниями древнего присяжного суда, военной защитой, плодами полубразования, преимуществами федерального устройства, – всеми этими благами наслаждались люди привилегированные: князья, родовое чиновничество, общинники и духовенство. Что же касается до холопов, людей несвободных, то у них не было никаких прав.

Под влиянием монгольского ига Русь окончательно разделилась на две половины, на два государства – литовское и московское.

К половине XVI века литовское государство соединилось с аристократически-конституционным католическим польским королевством; через унию в XVII столетии оно стало готовиться перейти

в католичество. Северная белорусская часть литовской Руси, как вам известно, сохраняя унию, успела значительно ополячиться. Зато южная, малороссийская часть литовской Руси сперва (при Богдане Хмельницком и Дорошенке) силилась сделаться самостоятельной державой, а потом соединилась с Россией. В Литве белорусской, как в Польше, постоянно существовали холопы; в Малороссии крепостное состояние, упраздненное со времен Хмельницкого, было восстановлено при Екатерине II-й. Итак, в западной литовской Руси рабство постоянно преобладало.

Государственная московская централизация, как вы знаете, вследствие влияния деспотизма монголов и отсталого византийства, постепенно вытеснила древние вольности, зародившиеся в союзной удельно-вечевой Руси; областные вольности владетельных князей и вечевых городов, Новгорода и Пскова (в XIV, XV и первой половине XVI века), вольности служилых людей с боярами в челе (при Иоанне Грозном), наконец, вольности общин (при Борисе Годунове, правителе и царе).

С конца XVI века крепостное состояние охватило, как губительная зараза, всю русскую землю.

В XVII веке, особенно в его начале (в эпоху самозванцев и междуцарствия), вольные люди Московского царства пытались восстановить прежний, более желанный для себя порядок вещей. Но попытка их была безуспешна вследствие того, что, заботясь о своих вольностях, они совершенно забыли о низшем земском состоянии, поверженном в позорные цепи крепостного состояния. Вот причина политической несостоятельности земских соборов XVII столетия, вот причина учреждения в России безусловной централизации, вооружившейся при Петре I и его приемниках всеми средствами западно-европейского просвещения.

В XVIII и XIX столетиях русская земля наказалась вполне за страдания и позор низшего земского сословия. Не обольщайтесь мишурным блеском мнимой цивилизации этой скорбной поры! Никогда Россия не испытала более тягостного состояния! Настоятельная необходимость современных правительственных реформ как нельзя более подтверждает справедливость нашего мнения.

Ко временам ныне благополучно царствующего Государя чаша бедствий переполнилась. Под влиянием современных западноевропейских политических и общественных событий нашему многострадальному отечеству предстояло пройти через страшный исторический поворот. Правительство, по-видимому, уразумело это и приступило к решению 2-го вопроса, который мы предложили выше, к вопросу о том, каким образом вступить в колею успеха и благосостояния, избегнув опасностей?

Правительство решилось рядом благоразумных коренных реформ предотвратить всеобщее бедствие. Выступив однажды на этот путь, наши администраторы не захотят ни под каким видом идти назад: они, конечно, знают, что каждый их попятный шаг есть новая ступень к общей гибели.

Правительство дало спасительный толчок самому обществу. Упразднение правительством крепостного права потрясло всю русскую землю в основании. Если не ошибаемся, образованные достаточные классы в России поняли, что в виду возможности исторического переворота благоразумие им повелевает сблизиться с невежественными недостаточными классами – в городах и селах, как к несомненной выгоде этих классов, так еще более в видах собственной пользы. Наши просвещенные достаточные классы, по-видимому, добровольно хотят отказаться от своих неважных преимуществ и привести в равновесие свои интересы с интересами низших разрядов общества. В какой мере правильное добровольное соединение интересов высших и низших классов может удасться в России, нам, разумеется, неизвестно. Скажу только, что на роковом рубеже прожитого отечеством тысячелетия, в переходную эпоху великого общественного переворота одно это соединение всех интересов может спасти Россию от великих бедствий, могущих угрожать ей.

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ РОССИИ

Новое тысячелетие начинается с рекрутства.

Того же осьмого сентября, когда праздновалось тысячелетие, обнаружен в газетах указ о рекрутском наборе.

Назло кто-нибудь посоветовал к празднику, выдуманному самим государем, одолжить народ рекрутством? Или сам государь придумал, что вот-де хотел я удивить целый мир, ждали от меня милостей и прощений, ждали улучшений по суду и управлению, народ ждал другой настоящей воли, так вот же ему вместо воли – рекрутство!

Нет, это не русский, не земский царь, каким народ себе его *воображал* и от которого ждал воли и правды. Это просто петербургский император, рожденный от немецких родителей, которому бы только над Русью властвовать, а там хоть трава не расти.

Тысячу лет тому назад, говорят, что народ призвал Рюрика с братьями на княжество. Призвал – стало, выбрал. Двести пятьдесят лет тому назад народ с боярами выбрал на царство Михаила Федоровича Романова, который считался от Рюрикова колена. Но, главное дело, выбирали его бояре, и пошли цари дворянские, и когда, с Петра Первого начиная, назвались они императорами, то дворянство обрили и одели в особое платье, чтоб быть ему от народа во всем розно. За службу императору дворянство получало земли в собственность и людей в рабство, или ему деньгами, с народа собранными, платили жалованья за то, чтоб управлять народом, то есть притеснять народ в свою чиновничью и императорскую корысть. И стало дворянство – чиновничеством, а чиновничество дворянством, все едино слуги императорские на заправление народом, на поборы с народа в казну и чиновничеству – барщиной, оброками, податями да взятками.

Так и велось с тех пор. Уже и рюриковской крови и романовской крови ничего не осталось в императорах, выписанных для наследия престолом из-за моря – не по выбору народному, а будто по праву наследства, признанному только царедворцами, которые по своей воле душили своих императоров и возводили других. Так, сто

лет тому назад возведена была на престол, по убиении Петра Третьего, Екатерина Вторая, ангалт-цербская немецкая принцесса, в которой рюриковской или романовской крови и помину не было.

Но, сказать по правде, для нас это все равно – из какого бы колена ни происходил царь, лишь бы он был не дворянский-чиновничий; а земский, народный царь, который бы за веру народа не преследовал, земли не отнимал и не урезывал, одному сословию над другим произвола не давал, а рознь сословную уничтожил бы, казенное чиновничество отрешил бы и дал бы всему люду судиться своим выборным судом и управляться бессословно своими выборными. А управляться своими выборными без земского собора нельзя, потому что именно земский собор и должен состоять из людей выборных от всего земства, – без решения которых нельзя было бы учредить никакого закона и распоряжения. Созовет Александр II *земский собор* – мы еще раз поверим, что он земский царь; а не созовет – так он просто иностранец, Русью завладевший.

Было время не так давно, мы думали, что он настоящий царь, освободитель народа; в то время он решился уничтожить крепостное состояние, говорил о гласном суде, об уничтожении телесных наказаний, отменил рекрутство до нового лучшего способа набирать войско. Многие ждали многого к празднику тысячелетия; думали, что он и праздник-то придумал для того, что в этот день объявить новые, лучшие порядки. И мы вместе со многими ждали... И мы вместе со многими обманулись.

Уничтожение крепостного права сделано вполтину; оброки оставлены, барщина оставлена, земля у народа урезана; не только крепостных, но и казенных, весь народ хотят заставить за свою же землю да деньги платить – помещикам да в казну. Народ ждал настоящей воли. Государь поехал на праздник, по дороге собирал крестьян и говорил им, что не даст им другой воли, и чтоб подписывали уставные грамоты, то есть прикладывали бы руку к условиям, которые крестьянам противны. Какой же это земский царь?

В Твери собрал дворян и сказал выговор. А за что именно тверским дворянам выговор? За то, что они, отказываясь от своих дворянских прав, просили царя уничтожить рознь сословную, чтоб был весь люд русский равноправный. За это тверских мировых по-

средников в тюрьме держали и сенаторы приговорили их посадить из тюрьмы да в смиренный дом.

И теперь тюремные казематы полны. – Кто в них заперт? – Полиция пустила в народ клевету, будто это все поджигатели. Допрашивают, судят, томят и мучат, а не могут доказать, что это поджигатели, потому что в самом-то деле они не поджигатели, а только люди, народу преданные, люди, хотящие для народа другой, настоящей воли. За это их и томят. – А кто на воле и торжествует? Чиновники грабители, сановники враги народные – князь Гагарин с графом Паниным и все те, которые шли даже и против того маленького освобождения крестьянства, какое сделано. Где же тут земский царь?

Приехал государь в Новгород на праздник. Дал обед. Кому же он дал обед? Дворянам да высшим должностным лицам. На обеде он пил за благоденствие России; это хорошо! Барину как не выпить за благоденствие своего поместья, с которого он кормится! А потом пил за все русское и новгородское дворянство. Барин пьет за здоровье своих дворовых людей – понятно! А за крестьянство небось не выпил? Дворянству сказал, что оно оплот престола и государства, а народу сказал только, что другой воли ему не даст. Какой же это земский царь?

Телесные наказания к празднику не уничтожены.

Гласный суд, суд вслух, на котором покривить душой нельзя, не введен.

Один праздник к празднику и дан народу: *рекрутство*.

Что случилось? Война, что ли? Немец, что ли, идет на Россию, или турок? Нет, никто воевать и не думает. Для чего же набор? Говорят, надо пополнить армию.

Если это так нужно, зачем же ее сокращали и распущали? Лучше же было оставить ее как она была, по крайней мере, народу не было бы расходу лишнего, да еще в такую пору лютого безденежья, какое теперь томит повсеместно.

Ведь народу, с которого рекрут собирать, 35 миллионов душ. Стало – по 5 с тысячи – надо поставить сто шестьдесят пять тысяч рекрут. Сто шестьдесят пять тысяч работников из дому вон, да на каждого надо истратить (по указу) 3 рубля серебром наградных, да

12 рублей 90 копеек *с четвертью (!)* на обмундировку, т.е. всего 15 руб. 90 копеек с четвертью на рекрута, а на сто шестьдесят пять тысяч рекрут – два миллиона шестьсот двадцать три тысячи девятьсот двенадцать рублей пятьдесят копеек серебром, а на ассигнации девять миллионов сто восемьдесят три тысячи шестьсот девяносто три рубля. Это указных, да незаконных на чиновников сойдет столько же, итого деньгами с народа сойдет, на ассигнации, восемнадцать миллионов триста шестьдесят семь тысяч триста восемьдесят шесть рублей, то есть с лишком по пятидесяти по две копейки, или по пятиалтынному с души.

Есть облегчения в наборе: отдачи по очереди, рост верхком меньше против *николаевских наборов*, охотниками всегда замещать можно. Но все эти облегчения не избавят народа ни от ненужной отдачи ста шестидесяти пяти тысяч человек из семей вон, ни от ненужной траты по пятиалтынному с души; а охотника за себя один изо ста не поставит, да и поставка без большой взятки не обойдется, потому что на взяточников все же прямого, гласного суда нет.

Спрашивается: из-за чего весь этот грабеж людьми и деньгами?

Из-за того, что вот, когда *в будущем феврале* минет первый срок новому положению крестьян, их станут заставлять переходить на оброк и насильно подписывать уставные грамоты (или чиновники, не спросясь крестьян, за них подпишут), в этот срок народ будет опять просить царя о своей настоящей воле, – тогда и пошлют солдат стрелять по народу, как было в прошлом году, или хуже того. Вот для чего нужны солдаты, вот для чего и набор велено покончить именно к *февралю*.

Что же делать народу?

Во-первых, до отдачи, *брать дома с рекрута присягу никогда по народу не стрелять и лучше самому живота лишиться, чем по народу стрелять*.

А потом?

Да все же надо просить царя о созвании земского собора. Посмотрим – кто он: земский царь или немец?

Открытие памятника «Тысячелетию России». Фотография. 1862.

М. В. Толстой

ТОРЖЕСТВО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ В 1862 ГОДУ

В 1860 году я провел более недели в Великом Новгороде, изучая его древности и пользуясь при сем в виде руководства вышедшею в то время книгою ректора Новгородской семинарии архимандрита Макария (ныне архиепископа Донского). По-видимому, после такого полного и основательного обозрения не следовало бы мне приниматься за новый труд по тому же предмету: но я рассудил иначе: составил более краткую книгу, присоединив к описанию каждого храма сведения о заключающихся в нем предметах древности и изложив вкратце жития новгородских чудотворцев*.

Моя книга о новгородских древностях вышла в свет в 1861 году. Я послал экземпляр ее при письме на имя министра народного просвещения А. В. Головнина для поднесения государю императору и государыне императрице Марии Александровне, просвещенной любительнице русских древностей. Но, к удивлению моему, книга

---

* В книге Макария описание различных предметов составляет особый том, а сведений об угодниках Божьих вовсе не имеется.

пришла обратно с уведомлением, что его величеству угодно принять ее от меня лично при торжестве тысячелетия Русского государства.

Заблаговременно прибыл я в Новгород и занял приготовленную для меня квартиру в доме соборного Софийского причта. В то время домовладельцы чрезмерно возвысили цену на квартиры, а содержатель гостиницы, в которой я останавливался за два года перед тем – на номера и буфет^{*}, воображая, что приезд будет огромный.

Накануне назначенного торжества было совершено митрополитом Исидором переложение мощей святого князя Владимира Ярославича, храмоздателя Софийского собора, в новую серебряную раку. После литургии мощи были обнесены вокруг собора; несли архимандриты и священники, имея во главе великого князя Николая Николаевича. Перед мощами губернатор В. Я. Скарятин и губернский предводитель дворянства князь Мышецкий несли на подушках княжескую шапку и княжий крест, хранящиеся в Софийской ризнице.

В тот же день древний, некогда вечевой Новгород был осчастливлен прибытием государя, государыни и цесаревича Николая Александровича. Градские власти, дворянство и почти всё население Новгорода толпилось на набережной, когда вдаль показался пароход, на котором ехали с Волховской станции августейшие особы с многочисленной свитой. Громогласное ура собравшегося народа отдавалось даже в стенах Софийского собора. Августейшие особы, встреченные митрополитом при входе в собор, благоговейно прикладывались к св. мощам и чудотворным иконам, и после того перешли в митрополичий дом, где приготовлено было для них помещение. А между тем в соборе началось всенощное бдение в честь праздника Рождества Богородицы и соборного храмового праздника Софии, Премудрости Божией.

Настал, наконец, ожидаемый всем населением города торжественный день. Новгородский кремль наполнился войсками и множеством народа. Кровли зданий и верхний ярус Евфимьевской со-

---

^{*} В 1860 году я платил за комнату 1 руб. сер.<ебром>, а за обед 75 коп. В 1862 году та же комната стоила 3 рубля, а обед 4 рубля. На вопрос мой о причине такой дороговизны буфетчик отвечал: «Помилуйте, ведь теперь тысячелетие; до другого, пожалуй, не доживешь!».

борной звонницы пестрели людьми. В девятом часу утра я получил от министра императорского двора графа В. Ф. Адлерберга извещение о скорейшем приходе во дворец для поднесения книг моих государю и государыне. Мне назначено было стать в большой зале временного дворца (т. е. митрополичьего дома) у одного из мраморных столов, подаренных Екатериною II митрополиту Гавриилу. Через несколько минут из внутренних дверей показался император об руку с императрицею в сопровождении цесаревича и многочисленной свиты. Государь и государыня остановились, поравнявшись со мною, и я имел счастье поднести им книги. Они прошли в Софийский собор, где митрополит Исидор встретил державных при входе крестом и святой водой, и вслед затем немедленно начал литургию, после которой последовал крестный ход со всеми чудотворными иконами, находящимися в Новгороде*. Сии иконы принесены были из Знаменского собора в сопровождении преосв. <ященного> Леонтия, епископа Ревельского (ныне митрополит Московский) и из многих церквей как Софийской, так и Торговой стороны. Перед концом литургии эти святыни, предварительно внесенные в теплый собор, расположены были у южного выхода из Софийского собора. В крестном ходу, следуя за митрополитом и двумя его vikариями, их величества обошли кругом памятника тысячелетия России. К обыкновенному благодарственному молебну присоединена была следующая молитва, составленная по высочайшему желанию государя московским митрополитом Филаретом:

«Господи Боже, Царю веков, глаголяй на языке и царство и созиждай и насаждай их**! Ко Твоему величеству припадающе со страхом и благоговением, благодарно исповедуем милости Твоя, многочастне и многообразне в десяти веках явленные народу и царству Российскому. – Ты бо, Господи, возглаголал еси Твое зиждительное слово на сей народ и создал еси в нем царство, и насадил, и укоренил, и возрастил, и расширил еси его на земли обитания его, и поставил еси над ним от Тебе сущую власть, и укрепил еси его на

---

* Принесены были иконы: Знамения Богородицы из Знаменского собора, Николая Чудотворца из Дворищенского, Симеона Богоприимца из Зверина монастыря и много других икон, издревле чтимых в Новгороде.

** Иеремии, XVIII, 19.

сопротивных, и оградил еси его законами, наипаче же просветил и одушевил еси его спасительною верою, и аще иногда и жезлом посещал еси неправды его, но милости Твоея не удалил и не удаляеши от нас. – Тя убо Владыку, Господа и Благодетеля, славим, хвалим, благодарим, поем и величаем, и от самых щедрот Твоих в вере и уповании утверждение и дерзновение пред Тобою приемлюще, смиренно молим: сохрани престол и царство благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя императора Александра Николаевича всея России в истинном величии, твердости и славе. – Прости, всемилостиве Господи, вся грехи наша и отец наших, и исправи стопы наша к деланию заповедей Твоих. – Соблуди в нас православную веру в ее чистоте и силе, и да пребудет она, якоже бысть, средоточием общественного единения, источником просвещения, основанием и твердынею народного благонравия, правды, законов, благодетельности управления, нерушимости благосостояния. – Да не увянет и не иссохнет древнее насаждение добра, но да привьется к нему новое стеблие лучшего, и да изыдет новый цвет благолепия и плод совершенства. – Тако призри на нас и ущедри нас, да благословляеми Тобою, от дне до дне и от века и до века благословим Тя, Господи. Слава Тебе, Богу, Благодателю нашему, во веки веков. Аминь».

По окончании молебна и по возглашении многолетия благочестивейшему государю и всему царствующему дому произнесены были протодиаконом следующие провозглашения: «Просветившим Россию христианскою православною верою равноапостольным великому князю Владимиру и великой княгине Ольге, преемственно в течение веков созидавшим и укреплявшим единоедержавие России благоверным царем и великим князем, новосозидавшим Российское царство и расширившим и прославившим оное в бозе почившим благочестивейшим императорам и императрицам, вечная память.

Всем избранным сынам России, в течение веков верноподвижавшимся за ее единство, благо и славу на поприщах благочестия, просвещения, управления и победоносной защиты Отечества, вечная память.

Времена и лета, в рuce своей положивший, Господи, Твоим премудрым всеблагим промыслом тысящелетне сохраняемому и возвращаемому царству Всероссийскому, пробави велию милость Твою и сохраняй оное в вере и правде, во богозаконии и благоустроении на лета и веки многие».

Возвратившись во временной дворец, государь удостоил принять от почтенного старика, кирилловского предводителя дворянства А. А. Богдановича, 19 огромных живых стерлядей, плававших в ванне с водою; они были привезены из р.<еки> Шексны за 600 с лишком верст от Новгорода. Покойный Богданович привез 30 стерлядей, но одиннадцать из них дорогою притомились, были приколоты и употреблены на другой день в матлоте за ужином дворянского бала.

Приглашенный к царскому обеду, который происходил в залах новгородского дворянского собрания, я удостоился получить место за царским столом в большой средней зале; в других комнатах обедали новгородские дворяне и другие лица, числом более 600. Первый тост был провозглашен самим государем: «За благоденствие России».

В тот же вечер митрополит Исидор, пригласив меня к себе на чай, объявил мне, что государыне императрице угодно, чтобы при обозрении новгородских древностей сопровождал ее величество кто-либо с археологическими сведениями и знанием французского языка; потому что объяснения ризничих не всегда могут быть понятными для августейшей посетительницы. Владыка указал на меня и, разговаривая со мною, изволил заметить: «Я думаю, что государыня императрица вовсе не нуждается в объяснениях на французском языке, но не доверяет нашим ризничим, которые часто сами не знают того, что показывают посетителям». Мнение владыки оправдалось на деле. Во время этого разговора пришел к владыке обер-прокурор Св. Синода А. П. Ахматов; несмотря на мое присутствие, он уверял владыку, что достаточно было пригласить ректора семинарии архим.<андрита> Макария, первого знатока всех древностей Новгорода. Митрополит возразил ему, что государыня императрица желает объяснений на французском языке, и Ахматов должен был замолчать.

Между тем как владыка беседовал со мною, государь император и государыня императрица в сопровождении министра внутренних дел и новгородского гражданского губернатора В. Я. Скарятин ездил в село Рюриково Городище, в 3-х верстах к югу от Новгорода, по правому берегу реки Волхова*. Там был приготовлен праздник для крестьян, к которому собрались волостные старшины почти со всей губернии и сельские старосты из ближайших селений. Государю поднесена была хлеб-соль на дубовом блюде с дубовою же солонкою очень искусной работы одного известного резчика-крестьянина. Самый материал этих вещей замечателен; они вырезаны из старинного, крепкого, как чугун, совершенно черного дуба, вырытого из земли при закладке фундамента под памятник тысячелетию России. Когда государь и государыня подъехали на лодке к Городищу, собравшиеся крестьяне, видя, что выход на берег несколько сыр, разослали свои кафтаны для прохода царственной четы. При возвращении их величеств в Новгород, в десять часов вечера, на обоих берегах Волхова горели смоляные бочки и незатейливые иллюминации, устроенные крестьянами по их вкусу и средствам.

На следующее утро государыня императрица изволила начать осмотр новгородских древностей с древнейшего Софийского собора, где была встречена преосвященным викарием Феофилактом в со-

---

* Это село стоит близ Волховца-Малого и ручья Княжова, на красивом возвышенном холме, который выдается, подобно острову, из окружающей его местности. Отсюда виден весь Новгород со всеми его храмами и окрестными монастырями; здесь тянется серебристой лентой сановитый Волхов, за ним синее озеро Мячино, а на правой стороне грозный Ильмень заключает в себе горизонт. Название Городища напоминает, что здесь был город или укрепление, построенное первым варяго-русским князем Рюриком, который, по свидетельству Нестора, будучи призван в 862 году, «седе в Новгороде», а по изъяснению Ипатьевской летописи Рюрик, сделавшись единовластителем по смерти братьев, пришел к озеру Ильмену и там срубил себе город над рекой Волховом. В этом городе жили князья новгородские, и не только до Ярослава, устроившего себе двор («Дворище») на Торговой стороне, но и после его до самого присоединения Новгорода к Московской державе. Петр I подарил Городище любимому своему Меньшикову. – Из пяти церквей, бывших некогда в Городище, сохранилась до нашего времени только одна Благовещенская, построенная в 1342 году.

провожении знатока и тщательного исследователя местной старины, ректора новгородской семинарии, отца-архимандрита Макария и соборного духовенства. Тут же был и я, во все время при ее величестве. Замечательнейшие ризничные вещи были перенесены из ризницы, находящейся на хорах («на полатях», по выражению летописи), и разложены на столе в Предтеченском приделе. Рассматривая эти остатки старины, государыня пожелала видеть артосную панагию XV века, устроенную по распоряжению св. владыки Евфимия при великом князе Василии Темном. Старец-ключарь, не расслышав вопроса, подал панагию архиепископа Пимена XVI века с изображением Софии, Премудрости Божией. Тогда государыня императрица, обратясь ко мне, сказала по-французски: «Может быть, я не так выразилась; лучше было бы сказать панагиар?» Такое знание технических терминов церковной археологии в лице супруги русского самодержца удивило меня и о.<тца> Макария: много ли найдется между нашими образованными дамами высшего круга таких, которые знали бы различие между артосною и наперсною панагиею? При дальнейшем осмотре святынь и древностей исторические познания ее величества еще более обнаружались. Так, еще не выходя из собора, пожелала она видеть икону соловецких чудотворцев, на которой в числе клейм с чудесами изображена два раза Марфа Борецкая, прозванная «посадницею», в беседе с преп.<одобным> Зосимою и на обеде, где чудотворец видел обезглавленными новгородских вельмож, которых ожидала казнь от Иоанна III. «К какому времени принадлежит эта икона?» – спросила государыня кафедрального протоиерея. «Вероятно, к началу XVII века», – отвечал он. «Судя по пошибу, я думаю, что икона древнее», – отозвалась императрица. Тогда от.<ец> ректор доложил ей, что этот образ значится в соборной описи 1572 года и, вероятно, мог быть написан ранее этого времени, так что иконописец мог лично знать Марфу и в чертах миниатюрного изображения сохранить некоторые черты лица ее*. При входе в Грановитую палату, обращенную теперь в церковь, государыня сказала мне по-французски: «Вероятно, это та самая палата, в которой

---

* В Николаевском Корельском монастыре сохранился портрет Марфы, старинной работы, довольно грубой. Но этот портрет другой Марфы, матери царя Михаила Федоровича.

грозный царь своим «ясаком» (криком) подал знак к началу грабежа». В кельях святителя Иоанна она изволила весьма справедливо заметить, что древность приписываемого ему рукомошника из желтой меди весьма сомнительна. Выходя оттуда, августейшая посетительница пожелала войти в небольшую крестовую церковь, устроенную в 1463 году святителем Ионою Отенским* в честь преподобного Сергия Радонежского, за 40 лет перед тем (в 1422 году) прославленного нетлением мощей и чудесами. «Желаю приложиться к иконе преп. Сергия», – сказала государыня, и я доложил потом, что эта малая церковь есть первая из всех посвященных имени великого

---

* Своеволие новгородцев и дружба их с неукротимым крамольником Шемякою заставили великого князя Василия Темного помышлять об укрощении Новгорода. Новгородцы знали это и усердно просили своего владыку отправиться в Москву, чтобы утишить гнев государя. Несмотря на долготу пути и преклонную старость, святитель исполнил желание сограждан своих. Приближаясь к Москве, он вспомнил великого Сергия Радонежского, незадолго перед тем прославленного чудотворца, и положил обещание воздвигнуть в честь его храм на дворе своем, если достигнет своих намерений. В Москве приняли святителя с почетом и любовью. Однажды великий князь Василий, при сыне своем Иоанне и св. митрополите Ионе, стал сильно жаловаться владыке новгородскому на своеволие сограждан его и грозил наказать Новгород войною. Подвигнутый любовью к родине, св. архиепископ умолял Василия не поднимать оружия, от которого могут пострадать невинные. «Если ты презришь старческую мольбу мою, – сказал он, – и поднимешь руку на невинных, то помни, что между детьми твоими поднимутся раздоры зависти. Не твори неправды и не дерзай поработать людей свободных. Конец жизни твоей близок. Наследнику твоему предстоит обладание всеми пределами русскими. За счастье его я, смиренный, и паства моя будет усердно молить Бога, и я уповаю, что Господь пошлет ему свободу от ига ордынского, укрепит и распространит державу его, в награду за милость твою к родине моей». Этим пророчеством старца был тронут и обрадован великий князь и, при ходатайстве св. первосвятителя Ионы, отложил гнев на Новгород, и оба соименных святителя обещались молиться об исполнении предсказанного архиепископом. По возвращении в Новгород св. владыка Иона исполнил обет свой – устроить в своих палатах первую церковь в честь новоявленного чудотворца Сергия. В этом храме весьма замечательна храмовая икона: лик преподобного отличается необыкновенною выразительностью; правая рука благословляет имянословно, а левая держит развернутый свиток.

чудотворца, а потому и храмовая икона должна быть одною из древнейших, если не самую древнюю.

Вечером 9 сентября, в воскресенье, новгородское дворянство давало бал для императорской фамилии в доме своего собрания. На этом бале я имел счастье состоять дежурным при государыне императрице и удостоился продолжительного разговора ее величества об осмотре новгородских древностей и посещении Рюрикова Городища. «Усердие крестьян меня очень тронуло, – прибавила она, – но жаль, что за темнотою нам не удалось осмотреть старинную церковь в этом селе».

На другой день всё царское семейство отправилось в Петербург.

Открытие памятника «Тысячелетию России». Гравюра. 1866. НГОМЗ.

<П. А. ВАЛУЕВ>

8-Е СЕНТЯБРЯ 1862 ГОДА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКА

В тот день, которым озаглавлен настоящий отрывок, предназначено было состояться открытию памятника тысячелетия России. На избрание этого дня указывали три праздничные мотива: празднование церковною Рождества Пресвятой Богородицы, годовщина Куликовской битвы и день рождения тогда еще не почившего государя цесаревича Николая Александровича.

Мы живем быстро в наш век и забываем пережитое еще быстрее, чем переживаем. Впрочем, время непрерывно уносит и тех, кого могли бы не забывать. Четверть столетия минуло с того дня, когда совершилось событие, о котором я вспоминаю. Много ли из числа

его участников или свидетелей теперь остается в живых? Почила царственная чета, своим присутствием возвысившая блеск и значение торжественных обрядов. Еще ранее почил царский первенец, бывший на параде в строю войск. Отошли в другой мир почти все сановные лица, тогда сопровождавшие их величеств, и тысячи из тысяч людей всех состояний и званий, в те дни собравшихся в Новгороде. Но память об этих днях между живыми еще не всеми утрачена.

Приезд их величеств ожидался 7 сентября. С раннего утра весь город в этот день был украшен разноцветными флагами, гирляндами живой зелени и цветов и множеством транспарантов. Флаги развевались на всех домах и балконах. На Волхове все баржи и садки также были украшены флагами. На городских улицах происходило необычайное движение, которое после полудня еще значительно усилилось. Толпы народа уходили далеко от города по обоим берегам реки в надежде несколько ранее завидеть приближение парохода, на котором ожидалось прибытие государя. На всем протяжении Волхова берега близ деревень были украшены разноцветными флагами и декорациями из зелени с вензелями их величеств. Все сельское население собралось около этих декораций.

Между тем государь император, государыня императрица и другие члены августейшего семейства выехали по Николаевской железной дороге со станции Колпино в 12 часов дня и в 2 $\frac{1}{4}$ пополудни прибыли к Соснинской пристани, где стояли приготовленные для дальнейшего следования в Новгород пароходы. На первом, под названием «Красотка», изволили поместиться их императорские величества, государь цесаревич Николай Александрович, великий князь Александр Александрович, ныне благополучно царствующий государь император, великие князья Владимир и Алексей Александровичи, Михаил Николаевич и Николай Константинович, великие княгини Мария Николаевна и Ольга Федоровна и княжна Мария Максимилиановна Лейхтенбергская. На том же пароходе в числе лиц, сопровождавших их императорские величества, находились министр императорского двора граф Адлерберг, обер-гофмаршал граф Шувалов, статс-дама княгиня Салтыкова, фрейлины ее величества и их высочеств, генерал-адъютанты граф Строгонов и граф Ад-

лерберг 2-й и министр путей сообщения. Другие лица свиты следовали на втором пароходе, наименование которого не припомню.

Вид берегов Волхова однообразен; но в начале сентября того года они еще сохранили часть летних красок. Луговая зелень широкими светлыми полосами отделялась при полуденном солнце от более темной зелени кустов и деревьев. Местами виделись села, здания прежних военных поселений и церкви. Из одной из таких церквей, более близкой к реке, чем другие, духовенство вышло с хоругвями и крестами, и, сопровождаемое толпами народа, ожидало на самом берегу проследования парохода. Государь обнажил голову и перекрестился. Все бывшие на пароходе стояли также с обнаженными головами несколько позади их величеств. В продолжение двух-трех минут были слышны только доносившееся с берега церковное пение и клокотание пароходных колес, отбрасывавших за собою вспененные ими струи Волхова. Казалось, что благословение Божие нисходило при звуках того пения на государя и на его путь, и на то державное намерение, с каким путь им был предпринят. Но тотчас по миновании пароходом места, где остановилась процессия, громкое «ура» народной толпы заменило пение, и вся толпа бросилась бежать вдоль берега, стараясь продержаться некоторое время в недалеком от следа парохода расстоянии. То же самое повторялось везде, где берега были декоративно украшены. На одном конце декорации виделся вензель государя императора, на другом вензель государыни императрицы. Мужчины стояли под первым вензелем, женщины под вторым. Но вслед за пароходом обе толпы смешивались и при криках «ура» бежали вдоль берега.

Ровно в шесть часов пополудни в Новгороде начался звон во всех церквах. У пристани и в городском саду столпились еще более густые массы народа. Была торжественная минута. Со всех сторон слышалось: царь едет! царь едет! и эти возгласы звучали с необыкновенным умилением. Звон продолжался с лишком четверть часа, прежде чем мы ясно могли увидеть приближавшиеся пароходы. На первом развевался императорский флаг. Раздались громкие, затем уже не умолкавшие, крики «ура». Я был свидетелем всеобщего порывистого одушевления. Лица всех званий и возрастов ему одинаково поддавались.

У пристани стоял почетный караул, и ожидали государя и императрицу их высочества великие князя Николай Николаевич Старший и Николай Николаевич Младший, великая княгиня Александра Петровна, министр государственных имуществ, начальник губернии, воинские и гражданские чины, дворянство, купечество, волостные старшины и сельские старосты. До сих пор живо припоминаю сцену прибытия их величеств в ее разнообразных, смешанных, быстро изменявшихся, в частности как бы неуловимых очертаниях, и припоминаю тем живее, что даже и в тот день впечатление не могло быть отчетливым, определительным в частности, или на частности раздробленным, но было чем-то сложным, совокупным, сильным и непродолжительным. Солнце уже спускалось к горизонту, когда пароход остановился, и пологие лучи света придавали некоторым предметам неопределенные очертания.

Их величества, оставив пароход, направились в Кремль, сопровождаемые офицерами собранных в Новгороде гвардейских кавалерийских частей. За экипажами высочайших особ следовали по тому же направлению экипажи части их свиты. Другая часть свиты направилась в так называемую торговую часть города, где для нее были приготовлены помещения. Разъезд совершался быстро. Между тем вечерело; крики «ура» умолкли, народные толпы редели; массами овладевало то успокоение, которое обыкновенно сменяет громкие и порывистые проявления чувств, вызванных каким-нибудь необычайным событием. После напряженного устремления во внешность наступает обращение во внутрь себя, и при этом обращении стихают и мысль, и речь человека.

Меня тревожили опасения насчет погоды. Для торжества нужно было солнце. Между тем, когда стемнело, небо покрылось низкими, хотя и не густыми облаками. Пошел дождь, мелкий, но, тем не менее, местами тушивший иллюминацию. Я вышел, стараясь угадать, по свойству и направлению дождя, насколько он мог продолжиться. На одной из улиц была открыта и освещена часовня, ярко выделявшаяся своим светом из окружавшей ее влажной мглы. Этот свет напомнил мне, что над всем, что на земле происходит, всегда и везде царит нечто высшее, неземное, изменчивым случайностям не подчиненное, от наших торжеств и печалей не зависящее и постоян-

но присущее, хотя иногда внешними признаками и призывающее к себе наши мысли. На улице не было прохожих. Я вошел в часовню. В одном углу, перед иконою Богоматери, стояла на коленях пожилая женщина, в бедной одежде, и молилась, не сводя глаз с иконы. Она плакала, и глухой взрыд по временам вырывался из ее груди. Мне стало жаль ее; потом пришло на мысль, что ее молитву не должно тревожить, и я тихо вышел; но в дверях встретился с офицером, который на меня не обратил внимания и стал на том самом месте, у двери, которое я занимал, молеельщицею незамеченный. Я остановился, желая увидеть, последует ли офицер моему примеру; но он ему не последовал. Он тихо приблизился к молеельщице и, вероятно, спросил, о чем она плачет, потому что она вздрогнула, встала, и между ними завязался разговор, мне слышный отрывочно, но, тем не менее, по смыслу понятный. У молеельщицы была больная дочь в Твери, которая звала ее к себе, но средств на дорогу не имелось.

– Бог вам посылает средства по случаю приезда государя, – сказал офицер, и я видел, что он 25-рублевую бумажку подал молеельщице, которая перед ним бросилась на колени.

– Что делаете вы, матушка? – сказал офицер, поднимая ее за руку. – Вы за меня Богу помолитесь и поставьте копеечную свечку. Она мне будет на счастье. Завтра парад, и я должен выехать на горячей лошади. Помолитесь, вас Бог услышит.

Женщина послушно стала вновь на колени и поклонилась в землю. Офицер этим воспользовался, чтобы поспешно удалиться. Я смотрел вслед ему с чувством, похожим на зависть. Почему, думалось мне, не сделал я того, что он сделал? Медленным шагом, наклонив голову, я вернулся в свою квартиру и на пути более думал об офицере и бедной молеельщице, чем о предстоявшем на следующий день событии.

Этот день начался пятью пушечными выстрелами, возвестившими жителям Новгорода о наступившем торжестве. Погода, к счастью, прояснилась. Свежий ветер уносил облака; показалось солнце; все предвещало день, не бедный его лучами. Народ хлынул в кремль. На площади, где возвышается монумент, войска заняли указанные им места. Близ монумента была раскинута палатка для высочайших особ и для свиты. Еще накануне, тотчас по приезде, их ве-

личества посетили Софийский собор, где 8 сентября должна была совершиться божественная литургия. Утром, до литургии, государь император изволил принимать дворянство и купечество. Губернский предводитель, князь Мышецкий, поднося его величеству хлеб-соль на серебряном блюде, сказал <...>*

Ответная речь государя была произнесена твердым, но исполненным чувства голосом, и произвела электризирующее впечатление на всех присутствовавших. Слова: «будете... верою и правдою» вызвали громкий единодушный возглас: «Будем, Государь! будем!» А при заключении речи также единодушно и громко дворяне отвечали: «Верьте, Государь! верьте!» Мне говорили свидетели, что у многих были слезы на глазах.

После приема государь объехал войска и затем, возвратившись в так называемый Митрополичий дом, где остановились их величества, отправился вместе с императрицей и прочими членами августейшего семейства в Софийский собор для слушания литургии.

Глубокое впечатление должна была произвести и эта литургия. Она слушалась в древнем соборе, выстроенном более восьми столетий пред тем, и со дня освящения, в 1051 году, сохранившимся в его первоначальном виде, без всяких перемен. Под его вековыми сводами, под возвышающимся с лишком на 150 фут его главным куполом, пред алтарем, пред которым молился длинный ряд поколений, русский государь, его царственная семья и его подданные возносили Царю царей новые мольбы, благодарения и упования. Прошлое воскресало пред настоящим. Древний Новгород единился с нынешним. Тот первый русский царь, который носит историческое наименование собирателя русской земли и в свое царствование сломил стародавние новгородские вольности, не предвидел, что именно в Новгороде должно было состояться празднование тысячелетия русской державы. Еще менее мог это предвидеть тот другой царь,

---

* Приветствие Мышецкого и ответные слова Александра II см. выше: С. 92-93 *наст. изд.* (прим. *сост.*).

кровавой памяти о котором новгородский памятник не без намерения молчит*.

Литургию совершал, соборно, высокопреосвященный Исидор, митрополит Новгородский и С.-Петербургский. По окончании ее всё духовенство вышло из собора с хоругвями и образами, и крестный ход направился к памятнику. Государь, сев на коня, сопровождал церковное шествие, а государыня императрица и прочие члены августейшего семейства, кроме великого князя Николая Николаевича Старшего, который отправился к войскам, следовали за процессией пешком, до палатки. Там государь сошел с коня и стал под палатку для слушания молебствия. Особенно торжественна была минута, когда государь, все августейшее семейство, войска и народ преклонили колена при вознесении молитвы о благоденствии России**.

По окончании молебствия и по окроплении памятника святою водою государь император изволил опять сесть на коня и проводил церковную процессию обратно до Софийского собора.

Между тем войска строились к параду. Во время освящения памятника пехотные части были расположены на площади, конные за площадью. Все войска проходили при параде мимо государя императора и государыни императрицы, которая изволила остановиться несколько вправо от места, где стал государь. Мне случилось стоять еще правее, недалеко от ее величества, и я заметил, что офицеры, отсалютовавшие государю, проходили мимо императрицы с опущенным оружием, не повторяя салюта. Но при прохождении кавалерии один офицер, ехавший перед первым взводом своего эскадрона, поднял палаш и перед ее величеством вновь опустил его таким

---

* В горельефном поясе, на пьедестале, помещена Анастасия, между Сильвестром и Адашевым, для приведения на память, как сказано в изданном г. Петровым описании памятника, только блестящей эпохи Грозного.

** Во время обряда с площади снята фотография, теперь уже редко встречающаяся, но верно изображающая момент молебствия. К сожалению, палатка видна с тылу, и потому ни государя, ни других высочайших особ на фотографии не представлено, кроме великого князя Николая Николаевича Старшего, который стоит на коне, с обнаженною головою, у правого заднего угла палатки. За ним, в некотором расстоянии, три адъютанта, также на конях. Пехотные части войск, в колоннах, видны влево от палатки, фронтом к памятнику и тылом к зданию присутственных мест.

быстрым движением, что я слышал звук рассекаемого воздуха. Я всмотрелся в офицера и узнал того, кого накануне вечером видел в часовне. Он молодым сидел на коне; конь заметно был горячий, но шел ровно, не сбиваясь с указного шага. Я невольно вспомнил о мольнице и об испрошенной от нее молитве.

По окончании парада, в 2 часа пополудни, государь император, сошедши с коня, подошел к императрице и вместе с нею изволил возвратиться в занимаемые их величествами в Митрополичьем доме покои. В это время народ с восторженными криками «ура» бросился к их величествам и, проводив их до ворот Митрополичьего дома, с нетерпением ожидал вторичного появления государя, который скоро вновь вышел с императрицей и отправился на площадь, вне кремлевской стены, где накрыты были 360 столов для угощения войск. В особой палатке был приготовлен стол с закускою для государя, его свиты и гг. офицеров. Их величества подошли к солдатам, расположенными за столами, и громкое «ура» раздалось при их появлении. Государь изволил благодарить войска и пить за их здоровье. Обойдя все столы, их величества возвратились в Митрополичий дом.

Во время угощения войск группы любопытных непрерывно собирались около монумента, и в среде их слышались разнообразные о нем отзывы, конечно, зависевшие, в большей или меньшей мере, от степени образованности и от настроения тех, кто свои мнения высказывали. Общее впечатление было благоприятно. Критика преимущественно относилась, как нередко бывает в первую пору, до деталей монумента, и особенное любопытство возбуждал сокращенный курс русской истории, заключающийся в пояском горельефе на пьедестале. На главные фигуры, в верхних группах, немногие обращали достаточное внимание. Помню, что только один из местных педагогов восхищался Рюриком и Петром Великим, которые мне особенно нравились еще до постановки памятника, на заводе Когуна, где производилась отливка. Символическое значение того и другого верно понято и удачно выражено. Есть нечто таинственное, провещающее, провидящее в фигуре Рюрика. Он неподвижен, и неподвижность выражается тем, что его остроконечный щит перед ним опирается в землю. Он задумчиво смотрит вдаль и производит

впечатление, как будто сам смотрит из далекой дали. Века перед ним. Он олицетворяет зарождение, в туманной глубине этих веков, той Руси, которой было предопределено медленно развиваться, крепнуть, сплотиться и разрастись до Петра. На противоположной стороне монумента, и с противоположными атрибутами, представлен Петр. Голова не покрыта шлемом, но увенчана победными лаврами. Он в руке держит скипетр и не стоит неподвижно, но явно и повелительно выступает вперед. В нем олицетворена обновленная, преобразовавшаяся, враждебных соседей окончательно поборовшая и вместе с Петром на поприще всемирной истории бесповоротно выступившая Россия.

Новгородский памятник составляет по основной идее исключение между всеми историческими памятниками. Он не воздвигнут в честь или воспоминание какого-нибудь отдельного события, или ряда событий, или лица, или многих лиц, участников того или тех событий, но свидетельствует об историческом цикле, обнимающем и объединяющем целое тысячелетие. Он изображает, в шести лицах, главные эпохи нашей истории, и приводит на память замечательное передвижение зияющего центра русского государства, сперва на юг от Новгорода к Киеву, затем в средину страны к Москве и, наконец, снова на север, но еще далее Новгорода, к Балтийскому морю. Поэт не мог бы говорить России о «хвалебном немолчном плеске семи морей», если бы она не стала, по выражению другого поэта, «твердою ногой» при этом море.

Выходя из Кремля, я встретился с одним из моих сослуживцев, который возвращался в город, посетив вторично Софийский собор и осмотрев церковь Андрея Стратилата, так называемую «обыденную», потому что она была построена в один день, по обету, во время моровой язвы. Мы вместе прошли через мост на торговую сторону и разговорились о новом памятнике и о прежних судьбах Новгорода.

– Странно, – сказал между прочим мой собеседник, – что народы иногда рано обнаруживают гражданские способности, которые впоследствии ими как будто утрачиваются. В Пскове и Новгороде некогда существовали муниципии в европейском смысле. Но в позднейшее время не было признаков муниципальной деятельности

в других городах; а в наши дни она не прививается даже в столицах, несмотря на усилия законодательства.

Я отвечал, что полное развитие муниципальной деятельности вообще требует автономии, несовместимой с деятельностью сильной государственной власти, и указал на то, что в Германии, прежних Нидерландах и северной половине Италии муниципальная самобытность также отошла в область прошлого.

– Впрочем, – продолжал мой спутник, – я не слишком долго думал перед памятником о славянских муниципиях и союзах с Ганзой. Я вспомнил о Марфе Посаднице Карамзина, а Марфа Посадница навела мою мысль на другой исторический факт. Наши летописи крайне бедны женским элементом. Этот факт должен был постоянно отражаться на нравах и объясняет позднее развитие литературы. Общественные нравы и литература невозможны без женского элемента. В особенности невозможен исторический роман, а он есть один из признаков общечеловеческого содержания самой истории. Карамзин сознавал значение этого пробела.

Я заметил, что Карамзину принадлежит почин и в сфере не исторического романа.

– Помню и это, – отвечал мой собеседник. – Считаю Марфу Посадницу и Бедную Лизу особыми с его стороны заслугами. Его история составляет нечто в роде официального, гражданского подвига; но истинные литературные подвиги Карамзина заключаются в его двух повестях. Там он проводил новые борозды в поле.

Встреча с одним из чинов местной администрации обратила разговор на разные, в этот день государем оказанные, милости. Между прочим, художнику М. О. Микешину были пожалованы орден св. Владимира 4-й степени и пожизненная пенсия; а в память торжества высочайше повелено впредь ежегодно отпускать особую сумму денег новгородской дирекции училищ для оказывания пособий бедным воспитанникам гимназии из обывателей города Новгорода и отличным ученикам уездных училищ Новгородской губернии.

В шесть часов пополудни государем императором был дан, в залах дворянского собрания, обед, на который были приглашены все

дворяне и высшие должностные лица. До обеда государыне императрице были представлены новгородские дамы.

За обедом первый тост был провозглашен государем императором за благоденствие России; второй – дворянами за государя императора, третий – государем императором за благоденствие всего русского дворянства и дворянства новгородского. При втором тосте хор военной музыки исполнил народный гимн. После обеда государь император и государыня императрица милостиво и с особенною приветливостью разговаривали со всеми дворянами.

Вечером его величество изволил ездить на Рюриково городище (при истоке Волхова из озера Ильменя) и везде был встречаем народом с неимоверным восторгом. Многие снимали с себя верхнюю одежду и бросали под ноги государя. От криков «ура» дрожал, так сказать, воздух. Весь город был иллюминирован.

В воскресенье 9-го сентября государь император изволил принимать хлеб-соль от крестьян государственных, удельных и временно-обязанных. По Софийской площади трудно было проехать, так велико было стечение народа. Крестьяне удельные и государственных были одеты в парадные кафтаны, а волостные старшины и старосты временно-обязанных крестьян имели на себе установленные должностные знаки и медали на бронзовой цепи. На площади близ Митрополичьего дома ожидали выхода государя министр государственных имуществ, председатель Департамента уделов, новгородский губернатор и мировые посредники.

Около 11 часов государь император вышел из занимаемых им покоев, и громкое «ура» раздалось при его появлении. Он изволил сказать несколько слов крестьянам государственным и удельным, принял от них хлеб-соль; потом подошел к временно-обязанным крестьянам. Обращаясь к ним, государь громко и внятно сказал им, чтобы они не верили кривотолкам людей недоброжелательных, исполняли в точности Положение 19 февраля, не ожидали другой воли и всем объявили, что им лично сказал это сам государь. Крестьяне, когда государь спрашивал: «понимаете ли вы меня?», отвечали: «понимаем, Государь, понимаем». После того его величество изволил принять от временно-обязанных крестьян хлеб-соль, поднесенную ими на деревянном резном блюде, и возвратился в Митрополичий

дом. По прошествии нескольких минут снова раздались крики «ура»! К крестьянам вышла государыня императрица и приветливо поблагодарила их за то, что ими было поднесено. Когда ее величество удалилась, народ не расходился, желая вторично увидеть государя и государыню, когда они будут садиться в приготовленные, между тем, для них экипажи. После 12 часов государь император посетил гимназию и Николаевский приют. Приют посетили также государыня императрица, великие княгини Мария Николаевна и Александра Петровна и княжна Мария Максимилиановна.

В этот день, по высочайшему повелению, был дан обед новгородскому купечеству, и государь император восторженно встречен при его появлении.

В 9 часов вечера почти все новгородское общество направилось к дому дворянского собрания, где местное дворянство давало бал государю императору. Пригласительные билеты были разосланы от имени губернского предводителя. Дом виделся издалека, в полном смысле слова залитый иллюминационным огнем. Все мужчины, кроме художника Микешина, были в мундирах. Около 10 часов вечера государь император, государыня императрица, государь цесаревич и все лица, принадлежавшие к высочайшему семейству, прибыли на бал. Музыка (известный оркестр Лядова) заиграла, и бал открылся, по обыкновению, польским. В первой паре изволила идти государыня императрица с губернским предводителем князем Мышецким, в мундире лейб-гвардии гусарского полка, во второй государь император с княгиней Мышецкой. В польском принимали участие все особы императорской фамилии, супруга губернатора, г-жа Скарятина, супруга вице-губернатора, г-жа Лерхе, лица свиты их величеств и местные власти. За польским последовали другие танцы, и его высочеству великому князю Николаю Николаевичу угодно было самому ими распоряжаться; государь император подходил во время танцев к многим дворянам и чрезвычайно милостиво изволил говорить с ними. В 1 часу пополуночи начался ужин. Их величества остались к ужину и во все время с особенною приветливостью изволили разговаривать с присутствовавшими. За ужином первый тост был провозглашен князем Мышецким, в звании хозяина праздника, за здоровье государя императора и государыни императрицы. Его

величество, поблагодарив дворян за бал, изволил пить за их здоровье. После этих тостов были еще провозглашены тосты за здоровье государя цесаревича и всего августейшего семейства. По окончании ужина их величества и другие высочайшие особы оставили бал, который продолжался, с большим оживлением, до раннего утра.

Никто из бывших в те дни в Новгороде не забудет всеобщего глубокого впечатления, произведенного милостивым радушием и неизменною приветливостью их величеств. Государь и императрица явно были довольны оказываемыми им со всех сторон искреннейшими чувствами верноподданнической любви и преданности, и довольны тем, что с своей стороны они могли дать видеть, что они довольны. Вторая половина 1862 года, вообще, была одною из наиболее благоприятных эпох царствования императора Александра II-го. Великая реформа 19 февраля совершилась без замешательств и затруднений, предусматривавшихся и предсказывавшихся боязливими умами. Государь внимательно следил за дальнейшим ходом дела, в котором верность его взгляда и непоколебимая твердость его воли с начала до конца устраняли все преграды и обеспечивали успех. Он сознавал, что в державном подвиге ему принадлежала державная доля, и это сознание отражалось на общем настроении его мысли и чувств. Смуты 1863 года еще не бросили своей густой тени на дела западных окраин империи. Перед новгородским торжеством их величества ошастливили своим посещением прибалтийские губернии и затем имели в виду провести начало зимы в Москве, где их пребывание в ноябре и декабре-месяцах ознаменовалось тою же самою благосклонною приветливостью, которая всех восхитила в Новгороде и оставила за собою неизгладимые воспоминания.

Чувства, воодушевлявшие новгородское дворянство, выразились в следующем всеподданнейшем письме дворянских предводителей:

«Государь, с разных концов нашей области собрались мы под сень святыя Софии, чтобы в стенах Великого Новгорода отпраздновать тысячелетие русского царства и почтить память его основателей.

Провидение определило вашему величеству стать на рубеже двух тысячелетий нашего дорогого отечества.

Государь! Вы достойно закончили минувшие десять веков. История и потомство не забудут вашего имени.

Мы непритворно радуемся великим начинаниям вашим и, искренно веря отеческой заботливости о благе всех членов нашей обширной семьи, спокойно и светло смотрим на будущее.

Да воздаст же вашему величеству святое Провидение, да благословит вас святая София за все труды, вами подъятые на счастье и благо России.

С чувством глубочайшего благоговения вашего императорского величества верноподданнейшие: новгородский губернский предводитель дворянства князь Мышецкий, новгородский уездный предводитель Малевич, боровичский Воейков, валдайский Коссаговский, тихвинский Киов, кирилловский Богданович, череповецкий Зиновьев, старорусский Норманский, устюжский Коковцев».

Означенное письмо было представлено начальнику губернии и 10 сентября, в Новгороде, далее представлено министром внутренних дел на высочайшее воззрение государя императора, соизволившего изъявить за оное благодарность его величества.

Утром 10 сентября небо сильно нахмурилось; но потом погода несколько прояснилась, и показалось солнце, как будто желавшее озарить своими лучами последние часы пребывания их величеств в Великом Новгороде.

В 10 часов утра государь император и государыня императрица посетили Юрьевский монастырь, в 3-х верстах от города на левом берегу Волхова. Оттуда их величества ожидались на пристани.

С раннего утра народ толпился на мосту, у пристани и на берегах Волхова. От Кремлевской площади, вдоль пути, по которому должен был проследовать государь, войска были расположены шпалерами. Близ самой пристани стояли кадеты Аракчеевского корпуса, воспитанники гимназии, дворяне, мировые посредники и лица свиты. Моим соседом был тот педагог, которого на памятнике особенно удовлетворяли фигуры Рюрика и Петра. Он сообщал мне разные подробности о местных древностях и преданиях. По его словам, еще не изгладилась из народной памяти поговорка, что новгородцев крестил мечом Путята, а огнем Добрыня. Поводом к ней было отпадение от водворенного в 990 году христианства. Великий князь Вла-

димир послал в 992 году, для окончательного ниспровержения идолопоклонства, воинскую рать под предводительством витязей Добрыни и Путяты. Второй разбил новгородскую рать, а первый сжег Софийскую сторону города. Великий князь Ярослав княжил отдельно в Новгороде до восшествия на великокняжеский престол в 1019 году. После него немногие из новгородских князей жили в Кремле. Их постоянное местопребывание было на Торговой стороне, где теперь указывают место Ярославова двора, близ собора Николая Дворищенского. Вече сходилось там же или в Кремле, перед дворцом Ярослава, против Софийского собора. На месте дома Марфы Посадницы теперь находится кузница.

Я спросил, известна ли могила Рюрика и сохранились ли вообще о нем и его братьях какие-нибудь местные предания.

– Нет, – отвечал мой собеседник. – Я вообще ничего не мог узнать о первых временах варяжского господства, кроме тех отрывочных сведений, которые перешли из древних летописей в наши учебники. Тщетны были мои старания разъяснить себе и другой меня интересовавший вопрос – о стародавних путях сообщения. Припомните расстояние между Новгородом и Киевом, и Киевом и Черным морем. Какие понятия без географических карт могли о том иметь Аскольд и Дир, а затем Олег и Святослав! Как совершались их походы?

– Этот вопрос, – заметил я, – представляет всеобщую историческую загадку. Какими понятиями и сведениями руководствовались, например, римляне при распространении своего владычества? как могли совершаться в древние времена передвижения племен с востока на запад? Подумайте о значении и продовольственного вопроса для наших современных армий. А тогда переходили с места на место и вытесняли друг друга не организованные и более или менее дисциплинированные войска, а целые народы, с женами и детьми. Чем довольствовались они?

– Вся история для меня ряд загадок, – отвечал педагог. – Нам кое-как удается регистрация фактов, но удается ли регистрация причин? Сколько необъясненного и, по правде сказать, необъяснимого остается для нас в зарождении государств, в оттенках быта народов и в смене событий, решавших судьбы тех народов и государств!

Свойства, поступки, влияние отдельных лиц поддаются анализу. Но настроение и движения масс! Что единит и порою воодушевляет их?

– Вы тотчас будете свидетелем воодушевления и единодушия массы, – сказал я, услышав издали первые крики «ура», возвещавшие о приближении государя. Эти крики быстро учащались, усиливались и вскоре раздались вокруг нас. Наконец, показалась коляска их величеств. Начался звон колоколов. Все обнажили головы, и восклицания толпы слились в один общий гул, до того громкий, что если бы кто-нибудь из нас попытался продолжать разговор, мы не могли бы слышать друг друга.

Коляска остановилась. Было заметно, что их величества тронуты искренним и единодушным изъявлением чувств всех слоев народа. Увидев мировых посредников, государь подошел к ним и, поблагодарив за ревностное исполнение их трудных обязанностей, изволил прибавить, что он уверен, что они и впредь будут ревностно посвящать себя общему делу.

На пароходе уже развевался императорский флаг. Вскоре раздался сигнальный свисток. Пароход стал отчаливать. Неумолкавшее «ура» было последним напутственным приветствием их величествам. Несмотря на поднявшийся ветер и налетавший мелкий град, все с непокрытыми головами следили за удалявшимся пароходом; толпа не расходилась, и даже когда он скрылся из виду, новгородцы продолжали смотреть на взволнованный Волхов и мыслью провожать своего государя.

Рюриково Городище. Фотография начала XX в.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. И. КОСТОМАРОВ

**О ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В ИСТОРИИ РОССИИ
(Статья из публичного чтения в Новгороде
3 апр<еля> 1861 <года>)**

Русская история представляет две половины, не сходные между собою по духу и содержанию. Каждая из них изображает свою особую Русь, отличную от другой по политическому и общественному строю. Первая была Русь удельно-вечевая, вторая – Русь единодержавная. Невозможно между ними провести строгой разделительной грани, как и вообще во всякой истории, разделяя ее на периоды, если руководствоваться не внешними только событиями, а теми видоизменениями, которые совершаются в жизни народов и определяют на будущие века иной, кроме прежнего, путь ее течения. Только приблизительно можно указать на эпоху Иоанна III как

на самое важное в этом отношении время в русской истории, ибо с этих пор государственное централизующее начало делается господствующим. Таким образом, русская история, рассматриваемая не по внешним признакам политических событий, а по развитию внутренней народной жизни, представляет два уклада: удельно-вечевой и единодержавный.

Между этими двумя укладами русской жизни есть различие.

В фазисах народной жизни, являющихся совокупностью главных ее стремлений, следует отличать идеал, какой имел народ для своего политического и общественного строя, и образ действительный, в каком этот идеал осуществлялся только до известной степени, по несовместимости его и с временными обстоятельствами, и с собственным недостатком в народе, ясность сознания самого идеала и средств к его достижению. При этом мы никак не должны допускать себе в воображении идеала выше того, какой действительно имел народ по степени своих понятий; иначе мы впадем в ложный идеализм, придадим собственные умозрения и мечтания народу, который вовсе не так смотрел на вещи, как мы. Но, с другой стороны, если мы отвергнем всякое идеальное значение в том виде, в каком оно должно рисоваться в тогдашних умах народа, и ограничимся одним миром явлений, не возводя их до сообразного принципа, то рассеемся в бессвязной куче событий, не имеющих ни цели, ни причины.

Идеалом удельно-вечевой жизни была самостоятельность земель русского мира, так, чтоб каждая составляла свое целое в проявлении своей местной жизни, и все вместе были бы соединены одною и общею для всех связью.

Все тогдашние учреждения были способами к осуществлению этого идеала политической жизни, а не главною целию. Таким образом, например, призвание княжеского рода для водворения порядка было не целию, но способом, средством для главной цели, состоявшей именно в удержании связи и единства земель между собою, дабы отвратить усобицы и беспорядки.

Идеал единодержавного уклада был совершенно иной. Здесь свобода частей приносится в жертву другой идее – единого государства; здесь нет речи и быть не может даже о связи и соединении ча-

стей, ибо самые части поглощаются, уничтожаются. Цель первого в самом народе, цель второго вне народа; и потому-то реформа Петра была не насильственным, как думают, переломом прежнего, а естественным дохождением единодержавия до дальнейшей степени своего развития, когда власть и весь круг, чрез который последняя совершает свою деятельность и влияние на массу народа, становится за пределами жизни этой массы, делается чем-то обособленным, действующим извне, и потому крепко содержащим и соблюдающим уравнение народа пред собою. Ощутительный, сильный и полный неизбежных изменений поворот в политической и общественной жизни русского народа у нас является в эпохе татарского завоевания. До сих пор на основании исторических данных всех веков, кажется, почти можно признать за правило, что единодержавие возникает или чрез покорение одного народа другим и вследствие того чрез смешение в большей или меньшей степени победителей с побежденными, или же необходимостью в самом народе отбоя чужеземных врагов. Так и случилось в России. Татары покорили Русь. Составлявшие ее земли нашли свою связь во внешней силе, равномерно тяготевшей над ними. Победители, ханы Золотой Орды, стали верховными повелителями всего русского мира, полноправными хозяевами-владельцами всей русской земли и населяющих ее людей. Хан, в значении такого хозяина-владельца, мог кому хотел поручить вместо себя надзор за нею, собиравание своих доходов, управление ею, словом, все, что, по невозможности делать самому, должны были делать его доверенные лица. Это новое начало необходимой передачи ханской верховной воли возложено было на князей двумя способами: на князей городов и волостей, князей удельных в отношении той земли или части земли, которая находилась в его управлении, и на князя великого по отношению к целой России, как на главу всех князей подручных. Отсюда вышло следующее: князья удельные были, по прежнему принципу, не владельцами, а правителями земель и городов, составлявших, независимо от личности и права князей, собственные целые, существующие сами по себе – теперь они становились действительно их собственниками, или, скорее, помещиками, ибо получали их от ханов в отчину; а князь великий, сделавшийся доверенным лицом от хана в отношении его вла-

сти над целым русским миром, получал чрез то более и более значения и силы, и дошел наконец к тому, что сделался собственником-владельцем всего русского мира, ниспроверг власть частных владельцев, соединил все зависимые прежде от одного хана власти в одну. С усилением власти великого князя рядом шло дело освобождения от чужеземного ига. Оно совершилось посредством той же власти великих князей. И необходимость соединения русского мира воедино для великого дела самоосвобождения также способствовала возвышению великокняжеского достоинства, и вместе с ним падению отдельной жизни земель, стечению частей в одно целое и единой державному порядку. Разумеется, это совершилось не вдруг: борьба длилась три века, и последки ее отзывались и после, так как и начала удельно-вечевого уклада не умирали в народе до позднейших времен.

Удельно-вечевой уклад не дошел до своего полного развития, не осуществил своего идеала; мы не видим стройной, сознательной, определенной федерации земель, не видим, чтобы каждая часть развила в себе самобытные элементы жизни; не видим также и твердых связей, соединяющих между собою земли. Нам являются одни зачатки, которые не успели еще образоваться и были, так сказать, задавлены тяжестью противных начал; то были побегии, не успевшие дорасти до зрелого состояния – их юношеское существо сломлено противною бурей. Что-то хотело выйти и не вышло, что-то готовилось и не доделалось! Земли обозначились по оттенкам народностей и не определились в своих несомненных пределах. Внутри княжеская власть не представляется отделенною по своему объему и значению от власти народной – веча, и одна заходила в область другой; мы не можем разъяснить вполне ни взаимных отношений городов между собою, ни городов к волостям, ни способов, как образовались сословные разделения народа, и как между собою сталкивались и переплетались. Все здесь темно, все основано на догадках; конечно, этому причиною и самое состояние общества, то переходное состояние, которое всегда имеет в себе что-то хаотическое, подобно тому, что представляет всякая постройка во время работ: только по окончании работ принимает она определенный вид; но нет сомнения, что нашему непониманию своей старины в этом отношении помогает и

недостаточность источников. Они часто безответны на такие вопросы, которых разрешение для нас дело первой важности, хотя словоохотливы и щедры на то, что может интересовать историка только тогда, когда в занятиях своих он не имеет другой цели, кроме того, чтоб любоваться их процессом. Как бы то ни было, удельно-вечевой мир для нас неясен; а, между тем, изучение его может интересовать не только праздное любопытство, но составляет насущную потребность разумного знания нашей истории и важнейшую подмогу для уразумения нашего настоящего и, скажу более, для наших практических целей и в настоящем, и будущем. Нужно ли доказывать, что здоровое и ясное узнание своего народа есть дело первой важности в настоящее время? Едва ли кто в этом сомневается. Излишне нам было бы также доказывать, что народа невозможно узнать, не зная его прошедшей жизни; того, что составляет современную жизнь народа, нельзя считать недавним.

Не в пятьдесят, не в сто лет накопилось то, из чего образовался народный характер; понятия народа формировались долго, быт его устанавливался многими веками, во всех явлениях народной жизни отпечаталось много протекших переворотов, легло много пережитых периодов. Тот образ, в каком народ является теперь, слагался постепенно, и чтоб проследить его историю, необходимо обращаться к такой древности, от которой только по наружности осталось, как некоторые себе воображают, слишком мало наглядных следов, вещественных памятников, тогда как в самом деле эти следы сохранились там, где они живее и вседейственнее – в современных обычаях и понятиях. Эпохи, когда самостоятельность народа выказывалась полнее и многостороннее, резче отпечатываются на жизни его в последующие века: в эти-то эпохи обыкновенно и формируются элементы народного характера; тогда народ и проявляет свои силы, которые при иных обстоятельствах остаются как бы спящими.

Как ни кажутся отдаленными от нас века удельно-вечевого уклада, но многое в характере нашего народа сложилось еще в те поры; все это пересоставилось и видоизменилось при дальнейшем развитии, но самых начал следует искать в предыдущем. И притом же то, что некогда было иначе, чем после, составляло в свое время также достояние народа: оно важно для того, чтоб уразуметь, как

народное существо способно проявить себя на том или другом пути с такими или иными условиями. Наша прошедшая историческая народная жизнь явилась в борьбе двух начал – удельно-вечевого и единоподержавного, и составляющее характер того и другого вошло в плоть и кровь народа: очевидна важность изучения удельно-вечевого периода, на который еще не так давно если не смотрели с полным презрением, то не искали в нем ничего для современности и не предполагали увидеть в нем ничего, кроме бессмысленных княжеских драк, которых причины указывали нам единственно в круге родовых отношений княжеских фамилий.

Яснее и полнее характер удельно-вечевого уклада не выразился нигде, как в Новгороде. Этому причиною, во-первых, более всего относительное богатство источников об этой русской земле в сравнении с источниками о других наших землях, и, во-вторых, самое положение Новгорода в совокупности географических и исторических явлений, давшее ему несколько особый характер. О первой причине я не стану распространяться; достаточно указать на цикл новгородских и псковских летописей, обнимающий историю северных городов с незапамятных времен до падения их местной независимости; тогда как сведения, передаваемые летописцами земель смоленской и белорусской, ограничиваются отрывочными и очень скудными известиями. Гораздо важнее рассмотреть, как Новгород получил в ряду русских земель свои отличия, и в чем они состояли. Здесь первое место занимает его народность. Остатки новгородского наречия, без сомнения, в настоящее время сильно уже измененного, беспрестанно теряющего свои особенности и подходящего под уровень общего языка, указывают, что в этой земле было свое отличное наречие, близкое к южнорусскому. Близость эта и теперь еще поразительна для уроженца Южной Руси: когда в первый раз я услышал новгородское наречие, я принял говорившего им за малороссиянина, как будто силившегося говорить по-великорусски. Наречие новгородское напоминает именно то наречие, какое господствует в некоторых близких к великорусским пределам малороссийских поселениях, где уже чистота малороссийского языка значительно упала, но где остались еще явные следы прежнего происхождения. По аналогии можно заключить, что в древности новгородское наречие имело

гораздо более черт, подобных малорусскому и отличавших его от наречий соседних земель. Названия местности указывают и на существование в древности таких слов, которые теперь вышли из употребления в новгородской земле, но находятся в южнорусском наречии. Я укажу, например, на местность *Ковалево* близ Новгорода. Вероятно, существовало в древности слово *коваль*, означавшее кузнеца, как и теперь в Малороссии оно имеет то же значение. Можно указать еще на слово *паробок*, теперь уже забытое и оставшееся на юге. Существует даже записанное в хронографе полубаснословное предание о приходе с юга поселенцев на север, где обитал прежде другой народ, причисляемый к белоруссам. Пришельцы изменили название реки, на которой поселились: прежде она называлась *Мутною*, пришельцы назвали ее *Волхов*. Предание это сохранилось и до сих пор в народе; между прочим, оно заставляет предполагать, что новгородцы были южного происхождения, но, пришедши на север, нашли там уже славянских поселенцев, над которыми их народность осталась первенствующею. И этим, может быть, надобно объяснить нравственную связь Новгорода с отдаленным Киевом, которая так рельефно выдается в истории дотатарской. Несомненно, что с наречием новгородцы сохраняли и черты нравов и быта, приближавшие их к южноруссам и отличавшие от ближайших соседей. Очень естественно, что оторванная таким образом народная горсть, посреди других родственных, но отличных народностей и чуждых племен, сознавала себя живее и яснее. Этот народ в глубокой древности, именно в IX веке, играл какую-то первенствующую роль в союзе северных народов, образовавшемся против чужеземного ига норманнов. Покоренные этими завоевателями, белоруссы-кривичи, словене-новгородцы или ильменские словене и славянские колонисты земель ростовской, белозерской и изборской, жившие между народами чудского племени и оттого означенные в летописи нашей неславянскими именами мери, чуди и веси – должны были собственными силами отбивать врагов, а потом, чтоб сохранить раз вынужденную, необходимую связь, устроили институцию, послужившую началом государственной жизни русского мира – я говорю о призвании князей. Все темно в этом отдаленном от нас событии. Но из некоторых черт летописного повествования видно, что его признавали

в широком размере, что участие в призыве князей разделяли с теми, которые означены в летописи, еще и другие, которые там не означены; по крайней мере, важно то обстоятельство, что Олег является с малолетним Игорем в Киев, как имевший право, показывает Аскольду и Диру малолетнего князя и убивает их за то, что они, не будучи князьями, управляли Киевом на княжеском праве. Обстоятельство это показывает, как будто, что Аскольд и Дир обманули киевлян, что последние ждали кого-то другого – не их, и киевляне покорились добровольно Олегу, как бы сознавая его право. Следовательно, киевляне тем самым изображаются участниками в призвании варяжских князей. Как бы то ни было, здесь значение Новгорода чрезвычайно важно: этому пункту русского мира суждено было стать первоначальной точкою, откуда разошлись линии, по которым стал созидаться новый порядок. И потому вполне законно принадлежит Новгороду честь, которую воздают ему в наше время, избирая его местом для памятника тысячелетию русской государственной жизни. Очевидно, что сердцем возникавшей варяго-русской державы был он: в нем происходило первое совещание об единении народов и установлении связующей власти княжеского рода. Очевидно также, что наша история начинает<ся>, так сказать, с середины повествования, с того события, которое не может назваться начальным; естественно рождается вопрос: каким же образом возникла связь между отдельными племенами, как дошли они до общего сознания частей утвердить эту связь новой институцией? Вопрос, на который нет ответа. Судьба Новгорода после этого важного события как-то исчезает из летописей, занятых исключительно событиями юга. Видно, однако, что он оставался с своею древнею независимостью, когда избирал одного из сыновей киевского князя Святослава. В этом факте, как он ни скудно рассказан, явно выказывается то направление, коим Новгород отличался впоследствии в своей истории. Святослав заметил послам: хорошо, коли кто пойдет к вам. Это намекает на их свободное обращение с князьями, еще в древности, и тогда не позволяли они князьям поднимать головы выше народного собрания. Вместе с тем в этом поступке уже обозначается то сочетание отдельности с привязанностью к общему русскому миру, которое составляло характер последующей политической деятельности

Новгорода. Новгородцы были свободны и могли выбрать себе князя где угодно, но обратились к тому роду, который был ими, вместе с другими землями, призван для установления рода и удержания связи частей. Они грозят избрать себе в другом месте князя только в случае отказа получить его из Рюрикова дома; то был бы поступок крайний, так же, как пред концом новгородской независимости новгородцы в крайности готовы были преклониться под власть литовского великого князя и в то же время употребляли все усилия, чтоб сохранить связь с признанным в лице прародителей родом.

Владимир, избранный новгородцами, утвердил там власть с помощью чужеземцев-варягов. Это было новое подчинение воинственным соседям, хотя в другой форме: уже не они в качестве чужих завоевателей нападали на Новгород и облагали его данью, а собственный выборный князь своевольно управлял чрез чужеземцев. Сделавшись киевским князем, с помощью тех же норманцов-варягов, Владимир показал некоторым образом первый пример единовластного порядка и был единым владельцем всей Руси; и Новгород, уже поработанный, как видно, прежде, теперь привязан был к Киеву. Древнее первостепенное значение его потерялось: он сделался пригородом; в его положении все отзывалось поработанием; даже крещение, если верить сказанию, записанному в Иоакимовской летописи, совершилось *с насилем*. Сын Владимира, Ярослав, хотя получил в удел Новгород, зависимый от Киева, непокорный отцу, шел, однако ж, по следам его и также опирался на чужеземцев-норманнов. Эти пособники княжеского самовластия стали распоряжаться так произвольно, что, наконец, пробудили уснувшие силы древней свободы. Перебили варягов. Ярослав отомстил за них: завлек обманом зачинщиков заговора и перебил их. Но вслед за тем услышал, что ему грозит беда из Киева. Святополк киевский умертвил его братьев и ему грозил тем же. Киев был за Святополка. Князь, сидевший в Новгороде, должен был поневоле соединить свои личные интересы с местными интересами Новгорода; Ярослав должен был избавиться от Святополка, Новгород от власти Киева. Взаимные нужды сблизили их. Новгородцы простили ему коварное избиение своих мужей. Дело устроилось наилучшим образом. Новгородцы посадили на киевском столе своего князя, посрамили гордость киев-

лян, называвших их презрительно своими плотниками; а Ярослав возвратил им древнюю самостоятельную свободу и признал восстановление прав народного собрания для избрания себе князя по желанию. Ярослав дал Новгороду льготную грамоту. Она не дошла до нас; но можно наверное видеть, в чем состояла она. На это указывают и последующая история Новгорода, и последующие грамоты, которые были обыкновенно снимками одна с другой, с некоторыми изменениями, вынужденными текущими обстоятельствами. Эпоха Ярослава осталась в памяти народной в течение столетий началом их свободы. И другие русские земли вспоминали, что новгородцы освобождены были прадедами князей. Место, на котором становились народные собрания, называлось двором Ярославовым. Неосновательна была мысль, принятая многими, будто Новгород и после Ярослава долго находился в зависимости от Киева, и его местная свобода возникла оттого, что они воспользовались сумятицами и междоусобиями на юге и, так сказать, под шумок организовались свободно. Так думали потому, что качество летописи принимали за качество происходившего в жизни. Летописи XI-го и половины XII века до нас дошли в кратком виде. С половины XII века они полнеют и сообщают такие события, о которых прежде молчали по своей краткости. Из этого заключали, что и в самом деле не было таких событий. Очевидно, такое заключение неверно и крайне произвольно. Неверность ясно доказывается тем, что даже и в кратком перечне встречаются известия о случаях, когда новгородцы показывали свое народное право, как, например, когда не хотели сына Святополка киевского и сказали ему: *посылай, если у него две головы*. Очевидно, что князя, находившиеся у них, были избираемы и признаваемы народом и в то время. Древнее народоправление, на время придушенное Владимиром с помощью чужеземцев-варягов, воскресло с Ярославовыми грамотами и более не упало до конца XV века. Новгород оставался все одним и тем же в своей основной форме. По этой основной форме Новгород не был каким-то исключением в русском мире, как думали некоторые. Его свобода и народоправление не составляли местное его достояние, недоступное для других земель. То же, что было в Новгороде, существовало везде. Народное собрание, вече, составлявшее главную черту общинного

устройства, было общим для русского мира. Летописец XII века, говоря об этом, не отличает новгородцев от других: «новгородца бо изначала и смолянне и кияне и полочане и вси власти аки на душу на вече сходятся». В суздальской земле, где пустило первые ростки единой державы, вече составляло верховную власть и избирало князей. Слово *вече* было до того всеобщим в Руси, что даже в XVI-м веке оно употреблялось на Волыни в смысле народной сельской сходки; в некоторых местностях, составлявших новгородскую землю, оно употребляется и теперь. С словом *вече* связывался весь механизм местной независимости и гражданской свободы. *Вече* было признаком существования земли, сознающей свою автономию; будучи явлением общерусским, повсеместным, нигде, однако, порядок этот не является нам в такой полноте, как в Новгороде. Повторим сказанное прежде, что здесь, без сомнения, действует то, что новгородские сказания дошли до нас полнее; прибавлю также, что самые эти сказания относятся наиболее ко времени после татар, когда в других землях уже угасал этот порядок.

Но, несомненно, были причины, благоприятствующие Новгороду в сохранении его старых славянских начал, преимущественно перед другими землями. Новгород с своею землею был краем непроходимым — не то, что киевские и черниговские земли, чрез которые ратным людям можно было прогуляться вдоль и поперек. Новгород был отделен болотами и лесами от остальной Руси. Князья на юге нередко поддерживали себя посредством наемных чужеземцев: половцев, угров, поляков; не могли так поступать с новгородцами, потому что и народов, готовых для того, не было по соседству, и проход был затруднителен. Оттого Новгород удобнее мог прогонять и приглашать к себе князей; это не так легко было Киеву, поплатившемуся за изгнание Изяслава Ярославича и много раз опустошенному половцами, тюрками, берендеями, приводимыми князьями. Несколько раз повторенные примеры делались обычным правом, и князья привыкли считать его ненарушимым. Новгород по своей близости к морю сделался двигателем торговли русского мира с Западом. Это дало ему богатства и развило в нем гражданский дух. Новгород от своего имени стал заключать договоры с западными соседями и приучил их смотреть на себя, как на самостоятельное государство. Торговые обороты и сно-

шения Европы с Россией касались в частности непосредственно только Новгорода, а не других частей ее.

Понятно, что Новгород владел большим пространством земель на севере и северо-востоке, независимо от других частей России. Географическое положение этих стран было таково, что только Новгороду было подручно держать их в связи с русским миром. Страны эти были суровы и бедны по климату и почве, но богаты по другим произведениям, составлявшим в те века источник богатств. У Новгорода долго никто в русском мире не отнимал этих владений; ибо никому не представлялось ни выгод, ни удобств для этого; только с распространением колонизации на восток из ростовско-суздальской земли Новгород должен был оспаривать исключительную принадлежность северо-восточных колоний у великих князей. Колонии не принадлежали ко всему русскому миру, а были его местным достоянием. Через эти особенности в Новгороде образовалось, укрепилось и поддерживалось сознание о своей автономии, и вместе с тем невозмутимее, чем в других странах, развивались старославянские начала. Новгородская земля не представляла единства народности. Славяно-русская была в меньшинстве в сравнении с массой народов чудского племени, но эта славянская народность была в полной мере господствующею, встречала такие народности, которые не имели силы ни бороться с нею, ни воздействовать на нее, и покорно с ней соединялись. Таким образом, эта господствующая народность расширялась на север, северо-восток и северо-запад, побеждая препятствия, не важные в сравнении с теми, какие были в других землях, например, в южных. Это прогрессивное движение отчасти вытесняло чудских аборигенов, отчасти сообщало им славянскую цивилизацию и народность. На Западе оно было остановлено сильною встречей с немецкою народностию, с которою не так легко было выдерживать борьбу славянскому племени везде и вообще. Ставши таким образом обладателем севера, проводником торговли с Западом для целого русского мира, Новгород в ряду русских земель приобрел почетное значение, имел много данных для местной независимости и самобытности, с другой стороны, в его географическом положении были и условия, привязывавшие его к русскому миру. Почва его земель не отличалась плодородием; Новгород должен был получать хлеб из

прочих стран Руси. Если чрез его руки в русские земли переходили западные товары, если также русские произведения он передавал Западу, то в главном предмете жизненных продовольствий он не мог обойтись без других, более плодородных земель. Эти обстоятельства и были неоднократно, между прочим, поводом к тому, что Новгород так сильно держался Киева и впоследствии должен был уступить в борьбе с Восточной Русью за право местной отдельности. Притязаниям великих князей ростовско-суздальской земли, а потом московской, помогали эти обстоятельства. Таким образом сохранялось в течение веков направление, указанное нами как характеристическая черта новгородской истории – сочетание стремления к удержанию местной независимости с признанием законности и необходимости связи с остальным русским миром и единства всей русской земли.

В эпоху господства федеративного строя русской общественной жизни не ослабевало в ней стремление к единству, заключавшее в себе семена будущего единодержавия, которому суждено было развиваться после толчка, данного внешними завоеваниями. Это единство выражалось первенством великих князей над всеми князьями и землею русскою, и вместе с ним как бы соединялась идея о первенстве одной земли над прочими. Когда усобицы и печальные разорения от чужеплеменников лишили Киев сил и средств удержать древнее первенство, на востоке стремление к нему является в суздальско-ростовской земле. Открывается посягательство на подчинение Новгорода. Здесь было что-то не совсем для нас ясное; здесь кроются какие-то древние отношения Новгорода к суздальско-ростовской земле, которые едва мерцают в древнем их соединении по поводу призвания варяжских князей. Нет сомнения, если верить буквальному смыслу летописи, что Ростов и Суздаль находились в древности в связи с Новгородом и, вероятно, последний имел над ними первенство. Даже в XII веке Новгород помнил свое старое первенство, и в истории Всеволода Гавриила говорится, что Новгород предпринимал войну с претензиями на первенство, заявлял какое-то право считать своею принадлежностью суздальско-ростовскую землю. Князь противился новгородскому желанию и ссылался на княжеский раздел; новгородцы представляли против этого свои древние народные счета по землям. Война эта была не-

удачна и прекратила покушение Новгорода, но после того начались обратные покушения суздальско-ростовской земли на Новгород. В этой борьбе, которая потянулась на столетия, видны не только княжеские попытки, но также и стремление восточно-русской земли. Когда великий князь Всеволод воевал против Новгорода и осаждал Торжок, сам Всеволод готов был отступить от города и прекратить вражду, но мужи его земли требовали взятия города и изъевляли злобу на Новгород. Неприязнь эта имела народное свойство: оттого и войны этого рода дышали часто особенною злобою одного народа против другого. Это соперничество, вначале народное, перешло потом к Москве и превратилось в борьбу местного свободного начала с единодержавным. Эта-то борьба наполняет политическую историю Новгорода; она-то и доконала его независимость.

До татар два великие события в этой борьбе дали перевес Новгороду и утвердили его самобытность: чудо знаменской Богородицы и победы Мстислава Удалого. Первое облекло религиозным благословением свободу Великого Новгорода и его местную самобытность, которые оградили надолго Новгород от покушений владимирских князей и поставили в определенные границы их взаимные отношения. Новгород хотел самостоятельности, но не хотел оторваться от русского мира и организоваться в общество, чуждое для последнего. Он готов был признать старейшинство суздальско-ростовского князя и получить князей от руки его, лишь бы только с противной стороны признаваема была его автономия в союзе русских земель. Так и было. После побед Мстислава обстоятельства и, в особенности, потребность получать хлеб, дали в Новгороде перевес партии, клонившей его к подчинению владимирским князьям. Но уже прежних попыток, какие позволяли себе Андрей и Всеволод, долго не было; владимирские великие князья признавали за Новгородом его право; князья владимирского дома, приезжая в Новгород на княжение по избранию, были осторожнее в покушениях превысить ту меру власти, какая им давалась от народа. Можно сказать, что подвиги Мстислава Удалого приостановили рождающееся самодержавие, поставили в границы верховную соединительную власть и утвердили федеративный порядок. Для прочности его не доставало того, чему зародыш положил еще Владимир Мономах – общего

сейма князей и земель. Может быть, обстоятельства и выработали бы это учреждение, народ новыми опытами дозрел бы до уразумения средств к поддержке начал общего союзного отечества. Но тут нагрянули татары.

Татарское завоевание не коснулось Новгорода и земли его, как повествует летописец; сто верст всего не дошли завоеватели до Новгорода, и это событие было важно для дальнейшей судьбы его. Старое, еще недостроенное здание русской федеративной державы было разбито; от него остался на севере угол: то был Новгород с Псковом – своим меньшим братом. Татары только то считали собственностью, что успели разорить; земля разоренная доставалась им во владение, и все, что только на ней являлось, почиталось достоянием хана. Новгород и Псков не сделались этой печальной собственностью, потому что не были покорены и разорены. Правда, Новгород при Александре Невском должен был временно покориться судьбе и допустить ханских численников, а впоследствии платить выход и участвовать в общей дани, вносимой ханам Россиию; но то были временные пожертвования общему русскому единству, сознанием того, что Новгород есть русская земля и должен нести общее бремя до известной степени. Это была, вместе с тем, предохранительная уступка сильным врагам, сделанная для того, чтоб избавиться от столкновений, которые, при несчастном повороте судьбы, могли лишить его самобытности и свободы. Тогда как в пределах обширной Восточной Руси, раздвигавшей время от времени свои границы под правом завоевания, возникал единодержавный уклад, образовывались и утверждались новые политические и общественные начала, в Новгороде и Пскове господствовали древние понятия об автономии земли. Земля в смысле нации не стала собственностью никаких князей: она принадлежала самой себе, то есть народу, выражавшему свое бытие внешнею формою веча. Новгород в этом смысле представлял как бы лицо владельца – он и назывался государем, то есть владельцем, хозяином. От имени Новгорода заключались договоры, велись войны, издавались законы, учреждался всякий порядок. Мало-помалу прежнее значение новгородского князя перешло к великому князю; в Новгороде хотя были другие князья, но уже не в качестве правителей земли, а как призываемые предводители войска.

Князь великий представлял над ним выражение верховной связи с русским миром. Но тогда московские князья начали заявлять стремление к единой державе; Москва стала грозить подчинением себе других народностей. Новгород должен был вынести борьбу за свою местную самостоятельность и за старый вечевой порядок. В Новгороде, так сказать, нашли последнее прибежище свободные федеративные начала, изгнанные из других земель. Он не думал об отложении, по-прежнему хотел удержать связь федеративную с прочею Россиею. От этого в политической деятельности, по отношению к великим князьям, не было ничего нового, не видно ничего прогрессивного. Новгород стоял за старину, но в то же время в его устройстве лежало начало прогресса, хотя неудобосовершенного. Старое было не достроено; дело шло о том, чтоб докончить то, что начато еще в IX веке, и докончить не так, как повернуло дело внезапное завоевание в XIII веке.

Пока еще единой державе не взяло окончательно перевеса над старинным складом, Новгород мог бороться; но когда в народных понятиях всей остальной Руси единой державе стало нормальным порядком, Новгород со своими старыми началами должен был или отложиться от русского мира, или подчиниться добровольно новым требованиям. Новгород, как он был, становился анахронизмом. От этого-то поход Иоанна III возбудил к себе симпатию в народе; война его с Новгородом была делом общерусским, делом церкви и народа. Новгород действительно бросился было на отчаянную меру – выбиться из русской колеи: он отдавался литовскому князю; попытка не удалась: Новгород был задушен.

Иоанн III понимал, что Новгород не может добровольно подчиниться новому порядку, когда старое в нем слилось с вековыми привычками и нравами общественного и политического быта. Надобны были решительные меры. Иоанн употребил их. Иоанн не удовольствовался снятием колокола и уничтожением веча и звания посадника – Иоанн уничтожил Новгород до корня, переселив его жителей по разным краям, подчиненным московской державе, и заменив прежнее население новым, чуждым прежних местных воспоминаний. Опустошение новгородской земли совершилось в чрезвычайной степени и было значительнее, чем сколько обыкновенно его

полагали. По известиям летописей, из Новгорода выведено было до 18 000 семей – следовательно, полагая *minimum* на семью по четыре души, до 72 000 душ. Если взять во внимание, что было еще много таких, которые, спасаясь от жребия, грозившего Новгороду, успели убежать в Литву, то без преувеличения можно полагать, что город лишился совершенно прежнего населения. Что касается до пригородов и волостей, то там совершилось сильное потрясение. Владельцы земель – бояре и дети боярские – были выведены: им даровали земли в других местах. Всего нагляднее это показывается в дошедших до нас от конца XV-го века писцовых книгах, где беспрестанно означаются земли, бывшие достоянием старых новгородцев, признанные потом землями великого князя и раздаваемые в поместья иным слугам, более верным и надежным. Что касается до простого народа, то и масса его в те печальные годы пострадала жестоким образом. Были две войны у Иоанна с Новгородом, обе ведены были опустошительно. Шло дело не о том, чтоб разбить новгородское войско, заставить новгородцев покориться воле великого князя: Иоанн хотел обессилить его, довести до ничтожества: войска, распущенные отрядами на восток и на север, истребляли селения на земле, принадлежавшей Новгороду, убивали беззащитных людей, а те, которые успевали уйдти, должны были после умирать с голоду, потому что ратные люди везде истребляли хлебные запасы. Из двух войн Иоанновых одна происходила летом, другая – зимою. Во время первой поселяне еще могли кое-как спастись в болотах и уносить с собою часть своего достояния. Во время второй войны, лишенные крова и продовольствия, жители должны были толпами замерзать от холоду и умирать с голоду. Народонаселение новгородской земли должно было значительно уменьшится и обессилеть. Это обстоятельство неизбежно должно было страшным образом потрясти древнюю новгородскую народность; остатки прежнего населения разрослись под другими условиями и смешались с приливом народонаселения из других земель. Оттого-то от древней новгородской народности остались одни развалины.

Новгород в русской истории выразил сторону жизни удельно-вечевого характера, отличную от единодержавной, которой представительную силою сделалась Москва. Новгород совместил в себе то,

что было достоянием всех земель в свое время, и представил это ясно в своей истории. Новгород стоял за федеративный строй русской земли и за местную и личную свободу; Москва хотела сделаться центром России, притянуть к себе все ее силы, поглотить собою самостоятельность ее частей; Москва домогалась единого государства, слития особенностей, подчинения личности общественной воле, выражаемой совмещением ее в идеале верховной власти.

Два принципа воплощались в исторической жизни противоположными явлениями, и потому неизбежна была борьба на жизнь и смерть для их исторических представителей.

Я не имею целию излагать перед вами, мм.<илостивые> гг.<оспода>, подробно состояние, быт и устройство Новгорода. Это могло бы только послужить предметом целого курса. Укажу только на главные черты. Названия и частные приложения идеи – предметы второстепенные, и являлись на Руси в различных видах; но самая идея оставалась везде одна и та же и выражалась одним и тем же очерком своей первобытной формы.

Главное, чем отличался Новгород как представитель удельно-вечевого уклада, это принцип местной автономии земли, в федеративной связи с другими землями, выражаемый известною формою народоправления на основании сочетания родового права с личной свободою. Местная автономия не только поддерживалась самим Новгородом для себя, но допускаема была и в подчиненных ему пригородах и селах; лучшим доказательством этого служит то, что слово «вече», означавшее народное правительственное собрание, до сих пор осталось в северном наречии в значении сходки и показывает, что древнее вече, как выражение самоуправления общины, не было принадлежностью одного верховного города страны, а было достоянием каждой жилой местности, каждой общины, коль скоро естественным путем она в известных границах сознавала свою автономию. Во всей политической деятельности Новгорода не видно домогательства централизующей власти; Новгород довольствовался признанием своего первенства и соблюдением связи, уславливающей единство частей земли. Пермь и Югра управлялись своими князьями, и в таком положении были застигнуты государственною системою Иоанна. Двинская земля, уже заселенная новгородским пле-

менем, была так слабо прикована к центру, что образовала в себе много местных стремлений, которые повлекли ее к попыткам отторжения от новгородской власти, и которые, однако, были так слабы для того, чтоб совершить отпадение члена, прежде чем не поражена была голова. Псков составлял некогда часть новгородской земли; как скоро он ощутил в себе элементы самобытности, тотчас и обособился с своею властью в виде отдельной земли, и Новгород признал эту самобытность, довольствуясь только союзом с ним, выражавшимся тем, что Псков считался меньшим братом Новгорода. Этот недостаток централизации, быть может, был одною из причин, что Новгород, владея огромными пространствами, не мог собрать в пору правильных сил для защиты своих границ; на западе заходили за них шведы и крестоносцы, на востоке и на юге переходили они в сферу восточно-русской земли. Так не стоял он и против московского покушения. Не имея в себе единодержавного государственного принципа, он не мог бороться с этим принципом, когда он окреп в соседстве; ибо для такой борьбы нужны были равные силы и средства, и приемы. Совсем не то является в восточно-русской земле: там, в прогрессивном ходе развития ее крепости, местная самобытность частей приносится в жертву нивелирующему центру; местные привычки и обычаи должны были изглаживаться и принимать – по крайней мере, в главных чертах – один вид. Там, где прежние предания казались тверды и упорны, сделались потребными крутые средства переселения и даже опустошения страны. Весь народ должен был слиться в сплошную массу, проникнутую одним духом повиновения и готовности стать на защиту отвлеченной идеи государства для распространения его пределов и для поддержки его чести.

В Новгороде все исходило из принципа личной свободы. Общинное единство находило опору во взаимности личностей. В Новгороде никто, если сам не продал своей свободы, не был прикован к месту; новгородец должен был подчинять свою личность общей воле только тогда, когда живет в общине; но он всегда мог выйти из нее и идти куда хочет. Так равно и в Новгород всякий мог прийти и жить полноправно. Оттого Новгород был постоянно убежищем всякого рода изгнанников; только уличенных преступников по договорам должен был выдавать, да и то не исполнялось; а с другой

стороны, по всему русскому миру рассеяны были дети Великого Новгорода. В московском мире, напротив, личность человека тянула к чему-нибудь: человек сам по себе не пользовался самобытным существованием: он должен был быть единицею в общей сумме и отвечал, вместе с другими, за всех и за каждого из всех. Во внутренней истории московского народа слово «беглец» играет важнейшую роль, ибо личность долго пыталась вырваться от сковывавших ее уз. В новгородском мире – беглец мог быть только преступник, осужденный законом и уклонявшийся от приговора над ним, или раб. Народоправление Новгорода носило характер этой же личной свободы: вече, сколько нам известно, было почти не связано формами и ограничениями. Оттенки происхождения и состояния, образовавшиеся в виде сословий, равномерно являлись в нем: как бояре и богатые купцы, так и бедняки-ремесленники и поденщики имели равное право участия. Представительства, сколько известно, не было, исключая только тогда, когда посылались куда-либо депутаты в посольстве, потому что в последнем случае самое дело этого требовало. На вече, по звону колокола, прибегал кто хотел; равномерно кто хотел, тот мог собираться и предлагать народу свое мнение. Такой способ общественной жизни тесно связан был с федеративным принципом: только при местной автономии частей возможны личная свобода и такое народоправление. Неудивительно, что свободное начало в Новгороде было источником вечного хаоса, смут и партий. Неравенство способностей и индивидуальных наклонностей, и временных предрассудков беспрестанно выдвигало на первый план личности и фамилии, налегавшие на массу произволом и насилием; но зато не могли они ввести для своих эгоистических видов ничего прочного и в свою очередь отступали, побежденные дружным усилием массы. Таким образом, встречаем в новгородской истории часто, почти постоянно, борьбу черного народа с так называемыми боярами. Свобода выдвигала бояр из массы; но тогда эгоистические побуждения влекли их к тому, чтобы свое возвышение употребить себе в пользу, в ущерб оставшихся в толпе; но та же самая свобода подвигала толпу против них, препятствовала дальнейшему их усилению и наказывала за временное господство – низвергала их, для того чтоб дать место другим разыграть такую же историю возвы-

шения и падения. Свобода, не облеченная в сознательные, прочные формы, зависела от духа, от степени умственного развития, от понятий о нравственном и общественном долге. Для того чтоб свободные начала развивались, нужны были побуждения и саморазвитие народа, а их не только не было, но еще столкновение обстоятельств препятствовало тому. Выше мы заметили, что почва новгородской земли была неплодородна, и это ставило Новгород в зависимость от других частей русского мира. Климатические особенности вообще не принадлежали к таким, которые располагают к живой умственной работе; религиозность, составлявшая исключительный круг духовной деятельности, уклонилась в аскетическую и обрядную односторонность, вместо того, чтоб оказывать благодетельное влияние приложением к жизни общечеловеческих, христианских начал. Соседство с Западом и торговые сношения с немцами не сблизили Новгорода с Европою морально, потому что немцы всегда оказывали эгоистическую политику, клонившуюся к тому, чтоб эксплуатировать Новгород для своих целей, и сознательно, умышленно старались не допускать новгородцев до знакомства с европейским просвещением. Но главное, что не позволяло Новгороду идти с своею свободою по пути исторического прогресса, было то, что удельно-вечевое начало, которого он держался до конца, было пригодно для целой русской земли, а не для одной ее части в отдельности. Обстоятельства сложили это начало в других частях; Новгород оставался с ним, как развалина прежнего. Ни условий, ни средств, ни стремлений к организации из себя отдельной державы он не имел; оставаться с своими особенностями в ином мире ему нельзя было. Рухнуло удельное вечевое начало в русском мире – должно было рухнуть оно и в последнем углу, куда приютилось было в течение того времени, как созревало новое. По естественному закону угол этот должен был испытать участь целого здания, которого частью не переставал быть никогда.

Мы не поклоняемся теории неизбежного исторического прогресса, по которой следует признавать лучшим все, что случилось позже, и в каждом историческом перевороте видеть какую-то необходимость и нормальность. Мы не будем, при виде печальных исторических явлений, утешать себя мыслию, что эти явления были

необходимы для других, более светлых и отрадных. Не станем, в этом отношении, уподобляться Скалозубу, находившему, что пожар Москвы служил ей к украшению. Если несомненно, что Новгород, оставленный сам по себе, не мог осуществить в своем быте начал федеративной независимости с ясными формами самобытности, то нельзя сказать, чтоб эти начала были бесплодны по своему существу, если б продолжали возрастать в целой Руси, и что, напротив, другие, их заменившие, были и выше, и благодетельнее. Но, с другой стороны, то, что уже совершилось, должно рассматривать как совершенное. Единодержавный принцип государственности, единства восторжествовал над удельно-вечевым началом федерации – и образовалось огромное, могучее государство. К великой цели образования этого государства направлялись все главные исторические движения со времени Иоанна III. Государственность объединила русский народ, саморазвитие народных сил было поглощено делом этого единства, свобода общины и лица приносилась ему в жертву.

Громадный труд Петра Великого завершил то, что приготовлено было предшествовавшими веками; он повел единодержавную государственность к ее полному апогею. Государство обособилось от народа, составило свой круг вне русской народности, образовало особую народность, примкнутую к власти; круг ее расширялся, захватывая к себе верхние слои народа. Таким образом, в русской жизни возникли две народности: одна – народность государственная, другая – народность массы, народность, которая, будучи рассматриваемая с государственной точки зрения, доросла до единства в совокупности местных видов, лишенных своего проявления, но сохранивших свою частную физиономию под неотразимым влиянием условий географических и этнографических. Крепостное право, формировавшееся в течение долгого времени прогрессивным ходом, было самым осязательным, самым крайним выражением перевеса государственного начала над народным и разделения власти от народа; оно одну часть народа ввело в область власти и оторвало от другой, другую оставило в исключительной народной сфере, без всяких прав самодетельности. Для обеих сторон такое положение становилось невыгодным.

В наше время сама власть увидела это и производит мудрый поворот общественного механизма: я говорю о свежем событии, столь благотворно поколебавшем судьбу заснувшей народной жизни. Это событие есть начало новой русской истории: примиряется с народностью государственность. Драма, которой пролог показался в XIV веке и первое действие разыграно при Иоанне III, теперь достигла своего пятого акта и развязки. Долго составлялось русское государство и должно было ограничить народную жизнь, потому что последняя мешала его образованию, нося в себе древние удельно-вечевые привычки. Наконец, государство составилось, окрепло, побороло все внутренние и внешние препятствия. Его разложение более невозможно. Государство стало твердо и непоколебимо не внешними, а внутренними условиями. Сознывая свою полную силу, государство само пробуждает народную жизнь: пробуждает к свободной деятельности – мы вступаем в новую историю. Мм.<илостивые> гг.<оспода>, по какому-то случайному стечению начало этой истории совпадает с концом тысячелетия России. Недаром всё, что русская история выработала в это тысячелетие, в наше время приходит к концу, может быть. Борьба начал удельно-вечевого уклада с началами единодержавия, народных сил с государственными, в наше время оканчивается сама собою мирно и согласно. Не станем обольщаться и придавать нашему времени более того, что зрелое обсуждение факта может нам сообщить мимо всякого увлечения. Мы ничего еще не видим, кроме зародышей новой истории; но довольно того, что эти зародыши взошли и начинают свой рост. От обстоятельств будущей истории нашей зависит, будет ли самый их рост совершаться быстро или медленно; но то несомненно, что раз посеянное на исторической почве непременно будет расти, так или иначе. В этом отношении наше время представляет аналогию с тою отдаленною эпохою, когда здесь, в Новгороде, посеяно было семя федеративно-государственного строя, и равномерно с другою, более близкою нам эпохою, когда здесь же в Новгороде снятием вечевого колокола нанесен был роковой удар федеративному началу и водружено господство единодержавного государства. Как с этих двух эпох начались для русского мира своеобразные исторические пути, так в наше время начинается для него новый исто-

---

рический путь с великого акта уничтожения важнейшего вида крепостного права. Теперь государство не станет мешать свободе местной народной жизни, потому что оно крепко и сильно, а последняя не будет бояться государства, находя в нем покровительство своему развитию. Инициатива нового зачатка в истории нашей народной жизни принадлежит Государю; не стану распространяться в похвалах ему – ибо он жив, а всякая похвала живому представителю верховной власти может казаться лестью. История лучше нас, современников, оценит его. Пусть начинания его будут во всем так благи, как в этом деле; и тогда да почиет над ним благословение старой св. Софии, и да сопровождает его любовь Великого Новгорода, наравне со всею русскою землею!

Открытие памятника «Тысячелетию России». Лубок. 1865. НГОМЗ.

Н. К. Отто, И. К. Куприянов

**Из книги «Биографические очерки лиц,
изображенных на памятнике тысячелетия России,
воздвигнутом в г. Новгороде в 1862 году»**

Предисловие

Поводом к составлению настоящей книги послужило предстоящее в 1862 году открытие памятника тысячелетию России, воздвигаемого в Новгородском кремле против древнего Софийского собора. Этот памятник будет украшен группами фигур в верхней части и сплошным бронзовым барельефом внизу его с изображением великих деятелей земли русской. Торжество тысячелетнего существова-

ния России как государства, вероятно, привлечет в Новгород многих представителей с разных концов России, и, без сомнения, между ними найдутся лица, которые при обозрении нашего памятника пожелают иметь под рукою для справок краткий биографический указатель, заключающий в себе главные черты из жизни людей, изображения которых представлены на памятнике. К сожалению, краткость времени и поспешность работы не дали возможности составителям воспользоваться всею массою материалов, необходимых для подробного биографического труда. В заключение заметим, что в порядке биографий мы строго следовали расположению самых изображений на барельефе памятника, а потому и не принимаем на себя ответственности за их хронологическую неточность и за самый выбор лиц, изображенных на тысячелетнем памятнике России.

*Н. Отто
И. Курпrianов*

*5 Апреля 1862 г.
г. Новгород.*

Несколько слов о памятнике тысячелетия России

Мысль сооружения в Новгороде памятника по случаю совершившегося в нынешнем году тысячелетия России как государства принадлежит правительству. С этою целию в мае-месяце 1859 г. был объявлен конкурс для сочинения его проекта. Из 53 представленных к сроку проектов и эскизов памятника избран проект художника Микешина, как наиболее соответствующий мысли правительства, по инициативе которого сооружался памятник. Не станем рассматривать, насколько избранный проект удовлетворяет современным требованиям искусства, и насколько он служит выражением политической и гражданской жизни России за 1000 лет: об этом предмете было уже писано в газетах и журналах. Не зная недостатков прочих проектов памятника, так как печатно критической оценке они не подвергались, мы не осуждаем рисунок г. Микешина: может быть, в наше, скудное талантами, время его проект был лучше всех, представленных на состязание, и вполне достоин того, чтоб имя

г. Микешина перешло в отдаленное потомство как лучшего современного художника в России.

Представляем краткое описание сооружаемого по этому проекту памятника. Он будет состоять из трех частей. Верхняя часть состоит из двух бронзовых фигур, означающих православную веру, как коренной элемент в жизни русского народа. Здесь представлен ангел, поддерживающий одною рукою крест, а другую простирающий на коленапреклоненную перед ним женщину, которая олицетворяет собою Россию. Подножием для этих фигур служит шар, аллегорически означающий державу. На поле державы помещена следующая надпись: «Совершившемуся тысячелетию Российского государства в благополучное царствование императора Александра II го лета 1862». Кругом державы поставлено шесть бронзовых групп, выражающих шесть замечательных эпох в истории Русского государства. Здесь изображены: 1) Рюрик (1 фигура); 2) Владимир Равноапостольный (3 фигуры), 3) Михаил Феодорович Романов (3 фиг.), 4) Петр Великий (3 фиг.), 5) Иоанн III (5 фиг.) и 6) Дмитрий Донской (2 фиг.). Рюрик, держа в одной руке щит с надписью 862, стоит перед идолом Перуном; он обращен лицом к зданию присутственных мест; т.е. на юг; подле него с правой стороны стоит Владимир Святой; далее расположены остальные группы по перечисленному выше порядку, так что Петр Великий придется против Софийского собора.

Жизнеописания всех означенных здесь венценосцев, исключая Рюрика, помещены ниже, при изложении биографий лиц, представленных на барельефе памятника, а потому и предлагаем читателям обратиться туда. О первом же русском князе Рюрике известно нам только то, что он был предводителем отважной партии норманнов, опустошавших часть побережья европейских морей и вторгавшихся по направлению рек внутрь государств. Новгородцы, прогнав в 859 г. варягов, через три года (862), по совету старейшины своего Гостомысла, призвали снова варягов – Русь: «зане не бе в них правды и воста род на род и бысть меж ими рать велика и усобица и воевати начаша сами на ся». Послы новгородские сказали варягам: «земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет, да пойдете княжить и володеть нами». Тогда три брата – Рюрик, Синеус и Трувор «с роды

своими» прибыли в русскую землю и разделили ее между собою. Старший из них, Рюрик, поселился в Новгороде и жил, по всей вероятности, на Городище, донныне известном под именем Рюрикова. Он княжил в Новгороде 17 лет, отсюда управляя русскою землею, и скончался в 879 г., передав правление государством родственнику своему Олегу, по причине малолетства сына своего Игоря.

Нижняя часть памятника сделана из сердобольского гранита. По середине ее устроен сплошной барельеф из бронзы с изображением вокруг него 107 замечательных лиц русской земли, биографии которых мы представляем благосклонному вниманию читателей нашей книги.

Высота всего памятника простирается более 7 сажен; высота бронзовых фигур вокруг державы около 5 аршин, а на барельефе до 2 аршин; окружность постамента имеет почти 37½ аршин (87½ фут.<ов>).

Весу в бронзовых частях будет до 4000 пуд, а ценность всего памятника полагается не свыше 500 000 р. сер. Строителем памятника назначен инженер генерал-майор В. Д. Евреинов, а производителем работ инженер штабс-капитан А. В. Адамс.

Общий вид памятника, как картины, красив и величествен, отделка некоторых частей его превосходна. Полировка цоколя и постамента не оставляет желать ничего лучшего. Для полноты вида площадь Детинца прекрасно вымощена и выстлана в необходимых местах тротуаром. Местом для памятника весьма удачно избран древний Детинец. С одной стороны перед ним возвышается 800-летний собор св. Софии, самая драгоценная святыня некогда великого Новгорода, усыпальница многих князей и святителей новгородских; с другой – здание присутственных мест; с прочих – проездные арки на Торговую и на Софийскую стороны.

1. Просветители

<...> **3. Вел.<икий> кн.<язь> Владимир.** Младший из сыновей Святославовых, Владимир получил еще при жизни отца своего в удел Новгородскую область. По смерти Святослава в 972 г. началась братоубийственная война между его сыновьями: Олег погиб на войне с старшим братом своим Ярополком, а Владимир, опасаясь

участи брата своего Олега, ушел за море к варягам и, набрав там себе удальцов, ополчился на Ярополка, подступил к Киеву и изменнически умертвил его. Сделавшись единодержавным властителем всей Руси в 980 г., Владимир, по примеру своих воинственных предков, прославил начало своего царствования многими войнами: завоевал Галицию (882), землю Ятвягов, Ливонию, усмирил бунт вятичей и радимичей (984) и победил камских болгар. Как ревностный язычник, Владимир умножил число идольских требищ, велел даже принести в жертву мнимым богам своим христиан (единственные наши мученики за Христа – Федор и Иоанн); вел жизнь роскошную, разгульную; потворствовал страстям своим, имея у себя несколько жен и множество наложниц, так что летописец справедливо называет его вторым Соломоном; вообще, Владимир-язычник и Владимир-христианин – две резкие противоположности. По всему видно, что Владимир был человек характера сильного, увлекающегося, поэтического. Великое событие, ознаменовавшее его царствование и доставившее ему имя просветителя России и Равноапостольного, есть введение им христианской веры в России в 988 г. Летописи повествуют, что и самое крещение Руси совершено Владимиром после разных промедлений и строгого выбора. Рассказывают, что были у него послы от магометан с целию склонить его к принятию религии Магомета, на что было и поддался женолюбивый князь; но запрещение пить вино отклонило его от принятия этой веры. Он сказал магометанам-миссионерам следующие замечательные слова: «Руси есть веселие пити, – не можем без того быти». Верно и ловко подмечена врожденная слабость русского народа! Послам от римско-католического духовенства Владимир отказал под тем предлогом, что, так как предки его не хотели принимать веры от Папы, то и он не желает того же. Узнав от еврейских послов, что Бог во гневе своем рассеял этот народ по разным странам мира и что у него нет более отечества, Владимир отказал им, сказав, что он не желает, чтобы и русские, подобно евреям, лишились когда-нибудь своей родины. Наконец, греческий богослов объяснил ему сущность христианской веры, пересказал вкратце священную историю и в заключение показал ему икону страшного суда. На впечатлительного Владимира эта картина так сильно подействовала, что он тогда же выразил свое со-

чувствие к христианской вере по обрядам православия. Но, не желая поддаться первому впечатлению, он отправил посольство из 10 ученых мужей в разные земли для большего удостоверения, какая вера лучше других. Посланные, осмотрев богослужение у различных народов, признали лучшим богослужение у греков, с чем согласились и благоразумные бояре Владимировы, подтвердив, что его бабушка, Ольга, умнейшая из всех людей, приняла веру также от греков, а не других народов. Но и этих всех доводов казалось недостаточно для убеждения русского владыки: он не хотел быть просителем у греков религии, а решился силою получить ее от них, как победитель. С этою целию он объявил грекам войну и осадил важный торговый город Херсонес на Таврическом полуострове, признававший покровительство Византии; но, невзирая на мужество русских воинов, Владимир долго не мог взять его силою, и только благодаря измене какого-то грека Анастаса успел покорить его. После того Владимир послал гонцов к греческим императорам Василию и Константину просить руки сестры их Анны, грозясь в противном случае разгромить Византию. Императоры, сколько из чувства страха, столько и из видов политических, не прочь были породниться с могущественным князем севера; но религия составляла главное затруднение к такому браку, и потому они соглашались отдать руку сестры своей Владимиру только под тем условием, если он примет христианскую веру. Владимир охотно на это согласился, тем более когда получил внезапное исцеление от глазной болезни, которою страдал долгое время: знамение силы Божией подействовало на закоренелого и мнительного язычника. В г. Херсонесе, в церкви св. Василия, совершено было таинство крещения над русским князем, бояре и воины, находящиеся при нем, также окрестились в Христову веру. Сочетавшись затем браком с греческою княжною, Владимир возвратился в Киев совершенно другим человеком: вместо воинственных трофеев он привез с собою в столицу греческих и славянских священников, церковную утварь, иконы и богослужебные книги на славянском языке. Истребление идолов и общее крещение народа в Киеве (988) было первым делом Владимира по возвращении его в столицу; прочие города и села последовали примеру Киева, и христианская вера широким потоком быстро разлилась по всем концам наше-

го отечества, почти нигде не встретив явного сопротивления со стороны народа. В крещении Владимир назван Василием и по смерти причислен нашей церковью к лику святых и Равноапостольных. Последние годы своего царствования Владимир посвятил исключительно на дела благочестия: строил церкви, заводил училища, кормил бедных, прощал даже явных преступников от заслуженного наказания. Владимир скончался в 1015 г., имел несчастье перед смертью видеть начало междоусобной войны между своими сыновьями, коим он роздал неблагоразумно надель. Его царствование во многом схоже с царствованием еврейского царя Соломона: одинаковая почти судьба постигла того и другого властителя.

<...> **8. Св.<ятой> Алексей, митрополит Московский.** В тяжкое для России время жил и действовал св. Алексей: монголы истощали наше несчастное отечество тяжелою данью; князья ссорились между собою за уделы и ездили жаловаться друг на друга и судиться в Орду. Это было то злополучное для Руси время, когда, по прекрасному выражению Жуковского, – «Русь бедою поросла», когда

Бесчестным Русь давя ярмом,
Баскак носился в край из края;
Катилась в прах глава святая
Князей под ханским топором...

Алексей происходил от знатных и богатых черниговских бояр в 1293 г. Мирское имя его было Елеуферий. Восприемником его при св. крещении был вел. кн. Иван Данилович Калита. Получив хорошее по тогдашнему времени образование, Алексей с ранних лет чувствовал призвание к монашеской жизни. Когда ему было 12 лет от роду, то однажды, во время охоты на птиц, он заснул в поле и слышал в сонном видении голос, повелевающий ему оставить бесполезное занятие птицеводством, а сделаться лучше ловцом людей. Вследствие этого видения он скрылся из родительского дома и тайно постригся в московском Богоявленском монастыре, где и получил имя Алексея. Своею истинно добродетельною и подвижническою жизнью он обратил на себя внимание митрополита Феогноста и вел. кн. Симеона Ивановича, и был возведен в сан епископа Владимирского 1352 г. По смерти же митрополита Феогноста вел. кн.

Иван Иванович и весь духовный Собор избрали его митрополитом Киевским и всея России. Неоднократно ездил св. Алексей в Орду к хану, чтоб усмирить его гнев на Русь, и всегда почти успевал в своем ходатайстве: монголы знали его чудодейственную силу и побаивались его. Призванный однажды ханом Чанибеком в 1354 г. для исцеления любимой его жены Тайдулы, он, силою Божией благодати, вылечил ее от слепоты и возвратился из Орды на родину, осыпанный дарами и милостями хана. Ходатайство его перед ханами за несчастное Отечество всегда имело благие последствия: неоднократно собиравшиеся над Россиею грозные ополчения монголов рассеивались благодаря благодетельному влиянию доброго архипастыря на семейные дела ханов. Св. Алексей основал в Москве многие церкви и, между прочим, известные в нашей истории монастыри – Андрониев и Чудов; в последнем из них он был и погребен. Митрополит Алексей скончался в глубокой старости (85 лет от роду) в 1378 г., 12 февр., быв на святительстве 24 года. От него дошло до нас несколько грамот, поучений и ерлыков, данных ему ханами.

<...> 14. Максим Грек. Уроженец г. Арты в нынешней турецкой провинции Албании, Максим получил прекрасное по своему времени ученое образование: он обучался сперва в Париже у известного ученого грека Иоанна Ласкариса, потом во Флоренции; затем для довершения своего образования путешествовал по южной Европе. Возвратившись в отечество, Максим постригся в монахи в Ватопедском Афонском монастыре. В это время великий князь Василий Иванович обратился с просьбою к греческому Патриарху прислать в Москву ученого грека, который бы хорошо знал греческую богословскую литературу и был бы тверд в православии. Выбор Патриарха после долгого искания пал на ученого Максима, охотно согласившегося принять на себя это поручение. Он прибыл в Россию в 1506 г. Главною причиною вызова Максима было желание великого князя привести в порядок и составить опись греческим рукописям, поступившим в царскую книгохранительницу от великой княгини Софии Палеолог, урожденной принцессы греческой, матери великого князя. Максим изумился множеству и древности греческих рукописей, стал описывать их и объявил царю, что многие из них вовсе

не переведены еще на славянский язык. Но так как Максим не знал славянского языка, то в помощь ему даны были два переводчика, знавшие латинский язык. Совершив возложенный на него труд, Максим просил у царя разрешения возвратиться на Святую гору; но его упростили остаться в России для перевода и исправления Священных книг. Максим остался и деятельно занялся переводом с греческого языка на славянский бесед Иоанна Златоуста. Ближайшее знакомство с языком славянским и сличение старейших наших переводов с подлинным текстом убедили Максима, что многие из наших Священных книг не везде согласны с греческим текстом. Он имел неосторожность огласить это мнение в народе, чем и вооружил против себя духовенство, многих вельмож и даже простолудинов: его самого провозгласили еретиком и развратителем Священного писания. Когда же Максим воспротивился желанию великого князя признать законным развод его с первою супругою Соломониюю за ее неплодие, то и Василий Иванович потерял к нему доверие и предал Максима Соборному суду за искажение будто бы Священного писания и за еретические мнения. Собор отлучил Максима от церкви и решил послать его в тяжкое заточение сперва в Волоколамский монастырь, а после в тверской Отроч монастырь. Защитники и сотрудники Максимовы также были заключены по разным монастырям. Около 33 лет томился несчастный инок в жестоком заключении, и только по кончине великого князя Василия царь Иван Грозный дозволил ему жить в Троицком Сергиевом монастыре, где несколько облегчилась его участь. Максим скончался в 1556 г. в глубокой старости. Невзирая на тягость своих страданий, почтенный труженик не оставлял и в заключении своих ученых занятий: он по-прежнему продолжал усердно переводить греческие книги на славянский язык, писал обширные послания к разным лицам и свои, несколько туманные, рассуждения о предметах богословских, филологических, естественных и проч. Всех его сочинений насчитывают гораздо более 100; значительная часть их не издана и остается до сих пор в рукописях. Когда Максим содержался в Волоколамском монастыре, то, не имея при себе никакого писчего материала, углем на стене написал канон Святому духу, печатаемый иногда при киевском издании канонов.

<...> **20. Патриарх Никон.** Замечательнейшим лицом в истории русской церкви был Никон, шестой Патриарх Московский. Он родился в 1605 г. близ Нижнего Новгорода от бедных и незнатных родителей и назван при крещении Никитою. Чувствуя охоту к учению, он поступил в Желтоводский монастырь к одному монаху для своего образования. Выучившись у него всему, что только тот мог ему передать, Никита сделался причетником при одной сельской церкви, прихожане которой избрали его своим священником на открывшуюся у них вскоре вакансию. Тем же саном перешел он потом в Москву. Через 10 лет супружеской жизни Никита развелся с своею женою, уговорив ее поступить в монастырь, а сам отправился на Белое море в Анзерский скит, где принял монашество и назван Никоном, отсюда перебрался он в белозерскую Кожеозерскую пустынь. По кончине настоятеля этой обители братия избрала Никона своим игуменом в 1643 г. Будучи однажды по делам монастырским в Москве, Никон имел случай беседовать с царем Алексеем Михайловичем, которому он так понравился за свой ум и природный дар слова, что царь оставил его в Москве архимандритом Новоспасского монастыря. Здесь Никон окончательно сблизился с царем, снискал его благосклонность и доверие, так что Алексей Михайлович дозволил ему каждую пятницу присутствовать у заутрени во дворце и по окончании ее беседовать с ним. Эти свидания с царем Никон употреблял для ходатайства о бедных, угнетаемых неправильным судом и боярами; он хлопотал тогда не за себя, а за других. Царю весьма понравились такие благодушные действия новоспасского архимандрита, вследствие чего Алексей Михайлович дозволил ему быть посредником между ним и народом, разрешив ему принимать все челобитные на царское имя и докладывать по ним лично о народных нуждах. Такое положение Никона было весьма для него выгодно: он, благодаря своему природному уму и такту, приобрел чрез то доверенность государя и любовь народа. В 1648 г. место новгородского митрополита сделалось праздным; царь избрал на эту кафедру Никона, поручив ему по особой доверенности иметь в Новгороде надзор и за гражданскими делами и судопроизводством, разрешил ему смягчать наказания виновным и даже прощать их по своему благоусмотрению. Вследствие такой обширной инструкции Никон

делал в Новгороде много доброго: ежедневно кормил он множество бедных, снабжал их по праздничным дням деньгами из особо назначенных на то сумм; учредил в Новгороде четыре богадельни для убогих и престарелых; блюл за правосудием, часто посещал тюрьмы и расспрашивал заключенных об их вине. Никон ввел при богослужении благочиние, какого дотоле не бывало, устроил хоры певчих и постоянно сам поучал народ в храме во время богослужения. Когда же в 1650 г. в Новгороде вспыхнул бунт, то Никон с опасностью собственной жизни старался успокоить народ и спас от неизбежной смерти воеводу князя Хилкова. По усмирении мятежа царь поручил Никону исследовать это дело и определить меру наказания для виновных. Благодушный пастырь простил почти всех возмутителей, несмотря на то, что сам был избит ими до полусмерти. Такими великодушными поступками Никон снискал себе общее благорасположение и народа, и государя. В 1652 г. скончался Патриарх Иосиф, и Никон избран был по желанию царя его преемником. Достигнув высшего духовного сана, Никон смело приступил к задуманным реформам по духовному ведомству. Самым замечательным, хотя и несвоевременным действием его в этот период жизни следует считать непреклонное намерение его исправить и согласить с греческими подлинниками славянский перевод Священных и богослужебных книг. Конечно, потребность исправления наших богослужебных книг давно чувствовалась образованными людьми (припомним попытки Максима Грека, труды митрополита Макария и др.); но большинство народа не могло ясно сознавать этой необходимости, и потому вовсе этому не сочувствовало. Пагубные следствия такого важного, но малообдуманного предприятия всем известны: у нас образовался опасный раскол. Невежественные массы народа, подстрекаемые недовольными из духовного звания, вообразили, что Патриарх с сонмом своих соучастников осмелился исказить Священное Писание и богослужебные книги; следственно, посягнул на самую православную веру. Под знаменем старообрядства столпились все недовольные правительством и существовавшими тогда на Руси порядками. Весьма естественно, что последствия этой реформы отразились и на Патриархе Никоне: у него явилось много заклятых врагов при дворе, в народе и в массе духовенства, с которым он об-

ращался вообще сурово. Враги успели поселить неприязнь между государем и Патриархом. Алексей Михайлович, помня прежнюю дружбу к Никону, продолжал еще некоторое время оказывать ему свое доверие и любовь; но неуступчивый, гордый и строптивый Патриарх сам возбудил наконец явное неудовольствие государя. Назначен был Собор из русских и греческих иерархов для обсуждения поступков Никона, и в 1667 г. он был приговорен Собором святителей к лишению патриаршего сана и к ссылке в Ферапонтов монастырь в звании простого монаха. Через несколько лет после того он был переведен в Кириллов Белозерский монастырь, откуда уже по смерти царя Алексея Михайловича, в 1680 г., позволено ему переселиться в устроенный им самим Воскресенский монастырь; но он дорогою 1681 г. скончался недалеко от Ярославля и погребен того же года в Новом Иерусалиме. Кроме превратностей своей судьбы, Никон заслуживает признательной памяти потомства и как писатель. Из ученых трудов его, свидетельствующих о трудолюбии и любви его к науке, нельзя пройти молчанием: 1) обширного свода летописей, известного под названием Никоновой летописи; 2) сборника догматических и полемических статей, изданных им в Москве 1656 г. под заглавием Скрыжаль; 3) книга Рай мысленный, содержащий в себе между прочим историю основанного им Валдайского Иверского монастыря; 4) Возражений на вопросы, предложенные ему во время суда над ним. Кроме того, Никон писал много грамот и посланий по всем епархиям; переписывался долгое время с царем Алексеем Михайловичем и с разными лицами своего времени. Он же собирал древние рукописи, которые составляют лучшее украшение патриаршей библиотеки.

<...> **24. Феофан Прокопович.** К числу замечательных деятелей Петровой эпохи принадлежит Феофан Прокопович, архиепископ Новгородский. Петр Великий имел дар повсюду выбирать людей, способных для выполнения своих гениальных планов и предначертаний: Феофану выпал жребий быть преобразователем духовного ведомства, и он с честью выполнил свое назначение, служа верным выразителем государевых идей в этом важном государственном вопросе. Сообщаем краткие биографические сведения об этом замечательном человеке. Он родился в Киеве 1681 г. от бедных и незнат-

ных родителей, которых лишился еще в детском возрасте. При крещении он был назван Елеазаром. Родной дядя его, иеромонах и ректор киевской Академии, по имени Феофан Прокопович, взял сироту к себе на воспитание, выучил его грамоте и записал учеником Академии. По смерти дяди и по окончании академического курса Елеазар, 17-летний юноша, пожелал еще учиться и с этою целию отправился в Литву, назвался там Елисеем и поступил в число братства униятского монастыря. По рекомендации настоятеля этой обители Елеазар был принят в высшее униятское училище во Владимире Волынском, где сделан вскоре учителем, а потом, спустя несколько времени, отправлен в римскую Академию для усовершенствования в богословских науках как учнейший и способнейший член униятского духовенства. В Риме Елеазар прожил 3 года и потом бежал оттуда в Польшу под чужим именем. Здесь, в православном Почаевском монастыре, принял он снова монашество и назван Самуилом. По приглашению киевского митрополита Варлаама прибыл он 1704 г. в Киев, сделан учителем словесности при киевской Академии и принял здесь имя своего покойного дяди Феофана Прокоповича, под которым и известен в нашей истории. С этого времени Феофан приобрел себе общую известность в Киеве как отличный проповедник, основательный ученый и искусный стихотворец. Петр Великий, бывши в это время в Киеве, заметил и отличил его. Особенное же внимание государя заслужил Феофан, когда приветствовал его в Киево-Софийском соборе прекрасным похвальным словом после одержанной Петром Полтавской победы. В 1711 г. государь взял Феофана с собою в поход против турок, того же года приказал посвятить его в игумены Киево-братского монастыря и сделать ректором Духовной Академии. В 1716 г. Феофан был вызван в Петербург, где с успехом поучал народ, сочинял приветственные и другие речи царю и иным лицам на разные случаи. В 1718 г. Феофан посвящен в сан епископа Псковского, по указу царя. С этого собственно времени начинается тесное сближение государя с Феофаном: Петр избрал его своим орудием для начертания давно задуманных им преобразований по духовному ведомству. Прежде всего, государь решился упразднить в России патриаршеский сан и вместо него образовать постоянный Собор из высших духовных лиц. Петр I-й

поручил Феофану составить план необходимых изменений в духовном чиновничестве и начертать вместе с тем правила для духовного звания. Плодом этих кабинетных занятий Феофана с государем был известный Духовный Регламент, рассмотренный и одобренный Сенатом и самим духовенством. За свои услуги государству Феофан был пожалован архиепископом Новгородским и вице-президентом вновь учрежденного Синода. После обнародования регламента государь поручил Феофану дополнять и пояснять его добавочными статьями, и написать между прочим пространный устав о монастырях и об училищах; но последний по разным причинам не был вовсе приведен в исполнение при жизни Петра, а по смерти его, как известно, все благие предначертания преобразователя России по духовному ведомству были оставлены без исполнения. Лишившись своего державного покровителя, Феофан выразил непритворную горесть свою и всей России в прекрасной надгробной речи, произнесенной им пред гробницею императора. «Что видим, что делаем? о россияне! Петра Великого погрэбаем» и т. д. Феофан продолжал служить еще трем следующим царствованиям. Как ловкий и осторожный политик, хорошо понимавший придворные интриги своего времени, он умел счастливо избегать сетей, в которые попадали почти все сильные и влиятельные его современники. Во всех важных событиях первой половины прошлого века Феофан принимал самое деятельное участие: при его содействии Меньшикову удалось возвести на престол Екатерину I-ю, а потом Петра II-го. Даже при воцарении Анны Ивановны Феофан вместе с графом Ягужинским сумел оказать ей услугу: раньше других повестил ее об избрании на царство и о возможности изменить те условия, на которых предлагали ей престол: Феофан доставил ей план будущих ее действий, скрыв его в стенных часах, поднесенных Анне в день ее воцарения. Впрочем, особенных милостей за свою неуместную услугу от беспечной государыни Анны Ивановны Феофан никаких не получал. Он скончался в 1736 г. и погребен в новгородском Софийском соборе. Обширная его библиотека поступила в Новгородскую семинарию, а рукописи в библиотеку Академии наук. Феофан оставил весьма много сочинений на русском и латинском языках, из числа коих не все, к сожалению, изданы. Он был талантливый проповедник, отличный ученый,

богослов, хитрый политик, историк и даже поэт. Феофан покровительствовал, по мере возможности, литературе, заботился о распространении просвещения в России, особенно между духовными. Язык его сочинений не чист, витиеват, испещрен полонизмами; словорасположение его сочинений не свойственно русскому языку; латинские же во всех отношениях лучше русских.

II. Государственные люди

1. Ярослав I-й, сын св. Владимира и Рогнеды, родился в 978 году. В 1014 году скончался Владимир Равноапостольный, оставив 12 сыновей. Старший из них, Святополк, занял престол киевский и поднял руку на братьев своих: под ножами убийц, подосланных им, погибли князья Борис и Глеб, любимые дети Владимира, и Святослав. Такая же участь грозила и Ярославу, князю новгородскому; но, вовремя предостереженный сестрою Предславою, он принял меры против убийцы. При помощи варягов и новгородцев он разбил Святополка, который бежал к тестю своему, королю польскому Болеславу, и при помощи его снова утвердился в Киеве; но вскоре, оставленный Болеславом, призвал печенегов и встретился с братом своим Ярославом на берегу Альты, где недавно зарезан был князь Борис. Здесь произошла лютая сеча. Святополк, разбитый наголову, бежал, заслужив в народе прозвище Окаянного.

Ярослав вступил тогда спокойно в Киев; но это спокойствие было непродолжительно, потому что против него восстал другой брат – Мстислав, княживший в Тмутаракани (на юге России). Мстислав, богатырь телом и духом, привел с собою войско из прикавказских народов, ясов и касогов, и поразил Ярослава; но враги примирились и разделили Русь между собою: Мстислав взял земли на восток от Днепра с г. Черниговым, Ярослав же получил страну на запад и опять сел в Киеве. Однако вскоре (1035 г.) Мстислав умер на охоте, и Ярослав остался на Руси единодержавным. Он воевал также и с соседями: финнами, поляками, греками и печенегами. В земле Чуди основал г. Юрьев (Дерпт); у поляков отнял землю хорватскую (Галицию), с греками заключил мир, а печенеги были им разбиты и перестали тревожить Русь набегами. Ярослав скончался в 1054 г.

Летописцы говорят, что Ярослав был хромоног, но умен и на рати храбр. Он был ревностный христианин; часто, даже по ночам, читал книги, велел переводить их на славянский язык; любил попов и монахов, строил церкви и ставил при них священников, приказывая им учить людей. В Новгороде, которому за помощь в войне с Святополком дал многие льготы, у старост и священников велел брать детей и учить их книгам. Желая водворить порядок в государстве, он издал первый гражданский устав – Русскую правду. Он населял пустыни людьми: основал на Волге Ярославль, а в 1031 г. на р. Роси поселил польских пленников. Южную же границу Руси оградил острогами от набегов кочевых народов.

Он уже находился в сношениях с разными государями и был женат на дочери шведского короля Ингегерде, сестре св. Олава. Умирая, он разделил Русь на 5-ть уделов, отданных сыновьям.

<...> **3. Гедимин**, по одним известиям, сын литовского князя Витена, по другим же – его конюший, является в первой половине XIV столетия организатором Литвы, возведенной им на степень самобытного и самостоятельного государства под именем Великого Княжества Литовского. Язычник и варвар, он отличался необыкновенною дальновидностью, твердостью и мужеством, способствовавшими ему достигнуть цели. Распространение владений немецких рыцарей на северных пределах Литвы, перенесение столицы великого магистра в Мариенбург встретили сопротивление со стороны Гедимины; но, уступая силе противников, он старался завоеванием Киева и других русских областей вознаградить потери, понесенные на севере. Народ русский в завоеванных Гедимином землях легко подчинялся ему, зная его веротерпимость и видя в нем защитника поданных от разгромов татарских. Какой политики держался Гедимин, такой следовали и его преемники. Таким образом Литва, вызванная к политической жизни войною, во все время своего самобытного существования дышала войною и представляла ряд беспрестанных вторжений соседей в литовские земли и набеги литовцев в пределы врагов. Будучи истым язычником, Гедимин покровительствовал христианам и, уважая их знания и ремесла, вызывал немецких ремесленников в свое государство для распространения полезных сведений в своем народе. Он жил сначала в Троках, потом назначил

своею столицею возникавшую среди священного леса Вильну, которая к концу его княжения стала значительным городом. Гедимин строил и христианские церкви, позволял своим детям креститься, вступал в родство с христианскими князьями; но сам остался в язычестве. Только раз, желая примириться с рыцарями, он выразил желание креститься. Уже Папа, обрадованный этим намерением князя, прислал к Гедимину епископа и игумена; но вероломство рыцарей заставило его отказаться от намерения, и он не принял крещения. Гедимин умер в 1337 году. Предание рассказывает, что он был в походе на берегах Мемеля, где рыцари успели выстроить новую крепость Байернбург. Здесь Гедимин пал от действия огнестрельного орудия, в 1-й раз употребленного в Пруссии. Литовцы были убеждены, что сам Перкун, бог грома, поразил их князя. С криком бросились они назад, подобрав тело павшего героя, и сожгли его в священном огне при пении печальных песен.

<...> **5. Иоанн III**, принимавший участие в делах государственных еще в княжение отца своего Василия Темного, вступил на престол в 1562 году. Московское княжество уже стояло на прочном основании и потому могло действовать решительно против Новгорода, Твери и немногих уделов, пользовавшихся еще независимостью. Ослабевшая Орда ждала тоже последнего удара. Обстоятельства извне, между тем, благоприятствовали: Польша, вовлеченная в войну с соседями, не могла ему препятствовать. Иоанн, осторожный, избегавший решительных мер, стал обдуманно и расчетливо подвигаться к цели. Округление Московской державы начали с Новгорода, понимавшего свое критическое положение и искавшего защитника в литовском князе, к которому обратились Борецкие и их партия с просьбою о помощи. Казимир прислал в Новгород князя Михаила Олельковича; но Иоанн, извещенный обо всем, двинул рать к берегам Шелони, где в 1471 году произошла лютая сеча, кончившаяся поражением новгородцев. Иоанн, однако, согласился на мир, взяв богатый откуп с граждан. Волнения после того повторялись, и великий князь, воспользовавшись случаем, осадил город в 1478 г., принудил жителей к присяге ему как государю, уничтожил вече и ганзейскую торговлю и, выселив несколько тысяч новгородцев в московские земли, водворил тишину. Несколько лет спустя обнару-

жилось волнение в новгородской колонии, Вятке, и подавлено было в 1489 г. вождем Иоанновым Даниилом Щенею. Великий князь также искусно утвердился в княжествах рязанском, тверском, в Верее и уделах братьев. Кроме ссоры с братьями Иоанн испытал смуты в собственном семействе по следующему поводу. В 1472 году, спустя 5 лет по смерти первой жены, Иоанн вступил в брак с греческою царевною Софьей, прибывшей в Москву из Рима. Софья, выдавшая пышность при дворе Палеологов, последних византийских императоров, была недовольна тою простотою отношений, которая существовала при дворе Иоанна между им и его приближенными. Вследствие убеждений супруги Иоанн окружил себя величием и стал недоступнее. Тогда князья и бояре, приписывая эту перемену Софье, оклеветали сына ее Василия пред отцом и приняли сторону Дмитрия, внука Иоаннова. Великий князь, не подозревая интриги, заточил Василия и объявил Дмитрия наследником; но потом, узнав дело, освободил первого, а внука подверг опале и заключению, предав его приверженцев наказанию. Предание рассказывает, будто Софья способствовала свержению ига татарского, требуя от Иоанна, чтобы он перестал быть данником ханским. Великий князь решился на это дело, но когда хан Золотой орды Ахмат, недовольный Иоанном, явился с войском на берегах Угры, в надежде на содействие польского короля, то Иоанн, осторожный и нерешительный, хотел удалиться в северные области. Народ роптал, а архиепископ Ростовский Вассиан укорял князя в робости и говорил: «Дай мне, старику, войско в руки; увидишь, уклоню ли я лицо свое пред татарами». Великий князь возвратился в стан; но медлил и наконец велел отступать к Боровску. Татары между тем, опасаясь засады и наступавших морозов, бросились в степи, где в 1481 году Ахмат был убит одним из соперников. Союзник Иоанна хан крымский Менгли Гирей сокрушил остатки Золотой орды в 1502 г. Пользуясь ссорами ханов, великий князь посадил в Казани в 1487 году своего приверженца Магмет-Аминя. Таким образом росло влияние Москвы, утвердившейся пред тем в Перми, Печоре, земле Югорской и за Уралом до берегов Оби. Также счастлив был Иоанн и в войнах с Литвою, при Казимире и Александре, требовавших возвращения перешедших в московское подданство пограничных князей. Московские войска под началь-

ством Щени нанесли литовцам сильные поражения. Ливонский магистр Плеттенберг, отвлекавший силы Москвы нападением на псковские пределы, немного пособил делу, так что Александр, вступивший вскоре и на польский престол, согласился наконец в 1503 г. на перемирие, по которому Северская область досталась Москве. Иоанн был кроме того в сношениях с Швециею, Австриею, Венециею и Турциею. Счастливым в делах внешних, он упрочил порядок престолонаследия по нисходящей линии: сын его Василий, провозглашенный Великим князем и Государем всея Руси, получил 66 городов, остальные 4 сына наследовали только 30 городов.

Прекращение дани ордынской, завоевание богатых земель и внутренняя тишина способствовали увеличению доходов, которыми можно было поддерживать при дворе византийское великолепие и украшать столицу каменными зданиями. До того времени Москва была наполнена только деревянными избами и домами. Выписанный из Венеции зодчий Аристотель Фиоравенти кончил в 1479 г. Успенский собор, другие архитекторы построили соборы Архангельский и Благовещенский, дворец, грановитую палату, башни и каменные дома. Кремль принял другой вид. Кроме того, вызваны были другие мастера.

Для преобразования суда в 1497 г. дьяку Гусеву было поручено составить судебник. Влияние Запада отразилось во время княжения Иоанна III и в религии появлением секты жидовствующих, отвергавшей таинство св. Троицы, божество Иисуса Христа, почитание икон и монашество. Эта ересь обнаружилась сначала в Новгороде, откуда проникла в Москву. Архиепископ Новгородский Геннадий, при помощи игумена Волоколамского Иосифа, принял меры к прекращению ереси, и в 1504 г. главные еретики были сожжены, а другие посланы в заточение. Геннадий ж, для образования духовенства, подал мысль о необходимости учреждения училищ.

6. Сильвестр, новгородец, служил священником на родине, в Новгороде, откуда, по вызову московского митрополита Макария, в 1547 г. был переведен в столицу. Здесь оказал он важную услугу отечеству, склонив сердце юного Иоанна IV к добру и правде. Предание рассказывает, что во время сильного пожара и мятежа в Москве трепещущий Иоанн удалился с супругою на Воробьевы го-

ры. Сильвестр воспользовался этою благоприятною минутою и, явившись к нему с Евангелием, заклинал Иоанна быть царем правды. Юный царь раскаялся и со слезами просил иерея наставить его на путь добродетели. С этого времени Сильвестр сделался советником Иоанна, и началась эпоха славы Иоанновой. Вместе с окольным Адашевым Сильвестр около 6-ти лет находился близ царского трона; но в 1553 г. он навлек на себя подозрение государя в намерении возвести на престол двоюродного брата Иоаннова, Владимира Андреевича, потому что царь был при смерти, и отчаявались в его выздоровлении. Враги Сильвестра, поддерживая мнение царя, еще более вооружали его против прежнего любимца, который, заметив холодность Иоанна, удалился в 1560 г. в монастырь. Его судили заочно в соборе, обвиняя в чародействе и смерти Анастасии Романовны. Напрасно осужденный просил позволения явиться на суд; ему отказали, опасаясь, что он взором очарует Иоанна. Он был заточен в Соловецкую обитель, где и умер. После Сильвестра остались его сочинения: Домострой, Утешительное послание к князю Александру Борисовичу Горбатову-Шуйскому и др.

7. Царица Анастасия Романовна, первая супруга царя Иоанна Грозного, из дома, названного после Романовым. Иоанн IV, достигнув совершеннолетия, выразил желание вступить в брак. Сначала он хотел искать невесты в иностранных государствах; но потом, переменяв намерение, решился избрать супругу из среды подданных. Вследствие чего в 1547 году, после коронации государя, сановники объезжали государство и выбирали девиц. Из них Иоанн избрал Анастасию, дочь окольного, отличавшуюся красотой и добродетелями. Брак совершился в феврале того же года. Анастасия, сделавшись царицею, прожила 13-ть лет в супружестве и умела своею кротостию смягчать пылкий нрав царя. К несчастью, она вдруг занемогла летом 1560 года; испуг от пожара в кремле еще более усилил болезнь. Большую царицу перевезли в Коломенское, где она вскоре скончалась к общей грусти подданных, сопровождавших гроб ее в Вознесенский монастырь. Грозный со смертью Анастасии лишился не только супруги, но и добродетели. Сын ее Федор по смерти отца вступил на престол.

8. Адашев (Алексей Федорович), одна из самых светлых личностей царствования Грозного. Царь приблизил его к себе и удостоил доверия в 1547 году, после волнения, произведенного в Москве между чернью князем Скопиным-Шуйским с целию овладеть государем и всеми делами. В тот самый день, когда волнение уже успокоилось, царь вышел к народу, подозвал к себе спальника Адашева и велел ему принимать челобитные и объявлять царю истину, бояся суда Божия. Удостоенный высокой чести и приближенный к особе государя, Адашев с благонамеренными советниками, Сильвестром и митрополитом Макарием, удалил от двора льстецов и шутов. Вскоре он сделался душою государственного правления и стал заведывать внешними государственными сношениями. Во всех замечательных событиях до 1553 года он принимал самое деятельное участие. Но после тяжкой болезни Иоанн, вооруженный против Адашева родственниками царицы, стал видимо охладевать к нему, подозревая, что и он думал о возведении на престол князя старицкого Владимира Андреевича. Впрочем, наружные отношения между ними еще не скоро изменились: царь пожаловал в 1555 г. Адашева в окольные чины; но в 1560 г. Иоанн совершенно охладил к прежнему любимцу, и Адашев поспешил удалиться в Ливонию, где принял начальство над отрядом. Между тем скончалась Анастасия, и враги Адашева стали приписывать ему, как чародею, смерть царицы. Обвиняемый требовал суда и очной ставки с доносчиками; но его осудили заочно и велели жить в Фелине, им завоеванном пред тем. Оттуда его отправили в Дерпт, где он умер в 1561 г., заболев горячкою. Карамзин говорит о нем: «сей временщик, краса века и человечества, явился вместе с добродетелью Иоанна и погиб с нею». По смерти его и Сильвестра царь ожесточился и стал кровожаден.

Современник Курбский представляет Адашева земным ангелом, питавшим нищих и державшим в дому своем прокаженных, которых он обмывал собственными руками.

<...> **10. Михаил Федорович**, первый царь из дома Романовых, сын боярина Федора Никитича Романова-Юрьева-Захарьина, родился 12 июля 1596 года. В детстве он испытал много горестей, когда его семейство при Годунове подверглось гонениям. На 6-м году, разлученный с родителями, он был отправлен в Белоозеро. За-

тем, возвращенный матери, он 11 лет разделял с нею страдания. В 1610 году, во время осады Москвы, поляки держали его пленником в Кремле. В 1612 году, по освобождении Москвы Мининым и Пожарским, получив свободу, он уехал в отчину свою, село Домнино; а мать его Марфа Ивановна удалилась в Ипатьевский монастырь. В то же время в Москве собрался земский совет для избрания царя, кого Бог даст, и после прений, продолжавшихся 3 недели, выбор пал на юного Михаила Романова, к которому 21 февраля 1613 года положено было отправить посольство и просить принять державу. Между тем шайка поляков, проникшая в Костромскую область, едва не погубила Михаила, который спасся от рук убийц благодаря доблестному самоотвержению крестьянина села Домнина Ивана Сусанина. Посольство, прибывшее в Кострому, застало избранного в Ипатьевской обители; но Михаил отклонял от себя выбор. Наконец, убежденный словами архиепископа Феодорита и слезами народа, он сказал: «когда есть на то воля Божия, то будет тако». 10 марта царь въехал в Москву, молился у Троицы и был встречен духовенством, боярами и народом. 11 июля в Успенском соборе происходил обряд венчания его на царство. Во время празднества, последовавшего за коронацией, избавители отечества удостоены были царских милостей: князь Пожарский возведен был в сан боярский, а Минин сделан думным дворянином. Иностранные державы были извещены о вступлении нового царя на престол московский. Между тем опустошенная, разоренная Россия представляла печальное зрелище: повсюду бродили еще толпы иностранных и русских грабителей, города были в развалинах, а казна оскудела. На северных пределах держались еще шведы, на западе поляки, в Астрахани засел атаман Заруцкий с Мариною. Заруцкий, вытесненный из Астрахани князем Одоевским, был загнан на вал, захвачен и казнен; а Марина, попавшая в плен, умерла вскоре в темнице. Князь Лыков и Пожарский в то же время действовали против разных многочисленных шаек, которые были скоро рассеяны. Самый отважный из предводителей, Лисовский, долго тревоживший и грабивший разные области, был разбит под Орлом князем Пожарским и ушел в Комарицкую область, где скоро умер. Трубецкой пошел в Новгородскую область против шведов; но был разбит ими при с. Бронницах. Король швед-

ский осадил затем Псков; но после семинедельной осады должен был отступить без успеха. Тогда в д. Столбове открылись переговоры со шведами о мире, который и был заключен в 1617 году. Россия отказалась от Иван-города, Ямы, Копорья, Орешка и Кексгольма, а шведы обязались очистить от своих войск Новгородскую область. В то же время России угрожала новая опасность со стороны Польши, где на сейме положено было отправить войско к Москве, предводимое самим королем Владиславом. Приступ его, однако, был неуспешен, и он согласился на перемирие, заключенное в 1619 году в с. Деулине. Россия согласилась на значительные жертвования, уступив Владиславу Смоленскую, Черниговскую и Северскую области. Король отказался от притязаний на московский престол и согласился на размен пленных, в числе которых были Филарет, Голицын и Шеин.

Наконец, устроив дела с соседями, Михаил приступил к водворению порядка в государстве и нашел в отце своем Филарете, возведенном в сан Патриарший, мудрого советника и помощника. В России произведена была народная перепись и составлены писцовые книги, чем определилось количество доходов и расходов. Обращено было внимание на ослабление местничества, на улучшение рати, для чего были вызваны иноземные офицеры и солдаты, выписаны запасы пороха и оружия. Все эти приготовления делались по случаю Деулинского перемирия. Утрата Смоленска была чувствительна для России, и потому с истечением перемирия Государь хотел возвратить его русской державе. Многочисленное войско, под главным начальством Шеина, двинулось в 1634 г. к Смоленску; но Владислав действовал так удачно, что Шеин принужден был положить оружие. В 1634 г. король направился было к Москве, но, разбитый под Белым, отступил и согласился на открытие переговоров. Мир, заключенный на реке Поляновке, подтвердил статьи Деулинского перемирия. Шеин за измену был казнен, иноземцы отпущены. Для ограждения русской Украйны от набегов крымцев была укреплена Белгородская черта. Между тем Россия, терпя потери на западе, вознаграждала их приобретениями на востоке, в Сибири, где отважные казаки и промышленники покорили все земли от Оби до Камчатки.

Михаил поддерживал связи с иностранными державами и позволил англичанам беспощинно выменивать лен во Пскове.

Государь скончался 12 июля 1645 г., 49 лет от рождения, и был погребен в Архангельском соборе. «И мног бысть плач христианом Московского Государства», – замечает летописец.

<...> **15. Петр I-й**, великий преобразователь России, сын царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны, родился 30 мая 1672 года. По смерти отца он остался 4-х лет от роду, а по смерти старшего брата Федора 10-летним отроком, подававшим большие надежды, почему он и был объявлен царем в 1682 году, помимо другого старшего брата Иоанна, слабого духом и телом. Назначение нового царя было решено в этот раз не земским собором выборных, а жителями Москвы, собравшимися перед дворцом. Патриарх вышел к ним и спросил: «кому быть царем – Иоанну или Петру?» Они указали на Петра. Между тем в честолюбивой душе Софьи, сестры царевичей, женщины решительной, созрел замысел овладеть правлением. Клеветы ее распустили слух между стрельцами, что Нарышкины извели Иоанна. Тогда толпа при звуке набата бросилась в кремль с крамольным криком «выведем изменников». Увещания не подействовали, и несколько жертв пало. Успокоившись, стрельцы потребовали, чтобы оба брата царствовали вместе, и, подстрекаемые происками Софьи, хотели, чтобы она, за молодостью царей, была правительницею государства. Желание их было исполнено, и Софья достигла цели: Иоанн был ей не опасен, а Петр еще очень молод. На него пока не обращали внимания, и он с матерью жил как бы в опале. Также предоставлен он был себе и прежде, при Федоре, когда о воспитании его мало заботились, приставив к нему учителем дьяка Зотова, человека ума ограниченного. Между тем пылкая натура Петра искала деятельности, а любознательный ум жаждал знаний. Дворец матери, где он был один, казался ему унылым, и он искал себе на стороне товарищей-сверстников, из которых вскоре образовал потешную роту. Эта рота впоследствии дала начало 2-м первым гвардейским полкам – Преображенскому и Семеновскому. Но кроме потехи, в которой уже ясно обнаружилось стремление к реформе, Петра мучила жажда знания, заставившая его сблизиться с иностранцами, жившими в Москве. Женевец Лефорт рассказывал моло-

дому царю о европейской жизни, а Тиммерман проходил с ним математические науки. Затем царь пристрастился к мореплаванию, нашедши старый английский бот в селе Измайлове. Узнав от Тиммермана, что такой бот может ходить и против ветра, Петр обрадовался, велел исправить это судно и спустить на р. Язу. Из Язы он отправился на Переяславское озеро и велел построить там несколько судов. Даже женитьба Петра на Евдокии Лопухиной в 1689 г. не отвлекла его от любимого занятия. Между тем, ему и матери его угрожала опасность со стороны Софьи, искавшей средств избавиться от соперников. Приверженец ее Шакловитый возбуждал стрельцов против царицы; но нашел мало сообщников. Петр, извещенный в селе Преображенском о преступном умысле, удалился в Троицкий монастырь, куда собрались его друзья и приверженцы. Тогда Софья, видя неудачу, хотела примириться с братом: но не успела и должна была отправиться в монастырь, а сообщники ее были казнены. Таким образом Петр вступил на престол в сентябре 1689 года, 17-ти лет от роду; брат же его Иоанн, продолжая называться царем, не принимал участия в правлении и вскоре скончался. Молодой царь продолжал между тем заниматься плаванием по Переяславскому озеру, которое скоро стало для него тесно, и он в 1693 и 94 году ездил в Архангельск любоваться иностранными кораблями. Из Архангельска он предпринимал поездки по Белому морю.

В 1695 году он был уже на юге, под Азовом, желая отнять эту крепость у турок; но первая попытка была неудачна. Тогда в следующем году с войском и новыми судами, построенными на Воронежской верфи, он подступил опять к Азову и, на этот раз взяв крепость, исправил ее укрепления. Затем для увеличения флота он обязал помещиков строить корабли кумпанствами, полагая по кораблю на 10000 крестьян, для чего землевладельцы должны были являться в Москву для условий, кому с кем быть в кумпанстве. Для изучения кораблестроения 50 человек было отправлено за границу. В то же время предположено было соединить Волгу с Доном посредством канала.

Но Петр сам хотел видеть Европу и ознакомиться с ее науками, чтобы распространить их в России. Поэтому в конце 1696 года снаряжено было великое посольство в разные государства, в котором Петр

принял участие под именем Петра Михайлова. Через Курляндию и Бранденбург Государь прибыл в Голландию, где работал в числе корабельных плотников в Сардаме и на Ост-индской верфи в Амстердаме. Из Голландии Петр переехал в Англию для изучения корабельной архитектуры. Здесь он принял в русскую службу ученых и мастеров и, отправившись в Вену, хотел продолжать путь в Венецию; но в Вене узнал о бунте стрельцов, взволнованных опять Софьею. Это обстоятельство заставило его поспешить в столицу. Прибыв в Москву, Петр собрал вельмож, велел им обрить бороды и, расставшись с русскою одеждою, надеть европейскую. Затем начался страшный стрелецкий розыск. Оказалось, что в деле принимали участие Софья, сестра ее Марфа и жена царя Евдокия. Все виновницы были пострижены; а стрельцы, уже захваченные до приезда государя, были казнены смертию; оставшиеся же в живых разосланы по дальним городам. Таким образом было уничтожено стрелецкое войско.

Дела с Турциею еще не были покончены, как государю предстояла новая война со шведами. Петр уже давно думал о приобретении пункта на берегах Балтийского моря для сближения с Европою; но Швеция не соглашалась на такую уступку. Между тем ливонский дворянин Паткуль, составлявший планы к освобождению своего отечества от шведского владычества, осужденный в Стокгольме и бежавший оттуда, придумал средство унижить и ослабить Швецию. Средство это заключалось в союзе трех держав: Дании, Польши и России, для начатия войны со Швециею с целию отторжения у нее земель, лежавших вне Скандинавского полуострова. Датский и польский короли приступили к союзу, Петр, заключив перемирие с турецким султаном, согласился тоже и в 1700 году стянул 34-тысячное войско к Нарве, вверив его начальству иностранца герцога де Кроа. Король шведский Карл XII уже действовал быстро и успешно против своих врагов. Внезапно явившись под Копенгагеном, он навел такой страх на датского короля, что тот заключил мир с Карлом XII. Затем русское войско, обученное по европейскому образцу, встретилось с шведами под Нарвою и потерпело совершенное поражение. Карл, не считая уже тогда Петра опасным противником, вошел в пределы Польши и неутомимо воевал там несколько лет, преследуя польского короля. Этим временем воспользовался

Петр. Шереметев разбил шведов при Эррестфере и Гумельсгофе в Ливонии, 1702 года. Другое войско покоряло берега Невы, взяло крепость Нотебург, переименованный в Шлиссельбург, и овладело Ниеншанцом. В 1703 году на острове Луст Эйланде заложена была крепость Петербург. Третье войско было отправлено в Литву на помощь Польше; но, поставленное врагами в невыгодное положение, принуждено было отступить. Между тем Карл, утомленный преследованием ускользавшего от его рук противника, убедился, что дело может быть покончено только вторжением в Саксонию, собственное владение короля. Это движение увенчалось успехом: польский король согласился на мир, заключенный в Альтранштадте, по которому он уступал польскую корону приверженцу Карла XII, Станиславу Лещинскому. Шведы стали приближаться теперь к русской границе: в конце 1706 и начале 1708 года король шведский был уже в Литве; русские отступали пред ним, опустошая страну. Карл XII занял Могилев и, не дождавшись шедшего к нему на помощь генерала Левенгаупта, направился чрез леса и болота к Мстиславию; но, потерпев поражение у села Доброго, повернул в Украйну, куда звал его гетман Мазепа, замысливший измену царю. Между тем и Левенгаупт был разбит русскими при д. Лесной, что еще больше ободрило царя. Противник его, достигнув Полтавы, расположился лагерем к северу от нее; но Мазепа не оправдал ожидания короля, явившись в шведский стан с немногими приверженцами, потому что казаки остались верны государю. Суровая зима 1708 года сильно ослабила шведскую армию, так что к весне 1709 года у короля оставалось около 30000 войска. Наконец, в конце июня дело дошло до кровопролитного сражения, в котором шведы были разбиты наголову; король ускакал в Бендеры, а отступавший отряд положил оружие. Следствием Полтавской победы было изгнание Станислава Лещинского из Польши и появление Августа на польском престоле. Рига, Пернау, Ревель, Выборг и Кексгольм сдались русским. Карл XII все еще жил в Бендерах и, наконец, успел в 1711 году вооружить султана против России. Петр, с своей стороны, надеясь на содействие господарей дунайских княжеств и единоверных славян, сам повел войско к берегам Дуная; но русская 24-тысячная армия, истомленная от зноя и переходов по степям, вдруг была окружена на берегах Прута силь-

ным турецким войском. Положение Петра было самое критическое, но визирь согласился на мир, требуя возвращения Азова и южных крепостей Турции. После этого война со шведами тянулась еще 10 лет. Швеция терпела неудачи, но не соглашалась на мир. Карл XII, возвратившийся из Турции, уже показывал расположение к миру и поручил начать переговоры, как вдруг был убит. Новое правительство продолжало военные действия, и только перенесение театра войны на берега Швеции и опустошение окрестностей столицы русским десантом побудило Швецию к миру. Он был заключен в Ништадте в 1721 году и укрепил за Россию ее завоевания; Лифляндию, Эстляндию, Ингрию и часть Карелии и Финляндии. Юный Петербург праздновал этот мир как великое событие, и во время торжества Сенат поднес Петру титул: «Великого, Отца Отечества и Императора». Следующие годы Россия вела войну с Персией за обиды, причиненные русским купцам в Шемахе; но цель Петра была та же, как и в войне со Швецией, т.е. утверждение на берегах Каспийского моря для развития внешней торговли. Победы, одержанные русскими в 1722 и 23 годах на берегах Каспийского моря, принудили Персию уступить России города Дербент и Баку с областями Гилян, Мазандеран и Астрабат. Петр Великий продолжал работать неутомимо для блага России, как вдруг в начале 1725 года занемог и чрез несколько дней скончался.

В 1723 году Петр издал указ, по которому государь мог произвольно назначать себе наследника; но, умирая, он не успел определить, кто должен был ему наследовать. Издание этого указа вытекло вследствие тех несчастных отношений, которые существовали между Петром и его сыном Алексеем. Петр I-й имел двух дочерей от второго брака: Анну и Елизавету, и сына Алексея от первого. Царевич, росший до 9-ти лет при матери, не сочувствовавшей супругу, не питал к отцу расположения. Петр любил все новое, шел вперед, шел быстро и энергически. Мрачный Алексей был привязан к старине и смотрел враждебно на реформу. Царь требовал от сына, чтоб он переменил свой образ мыслей, в противном случае грозил лишением наследства. Царевич объявил тогда намерение постричься и вскоре бежал в Австрию, где скрывался в замке близ Неаполя. В 1718 году он был привезен в Петербург. Между тем начался розыск, открыв-

ший, что подсудимый питал ненависть к отцу, разделяемую несколькими лицами. Соучастники царевича были наказаны. Над Алексеем была наряжена комиссия, приговорившая его к смерти; но приговор не был исполнен, потому что царевич пред тем скончался в темнице.

Перейдем теперь к краткому обозрению внутренней деятельности Петра Великого. Желая быстро вдвинуть Россию в число европейских держав, Государь приступил к капитальным реформам. Петр не любил полумеры. По смерти Патриарха Адриана в 1700 году государь назначил митрополита Стефана Яворского блюстителем патриаршего престола, а в 1724 году управление делами церкви поручил святейшему Синоду, учрежденному вместо патриаршей власти. В Духовном Регламенте, составленном архиепископом Феофаном по поручению императора, были изложены обязанности членов Синода. В 1724 году указом на имя Синода монахам вменялось в обязанность попечение о больных, увечных и сиротах. Борьба с расколом продолжалась: св. Димитрий Ростовский и Яворский писали против раскольников. Видя неудовлетворительность Уложения отца, Петр хотел издать новый Судебник, приняв в основание шведское уложение; но эта мысль не была осуществлена. Правеж был уничтожен; пытка запрещена в делах маловажных. Надзор над исполнением законов вверен был Сенату, учрежденному в 1711 году. Место прежних Приказов заступили Коллегии. Для розыска политических преступлений основана Тайная канцелярия. Купечество получило право собственного суда и выбора бурмистров для освобождения от власти воевод, *чинивших великие обиды и налоги*. В важнейших городах заведены магазины, подчиненные Сенату. Государство было разделено на 12 губерний, губернии на 43 провинции. Первыми управляли губернаторы, последними воеводы. Войско, преобразованное государем, состояло из 170000 человек. Флот, созданный Петром Великим, имел 43 корабля и 800 галер. Финансы были приведены в лучшее устройство: вместо подати с дворов введена подать подушная и произведена ревизия. В 1725 году государственные доходы превышали 10 м.<иллионов> рублей. На полицейское управление обращено внимание; приняты меры в предосторожность от пожаров. Для охранения народного здоровья учреждены аптеки.

Промышленность и торговля были подняты Государем, который, желая, *дабы Божие благословение втуне под землю не оставалось*, предоставил всем право в своих и чужих землях отыскивать и обрабатывать металлы и минералы. Утаивавший или препятствовавший другим искать руду подвергался телесному наказанию. Для развития и улучшения хлебопашества государь хотел вызвать иностранных колонистов; улучшал породу овец, лошадей и рогатого скота (в Холмогорах), усилил на юге виноделие и шелководство, развел табак, вводил косы вместо серпов. По смерти Петра в России считалось более 200 заводов и фабрик. Приобретение берегов Финского залива было важно для внешней торговли; но для ее оживления необходимо было устройство удобных внутренних путей сообщения. Для этой цели проведены были сухопутные дороги и каналы Вышневолоцкий и Ладожский. В Камер-коллегию доставлялись ведомости об урожае хлеба, о ценах; печатались прејскуранты товаров *в знатнейших* городах Европы. Петром Великим положено было начало для распространения просвещения: учреждены элементарные, латинские, немецкие и математические школы, морская академия, инженерная школа; а в 1724 году издан указ об учреждении академии для приготовления учителей. Доктору Блументросту поручено было обучить 30 человек медицине; несколько учеников было отправлено в Персию для изучения восточных языков. Из монастырей велено собрать летописи и грамоты. Поручено переводить учебники и книги. Началось издание первых Ведомостей; введена в употребление гражданская азбука. Государь среди своих работ должен был бороться с невежеством, которое обнаруживалось даже в среде высшего сословия; с другой стороны видно сочувствие его намерениям в низшем слое: доказательством тому служит крестьянин Посошков, написавший книгу: «О скудости и богатстве».

<...> **20. Князь Александр Андреевич Безбородко**, сын генерального судьи, родился в Малороссии в 1746 году. В детстве он отличался необыкновенными способностями и огромною памятью, которую изошрял, по приказанию отца, продолжительным чтением Библии. Поступив потом в Киевскую духовную семинарию, он изучил основательно древние и новые языки. В 1765 году, принятый на службу к Румянцеву, бывшему тогда генерал-губернатором Мало-

россии, он управлял его канцеляриею. Он пользовался доверенностью своего начальника и вскоре назначен был членом Малороссийского генерального суда. Затем, оставив гражданскую службу, Безбородко участвовал в Турецкой войне, служа под знаменами Румянцева. Он находился во всех важных делах: при Ларге, Кагуле, Силистрии; управлял походною канцеляриею графа и с успехом исполнял разные тайные поручения. После того, прибыв с Задунайским в Москву, поступил в 1775 г. в секретари к государыне, для принятия прошений, подаваемых на Высочайшее имя. Про способность Безбородко легко и свободно излагать важные мысли во всей полноте рассказывают следующий анекдот. Императрица поручила раз Безбородко написать одну важную бумагу; но он как-то забыл о ней. Когда же он вскоре явился опять к государыне по делам, то она спросила: «изготовлена ли бумага?» Тогда Безбородко, не изменившись в лице, вынул из портфеля чистый лист и стал читать то, чего не успел еще изложить письменно. Екатерина, одобрив прочитанное, потребовала бумагу для подписи и тут только с изумлением заметила хитрость своего секретаря. Государыня улыбнулась этой проделке и с той поры верила Безбородко заведывание собственными делами. В 1780 году он причислен к министерству полномочным для всех переговоров и удостоился титула графа и чина действительного тайного советника. Инструкции посланникам, донесения и манифесты, написанные его пером, считались образцовыми. В последние годы царствования Екатерины он был устранен от участия в делах, которые переданы были князю Платону Zubову. Император Павел I обратил на него внимание, возвел его в достоинство государственного канцлера и светлейшего князя Российской Империи. Безбородко скончался в 1799 году в Петербурге, оставив брату своему, графу Илье Андреевичу, в наследство 40000 крестьян, бриллианты, золотые и серебряные вещи, дорогие картины и гобелины. Управляя министерством иностранных дел, он был в то же время директором почт. Он отличался особенным искусством в ведении дипломатических сношений. В 1791 <году> в Яссах, на переговорах с турецкими уполномоченными, он умел и успел заставить подписать обязательство в уплате русскому двору 12 мил. руб. Затем, разорвав эту бумагу, он заметил: «Императрица не имеет нужды в

турецких деньгах: ей только драгоценны права ее и честь подданных». Безбородко, пользовавшийся благосклонным вниманием и Екатерины II, и Павла, занимал видное место в государстве, несмотря на толпу завистников; одаренный проницательным умом, он совершал легко важнейшие дела. На вид он был неуклюж, неповоротлив. Граф Сегюр отзываясь о нем: «Безбородко в толстом теле скрывает тончайший ум». Под старость он был обвиняем в беспечности и хладнокровии к просителям, которые видимо ему становились в тягость. Он, как рассказывают, отделялся от них обычной фразой своей: «будьте благонадежны».

<...> **25. Граф Сперанский Михаил Михайлович** умом и дарованием возвысился до первых степеней в государстве. Он родился в 1772 г. во Владимирском уезде, в селе Черкутине, где отец его Михаил Васильев был священником. Уже во владимирской семинарии он подавал большие надежды своими успехами в науках, куда был отдан дядею и прозван «Сперанским». Жажда знания привлекла его в Петербург, в главную семинарию, где он на 21-м году блистательно кончил курс и был определен учителем того же заведения. Вскоре он обратил на себя внимание князя Куракина, пригласившего его к себе в домашние секретари. Скромный молодой человек, выросший в бедности, чувствовал неловкость в обществе князя, и потому избегал приглашений его к своему столу, предпочитая обедать с камердинерами князя. И к этим лицам он сохранил дружеское расположение до конца жизни, занявши уже важные должности в государстве, что не стесняло его открыто выражать приязнь к своим старым знакомым. В 1797 г., с назначением Куракина генерал-прокурором, Сперанский вступил в гражданскую службу, заняв место экспедитора в канцелярии князя. Обратив на себя внимание своими способностями и ясным изложением трудных дел, и произведением в 1799 году в статские советники, он оставался и при преемниках Куракина, и был замечен уже наследником престола, Александром. В 1801 г. император назначил его статс-секретарем при начальнике уделов; в 1802 г. ему поручено было составить проект устройства министерства внутренних дел; в 1803 г. он занимался планом общего образования судебных и правительственных мест в империи. Таким образом, на него возлагались трудные и важные

работы, в ясно-отчетливом исполнении которых он обнаруживал свой гений и пролагал дорогу к высшим почестям. В 1806 г. министр Кочубей, по болезни, присылал к государю Сперанского вместо себя с докладами, и тут Александр короче узнал его. Сперанский назначен был директором Комиссии составления законов и занимался по многим другим отраслям государственного управления. Через руки его проходили тогда все государственные дела, и он был приглашаем императором на беседы, продолжавшиеся по целым вечерам и касавшиеся разных теорий государственного устройства и управления. В 1809 г. он работал над планом преобразования Государственного совета; в 1808 г. сопровождал государя в Эрфурт и присутствовал в числе немногих лиц, бывших при свидании Александра с Наполеоном. Сперанский возвратился в Петербург, очарованный императором французов и всем французским. Его сильно занимала политическая система Франции и, желая блага народу, любимый государем, он стал мечтать о реформах в русском законодательстве. После того, что он видел при блестящем французском дворе, ему казалось, что все у нас дурно, что все надо переделать. Он стал со всем усердием работать в тиши своего кабинета; но его цели расходились с интересами многих лиц, которые враждебными глазами смотрели на государственного секретаря и директора Комиссии, быстро достигшего из ничтожества чина действительного тайного советника. Между тем он, служа делу, а не лицам, не заискивал дружбы знатных и вскоре заметил к себе сильное недоброжелательство, и даже в начале 1811 года писал к государю: «толпа вельмож, со всею их свитою, с женами их и детьми, меня, заключенного в моем кабинете, одного, без всяких связей, не принадлежащего к их сословию, целыми родами преследует как опасного уновителя (реформатора)». И действительно, гроза все больше и больше собиралась над ним. Александр не изменял еще чувств к своему любимцу; но враги его уже пустили в ход клевету и извет. Разрыв с Наполеоном был близок, и стали намекать об измене Сперанского, о том, будто он продает государственные тайны. Весною 1812 года этот слух стал общею молвою. Народ между тем был не доволен новыми налогами. Речи переданы были государю, который в пылу негодования дал веру клевете. В первую минуту гнева он хотел расстрелять мнимого

изменника; но, удержанный письмом Паррота, призвал Сперанского, который, придя домой, застал у подъезда кибитку, ожидавшую его для препровождения в ссылку. Это было 17 марта 1812 года. Несколько лет провел он в далекой опале, сначала в Новгороде, а потом в Перми; но государь, убедившись, наконец, в невинности государственного мужа, назначил его губернатором в Пензу, а потом генерал-губернатором Сибири. По его плану эта страна была разделена на две части: Восточную и Западную, получила новое управление, утвержденное по плану Сперанского. Для ознакомления с нуждами края, с его образом жизни, он предпринимал дальние путешествия. В 1821 г. он был вызван в Петербург, где ему были поручены важные должности; но прежнего значения он уже не мог достигнуть. С вступлением на престол императора Николая Сперанскому было вверено руководство Комиссиею законов, преобразованною (в 1826 г.) во 2-ое отделение собственной Его Величества Канцелярии. В этих трудах он должен был уже действовать по инструкциям, даваемым ему от других; так что ему принадлежит исполнение, а не дух дела. В четыре года Сперанским был совершен великий труд: «Полное собрание законов Российской Империи». Из этого архива материалов был извлечен и обнародован «Свод Законов». Государь, обрадованный быстрым окончанием дела, наградил Сперанского графским титулом и другими милостями. Но труды и несчастья расстроили здоровье Сперанского, и он скончался в начале 1839 года. Граф Сперанский принадлежит к числу самых благородных личностей, которые являлись на государственном поприще. Отличаясь благородством души, он был замечателен по той разносторонности ума, которая была способна к самой разнообразной деятельности. Он дорожил временем, не любил бездействия, и досуг, свободный от занятия делами государственными, посвящал занятию науками.

III. Военные люди и герои

<...> 7. **Дмитрий Иоаннович Донской**, внук Иоанна Калиты, родился 1350 года. Девять лет спустя скончался отец его, великий князь Московский Иоанн Иоаннович. Тогда суздальский князь Дмитрий Константинович, воспользовавшись малолетством Дмитрия, выходил себе в Орде ярлык на великое княжение Владимирское;

однако пользовался старшинством недолго, потому что бояре московские стали усердно хлопотать в Сарае и, при ссоре двух ханов, легко доставили своему князю первенство. Юный Димитрий подступил тогда с войском к Владимиру, вытеснил соперника и занял престол (1362 г.). В молодости Димитрию пришлось испытать много несчастий; но, при мужестве духа, он переносил всякое горе без уныния. В 1366 году два страшных бедствия постигли Москву: пожар и мор опустошили столицу. В следующем году князь заложил каменные стены вокруг кремля, зная, что Москву надо будет оборонять от многих врагов. С врагами он успел, однако, управиться, искусно пользуясь их взаимною враждою. Князья Стародубский и Галицкий были изгнаны, Ростовский подчинен; удел князя Иоанна, Димитриева брата, по смерти его, был присоединен к Москве. Димитрий также подчинил себе и других князей, вмешавшись в их вражду, причем духовенство, в особенности св. Сергей, много содействовало великому князю. Из противников Димитрия всех сильнее был тверской князь Михаил Александрович, прибегавший к соединению с зятем своим Ольгердом или искавший помощи в Орде. Но ни Орда, ни Ольгерд, при всех усилиях, не могли одолеть Москвы. Ольгерд три раза вторгался с сильным войском в московские пределы и, хотя опустошал область, но не мог взять столицы. Тверской же князь, теснимый счастливым соперником, принужден был с ним заключить союз, по которому обязывался прервать сношения с Литвою и Ордою, и вместе с московским князем действовать против них. Олег, князь Рязанский, также покорился; а смерть Ольгерда (1377) развязала Димитрию руки и дала возможность действовать против татар. Никто из предшественников Димитрия не отваживался на открытую борьбу с татарами; но все они постепенно готовили к тому средства. И этими средствами удачно воспользовался Димитрий, князь храбрый и решительный, с детства выросший среди войн и окрепший духом. Москва видимо мужала, округляя свои земли, между тем как Орда, терзаемая междоусобиями ханов, заметно слабела. Со стороны Литвы, занятой войною с рыцарями, не могла угрожать опасность. Димитрий начал наступательное движение против татар. Уже в 1378 году князь Московский поразил татар при р. Воже, когда они хотели сделать набег на русские земли. Тогда

вождь сарайский Мамай, желая наказать Москву, отказавшуюся от выхода (дани) ордынского, поднял сильную рать и просил содействия литовского князя Ягелло. Дмитрий созвал князей и, напутствуемый благословением св. Сергия, повел войско к Дону, перешел его 8 сентября 1380 года и на Куликовом поле встретил татар. Здесь закипела страшная битва. Уже московские полки, истомленные кровопролитным боем, стали ослабевать, как засадные дружины ударили на врагов с тыла и обратили их в бегство. Русские гнали татар до р. Мечи и овладели вражеским станом. Герой победы, двоюродный брат великого князя, Владимир Андреевич, стал на костях и велел трубить в трубы. Воины, пережившие победу, стекались со всех сторон; но Дмитрия не было между ними. Его стали искать между убитыми и наконец отыскали едва дышущего под ветвями срубленного дерева. Панцырь его был иссечен; но на теле не было смертельной раны. Князь с трудом пришел в себя. На Куликовом поле легло много храбрых, и предание, записанное в летописи, говорит, что из 400 000 войска осталось всего 40 000 человек. Оттого земля русская оскудела воеводами и слугами, и была печаль в людях. Но была и великая радость в Руси, потому что народ стал привыкать к мысли, что и татар можно одолеть. (Дмитрий, в память по убитым, установил Дмитриеву субботу). Вскоре новая гроза собралась над Москвой. В Золотой Орде произошла перемена: Мамай был вытеснен новым ханом, Тохтамышем, который требовал покорности от русских князей. Они не поехали в Орду, и Тохтамыш пришел в 1382 году к Москве и расположился под ее стенами. При помощи союзника своего, рязанского князя Олега, он ворвался в столицу и обратил ее в груды развалин. Дмитрия не было тогда в Москве: он собирал войско на севере, что и принудило татар удалиться. Разграбив Владимир, Звенигород, Юрьев и другие города, хан скрылся. Дмитрий, прибыв в Москву, занялся ее исправлением, послал сына своего Василия в Орду с покорностью, подчинил себе Олега Рязанского, смирил строптивых новгородцев и, наконец, умер в 1389 г., оплакиваемый народом, любившим его за правосудие и храбрость. О наружности его современные летописи передают следующее: «бьяше крепок и мужествен, и телом велик, широк и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело, брадою ж и власы черн, взором же

дивен зело». Умирая, он обратился к боярам, которых любил и, прощаясь с ними, припоминал славные дела своего княжения. (В княжение Дмитрия введено у нас употребление огнестрельного оружия (1389) и началась чеканка серебряных денег).

При Дмитрии Москва быстро возвысилась и стояла уже на твердом основании, чему служит доказательством завещание великого князя, в котором он благословил старшего сына Василия не только Москвою, но и Владимиром, называя этот город своею отчиною.

<...> **9. Князь Холмский Даниил Дмитриевич**, потомок тверских князей, прославился в княжение Иоанна III. Он разбил татар в 1468 г. под Муромом, в 1469 г. участвовал в Казанском походе; а в 1471 г., опустошив Новгородскую область, поразил новгородское войско на берегах Шелони. Холмский, начальствуя 5000 войском, встретил здесь многочисленные полки новгородцев, стоявших на противоположном берегу. Увидев врагов, полководец московский устремился за реку и, переправившись чрез нее, ринулся на новгородцев с криком: «Москва». Противники дрогнули, обратились в бегство и, преследуемые на пространстве 12 верст, устлали путь свой трупами. Победители огнем и мечем опустошили всю страну до р. Наровы. В 1473 г. Холмский принудил магистра Ливонского и дерптского епископа возобновить мир с псковичами, которые в благодарность поднесли вождю в дар 200 р. Вскоре, по неудовольствию на Иоанна III, Холмский хотел оставить его; но был схвачен, заключен под стражу и только по ходатайству духовенства освобожден и даже пожалован боярским саном (1474 г.). После того Холмский принимал еще участие в Новгородском походе 1477 г., перешел по льду Ильмень и занял окрестности Новгорода. В 1480 г. он действовал против хана Ахмата; в 1478 г. ходил под Казань, взял в плен царя Алегама и прислал его в Москву, где народ едва верил своим глазам. Славный вождь этот, отличавшийся мужеством в боях и жестокостью к побежденным (новгородским пленникам он обрубил носы и губы), скончался в 1493 году.

<...> **12. Марфа Посадница**, вдова новгородского посадника Исака Борецкого, в последние дни независимости Великого Новгорода была душою партии патриотов, противодействовавших притя-

заниям московского самодержавия и думавших спасти новгородскую свободу принятием покровительства великого князя Литовского Казимира. Ее двор на Софийской стороне, называемый в летописи чудным, был местом, куда стекалась партия недовольных, в числе которых был монах Пимен, архиепископский ключник, усердно содействовавший Марфе и советами, и деньгами. Борецкая, видя, что Иоанн III имеет между гражданами приверженцев, стала действовать решительнее. Ее сыновья и друзья объявили на вече, что Новгород сам себе государь, что жители его вольные люди, что им надо отдаться в покровительство литовского князя Казимира... Многие приняли сторону Борецких, и народ стал волноваться. Партия, приверженная Москве, противодействовала; но литовская сторона одолела; приверженцы Марфы, слуги ее, бросали камнями в противников, звонили в вечевые колокола и кричали: «хотим за короля!» К Казимиру отправилось посольство с дарами и просьбою, чтобы он принял Новгород на всей его воле. Король согласился. Между тем Иоанн III прибегнул сначала к увещаниям; но, не достигши цели, выслал войско к берегам Шелони. Новгородская область была опустошена, войско ее потерпело поражение. В числе пленных Иоанна был и сын Марфы, Димитрий, некогда возведенный государем в сан боярина. Теперь его постигла жестокая судьба: он был казнен с тремя другими боярами. Казимир не присылал, между тем, помощи, и партия Иоаннова ободрилась в Новгороде. Пресечение подвоза хлеба произвело в нем голод, и граждане, терпя крайность, просили мира. Иоанн согласился, взял 15500 руб. откупа, присвоил себе право верховного суда; но вече еще осталось (1471 г.). Неудовольствия и волнения, однако, продолжались; но великий князь медленно, но твердо шел к цели подчинить себе окончательно вечевую общину. В 1475 г. он велел заковать последнего сына Марфы, Федора, отправить в Муром и постричь. Наконец, только в 1478 г. Иоанн решил покончить с Новгородом и двинул войско. Граждане укрепились деревянною стеною, заградили реку судами; но между ними не было уже единодушия. Московская партия взяла, однако, перевес, и глава ее, владыка Феофил, отправился в стан к государю, который потребовал уничтожения веча, права иметь посадника и хотел, чтобы признана была его Государева воля. Новгородцы присягнули Иоанну.

Вечевой колокол был снят, а Марфа отправлена сначала в Москву, а оттуда в Нижний Новгород, где она и скончалась в монастыре, приняв в иночестве имя Марии. Имя ее было отобрано в казну. Предание говорит, что так сбылось над Марфою предсказание Зосимы, соловецкого чудотворца. Св. Зосима просил у новгородцев уступки земель монастырю. Марфа была против этого. Тогда Зосима, указывая на двор и дом Марфы, сказал: *затворится дверь дома сего и двор сей будет пуст*. Впоследствии Марфа, желая загладить оскорбление, отдала Соловецкому монастырю в вечное владение Сумскую и Кемскую волости. Зосима посетил дом Марфы, был у ней на пиру, и тут ему было откровение: он увидел четырех бояр обезглавленными, в том числе и Марфина сына. Впоследствии, действительно, эти самые бояре были казнены Иоанном III. Тогда же св. Зосима предсказал падение Великого Новгорода.

<...> **18. Сусанин.** К замечательным лицам Смутного времени междуцарствия относят Сусанина. Из грамоты, данной в 1619 году зятю его, Богдану Собинину, видно, что Сусанин был крестьянином села Домнино и жил в выселке Деревнищи. Когда Михаил Федорович, его боярин, находился в Костроме, то польские и литовские люди, поймав Сусанина, пытали его и допрашивали, где находится Михаил; но Сусанин не сказал и был замучен ими до смерти.

В 1834 г. император Николай посетил Кострому, и местное дворянство испрашивало монаршего соизволения соорудить два памятника: один царю Михаилу Федоровичу, а другой крестьянину Сусанину. В 1838 году государь повелел воздвигнуть в Костроме, на площади, один памятник царю Михаилу и поселянину Сусанину (вместе). Он был открыт 1856 года и представляет гранитную колонну, наверху которой поставлен бронзовый бюст Михаила Федоровича, у подножия же находится бронзовое изображение молящегося Сусанина. На пьедестале надпись: «Ивану Сусанину за царя, спасителя веры и царства живот положившему, благодарное потомство». Высота памятника 21 аршин, вес с фундаментом 140000 пудов.

19. Богдан Хмельницкий Зиновий, более известный под именем Богдана, сын малороссийского сотника, получил хорошее воспитание, смолоду служил казаком и дрался храбро с татарами; но в 1622 г. попал в плен и через два года выкуплен. В 1647 г. был вой-

сковым писарем при наказном гетмане Барабаше. Польские паны, угнетавшие Украину, подозрительно смотрели на Хмельницкого, и один из них, управитель чигиринского старосты Конецпольского, подстароста Чаплинский, стал его преследовать. Он напал на хутор Хмельницкого Суботово близ Чигирина, пожег хлеб на гумне, захватил жену владельца и засек до смерти его сына. Хмельницкий, не нашедши управы на родине, искал правосудия в Варшаве; но польский сенат не оказал ему содействия. Хмельницкий обратился тогда к королю, который лично знал Богдана, и, как кажется, уже думал при помощи казаков произвести в Польше переворот; но, встретив упорство сейма в деле, касавшемся Малороссии, не принимал тогда более мер и, как говорят, заметил тогда сейму, что казаки – воины, имеют у себя мушкеты и сабли, и потому ничто не возбуждает им стать за свою свободу. Хмельницкий воротился в Украину, не добившись ничего, похитил у Барабаша привилегию короля, данную прежде, которую Барабаш, потакая панам, хранил от казаков в тайне, и скрылся в Запорожскую Сечь, где взволновал казаков, поехал потом в Крым, показал хану королевскую привилегию, где король побуждал казаков к нападению на крымцев, вооружил против Польши хана и, получив от него помощь, воротился в Сечь с толпою украинских охотников и с татарским вспомогательным отрядом, и двинулся в Украину. По всей Украине распространилось волнение народа против своих притеснителей поляков. Наказной гетман Барабаш думал было подавить волнение и пошел навстречу Богдану; но казаки его взбунтовались и убили Барабаша и некоторых полковников, державших сторону поляков. Хмельницкий разбил польский отряд при Желтых водах, потом одержал новую победу при Корсуне над главным войском польским и взял в плен двух гетманов. Польша выслала после того сильную армию, которая от страха сама разбежалась под Пилявою. Владислав умер среди разгара войны. Хмельницкий осадил Львов, взял с него окуп, двинулся к Замостью, но тут новоизбранный польский король Ян Казимир прислал к нему увещательное письмо, и Хмельницкий отступил. В Киеве он был радостно встречен народом. Между тем восставший народ продолжал грабить господские дома, разрушать католические церкви и истреблять жидов арендаторов. В следующем году в Польше было

объявлено поголовное вооружение для обуздания Украины, но армия потерпела 15 августа под Зборовым страшное поражение, и сам король, начальствовавший войском, едва ускользнул от плена. Ян Казимир склонился к миру, который и был заключен в Зборове (в Галиции), и возвратил казакам и русскому народу права. Зборовский трактат, утвержденный в 1650 г., был, однако, не прочен, потому что поляки тревожили границы Малороссии, не давали по договору киевскому митрополиту места в сенате и проч. Кроме того, трактатом число реестровых казаков было ограничено <до> 40000 человек. Поэтому все остальные хлопы (крестьяне) должны были возвратиться в зависимость от панов. Это вызвало сопротивление и бунты. Сам Хмельницкий думал было принудить их к повиновению, но оставил свою попытку, потому что неудовольствие народа стало обращаться и на него. Положение опустошенной войною Украины было ужасно: жители скитались без пристанища; война снова загорелась. В Польше было объявлено поголовное ополчение. Гетман призвал на помощь крымского хана, но на этот раз ему не посчастливилось. Казацкое войско, окруженное под Берестечком 30000 армией врагов, было оставлено ханом и самим Хмельницким, которого хан задержал, и потерпело страшное поражение. Хмельницкий принужден был согласиться на невыгодный мир, заключенный при Белой церкви (1652 г.). Число реестровых казаков было уменьшено до 20000 человек, и пределы Украины ограничены одним киевским воеводством; жители целыми толпами стали переселяться на русскую землю, где пустыни вскоре оживились малороссийскими слободами (Ахтырка, Сумы, Харьков и др.). В 1652 г. война с поляками открылась опять. Польский гетман Калиновский с войском заступил дорогу сыну Хмельницкого, Тимофею, который шел в Молдавию жениться на молдавской княжне. Казаки разбили поляков и перебили все войско. В 1653 г. сын Хмельницкого Тимофей помогал тестю своему, молдавскому господарю Василию Липуле, против другого претендента, которого поддерживали поляки и венгры. Тимофей был убит в Сочаве; гетман шел на выручку сына с казаками и ханом крымским; под Жванцем встретились они с поляками. Положение польского войска было уже доведено до отчаяния; но хан склонился на предложение короля и панов, которые купили у него мир по-

стыдною ценою дозволения татарам опустошать русские области, принадлежащие Польше. По возвращении в Украйну Хмельницкий в Переяславле 8 января 1654 г. заключил с Московским государством договор, по которому казаки со всею своею землею, под именем Малой России, отдались в подданство царю Алексею Михайловичу. Царь подтвердил прежние права казаков и малороссийского народа и умножил число казацкого войска до 60000. Принятие в подданство Малороссии повлекло Московское государство к войне с Польшею. Московские войска в соединении с казаками действовали с большим успехом, овладели Смоленском; потом вся Литва была завоевана, и самая столица Вильна досталась русскому Государю. С другой стороны, на юге, Хмельницкий, при помощи великорусских войск, овладел всею Червонною Русью и Люблином, и разбил наголову польское войско под Гродеком. Поляки, в то же время теснимые шведским королем Карлом-Густавом, стали просить мира у Алексея Михайловича и соблазнили московское правительство обещаниями возвести на престол польский русского государя после своего тогдашнего короля. Мир был заключен в Вильне в 1656 г. Хмельницкий, зная, что поляки только обманывают московского царя, желая избавиться от войны с ним; но в самом деле искренно не думают исполнить того, что обещают, был недоволен этим миром. Он составил план совершенно уничтожить польскую державу и заключил о разделе ее договор с шведским королем и с трансильванским князем Ракочи, выговаривая для своей Украйны независимость. Московское правительство было им очень недовольно за такие поступки. Договор не был приведен в действие по разным причинам, а более всего от нежелания и невозможности войти в открытую вражду с Московским государством, которое в тогдашних обстоятельствах готово было защищать целость и самостоятельность Польши. Эти обстоятельства повергли Хмельницкого в меланхолию и болезнь, и скоро довели до гроба. Он скончался 27 июля 1657 г. и был погребен в своем имении Суботове, близ Чигирина. В 1664 г. поляки напали на Суботово, выбросили и истребили прах этого человека, который нанес столько зла Польше и устраивал ей конечную гибель. Память его живет в народе. Его история передается от потомков к потомкам в множестве народных песен.

<...> **22. Граф Петр Семенович Салтыков**, сын генерал-адъютанта, в молодых годах служил солдатом в гвардии. Петр отправил его за границу изучать мореходство; но, не имея расположения к морской службе, он около 20 лет пробыл во Франции и, возвратившись в отечество, был ласково принят императрицею Анною, бывшею по матери в родстве с фамилиею Салтыковых. Получив орден Александра Невского и чин генерал-поручика (1741), он принимал участие в походах под начальством Кейта, Ласси и Фермора, которому содействовал при занятии Кенигсберга (1758 г.), сражался при Цорндорфе и награжден был императрицею Елизаветою орденом Андрея Первозванного; но до этого времени Салтыков не отличился еще особенным блистательным подвигом и был более известен между придворными, нежели между генералами. Свободное же время он чаще всего проводил на охоте, которую так страстно любил, что самая ненастная погода не могла его удержать дома. В 1759 г. Елизавета поручила ему армию для дальнейших действий против Фридриха Великого. Русское войско направилось к берегам Одера, где оно должно было соединиться с австрийцами; но прусский король, желая воспрепятствовать соединению неприятелей, отправил против Салтыкова своих генералов. Последние сошлись с русскими в 10 верстах от Одера, при деревне Пальциг, и были обращены в бегство. Во Франкфурте на Одере русские соединились с корпусом генерала Лаудона и стали в боевой позиции при д. Кунерсдорфе. Фридрих поспешил с войском, думая напасть на Салтыкова с тыла. 1 августа завязалось кровопролитное сражение, начало которого благоприятствовало Фридриху, так что он уже послал в Берлин известить о победе. Между тем русские, разбитые, но еще не пораженные, заняли неприступное место. Бой вспыхнул снова, король повел своих в атаку; но счастье стало изменять ему. Две атаки его были геройски отражены, две лошади под королем уже убиты, платье и шляпа его прострелены пулями, а дело более и более проигрывалось. Наконец пруссаки, объятые страхом, обратились в бегство, и сам король едва избёг плена. В страшном отчаянии он достиг одной разоренной деревнюшки и здесь, лежа в избе на соломе, послал новую депешу в столицу с приказанием спасти королевское семейство и вывозить архив, потому что город в опасности. Из

50000 войска осталось не более 3000 солдат. Фридрих хотел даже прибегнуть к яду и писал друзьям: «все потеряно... я не хочу пережить падения своего отечества. Прощайте навсегда». Между тем Салтыков, нанеши поражение величайшему из полководцев, не умел воспользоваться плодами его, потому что движением к Берлину и взятием этого города дело было бы решено; но время было упущено в спорах с австрийцами, и Фридрих стал выходить из критического положения. Салтыков, возведенный за кунерсдорфскую победу в звание фельдмаршала, перешел Одер и хотел расположиться на зимних квартирах, как ему приказано двинуться к Гейштадту. Он направился к городу, сжег его; но, видя бездействие и удаление австрийцев, пошел на Польшу. В начале 1760 года фельдмаршал прибыл в Петербург, прожил здесь до весны, снова воротился в армию; но вдруг занемог опасно и уехал в Познань. При Петре III Салтыков оставался в бездействии; но Екатерина призвала его на службу, назначив сначала в Сенат, а потом генерал-адъютантом и главнокомандующим в Москву. Здесь, во время чумы и бунта, он обнаружил странное малодушие, удалившись из города в свою подмосковную. Хотя бунт был подавлен Еропкиным; но императрица видимо охладела к Салтыкову, и он принужден был оставить свой пост (1772). Снедаемый горестью, он скончался чрез несколько месяцев в своем поместье Марфине. Местное начальство, зная, что покойник был в опале, не делало никаких распоряжений относительно похорон, тогда П. Ив. Панин, живший в то время в Москве, явился в Марфино в парадном мундире и орденах и оставался при гробе, пока не поставили к нему почетного караула. Граф Салтыков отличался в битвах необыкновенным хладнокровием: рассказывают, когда во время битв ядра летали мимо его, то он был совершенно спокоен и даже шутил, весело махая хлыстом вслед за ними.

<...> **33. Граф Паскевич Эриванский Иван Федорович**, князь Варшавский, родился в Полтаве, 1782 года, от старинных малороссийских дворян. Обучался в Пажеском корпусе, из которого в 1800 году был выпущен поручиком в гвардию с назначением состоять флигель-адъютантом при государе. Более 50 лет служил он отечеству, отличаясь мужеством в бою. В походах Паскевич начал участвовать в Турецкой войне, открывшейся 1806 года, и первым

руководителем и начальником его был храбрый генерал времен Екатерины, Михельсон. В битвах с турками Паскевич несколько раз обратил на себя внимание главнокомандующих Прозоровского, Багратиона и Каменского. Первый посылал его с дипломатическими поручениями к визирю и в Константинополь, где уже не было нашей миссии. Во время этих поездок дорога в Балканах была опасна по причине разбоев; даже конвой бросил раз Паскевича в пути, и он с одним проводником пробрался к паше в Айдос, где удивились его отваге. В другой раз, спасаясь из Константинополя, он прибыл морем в Варну на лодке; паша хотел его задержать; но Паскевич успел уверить его, что мир уже заключен, и таким образом спасся в другой раз. При штурме Базарджика (1810 г.) он вел одну из штурмовых колонн и первый ворвался в город; на озере Девно Паскевич овладел батареями, устроенными на мысе Галатобурге, и отбил оттуда две вылазки, высланные из Варны. При Батыне, где 19000 русских, предводимых графом Каменским, разбили 45000 турок, он содействовал взятию батарей и произведен был в генерал-майоры. В Отечественную войну, поступив в армию Багратиона начальником 26-ой пехотной дивизии, он отличился в битве при Салтановке; под Смоленском дал совет защищаться за стенами города и отражал атаки неприятеля от Королевского бастиона. При Бородине он занимал Курганную батарею и бился с упорством против сильнейшего числом неприятеля и, хотя лишился 3000 солдат и два раза переменял людей при орудиях, однако обратил в бегство атакующих. Лошадь под ним была в этом деле убита, а другая ранена. Во время отступления русской армии чрез Москву он находился в арьергарде Милорадовича, храбро защищавшего тыл удалявшегося войска. Паскевич точно также принимал участие в битве при Малоярославце и преследовании остатков великой армии. В 1813 году, за Лейпцигский бой, он был произведен в генерал-лейтенанты, а в следующем году заключил свои подвиги битвою при Бельвиле, у стен Парижа. В 1817 году он сопровождал великого князя Михаила Павловича по России, Германии, Голландии, Англии и Италии. После страшного наводнения 7 ноября 1824 года, которому подвергся Петербург, Паскевич был назначен военным губернатором Выборгской стороны для подания помощи пострадавшим, за что удостоился чина гене-

рал-адъютанта и командира 1-го пехотного корпуса. С 1826 по 1831 год Паскевич отличился рядом побед, одержанных им в войнах: Персидской, Турецкой и Польской. Переход персов чрез р. Аракс и вторжение их в русские владения за Кавказом были поводом начатия войны с персидским шахом. Сын его, Аббас-Мирза, с 35000 армиею и значительною артиллериею двинулся к Елисаветполю, взволновал разные ханства, подвластные России. Он думал направиться к Тифлису и овладеть им; но, не желая оставлять в тылу у себя крепость Шушу, лежащую в Карабахе, приступил к ее осаде, продлившейся несколько недель. Это обстоятельство дало время главнокомандующему генералу Ермолову стянуть полки с Кавказской линии и двинуть их против персов, стремившихся в Кахетию. Князь Мадатов уже разбил их близ речки Шамхоры, что заставило Аббаса-Мирзу снять осаду Шуши; но в это время прислан был на Кавказ Паскевич для содействия главнокомандующему. Он повел быстро войска на встречу неприятеля и сошелся с ним 13 сентября 1826 года близ Елисаветполя, где произошло кровопролитное сражение, кончившееся бегством персиян. В руках победителя остались два лагеря и более 1000 пленных. Аббас-Мирза отступил поспешно за Аракс, и Закавказский край успокоился. В следующем году Паскевич, назначенный на место Ермолова, должен был очистить от неприятелей ханства Эриванское и Нахичеванское. Кампания открылась весною, и войско, перешедши снежные бугры, явилось под стенами Эривани с сильною артиллериею. Аббас-Мирза спешил спасти Эривань; но, пораженный Паскевичем на берегу Аракса и отбитый от Эчмиадзинского монастыря Красовским, ушел в Тавриз с жалкими остатками армии. Эривань, считавшаяся неприступною, пала осенью того же года. Паскевич пошел к Тавризу и вступил в город; персияне, пораженные неудачами, не оказывали сопротивления. Аббас-Мирза склонил тогда своего отца шаха к миру, и начались переговоры. Оставалось только подписать трактат, как вдруг шах, обнадеженный Турциею, обещавшею подать помощь, отказался подтвердить договор, заключенный, как он замечал, без его согласия; но русские двинулись к Тегерану и заняли многолюдный город Ардебиль. Это обстоятельство ускорило развязку дела; и мир был заключен в феврале 1828 года в д. Туркманчае, близ столицы

шаха. Россия вознаграждена была ханствами Эриванским и Нахичеванским и контрибуциею 20 миллионов рублей. Паскевич был возведен за эти заслуги в графское достоинство с присвоением прозвания Эриванского. Едва окончив военные действия против персов, Паскевич должен был начать войну с Турциею, которая, желая отомстить России за восстание греков, приготовила сильные вооружения в Азии. Арзерумский сераскир, имея в своем распоряжении до 40000 войска, приготавлился к вторжению в Закавказские области. Его должна была остановить армия графа Паскевича, возвратившаяся только что из Персидского похода; но она была уже изнурена битвами, ослаблена болезнями, и в составе своем имела только 12000 человек. Продовольствие, снаряды, артиллерийские парки и транспорты были в плохом положении. Между тем, среди подвластных России мусульман и в аулах горцев господствовало волнение. Для преодоления всего этого и устранения врагов необходимо было много энергии и мужества. Паскевич ясно понимал, что быстрым ударом можно выиграть дело, и потому внезапно явился под Карсом, который был взят штурмом на 5-й день. В то же время опасность угрожала на другом пункте: по Ахалцыхской дороге, в направлении к Гурии, было в движении 30000 турок под предводительством 2-х пашей. Паскевич решился предупредить их под Ахалцыхом; но в войске обнаружилась вдруг чума, и, хотя были приняты скорые и полезные меры, однако это задержало выступление полков на три недели. Наконец, войско двинулось к Гурии, на пути овладело крепостями Ахалкалаки и Гертвисом, миновало высокие хребты гор, преодолело зной и стало под Ахалцыхом. Тогда же явились и оба паша с армиею и укрепились в 4-х лагерях. Русские разбили обоих, рассеяли турок по лесам и, овладев орудиями, направили их на Ахалцых. Этот многолюдный, кипевший жизнью и торговлею город был сильно укреплен, будучи обнесен со всех сторон высоким палисадом, а крепость его находилась на крутой скале. Паше ахалцыхскому предложено было сдаться; но он гордо ответил, что сабля решит дело. Три недели батареи наши громили укрепления, но без успеха. Запасы уже истощались; а отступление было бы крайне опасно. Потому решено было идти на штурм. 15 августа в 4 часа по полудни с песнями и музыкой пошел на приступ храбрый

Ширванский полк с своим полковником Бородиным. Бастион был взят, палисад срублен, и русские пушки появились за рвом. В городе поднялась тревога; но осажденные не оробели и ринулись к пролому, где завязался рукопашный бой, в котором погибли Бородин и много его храбрых сподвижников. Новые батальоны подкрепили ширванцев, и битва восстановилась. Жители дрались с остервенением; даже женщины, вооруженные кинжалами, упорно защищались. Каждый шаг, каждый дом надо было брать с боя. В сумерки начался пожар и распространился по всему городу; осаждающие со всех сторон проникли в него и восторжествовали. Наутро сдалась и цитадель, в которую въехал Паскевич, окруженный многочисленной свитой. Трупы заграждали улицы; пожар еще продолжался местами. Победитель благодарил солдат и, обратившись к ширванцам, спросил: «много ли их осталось?» – Удальцы отвечали: «еще достанет на два штурма». За эту победу следовало взятие крепостей: Ацкура, Ардагана, Баязета и других крепостей. Таким образом, менее чем в два месяца покорены были пашалыки Карский и Ахалцыхский. Однако поражения, понесенные Турцией в Европе и Азии, на море и на суше, не образумили султана: он упорствовал и надеялся на помощь шаха, в столице которого чернь умертвила русского посланника Грибоедова. Шах обнаруживал неприязнь и подвигал войска к Араксу. Султан уже начал переговоры с двором тегеранским; но Паскевич одною угрозою остановил движение Персии, которая в лице сына Аббаса-Мирзы, Хозрева-Мирзы, просила Государя предать забвению оскорбление, причиненное России. Весною 1829 года Паскевич стянул к Карсу 18000-ый корпус, разбил два турецких войска, явился к Арзеруму, жители которого спешили добровольно покориться, и, поразив еще раз врагов у Байбурта, намеревался проникнуть в глубину Анатолии, когда весть о мире остановила его движение. За эти победы он получил чин фельдмаршала и Георгий 1-й степени. Следующие два года он предпринимал экспедиции против горцев для обеспечения безопасности русских владений, принимал меры к лучшему устройству края, водворял прибывших переселенцев из Турции (9000 армянских семей), улучшал пути сообщения и основал в Тифлисе благородный пансион для девиц. Вскоре, однако, он был вызван в Петербург и отправлен в Польшу для усмирения

инсургентов (1831). После битвы под Остроленко и смерти Дибича в польском лагере не было единодушия; там боролись две партии: аристократическая и демократическая. Последняя требовала освобождения крестьян; но аристократы дали отказ. Генералы же, занявшие место раненного Хлопицкого, не могли устоять против Паскевича, который в два с половиною месяца достиг Варшавы; 25 августа 1831 года взял приступом Волю, предместье столицы; а на другой день, после отчаянного сопротивления, пала Варшава. Волнение в Польше вскоре прекратилось. Возведенный в княжеское достоинство, с названием Варшавского, Паскевич занял пост наместника Царства Польского. В 1849 году, в летах уже преклонных, он опять явился на театре войны, вспыхнувшей в Венгрии, и в два месяца окончил кампанию. 1 августа предводитель венгров, Гергей, положил оружие с 30000 армиею и отдался в плен. В последнюю Турецкую войну князь Паскевич командовал, в последний раз, войсками, действовавшими в придунайских княжествах. Он скончался в Варшаве в январе 1856 года, 74 лет от роду.

<...> **36. Нахимов Павел Степанович**, сын бедного помещика, родился в 1800 году в селе Городке Смоленской губернии. Он воспитывался в Морском кадетском корпусе и, еще до выпуска из него, плывал на бриге «Феникс» к берегам Дании и Швеции. Вскоре по окончании курса в корпусе, в чине мичмана, Нахимов поступил на фрегат «Крейсер», отправлявшийся в 1822 г. в кругосветную экспедицию. Фрегат «Крейсер», вышедший из Кронштадта 17 августа под начальством знаменитого впоследствии М. П. Лазарева, обогнул мыс Доброй Надежды, а на возвратном пути обошел мыс Горн и прибыл на место в начале августа 1825 года. Затем Нахимов служил на корабле «Азов» под командою прежнего своего начальника; ходил в Архангельск, а с мая 1827 года находился в Средиземном море и участвовал в Наваринском морском сражении. В следующем году он был назначен командиром призового египетского корвета «Наварин», отбитого у неприятеля близ Модона, и привел его в 1830 году в Кронштадт. В 1832 г. Нахимову поручен был строившийся на Охтенской верфи фрегат «Паллада». Следя за сооружением этого судна, он применил к нему некоторые полезные улучшения; а в 1833 году крейсировал на нем в Финском заливе и Балтийском море,

состоя в эскадре вице-адмирала Белинсгаузена. Затем он продолжал службу в Черноморском флоте, где состоял сначала командиром 41 флотского экипажа, а потом принял начальство над построенным под его наблюдением в Николаеве кораблем «Силистрия» и ежегодно производил на нем рейсы в Черном море. 1845 г. Нахимов произведен был в контр-адмиралы и командиры 1-й бригады 4-й флотской дивизии, а в 1853 году принял начальство над 5-ю флотскою дивизию. В следующем году под его наблюдением эскадра занималась перевозкою войск, артиллерии и запаса продовольствия из Севастополя в Сухум-Кале и Анакрию. Осенью того же года, в самые бурные месяцы, Нахимов крейсировал между Крымом и Анатолией, отыскивая турецкий флот, который, по его соображениям, должен был оставить Босфор. Наконец, приблизившись к Синопскому рейду, он открыл 14 неприятельских кораблей, расположившихся под защитою береговых батарей. 18 ноября корабли русские на всех парусах понеслись к рейду двумя колоннами. Нахимов был на передовом корабле «Императрица Мария» и был встречен градом ядер, летевших с турецких судов и батарей. Несмотря на потерю рангоута и такелажа, корабль, пользуясь кормовым ветром, шел вперед, обдавая турок батальонным огнем. Адмиральский фрегат «Ауни-Аллах» бросился к берегу, ему последовал 44-х пушечный фрегат «Фазли-Аллах». Прочие русские корабли поражали врагов с таким же мужеством и успехом, и к вечеру весь турецкий флот уже не существовал. Спасся один пароход «Таиф», вовремя бежавший и ушедший от выстрелов. Неприятельские суда, брошенные на берег, находились в самом плачевном положении; экипажи, объятые паническим страхом, забыли даже спустить флаги. Между тем парламентар отправился в город с объявлением, что эскадра пришла для истребления военных турецких судов и не желает вредить жителям. Вскоре взлетели на воздух, один за другим, 5 судов, зажженных турками. Взрыв одного из неприятельских фрегатоб обдал пылающими обломками часть города, обнесенную древнею зубчатою стеною. Там вспыхнул пожар, разлившийся по Синопу, люди в отчаянии не принимали никаких мер против огня, и ветер свободно перебрасывал пламя от одного дома к другому. Русская эскадра, подвергшаяся также во время битвы повреждениям, вышла в море и с торжеством возвратилась в

Севастополь. За эту славную победу Нахимов награжден был орденом Георгия 2-й степени и искреннею благодарностию и признательностию своих соотечественников. Во время обороны Севастополя синопский герой продолжал также доблестно служить России и снискал любовь не только моряков; но привлек к себе сердца и других войск, защищавших Севастополь. В 1855 году он был произведен в адмиралы; но вскоре Россия была поражена горестною вестью о его кончине. 28 июля утром адмирал находился на Корниловском бастионе и стал следить чрез бруствер за работами неприятеля, как вдруг штуцерная пуля поразила его в висок. Он упал без чувств и скончался на третий день. Тело его схоронили подле могилы Корнилова и Лазарева. Нахимов был высок ростом, немного сутуловат и белокур; прекрасные черты лица его дышали добродушием, а в голубых глазах заметна была задумчивость. Могучесть, твердость характера и сила воли поставили Нахимова выше людей обыкновенных. При светлом, практическом уме, при глубоком знании простого русского человека он умел магически действовать на массу: под его руководством команда делала быстрые успехи и легко свыкалась, сроднялась с делом. Влияние его на матросов было сильное, потому что он умел говорить с ними. Искренне преданный делу, он требовал и от других ясного понимания своих обязанностей и полного усердия к службе, поэтому небрежность и вялость его подчиненных возмущали и возбуждали его горячую, любящую натуру. В таких случаях строгость и взыскательность его не знали пределов; но добрый, веселый и живой Нахимов, отличавшийся гостеприимством русского человека, в своей адмиральской каюте умел сглаживать неприятное впечатление строгих выговоров и замечаний и старался возбудить энергию, расшевелить душу молодых людей.

IV. Писатели и художники

1. Ломоносов Михайло Васильевич принадлежит к числу тех немногих гениальных русских людей, которые, невзирая на непреодолимые почти препятствия окружавшей их среды, силою своей непреклонной воли, упорною энергиею и самоотвержением успели выбиться из ничтожества и приобрести себе славу, общее уважение и независимость. Таких светлых личностей, как Ломоносов, было бы

у нас немало, если б не та грустная, безвыходная обстановка, в которую, по настоящее время, был поставлен русский простолюдин в течение многих веков. Не у всякого талантливом крестьянина найдется столько геройства, чтоб смело идти напролом тех затруднений, которые Ломоносов встретил с первых дней своего существования; большею частию такие личности гибли под гнетом удручающих обстоятельств. Ломоносов был необыкновенно счастлив уже тем, что ему благополучно удалось избежать те мели и подводные камни, которыми усеяна жизнь нашего простолюдина. Расскажем вкратце его биографию. Михайло Васильевич Ломоносов, сын крестьянина Архангельской губернии, Холмогорского уезда, Куростровской волости, деревни Денисовской, родился в 1711 году. Отец его, промыслом рыбак, с ранних лет приучал сына к своим занятиям, ездил с ним частенько по Белому морю и Ледовитому океану, подвергаясь всем опасностям морского странствования на холодном и пустынном севере; он и сложил там впоследствии свою голову. В крестьянском быту родители и до сих пор еще мало заботятся об образовании своих детей: их воспитывает и образует сама мать-природа; – тем более в тогдашнее время об этом предмете не могло быть и речи. Молодой Ломоносов выучился у приходского дьячка кой-как чтению и письму. Долгие зимние вечера проводил он за своим любимым занятием, но недостаток книг и толкового руководителя к дальнейшему ученью служили главною помехою к удовлетворению врожденной его любознательности. Он узнал от своего наставника, что учиться большему можно только в Киеве да в Москве, что там научат всему, лишь была бы только охота. Ломоносову вспала на ум отважная в его положении мысль – добраться до источника мудрости и черпнуть из него для себя знаний столько, на сколько сил хватит. Домашние неприятности, преследования сварливой мачехи и намерение отца женить его на крестьянской девушке, чтобы он не баловался, а занялся бы, по понятиям его, делом, побудили молодого Ломоносова бежать из родительского дома. Ночью ушел он тайком из дому и догнал дорогою обоз с рыбою, отправлявшийся в Москву. Это случилось в 1728 г., когда Ломоносову было уже 17 лет от роду. С большим трудом приютился он в Москве, много перенес лишений и душевных тревог, прежде нежели

познакомился с каким-то сердобольным монахом, который пристроил его в Заиконо-спасское училище, назвав Ломоносова дворянином. Со всем жаром юности принялся он за изучение древних языков и тех учебных предметов, которые входили в курс Славяно-Греко-Латинской академии; терпел во всем крайнюю нужду и насмешки товарищей; но бодро и быстро шел он вперед по пути знаний, почти не имея руководителей. Изучив всю схоластическую премудрость Московской академии, Ломоносов стал проситься у начальства перейти в Киевскую академию, надеясь там удовлетворить свою любознательность; но ошибся в своих ожиданиях и вскоре опять воротился в Москву. В 1736 г. поступило из Академии наук в Заиконо-спасское училище требование о присылке в Академию нескольких способных семинаристов для обучения их естественным и математическим наукам. Ломоносов попал в число избранных. Немногому он и здесь выучился, благодаря беспечности немецких гелертеров и неблагоприятным поступкам академического начальства. В том же году состоялся именной указ государыни о посылке некоторых молодых людей за границу для окончательного их образования в Германии. Ломоносов был избран в числе их. Он поступил в Марбургский университет под ближайшее наблюдение знаменитого в свое время философа Вольфа. В Германии Ломоносов имел возможность вполне удовлетворить свою любознательность. К несчастью, увлечение молодости и несвоевременная высылка из России денег вовлекли его с товарищами в неоплатные долги и побудили жениться, для поправления своих обстоятельств, на дочери своего хозяина, портного; но, тем не менее, и после того он постоянно находился в стесненном положении. С отчаяния Ломоносов решился бежать в Россию. Дорогою, близ Дюссельдорфа, он встретился с прусскими вербовщиками, которые, подпоив его, зачислили в рекруты и под конвоем препроводили в крепость Везель для обучения новобранца военным экзерцициям. Но и тогда не совсем упал духом наш ревностный любитель наук. Усыпив притворною веселостию и покорностию судьбе бдительность своих стражей, Ломоносов решился дезертировать из крепости: в темную, бурную полночь вылез он из окна крепости, бросился в ров, переплыл его и что было мочи пустился бежать за границу прусских владений. Успех увенчал его от-

важный поступок: посланная за ним погоня не могла настичь его, и он, истомленный усталостью и голодом, добрался кой-как до Амстердама и обратился к покровительству нашего посланника гр. Головкина, который отправил его в Россию на свой счет. Наконец-то Ломоносов достиг цели своих пламенных желаний: он мог вполне посвятить себя наукам, был назначен сперва адъюнктом Академии, потом директором академической гимназии и профессором химии и физики. Деятельность его как ученого была обширна и разнообразна: им не была оставлена без внимания и обработки почти ни одна отрасль человеческого ведения. Нельзя поистине не удивляться его обширным познаниям в науках естественных и гениальным соображениям; по некоторым частям естествознания он сделал такие смелые гипотезы и догадки, которые подтвердились только спустя много лет после его смерти и признаны теперь за несомненные факты науки лучшими умами нашего времени. Впрочем, академическая деятельность Ломоносова прошла не без огорчений и забот: общее равнодушие публики к делу науки, мелочные интриги его сослуживцев по Академии, почти исключительно немцев, приносили ему много хлопот, досады и неприятностей по службе. Измученный кипучею деятельностью и печальным состоянием нашей Академии, для чести которой он так усердно трудился, Ломоносов пристрастился к вину и скончался в 1765 г., 4 апреля на Светлой неделе, удостоившись незадолго до смерти посещения императрицы Екатерины II-й. В Архангельске поставлен ему памятник. Перечислять и оценивать все ученые и литературные труды нашего гениального соотечественника мы не считаем нужным, скажем только, что Ломоносова считают у нас преобразователем литературного языка, единственным в то время ученым естествоиспытателем из русских, оратором и лучшим современным стихотворцем. Он издал в 1755 г. *первую русскую грамматику*, выяснив себе законы нашего языка на основании устной речи и церковно-славянской письменности; он же составил хорошую по своему времени ретику, поэтическим чутьем угадал свойственный русскому языку тонический размер стиха вместо бывшего тогда в употреблении неуклюжего силлабического метра. Он написал сверх того два похвальные слова: *Петру I-му* и *Елизавете*, и сам же перевел последнее слово на латинский язык. Ученые

его сочинения и письма к разным лицам изложены языком ясным, точным и близким к разговорному языку того времени; но в похвальных словах конструкция его речи несвойственна духу нашего языка и приближается к латинскому и немецкому словорасположению.

<...> **5. Какорин Александр Филиппович** родился в Сибири и был учеником известного в свое время зодчего гр. Растрелли. Составленный Какориным план здания для Академии художеств признан был лучшим не только русскими художниками, но и Парижскою академиею, куда императрица Екатерина II-я посылала его на рассмотрение. Самому Какорину поручено было строить проектированное им здание, украшающее и донныне С.-Петербург; но он не успел довести до конца своего строения, потому что скончался 1771 г. Будучи первым директором Академии художеств, учрежденной при императрице Елизавете Петровне по мысли гр. Шувалова, Какорин образовал многих отличных архитекторов и художников; но главным памятником его художнической деятельности остается здание Академии художеств, как образцовое произведение зодчества.

<...> **7. Карамзин Николай Михайлович.** Жизнь Карамзина не обильна внешними приключениями: она протекла тихо, мирно, в литературных и ученых трудах, в кругу его семейства и друзей. Карамзин был сын небогатого дворянина и родился в 1765 г. в селе Михайловке Оренбургской губернии. Первоначальное образование получил он дома, а потом отдан был в частный пансион профессора Шадена в Москве и слушал здесь между прочим лекции некоторых профессоров университета. В 1782 г., по обычаю дворян того времени, поступил он в военную службу, в гвардию, в которой, впрочем, оставался недолго, не долее двух лет. В 1785 г. в Москве Карамзин познакомился с Николаем Ивановичем Новиковым, главным двигателем нашей литературы в царствование императрицы Екатерины II. По совету Новикова Карамзин стал заботиться о довершении своего литературного образования и начал принимать деятельное участие в периодических изданиях того времени. В 1789 г. Карамзин поехал за границу, посетил Германию, Швейцарию, Францию и Англию; в следующем году осенью он возвратился в отечество и посвятил себя исключительно литературе. *Письма русского путешественника,*

вышедшие в свет вскоре по возвращении его в Россию, возбудили всеобщее внимание читающей публики своим легким, изящным языком и множеством любопытных сведений о заграничной жизни. Карамзин начал издавать после того журналы, альманахи, писал оригинальные и переводил иностранные повести, сочинял стихи и другие беллетристические произведения, которые весьма нравились публике как по своему содержанию, так, еще более, по живости изложения, чуждого устарелых форм классицизма. С 1803 г. Карамзин прекратил свою литературную деятельность как повествователь и журналист и всецело посвятил себя истории отечества. Заслуга его в этом последнем отношении велика: он первый внимательно изучил все наши исторические материалы, сличил, проверил их между собою и в связном, прекрасном рассказе изложил судьбу нашего отечества от его основания до избрания на престол Михаила Федоровича Романова, обогатив свой труд множеством любопытнейших примечаний. Смерть застигла Карамзина за этим бессмертным творением: он скончался в 1826 г., благодетельствованный покойными императорами Александром I-м и Николаем I-м, искренно уважаемый современниками и потомством за свою честную, плодотворную деятельность, как литератор и как добрый человек. Ему поставлен 1845 г. памятник в Симбирске дворянством тамошней губернии. Карамзин считается у нас преобразователем литературного языка: он освободил нашу письменную речь от оков славянизма, от несвойственного русскому языку словорасположения, сблизил книжный язык с разговорным, разбив его на краткие предложения по образцу новейших языков. Под его нежным пером наша проза сделалась живою, легкою, плавною и благозвучною. Карамзин в свое время был представителем школы прогресса: он вдохнул жизнь в нашу литературу, представив своими сочинениями изящные образцы по всем почти родам прозы. Тщетно старались противники литературной реформы выставить сочинения Карамзина в смешном виде и представить его искажителем языка: большинство читающей здравомыслящей публики и все талантливые писатели примкнули к его партии. Представителем противной Карамзину литературной партии был известный адмирал Шишков. Время успокоило страсти, и мы теперь хладнокровно можем судить о заслугах Карамзина как писателя, пе-

редового в свое время. «Письма русского путешественника» и некоторые его повести можно читать и теперь еще с удовольствием, несмотря на их сентиментальность и с лишком 60-летнюю давность.

<...> **11. Пушкин Александр Сергеевич** происходил от древней дворянской фамилии и родился 1799 г., мая 26 в Москве. Начальное воспитание получил он в доме своих родителей под руководством французских учителей и гувернеров. Когда в 1811 г. был открыт Царскосельский лицей, то Пушкин поступил в него и окончил в нем курс 1817 г., впрочем, не в числе лучших воспитанников по успехам. Поэтический талант Пушкина обнаружился еще в лицее; многие стихотворения, без подписи его имени, помещались в тогдашних журналах и показывали в молодом авторе замечательное дарование. По выходе из лицея Пушкин поступил на службу в иностранную коллегию, где и числился до 1820 г., когда был переведен в Бессарабию под ближайший надзор генерала Инзова. Пять лет, проведенных Пушкиным в изгнании, вдали от родственников и друзей, не были бесплодны для его поэтической деятельности: он ознакомился в это время с южною Россиею и Кавказом, изобразил их природные красоты в целом ряде прелестных стихотворений. В 1826 г. Пушкину дозволено было жить в своей псковской деревне и числиться по прежнему при иностранной коллегии. В 1829 г., во время войны России с Турциею, он находился в отряде действующих войск в азиатской Турции и вторично посетил Кавказ. С 1831 г. Пушкину разрешено было жить в Петербурге, из которого он отлучался только осенью в свое псковское поместье, в село Михайловское, и ездил в Оренбургский край для собирания сведений и материялов о Пугачевском бунте. Россия лишилась своего великого поэта 1837 г., января 29: он был убит на дуэли Дантесом (Гекерном) и погребен в Святогорском мон.<астыре> Псковской губернии. Последние минуты жизни его описаны Жуковским в письме к отцу Пушкина, Сергею Львовичу. Пушкин писал во всех родах поэзии и всегда оставался самобытным, неподражаемым художником. Отличительною чертою его творческой деятельности было художественное воспроизведение явлений как из мира физического, так и духовного. Своим поэтическим гением он мог переноситься во все страны, ко всем народам, во все времена, и всегда был верен действи-

тельности и гениальным выразителем художественной идеи. Изысканная простота, искренность чувства, гармония неподражаемого стиха его известны всем читающим на Руси людям. Хотя Пушкин в молодости был увлечен гением Байрона и Шенье; но находился под их влиянием весьма недолго и вскоре сделался вполне самостоятельным, *народным русским поэтом*, представителем у нас истинно-художественной школы, для которой поэзия есть сама по себе и цель и средство. Трудно указать в числе произведений нашего *великого поэта* на что-нибудь, что было бы посредственно и слабо, исключая разве самые ранние произведения его молодости; все же прочие творения его вполне выдержаны, художественны и музыкальны; в них есть всегда мысль, содержание, и стих льется звучно, игриво и плавно, как весенний ручеек, журчащий между камешками. Из крупных произведений Пушкина мы припомним нашим читателям только всем известные его пьесы: *Евгений Онегин*, *Полтава*, *Кавказский пленник*, *Цыганы*, *Бахчисарайский фонтан*, *Борис Годунов*, *Руслан и Людмила*, последнее – самое незрелое произведение Пушкина. Проза Пушкина отличается изящною простотою, краткостью и энергиею. Он окончательно довершил преобразование нашего литературного языка, освободив его от схоластических пут ложного классицизма. Вполне справедливо мог о себе сказать Пушкин:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный;
 К нему не заростет народная тропа;
 Вознесся выше он главою непокорной
 Наполеонова столпа и т.д.

12. Гоголь Николай Васильевич родился в 1810 г., 19 марта в местечке Сорочинцах Полтавской губернии от небогатых родителей старинной дворянской фамилии Малороссии. Для обучения он был отдан сперва в Полтавское уездное училище, откуда поступил потом в Полтавскую гимназию, а затем для окончательного образования перешел в Нежинский лицей князя Безбородко, из которого вышел в 1828 г. в числе посредственных учеников. Прослужив недолго чиновником в Департаменте уделов, Гоголь по рекомендации г. Плетнева получил место учителя истории в Патриотическом институте, а через несколько лет после того (1834 г.) назначен адъюнктом-профессором всеобщей истории в С.-Петербургском универ-

ситете. Недолго был он профессором, да и то плохим, по отзыву тогдашних студентов: для этой должности у него не было ни призвания, ни достаточного запаса научных сведений. Первые литературные опыты его были также неудачны: он начал было писать посредственные стихи, которые впоследствии сам же старался истребить. Литературную известность он приобрел своими юмористическими рассказами из быта Малороссии, изданными в 1831 г. под названием «*Вечера на хуторе близ Диканьки*». Ряд повестей в этом же роде поставил Гоголя в число лучших наших юмористов: своеобразный слог, меткость сатиры, умение живо очертить немногими словами действующие лица и их характеры, – все это купно бросалось всем в глаза, и Гоголь сделался любимым писателем большинства читающей публики. Близкое знакомство Гоголя с Пушкиным, Жуковским и другими деятелями нашей литературы принесло ему много пользы: он понял свой блистательный талант и посвятил себя исключительно литературе; он стал карателем всего пошлого и безобразного в русской жизни, всего, что образовалось гадкого в нравах русского народа от исторических причин или было привито к нам насильно. Гоголь написал две замечательные комедии, в которых беспощадно осмеял русское безобразие, пошлость и разные мелкие злоупотребления *мелких* лиц. Комедии его *Ревизор* и *Женитьба* еще долго будут служить лучшим украшением русской сцены, если найдутся хорошие исполнители для этих образцовых произведений. Капитальным же творением Гоголя, в коем должна была, по первоначальной мысли автора, выразиться вся Русь с ее достоинствами и недостатками, должно считать его поэму: *Мертвые души*, в которой автор с удивительно тонким юмором изобразил несколько типических личностей, выхваченных живьем из действительной жизни. К сожалению, Гоголю не удалось докончить своего гениального произведения: болезненное, раздражительное состояние его здоровья, разные сторонние влияния на него литературных партий и сословий, интересы которых пришлось бы ему затронуть, наконец, громадность самой задачи подломили этот мощный талант. От 2-й части *Мертвых душ* случайно уцелело несколько глав (подлинник сожжен самим автором), в которых виден еще великий писатель. Последние 8 лет своей жизни Гоголь провел большею частию за границею, из-

немогая под бременем своего труда. Он умер от неразгаданной болезни в Москве 1852 г. Значение Гоголя в нашей литературе огромно: под обаятельным влиянием его произведений находилась, отчасти даже и теперь еще находится, наша литература. Социальные вопросы, разрешение которых суждено только нашему поколению, были им затронуты очень тонко и умно, так что, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, Гоголь сумел внести в общество наше много светлых и здравых идей своими литературными произведениями.

<...> **15. Шевченко Тарас Григорьевич** родился 25 февраля 1814 г. в Киевской губернии в селе Кирилловке и был сын крепостного крестьянина. Грустно провел он свое детство и юность. Для обучения грамоте он был отдан к приходскому дьячку, который жестко обращался со своими учениками и постоянно был пьян, так что молодой Шевченко, не в силах будучи переносить тиранства своего учителя, принужден был бежать от него и поступил учеником к дьякону-маляру; но и здесь житье его было несколько не лучше прежнего. Шевченко опять сбежал к другому маляру-дьячку. Новый учитель признал Шевченка совершенно неспособным к живописи, и Тарас с грустью воротился в свое родное село с намерением сделаться сельским пастухом. В это время приехал в имение новый помещик и взял мальчика Шевченка к себе во двор для услуг. Барин довольно сурово обращался с своим казачком, вовсе неспособным к лакейской должности и занимавшимся в передней более копированием лубочных картин и чтением книг, нежели исполнением порученной ему обязанности. В 1832 г. помещик законтрактовал своего неспособного казачка к петербургскому маляру Ширяеву для обучения малярному ремеслу. Положение Шевченка у нового учителя живописи было столь же печально, как и прежде. Он усердно упражнялся в живописи, тайком посещая Летний сад по ночам для изучения стоящих там статуй. Случайно познакомился он в Петербурге с художником Сошенко, который давал ему полезные советы по живописи и приискивал ему работы. Владелец Шевченки, увидев однажды его работу, поручал ему рисовать портреты своих знакомых женщин, за что награждал его иногда деньгами. Наконец, по ходатайству Жуковского, Шевченко освобожден от своей неволи.

Сговорившись предварительно с помещиком, Жуковский упросил Брюллова нарисовать с него, Жуковского, портрет и разыграть его в лотерею. Вырученные деньги, 2500 р. ас.<сигнациями>, были вручены помещику, и Шевченко получил свободу 1838 г. С этого времени он начал усердно посещать классы Академии художеств и сделался любимым учеником знаменитого Брюллова. В 1844 г. Шевченко получил звание свободного художника. Тогда же обнаружился и его поэтический талант; он писал стихи на малороссийском наречии и вскоре обратил на себя общее внимание своими гармоническими стихами, исполненными мысли и неподдельного чувства. В 1847 г. Шевченка постигло страшное несчастье: он был сослан в Новопетровское укрепление Оренбургской губернии, в котором прожил около 10 тяжких лет. С 1857 г. он жил в Петербурге, истомленный несчастиями и болезнью, и скончался там прошлого 1861 г., 26 февраля. Россия лишилась в нем замечательного малороссийского поэта, стихотворения которого с восторгом читает всякий грамотный малороссиянин.

Прибавление

Император **Николай I-ый**. По смерти Александра I-го, скончавшегося в г. Таганроге 19 Ноября 1825 года, на престол должен был вступить цесаревич Константин Павлович; но он еще ранее уступил это право брату своему, великому князю Николаю Павловичу, который вскоре и воцарился. Между делами внешней политики царствования Николая I-го замечательна Персидская война, с 1826 по 1828 год, прославленная подвигами Паскевича, который взял крепость Эривань и перешел Аракс. Быстрое движение русских войск принудило Персию к миру, заключенному в Туркманчае к выгоде России. Затем началась война с Оттоманскою Портою, которая была раздражена против России за помощь, поданную ею грекам, восставшим против турецкого ига. Весною 1828 г. Витгенштейн занял войсками Молдавию и Валахию, переправился за Дунай и овладел Варною, а в следующем году Дибич, разбив великого визиря, перешел Балканы и вступил в Адрианополь. В то же время Паскевич взял Карс, Ахалцых и Эрзерум. Султан принужден был тогда заключить мир с Россиею в Адрианополе, уступив ей восточный берег

Черного моря, признав Молдавию, Валахию и Сербию под покровительством России, открыть Дунай и Дарданеллы для русских судов и признать независимость Греческого королевства (1829 г.). Вслед за Турецкою войною последовало восстание Польши, которая вооружилась, вспомнив прежнюю независимость и желая освободиться от власти России. Многие русские были умерщвлены, а русские отряды были разбиты, но Дибич поразил поляков при Остроленке, а, по смерти его, Паскевич взял Варшаву. Таким образом Польша была усмирена и окончательно присоединена к России. В 1849 г. Европа была охвачена революционным движением, и император подал помощь Австрии против восставших венгерцев. По прошествии 4-х лет возгоралась новая война между Россиею и Турциею по поводу притеснения турками христиан греческого исповедания в Палестине. В 1853 г. князь Горчаков ввел русскую армию в придунайские княжества; а осенью того же года черноморский флот уничтожил турецкую эскадру при Синопе. Но Англия, Франция, а затем и Сардиния, опасаясь за политическое равновесие Европы, послали на помощь Турции войска и флоты. В то же время Австрия приняла оборонительное положение. Тогда загорелась кровавая война. Флоты союзников явились на всех русских водах: в Черном море, Балтийском, Белом и у берегов Камчатки; но главные действия происходили на южных границах России. В сентябре 1854 г. русская армия очистила княжества и перешла обратно Прут. Тогда же многочисленный англо-французский флот высадил десант в Крыму; князь Меншиков, начальствовавший Крымскою армиею, дал врагам битву на берегах Альмы; но принужден был отступить. Неприятели осадили Севастополь, и геройски-мужественная оборона его длилась 11 месяцев. Атаки русских, предпринятые против неприятельского лагеря при Инкермане, были неудачны. Русские бились мужественно; но неприятели одержали перевес превосходством оружия и путей сообщения. Осада Севастополя еще продолжалась, как император Николай скончался 18 Февраля 1855 года. Из дел внутренних этого царствования замечательны: издание Свода Законов и уничтожение унии в западной России. Хотя со времен Петра I и принимаемы были меры к устройству русского законодательства; но законы не приведены были в стройную систему. Наконец, император Николай по

вступлении на престол учредил при собственной канцелярии особое отделение для приведения в порядок русских законов, избрав для этого дела Сперанского. Результатом трудов отделения было издание Полного Собрания Законов (1830 г.) и Свода Законов (1833 г.). В 1839 г. в западной России прекращена была уния, и униаты, в числе 2000000 чел., присоединились к православной церкви. При императоре Николае столица украсилась многими великолепными зданиями, между которыми первое место занимает Исакиевский собор; через Неву устроен постоянный мост, и открыта была Московская железная дорога.

Державин Гавриил Романович, потомок мурзы Багрима, вышедшего из Орды при великом князе Василии Темном и вступившего в русскую службу, родился в Казани 3-го июля 1743 г. Первоначальное обучение начал он дома под руководством своей матери, урожденной Козловой; учился потом в Оренбурге у ссыльного иностранца Розе, который содержал там частный пансион. Когда же в Казани была открыта гимназия, то Державин, в 1758 г. поступив в нее, показал здесь хорошие успехи в рисовании и словесности и вышел из нее 1761 г. По рекомендации директора гимназии, Веревкина, Державин был определен И. И. Шуваловым Лейб-гвардии в Преображенский полк солдатом и 10 лет прослужил в этом звании. В 1773 г., в чине подпоручика гвардии, он был назначен в отряд генерала Бибикова, действовавший против Пугачева; принимал участие в битвах с шайками мятежников и, по усмирении бунта, произведен в полковники армии; но по разным обстоятельствам должен был выйти в отставку и поступить в гражданскую службу. Он служил в Сенате, проходил здесь разные должности, получая за службу чины и ордена. В 1789 г. Державин был назначен губернатором Олонецкой, а через год после того – Тамбовской губернии, затем вскоре пожалован сенатором, потом государственным секретарем, главным казначеем, президентом Коммерц-Коллегии и, наконец, в 1802 г. достиг звания министра юстиции; но пробыл в этой должности недолго: в следующем же году он был уволен в отставку с чином действительного тайного советника и доживал свой век – летом в своей новгородской усадьбе Званке, на левом берегу р. Волхова, недалеко от Соснинской пристани, а зимою в Петербурге в собствен-

ном доме. Скончался Гавриил Романович в глубокой старости, 73 лет от роду, 1816 г. и погребен в новгородском Хутынском Спасо-Преображенском монастыре.

Не станем говорить о заслугах Державина как государственного человека: он был настоящий чиновник своего времени: усердно добивался чинов, наград, орденов, богатства, знатности и достиг всего этого теми же путями, какими достигали того же и другие его современники. Преимущество Державина в этом отношении пред прочими искателями фортуны состоит лишь в том, что он нередко употреблял свой поэтический талант для достижения практических целей в жизни. В своих «посмертных записках», недавно изданных в Москве, Державин простодушно выставляет свои действия в служебной сфере и собственные заслуги, оказанные им государству. Державин известен в нашей литературе как талантливый лирический поэт, прославивший царствование императрицы Екатерины II-й. Русская литература в общеевропейской форме началась собственно с Ломоносова, который, при разнообразных своих талантах, приготовил только форму для поэтических произведений на родном языке. Державин, вдохновленный творениями Ломоносова, рано начал писать стихи; но служба и житейская обстановка препятствовали ему вполне посвятить себя поэзии, для которой необходимо душевное спокойствие, свобода и независимость материальных средств жизни, а этого-то у Державина в юности и недоставало. Сверх того, и самый язык наш не был тогда разработан настолько, чтоб можно было легко выражать на нем душевные движения. В западных литературах господствовало тогда ложно-классическое направление, где форма предпочиталась идее, содержанию; всякий, кто мог придумать или, лучше сказать, вымучить из себя несколько гладеньких стишков, уже почитал себя поэтом, передовым человеком, и потому считал своею обязанностию говорить и писать языком богов, т.е. так, чтоб прочие смертные мало его разумели, но должны были все-таки им восхищаться. Державин вполне подчинился литературным требованиям своего времени, и потому он мало понятен читателям нынешнего времени.

Общество наше при императрице Екатерине II-й было самое пестрое, разнохарактерное: с одной стороны, видим у нас утонченную, европейскую образованность или, вернее, лоск ее; с другой –

грубое варварство, татарщину; одни стремятся во всем подражать французам, презирают все родное, окружают себя баснословною роскошью, – другие, напротив, упорно тянут назад, к до-петровской Руси, с отвращением смотрят на все европейское. Из таких-то разнородных элементов составлялось русское общество, когда Державин вступил на литературное поприще, и в его произведениях отразился, как говорится, «век и современный человек». Ряд побед, на суше и на море, прославивших русское оружие, требовал восторженных песнопений, и Державин сделался Пиндаром своего времени, главою целой толпы стихотворцев: он без усталы бряцал на своей громозвучной лире после каждой новой победы, воспевал героев ее, пиры, даваемые в честь их и т.п. Почти вся блистательная галерея вождей и вельмож времен Екатерины II-й и Павла I-го была воспета Державиным, конечно, не всегда правдиво, искренно, не всегда с намерением выказать прямо истинные заслуги воспеваемого лица, а часто лишь для того, чтоб удостоиться благосклонности знаменитого человека и чрез его ходатайство шагнуть на высшую ступеньку государственной лестницы. Поэтому большая часть торжественных од Державина холодна, растянута, наполнена риторическими украшениями; конечно, в них часто сверкают искры поэзии, но искусственность формы сильно вредит достоинству. В одах духовных, философских (дидактических) и анакреонтических Державин остался вполне человеком своего века, зараженного ложною французскою философиєю: чувственность, прикрытая покровом сентиментальности, господствует в его анакреонтических песнях; эпикуреизм, легко и удобно прилаживающийся к характеру французской нации, проглядывает в стихотворной философии Державина. Конечно, и в произведениях этого рода виден у Державина сильный природный талант, хотя не просветленный наукою и глубоким размышлением. Лучшими произведениями устарелой музыки Державина должно считать те, в которых он воспевал добродетели и благодушные государыни Екатерины II, противопоставляя в то же время праздную и пышную жизнь некоторых из ее вельмож: в них сатирический талант поэта проявляется в полном блеске. Лучшее стихотворение Державина в этом роде есть его послание к Фелице, правдиво изображающее обыденную жизнь государыни; хороши также, местами: Изображе-

ние Фелицы, Видение мурзы. Из других его пьес достойны внимания: ода Бог, Водопад, Вельможа, Послания к 1-му и 2-му соседу, На взятие Измаила, На смерть кн. Мещерского и нек. др. Язык сочинений Державина весьма устарел: теперь почти нет возможности читать его произведений без пояснений. В Казани поставлен Державину памятник. Сам о себе Державин отозвался довольно самоуверенно:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный!
Металлов тверже он и выше пирамид:
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Новгород. Здание Екатерининской лодки. Фотография нач. XX в.

<И. К. КУПРИЯНОВ>

ПРОГУЛКА ПО НОВГОРОДУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМ

Предисловие

Новгород для читателей родной святыни и древностей всегда был любимым местом посещения богомольцев; толпы их ежегодно стекаются к нам, особенно ко дню празднования памяти св. Варлаама Хутынского. Как пращур всех городов Руси, претерпевший столько невзгод в течение своего 1000-летнего существования, он памятен для каждого русского и по своим историческим воспоминаниям. Посетители Новгорода нуждаются в путеводителе при обозрении ими здешних достопримечательностей. Текущий год, кроме того, назначен для открытия в Новгороде памятника в воспоминание тысячелетнего существования России как государства, а совпадающее вместе с тем духовное торжество Софийского собора, состоящее в переложении св. мощей строителя собора, князя Владимира

Ярославича, в новую благолепную серебряную раку привлечет, вероятно, в Новгород еще больше стороннего народу, так что надобность в подобном указателе становится еще ощутительнее. Чтоб удовлетворить посетителей здешней святыни и древностей, мы составили настоящий краткий путеводитель по Новгороду и его окрестностям, присоединив к нему и необходимые статистические сведения за последнее время.

Глава I

Путь до Новгорода и примечательности по берегам р. Волхова

Попасть в Новгород из Петербурга или из Москвы весьма легко и удобно; так же просто, как предпринять прогулку, например, в Петергоф и Ораниенбаум. Стоит только взять билет на железной дороге до Соснинской пристани, если случится ехать летом, в навигационное время, и до Чудовской станции, если кому вздумается посетить наш Новгород зимою. Вышед из вагона, вы садитесь прямо на пароход и едете по мутным водам Волхова до самого Новгорода. Вот на что прошу обратить внимание: верст за 5 от Соснинской пристани, на левом берегу Волхова, на возвышении, среди зелени густо разросшегося и запущенного сада выглядывает благовидная церковь; взгляните на нее и на окружающую ее местность: по берегу разбросано несколько домиков; довольно высокий кряж спускается к реке террасами; купы деревьев и кустарников разбросаны там и сям в картинном беспорядке; невдалеке – выстроилась в линию деревня; кругом зеленеют «поля и нивы полосаты»; по окраинам горизонта чернеет лес; к воде спустилось стадо коров и, по-видимому, с любопытством смотрит на движущийся пароход... Эта живописная, ныне же заглохшая местность, есть знаменитая мыза Державина – *Званка*, куда во время оно собиралось избранное общество повеселиться и пображничать в летнем приюте певца Фелицы. Тогда устроены были здесь разные барские затеи и хозяйственные заведения на широкую ногу... Последняя супруга Державина, Дарья Алексеевна, вовсе не обращала внимания на свою новгородскую усадьбу и завещала ее по своей смерти в пользу духовенства с тем намерением, чтоб на ее месте был сделан женский монастырь. Но так как

средств на это дело оказалось мало, а стада улучшенных пород рогатого скота и овец неведомо какими судьбами исчезали довольно быстро, также как и прочие хозяйственные учреждения весьма скоро пришли в ветхость, уничтожились сами собою, то и не осуществилась эта благодетельная мысль жертвовательницы до сих пор. Бросив беглый взгляд на опустелое, забытое пепелище Державина, от которого скоро не останется и следов, мы едем дальше и дальше безостановочно до гусарского штаба. Местность по обеим сторонам реки довольно однообразная; берега повсюду низменные, обнаженные, за весьма немногими исключениями. Главный продукт, производимый здешнею почвою в изобилии, заключается в траве. Оживленный вид представляют берега Волхова во время сенокоса и жатвы, когда пестрые толпы работающих крестьян снуют взад и вперед по лугам и полям. А было время, и не очень давно, когда эти пустынные берега были покрыты густыми лесами; но при устройении военных поселений и при введении военного хозяйства в сельский быт сочли благоразумным их уничтожить. Все почти побережья Волхова до самого Новгорода были заселены приснопамятными военными селениями, созданием графа Аракчеева. Много потрачено на их устройство денег, много пролито слез на этих ныне безмолвных нивах и стриженных аллеях по поводу исполнения странной идеи – слить воедино звание воина с мирными занятиями пахаря. К счастью нашего времени, военные поселения сделались теперь достоянием истории.

Окончательное уничтожение военных поселений последовало в нынешнее, во всех отношениях благодетельное для народа царствование. Конечно, существуют еще и теперь некоторые господа, которые жалеют о недавнем прошлом, жалеют о хлебных местах, доставлявших им сытный корм и на черный день денежный запасец из благоразумной экономии, благодаря терпеливости русской натуры и принципу тогдашней администрации: «по шкурке, так и быть, возьмите, а больше их не троньте волоском». Но вот издали еще показались на правом берегу однообразные здания с высокою красною каланчею посредине, на вершине которой, однако ж, нет бодрствующего стража. Вы сами тотчас догадаетесь, что это казарма: здесь помещается лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Тут пароход

остановится на несколько минут, выпустит немногих пассажиров и примет новых, если таковые найдутся. Нельзя не одобрить благотельной мысли строить казармы в отдалении от городов. Известно каждому, как тяжелы для обывателей воинские постой, не говоря уже о пагубном влиянии войска на нравственность местных жителей. Конечно, для служащих воинов не совсем приятно прозябать в каком-нибудь захолустье, вдали от удовольствий столицы; впрочем, при удобстве сообщения этих мест с Петербургом, немногие из здешних гвардейцев скучают бездействием. Точно такие же здания встретятся вам на пути еще дальше в двух местах по Волхову: это казармы лейб-гвардии уланского и драгунского полков, где также высадится часть наших спутников и прибавится несколько новых. Чем далее мы едем, тем местность становится картиннее и оживленнее. Почти против драгунского штаба, на правом берегу Волхова, среди зелени сада, на высоком бугре, мелькают куполы церквей и снежно белизною светятся какие-то стены: это Хутынский Спасо-Преображенский мужеский монастырь, построенный в 1192 г. св. Варлаамом, в мире Алексое Михайловичем. Здесь, в приделе архангела Гавриила, покоится прах Державина, любившего при жизни это живописное и уединенное место. Много чудного повествуют летописцы о св. угоднике Варлааме. Так, рассказывают, что приснопамятный для Новгорода царь Иван Васильевич IV, посетив однажды Хутынский монастырь, пожелал видеть мощи св. Варлаама, лежащие под спудом; но был опален огнем, исшедшим из раки чудотворца, за такое дерзновенное желание. Царь в страхе бежал вон из монастыря, оставив в нем свой посох. Этот посох и обожженные двери у чудотворцева гроба и доселе показывают благочестивым посетителям монастыря. Впрочем, летописец под годом 1540 пишет, что «в лето 7048 июня в 7 день в церкви у св. Спаса на Хутыне бысть пожар на правой стороне у чудотворцева гроба, и погореша иконы со всем узорочьем до царских дверей, и чудотворцев гроб огоре; посох же тростный тут же у гроба несгоре, молитвами преподобного Варлаама чудотворца» (III Новг.<ородская> лет.<опись>, стр. 249). Существует в народе еще предание, что св. Варлаам обещал архиепископу Григорию приехать к нему в гости из своего монастыря по зимнему пути, на саних, в 1-ю пятницу

Петрова поста. Несмотря на теплое время года, снег выпал действительно в достаточном количестве, так что св. угодник исполнил свое обещание. В память этого события установлен большой крестный ход из Софийского собора и всех городских церквей в Хутынь монастырь в 1-ю пятницу Петровского поста. К этому дню стекается всегда в Новгород множество богомольцев из разных мест, и в городе открывается ярмарка. Посетив Хутынский монастырь (что непременно советуем вам сделать по приезде в Новгород), взгляните на его древности, состоящие из церковной утвари преподобного Варлаама: ризы, подризники, эпатрахили, поручей и креста; тут же в ризнице вам покажут подлинную пергаменную грамоту св. Варлаама, документ весьма любопытный в палеографическом отношении. В Хутынской слободе и в лежащей недалеко от нее немецкой колонии проводят иногда лето некоторые новгородские дачники; вообще эта местность очень любима новгородцами и потому охотно посещается любителями загородных прогулок. Но наш пароход, не останавливаясь, несется все дальше и дальше. На противоположном берегу Волхова возвышается длинная-предлинная кирпичная труба: вы сами догадаетесь, что это завод, а я вам скажу только, что в нем и доски пилят, и муку мелют; заправляет им какой-то немец. Теперь, чем ближе подъезжаем мы к Новгороду, тем местность становится оживленнее, и потому прошу вашего внимания. Перед нашими глазами живописно красуется на правом берегу Волхова здание в роде рыцарского замка, с расписными башенками и разными затейливыми украшениями. У ворот поставлена будка, подле которой неподвижно стоит часовой в военной форме, с ружьем в руках. Всматриваясь пристальнее, вы заметите, что это манекен, одетый в солдатское платье, а не живой человек. Вы удивляетесь, видя на Волхове такую диковинку, и, без сомнения, пожелаете узнать имя счастливого обладателя этой оригинальной мызы. Действительно, стоит знать имя этого господина: это коллежский секретарь Б., составивший себе состояние юридическими познаниями и опытностью в тяжёбных делах. Вы, без сомнения, благосклонный читатель, слышали печальную историю заедания людей около Новгорода собаками, случайно сделавшуюся гласною, и потому мы рассказывать ее не будем. Едем дальше. Перед нами теперь с одной стороны Деревяницкий мона-

стырь, основанный в 1335 г. архиепископом Моисеем, а с другой – Колмово, прежде бывший также монастырь. Теперь здесь помещаются богоугодные заведения Приказа общественного призрения. Сюда долго ездили некоторые новгородцы, чтоб заглянуть в заманчивую даль будущности, которую имел будто бы дар предвещать какой-то дьякон, содержащийся здесь в доме умалишенных. Наш новгородский прорицатель, подобно знаменитому московскому пророку Ивану Яковлевичу, пользовался также уважением наших дам. Новгород близится: уже довольно явственно можно различать куполы его многочисленных церквей; виден зубчатый кремль, местами поросший сверху кустарником; его 800-летняя святыня, св. София, заметно отделяется от прочих зданий города; красивый мост, переброшенный через Волхов, кажется висящим на воздухе. Мы едем теперь мимо Антониева монастыря, высокая и тенистая роща которого невольно манит вас под свою сень; постоянные обитатели этой рощи, грачи, раздирают слух ваш своим пронзительным криком. В Антоньеве монастыре помещается здешняя семинария, и потому не удивляйтесь, читатель, если на берегу увидите толпы богословов, философов и грамматиков, преважно расхаживающих с тетрадками в руках, либо кучками сидящих на склоне антоновского бугра; между тем как прочие обитатели слободы, если это день праздничный, играют себе в рюхи или городки. Прекрасный пол, в платьях самых ярких цветов, качается себе на качелях и распевает песни. Богословы и философы зарятся на красавиц. Заглянемте и в самый Антониев монастырь. Пока вы будете смотреть направо и налево, чтоб опознаться с местностью, я скажу вам в нескольких словах кое-что об этом монастыре. Всем, без сомнения, известна легенда о чудном путешествии св. Антония на камне по водам из ветхого Рима в великий Новгород, напечатанная в «Памятниках старинной русской литературы», изданных под редакцию г. Костомарова (Т. I, стр. 263). Путешествие это, по словам легенды, совершилось в 1106 г. и всего только в двое суток. Впрочем, летопись ничего не говорит о дивном странствии св. Антония Римлянина, а просто повествует, что «в лето 6625 (1117) игумен Антон заложи церковь камену Св. Богородица монастырь» (I Новг. лет., стр. 4), а чрез два года она была уже отстроена и расписана. Когда Грозный Иван ополчился на великий

Новгород в 1570 г., то потешился и над Антоновым монастырем: монахов замучил лютою смертию, а ценное имущество монастыря увез в Москву; часть церковных сосудов и доселе хранится в московском Успенском соборе. Антониев монастырь горел несколько раз, так что древних зданий в нем почти нет. Последнее возобновление монастыря происходило в недавнее время, именно в 1837 г. Как на остаток древнего строения, современного якобы основанию монастыря, предание указывает на высокую круглую башню, к северо-западу от главного храма Рождества Богородицы, с приделом во имя св. Онуфрия и Петра Афонского. Из достопримечательностей монастыря назовем: камень, на котором совершил свое чудное плавание св. Антоний, и пучок травы, который он держал во время своего путешествия; 6 небольших финифтяных икон, относимых преданием ко временам основателя; старинное паникадило. Кроме мощей основателя монастыря, переложенных в 1860 году в новую великолепную серебряную раку, в приделе Иоанна Богослова лежат под спудом мощи пяти братьев Алфановых, посадских людей великого Новгорода, перенесенные сюда в прошлом столетии из упраздненного Сокольницкого монастыря. В монастырской паперти погребены некоторые новгородские иерархи и вельможи XVII и XVIII веков; прочий люд, за приличную плату, погребается в ограде за соборною церковью. При семинарии имеется значительная и в порядке содержащая библиотека, состоящая исключительно из книг духовного содержания. Много книг в нее поступило из богатой библиотеки известного проповедника Феофана Прокоповича. Между тем, пока мы обозревали Антониев монастырь, не успев еще заглянуть в семинарию на тамошние порядки, пароход уже подъехал к новгородской пристани, где всегда ожидает его прибытия толпа любопытных зевак: вы тут увидите и наш чиновный люд, занимающийся целый день бумагописанием, увидите и сыновей Марса, бодро и нахально расхаживающих с папиросками в зубах, разного сорта барынь, неизвестно кого всякий день поджидающих. Итак, мы приехали в Новгород, и посмотрим теперь на его достопримечательности.

Глава II

Софийский Собор и его достопримечательности

Сойдя с парохода и очутившись, таким образом, на почве некогда великого Новгорода, вы должны, конечно, прежде всего озаботиться приискать себе пристанище. За этим, без сомнения, у нас дело не станет: Новгород избилует до излишества трактирами, гостиницами и постоялыми дворами. Улица, по которой мы теперь поедем, прозывается *Буяною*, и вся наполнена так называемыми *заведениями*, где готовится кушанье и чай. По поводу такого оригинального наименования этой улицы можно было бы кстати пуститься в филологические и исторические разыскания; но мы, щадя терпение наших посетителей, этого не сделаем, скажем только мимоходом, по пути, что некоторые ученые филологи предполагают, будто свое прозвище *Буяна* улица получила в честь знаменитого славянского барда *Бояна*, внука Велесова и соловья старого времени, который, по словам певца Игорева, «своя вещице персты на живые струны вскладше, они же сами славу князем рокотаху». Опираясь на такой прочной филологической основе, ученые выводят, что славянский певец Боян был новгородец и жил, без сомнения, где-нибудь поблизости этих мест, а признательные потомки стали именовать эту улицу в честь его *Бояною*. Но вот и другая догадка, ближе и вернее объясняющая название *Буяной* улицы: здешние старожилы рассказывают, что на этой самой улице еще не в очень давние времена, на их памяти, происходили кулачные бои, любимая потеха истых новгородцев. Без сомнения, много физиономий бывало здесь разбито, много сокрушено ребер ради пустой забавы и тщеславия; Ядрило Зуболомич, Васька Буслаевич и другие новгородские витязи отличались здесь своею богатырскою силою и мощными дланями. Есть и еще предположение о происхождении названия *Буяной* улицы, едва ли не самое правдоподобное из предыдущих: не было ли тут на берегу устроено *буянов*, когда еще Новгород, в старые годы, славился торговлею и богатством, когда ганзейские и иные заморские купцы выгружали и нагружали здесь свои суда товарами? Я не навязываю посетителю Новгорода ни одного из этих предположений: пусть он признает хоть и все три недостаточно достоверными и отвергнет их,

как недостойные его внимания; но если, по воле случая или по чьей-либо рекомендации, он поселится на Буяной улице, то, не сомневаюсь, что он примет второе предположение за справедливейшее: такого шума, неистовой брани, драк, столько пьяных до безобразия, до положения риз, как здесь говорят, разного пола и звания, едва ли наш посетитель где-нибудь встретит еще в Новгороде. Трактиры, питейные и другие непригожие дома нашли себе здесь привольный приют; блюстители общественного спокойствия и народной нравственности равнодушно смотрят на это скопище гадостей, вероятно, имея на все подобные вещи свой особый взгляд.

Но оставим в покое знаменитую Буяну улицу с ее нечистотою и мерзостями и поедемте знакомиться с Новгородом. Но куда же прежде всего направим мы свои стопы? Конечно, первый привет и низкий поклон вы не замедлите отдать св. Софии, этому палладиуму новгородской свободы, Вестминстеру новгородской республики; недаром говорит летописец: *«где Святая София, ту Новгород»* (I Новг. лет., стр. 38). Итак, пойдете в Детинец и посетим 800-летнюю святыню его. Мы должны будем перебраться через волховский мост, построенный в 1832 г. и стоивший немало денег, благодаря щедрости нашего правительства и искусству наших строителей – не положить охулки на руку. Прежний исторический мост, с которого свергали, как с Тарпейской скалы, строптивых новгородцев, находился несколько выше настоящего; он зачинался невдалеке от часовни св. Арсения и выходил к юго-восточному углу Детинца. Во время страшного разгрома Новгорода в 1570 г. от благочестивого царя Ивана Грозного на волховском мосту был устроен возвышенный помост, с которого низвергали перевязанных новгородцев в воду по несколько сот человек ежедневно, не разбирая ни пола, ни возраста, ни звания; царские же воеводы, разъезжая на лодках, добивали секирами и баграми выплывавших на поверхность реки. На конце нынешнего моста, у Софийской стороны, вы заметите два каменные чистенькие домика, построенные один против другого. В том, который придется с правой руки, помещается канцелярия заведывающего мостом инженера, а в доме с левой стороны устроена часовня *чудного* или *черного* креста. Проходящие мимо этой часовни считают своею священной обязанностью снять здесь шапку и помо-

литься на эту святыню. Заглянем же и мы по пути в нее. На стене часовни, прямо против входа, висит большой осьмиконечный крест с резным изображением распятого Спасителя и предстоящими – Матери Божией, Марии Магдалины, Иоанна Богослова и Логгина сотника. Крест величиною более сажени, а шириною в среднем поперечнике более 2 аршин; сделан он из липового дерева и у подножия имеет следующую надпись: «в лето 7056 (1548) сентября... при царе Иване Васильевиче всея Руси и при архиепископе Феодосии великого Новаграда и Пскова поставлен бысть крест сей повелением раба Божия Петра Невежина для моста». Есть предание, что крест этот находился и ранее означенного на нем времени на волховском мосту и будто бы относится ко временам св. Владимира Равноапостольного, хотя надпись свидетельствует противное; говорят также, что в случаях бездоказательных споров тяжущиеся новгородцы должны были перед всем народом целовать его и потом пить из Волхова воду в удостоверение своей правоты. Эта часовня в прежнее время, когда еще не было московской чугушки, а путь между столицами лежал через Новгород, приносила, говорят, ежегодного дохода более 4 000 р. Перекомскому монастырю, к которому она приписана. Всякий проезжающий мимо мужичок клал свою лепту в кружку; теперь же доход от нее уменьшился более чем на половину.

Войдем теперь в наш исторический Детинец и прежде всего отдадим усердный поклон св. Софии. Каждый старинный город имеет свою святыню, которой именование нераздельно с ним связано и как бы спаяно; она служила для граждан победным кличем, паролем, центром, около которого они группировались в случае общей опасности; под ее сению, освященною и народным верованием, и преданием, сохранялось все драгоценное, все дорогое сердцу каждого гражданина; она же служила усыпальницею для мужей доблести и веры. Таким святилищем для новгородской области был собор св. Софии. Если наружный вид его не поражает взора посетителей ни изяществом, ни легкостью постройки, если беглый взгляд на него не возбудит удивления к искусству зодчего, – зато внутренность храма наполнит душу всякого православного посетителя невольным благоговением к этой почтенной святыне. Мысль, что под сению этих самых куполов и сводов в течение с лишком восьми веков непрестан-

но возносилась усердная молитва к Богу и приносилась бескровная к нему жертва, что здесь, в этой самой атмосфере, молились наши предки, которых имена с признательностию произносит потомство, – такая мысль возбуждает невольное чувство благоговейного умиления и восторженности всякого к этому вековому месту молитвы. Таинственный полумрак и прохлада, всегда здесь царствующие, немало способствуют такому настроению духа.

Главный престол собора сооружен в честь Успения Божией Матери. К нему примыкают 4 придельные церкви: две с южной стороны и две с северной; пятый придел, во имя св. исповедников Гурья, Симона и Авива, пристроен снаружи у юго-западной его стороны. Притворы или паперти собора носят также особые названия: южный называется *мартирьевскою* папертью, от архиерея Мартирия, его соорудившего и здесь погребенного; западный – *корсунскою* и *золотою*, от корсунских золотых ворот, тут находящихся; северный – *богословскою*, от придела во имя Иоанна Богослова. При входе в крайний, южный придел, Рождества Богородицы, посетитель обратит, без сомнения, внимание на медные вызолоченные ворота, которыми этот придел отделяется от мартирьевской паперти. Они называются *сигтунскими*, потому что, по преданию, взяты в числе добычи из шведского города Сигтуны, лежавшего невдалеке от Стокгольма. Действительно, новгородцы, соединившись с эстонцами и корелами, в 1188 г., под начальством князя своего Ярослава Владимировича, произвели удачный набег на Швецию и с богатою добычею вернулись восвояси. В приделе Рождества Богородицы иконостас составлен из старинных икон новгородского письма. В нише у окна почивают мощи новгородского князя Мстислава Ростиславовича, скончавшегося в 1180 г., 14 июня. Этот храбрый воитель, честь и слава новгородской вольницы, прославился победою над чуждою, был любим современниками и умер, оплаканный новгородцами. Про него говорит летописец, что он «лицею леп бе и всею добродетелию украшен и благонравен, и любовь имеяше ко всем и милостыни прилежаше, монастыри набдя; бе бо крепок на рати; всегда бо тесняшеся умрети за русскую землю; бе налюбезнив на дружину и не збраще злата, ни сребра, но даше дружине; не бе бо тоя земле в Руси, которая ни его не хотяше, ни любяше; плакашася по

нем вся русская земля (Прим. 54 к III т. Ист.<ории> Карамз.<ина>). Тут же, под аркою, разделяющею придел Рождества Богородицы от придела Богоотец Иоакима и Анны, почивают мощи св. Никиты, епископа Новгородского, правившего епархией от 1096 до 1108 г. Великолепная серебряная рака, в которой лежат мощи св. Никиты, устроена в 1846 г. графинею А.А. Орловой-Чесменскою, известною благотворительницею новгородских церквей и монастырей. Из жизни этого угодника достойно замечания то обстоятельство, что он, будучи еще иноком Киево-Печерского монастыря, был жестоко искушаем бесом, этим истинным врагом рода человеческого, паче же всего монахов. Сей злокозненный искушитель благочестивых чернецов такую пакость сотворил блаженному Никите: прикинулся ангелом, стал вместе с ним молиться в его келье, беседовал с ним о Священном писании, потом наделил его даром пророчества, так что все печерские иноки и приходящие богомольцы пришли в изумление, когда узнали за Никитою такое искусство в диалектике и совершенное знание книг *ветхого* завета. С трудом догадались потом прозорливые иноки Печоры, что к Никите в келью ходит не светлый ангел, а темнотрачный бес в ангельском образе для его искушения. Никита, впрочем, и сам догадался в бесовской прелести, лишился дара пророчества, забыл ветхий завет и исцелился от дьявольского наваждения молитвами братии. Затем св. Никита был избран епископом Новгородским и правил епархией до своей смерти (1108 г.). Обозрим кстати и прочие мощи, почивающие в здешнем соборе. Под двумя арками, отделяющими мартирьевскую паперть и вседневную ризницу от главного храма, лежат мощи св. Владимира Ярославовича, строителя настоящего собора, а под другою аркою – матери его, княгини Анны, дочери шведского короля и супруги великого князя Ярослава I. До замужества она называлась Ингигердою и скончалась в 1050 г., 10 февраля. Владимир был второй ее сын, княжил в Новгороде 17 лет и скончался в 1052 г., октября 4. Этот князь был едва ли не последним из отважной стаи норманнских орлов. Последний поход русских на Грецию был совершен под его начальством в 1043 г. Поход этот, как известно, был не совсем удачен: греки, помня тяжкую руку Святослава, хотели было сначала откупиться от войны деньгами; но Владимир запросил такую большую сумму (по 3 фунта

золота на каждого русского воина), что грекам нехотя пришлось вступить с русскими в бой. Судьба сражения решилась в пользу греков: пресловутый греческий огонь и буря привели в расстройство флотилию русских удальцов. Сам Владимир едва не утонул в море и был спасен каким-то Творимиричем, перенявшим его в свою ладью. Часть русских судов успела уплыть в море, спасаясь бегством; другая же, в числе 6000 воинов, с трудом добралась до берега и под начальством воеводы Вышаты решилась пробираться сухим путем восвосяси; но, изнуренные голодом и почти нагие, наши удальцы были настигнуты близ Варны многочисленным греческим войском, вступили с ним в неравный бой и большею частию сложили свои буйные головушки на чужбине; человек до 800, и в числе их сам Вышата, взяты были в плен и, ослепленные, приведены в Византию. Между тем Владимир с остатками своей флотилии был настигнут греческими судами, вступил с ними в неравный бой, одержал победу и с богатою добычею возвратился в отечество. Этот-то самый Владимир и есть основатель настоящего собора, коего мощи назначено ныне переложить в серебряную раку. Скажем теперь кстати несколько слов об истории Софийского собора. Первою церковью в Новгороде, по введении в нем христианства, был небольшой храм во имя святых Иоакима и Анны, поставленный в 989 году первым провозвестником слова Божия и первым же его епископом Иоакимом Корсуняниным, вероятно, в честь своего ангела, и вместе с тем главной виновницы христианской веры в России, греческой княжны Анны, супруги св. Владимира. В том же году *срублен* был и Софийский собор о 13 куполах (см. III Новг. лет., стр. 208), на том месте, где впоследствии богатый новгородский купец Сотко Сытинич соорудил великолепную церковь Бориса и Глеба, недалеко от нынешней небольшой церкви Андрея Стратилата. Первобытный храм св. Софии сгорел в 1045 г.; но тогда же заложен был новый каменный собор Владимиром Ярославовичем. Строение его продолжалось 7 лет и было кончено в 1052 г., а освящение последовало в том же году, 14 сентября, при епископе Луке Жидяте. День этот и донныне празднуется с особенным торжеством в соборе. Для внутренней отделки церкви и для изображения настенной живописи были выписаны греческие художники из Царяграда. Летописец рассказывает при

этом следующее чудо. Епископ Лука велел иконописцам изобразить в главном куполе икону Спасителя с *благословящею* рукою. Несмотря на старание художников исполнить приказание владыки, рука у Спасителя выходила *сжатою*. После трехдневной безуспешной работы изуграфы услышали на четвертые сутки глас, исходивший от иконы: «Писари, писари, о писари! Не пишите мя благословящею рукою; напишите мя сжатою рукою: аз бо в сей руце моей сей великий Новград держу; а когда сия рука моя распространится, тогда будет граду сему окончание» (см.: Ш Новг. лет., стр. 211). Предание это блюдетя и до сих пор в Новгороде. Не станем перечислять многочисленных летописных указаний о пожарах и поновлениях собора: в течение своего 800-летнего существования он претерпел немало невзгод. Последняя и самая важная перестройка нашего собора совершена в 1830-37 гг., причем вся северная капитальная стена его была переделана заново, укреплен фундамент, внутренность собора освобождена от гробниц, занимавших много пространства; кровля и купола обиты вновь железом, полы выстланы плитою; стенная живопись и иконостасы также поправлены и приведены в лучший вид, с соблюдением старинного вкуса. Все эти переделки стоили собору около 50 000 руб. сер.<ебром>. Но мы удалились несколько от нашей цели – обозрения св. мощей. Перейдем теперь на северную сторону собора. В арке, отделяющей придел Предтеченский от главного храма, в великолепной серебряной раке, устроенной в 1856 г., почивают мощи знаменитого иерарха новгородского, архиепископа Иоанна (Илии), способствовавшего освобождению Новгорода от известной осады суздальцев в 1170 г., причем явилось Новгороду *знамение* Божией Матери на ее образе, взятом из Спасской церкви. Много искушений перенес святой Иоанн от злокозненного беса, которого, однако ж, напоследок одолел, заключив его в рукомошник. Известно всем, что Иоанн-архиепископ за такие козни беса слетал на нем в одну ночь в Иерусалим и обратно. Но злокозненный дьявол и после такой тяжелой работы не переставал творить пакости святому мужу: являлся к нему в келью в образе некоей отроковницы, подбрасывал к нему девичьи наряды и украшения, так что, наконец, привел в смущение целомудренных новгородцев, и они решились посадить своего любимого архиерея, как блудника, на плот и

пустили по Волхову; но плот, паче чаяния, поплыл против течения. Тогда только спохватились новгородские граждане, что то было наваждение злого духа, и стали просить святого мужа возвратиться к ним назад на паству; он согласился и пристал к берегу на рели, недалеко от Юрьева монастыря (см.: Памятн. стар. русск. литер. Костомарова, т. I, стр. 245-249). Иоанн святительствовал в Новгороде с 1165 до 1186 г. Приемником ему был избран брат его Григорий, которого мощи лежат под спудом в том же приделе, в тесном подземельном склепе. Под следующею аркою почивают мощи князя Федора Ярославича, старшего брата Александра Невского, перенесенные сюда в 1614 г. из Юрьева монастыря. Ни гражданских, ни военных подвигов этого князя мы не знаем: он скончался 14 лет от роду, в 1233 г., в самый день своей свадьбы. По этому случаю летописец наивно восклицает: «и еще млад и кто не пожалует сего? сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позвани, и бысть в веселия место плач и сетование грехи наша: но Господи, слава Тебе, Царю небесный, извольшу Ти тако!» (см.: I Новг. лет., стр. 49). Вот и все мощи святых, открыто почивающих в Софийском соборе; сверх того, погребены еще здесь следующие князья: 1) Изяслав Владимирович, сын Мономаха, убитый 1095 г. в сражении с Олегом Черниговским; 2) Мстислав Ростиславович, умерший в 1178 г., троюродный брат соименного ему св. князя; 3) Василий Мстиславович, скончавшийся 1218 г. в детском возрасте; 4) княгиня Александра, супруга строителя храма, князя Владимира. Затем еще целый ряд новгородских иерархов, начиная с первого, Иоакима, и кончая митрополитом Амвросием Подобедовым (ум. 1818), избрали св. Софию своею усыпальницею; в числе почивших многие причтены к лику святых; между прочими здесь же покоится прах знаменитого проповедника и сотрудника Петра I Феофана Прокоповича и Дмитрия Сеченова. Биографий всех новгородских владык я рассказывать не стану, потому что тогда пришлось бы мне пересказать почти всю историю Новгорода, что далеко вышло бы за пределы предложенного мною беглого очерка общественной жизни и его достопамятностей. Под сению св. Софии погребались также многие посадники и частные лица. Гробницы семейства князей Ростовских-Катыревых сохранились еще и до сих пор в приделе Иоанна Богослова; прочие же

все гробницы сняты при последней перестройке собора и оставлены только на стенах надписи с именами погребенных. Теперь обратим внимание на местные иконы собора, называемые у нас корсунскими и вывезенные будто бы св. Владимиром из Корсуня. Из них заслуживает особенного внимания по своей древности икона св. апостолов Петра и Павла; прочие же все местные иконы обложены серебром, так что, кроме лика, на них вовсе не видать рисунка. Серебра на ризах считается более 20 пудов. Вот эти образа: с правой стороны царских врат – Спасителя, Софии, Премудрости Божией, Благовещение Божией Матери, а с левой – Успение Богородицы, «предста Царица одесную Тебе» и «О Тебе радуется». Когда грозный царь Иван ополчился на Новгород в 1570 г., то некоторые из местных икон увез с собою в Москву, но возвратил впоследствии в подлиннике только икону Петра и Павла, а с иконы Спасителя прислал копию. Подняв глаза горе, вы увидите в куполе и тот знаменитый образ Спасителя, уже с распростертою почти рукою, о котором говорено было выше.

Против иконостаса у контрфорсов устроены два места: царское и святительское, сделанные в царствование Иоанна Васильевича Грозного, в 1560 и 1572 годах. Паникадила, или хоросы, так же древни: самое большое из них устроено при Борисе Годунове, 1600 г.; другое по преданию относится к более отдаленным временам, – св. Владимира, и называется *кормунским*; прочие – времен Алексея Михайловича.

Внутри главного алтаря стены обложены мозаикою в виде плиток желтого, зеленого и кофейного цвета. Эта мозаика, говорят, современна основанию самого собора. Минувя затем многие старинные иконы новгородского письма, мы поднимемся теперь чрез задние двери, по темной лестнице, на хоры и взглянем на ризницу, а взглянуть на нее, хотя мельком, необходимо нужно: в ней-то и хранятся замечательнейшие редкости собора. Впрочем, я не берусь здесь быть вашим чичероне, так как вы, без сомнения, не откажетесь воспользоваться обязательным сопутствием соборного ключаря, протоиерея Соловьева, составившего обстоятельное описание Софийского собора и его ризницы. Из древних вещей, здесь хранящихся, заслуживают внимания и рассмотрения: 1) несколько старопечатных Евангелий и богослужебных книг XVII и XVIII веков в бога-

тых серебряных окладах, 2) крест корсунский архиепископа Антония (XIII в.) с частицами древа, на котором был распят Спаситель, и два креста воздвизальных, обложенных серебром и относимых также к XIII в.; 3) покровы и две плащаницы, из которых одна 1456 г.; 4) потиры, дарохранильницы, рипиды и кадила – весьма древние, начиная с XII в.; 5) святительские облачения и вериги: св. Никиты епископа (омофор, фелонь, епитрахиль, шапочка и посох), св. Иоанна архиепископа (XII в.), св. Моисея (XIV в.) и Евфимия (XV в.); 6) клобуки, из которых особенно замечателен белый, присланный иерусалимским Патриархом архиепископу Новгородскому Василию; существует даже целая апокрифическая повесть об этом клобуке, особенно чтимом старообрядцами; 7) сосуды для св. воды, ладоницы, сионы и рукомойники – весьма древние; 8) блюда, из которых одно шведское, взятое будто бы в числе трофеев из Сигтуны; 9) вещи работы Петра Великого, подаренные Феофану Прокоповичу императрицею Анною Иоанновною (кружка, трость, табакерка и портрет); 10) старинное новгородское знамя и княжеская шапочка. Кроме того, в ризнице же хранится коллекция монет, начиная с XV в. и позже; также частицы мощей русских и греческих святых в особых ковчезцах. В сенях ризницы сберегались еще недавно халдейская печь, употреблявшаяся при известном обряде пещного действия; но – увы! ее теперь увезли в Петербург. В куполе хранятся еще резные образа, выточенные из дерева, некоторые весьма искусной работы. В особых обширных палатах помещалась прежде знаменитая софийская библиотека, одно из богатейших книгохранилищ в России по отделу рукописей и старопечатных книг; но и ее недавно (1858 г.) увезли в Петербург по требованию покойного митрополита Григория. Этой важнейшей достопамятности, привлекавшей сюда к нам людей ученых и любознательных, к прискорбию, ныне также лишился Новгород.

Новгородские рукописи вывозились отсюда целыми обозами и барками в течение прошлого и нынешнего века. Куда они девались, про то, кажется, один Бог ведает: их везде много, по всем казенным и частным библиотекам, исключая только Новгорода. А сколько их погибло в пути от невежественных рук, потому что они сдавались подрядчикам не по описям, а с весу. Нечего удивляться после того,

что история наша представляет много белых, неисписанных страниц; пред нашими глазами вдруг возникают, громоздятся события, являются неведомо откуда деятели, исчезают потом сами собою, точно картинки в волшебном фонаре. Совершенно иное было бы дело, если б богатая здешняя библиотека поступила в состав Публичной библиотеки, этого поистине полезного общественного учреждения, богатствами которого может пользоваться всякий желающий.

Мы почти кончили наше краткое обозрение главной святыни Новгорода; нам остается только прибавить, что с западной стороны, т.е. с архиерейского двора, вход в собор называется *корсунскою* папертью от находящихся тут медных ворот, привезенных, по преданию, будто бы из гор. Корсуня, но на самом деле сделанных в Германии в XIII веке. Советую посетителю новгородских древностей полюбоваться этой диковинкой, чтоб имеет ясное, наглядное понятие о литейном искусстве того времени. Аделунг написал обширное сочинение об этих воротах, переведенное на русский язык г. Артемовым. С западной же стороны вделан в стену собора крест, называемый *белым*, в отличие от *чудного* или *черного креста* на волховском мосту, и относящийся, судя по надписи на нем, к XIV в., ко времени управления новгородскою епархией архиепископа Алексея. Теплым храмом при соборе служит церковь *Входа в Иерусалим*, построенная в прошлом веке на месте древней, и ничего замечательного в себе не заключающая. К собору же принадлежит и колокольня, находящаяся подле кремлевской стены, красивой готической архитектуры. Между пятью пролетами ее висит 18 колоколов; самый большой из них – макарьевский, весит 1 614 пудов и слит в 1660 г. при митрополите Макарии II; есть и более древние колокола на ней, именно два небольшие колокола бывшей Вознесенской церкви, слитые в 1566 г. Есть предание, что приснопамятный для Новгорода царь Иван Грозный, когда пришел смирать Новгород, то *казнил* и пименовский колокол, весивший 500 пуд. Рассказывают при этом, что когда Грозный ехал по волховскому мосту верхом на своем любимом коне, то в соборе, в честь его, стали звонить *во все тяжкие*; конь, испугавшись сильного и внезапного звона, пал на передние ноги, так что царь едва усидел на нем. Рассвире-

певший государь приказал отрубить дерзкому колоколу уши, а потом и свезти его в свою любимую Александровскую слободу, вероятно, для дальнейших истязаний и мучений, но потом, может быть, смирился духом, оставил его в покое... Вид с Софийской колокольни на Торговую сторону прекрасный: прямо, длинную полосую, тянется мост; внизу бежит мутный Волхов, этот вольный выходец новгородский; пестрою лентою раскинулись по самому его берегу рыбные садки и пароходная пристань; над разноцветными крышами домов высятся куполы городских церквей с сияющими на них крестами и звездами.

Глава III *Исторический очерк* *новгородского Детинца и его достопримечательностей*

Теперь пробежим кратко летопись нашего славного *Детинца*, иначе называемого просто *городом*. Летописи время основания его относят к 1044 г., когда княжил в Новгороде Владимир Ярославович, строитель св. Софии (III Новг. лет., стр. 214). Но эта первая твердыня Новгорода была, без сомнения, вовсе не такою, как видим мы ее теперь: она состояла из вала, обнесенного деревянною стеною и частоколом, и окружена была рвом; несколько каменных башен служили точками опоры для ее защитников. В те отдаленные времена, когда не знали еще огнестрельного оружия, подобная крепость могла считаться действительною и надежною защитою от внезапного нападения врагов, особенно если она находилась на возвышенном месте. Что новгородский Детинец первоначально был деревянный, это можно видеть из слов первой новгородской летописи, где под годом 1097 сказано, что Детинец *сгорел*, а вновь *срублен* только в 1116 г. новгородским князем Мстиславом Владимировичем, но в большем против прежнего виде. Впрочем, и этот вновь построенный Детинец был не каменный, потому что в 1262 г. новгородцы снова *срубили* город. О построении же каменной стены в Детинце упоминается в первый раз лишь в 1302 г. Едва ли не каждое столетие после того кремлевские стены перестраивались и поновлялись на суммы архиерейские или общественные. Мы не будем перечислять всех

этих перестроек в последовательном порядке, а упомянем только о важнейших. В 1437 г. весной от сильного половодья подмыло восточную часть крепостной стены, и она рухнула, вместе с Софийскою колокольнею; но вскоре же была исправлена. Недавно, именно 7 мая нынешнего года, часу в 12 ночи, обрушилась в Волхов также значительная часть восточной стены Детинца; к счастью, при этом падении никто не пострадал. При основании нашлось много каменных ядер большого размера, сделанных из алебаstra, вероятно, с целью скатывать их на осаждающих. Петр I, после проигранного русскими сражения под Нарвою, опасаясь преследования Карла XII, велел в 1701 г. укрепить новгородский Детинец и устроить вокруг него правильные бастионы, которые существовали до начала нынешнего столетия, и следы которых видны кой-где еще и доныне. Кремлевские стены подновляются и теперь постоянно, благодаря излишней ревности реставраторов, желающих во что бы то ни стало истребить все следы почтенной древности. Внутри вновь сделанных частей стены, равно как и в некоторых башнях, сберегаются теперь гарнизонные и жандармские доспехи.

На стенах Детинца устроены были башни или бойницы; к верхней части иногда приделывались церкви, а в нижней находились ворота. Таких башен осталось теперь 9, прежде было их не более 10. Самая высокая из башен, на западной стороне Детинца, была *сторожевою* и называлась также *кукуевскою*; прочие же получили название от церквей, в них находящихся. В башнях понаделаны были комнаты для стражи; впоследствии многие из них были обращены в архивы, откуда выносились и вывозились исторические материалы повсеместно. В летописях упоминаются следующие церкви на воротах Детинца: 1) Положение пояса Богородицы, 2) св. Феодора, 3) св. Равноапостольного князя Владимира, 4) Покрова св. Богородицы, 5) Спаса Преображения и 6) Воскресения Христова. Ворота в Детинце считались прежде около 7; название свое получили они также от церквей, вверху их построенных, именно: спасские, покровские и т.д. Кроме этих ворот были еще *водяные*, существующие и до сих пор вблизи Софийской колокольни и выходящие на Волхов. Название свое эти ворота получили от того, что чрез них ежемесячно ходили прежде на реку святить воду. Теперь на крепостной стене

нет более церквей, а существуют только две часовни, пристроенные в новейшее время к башням: 1) *спасская*, на южной стороне кремлевской стены, и 2) *никольская* на восточной, подле городского сада. В первой из них замечательны: старинные железные ворота, ныне заделанные, находящиеся на значительной глубине и служащие выходом из крепости в Людин, или Гончарский конец. В уцелевшей нише их поставлен образ Спасителя, чтимый народом, а внизу устроен колодезь с холодною водою, считаемою целебною. При Спасской часовне имеется описание чудотворений от этой иконы Спасителя; но кажется, что эти чудеса должны быть отнесены к иконе, находящейся в разобранный ныне церкви Спасителя на Торговой стороне, у вала, за церковью Ильи пророка. Спасская часовня приписана к церкви св. мучеников Фрола и Лавра. В другой часовне, Николая чудотворца, пристроенной к Владимирской башне, достойны любознательного посетителя новгородских древностей следующие ее достопамятности: 1) икона св. Равноапостольного князя Владимира весьма древней живописи, 2) старинная икона Николая чудотворца, изображенная на капитальной стене башни, весьма чтимая народом, в прекрасной серебряной ризе, 3) икона св. Евфимия, древнего письма, взятая сюда из уничтоженной церкви во имя этого святого при архиерейском доме; 4) большой каменный крест, вделанный в стену, с надписью 1244 г., из которой видно, что он поставлен каким-то чернецом Симеоном из Аркажа монастыря. Над водяными воротами, недавно возобновленными, устроен образ *происхождения честных древ*, в нижней части которого изображена овчая купель с предстоящими вокруг новгородскими святыми. Теперь внутренняя часть Детинца занята корпусом присутственных мест и домами священнослужителей Софийского собора; при всем том большая часть Детинца ныне пустует. В старину же были здесь частные здания, лавки и даже существовала улица *Епископская*, или *Пискупля*; здесь находилось прежде 26 церквей, в числе которых числилось до 10 церквей *обетных*, или *обыденных*, т.е. строенных в один день по обету граждан, в случае мора или какого-нибудь общественного невзгодья. Из этого видно, между прочим, что в старину жили тесненько. Трудно теперь представить себе, чтоб на таком малом пространстве, какое занимает наш Детинец, могло поместиться столько

частных и казенных зданий и церквей. В настоящее время в Детинце находятся, кроме Софийского собора с его приделами, еще следующие церкви: 1) Входа Иисуса Христа в Иерусалим, о которой мы говорили в предыдущей главе; 2) Андрея Стратилата; 3) Покрова Пресвятой Богородицы; 4) св. Иоанна, архиепископа Новгородского; 5) Сергия Радонежского и 6) Благовещения Пресвятой Богородицы. Время основания церкви св. Андрея Стратилата неизвестно по летописям; некоторые археологи приписывают построение ее новгородскому князю Андрею Александровичу, сыну Невского, в честь своего ангела; следовательно, к самому началу XIV в. Эта церковь просто игрушечная: высота ее не более 2 сажень; примечательного в ней ничего нет. Покровская церковь, примыкающая к западной стене Детинца, основана также в начале XIV в., она перестраивалась несколько раз и была долгое время приписана к городскому острогу, вблизи ее находившемуся. Предание говорит, что она первоначально была придворною, так как подле нее, в городской башне, жили новгородские князья в случае осады города. Впоследствии тут жили царские наместники, а потом поселились дьяки; теперь в Покровской башне сберегается гарнизонный архив. Церковь во имя Иоанна, архиепископа Новгородского, устроена очень недавно – 1822 г., в бывшей *Грановитой* палате. Эта палата имеет сходство с московскою и называлась иначе *сенями*. «*Возвести на сени*» владыку значило вручить новоизбранному архипастырю власть административную, и только после рукоположения он получал все духовные права, приличные его сану, потому что избранный народною волею владыка мог быть простым чернецом и даже белым священником. В церкви особенных достопримечательностей нет никаких: из нее есть ход в келии св. Иоанна архиепископа, состоящий из двух небольших низеньких комнат. В углу первой комнаты устроена тесная и мрачная моленная святителя Иоанна, куда он удалялся для уединенной молитвы. В следующей комнате, в угловой нише, висит тот знаменитый рукомоиник, в котором св. Иоанн заключил мерзопакостного беса. На дверцах этой ниши следующая недавняя надпись: «стоящу святителю Иоанну на молитве, начат диавол трепетати в рукомоинике; святыи же огради сию умывальницу крестом, и немогий диавол терпети; повеле ему святыи да несет его в Иерусалим. И во

едину ночь быв в Иерусалиме и паки тояжде нощи возвратится в великий Новгород». На противоположной стене висит икона Софии, Премудрости Божией, с старинною железною лампадою, кругом которой, по обручу, в два ряда, прорезана следующая позолоченная надпись: «лета 7074 (1566) поставил сию свечу Павел Юрьев сын Гречин родом из кесари, а ныне живет в Цареграде при архиепископе Пимине». Стены и потолок Иоанновых келий расписаны изображениями событий из жизни св. Иоанна, вероятно, хорошо известными большинству наших читателей из легенд, напечатанных г. Костомаровым в «Памятниках старинной русской литературы». О двух домашних архиерейских церквах: 1) во имя Благовещения Пресвятой Богородицы и 2) Сергия Радонежского сказать особенного нечего: Благовещенская устроена в начале нынешнего столетия, а Сергиевская, вместе с Евфимьевскою башнею, в половине XV века. Евфимьевская башня, находящаяся на архиерейском дворе, есть самое высокое строение в Новгороде (около 20 сажень вышины); прежде наверху ее были устроены часы, ныне уже испорченные. В I Новг.<городской> летописи под годом 6944 (1436) сказано об этих часах только, что «*владыка Еуфимей над палатою у себи часы звонящици устрое*». Вид с Евфимьевской башни в летнюю пору прелестный: кругозор с нее простирается в ясную погоду верст на 20 и далее; широкою лентою расстилается под ногами Волхов с бегущими по нем судами разного вида и величины; весь город, с его многочисленными садами, церквами и зданиями, кажется как на блюдечке; люди представляются движущимися взад и вперед букашками разных цветов; окрестные монастыри, закутавшись в зелень своих садов, манят к себе взгляд наблюдателя; вдали, на юг, синееет беспокойный Ильмень, на ближайшей окраине которого ярко сияют золоченные купола Юрьева монастыря, словно звезды на небе...

Остальные за тем здания архиерейского дома не заслуживают внимания, исключая разве так называемого *греческого* корпуса, строенного в начале прошлого века митрополитом Новгородским Иовом для греко-латинского училища, преподавателями которого были известные братья Лихуды, ходатайством Иова освобожденные из заключения; теперь здесь помещается уездное училище духовного ведомства – плодоносный рассадник дьячков, пономарей и мел-

кой канцелярской челяди. Мы ничего не скажем о великолепных палатах митрополичьих, постоянно пустых, но зело и благолепно украшенных резьбою, позолотою и разными цаты. Таким образом, все пространство нашего достославного *Детинца* находится во владении соборного духовенства; исключение составляет только корпус присутственных мест, о котором как зданию говорить не стоит: все подобного рода строения на один общий казенный лад. Сюда стремятся каждое утро и каждый вечер толпы пишущей братии, известной под общим именем *чиновников*. Мы как профаны не дерзаем заглянуть внутрь этого святилища и поверять весы слепой, как всем известно, Фемиды: она у нас такова же, как и везде на Святой Руси – дремлет, извергая только ежедневно груды исписанной бумаги; а впрочем, у ней все обстоит благополучно.

Вот все замечательное, что увидит у нас в Детинце любознательный посетитель Новгорода. Если же он приедет к нам в августе или в сентябре настоящего года, ко времени открытия памятника тысячелетию России как государства, то увидит на площади между присутственными местами и Софийским собором изящный и удивления достойный монумент, рисунок которого представлен в календаре нынешнего года: а мы к тому времени порадеем составить для него очерки лиц, которые удостоились чести попасть в число избранных людей русской земли за тысячу лет. Закладка памятника происходила 2 мая прошлого 1861 г. при многочисленном, как говорится, стечении народа; но, к сожалению, присутствовали при этой торжественной церемонии немногие избранные власти, а прочий православный люд, *plebs*, любовался изящным забором и домиками, воздвигнутыми на время постройки монумента. Теперь эти изящные домики разрушаются весьма поспешно.

В заключение настоящей главы расскажем небольшую легенду о том, как владыка Макарий в 1528 г. вздумал построить на Волхове близ крепости мельницу. Вот как было это дело. Макарий, по своему *благоутробию*, желая увеличить доход св. Софии и вняв словам известного псковского *хитреца* по имени *Невежа*, приказал ему строить на Волхове мельницу, где пригоже. Невежа выбрал для этого место на речке, где прежде живали дворяне владычня двора, а при Макарии были устроены бани. Хитрец понаделал много больших

срубов и стал их затапливать на дне Волхова, накладывая в середину камня. Сделав ограду, он установил колеса и жернова, так что мельница начала уже действовать. Народ с любопытством и недоверчивостью смотрел на эти смелые затеи псковского механика, говоря: «Волхов наша смолоду не молола, ачи на старость учнет молоть?» Но так как Невежа не сообразил, что озеро Ильмень весною весьма бурно и многоводно (что, конечно, хорошо должен был знать и сам преосвященный Макарий), то и случилась беда. На следующую же весну, когда пошел по Волхову озерный лед, то новопоставленную мельницу снесло быстротою течения и напором льда, так что, по словам летописи, «и самое то место раздруши и разнесе, идеже жернов стоя, и не бысть ничего, толико мало срубов осталось да камень на воде; и повеле архиепископ в том лесу, в останке, конюшни срубити, да иже и то будет к дому св. Софеи. А сей мастер сказывается хитрец бытии, но паче груб и вельми несмыслен, в конец безумен, толико от господина истоши, а толикия вещи архиепископу не сказа; или того ради безумный не сказа, чтобы ему свой корван пронырством наполнити имения; но не сбуться ему безумному ее, и егда, видя раздрушение и утаися страха ради и из города избеже, неведомо камо скрыся и донине погипе» (Т. IV Русск. лет., стр. 286). Таким образом, попытка заставить Волхов работать была безуспешна, и его оставили навсегда в покое.

Глава IV

Обозрение примечательностей Софийской стороны

Осмотрев Детинец с его достопримечательностями, пойдем теперь, благосклонный читатель, обозреть Софийскую сторону великого Новгорода. В былые времена Новгород, кроме Детинца, разделялся на 5 частей, или *концов*, из числа коих 3 находились на Софийской стороне: Неревский, Загородский и Людин, или Гончарский; все они примыкали к Детинцу как к центру. Первый занимал пространство города к северо-западу от Детинца, второй к западу, а третий к югу. Обойдем их по порядку.

Нынешний городской сад, облегающий Детинец с северо-западной стороны и разведенный в недавнее время, заключал в себе

прежде несколько улиц Неревского конца. Самое возвышенное место на нем, на берегу Волхова, принадлежало, как можно предполагать на основании IV Новг. лет., знаменитой в истории Новгорода Марфе Борецкой, состоявшей в партии недовольных московскою опекою. В упомянутой летописи прямо сказано, «что в лето 6985 (1477), сентября 21, бысть пожар, от Розважи улицы погоре и до Боркове улицы побережье все и до Великой улицы и Марфе посадници чюдный двор». С этого возвышения открывается прекрасный вид на Торговую сторону и на Волхов, и потому вы увидите здесь постоянно толпу гуляющих и чинно сидящих на скамейках новгородских обитателей и обитательниц. На вершине этого холма выстроен павильон, в котором прошлого года устроены были буфет и общественные танцы. Публичный сад наш, вообще говоря, довольно обширен и мог бы быть хорошим местом для гуляния публики, несмотря на то, что он уж слишком запущен: дорожки его усыпают не крупным песком, как бы следовало, а камнями, так что ходить по ним должно в железных сапогах; из трав произрастает только крапива, репейник и белена; омывающий же Детинец ров теперь совершенно засорен и испускает лишь зловоние. Впрочем, во всех других отношениях наш сад довольно хорош, по пословице: по Сеньке и шапка.

Выйдя из сада через малые ворота, мы очутимся у военного госпиталя. Прежде на этом месте находился мужеский Розважский монастырь, разобранный в нынешнем столетии. Что ж будем мы смотреть на Софийской стороне замечательного? Кроме церквей и монастырей наша почтенная старина не оставила после себя никаких других памятников зодчества. Города и жилые места Западной Европы украшались разного рода общественными памятниками, с которыми почти всегда были связаны какие-либо исторические предания и легенды; у нас же, на святой Руси, благочестивые наши предки сооружали только храмы, а о других общественных и частных зданиях они мало заботились. Итак, нечего делать: станемте осматривать церкви. Пройдя несколько шагов от военного госпиталя, мы встретим на пути изящной архитектуры церковь. Вы с самого первого же взгляда догадаетесь сами, что эта церковь не старая; и действительно: она построена в 1711 г. в честь иконы Тихвинской Бо-

жией Матери и поставлена на месте древней церкви во имя Козьмы и Дамиана на Холопъей улице. Замечательного в ней ничего нет. В близком расстоянии от нее находится еще небольшая церковь, сооруженная в честь св. Пантелеймона и известная в народе более под именем Николо-кочановской, от мощей почивающего здесь под спудом юродивого угодника Николая Кочанова. Много дивного рассказывают про этого чудотворца: например, как он бегал по водам Волхова, аки по суху и, враждуя с подобным же себе юродивым Федором, жившим на Торговой стороне, бросал в него кочнами капусты, если тот заходил на Софийскую сторону. Говорят также, что когда слуги какого-то боярина прогнали его с пира, то вдруг у хозяина исчезли в доме приготовленные для гостей вино и мед; говорят и мн.<огое> др.<угое>. В придельном храме этой церкви, воздвигнутом в честь св. Дмитрия Ростовского, сохраняется современный портрет этого святого, подаренный им самим одному из своих приятелей, который пожертвовал его в эту церковь. В ограде Пантелеймоновской церкви стоял еще недавно величественный Яковлевский собор, основанный в XII веке и развалившийся в 1846 г.

В недалеком расстоянии отсюда, близ вала, находилась также большая церковь св. Дмитрия на Дослане улице и церковь Мины и Виктора, разобранные в недавнее время из опасения подобного же распада от ветхости, как и Яковлевская церковь. Взойдя на городской вал, опоясывающий вокруг Софийскую сторону, и окинув беглым взглядом эту часть города, вы не увидите здесь много церквей, хотя в старину числилось их в Неревском конце до 20; но время стерло их с лица земли, и положение многих церквей определить теперь весьма трудно. Кроме перечисленных уже нами церквей Неревского конца существуют теперь здесь только две церкви: 1) Фрола и Лавра на Людогоще улице, с высокою живописною колокольнею, и 2) церковь Федора Стратилата. Первая основана в XIV веке и заключает в себе мощи под спудом девицы Гликерии, биография которой мало известна; в этой же церкви замечательны: вид древнего Новгорода во время осады его суздальцами 1170 г. и резной деревянный крест, называемый *райским древом*, с следующей надписью: «в лето 6867 (1359) индикта 12 поставлен крест си. Господи Иисусе Христе, помяни вся хрестьяне, на всяком месте мо-

лящаяся тебе верою, чистым сердцем и рабом Божиим помози поставившим крест си людгощичам и мне написавшему.....». Церковь Федора Стратилата построена в XVII веке при митрополите Корнилии, в ней есть несколько старинной утвари, доставшейся из Росткина Предтеченского женского монастыря, разобранного в 1848 г.

За городским валом, на неревском заполье, находятся два женских монастыря: Духов и Зверин. Первый, бывший прежде мужским, основан в XII веке, переделан вновь при архиепископе Моисее в 1357 г., а с учреждением штатов был переименован в женский в 1786 г., причем в него перевели монахинь из трех упраздненных женских монастырей: Евфимьиной, Молоткова и Сокольницкого. Древних зданий в этом монастыре нет, исключая разве только Троицкой церкви, существующей с XVI века; все прочие переделаны вновь. Из достопримечательностей монастыря показывают здесь вериги и посох арх. Моисея и несколько крестов с мощами. Монахинь здесь более сотни; монастырь очень богат, и потому жить в нем весьма удобно и приятно.

Невдалеке от Духова, за валом, в старину было еще три монастыря, в близком друг от друга расстоянии: Зверин, Лазарев и Николы Белого: первые два были женские, а последний мужской. Из них существует теперь только Зверин, а прочие упразднены; даже церковь св. Лазаря, стоявшая на берегу Волхова и постоянно привлекавшая к себе внимание посетителей Новгорода своею живописною стариною, недавно разобрана окончательно. От монастыря Николобельского, основанного в XII веке, теперь осталась еще церковь св. Николая Чудотворца с приделом св. апостолов Петра и Павла. Зверин Покровский монастырь, по всему вероятно, построен на месте княжеского зверинца; но когда он основан, неизвестно, хотя уже существовал в XII веке, на что есть указание в летописи (I Новг. лет., стр. 10). История этого монастыря такова же, как и прочих: он горел несколько раз, возобновлялся, снова горел, опять поправлялся и пр., а потому почтенной старины здесь не ищите. В Зверинском монастыре есть церковь Симеона Богоприимца, устроенная в 1467 г. по случаю морового поветрия. На особой доске этого храма написано неправдоподобное известие об этом море: там сказано, что тогда погибло в Новгороде 48 412 человек, в том числе одних монахов бо-

лее 7 000. Новгород едва ли имел когда-нибудь население более 50 000 человек, судя по его пространству, ограниченному валом и небольшими выселками или запольями. Близ Зверина монастыря, на берегу Волхова, находится еще старинной архитектуры церковь во имя св. апостолов Петра и Павла, ныне уже упраздненная, а прежде бывшая даже соборною; она основана в начале XV века и сохранила еще следы древнего устройства. Таким образом, мы обозрели почти весь Неревский конец и его заполья; нам остается только сказать, что остальное жилое пространство по берегу речки Гзени, при которой Всеслав Брючиславич Полоцкий разбил новгородцев и разграбил Новгород, занято казармами и манежем. В прошлом веке на этом месте устроена была казенная фабрика для выделки парусины и полотен; но при императоре Александре I заблагорассудили перевести ее в Петербург. Обороты ее, говорят, простирались более, чем на миллион р.<ублей> асс.<игнациями>, а изделия шли даже за границу. Весьма естественно, что с переводением фабрики Новгород лишился одного из значительных источников своего богатства.

Перейдя петербургское шоссе и снова взобравшись на вал, мы увидим с правой стороны мрачное здание: это *острог*, или так называемый тюремный замок, наполненный множеством арестантов, откуда иногда раздаются звуки песен, а чаще стоны, вопли и бряцанье цепей... Но оставим это грустное место.

Мы подошли теперь к Загородскому концу, самому малому из всех новгородских концов: в нем было всего только две улицы: Чудинцева и Прусская, простиравшиеся от черты вала и касавшиеся Детинца у церкви Покрова Богородицы. Улицы эти существуют и теперь; только значительная часть их занята торговою площадью и домом Дворянского собрания. Несмотря на малость пространства и, без сомнения, незначительное, сравнительно с прочими концами, население, загородцы, а особливо жители Прусской улицы, или просто пруссы, частенько затевали ссоры с обитателями Торговой стороны и оставались нередко победителями. Бесперывные распри загородцев с прочими гражданами были, вероятно, одною из причин, что зажиточные обитатели этого конца зарывали свои богатства в землю. На нашей памяти в течение последнего десятилетия нашли здесь два клада: один, состоявший из старинных рублей и гривен, по

фунту весом, случайно найден, когда рыли землю под фундамент для дома Дворянского собрания; другой клад найден в 1859 г., 7 октября, близ церкви Михаила Архангела на Прусской улице, и заключал в себе мелкие серебряные монетки разных царствований (начиная с Ивана III и до Михаила Федоровича); весу в нем было до полпуда. Говорят и о многих других кладах, но нельзя всякому слуху верить. Из церквей Загородского конца уцелели до настоящего времени только две: 1) во имя Двенадцати апостолов на *пропастех* и 2) вышеупомянутая церковь Михаила Архангела. Первая построена в XIV веке у скудельниц, или *божших* домов, т.е. мест, где однажды в год, именно в семик, погребались трупы погибших насильственной смертью и умерших от морового поветрия. Тут была природная яма, или пропасть, видимая и до сих пор, куда складывались мертвые. Божедомский староста оберегал трупы и отдавал их родственникам, если таковые у покойников отыскивались. Теперь эта церковь заброшена, забыта всеми и находится в архиерейском саду. Местность эта в старину называлась митрополичьим островом. Под престолом этой церкви в 1854 г. было найдено три древних антиминса XIV, XV и XVI веков; она сохранила следы древней архитектуры и живописи. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице основана в конце XI в., а в начале XIII в., вместо сгоревшей деревянной, посадники новгородские Твердислав и Федор соорудили каменную. После того она горела несколько раз и опять возобновлялась: ныне она снова перестраивается, в благолепном виде, говоря языком реставраторов. На конце Прусской улицы, у самого вала, находилась еще величественная церковь Вознесения Христова, основанная в XII веке и имевшая на стенах старинные фрески; в начале нынешнего столетия эта церковь тоже разобрана. В прусском заполье, за валом, существовал некогда женский монастырь св. Ильи пророка; но теперь нет от него и следов.

Поблизости Михайло-Архангельской церкви находится Десятинский женский монастырь, построенный, по преданию, в XIII в. княгиней Феодосиею, матерью св. Александра Невского; но летопись правдоподобнее время основания его относит к 1327 г., при архиепископе Моисее. Главный храм здесь сооружен в честь Рождества Богородицы, а приделы – во имя Знамения Божией Матери,

Пантелеймона и великомученицы Варвары; последний придел заменил уничтоженный Варваринский женский монастырь, находившийся отсюда недалеко. Знаменский же придел устроен в воспоминание известного чуда от иконы Божией Матери, происшедшего около этих мест в 1170 г., во время крестного хода кругом города, по валу, когда подступали к нему суздальцы с своими союзниками. В Десятинном монастыре погребена Елизавета Лупалова, известная более под именем *Параши Сибирячки* и знаменитая своею безграничною любовью к отцу, сосланному в Сибирь за преступления. Лупалова была здесь в монастыре послушницей и умерла во время Отечественной войны от чахотки в молодых еще летах.

Людин конец занимал, как уже сказано выше, юго-западную часть Софийской стороны. Теперь здесь гнездятся, в небольших деревянных домиках, небогатый чиновный люд и ямщики. Троицкая ямская слобода, прежний Людин конец, в Новгороде то же, что галерная гавань в Петербурге, так мастерски описанная г. Генслером; в ней царствует патриархальная простота нравов: ранним утром чиновничьи жены, накинув на себя какую-нибудь обертяжку, выгоняют коров на пастьбу, кормят домашних птиц, кудахтая по-куриному; потом пьют кофе, сплетничают, занимаются стряпней, а вечером, разряженные, качаются на качелях либо идут в городской сад себя показать и людей посмотреть.

Обитатели этой слободы усердно занимаются садоводством, огородничеством и рыбною ловлею, так как при каждом домике имеется свой садик и огород. В праздничные дни чиновники отправляются на утлых ладьях, как древние норманны, на р. Мсту половить рыбы или попугать дичи, причем, само собой разумеется, берут с собой провизию и дары новгородского бахуса, немилосердно разбавляющего хмельную влагу трезвою водою, в видах, конечно, человеколюбия. Мостовая в этой слободе такая, какой, вероятно, уже нигде нет на святой Руси: она устроена так, как предписано ее строить *уставом вел. кн. Ярослава о мостовых*, именно: поперек улицы кладут, как попало, колья разной величины. Выгоды такого способа мощения улиц очевидны: ездить по ним никоим образом нельзя: и экипаж сломится мигом, и седоку всю душу вытрясет; кроме того, лошадь очень легко может переломить себе ногу, если даже идет

шагом. Ходить по таким мостовым также весьма неудобно и неприятно: нехотя приходится делать такие опасные скачки, что рискуешь сломать себе шею или ногу; нередко концом кола достается наносить удары самому задушевному своему приятелю. Сверх всего этого, невыгода подобной мостовой заключается еще в том, что в случае пожара огонь находит себе обильную пищу в деревянных домах и в мостовой, так что вся слобода легко может сделаться жертвою пламени со всеми ее пожитками и обитателями; пожарная команда может только в почтительном отдалении смотреть на разрушительное действие пламени, потому приступить к его противодействию почти нет возможности.

Из прежних церквей уцелело здесь только две: 1) св. Троицы на Редятине улице, и 2) Власия на Волосовой улице. Первая основана в XII в., но, по причине частых пожаров, она перестраивалась множество раз, так что древнего в ней ничего не осталось. Замечательна здесь икона Божией Матери умиления, почитаемая за чудотворную. Власьевская основана также в XII в. Есть предание, что эта церковь поставлена на том месте, где находилось языческое капище богу Волосу, или Велесу, покровителю стад; и до сих пор еще сгоняют сюда в Юрьев день скот для молебствования над ним перед выгоном его на пастьбу. Памятные в истории Новгорода арх.<иепископы> Иоанн (Илья) и Григорий были при Власьевской церкви священниками. Церковь эта совершенно перестроена заново и имеет придел во имя св. апостола Иакова. В Людином конце были еще прежде церкви: Воздвиженья Креста Господня и евангелиста Луки; но они разобраны за ветхостью в прошлом веке. На конце городского вала уцелела старинная каменная башня с амбразурами; она называется Алексеевскою *белою* башнею, вероятно потому, что некогда была отштукатурена. Таких башен по валу прежде было до 50. Влево, на самом берегу Волхова, на островке Мячине, находился прежде женский Воскресенский монастырь, основанный в начале XII века. Главный храм его, во имя Воскресения Христова, сохранил еще следы первоначального устройства, несмотря на пожары и позднейшие наружные поправки. Шведы <в> 1611 г. разграбили его в числе многих других монастырей. В настоящее время здесь, кроме древней каменной церкви Воскресения Христова, находится также

небольшая церковь во имя Иоанна Милостивого, устроенная в XV в. и возобновленная в XVII в. князем Пронским. При Воскресенской церкви устроено кладбище. На колокольне уцелело несколько старинных колоколов XVII в. Нынешнюю весною обитатели Воскресенской слободки потерпели огромные убытки по случаю сильного разлива Волхова: все домики их были затоплены, так что несчастные жители должны были переселиться на чердаки и прогуливаться по крышам. К Воскресенской церкви приписана еще кладбищенская церковь во имя св. апостолов Петра и Павла на Синичьей горе, бывшая некогда также монастырскою. Эта церковь одна из древнейших в Новгороде и основана в XI в.; в ней есть хоры, или полаты, и уединенные каморы для молитвы. В Петропавловской церкви почивают под спудом мощи бывшей настоятельницы монастыря Харитины, урожденной княжны Литовской. Здесь же, на живописном возвышенном месте, осененном густолиственной купою деревьев, покоится прах многих обитателей Новгорода, преимущественно иностранцев, занесенных в Новгород случаем или по делам службы.

Обойдя таким образом всю Софийскую сторону, мы возвратимся на Торговую по берегу Волхова. Тут по пути мы встретим, близ юго-восточного угла Детинца, на высоком холму, уединенное каменное здание с заколоченными окнами. Вы, без сомнения, меня остановите и спросите, что это за строение на картинном месте, угрюмо смотрящее из воды Волхова. Вы, пожалуй, подумаете, что это дом, посещаемый привидениями и оттого весьма заброшенный; но не беспокойтесь и не ждите от меня какой-либо раздирательной легенды: просто-напросто, на память потомству, здесь сберегается остов барки, на которой императрица Екатерина II в 1785 г. соизволила ездить по Волхову и по Мсте. В свое время барка эта, как подобает, была воспета бардом Екатерининского века Державиным, под именем Амфитриды. Старожилы говорят, что она была великолепно украшена снаружи и внутри; но признательные современники, осчастливленные посещением высокой гостьи, унесли себе на память все шелки и бархаты, оставив голое дерево потомству; зато благодарные потомки выломали все рамы и двери у здания, воздвигнутого с большими издержками для хранения судна. Заботливое начальство города, в видах его благоустройства, время от времени

расходует приличную сумму на ремонтировку здания, т. е. на забеление известкою разного рода надписей местного сочинения, украшающих его стены и колонны, так что издали, особенно с моста, оно дает прекрасный, величественный вид. Теперь мы пойдем осматривать Торговую сторону Новгорода.

Глава V

Торговая сторона: Ярославово дворище и находящиеся на нем церкви с их достопримечательностями. Краткий очерк древнего самоуправления Новгорода

Торговая сторона разделялась на два конца: *Славянский* и *Плотницкий*. Первый занимал юго-восточную, а второй северо-восточную часть города; границею между ними была улица Рогатица. Осмотрим прежде достопримечательности Славянского конца. Здесь всего больше заслуживает внимания местность, называвшаяся как прежде, так и теперь, *Ярославовым дворищем*. Кому из грамотных русских людей, читавших отечественную историю, неизвестно Ярославле дворище в Новгороде! Кто из благочестивых посетителей новгородской святыни равнодушно пройдет мимо бывшего дворца Ярослава I и купы окружавших его церквей, не будучи тогда же объят роем воспоминаний о былом и о настоящем? Воображение так причудливо и заманчиво рисует картину прошлого времени, — картину величия, славы и богатства Новгорода, что невольно отдаешься его полету. А эта местность так тесно, неразрывно связана со всею историею Новгорода, что здесь всего приличнее помечтать о былом, настоящем и будущем. Сюда-то стекались, по звуку вечеревого колокола, толпы свободного народа во дни торжеств и общественных бедствий; здесь избирали они себе посадников; лишали их власти, производили им суд и расправу.

Под именем *Ярославова* или *Княжа* двора называется у нас местность, окаймленная с трех сторон торговыми рядами и корпусом городских присутственных мест, а с четвертой группою церквей, в центре которой возвышается собор в честь св. Николая чудотворца. Как народное предание, так и нынешнее название этой местности и самые летописи единогласно подтверждают, что здесь нахо-

дился дворец великого князя Ярослава I, когда он был еще удельным князем новгородским (III Новг. лет., стр. 210). Вероятно, в те отдаленные времена, когда княжил в Новгороде Ярослав I, дворец его не был еще застроен рядами, так что вид из него на город, и преимущественно на Волхов, на Софийскую сторону и окрестности города, и до сих пор еще прекрасный, был великолепен: прямо возвышался Детинец с своим тринадцатиглавым Софийским собором; тут же пред глазами пробегал мутный Волхов; отсюда же был перекинут за реку и мост, соединявший обе части города; одним взглядом на север и запад можно было окинуть все побережье Софийской стороны с его строениями. В другую сторону, на восток и юг, представлялась вся Торговая часть и Городище, первое сельбище норманнских князей с их дружиною. Мы не имеем никаких положительных сведений о первоначальном виде Ярославова двора, потому что ныне существующее здесь под этим именем здание выстроено гораздо позже, вероятно, во времена царя Ивана Васильевича Грозного. Весьма может быть, что так называемая до сих пор Ярославова башня была не более, как гридница для вечевых дьяков, нечто вроде канцелярии для записывания общественных, вечевых приговоров и распоряжений посадников. На Ярославовом дворище собиралось, как всякому известно, народное вече по зову вечевого колокола. Где именно висел этот знаменитый в истории Новгорода колокол, указать теперь невозможно: но несомненно, что звон его отличался чем-нибудь особенным от обыкновенных церковных колоколов. Скажем здесь кстати несколько слов об общественном управлении древнего вольного Новгорода, насколько можно было составить понятие об этом интересном предмете по отрывочным заметкам летописцев. Три главные должности в новгородской администрации были избираемыми: *князя-правителя*, *архиерея* и *посадников*. Первый всегда избирался из потомков Рюрикава дома, на неопределенный срок, обыкновенно начальствовал войском во время войны, имел свой двор, пользовался общим почетом и известными доходами; но если не удовлетворял он в чем-нибудь народному вечу, вмешивался слишком самоуправно в щекотливые вопросы внутренней или иностранной политики или посягал на существенные права народа, то вече без церемонии удаляло его, говоря обыкновенно: «иди себе

прочь, нам тебя не надо, а мы себе князя промыслим». Избрание архиеерея производилось на Софийской площади по жребию из трех кандидатов, назначаемых народом, а рукоположение избранного совершал всегда митрополит. Правление владыки было пожизненное, хотя бывали также примеры, что вече заключало архиеерея в монастырь или изгоняло его из города, а на его место выбирало другого. Наконец, выборными были также должности *посадников* и *тысяцкого*. Число новгородских посадников определить трудно: первоначально их было только двое; вероятно, один считался народным представителем Софийской стороны, а другой – Торговой; впоследствии же число их доходило до 5 и более, без сомнения, по числу концов города. Один из посадников назывался *степенным* и заведывал делами внешней политики и внутренним управлением. Посадники избирались на неопределенный срок и, вероятно, из привилегированных сословий, преимущественно же из местных дворян и житейх людей. Если посадник нарушал действительные или мнимые права народа, то вече лишало его власти и изгоняло из отечества, причем народ нередко грабил имущество осужденного; случалось также частенько, что обвиняемого в злоупотреблениях посадника разъяренный народ свергал с моста в Волхов или умерщвлял на самом вече и расхищал имущество не только самого виновного, но и всех его сообщников, друзей и родственников. Посадники нередко предводительствовали и войском, хотя для этой важной должности избирался особый военачальник – *тысяцкий*. Посадники, сложившие с себя должность, назывались *старыми*, пользовались почетом и имели, кажется, совещательный голос на вече. Право голоса на вече принадлежало не всякому гражданину Новгорода, потому что двор Ярославов не мог бы вместить всего населения города. Участвовали в совещаниях только выборные граждане от всякой улицы и церковного прихода. Известно, что на каждой улице был свой уличский староста, который собирал уличан на предварительные совещания, разбирал тяжбы между ними, надзирал за благочинием и т.п. Без сомнения, на Ярославовом дворище был устроен возвышенный помост, с которого говорили посадники и народные представители; тиуны же и дьяки только записывали решения веча. Политические партии волновали город особенно в XIV и XV веках; усобицы и мя-

тежи разыгрывались обыкновенно на Ярославовом дворе, так что это место часто бывало позорищем деяний доблестных и бесславных. Примеры высокой доблести и патриотизма представляются нередко читателю новгородских летописей; но часто видим также безграничный произвол и самовластие черни, бушевавшей на вече без всякой руководительной идеи. Приведем здесь один случай из летописи. В 1218 году посадник Твердислав, лишив свободы какого-то боярина Матвея Душильцевича, вооружил тем против себя его друзей, распустивших в народе молву, что Твердислав выдал безвинного боярина князю. Народ разделился на партии, и загорелся мятеж. Жители Торговой стороны собрали вече у Никольского собора на Ярославовом дворе, а обитатели Неревского конца составили вече у церкви Сорока Мучеников. Вооружившись, как на брань, они намеревались умертвить посадника Твердислава и его сообщников, который, однако ж, нашел себе защитников в жителях Людина конца и Прусской улицы. Таким образом, город разделился на два враждебные стана: произошла кровопролитная схватка у кремлевских ворот, разобрали волховский мост и бились даже на лодках. Усобица продолжалась целую неделю; наконец, утомленные бойцы помирились. Князь Святослав Мстиславович, желая усмирить народ, прислал на вече своего тысяцкого сказать правду, что он *властию княжескою* лишает Твердислава посадничества. Новгородцы воспротивились такому странному самоуправству князя и изъявили желание знать причину удаления посадника. Князь неосторожно отвечал народу, что он сменяет Твердислава *без всякой вины*, а единственно *по своему* желанию. Тогда Твердислав торжественно объявил народу, что он радуется, что его безвинно лишают должности, но при этом добавил, что право удаления от должности принадлежит самому народу, а отнюдь не князю, что князь нарушил основные права народа, что народ и самого князя *волен* сменить когда угодно. Народная гордость была затронута. Новгородцы напомнили Святославу его крестное целование не лишать никого должности без вины и суда; наперекор князю оставили Твердислава своим посадником, а князю указали путь восвосяи. Преемник Святослава, брат его Всеволод, без сомнения, мстя за оскорбление, нанесенное новгородцами брату его, нашел случай обвинить Твердислава перед гражданами и лишить

его посадничества, но не надолго; народ вскоре опять избрал его на прежнюю должность. Тогда Всеволод, злобствуя на народного любимца, с войском и многочисленную свитую, «искрутся в броне, аки на рать», приехал на Ярославов двор, на вече. Граждане также собрались вооруженные. Жители Прусской улицы, концов Людина и Загородского окружили своего любимца. Междоусобица едва не возгорелась снова, как сам князь, не желавший кровопролития, а думавший только устроить народ, *устыдился* своего поступка и просил архиепископа Митрофана успокоить взволнованный народ. Больной Твердислав, приехавший в санях на вече, добровольно отказался от посадничества и тайно, даже от своих родных, ушел в покровительствуемый им Аркажский монастырь, где принял монашество и вскоре умер. Подобные сцены общественных неурядиц беспрерывно повторяются в новгородской истории. С падением новгородской независимости (1478) и полного подчинения Новгорода под московскую державу прекратилось в нем и народное управление, замолк звон вечевого колокола, опустел Ярославов двор; место посадников заменили царские наместники; святители назначались уже из Москвы. С этого времени отдельная история Новгорода прекращается; новгородская область становится не более как провинциею великого княжества Московского. Еще долго после смерти Ивана III, сокрушителя новгородской вольности, усмиряли новгородцев московские государи, особенно лютою в этом отношении отличался приснопамятный Иван Грозный, истреблявший новгородцев тысячами, без всякой политической надобности, а так, по влечению своего кровожадного сердца: грабительство не только частного имущества, но даже расхищение имущества монастырей и церковей всегда сопровождало его посещения Новгорода. Но набросим лучше покров забвения на многострадальную жизнь наших предков и обратимся к уцелевшим памятникам нашей старины.

В настоящее время на месте Ярославова дворища существуют следующие церкви: 1) собор во имя св. Николая Чудотворца, 2) Церковь Параскевы Пятницы, 3) св. Прокопия, 4) св. Жен Мирносиц. Кроме поименованных, находились здесь прежде еще следующие церкви: 1) св. Отцов Никейских, 2) св. Иоанна у немецкого двора, 3) монастырь св. Арсения, 4) Сретения Господня и 5) Покрова

Богородицы. Скажем несколько слов об этих церквах. Поводом к построению *Никольского* собора послужило следующее обстоятельство: великий князь Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха, будучи еще удельным князем новгородским, занемог тяжким недугом. Когда все известные в тогдашнее время медицинские пособия оказались тщетными, то благочестивый князь возложил всю надежду свою в исцелении на Бога и на предстательство его угодника, чудотворца Николая, коего мощи незадолго перед тем – именно в 1096 г. – были перенесены из Мир Ликийских в город Бар. Св. Николай явился страждущему князю в сновидении и приказал ему привезти свой образ из Киева в Новгород, обозначив с точностью меру и вид иконы, от коей он должен был получить исцеление. Князь Мстислав немедля снарядил посольство за иконою. Посланные отправившись на лодке озером Ильмень в Старую Руссу, чрез которую в старину лежал путь на юг Руси. Не в дальнем расстоянии от города буря застигла плователей на озере, так что они принуждены были пристать к берегу, чтоб переждать непогоду. На четвертый только день буря утихла, и посланные отправились было в дальнейший путь, как вдруг близ самой ладьи повар посланного за иконою боярина, черпая воду, увидел круглую доску с изображением лица св. Николая, за которую они ехали в Киев. Князь Мстислав, увидев ее, признал именно тою, которую велено было достать и от которой он ожидал исцеления. Выздоровевший тогда же Мстислав дал обет соорудить в Новгороде храм в честь этого угодника. Князь исполнил свое обещание в 1113 г., заложив тогда каменный храм во имя св. Николая, на Княжем, или Ярославовом дворе, без сомнения, преемственно переходившем к новгородским князьям от Ярослава I. Стройка и отделка храма продолжалась 23 года, и только в 1136 г., декабря 5, он был совершенно окончен, украшен и освящен новгородским епископом Нифонтом. В том же году в новопостроенной церкви был совершен свадебный обряд князя Святослава Ольговича, вопреки желанию Нифонта, который противился браку князя, запретив даже священникам своей епархии венчать князя в Новгороде; но последний настоял на своем намерении и обвенчался в Никольском дворищенском храме *«своими попы»*, как сказано о том в летописи. Из этих слов летописи видно, между прочим, то обстоятельство, что

Никольская церковь была первоначально придворною и состояла на особых правах, т.е. имела свой отдельный причт, независимый от власти местного архиерея. В этом предположении убеждает нас еще следующее известие. В 1854 г., при перестройке главного храма, найдены были под его престолом 5 антиминов с надписями. Древнейший из них относится к половине XII века (1149) и заключает в себе следующую уставную надпись: «жртьвньникъ святаго мученика Георгия священъ отъ Нифонта архиепискоупа новгородьского повелениемъ епискоупа Ростовьского Нестора, при благочыстивомъ князи Георгии сыноу Мономаховоу месяца сентября в 1 день, въ лето 66 – 7 индикта в 12»*. Из этой надписи ясно видно как отношение причта Николо-дворищенской церкви к местному архиерею, так еще и то обстоятельство, что при главном Никольском храме был, без сомнения, пристроен отдельный придел во имя св. Георгия, о котором ни в летописях, ни в каких-либо других документах вовсе не упоминается. Смысл приведенной надписи тот, что ростовский епископ Нестор передал приказание новгородскому епископу Нифонту от князя Георгия (Юрия) Владимировича суздальского об освящении сооруженного на иждивении князя придельного храма св. Георгия, в честь своего ангела, а может быть и в честь ангела уже покойного своего брата Мстислава, названного при крещении Георгием.

Поправки и переделки Никольского собора производились очень часто, хотя о них не всегда упоминается в летописях и церковных записях; впрочем, несомненно, что основание, кладка стен и общий архитектурный рисунок остались без изменения во время первоначальной постройки. Последняя капитальная переделка собора, как снаружи, так и внутри, были произведены в 1809 г., когда собор пришел в совершенную ветхость и грозил даже разрушением.

---

* Третья цифра в годе этой надписи стерлась от времени, но, по предположению, она должна быть: и потому что только в 1149 г. (6657) индикт был 12, и все упоминаемые в надписи лица были живы. Замечательно, между прочим, что вскоре после открытия антиминов рукою какого-то невежды на древнейшем из них были переиначены с намерением слова в надписи: «святого мученика Георгия» на «святителя Божия Николая». К счастью, однако ж, новейшие чернила вскоре выцветились и можно было восстановить первоначальный текст надписи. Так бессовестно, святотатственно поступают у нас еще и доныне с почтенною нашею древностию.

Внутренние поправки в главном храме и в приделе св. Евдокии были совершены в 1854 г., причем сооружен вновь великолепный, ярко вызолоченный по полименту, иконостас; в это-то время и найдены под главным приделом 5 антиминов с надписями, дополняющими историю этого знаменитого собора. В 1859 г. перedelывались здесь теплые приделы св. Варлаамия Хутынского и 9 мучеников кизических. Весьма вероятно, что под густым слоем извести, наложенной в течение с лишком семи веков на стенах собора, осталась еще неповрежденною древняя стенопись (фрески), подобно тому, как нашлась она во многих древних церквях новгородских. Рассматривая как внутреннее, так и внешнее устройство Никольской церкви, мы видим, что она не отступала от общего характера архитектурного стиля наших древних церквей: внутренность их изображала четырехконечный крест, вершина которого находилась в ол­таре. Самый алтарь, состоявший из трех отделений – дьяконника, жертвенника и собственно ол­таря – без сомнения, в старину не был отделен досчатым иконостасом от самого храма, назначенного для молящихся; стенная иконопись украшала его; простая занавесь отделяла молящихся от священнослужителей; местные иконы помещались на ол­тарных столбах. С течением времени внутренний вид наших церквей изменился на нынешний. Главною и почти единственною драгоценностию Никольского храма должно считать чудотворный образ св. Николая, находящийся по правую сторону царских дверей, подле иконы Спасителя. Глубокая древность этой иконы несомненна и превышает древность самого храма, существующего уже с лишком семь столетий. Мы не имеем никаких положительных сведений о поновлении этого образа, хотя очевидно, что изображения чудес св. угодника, помещенные вокруг его лика, принадлежат к позднешему времени, судя по характеру живописи. Форма чудотворной иконы почти круглая, а мера по всем направлениям (в диаметре) 13 вершков. Святитель изображен с благословляющею десницею, а в левой держит Евангелие. Живопись на иконе, от времени затускневшая и покрытая слюдой, принадлежит к византийской школе и искусному художнику. Золотая риза, щедро усыпанная драгоценными камнями, покрывает эту замечательную святыню Новгорода; риза сделана в недавнее время усердием купца Лукина и весит около

6 фунтов. Чудотворный образ пользуется всеобщим уважением как местных жителей, так и иногородних.

В соборной ризнице, помещающейся в южном притворе, кроме богатого облачения священнослужителей, есть значительная библиотека новейших книг духовного содержания; к сожалению, старинных исторических документов и рукописей в ней вовсе нет, исключая новгородской летописи недавнего письма. Время, пожары, а более всего невежество истребили архивы наших старинных монастырей и церквей. Кого же после того винить, что наша история состоит из бессвязных отрывков, что важные исторические события возникают как будто внезапно перед глазами деесписателя, по видимому, без всякой видимой причины, и потом исчезают сами собой, не оставив никаких по себе следов, словно камень, брошенный в воду! Где взять историку и поэту красок, чтоб верно и живо воспроизвести картину былой жизни народа, со всеми ее светлыми и темными сторонами? Воображение художника, конечно, созидает изящные образы былого и рисует его идеальную картину; но для него также необходимо предварительно знать положительные, достоверные факты, иметь твердые точки опоры, а без них оно будет только витать в беспредельном пространстве, будет рисовать образы без лиц, без всякого отношения к времени и данному месту.

Другая и замечательная церковь на Ярославовом дворе сооружена во имя св. Параскевы Пятницы и отстоит от Никольского собора к северу на несколько сажень; она принадлежит к числу древнейших церквей Новгорода. Время построения ее относится к 1156 г. (I Новг. лет., стр. 12). Основателями ее были *заморские* купцы, – без сомнения, новгородцы, производившие оптовую заграничную торговлю с Ганзою. В 1191 г. в I Новг. лет. сказано, что какой-то Константин с братом своим снова *срубили* церковь св. Пятницы на Торговище; следовательно, эта церковь первоначально была деревянною. В 1207 г. *заморские* купцы вновь выстроили Пятницкую церковь, на этот раз, вероятно, уже каменную. Во время сильного пожара 1340 г., опустошившего торговые ряды, Пятницкая церковь развалилась; но чрез 5 лет, т.е. 1345 г., усердием Андрея Борисовича, сына тысяцкого, и какого-то Павла Петровича была опять отстроена и в том же году 1 сентября освящена архиепископом Васи-

лием. Замечательная поправка Пятницкой церкви была произведена в 1524 г. иждивением московского купца Дмитрия Сыркова; при чем найден был в полу, при разобрании голбца, значительный денежный клад, состоявший из старинных новгородских *рублей* и *полтин*: первых найдено 170 штук, а последних 44. Вероятно, это была забытая как-нибудь часть общественной кассы, образовавшейся от сбора с иноземных и новгородских купцов, производивших заграничную торговлю. Известно, между прочим, что по договору 1229 г. Новгорода с Готландом купцы последнего обязаны были, при выезде за границу, вносить всякий раз по серебряной марке в церковь св. Пятницы (см. *Specimen juris Lubecensis*, pag. 182). Поправки и переделки, даже очень недавние, явственно заметны у этой церкви. Нынешним летом ее снова всю перештукатурили и перекрасили. Старинные иконы ее также обновили. О, варварство! Несмотря на все это, Пятницкая церковь невольно обратит на себя внимание посетителя Новгорода своею древностию; снаружи она кажется довольно ветхою. Подобно всем старинным церквам Новгорода, она выстроена из булыжника и кирпича и имеет два яруса. Из достопримечательностей Пятницкой церкви заслуживает особенного внимания чудотворная икона св. Параскевы, стоящая у южного столпа, подле правого клироса.

Некоторые из чудес, бывших от этой иконы, записаны в летописях. В 1529 г., 28 октября случилось в Пятницкой церкви следующее печальное происшествие: от многочисленного стечения народа, собравшегося сюда к обедне, по случаю местного праздника, обломилась в церкви подпольная балка у левого клироса, отчего в этом месте осел пол, попадали свечи и образа. Народ, думая, что церковь рушится, опрометью бросился бежать вон из церкви. При происшедшей по этому случаю всеобщей суматохе и толкотне многие были задавлены; толпы народа навалились на двери и лестницу так сильно, что никто не мог выйти из церкви. Некоторые, желая избегнуть, по-видимому, неминуемой смерти, начали кидаться из окон; но самый сильный натиск, при всеобщих криках, был на входную дверь. К большему несчастью, какому-то негодяю вздумалось подрубить топором лестницу и перила, вследствие чего множество народа попадало вниз и было задавлено нахлынувшею сверху мас-

сою людей. От этой толкотни и давки, по словам летописца, погибло до 100 человек, преимущественно женщин и детей, и, кроме того — много было изувечено и переранено. Благоразумные остались, во время общей суматохи, на своих местах, дослушали обедню и уцелели. В другой раз случилась здесь подобная же суматоха 25 мая 1571 г., но уже без всякой видимой причины: при окончании обедни кто-то распустил слух, что церковь рушится; все засуетились и поспешно начали выбегать из церкви. Страх обуял даже торговцев, занимавшихся своим делом в ближайших к церкви лавках: многие, не затворив их, оставили свои занятия, выбежали из гостиного двора и боязливо дожидались, как и скоро ли рухнет церковь. К счастью, однако ж, ничего особенного не случилось; церковь осталась невредимою на своем месте; только некоторые, слишком боязливые и торпливые купцы, не досчитались своих денег и товаров, расхищенных злоумышленниками, вероятно, с намерением распустившими ложный слух. В подцерковьях дворищенских храмов хранилась в 1572 г. царская казна, набранная Иваном Грозным от разных лиц и монастырей, после известного разгрома. Имущества здесь было складено 450 возов, а охранительной стражи поставлено 500 человек стрельцов. Другая каменная же церковь, тоже упраздненная, сооружена во имя великомученика Прокопия. Время и причины основания ее неизвестны. В 1311 г. занесено в I Новг. лет., что церковь св. Прокопия сгорела; следовательно, она основана ранее XIV века и была, без сомнения, первоначально деревянною. В 1359 г. арх. Моисей выстроил каменную церковь св. Прокопия на Княжем дворе. Дальнейшая судьба ее также неизвестна; вероятно, она горела неоднократно в числе других церквей, построенных на Ярославовом дворе и на Торгу. Известно только, что в 1529 г. московский купец (гость), ревностный строитель и возобновитель многих новгородских церквей и обителей Дмитрий Иванович Сырков выстроил снова Прокопьевскую церковь на прежней ее основе, а до того времени, как сказано в том же отрывке из Воскресенской летописи на с. 299, был устроен особый придел во имя св. Прокопия при церкви Жен Мироносиц. Когда же Сырков отстроил особое здание для Прокопьевской церкви, то придельный храм в церкви Женомироносицкой переименовали на имя св. апостола Матвея.

Против Прокопьевской церкви, чрез узкую улицу, стоит еще упраздненный храм в честь св. Жен Мироносиц, приписанный к девичьему Сырковому монастырю. Основание его положено ранее XIV века, потому что под годом 1299 о Мироносицкой церкви упоминается уже в числе сгоревших от сильного пожара, опустошившего тогда Торговую сторону. В 1445 г. *княжанцы*, т.е. купцы и обитатели Княжого или Ярославова дворища, соорудили вновь каменный храм св. Жен Мироносиц на старой основе. В 1510 г. московский гость Иван Сырков снова поставил каменную церковь во имя тех же св. Жен, вероятно, в замену разрушенной пожаром. Поправки и подновления производились неоднократно и после того, так что в настоящее время не осталось и следов старины. Пол в Мироносицкой церкви кирпичный, поставленный на горшочках с песком. Есть в Новгороде поверье, что песок, взятый из-под пола местного образа, помогает в родах, и потому в день храмового праздника сюда стекается много народу, преимущественно же прекрасного пола. В сводах церкви есть голосники.

Кроме описанных церквей в старину находились на Ярославовом дворе еще и другие церкви, от которых теперь не осталось и следов. Так, в черте Ярославова двора, или иногда по соседству с ним в Торгу, упоминаются в летописях следующие церкви: 1) св. Отцев никейских, 2) Иоанна Крестителя у немецкого двора и 3) монастырь св. Арсения. Скажем кое-что об них для полноты нашего обозрения этой местности. О времени основания церкви св. Отцев в летописях не упоминается; известно только, что в 1181 г. она в числе других окольных церквей Славянского конца сгорела; но вскоре же была поставлена сызнова. Эта церковь существовала еще в XVII веке; но когда она разобрана и где находилась – с точности определить трудно. Другая церковь, ныне также уничтоженная, находилась недалеко от Ярославова двора, у двора *немецкого*, и была сооружена во имя св. Иоанна Предтечи. На Торговой стороне в древности существовало две церкви во имя этого святого: одна, основанная в 1127 г. князем Всеволодом (Гавриилом), находилась на Петрятине дворе, или на Опоках, и существует донныне на том же месте; другая в Торгу, у немецкого двора; эта последняя никак не должна быть смешиваема с первой. Об Иоанновской церкви на

Опоках, замечательной во многих отношениях, мы скажем ниже, теперь же поговорим о второй, сколько могли собрать сведений в летописях. В первый раз упоминается об этой церкви в 1181 г. как о погоревшей от грома вместе с варяжскою; в том же году она была снова *срублена*. В III Новгород. летописи под годом 1192 сказано, что деревянная церковь Иоанна Предтечи была перенесена на иное место, а на ее месте поставили немецкую *ропату* (церковь), и что тогда же случилось известное чудо *о посаднике Добрыне*. Расскажем кстати эту легенду, записанную в начале XVI века со слов игумена Островского монастыря Сергия. Немцы Ганзейского союза послали посла к новгородцам с просьбою – дозволить им соорудить церковь своего вероисповедания в Новгороде. Новгородцы им отказали в этом, по требованию архиепископа, на том основании, что непригоже-де в православном городе иметь латинскую божницу. Немцы, по словам легенды, подкупив степенного посадника Добрыню, поручили ему объявить на вече, что если не получают разрешения выстроить для себя в Новгороде церковь, то и они в свою очередь запретят новгородцам иметь православные церкви в их городах. Граждане и посадник Добрыня, после такого решительного требования со стороны немцев, начали убедительно просить архиерея разрешить ганзейцам выстроить особую для себя церковь в Новгороде. По настоятельным просьбам купечества архиепископ дал, наконец, на это разрешение. Немцы избрали для своей церкви место среди города, на торговщице, там, где уже стояла православная церковь св. Иоанна Крестителя. Посадник приказал перенести ее на иное место. В ту же ночь пономарь Иоанновской церкви слышал неведомый голос, который повелевал ему повестить новгородцев, чтоб на следующий день все шли смотреть с волховского моста чудо над посадником Добрынею. Действительно, народ столпился на берегу и на мосту. Когда посадник Добрыня возвращался с вече домой, через Волхов, на своей лодке, то внезапно поднялся вихрь; лодку вместе с посадником и его людьми подбросило вверх, сажени на две, и потом ударило об воду. Добрыня утонул; с трудом могли отыскать его труп, лишенный, по приказанию владыки, даже христианского погребения, спутников же его перевозчики успели спасти. Строение немецкой церкви между тем продолжалось и благополучно кончилось; только при окончании

постройки, по словам сочинителя легенды, не обошлось-таки без маленького происшествия. Когда иконописцы dokonчили уже настенную живопись, то поднялась сильная буря с дождем и градом, от которой пострадал купол церкви, с изображением внутри его Спасителя: образ смыло дождем так, что не осталось на том месте и следов его.

При церкви Иоанна Крестителя находились дворы немецкий и готландский, где производились торговые сделки и решались споры между иностранными и русскими купцами. Представителями первых были, нарочно избираемые для этой цели, *старшины* или *ольдерманы*, а последних – *посадники* и *тысяцкий*. За нарушение закона и неисполнение установленных при торговле правил определялась, кроме физического наказания, особая денежная пеня. Таким образом, пространство между православною церковью Иоанна Крестителя, католическою св. апостолов Петра и Павла и немецким двором было нечто в роде биржи, где в известные часы дня производились торговые сделки между новгородцами и ганзейцами, происходил суд и расправа. Немцы тщательно оберегали свои складочные магазины с товарами от разграбления, что случалось довольно часто; иностранцы не имели права свободно разгуливать по городу, а жили отдельными артелями в своих домах, следовательно, почти не имели сообщения с русскими, кроме как по торговым делам, и то с известными лицами. Тогдашнее положение ганзейцев в Новгороде можно сравнить с недавним положением европейских купцов в Китае и Японии. С падением независимости Новгорода (1471 г.) прекратилась его торговля с Ганзою; самый двор немецкий сгорел тогда же; но церковь Иоанна Крестителя у немецкого двора существовала до нынешнего столетия, конечно, много претерпев от пожаров и времени. С основанием Петербурга значение Новгорода как промышленного и торгового центра северо-западной Руси совершенно утратилось; число жителей быстро уменьшилось, так что по первой ревизии (1719 г.) в нем оказалось обитателей несколько более 2 000 душ мужеского пола, а после второй – еще того менее. И потому весьма естественно, что немногие храмы возникали из-под пепла и развалин в своем первобытном виде, как бывало это в те счастливые времена, когда Новгород кипел многолюдством, славился торговлею и богатством.

Развалины Иоанновской церкви послужили, говорят, богатым материалом для построения старого подворья Никольского собора. Здешние старожилы указывают на остатки фундамента этой церкви в огороде при Никольском подворье. Без сомнения, в этих местах можно надеяться отыскать в земле любопытные остатки старины, может быть, ценные и не для одной археологии.

На Ярославом дворе существовал также небольшой монастырь, сооруженный в 1562 г. св. Арсением, в честь Рождества Божией Матери. Он находился на том месте, где ныне стоит небольшая каменная часовня, на правом берегу Волхова, близ складочных магазинов купца Кузнецова. Св. Арсений, смелый обличитель бесчеловечных казней грозного царя, соорудил на этом месте небольшой деревянный храм во имя Рождества Богоматери, как бы для умиловления Бога за невинные жертвы Иоанновой жестокости. От Арсеньева монастыря на противоположный берег Волхова, к углу Детинца, проходил знаменитый в истории Новгорода большой Волховский мост, бывший позорищем многих бесславных дел и казней. С учреждением штатов уничтожен Арсеньев монастырь, причем строения его, имущество и земли приписаны к Юрьеву монастырю. Мощи св. Арсения перенесены из этого монастыря в 1787 году в Кириллов монастырь.

Подле Пятницкой церкви, считавшейся в Торгу, находится церковь Успения Божией Матери. К сожалению, история и Успенской церкви, подобно прочим, состоит исключительно из перечня пожаров, перестроек и поправок. Вина в этом случае не наша: по неимению при старинных церквях архивов и записок, мы могли только тщательно собрать те крупницы, которые разбросаны об них, там и сям, в летописях. Что исторический обзор каждой старинной церкви необходим, в том, надеемся, никто сомневаться не станет. Не говоря уже о научной важности таких обзоров для археологии, скажем здесь только, что посетители новгородской святыни слышат зачастую такие нелепые в историческом отношении объяснения и рассказы от доморощенных наших чичероне, что у знающего дело невольно, как говорится, уши вянут; даже сами церковно- и священнослужители редко-редко знают что-нибудь положительно верное о той самой церкви, при которой они проводят иногда весь свой век;

следовательно, для тех и других необходимо иметь какие-либо достоверные сведения о каждой существующей ныне церкви.

Местность, на которой находится Успенская церковь, в старину называлась *козьею бородкой*, иногда же и *козьим бродом*; ныне она именуется *молочною горкой*, так как здесь обыкновенно сидят торговки с молоком. Первоначально Успенская церковь была деревянною и поставлена при новгородском князе Всеволоде (Гаврииле) Мстиславиче в 1133 г., вместе с Георгиевскою в Торгу; но через два года князь Всеволод с новгородским епископом Нифонтом заложили каменную церковь Успения, довершенную постройкою лишь в 1144 г. Много раз после этого она горела и опять возобновлялась. При царе Алексее Михайловиче, в бытность митрополитом Новгородским известного Никона, придел Успенской церкви в честь св. Алексея, человека Божия был исправлен и подновлен; вообще этот государь покровительствовал Успенской церкви, что видно из уцелевших до сих пор некоторых церковных вещей, им в нее пожертвованных. Нынешний вид этой церкви очень недавний, потому что она горела еще и в 1745 г. и была тогда же подновлена, так что, по всей вероятности, древнего в ней осталось только название и фундамент. Прежде Успенская церковь была соборною, как видно это из грамот XV века. Из достопримечательностей этой церкви уцелели до настоящего времени только следующие: 1) серебряные потирь и кадило, пожертвованные в 1652 г. царем Алексеем Михайловичем и супругою его Мариєю Ильиничною в честь ангела государева, что видно из надписей на них; 2) образ местный под названием: «предста царица одесную тебе», писанный в 1606 г. *по обещанию приказных людей* великого Новгорода; 3) икона Знамения Божией Матери в «*чудесех*», старинной работы, на коей изображено древнее вооружение воинов и наглядно представлено событие 1170 г.

Глава VI

Примечательные церкви в концах Славянском и Плотницком

Осмотрев Ярославово дворище с его церквами, пойдем теперь, благосклонный читатель, по Михайловской улице на берег р. Волхова, и здесь мы увидим рядом две церкви: одна из них со-

оружена во имя архангела Михаила, а другая, приписная к ней, в честь Благовещения Богородицы; они также принадлежат к числу древних церквей новгородских: первая существовала уже в XII веке, потому что под годом 1152 упоминается в летописи сгоревшая, а вторая основана в 1362 г. при архиепископе Моисее. Обе церкви перестраивались даже в недавнее время. Благовещенская сохранила более древний вид, чем Михайловская; местные образа довольно стары, хотя и подновлялись. Достоин внимания археологов старинный вид новгородского Детинца, находящийся под иконою Божией Матери.

Другие две новгородские церкви, находящиеся в Славянской улице или попросту в *Славне на Холму*, устроены во имя св. пророка Илии и апостолов Петра и Павла. Время основания их теряется в глубокой древности; во всяком случае, можно полагать, что они существовали уже в XI в., хотя и переделывались несколько раз в течение своего векового существования, но сохранили еще и донные следы почтенной старины. Из достопримечательностей Ильинской церкви стоит упомянуть: 1) об иконе св. Антония Римлянина, бывшей на его раке и сделанной в 1537 г., что видно из находящейся на ней по борту надписи; 2) напестольный крест 1596 г. и несколько старинных икон. В церкви Петра и Павла на местном образе св. апостолов написано, что во время страшного пожара 1700 г. этот образ уцелел в саду у посадского человека Карлина, куда был вынесен, и что в прежние годы, когда обвалился в этой церкви свод, то он также сохранился неповрежденным. При Ильинской церкви были прежде и крестьяне, а теперь имеются земли в Тверской и Новгородской губерниях. Идя по Славной улице в церковь св. апостола Филиппа, мы встретим по пути красивенькую часовню в честь Владимирской Божией Матери, икона которой явлена в печке и считается чудотворною. Часовня украшена весьма просто, хорошо обсажена деревьями. Церковь апостола Филиппа, к которой мы теперь подходим, основана в конце XII века деревянною, а каменною выстроена в XIV веке. После разных переделок и поправок по случаю пожара и ветхости она возобновлена последний раз в 1855 г. При церкви имеется рукописный синодик XVII века, в коем записана история церкви и имена ее благодетелей; тут же, между прочим, помещено изве-

стие о моровом поветрии 1606 и 1607 г., причем прихожан Филипповской церкви померло тогда 364 человека.

Теперь ближайшим храмом для нашего обзора будет служить Знаменский собор, издали поражающий взор посетителя своею оригинальною архитектурою. Храм этот первоначально устроен в 1355 г. в воспоминание известного чуда от иконы Божией Матери над Новгородом, совершившегося в 1170 г. при архиепископе Иоанне. Чудотворная икона составляет лучшую и почти единственную драгоценность этого собора. Как самый храм, так и икона поновлялись несколько раз; многоценный оклад на ней переделан в недавнее время. В нынешнем виде этот собор существует с начала прошлого столетия; тогда же митрополит Иов устроил при нем богадельню для лиц духовного звания, существующую и поныне. Снаружи и внутри Знаменский собор расписан «весьма чудно и удивлению достойно», в 1702 г., *трудолюбием в подряд костромитина Бахматова с товарищи*. Страшный суд приводит сердца простолюдинов во ужас великий. Под чудотворною иконою изображен вид Новгорода во время осады его Боголюбским, почитаемый некоторыми археологами за весьма древний, но, по всей вероятности, сделанный в прошлом веке рукою одного из тех искусных изуграфов, которые размалевали весь собор. Во всех церковных процессиях Новгорода Знаменская икона обыкновенно участвует. Из прочих древностей собора стоит упомянуть только разве о колоколе XVI века, нескольких вещах из церковной утвари и о двух золотых медалях, пожертвованных в 1579 г. царем Иваном Грозным и сыном его Иваном Ивановичем после ливонского похода. Подле Знаменского собора погребен князь и ближний стольник Иван Степанович Шаховской, убитый в 1700 г. под Нарвою. Подле Знаменского собора стоит каменная церковь Преображения Господня, одна из древнейших в России, если только верить преданию, подкрепляемому, впрочем, отрывком из Иоакимовской летописи, конечно, только не в нынешнем ее виде. Иоакимовский летописец удостоверяет, что еще до введения в Новгороде христианской веры тайные христиане собирались на молитву в Спасопреображенскую церковь. Во всяком случае, если признать исторически верным факт избавления Новгорода от суздальцев при помощи иконы, то несомненно, что Спасская цер-

ковь существовала в XII веке, потому что чудотворный образ взят был отсюда арх. Иоанном. В нынешнем виде Преображенская церковь существует с XIV века (1374 г.), причем была она расписана известным тогда художником греком Феофаном, расписывавшим и многие московские церкви; следы этой стенописи заметны кое-где и теперь, под слоем штукатурки. Из достопримечательностей церкви можно указать на деревянный крест, вырезанный в 1532 г. по заказу какого-то Никифора Ефимовича мастером Григорием Степановым.

Если Знаменскою улицею идти к мосту, то в торговых рядах встретим хорошей архитектуры церковь св. Георгия, устроенную в начале XII в. (1133 г.). Она перестраивалась много раз и даже в недавнее время. Древностей в ней никаких нет, исключая разве старинного серебряного ковша с надписью: «ковш игумена Иосифа – пити из него на здравие!». Подле Георгиевской церкви устроена недавно богатая часовня с гробницею св. Федора юродивого, того самого, который постоянно враждовал с Николаем Кочановым, юродивым Софийской стороны. Федор жил в XIV веке, и, по словам надписи на его гробнице, «плоть свою увядил постом, жаждою и зноем; от мраза, снега и дождя никуда же уклонялся. Днем ходя по стогнам града, творяще юродство, нощию же бе прилежно моляся Богу о избавлении града от огненного запаления и глада. За обличения нечестия и предсказание неурожаев и пожаров терпе от людей пхание и биение. Гонимый св. Николою с Софийской стороны, переходаше по воде р. Волхова, аки по суху».

От Георгиевской церкви только несколько шагов до церкви Иоанна Предтечи на Опоках, или на Петрянине дворище. Церковь эта основана в 1127 г. новгородским (впоследствии псковским) князем Всеволодом Мстиславичем (Гавриилом в крещении), в честь ангела своего старшего сына Иоанна, который, впрочем, скончался в следующем году. Предтеченская церковь считалась в Новгороде *многочудною*, была соборною и пользовалась особыми преимуществами, предоставленными ей Всеволодом по известной грамоте: при ней находились весы для взвешивания воску, пошлины с которого поступали в казну Иоаннопредтеченской церкви; кроме того, на берегу Волхова принадлежал ей буян (буевище), доходы коего также поступали в Предтеченскую церковь. Купечество ивановское, со-

ставляя отдельную корпорацию, пользовалось особыми привилегиями, так что за право принадлежать этой артели купцы платили 50 гривен серебра; они избирали из своей среды 5 старост и тысяцкого, которые заведовали пошлинами и доходами Предтеченской церкви. Более 300 лет существовала Предтеченская церковь в своем первобытном виде; но в 1453 г., по приказанию арх. Евфимия Вяжицкого, ее разрушили до основания и выстроили на ее месте новую. Последние переделки в Предтеченской церкви произведены в 1825 и 1838 годах, так что и от этой замечательной церкви осталось только название да стены; вся древность замурована, заделана, замазана. Теперь она принадлежит к числу беднейших, бесприходных церквей Новгорода. Из древностей уцелело здесь серебряное кадило и два блюда XVII века с надписями.

Не перечисляя несуществующих уже церквей Славянского конца, число которых простирается до 10, перейдем прямо в Плотницкий конец.

Накануне знаменитой, решительной битвы Ярослава I с Святополком в 1016 г. воевода последнего, Волчий Хвост, разъезжая по противоположному берегу Днепра, бранил Ярослава и новгородцев следующими, вероятно, обидными для них словами: «почто приидосте со *хромцем* сиим? а вы *плотницы* суще и приставим вас хоромов рубити наших» (см. начало I Новг. лет.). Прозвание новгородцев *плотниками* свидетельствует, что главное занятие древних новгородцев стало *плотничество*, чему способствовало, между прочим, изобилие лесов в новгородской области. Конец Плотницкий в Новгороде занимал северо-восточную часть города; здесь протекал ручей того же имени, впоследствии названный *Федоровским*, от церкви Федора Стратилата, на берегу его находящейся. В Плотницком конце в древности жили, кажется, преимущественно ремесленники, что можно заключить из названия улиц этого конца: *Щитная*, *Молоткова*, *Оловянка*. Теперь осталось немного церквей в этом околке: 1) св. Климента, Папы Римского, 2) Дмитрия Солунского, 3) Федора Стратилата, 4) Никиты Великомученика, 5) Рождества Богородицы на Молоткове и 6) Бориса и Глеба с приписною к ней Иоанна Богослова в Радаковицах. Осмотрим их по порядку. Церковь св. Климента, на прежней Иворовой улице, основана арх. св. Нифон-

том в 1153 г.; она горела много раз и опять возобновлялась; последний пожар ее записан в 1596 г.; примечательностей в ней никаких нет. Невдалеке от Климентовской церкви, на большой Московской улице, против гимназии, стоит церковь св. Димитрия Солунского, построенная в 1382 г. великим князем Дмитрием Ивановичем Донским в память победы, одержанной им в 1380 г. над Мамаем; она также поправлялась много раз, как и прочие новгородские церкви; достопамятностей в этой церкви также никаких не находится. Церковь Федора Стратилата на Федоровском, или Плотницком, ручье построена в 1360 г. каким-то боголюбивым новгородцем Семеном Андреевичем и материю его Наталиею. Кто желает иметь наглядное понятие о старинных наших церквях, неперестроенных, неблагоукрашенных в новейшем вкусе любителями благолепия церковного, тот непременно посетит эту церковь и останется вполне ею доволен. Иконостас и настенная живопись весьма древни и, вероятно, некоторые фрески относятся ко времени основания храма, следовательно, к половине XIV века. Против главного алтаря, на хорах, был устроен прежде придел во имя Покрова Богородицы, а с хор, по южной стене храма, сделан особый ход, в роде галереи, к главному алтарю, и здесь, над дьяконником, пристроен еще крошечный темный придел в честь св. Симеона Дивногорца, в коем едва могут поместиться три человека. Вообще в Федоровской церкви хорошо сохранилась почтенная старина. Прежде ей принадлежали крестьяне, теперь же она упразднена и приписана к Никитинской, которая находится близ московской дороги. С первого взгляда видно, что Никитинская церковь не старая, хотя она и находится на месте древней, построенной первоначально в XIV веке. Последняя перестройка ее была совершена в нынешнем столетии (1813 г.) заботами Клопского игумена Герасима Гайдукова и иждивением купца Снеткова. Из древностей здесь замечательны: иконы св. Андрея Первозванного и св. мученицы Евфимии, перенесенные сюда из упраздненных церквей того же именованья; также заслуживает внимания археолога церковная и домашняя утварь, преимущественно XVII века. На Никитинской улице был дворец Иоанна Грозного, который жил тут несколько недель с своим семейством в 1572 г. На этой же улице находился большой сад арбузьевский, в котором скрывался народ во

время большого пожара 1508 г., «чаяху тоя великия беды избыти и неизбыша. И прииде на них вихрь велик, и все людие изгореша, и сад весь из корения изгореша; и никто же остана в саду от людий бывших, и все лежат яко свинии огореша: овому темя погореша, а иному чрево прогореша, а иных руки и ноги огореша; и никто не может познати своего мертвеца: ни отец сына, ни мати дщери, ни сын отца, ни дщи матери, ни брат брата» и т.д. (Ш т. Полн. собр. рус. лет., стр. 147).

Теперь Никитинскою улицею пойдем к валу, недалеко от которого увидим две церкви, – одна во имя Рождества Богородицы, а другая – собор св. Богородицы, бывшие прежде монастырскими. О причине построения Молотковского или Михалицкого женского монастыря сохранилась следующая легенда. Некий благочестивый муж имел с детства обычай ходить по церквам и брать всегда от священника антидор или богородицын хлеб, который и съедал во славу Божию. Случилось однажды этому благочестивому старцу, по окончании обедни, зайти на пир к своему приятелю. Радушный и гостеприимный хозяин так употчивал своего гостя, что тот пошел домой зело весел. Дорогою хмель его совсем рознял, и благочестивый муж «ляже на пусте месте и впаде в сон крепок». Так как в те отдаленные времена, когда случилось описываемое событие, городская полиция мало заботилась о благосостоянии граждан, то и некому было подобрать хмельного; «прочие же людие бяху назираху его из домов своих, когда востанет: оному же спящу крепко». Между тем благочестивый муж полученный им в церкви богородицын хлеб спрятал тогда же в платок и держал его крепко в руке. Собаки, которых в Новгороде всегда, кажется, было много, особенно на Молоткове, почуяв хлебное, «дьяволим навождением» окружили спящего и хотели съесть у него хлеб; «но абие паляше их огонь; и многожды покусившися пси приступити к хлебу Пречистыя, но огонь паляше их». Увидев сие чудо, окрестные жители «притекше отгнаша псов и мужа оного возбудиша от сна и поведаша сие архиепископу» (Ш Новг. лет., стр. 218). В память этого чуда княгиня Елена, супруга Ярослава Владимировича, соорудила в 1199 г. на сем месте церковь Рождества Богородицы с приделом Михаила Малейна, в день памяти которого оно совершилось (12 июля), и устроила здесь женский

монастырь, который существовал до конца прошлого века (1786). Означенное чудо изображено на особой картине, висящей на западной стене церкви. Из достопримечательностей Молотковской церкви следует упомянуть: 1) о гранитном кресте с греческою надписью, вделанном снаружи западной стены Богородице-Рождественской церкви; крест перенесен сюда из уничтоженной Спасской церкви, что была на Красном поле; 2) шитая пелена к образу Рождества Богородицы, подаренная Молотковскому монастырю царем Федором Иоанновичем и супругою его Ириною Федоровною в 1594 г.; 3) медное паникадило и хоругви, принесенные в дар императрицею Анною Иоанновною. Кроме того, в этой церкви много старинных образов без надписей. Прежде тут был, как видно, аристократический женский монастырь, теперь же молотковское захолустье принадлежит к беднейшим местностям Новгорода: здесь живет с десятком бедных граждан в развалившихся домиках. Если выйти отсюда на вал, то прямо наткнемся на омерзительное зрелище: тут устроена бойня рогатого скота в отвратительно гадких и гнилых сараях; зловоние, текущая кровь и стаи кровожадных, одичавших псов расстроят нервы самого крепкого человека. Когда-то будет у нас обращено надлежащее внимание на этот, по-видимому, ничтожный, а на самом деле весьма важный предмет. Бедную скотину, изнуренную предварительно голодом, мясники бьют дорогою кольями, кидают в нее камнями, собаки заживо рвут ее, и все это совершается на глазах у всех, в черте города, на месте, где любят прогуливаться городские обыватели. Давно пора обратить бдительный надзор на городские бойни и, по возможности, избавить животное от мучений.

Идя далее валом, полюбуемся видом окрестностей Торговой стороны, действительно живописных, особенно весною, во время половодья, какое было в нынешнем году; кажется, видишь перед собою обширное озеро или море, усеянное мелкими островами, на которых красуются монастыри, стоят уединенные церкви и бедные деревеньки, закутанные в зелень своих садов. Вы увидите отсюда *Городище, Юрьев монастырь, Кириллов, Спаса на Нередицах, Андрея на Ситецке, Рождества Христова у скудельниц, Воскресения Христова на Красном поле, Ковалево, Волотово* и др.

Так как мы предполагаем обозреть окрестности Новгорода ниже сего, то и оставим их пока в покое, а продолжаем наш путь по валу до самого Волхова, на берегу которого, при устье речки Витки, увидим две старинные церкви: та, которая придется с левой руки, сооружена во имя св. князей Бориса и Глеба, а с правой стороны во имя Иоанна Богослова на Радоковицах. Борисоглебская церковь устроена первоначально в XIV в. (1377); в XVI в. она была разобрана за ветхостию и выстроена вновь в 1536 г., и с этого времени существует без значительных переделок. Замечательного в ней немного: несколько старинной церковной утвари, книг и образов XVI и XVII века. Близ Борисоглебской церкви находился прежде женский Евфимьин монастырь, уничтоженный в прошлом столетии. При упраздненной ныне церкви Иоанна Богослова находился также женский монастырь, основанный арх. Моисеем в 1354 г. и закрытый в прошлом веке (1764). Недалеко от Радоковицкого монастыря существовал еще женский Успенский монастырь, от которого теперь не осталось и следов. Местность по ту сторону вала, за ручьем Виткою, теперь называется *Никольскою* слободою и заселена почти исключительно бывшими ямщиками и цыганами, как-то случайно зачехлавшими около Новгорода. Прежде здесь существовал мужской Никольский монастырь, которого теперь нет и в помине. С оконечности вала открывается прелестный вид на Софийскую сторону: прямо представляется Зверин женский монастырь с своею белою оградою и башенками, и окольные его церкви, уныло смотрящие в мутные воды Волхова. Особенно картинно рисовалась недавно еще здесь церковь св. Лазаря, покрытая мхом и плесенью; но увы! Лазаря теперь нет: ее разобрали на какое-то другое монастырское строение.

Глава VII

Обозрение окрестностей Новгорода

Таким образом, мы обошли Плотницкий конец и затем весь Новгород; теперь обозрим его окрестности. Ближе всего на пути нам будет Антониев монастырь, в который мы уже заглядывали прежде, когда ехали по Волхову. Далее, версты за три от города, по левую сторону московского шоссе, находится небольшая деревенька с ка-

менно старинную церковь: это *Волотово*, прежде бывший мужской Успенский монастырь, сооруженный в XIV в. арх. Моисеем; ныне же это бедная сельская церковь, в которой уцелела еще древняя настенная живопись; близ Волотовской церкви существуют остатки кургана, считаемого преданием за могилу Гостомысла. Рассказывают, что по смерти любимого своего старейшины, по совету которого новгородцы пригласили Рюрика с братиею *княжить и влодеть ими*, признательный народ пригоршнями наносил на его могилу столько земли, что образовался на этом месте значительной высоты курган или, по-здешнему, *сопка*. Невежественные любители древностей и еще более невежественные искатели кладов давно начали перерывать этот курган и, к сожалению, теперь от него остался только незначительный бугорок. Ходаковский в 1821 г. также разрывал его и нашел в нем несколько лошадиных и собачьих скелетов.

По другую сторону шоссе на холму уединенно стоит еще древняя церковь, также остаток прежде бывшего тут монастыря; это церковь Спаса Преображения на Ковалеве, устроенная в половине XIV в. и расписанная в 1380 г., что видно из надписи на стене храма. Первоначальная стенопись сохранилась в некоторых местах еще и доныне, несмотря на то, что ее усердно и много раз забеливали.

В 10 верстах от города, в стороне от московского шоссе, при р. Вишере лежит монастырь св. Саввы Вишерского, основанный в XV в. св. Саввою, из рода бояр Бороздиных, во имя Вознесения Христова. Монастырь Вишерский часто перестраивался и переделывался; последнее возобновление его было произведено в прошлом столетии попечением дворян Глазатова и Аничкова, принявших здесь иночество. Из примечательностей монастыря, кроме мощей его основателя, указывают на сооруженный им крест, несколько старинных икон и церковной утвари. Ближе к городу, вправо от шоссе, на поле находятся две старинные церкви, бывшие также некогда монастырскими, а теперь приписанные к городскому кладбищу: 1) Рождества Христова и 2) Воскресения Христова.

О построении Рождественской церкви в первый раз упоминается в XIII в. (1226); тогда же устроена была при ней *скудельница*

или *Божий дом*. В 1739 г. у церкви Рождества Христова совершена была, по проискам временщика Бирона, страшная казнь над князьями Долгорукими, привезенными в Новгород из отдаленных мест ссылки: князь Иван Алексеевич, любимец императора Петра II, был четвертован и показал при казни мужество; прочим его родственникам отрубили головы. Сын казненного князя Ивана, князь Михаил Иванович Долгоруков, соорудил в 1768 г. над прахом своего отца и родственников каменную церковь во имя Николая Чудотворца и снабдил ее всем необходимым. В Рождественской церкви имеется несколько старинных икон и церковной утвари. Вблизи этой церкви находится еще другая кладбищенская церковь, выстроенная в XV в., во имя Воскресения Христова, и известная более в народе под именем Тихвинской, от иконы Божией Матери, здесь находящейся. История этой иконы видна из надписи на ней (1643 г.), в которой сказано, что новгородские купцы Дмитрий и Василий Воскобойниковы, выдержав на море жестокую бурю, носились на своем судне по морю шесть недель и уже отчаялись достигнуть берега, как было им видение во сне, чтоб они исторгли икону Тихвинской Божией Матери из рук неверных и привезли ее в Русь; бурю выбросило их потом на остров Березай, где действительно у *латинского попа* на дверях чулана увидели означенный образ, выменяли его за 15 ефимков любских и после того благополучно возвратились в Новгород, пожертвовав означенную икону в Воскресенский мужской монастырь на *Красном* поле.

Версты за 3 от города к юго-востоку, на острове Селезневе или Нелезине, образуемом реками Малым Волховцем и Лешошнею (прежде Животуг), находится монастырь Афанасия и Кирилла Александрийских, устроенный первоначально в XII в., но переделанный заново в прошлом столетии. В нем почивают мощи св. Арсения, перенесенные сюда в 1787 г. из упраздненного Арсеньева монастыря. Достопримечательностей в этом монастыре никаких нет, кроме старинного шлема. Вблизи Кириллова монастыря существовали прежде еще две обители, от которых остались теперь только церкви: св. Андрея юродивого на *Ситецке* и Спаса Преображения на *Нередице*. Первая ничем особенно не замечательна, а вторая сохранила вполне следы глубокой древности. Нередицкий монастырь основан в конце

XII в. князем Ярославом Владимировичем и мало подвергался поправкам и изменениям; стены этой церкви расписаны древнею живописью с греческими надписями. Необходимо было бы давно снять фотографические снимки с этих фресок прежде, чем нашелся какой-нибудь ревностный любитель благолепия церковного, по воле которого замалуют всю драгоценную древность. Что стенная живопись здесь современна основанию монастыря (1199 г.), это видно из того, что в некоторых местах на столбах нацарапаны каким-то острием надписи начала XIII в. Вообще в Нередицкой церкви лучше всех новгородских церквей сохранилась древность, не поврежденная позднейшими поправками. В Нередицком монастыре принял монашество князь Афанасий Данилович и погребен здесь в 1322 г. (I Новг. лет., стр. 172).

От Спасо-Нередицкой церкви не более полуверсты до Рюрикова Городища, первоначального сельбища норманнских князей. Городищенский бугор господствует над окружающею его местностью. Отсюда же представляется живописная картина на Новгород и его окрестности: на юг далеко синее бурливый по временам Ильмень с несущимися иногда по нем судами, словно стадо белогрудых лебедей; на запад, на противоположном берегу Волхова, смотрится в воды благовидный Юрьев монастырь, играющий своим золотом с солнечными лучами; взглянув на север, вы увидите богоспасаемый Новгород, откуда долетает до вас глухой гул едущих по мосту экипажей; по Волхову в разных местах недвижимо стоят челноки с удильщиками рыбы, большею частью мелкими канцелярскими чиновниками; на берегу развешаны на солнышке для просушки невода и мережи городищан; на востоке желтеют нивы и зеленеют луга, орошаемые ручьями и протоками Волхова. В старые годы, молодые дни, не на нашей памяти, а при наших дедах и прадедах, Городище было богатым селом, где жили обыкновенно новгородские князья: это было их родовое пепелище, куда они удалялись во время народных смут в городе. Теперь же Городище незначительное селение, приписанное к удельному ведомству; обыватели его занимаются рыбною ловлею и произращением огурцов, в искусстве соления которых городищане приобрели себе общую известность. Прежде на Городище было несколько церквей, а теперь осталась одна, во имя

Благовещения Богородицы, основанная 1103 г. князем Мстиславом Владимировичем, сыном Мономаха; им же пожертвовано сюда великолепное пергаменное Евангелие, хранящееся ныне в московском Архангельском соборе. Благовещенская церковь в 1342 г. была разрушена за ветхостию по приказанию великого князя Симеона Ивановича, а в следующем году была отстроена вновь и освящена арх. Василием. Есть предание, что сам архиепископ Василий написал местный образ Благовещения Богородицы, которая изображена с веретеном в руках. Дальнейшая судьба Благовещенской церкви неизвестна; несомненно только, что она поправлялась много раз, даже в недавнее время.

Переправившись на лодке через Сиверсов или Новгородский канал, соединяющий р. Мсту с Волховом, на противоположный его берег, взглянем мельком на Сквородский Михаило-Архангельский монастырь, основанный в 1355 г. св. Моисеем, арх.<иепископом> Новгородским, которого мощи здесь почивают. Далее на юг, на берегу Ильменя, при устье р. Мсты, стоит уединенно бедная церковь, остаток прежде бывшего тут монастыря во имя Николая Чудотворца на Липне. Этот монастырь основан в 1292 г. арх. Климентом на том месте, около которого был обретен чудотворный образ Николая, находящийся поныне в Николо-Дворищенском соборе. Здесь древность весьма хорошо сохранилась. Невдалеке от Сквородского же монастыря существовал прежде Покровский Шилов монастырь, устроенный новгородским посадником Олонием (Леонтием?) Щилом или Шилом в 1309 г. (см. Новг. лет., стр. 69). Про этого Щила рассказывают следующую любопытную легенду. Щил был весьма богат, а разбогател он преимущественно тем, что давал займы деньги из процентов. Росту, или лихвы, правда, Щил брал немного, не то что нынешние новгородские ростовщики: он брал только в год по одной деньге на новгородский рубль. Скопив таким образом лихвенских денег значительную сумму, он решил построить на нее церковь и соградить себе на старость монастырь, *«дабы ангелам была радость, а бесу пагуба»*. Испросив на это богоугодное дело благословение владыки, он начал строить церковь во имя Покрова Богородицы. Когда церковное здание уже было готово, то Щил просил архиепископа освятить церковь. Архиепископу пришлось на ум со-

мнение: из каких источников выстроил Щил церковь, будучи известен в городе за ростовщика? С этою целию он позвал его к себе и келейно расспросил обо всем. Щил откровенно сознался, что выстроил церковь из одних процентов. Тогда архиепископ не разрешил освящения храма и придумал следующее наказание за резоиство Щилу: он велел ему приготовить для себя гроб, одеться в погребальный костюм, лечь в гроб и приказал духовнику совершить над собою весь похоронный чин в новопостроенной церкви. Как ни страшно было для Щила подобное распоряжение владыки, но делать было нечего, и он исполнил приказанное. Тогда совершилось чудо дивное и удивления достойное! Щил вместе с гробом провалился в преисподнюю пропасть. Все присутствовавшие при этой страшной сцене переполошились, особенно же опечален был однородный сын Щила. Он отправился к владыке за советом. По глубоком размышлении архипастырь приказал нарисовать на стене храма преисподнюю, на дне которой изобразить щилов гроб, а самую церковь запечатать; щилу же сыну приказал заказать в 40 церквах сорокоуст и в то же время кормить всех нищих, убогих и заключенных в тюрьмы, как в самом городе, так и его окрестностях. По прошествии назначенного времени щилов сын явился к архиепископу с извещением, что все им приказанное исполнено в точности. Владыка послал тогда своего архидьякона в запечатанную церковь посмотреть, в каком положении изображение щиловой смерти; оказалось, что голова Щила вышла уже из ада по настенному написанию. После второго, столь же тяжкого сорокоуста, у Щила показалось из гроба туловище, а после третьего вышло наружу и все тело умершего Щила, разумеется, в настенном изображении. Тогда только решился архиепископ освятить церковь и дал благословение основать здесь монастырь, первым иноком которого сделался щилов сын. Этот назидательный урок весьма полезно было бы иметь в виду нынешним ростовщикам Новгорода. Многие из них почитают себя за благодетелей рода человеческого, если дают беднякам займы деньги под благонадежный, конечно, залог, и берут только по 5 процентов в месяц, т.е. 60% в год. Эти господа обыкновенно преусердно ходят в церковь, ставят свечи и соблюдают посты.

Переправившись через Волхов на левый его берег, отправимся теперь для обозрения в великолепный монастырь Юрьев. Он принадлежит к числу древнейших, богатейших и знаменитейших монастырей новгородских. Основанный, по преданию, великим князем Ярославом I в 1030 г., он был возобновлен или, лучше сказать, вновь устроен в 1119 г. новгородским князем Всеволодом Мстиславичем, при игумене Кирьяке. В это же время Мстислав и сын его Всеволод дали Юрьеву монастырю известную грамоту, до сих пор хранящуюся подлинником в монастырской ризнице. Поправки и переделки монастыря производились в последующее время довольно часто. Последняя, капитальная перестройка его произведена с 1825 по 1827 г. на иждивение графини А. А. Орловой-Чесменской, при архимандрите Фотии, причем весь монастырь отделан заново, выстроены новые церкви и великолепные палаты для монашествующих; все иконы поновлены и богато украшены золотом, серебром и драгоценными камнями; куполы ярко вызолочены, так что глаз слепнет от яркости позолоты и блеска украшений. Миллионы рублей пошли на украшение этой богатейшей обители: дававшая рука не считала их. Едва ли существует еще в России столь же щедро одаренный, обеспеченный и благоукрашенный монастырь, как наш Юрьев, исключая, может быть, Лавры Троицкой.

Перейдем к историческим примечательностям Георгиевского <собора>. Настоятель его назывался прежде архимандритом и был первым лицом после архиерея в чине духовной иерархии древнего Новгорода; его обыкновенно посылали в Русь и за границу по важным политическим и духовным делам, для переговоров от имени великого Новгорода. В Юрьеве погребены некоторые князья, например: Ростислав Ярославич (1198 г.), Изяслав Ярославич, Федор Ярославич (брат Невского), мать последнего, великая княгиня Феодосия (в монашестве Ефросинья), Дмитрий Юрьевич Шемяка (1453 г.), также некоторые посадники, напр., Дмитрий Мирошкинич с отцом своим Мирошкою; из святителей новгородских избрали Юрьев своею усыпальницею – митрополит Макарий II (1663 г.), Маркел, Иоасаф и др. В 1786 г. перенесены сюда мощи архиепископа Новгородского Феоктиста из Благовещенского монастыря. По желанию благотворительницы Юрьева монастыря графини Анны

Алексеевны Орловой перенесены сюда бранные остатки ее знаменитого отца и дядей – Алексея, Григория и Федора Григорьевича Орловых. Наконец, и сама графиня А. А. Орлова избрала местом своего упокоения облагодетельствованный ею монастырь. Она погребена здесь рядом с архимандритом Фотием, в богато украшенном подземельном склепе. Из древностей монастырских, кроме Мстиславовой грамоты, заслуживают еще внимания пергаменная грамота архиепископа Ионы, письмо св. Димитрия Ростовского, письмо императора Александра I к Фотию 1825 г. из Таганрога; плащаница, шитая женою Шемяки, княгинею Софьею, древнее серебряное блюдо, кресты, церковные сосуды и пр. Не говорим уже о богатстве новой ризницы, превосходящей своим благолепием все, что только можно себе представить роскошного.

На версту к югу от Юрьева монастыря, при истоке Волхова, на островке стоит небольшой, чистенький монастырек, приписанный к Юрьевскому: это скит во имя Рождества Богородицы. Предание, весьма правдоподобное, утверждает, что здесь было капище идолу Перуну, отчего остров этот и доньше называется *Перынским*. Когда введена была христианская вера в Новгороде, не без некоторых, впрочем, затруднений и замешательств, то «епископ Иоаким требища разори и Перуна посече, что в великом Новгороде стоял на Перыни и повеле повлещи в Волхов; и повязавше ужи, влечаху и по калу, биюще жезлием и пхающе, и в то время бяше вшел бес в Перуна и нача кричати: о горе мне! ох! достася немилостивым судиям сим, – и вринуша его в Волхов. Он же пловяше сквозе великий мост, верже палицу свою на мост, ею же безумнии убиваюшеюся утеху творят бесом. И заповеда никому же нигде же не переняти его. И иде питблянин рано на реку, хотя горницы (горшки) везти в город, и Перун приплыл к берегу, к бервы, и отрину его шестом, и рече ему: «Перунице! Досыти еси ел и пил, а ныне прочь плови – и плы из света некошное, сиречь во тьму кромешную» (см. III Новг. лет., стр. 207). На месте, где стоял Перун, сооружен храм во имя Рождества Богородицы (995 г.) и учрежден монастырь, история которого мало известна; несомненно только, что Рождественская церковь одна из старейших в Новгороде; местные иконы ее весьма древни, хотя и поновлены при архимандрите Фотии. К северо-востоку от Юрьева

монастыря в густой роще мелькает еще красивая церковь и подле нее изрядный дом. Прежде здесь находился мужской Пантелеймонов монастырь, основанный в начале XII в. и претерпевший общую участь новгородских обителей; он упразднен в прошлом веке и обращен в приходскую церковь. Последнее возобновление Пантелеймоновской церкви произошло в 1811 г. иждивением помещика Семеновского, а с 1837 г. эта местность куплена графинею А. А. Орловою, которая устроила здесь себе мызу для постоянного жительства. Прекрасный сад, оранжерея и цветники украсили это уединенное жилище графини.

На версту к западу от Юрьева стоит еще древняя церковь во имя Благовещения Богородицы, при которой был также монастырь, построенный в 1170 г. знаменитыми архипастырями Новгорода Иоанном и братом его Григорием. Рассказывают легенду о построении этого храма. Когда не достало у строителей денег для окончания предпринятой им постройки, то, после усердной их молитвы, явился подле церкви отличный конь с золотою сбруею, но без всадника. Святые братья, подойдя ближе к коню, увидели по обе стороны седла по мешку. Они сняли их, и конь ускакал; в одном мешке оказалось золото, а в другом серебро. На эти деньги они достроили церковь, соорудили монастырь и снабдили его всем потребным. Игумен Благовещенского монастыря Феоктист был избран на святительскую кафедру Новгорода и погребен здесь в 1310 г.; но в 1786 г. мощи его перенесены в Юрьев. Недалеко от Благовещения был прежде еще древний монастырь, Аркажский, от которого теперь ничего не осталось.

Из окрестных монастырей Новгорода нельзя пройти молчанием о следующих: 1) о мужском *Вяжицком*, отстоящем от Новгорода на 12 верст и сооруженном в XIV в. во имя Николая Чудотворца; здесь почивают мощи святителя новгородского Евфимия (1458 г.); 2) *Сырковом* девичьем, основанном в XVI в. купцом Федором Сырковым во имя Владимирской Божией Матери и отстоящем в 6 верстах от города; 3) о *Троицком Клопском*, с мощами св. Михаила, родственника великих князей московских; Клопский монастырь находится в 20 верстах от Новгорода близ устья р. Веряжи на берегу Ильменя озера; он устроен в XV в.; 4) о *Перекомском*, лежащем на берегу Ильменя, при устье р. Веренды, за 25 в. <ерст> от города;

здесь почивают мощи основателя монастыря св. Ефрема Перекомского, основавшего монастырь в половине XV в. Замечательного во всех этих монастырях ничего нет, кроме мощей.

Глава VIII

Краткие статистические сведения о нынешнем Новгороде

Для полного знакомства с нынешним Новгородом не достаточно пересмотреть одни его исторические достопримечательности: необходимо также узнать кой-что об его настоящем положении в торговом, промышленном и хозяйственном отношениях. Справедливо говорят, что цифры часто красноречивее слов, занимательнее самого картинного описания местности. По этой причине представляем краткие статистические сведения о Новгороде за последнее время. Прежде всего скажем о населенности Новгорода.

Жителей в Новгороде и прилегающих к нему слободах считалось в 1860 г. 18 155 душ, в том числе мужского пола 10 520, а женского 7 635. Перевес мужского населения перед женским главнейше зависит от того, что в городе расположено регулярного войска около 3 300 чел. Большинство же собственно городского населения составляют мещане, которых числилось у нас в том году 1 558 душ мужского пола и 1 735 женского; затем более всего живет крестьян разного наименования и дворовых, число которых простиралось до 1 800 душ муж. пола и 1 621 жен. Дворян, потомственных и личных, числится здесь 842 чел. муж. пола и 957 женского; православного духовенства 762 муж. и 356 жен. пола; монашествующих в городе и его окрестностях 211 муж. и 356 жен. пола; купцов считается в Новгороде 290 муж. и 244 жен. пола; в том числе: 1-й гильдии 5 чел., 2-й – 4 чел. и 3-й – 114; остальные принадлежат к сословию торгующих крестьян и прикащиков. Значительнейшие из купеческих домов по своим торговым оборотам: П. М. Кузнецов, Соловьев, А. Зимин, Соколов и братья Федоровы.

Почетных граждан, потомственных и личных, считается у нас 464 чел. муж. пола и 431 жен. В 1861 г. родилось в Новгороде 313 муж. пола и 301 жен., а умерло 244 муж. и 195 жен. Значительный перевес родившихся перед умершими показывает, что Новгород

пользуется здоровым климатом и благоприятными условиями для умножения населения. Браков в прошлом году было 175. Большая часть умирающих у нас были, как и везде, дети, так что на долю их приходится более половины общего числа смертностей. Причину такого печального явления надо искать в недостаточности присмотра за детьми в самом нежном их возрасте, особенно между бедными сословиями, также в дурном, нездоровом помещении и в недостатке медицинских пособий. Стариков свыше ста лет у нас в прошлом году не умирало; но это, впрочем, не доказывает, чтоб новгородская территория не благоприятствовала долголетию: в 1858 г. умерли в Новгородском уезде одна женщина 102 лет и один мужчина 129 лет от роду; в 1859 году умер в Новгороде мужчина 102 лет и тех же лет двое в Новгородском уезде; в 1860 году умер 105 лет старик в Новгородском уезде. <...>^{*}

Не станем перебирать новгородцев на рубрики относительно их вероисповедания: известно всем и каждому, что Новгород по преимуществу город православный; скажем только вообще, что иностранцев у нас считается около 700 чел., большая часть которых принадлежит к военному сословию и служащим чиновникам.

Все население Новгорода размещается в 1 221 доме, из коих 250 каменных и 971 деревянных, в том числе казенных, общественных и монастырских считается 58 каменных и 29 деревянных; лавок у нас находится 287, из них 10 принадлежат монастырям и 97 городскому обществу; магазинов для склада товаров числится 60, трактиров 30, питейных домов 16; впрочем, счет последних определить трудно, потому что на одном из них мы видели № 23, с надписью: *казенный питейный дом*; вероятно, есть цифра и выше этого числа, но про это знает хорошо только умирающий питейный откуп. Церквей же в Новгороде числится 36, из коих на Софийской стороне находится 16, а на Торговой 20; кроме их есть еще одна протестантская, монастырей в черте города 4, а часовен 20.

Так как почти вся торговля города сосредотачивается на Торговой стороне, то лучшие лавки и магазины помещены на этой стороне, на Софийской же имеются только мелочные лавки с необхо-

---

^{*} В книге приведены краткие статистические сведения: число родившихся, умерших, женившихся с 1857 по 1861 гг. в Новгороде (прим. *сост.*).

димыми жизненными потребностями. Лучшие магазины с колониальными товарами принадлежат купцам Богдановым, Соловьеву, А. Зимину и Хренову; с сукнами и разными материалами – Доброхотову, Сидоровым и Агапову; с дамскими принадлежностями – Лушину, Банухину и Капеллеру. Лошадей в Новгороде считается 920, а крупного рогатого скота 839 штук; прочих домашних животных и птиц содержат у нас мало, собственно для домашнего обихода.

Ремесленников числится 897, в числе коих состоит подмастерьев 338, учеников 280, а собственно мастеров 279. Всего более потребность состоит у нас в приготовлении обуви, и потому сапожного цеха мастеровых считается здесь 189 человек; впрочем, настоящих мастеров числится только 47 человек, прочие же принадлежат к разряду работников и учеников. Портных 121 чел., а мастеров из них 29 чел. Нельзя не припомнить здесь кстати о жалкой участи бедных учеников, находящихся в ученьи у наших невежественных мастеровых. Было время, когда обратили на них внимание в столицах, и почти еженедельно печатали результаты посещений мастерских особыми комиссиями. Известно, что если Петербург чихнет, то все провинции наперерыв сочтут своею священнейшею обязанностью пожелать ему доброго здоровья; так и в то время, когда появилась мода в Петербурге заниматься осмотром ремесленных заведений, то и у нас произвели им однажды ревизию и нашли, чего и следовало было ожидать, много злоупотреблений, гадости, грязи, жестокого, бесчеловечного обращения и пр., а потом, как всегда водится, все снова поприутихло и пошло своим порядком, по-прежнему; бедные мальчишки терпят жестокие побои, голод и холод, а об ученьи их хозяева весьма мало заботятся. Не удивительно после того, что из них выходят отъявленные пьяницы, плуты, делающие все как-нибудь, на авось да подороже. Кроме того, немцы-ремесленники захватили почти повсюду городскую промышленность в свои руки, наживают себе дома и капиталы, а русские мастера находятся у них в работниках и нищенствуют; но обратимся к нашему предмету.

Лиц, занимающихся печением хлеба, как-то: булочников (немцев), крендельщиков и хлебопеков 95 чел., из них мастеров, т.е. знающих всю *суть* хлебного дела, 34 чел.; ремесленников, услаждающих наш вкус пряностями и сладостями, 17 чел. Для наших ба-

рынь – 5 цеховых модисток и 2 цветочницы с 24 ученицами; прибавить, впрочем, следует, что почти все здешние тальмы, гарибальдийки и прочие принадлежности дамского туалета получаются готовыми из Петербурга.

Для убранства жилищ в Новгороде есть 10 столярных и 3 обойных мастера, а при них 54 работника и ученика. Биржевых извозчиков около 60 человек с порядочными экипажами. Прочих ремесленников считается также по нескольку человек, по потребностям города, т.е. всякого жита по лопате.

Фабрик и заводов в городе 10; на них изготовляются свечи (на сумму около 30 000 р. сер.), выделывается кожа (почти на 35 000 р. сер.), горшки и кирпичи; в уезде до 20 значительных фабрик и заводов, изделия которых отправляются преимущественно в Петербург; особенно хорошо устроены бумажные фабрики в дер. Борках и на Новой Мельнице, выделяющие ежегодно бумаги почти на 150 000 руб. сер.; также американского толя в Борках на сумму почти 90 000 р. сер. в год.

Новгород ведет теперь ничтожную мелочную торговлю с Петербургом, отправляя туда огурцы, сено и рыбу; сам же для собственного продовольствия покупает все необходимые продукты, даже хлеб. Ярмарок в Новгороде две: Варлаамьевская (с среды Петровского поста на 10 дней) и Рождественская; обороты обеих ничтожны. Большая часть торгующих на здешних ярмарках принадлежит к числу новгородских граждан, выносящих залежалый товар из лавок в балаганы на рынок; привозят же к нам на ярмарку посуду, разную домашнюю мелочь и книги, ценою не более как тысяча на десять. Всего выгоднее у нас на ярмарке торговать умирающему питейному откупу изделиями своей одуряющей влаги. Рождественскую ярмарку нельзя даже назвать этим именем: это просто предпраздничные базарные дни, когда окрестные поселяне привозят к празднику Рождества Христова съестные припасы на потребу новгородцев, как то: битую птицу, мясо, рыбу, масло и пр. Такие базарные дни бывают у нас каждую пятницу.

Богоугодных заведений в городе, подведомственных Приказу общественного призрения, состоит: 1) городская больница, в которой пользовалось в течение прошлого года 208 чел. муж. пола и

96 жен. пола; израсходовано на содержание ее 6 252 р. с копейками, а доход ее составляет 4 411 р.; 2) богадельня с 103 чел. муж. пола и 46 женщин обошлась Приказу в 5 766 руб. с копейками, а доходу имела 756 р.; 3) дом умалишенных с 42 муш.<инами> и 19 больными женщинами стоил Приказу 1 401 р., а в приходе имел только 658 руб.; 4) в смирительном доме содержалось 29 муж. пола и 3 жен., а в рабочем 37 муж. пола и 16 женского, оба эти учреждения обошлись Приказу в 966 руб., а доставили доходу только 39 руб. Кроме того, существует в Новгороде: 1) женская богадельня с сиротским училищем для малолетних девиц, устроенная доброю купчихою Таировою, на 50 чел.; содержание этого благотворительного заведения стоит ежегодно около 2 000 руб. сер.; в обеспечение этого богоугодного заведения положен основательницею значительный капитал; 2) городская богадельня на 35 престарелых граждан Новгорода, на содержание которой отпускает город 635 руб. сер. ежегодно; призреваемые в этой богадельне имеют привилегию просить милостыню, так как от общества пользуются только помещением и отоплением, а на пищу им всего полагается 30 к. сер. в месяц, чего, очевидно, недостаточно даже на один *насущенный хлеб*; 3) детский приют на 50 малолетних детей обоего пола, содержащийся на проценты особо собранной по подписке для этой цели суммы и добровольными пожертвованиями; он стоит около 1 000 р. сер. ежегодно.

Сверх того, у нас находится военный госпиталь с приличным штатом медиков и госпитальной прислуги. Врачей считается в Новгороде около 15 человек; вольных аптек 2.

От заведений богоугодных перейдем теперь к статистике просвещения.

Для образования юношества у нас существуют следующие учебные заведения: 1) гимназия с благородным пансионом, в коей учащихся в прошлом году было 181 чел., а учащихся 14 чел.; 2) семинария с 395 учащимися и 17 учителями; 3) аракчеевский кадетский корпус, лежащий в 25 верстах от города, приготавливший 316 человек будущих защитников отечества, обучением которых занимались 22 преподавателя; 4) уездное светское училище с 80 учащимися и 5 преподавателями; 5) духовное уездное училище с 160 учащимися и 6 учащими; 6) приходское городское училище с

56 учащимися и 2 учителями. Сверх того, у нас имеются 2 бесплатные ежедневные школы в Антониевской и Троицкой слободах, в которых было до 100 учащихся обоего пола и человек 5 преподавателей. Для обучения девиц существуют в Новгороде только начальные школы: они обучаются в городском приходском училище (около 40 учениц) и в вышеупомянутых бесплатных школах. Высшее образование девиц сосредоточено в частных учебных заведениях. Пансионов для девиц у нас два, а учащихся в них около 50; частных школ для обучения детей обоего пола считается в Новгороде 3, в коих учащихся до 30 человек. Кроме школ и пансионов, дозволенных уездным начальством и состоящих под его непосредственным наблюдением, существует у нас много школ секретных, в коих разного звания люди обучают тому, что сами смыслят: иная барыня маркует только кое-как читать по-французски да пробренчать на фортепьяно какую-нибудь допотопную польку, и уж считает себя способною быть воспитательницею юношества.

Такая госпожа, перед началом своей педагогической деятельности, обыкновенно делает визиты в нарядном платье к купцам, у которых имеются подрастающие дочери, и предлагает им свои услуги для образования их детей, уверяя при этом простодушных родителей, что она знает французский язык лучше всех в Новгороде и в доказательство пролепечет им на французско-чухонском диалекте несколько фраз; эти, развеса уши, слушают ее и восхищаются; таким образом составляется у ней минутный авторитетик, и бойкая барыня, без зазрения совести, открывает частную школу для образования девиц, безданно и беспошлинно. Подобные частные школы вырастают у нас как грибы после дождя и исчезают потом с первыми морозами. Вообще образование женского пола находится у нас не в блестящем положении; сами родители заботятся только о том, чтобы дети их позабыли свой родной язык, и потому единодушно противодействуют всякому рациональному движению в педагогическом отношении. Когда заговорили было у нас о необходимости учреждения в Новгороде женской гимназии, то наши почтенные граждане думали-думали, да и решили: «что другие города-де нам не указ, что можно прожить и так; мы и сами учились на медные деньги, а крупные денежки себе нажили; учить девочек уму-разуму – сушая беда;

того и гляди, что умнее мужа будет, а затем уйдет из дому с каким-нибудь офицериком, чему и примеры мы видели». Впрочем, об этом любопытном предмете преважных речей хватило бы на полкниги, и потому мы умолкаем.

Из учреждений, способствующих к распространению народного образования, у нас находятся следующие: три типографии, из коих одна казенная и две частные. В первой печатаются губернские ведомости, имевшие в прошлом году 1 016 подписчиков; губернская типография доставляет доходу ежегодно около 5 000 р. сер. Частные типографии занимаются печатанием афиш, бланков и иногда книг, которых вообще в Новгороде издается очень мало. Книжных лавок у нас, к сожалению, не имеется; небольшой склад книг находится только в лавке купца А. П. Зимина, и то почти исключительно книг духовного содержания. Публичных библиотек две: одна при дворянском собрании, другая городская; первая имеет мало читателей, а вторая ни одного, потому что помещается где-то на чердаке в здании городских присутственных мест; она заключает в себе около 1 000 книг разного содержания, давно преданных забвению. <...>*

Для развлечения и удовольствия здешней публики находятся у нас следующие заведения: два клуба, один *дворянский*, на Софийской стороне, имеющий менее 100 членов, а другой «соединенного общества», на Торговой, с 200 членов. Нынешним летом устроился у нас порядочный театр, охотно посещаемый публикою. Не причисляем сюда заезжих фигляров, фокусников, вольтижеров и т.п. артистов высшей гимнастики, экспериментальной физики, химии и магии.

Для безопасности Новгорода от «огненного запаления» существует у нас пожарная команда, разделенная, сообразно местности, на две части и имеющая 44 человека прислуги и 32 лошади с надлежащим количеством пожарных инструментов. Содержание пожарной части стоит более 5 000 р. сер. ежегодно, из коих 3 558 р. ассигнуется из земских сборов, а 2 285 р. с. доплачивает город из своих доходов. Доходы же Новгорода в прошлом году простирались до 21 212 р., затем остатку с предшествующим годом было 720 руб. Недоимок за Новгородом числится 15 802 р., а запасного капитала

---

* В книге приведен список журналов и газет, которые выписывают жители Новгорода (прим. *сост.*).

он имеет 16 500 р. На земские повинности по городу и его уезду исчислено расхода 328 051 р. сер. Всего более из этой суммы идет на содержание разного наименования комиссий и канцелярий, которые стоят земству 158 662 р.; затем значительный куш идет на содержание почт, именно – 97 513 р. сер.; потом на военные потребности 23 511 р. с. и на этап 10 583 р. На дороги израсходовано 30 306 руб.

Так как Новгород расположен на реке Волхове, которая входит в состав Вышневолоцкой системы, то значительный прилив населения у нас бывает в навигационное время, причем и некоторые новгородские обитатели нанимаются на барки бурлаками, из чего видно, что город получает от судоходства значительные выгоды. В прошлом году по Вышневолоцкой системе прошли 4 692 судна и гонок (плотов) 3 954, всего на сумму 6 249 728 р. сер., рабочих при них было 76 866 человек. Главные статьи провоза заключаются, как и в прежние года, в хлебе, дровах, льне, пеньке, сене и других сырых произведениях. Впрочем, должно заметить вообще, что судоходство по Вышневолоцкой системе падает год от году. Более ценный товар и пассажиры привозятся летом на пароходах, содержащих рейсы между Новгородом, Соснинскою пристанью и Старою Руссою. Пассажиров в навигацию приезжает в Новгород не менее 50 000 человек, столько же почти и выезжает из Новгорода к станции железной дороги; клади провозится не менее 25 000 пудов. В зимнее время сообщение Новгорода с северною столицею производится на лошадях до Чудовской станции Николаевской железной дороги. Большинство пассажиров ездит на вольных ямщиках, хотя почтовое ведомство содержит для перевозки публики дилижансы. В почтовых экипажах до Старой Руссы проехало 1 735 чел., а до Чудова 739 пассажиров. Число арестантов в губернии в прошлом году было 1 715 (в 1860 г. 2 415); утверждено над ними приговоров 1 255, а осталось к нынешнему году в заточении 254 человека. В тюремном комитете числилось денег к 1862 г. 24 948 р. 34 ½ к.

Все более и усерднее работает у нас бедный чиновный люд; они сидят целый день и все пишут, пишут. Одно губернское правление (при 100 чел. служащих) выпускает ежегодно не менее 75 000 исходящих нумеров, из коих многие писаны на нескольких листах. Полиция, при десятке борзописцев, выпускает более 22 000 №№,

уездный суд более 16 000. Не считаем уже письменную производительность палат разного наименования.

Для верной характеристики местности, для уяснения ее торгового, промышленного и даже умственного движения служат верным указателем почтовые сношения ее с центрами просвещения и торговли. Вот какие данные в этом отношении представляет наш Новгород за прошлый год: простых частных писем получено здесь 52 450, а отправлено отсюда в разные места, преимущественно же в Петербург, 65 933; страховых отослано 3 660, а получено 2 532; денежных получено 10 337, а послано 6 864. На каждого жителя Новгорода, следовательно, приходится ежегодно более 4 отправлений, а получений корреспонденции более 3. Посылок получено 159 149, выслано 185 967; тюков казенных прислано 3 209, послано 4 457. Означенное число частной корреспонденции не во всей точности выражает количество сношений Новгорода с другими городами, потому что при удобстве, дешевизне и быстроте сообщений Новгорода с Петербургом многие лица предпочитают значительные денежные суммы отвозить туда лично или через своих доверенных знакомых. Электрический телеграф открыт в Новгороде 1859 г., ноября 27. Новгородцы еще мало пользуются этим великим изобретением нашего века: частных телеграмм отсюда отправлено в прошлом году 1 495 на сумму 2 417 р., правительственных 53 на сумму 113 р. с., а служебных бесплатных 152 депеши.

Если вы, благосклонный читатель, из представленных фактов не составили себе ясного понятия о современном положении Новгорода и его обитателях и не вывели из них для себя никаких умозаключений, то я уж и не знаю, что еще сообщить вам о Новгороде. Прибавить разве, что для поддержания чистоплотности и опрятности жителей существует у нас 4 общественные бани и несколько домашних; что две улицы – Знаменская и Петербургско-московское шоссе – в зимнее время освещаются масляными фонарями, которых считается 162. Других усовершенствованных способов общественного освещения мы еще у себя не заводили: пускай-ка другие придумают самое дешевое и блистательное освещение улиц, тогда и мы воспользуемся им, а до тех пор будем довольствоваться нашими слепыми фонарями и доброю луною, которая иногда благосклонно

смотрит с небесной высоты на наш богоспасаемый город, даром освещая путь прохожим и проезжим странникам. Когда же по положению месяцеслова ей следует освещать наш небосклон, а она не заблагорассудит показать нам свой блестящий диск, то мы, люди неприязательные, ходим себе и во мраке – таковские. Впрочем, и искусственное освещение двух улиц масляными фонарями более воображаемое, нежели действительное, потому что фонари освещают только сами себя, а не улицу, и часам к 10 или 11 вечера они, пожелав новгородцам доброй ночи, преспокойно засыпают вместе с ними. Если же случится брести в эту мрачную пору какому-нибудь запоздалому пешеходу по пустынным стогнам и исходищам града, то он имеет полное право освещать сам себе путь собственным фонарем, а буде такового при себе не имеет и, по незнанию местной топографии, попадет в грязь или набредет на фонарный столб, то сам виноват, поделом ему: сидел бы лучше дома и не засиживался в гостях либо в клубе.

Что ж еще сообщить вам о Новгороде? Не ждете ли, чтоб я сказал вам что-нибудь о внутренней жизни нашего общества, об его кружках, о беспокоящих нас микроскопических интересах и проч. Вы ошибаетесь, благосклонный читатель: избави меня Бог от скверной привычки – выносить из избы сор. И без того уже некоторые граждане косо смотрят на «новгородского жителя» за то, что он, занимаясь археологиєю, заглядывает туда, куда ему не следует.

В заключение обращаюсь к своим новгородским друзьям с достопамятными словами Лаврентия мниха: «радуется купец, прикуп створив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед, тако же радуется и книжный писатель, дошед конца книгам. И ныне, господа отци и братья! Оже ся где буде описал, или переписал, или не дописал: чтите, исправливая, Бога дея, а не кляните, занеже книги ветшаны, а ум молод – не дошел».

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Археологическое описание. – Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Сочинение архимандрита Макария. Ч. I-II. М., 1860.

Великий Новгород. – Великий Новгород. История и культура IX-XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007.

ГАНО. – Государственный архив Новгородской области.

Гудок. – Гудок. Сатирический листок с карикатурами.

Даль. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

Т. I-IV. М., 1956.

Дневник Валуева. - Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х т. М., 1961.

ЖМНП. – Журнал Министерства народного просвещения.

ИВ. – журнал «Исторический вестник».

Искра. – Искра. Сатирический журнал с карикатурами.

Исторические разговоры. – Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. Великий Новгород, 2009 (репринт изд. 1808 г.).

Карамзин. – Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 1-12. Кн. 1-4. М., 1988 (репринт изд. 1842 г.).

Костомаров. – Костомаров Н.И. Русская республика. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечегового уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). Смоленск, 1994.

Мскн. – журнал «Москвитянин».

НАВ. – Новгородский архивный вестник. Научно-публикаторское издание. Вып. 1-14. Великий Новгород, 1999-2017.

Нгв. – газета «Новгородские губернские ведомости».

Нпв. – газета «Новгородская правда».

ОЗ. – журнал «Отечественные записки».

ОПИ НГОМЗ. – Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

Описание. – Описание Новгородского Софийского собора, составленное протоиреем Петром Соловьевым. СПб., 1858.

Памятник тысячелетию. – Памятник тысячелетию Государства Российского, в Новгороде. Новгород, 1878.

Повесть временных лет. – Повесть временных лет. 3-е издание. СПб., 2007 («Литературные памятники»).

РА. – журнал «Русский архив».

РВ. – «Русский вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым».

РГИА. – Российский государственный исторический архив.

РС. – журнал «Русская старина».

Секретарь. – Секретарь Л.А. Дома. События. Люди (Новгород. XVIII – начало XX вв.). Великий Новгород, 1999.

Сибиряк Василий Колохматов. – Тысячелетие России 862-1862 г. в Новгороде. Составил сибиряк Василий Колохматов. Великий Новгород, 2012 (репринт изд. 1863 г.).

СО. – журнал «Сын Отечества».

СПв. – газета «Санкт-Петербургские ведомости».

СПт. – газета «Северная почта».

Спч. – газета «Северная пчела».

КОММЕНТАРИИ

**О КОНКУРСЕ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЕКТА ПАМЯТНИКА
ИМЕЮЩЕМУ СОВЕРШИТЬСЯ В 1862 ГОДУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО**

Печ. no: ЖМНП. 1859. Т. 102. Отд. VII. Новости и смесь. С. 95-97.

Мысль о праздновании тысячелетнего юбилея Российского государства впервые была высказана 27 марта 1857 г. министром внутренних дел С. С. Ланским, обратившимся в Комитет министров с предложением установить в Новгороде памятник Рюрику. Тогда же В. А. Долгоруков (в 1857 г. – шеф жандармов и начальник III Отделения) составил воззвание к россиянам, которое было обсуждено на заседании Комитета министров: «Богом избранное великое Государство Русское в 1862 году совершает, по сказанию летописи, первое тысячелетие своего существования на европейской почве: с гордостью и любовью каждый истинный сын отечества может обратить взор на его славное прошедшее. Не насилу одолжено оно своим началом, не иго завоевания дало ему известность и имя, не кровью и страданиями ознаменовано его рождение. Оно явилось как плод сознания, как выражение народной воли: не случай руководил судьбою великого славянского народа, не слабость указывала ему пути истории, а жажда просвещения и гражданственности. Он звал силу и порядок, государственную мудрость и управление оттуда, где в то время наиболее было силы и порядка, как потом восприял веру из наиболее чистого источника, как наконец еще недавно призвал науку и образование из тех стран, которые наиболее усвоили то и другое. И во всем этом он руководился истиной и общим мнением. Витязей с Запада призвал он, громких своими делами, слава проложила им путь к народному избранию. Все коренные племена, из которых сложилось наше царство, участвовали в выборе и призыве доблестных мужей из-за моря. И не ошиблись наши предки в своих стремлениях и расчетах. Тысяча лет существования нашего как народа и государства составляет тысячу лет благословений и благодарности за памятный подвиг наших родоначальников, в народной памяти и народном сознании живет до сих пор имя первоизбранного Государя русского Рюрика и его братьев. До сих пор сердце каждого невольно бьется при имени места первого единокняжения его – Великого славянского Новгорода. Не он ли первый дал нам историческое значение в ряду других народов? не Рюрик ли первый указал нам путь к государственному единству и порядку гражданскому? не он ли положил основы нашему политическому могуществу? не он ли бросил на почву

нашу первые семена гражданственности, дал жизнь и движение дремавшим народным силам? не он ли земле нашей подарил имя, озаменованное потом громкою славою в истории, имя Русской земли? не его ли потомство вело в продолжение нескольких веков наш народ среди горьких испытаний и тяжелых искусов к силе, свободе от чуждого ига и образованию? Не его ли образ, воинственный и грозный для врагов и в то же время мирный в пределах власти своей, витал в стремлениях и делах первых героев нашей старины, птенцов его дружины, положивших первые грани государства? Немногими, но неизгладимыми чертами озаменовано значение его в истории нашей, но эти черты составляют краеугольный камень народного существования: в личности Рюрика хранится зародыш нашей самостоятельности, и в его призыве ручательство в нашей будущности.

Великий Монарх, которому Провидение в настоящую минуту для блага и счастья подданных его вручило скипетр, преемственно переданный от основателя русского государства, в сию достославную для народа эпоху десятивекового существования его в формах государственного единства и племенного сословия, – призывает ныне всех и каждого из обитателей просторного наследия своего – земли Русской – без различия звания и состояния, принять участие в торжественном празднестве воспоминания о первом русском государе – князе Рюрике, основателе нашей славы, и почтить достойно его доблесть, воздвигнув на месте первого княжения его, в Новгороде, памятник, который увековечил бы его заслуги государству. Да покажет он потомству то же единокровие в народных чувствах и то же стремление к высокому и лучшему, которое одушевляло наших предков! Да жертвует каждый член Русского государства, без различия состояния и положения, на дело общей славы столько, сколько укажет ему его сердце и его любовь к отечеству! Не величина приношения, а его нравственная цена будет дорога в воспоминании сограждан. И кто же не почтит тени Велико-го?» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 54. Д. 20. Лл. 2-3 об.).

Предложение отпраздновать юбилей, поддержанное Александром II, обсуждалось на заседании Комитета министров 16 апреля 1857 г.; тогда и родилась мысль о памятнике не основателю русского государства, а тысячелетнему периоду русской истории. В «Журнале заседания Комитета министров» записано: «Во исполнение Высочайшего повеления Вашего Императорского Величества Комитет, выслушав настоящее дело, выразил полное сочувствие к предположению увековечить торжественно народным памятником имеющую совершиться в 1862 году эпоху тысячелетнего исторического существования Государства Российского, и, войдя в подробное

обсуждение представления министра внутренних дел, считает верноподданническим долгом повергнуть на Всемилоостивейшее воззрение Вашего Величества мысли свои о сооружении собственно первому русскому Князю Рюрику памятника в Новгороде.

Призвание Рюрика и его братьев для утверждения между некоторыми славянскими племенами внутреннего гражданского порядка составляет, без сомнения, одну из важнейших эпох в истории нашего государства, но потомство не должно и не может прейти забвением заслуг других своих Самодержцев, ознаменовавших себя мудростью и великими подвигами и, при помощи Божией, чрез тяжкие пути испытаний, доведших Россию до настоящего ее могущества и величия. Таким образом, если Рюрик положил первые основы нашего государственного устройства, Равноапостольный Владимир просветил Россию христианскою верою, Дмитрий Донской поколебал владычество татар, Иоанн III скрепил под скипетром единодержавия распадавшиеся части государства, ослабленные удельною системою, и, наконец – благословенный Дом Романовых, призванный на царство по гласу народа, поставил Россию наряду с первостепенными европейскими державами. В сих чувствованиях и воспоминаниях Комитет осмеливается думать, что эпоха 1862 года должна быть ознаменована не увековечиванием подвига Рюрика, но воздвижением народного памятника тысячелетию России. На этом памятнике могут быть, в видах барельефов или в других изображениях, показаны главнейшие события нашей отечественной истории, в которых, разумеется, первым изображением будет призвание Рюрика и его братьев. По мнению Комитета, такой памятник соответствовал бы величию намерения Вашего Императорского Величества и тем чувствам, которые русский народ всегда разделял и без сомнения разделит и в настоящем случае с Вашим Величеством.

Повергая эту мысль на Всемилоостивейшее Вашего Императорского Величества воззрение, Комитет имеет счастье донести, что если Вашему Величеству благоудно будет удостоить это предположение Высочайшим одобрением, то Комитет приступит к дальнейшим соображениям о распоряжениях для приведения в исполнение Высочайшей воли на сооружение вышеозначенного памятника» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2610. Лл. 31-34 об.; опубл.: *НАВ*. Приложение к выпуску 7. С. 10-11). «Дальнейшие соображения» оформлены в «Журнале Комитета министров» 7 мая 1857 г. (см.: *НАВ*. Приложение к выпуску 7. С. 13-15). Они сводились к следующему.

Министерству внутренних дел было поручено организовать подписку на сбор денежных средств для установки «народного памятника». 29 мая 1857 г. местным губернским властям был разослан циркуляр: «Государство Русское в 1862 году совершает, по сказанию летописи, первое тысячелетие

своего существования. С гордостью и любовью должен каждый сын отечества обратить взор на его славное прошедшее и уразуметь, чрез какие тяжкие пути испытаний Россия при помощи Божией доведена до настоящего ее самобытного могущества и величия. Что для увековечения столь досто-славной эпохи Государь Император соизволил, чтобы на месте княжения первого русского Государя Рюрика был торжественно воздвигнут народный памятник и что с сею целию Его Величеству было угодно разрешить открыть повсеместную подписку для сбора денежных пожертвований от всех сословий» (Цит. по: *Памятник тысячелетию*. С. 6-7).

Министерство поспешило с этим письмом: Александр II поддержал мысль Комитета министров о памятнике, в котором бы отразился тысяче-летний период развития русского государства. Так или иначе, подпиской было собрано 113000 рублей, оставшаяся сумма была выделена из бюджета страны.

Позднее, в начале 1860-х гг., Министерство внутренних дел (во главе с П. А. Валуевым, автором мемуарного этюда о новгородском празднике; см.: *наст. изд.* С. 190-205) принимало самое деятельное участие в организации торжеств 8 сентября 1862 г.

Другому ведомству, Главному управлению путей сообщения и публичных зданий, было поручено определить место в Новгороде, где будет стоять будущий памятник, объявить конкурс проектов, а также организо-вать работы по созданию памятника и его установке.

Изначально рассматривались три новгородских площади для памятника: внутри Кремля перед Софийским собором, на Софийской площади перед Кремлем, а также перед Гостиным двором, вблизи башни Ярослава на Торговой стороне. Третий вариант был отвергнут «по незначительности пространства и покатоности своей. По осмотре первых двух мест найдено, что площадь внутри Кремля, между Софийским собором и зданием присутственных мест, содержит в себе 6075 кв. сажен, и что хотя на ней пред зданием присутственных мест поставлен памятник в честь ополчения 1812 года, окруженный сквером, но памятник этот, если потребуетя, можно перенести на Софийскую торговую площадь. Эта площадь, впереди Кремля, заключает 11212 кв. сажен. Памятник мог быть на ней поставлен или посередине (по длине ее), против новой Лучанской улицы, или против кремлевских ворот. Но с одной стороны непропорциональная ширине дли-на этой площади, с другой же стороны не совсем исправная обстройка ее, а главное – исторические воспоминания площади в Кремле, перед Софий-ским собором, решили выбор в пользу последней» (*Памятник тысячеле-тию*. С. 8-9).

23 апреля 1859 г. была утверждена и опубликована программа конкурса проектов, – ее текст открывает сборник. На конкурс было представлено 52 проекта, которые рассматривались анонимно под девизами (см. об этом подробнее: *Антощенко А.* Монументы подвигу Рюрика. Конкурс проектов памятника тысячелетию России // *Родина.* 2006. №7. С. 56-60, к статье приложены чертежи проектов, которые не были одобрены комиссией).

Ход конкурса и его результаты практически не обсуждались в прессе. Вот – краткое сообщение «Новгородских губернских ведомостей» (со ссылкой на «Северную почту»): «На конкурсе, учрежденном по случаю предполагаемого сооружения памятника, найдены лучшими три проекта: г. <оспод> Микешина, Горностаева и Антипова. Г. <осподин> Горностаев предлагал воздвигнуть статую России по образцу известной статуи Баварии; г. Антипов составил замечательный проэкт пантеона. Разумеется, что место не позволило соорудить пантеона, а статуя России не имела бы того символического значения, которое заключается в проэкте г. Микешина» (*Изв.* 1862. №39. Часть неофициальная).

В объявлении обозначены точные требования к будущему памятнику. Во-первых, указано точное место его расположения; оно соответствует тому, где он и был установлен: между Софийским собором и зданием присутственных мест (сейчас там располагаются экспозиционные залы государственного музея и Новгородская областная научная библиотека). Во-вторых, организаторы конкурса, определяя «главную мысль» памятника (тысячелетнее развитие русского государства), выделили шесть переломных эпох, которые должны быть воплощены в фигурах шести правителей.

В академической среде были высказаны претензии (не во всем справедливые) к организации конкурса: «Все это дело (т.е. конкурс – *сост.*) с самого начала было ведено не так, как следует. Предположение о памятнике было представлено сначала главноуправляющему путями сообщения, а в корпусе путей сообщения существовало мнение, что инженеры должны стоять выше архитекторов, и при всяком удобном случае управляющие вмешивались в чисто художественные вопросы. К. В. Чевкин настоял на том, чтобы все дело о памятнике было предоставлено ему, и сделал публикации об условиях конкурса. В самом начале он уже сделал ошибку в эстетическом значении: для памятника нельзя давать данные, как для строения, надо предоставить свободу фантазии художника. В программе конкурса были назначены все фигуры, которые должны быть на памятнике. Вторая ошибка заключалась в том, что монументальный конкурс нельзя было ограничить одной Россией. Конкурс тогда только может достигнуть своей цели, когда состязаются люди сильные дарованием и заслужившие известность. У нас было всего два скульптора, Пименов и барон Клодт, два мо-

нументальных художника; какой же мог быть конкурс между ними двумя? Если б конкурировали иностранные известные художники, так еще можно было бы ожидать хорошего результата. Но конкурс был объявлен только в России, а Пименов и Клодт не захотели работать для него, говоря, что они не хотят становиться на одну доску с учениками или с архитекторами. Обойти совсем Академию было неудобно, и потому все проекты присылали в совет, а в доказательство участия инженеров прислали троих полковников в совет Академии для совместного обсуждения; в числе их находился полковник Евреинов, которому предполагалось поручить постройку памятника» (Художник. Академия художеств в 1859-1864 гг. // *РС*. 1880. Т. XXIX. С. 397-398).

Упомянутый Константин Владимирович Чевкин (1802-1875), с 1853 по 1862 г. – управляющий Ведомством путей сообщения и публичных зданий, был ответственным за проведение конкурса и установку памятника. Он оказался единственным крупным петербургским чиновником, присутствовавшим при закладке первого камня памятника в мае 1861 г.

Чевкин вмешивался в работу художников. Об этом с неодобрением писал Микешин (см.: *наст. изд.* С. 32-36); командированный в Новгород А. В. Эвальд (см. его корреспонденции: *наст. изд.* С. 126-153) отмечал в своих воспоминаниях: «...я увидел сидевшего в гостиной Чевкина. Он позвал меня и, усадив рядом, также начал расспрашивать о том, что я видел.

– А как вам нравится памятник? – спросил он между прочим.

Хотя памятник мне вовсе не нравился, но, зная из брошюры, которую он мне дал, что он принимал в его сооружении деятельное участие, я ответил, что нахожу памятник очень хорошим.

– Он был далеко не такой в проекте Микешина, – заметил Чевкин. – Мне приходилось настаивать на очень многих изменениях. Например, в первом проекте Микешина исторические барельефы были расположены отдельными сценами, в рамках. Я настоял на том, чтобы барельеф был сплошной, цельный, так, чтобы все исторические события, изображенные в нем, шли одно за другим без перерывов, как шла сама история. Не правда ли, что моя мысль гораздо ранее?

– Совершенно, ваше высокопревосходительство.

– Кроме того, мною сделано много других перемен. Ведь художники очень мало знакомы с историей. Так, у Микешина было сделано много фигур, не имевших никакого значения, и, наоборот, пропущено много лиц, оставивших глубокий след в истории. Я и на себя одного не полагался, а совещался с профессорами, с историками. Да, – прибавил он в заключение, – много я поработал над этим памятником и, право, трудно сказать, кому из

нас больше принадлежит честь его создания – Микешину или мне.

Он засмеялся при этом и фамильярно похлопал меня по колену. Впоследствии, познакомившись с Микешиным, я передал ему этот эпизод, и Микешин подтвердил сказанное Чевкиным, только, понятно само собою, он на это вмешательство администрации в художественное дело смотрел совершенно иными глазами, нежели Чевкин, и жаловался мне, что идея памятника совершенно испорчена сделанными казенными поправками» (Воспоминания А. В. Эвальда // *ИВ*. 1895. Октябрь. С. 85).

В своем проекте Микешин изменил первоначальный список, предложив вместо царя Михаила Федоровича «законодателя» Ярослава Мудрого (однако эта идея не была поддержана: древнерусский князь впоследствии оказался в числе героев, расположенных в нижней части памятника).

Упомянув близлежащие к памятнику постройки, организаторы конкурса обратили внимание на митрополичий дом, расположенный к северу, на другой стороне улицы, а также на кремлевские стены, которые расположены к западу и востоку от памятника. В описании не упомянуто ближайшее здание – присутственные места (расположенное к югу от него менее чем в десяти метрах). По всей видимости, памятник в представлении организаторов конкурса должен иметь одну лицевую сторону, обращенную к кремлевской улице и Софийскому собору. Та же сторона, которая выходила на противоположную сторону (где располагались присутственные места), не имела определяющего значения.

«Продолговатая» форма, предложенная участникам конкурса в объяснении, предполагала, что авторский замысел будет отражен только на той стороне, которая обращена к Софийскому собору, то есть героев памятника зритель мог увидеть (и – понять авторский замысел) из одной точки. Монумент Микешина нужно обойти кругом, чтобы увидеть шесть эпох в истории России, при этом хронология в расположении фигур центральной части памятника нарушена. Избранная последовательность отчасти объясняется историческими причинами: Рюрик смотрит на юг, в сторону Рюрика Городища, Петр – на север, в сторону Петербурга, Иван III – в сторону Москвы и т. д. Тем не менее, зритель начинает осмотр памятника именно с фигуры Петра I. Вряд ли случайно, что на некоторых литографиях первой половины 1860-х гг. момент открытия памятника запечатлен с неточностью: памятник представлен со стороны Петра, а за ним виднеется здание митрополичьих покоев и Софийский собор. На самом деле, если смотреть на памятник со стороны первого российского императора, то за ним будет находиться вовсе не Софийский собор, а безликое здание присутственных мест.

Проект Микешина вызывал протесты на каждой стадии его исполнения, – статьи, обсуждающие художественные особенности памятника, собраны в первой части сборника.

В 1867 г., спустя пять лет после открытия памятника, малоизвестный поэт Александр Александрович Квашнин-Самарин (1838-1881) писал о памятнике как о «грозном призраке», напоминающем о трагической судьбе Новгородской земли, завоеванной Москвой:

На бреге Волхова пустынном
В мечтах я о былом сидел!
И в даль на ряд развалин длинный,
Травой поросших, я глядел!

За древней там стеной виднеет
Векам протекшим Монумент,
Как грозный призрак, он чернеет,
Воспоминания зовет!

(Новгород. Историческая дума в стихах. С предисловием в прозе. Сочинение Александра Ал. Кв.....а Са.....а. СПб., 1867. С. 7).

Свою мысль поэт объясняет в предисловии: «Владение бывшей Новгородской республики составляло обширное государство, заключающее в себе нынешнюю Новгородскую губернию, часть Тверской, С.-Петербургской, Олонецкую, Вологодскую и Архангельскую губернию. Страны, подвластные Новугороду, простирались на запад до реки Шелони, на восток до Печоры и Двины, на юг до Волги и оканчивались Торжковскою или Новоторжскою волостью и Бежецкою землею.

На севере принадлежала Новгороду Корельская и Ижорская земля. Город Луга тоже принадлежал Новугороду.

Самый Новгород, столица республики, по превосходному топографическому положению своему на обширном озере Ильмене и на глубокой и широкой судоходной реке Волхове, огражденный пологими и низменными лугами, предназначен судьбою быть всегда главным городом обширной страны сей! Но что представляет теперь взорам наблюдательного путешественника Великий Новгород? Ничтожный, малолюдный, пустынный городишка, окруженный развалинами.

Уездные города похожи на бедные развалины, не имеют ни порядочных школ, ни училищ, ни даже писца крепостных дел (нотариуса) для совершения необходимейших общественных сделок, продажи и купли земли и домов.

В уездном городе Боровичах в долине реки Мсты есть в изобилии каменный уголь и медные руды, но никто не разрабатывает их.

Образованные дворяне-помещики, живущие в скуке и отчуждении в пустынных и разбросанных между болот усадьбах своих, побросали сельское хозяйство и устремились в Петербург искать дел и мест» (Там же. С. 5-6).

Размышляя о причинах бедственного состояния губернии, Квашнин-Самарин выделил два события: Шелонскую битву 1471 г. и основание Санкт-Петербурга в 1703 г. Он описал их чрезвычайно остро:

И берега Шелони быстрой
Славянской кровью облились!
Там за свободу и отчизну
Граждáне Новграда дрались,

<...> Их многолюдство одолело!
И Новгород не устоял!
Иго Московское насело!
И с Веча колокол упал!

<...> Исчезло все!.. переменялось! –
И только видны лишь следы
Того величья, чем гордилась
Столица древней сей страны!

<...> И юный Петербург, приморский
Новгород древний заменил,
И всю торговлю, власть и войско
В своих стенах он заключил.

И стал Империи главою;
Державну власть над ней простер!
Забытый Новгород пятою!
С лица земли почти он стер! (Там же. С. 12, 14).

Подобная трактовка истории ставила вопрос о правомерности сооружения памятника в Новгороде, – он обсуждается во многих статьях, составивших сборник.

В 1871 г. сатирик Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835-1889) написал едкую эпиграмму, в которой обсудил способности Микешина-скульптора:

Художник смелый наш, Орфей в карикатуре!
Таланта твоего нельзя не оценить:
Ты камни заставляешь говорить...

О собственном бессилии в архитектуре

(Поэты Искры. Т. 2. Д. Д. Минаев, В. И. Богданов, Н. С. Курочкин, П. И. Вейнберг, Г. Н. Жулев и др. Л., 1955. С. 328).

*ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ (СЫН)***КОНКУРС ПРОЕКТОВ ПАМЯТНИКА К ТЫСЯЧЕЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
РУССКОЙ ИМПЕРИИ**

Печ. no: Journal de Saint-Pétersbourg politique, littéraire, commercial et industriel. 1859. № 299. 19 (31) décembre. [Санкт-Петербургская политическая, литературная, коммерческая и индустриальная газета]. «Journal de Saint-Pétersbourg» – французская газета, выходившая в Петербурге.

Теофиль Готье (1836-1904), крупный чиновник, переводчик с немецкого языка (он издал на французском языке некоторые драмы Гете, «Приключения барона Мюнхгаузена» Распе и др.).

Готье – сын известного французского поэта Теофиля Готье-старшего (1811-1872). С сентября 1859 по март 1860 г. Готье-отец совершил свое первое путешествие по России, ограничившись только посещением Петербурга и Москвы (год спустя он посетил Тверь и Нижний Новгород). В «Санкт-Петербургской газете» Готье-старший публиковал очерки, в которых описал свои впечатления от России; позднее они были объединены в большую книгу (см. ее русское издание: *Готье Теофиль. Путешествие в Россию*. М., 1988). В своем путешествии он не упомянул, что побывал в России с сыном, однако содержание статьи позволяет предполагать, что младший Готье был знаком с Микешиним, видел его проект и присутствовал на обсуждении результатов конкурса.

В публикуемой статье рассматриваются итоги конкурса проектов памятника, которые были подведены дважды: 25 ноября и 9 декабря 1859 г. Готье-сын неточен в деталях, однако в целом статья расширяет представления как о событиях конца 1859 г., так и о первоначальном облике памятника Микешина. Ср., например: «Проект <...> художника Микешина представлял громадную державу, увенчанную группою «Православия» и обставленную шестью группами представителей эпох нашей истории (без пьедестала, представленного на втором заседании).

<...> В пользу проекта Микешина подано 17 голосов, за проект Горностаева 11 и одним меньше в пользу Антипова; потому комитет, присудив Микешину полную первую премию в 4000 р. и находя следующие два проекта равными по достоинству, решил вторую премию разделить поровну между составителями обоих этих проектов. Это решение впрочем отложено было до второго заседания 9 декабря, в котором решены вопросы: удовлетворяют ли проекты условиям конкурса и до какой степени могут они быть удобоисполнимы.

Найденный и при вторичном обсуждении наиболее удовлетворяющим программе конкурса, проект Микешина был выбран для памятника, но с условием более обработать его в деталях, особенно пьедестал, представленный на это вторичное заседание, но слишком высокий и сложный. Составитель проекта поместил на нем шесть барельефов с изображением эпох, и барельефы эти соединил щитами с надписями, так что те и другие составляли вокруг пьедестала сплошной пояс украшений.

Впоследствии Государю Императору угодно было изменить идею барельефа, и, с уничтожением щитов, шести изображений эпох, вокруг него поместить в сплошном горельефе наиболее замечательных людей русской земли. Изменение идеи украшений потребовало и другого пьедестала» (*Памятник тысячелетию*. С. 11-12).

Проект пьедестала памятника был с доработками утвержден на заседании Департамента проектов и смет в середине июля 1860 г. В *ГАНО* сохранился рисунок – особенный интерес представляет горизонтальный разрез пьедестала (чертеж размещен в нижней правой стороне рисунка). А.В. Адамс несколько изменил замысел Микешина, отказавшись от шестиугольника, предложив округлое основание с двенадцатью выступающими частями (позднее и этот проект был переработан).

В левом верхнем углу рисунка – запись: «Общее присутствие Департамента проектов и смет, находя заключение отделения вполне уважительным, утверждает засвидетельствование оно и принимает на себя ответственность <...>, определенную июля, 12 дня 1860 года» (*ГАНО*. Ф. 93. Оп. 4. Д. 5. Л. 1). На обороте рисунка – запись с замечаниями комиссии: «Чертеж сей получен в 1-м отделении Департамента проектов и смет 4 июля 1860 года; окончательно рассмотрен в оном 12 того же июля.

Рассмотрев на точном основании существующих узаконений проект основания пьедестала памятника тысячелетию Российского Государства, по которому предполагается основание пьедестала, по случаю неблагонадежности нижнего глинистого грунта (на котором имелось в виду первоначально таковое устройство), залегающего непосредственно под слоем жидкой глины, заложить на сваях, для правильной передачи давления на следующий более надежный грунт – твердый глинистый с примесью песка. И имея в виду, что по случаю такового изменения первоначального предложения требуется увеличить выемку грунта еще на 5 фут.<ов> в глубину, забить 240 трехсаженных свай (толщ<ина> 6 верш.<ков>) и добавить между сваями забутку на извести, – Отделение находит означенную систему основания вполне соответствующую состоянию грунта и назначению самого сооружения.

Начальник Отделения подполковник Ковалевский» (Там же. Л. 1 об.).

...в мае была опубликована программа... см.: «О конкурсе на представление проекта памятника имеющему совершиться в 1862 году тысячелетию государства Российского» (*Наст. изд.* С. 14-16).

Горностаев... Иван Иванович (1821-1874).

Антипов... Платон Ермолаевич (ум. 1861).

Пименов... Николай Степанович (1812-1864).

...памятник *Фридриху Великому в Берлине...* конная статуя прусского короля Фридриха Великого. Первый камень будущего памятника был заложен в 1840 г., открытие его состоялось в 1851 г.

...г. *ректор Тон...* Константин Андреевич (1794-1881), с 1854 г. – ректор Императорской академии художеств.

Монигетти... Ипполит Андреевич (1819-1878), академик архитектуры. Сохранился эскиз памятника, поданного им на конкурс.

Мюнхенский монумент... статуя Баварии, грандиозный для своего времени (высотой более 20 метров) памятник, спроектированный Л. Шванталером и открытый в Мюнхене в 1850 г. Памятник представляет собой фигуру древнегерманской героини, олицетворяющую страну Баварию.

Акротерии... Акротерия, акротерион (здесь) – украшение, орнамент, располагающийся в верхних углах какой-либо конструкции.

<В. В. СТАСОВ>

ОДИН ИЗ ПРОЕКТОВ ДЛЯ ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ РОССИИ

Печ. по: РВ. 1859. Т. 24. Современная летопись. С. 156-163. Подпись – О.; под ней в «Русском вестнике» выступал искусствовед Владимир Васильевич Стасов (1824-1906); см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957. С. 278.

...г. *Микешин <...> получивший в прошлом году первую золотую медаль...* В 1858 г. Микешин, обучавшийся в Императорской академии художеств под руководством Б. Виллевальде, получил большую золотую медаль за картину «Въезд графа Тили в Магдебург, в 1636 г.». Награда давала право уехать за границу, но Микешин не воспользовался им.

...бургграф... Бургграф – в средневековой Европе – начальник округа замка.

Мысль Фальконета... имеется в виду памятник Петру I (Медный Всадник) в Санкт-Петербурге.

Иллюстрация... французский журнал, издаваемый с 1843 по 1944 гг.

М. О. МИКЕШИН

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Печ. по: СПб. 1860. № 28. 5 февраля. Под статьей – дата: 13 января 1860 г. Петербург. Подпись: Микешин.

Михаил Осипович Микешин (1836-1896), художник, иллюстратор произведений Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко, автор памятника «Тысячелетию России». После победы в конкурсе Микешин занялся монументальным искусством, став автором памятника адмиралу А. С. Грейгу в Николаеве, Богдану Хмельницкому в Киеве, Екатерине II на Невском проспекте в Петербурге, Александру II в Ростове-на-Дону и т.д.

Выступление художника написано в ответ на статью В. В. Стасова «Один из проектов для памятника тысячелетию России» (см.: *наст. изд. С. 23-31*).

Микешин в своих «Биографических записках» и «Дневнике» описал ход работы над проектом и памятником: «Осенью 1858 года мне попала в руки газета с вызовом на сочинение памятника “1000 лет Российского государства”. Срок до весны 1859 года; изложена программа сочинения.

В голове начали роиться формы и идеи, и, придя в академическую мастерскую, я невольно начал делать наброски и схемы общих форм без всякого предположения, чтобы сочинение мое могло осуществиться. Это так увлекло меня, что я очнулся только на следующее утро и понял, что просидел за работой с девяти часов утра до восьми утра. В общем, сочинение памятника было готово, и главные фигуры тоже готовы почти в тех же формах, в каких они сооружены. Глядя на рисунки, я понял, что они точно выражают заданную программу, и не будь этой программы, я бы сочинил что-нибудь иное.

Ближайшими моими друзьями и товарищами того времени были покойный В. А. Гартман и Ив. Н. Шредер. Личность и талант первого хорошо известны, так как он выделялся оригинальностью своих

архитектурных способностей. Второй – Шредер, был тогда еще волонтером в искусстве, только что сменил мундир лейб-гвардии улана на блузу скульптора.

Вызов на конкурс мы прочли со Шредером за чаем в ресторане, кажется, Тихонова, на набережной Васильевского острова против Николаевского моста. “Ну, Шредер, вали! – сказал я. – Вот тебе достаточно важная задача”.

– А ты будешь сочинять?

– Да ведь это не живописная задача и ко мне не относится.

– Почему не живописная? Разве не все равно – сочинять исторический сюжет в живописи или скульптуре? А ведь ты композитор. Знаешь, как сделаем: будем сочинять каждый особо, а потом сравним беспристрастно – чье сочинение будет лучше, тот и молодец, – предложил Шредер.

Мы расстались, и я проработал до утра, как сказал ранее. Очень утомленный, я думал лечь спать, но вошел Виктор Гартман.

– Куда ты собрался так рано? – спросил он, видя, что я уже одет.

– Да я не ложился со вчерашнего дня. Вот, посмотри.

Он присел к столу и начал смотреть с десятков моих эскизов.

– Знаешь, ведь это неплохо! Ты мог бы на конкурсе премию получить, – пророчествовал он.

Поговорили мы, как делать проект, так как памятник должен быть круглым, с шестью группами на пьедестале, и возник вопрос, сколько надо сделать рисунков, чтобы сочинение было вполне понятно. В это время вошел Шредер.

– Ты сочинял? – спросил он.

– Да, а ты? – Поглядываю, нет ли у него свертка в руках.

– Целую ночь провозился, и все напрасно, ни к черту не годится, ни малейшей оригинальной мысли не пришло. Ну, а ты сделал? Покажи!

– Да следует ли тебе смотреть. Может быть, это помешает тебе самому сочинять.

– Нет, покажи. Я пришел к заключению, что у меня ничего не выйдет, – настаивал Шредер.

– Ну, гляди! – предложил Гартман.

Как взглянул, так начал испускать неистовые выражения восторга, а когда успокоился, то Гартман скоро возобновил разговор, сколько надо делать рисунков. Надо делать шесть фасадных акварелей, да план, да разрез, а времени немного. Да не удобнее ли вылепить одну скульптурную модель? – разом пришло в голову всем нам. Это оказалось удобнее, хотя и были свои специальные скульптурные затруднения и осложнения, так как

из нас никто никогда не лепил. Я хотя и лепил безделушки для забавы, а Шредер хотя и надеялся быть скульптором, но это все впереди, в будущем, а в настоящее время он ничего академического не лепил, увлекаясь безделушками.

Эта работа продолжалась мною и Шредером в каком-то лихорадочном состоянии. Отсутствие опыта восполнялось такой пламенной энергией, на которую способна только юность.

Наступил последний день срока представления проекта в помещении выставки Академии художеств, этажом выше моей мастерской. Последние два дня мы с Шредером вовсе не спали и не раздевались хотя бы на несколько минут отдыха. Мой верный слуга Осип как-то достал в большом количестве кофе и чай, и мы, чтобы не заснуть над работой и возбудить нервы, пили накрепчайшую заварку и днем, и ночью. Но все-таки клевали носом, дремали или бессмысленно задумывались – спя, таким образом, с широко открытыми глазами. Василий (натурщик) то и дело расталкивал нас. В последнюю ночь мне пришлось сделать несколько аксессуаров из воска: мечей, скипетров, держав и других мелких вещей, которые нельзя было делать из мягкой глины. Я не знал способа, как приготовить воск специально для лепки, и лепил из свечного воска, разминая его в перстах. Это так трудно и больно, что через три часа работы требовался отдых для пальцев. Пальцы опухали, не шевелились, и на свои руки я уже не мог рассчитывать. Посмотрел на Шредера – он сидел как мертвый, а Василий заснул, и я с горя заплакал – от боли, от отчаяния; плач мой превратился в рыдания, которые разбудили Василия. Он довел меня до умывальника и вылил на пылавшую голову кувшин холодной воды. То же и со Шредером: Василий подбодрил нас словом, напоил чаем, а в окно уже глядело утро. Многое в модели не было сделано, не окончено: приближался роковой момент, и надо тащить модель этажом выше, но оказалось, что она не проходит в дверь. Медведку надо было вытащить из мастерской (мы бережно поставили модель на медведку), но в дверь не проходит – модель выше на пол-аршина; надо было брать разрешение на ломку двери у академического полицмейстера. Глядя на эту возню, я подумал, как трудно и рискованно поднять эту сырую модель по винтовой лестнице. Надо сказать, что это был всемирный конкурс, и иностранцы экспонировали свои проекты – все проекты уже были на месте, кроме нашего.

Я сел на диван у стола и говорю Шредеру:

– Ну, Иван Николаевич, я не могу присутствовать при почти верной гибели нашего труда. Не встану с места, пока не скажете мне, что погублена или доставлена благополучно. Пусть с моделью пойдут Осип и Василий.

Но Шредер стал за моделью на медведку для поддержания ее от содрогания – так и тащили ее, а я, найдя под рукой карандаш и бумагу, зачертил эту сцену. Остался я один в пустой комнате. Мусор, обломки кирпичей, дверь валялась на полу. Повсюду следы грязных ног от глины и гипса в моей обыкновенно чистой и уютной мастерской. Из коридора не слышно шагов людей, тянущих модель. Тишина, а я сидел и тяжело думал. Я думал: не выиграть конкурса и не получить премии... жить в таком положении было невозможно. Все, что можно было заложить – заложено, выкупить нечем; всюду задолжал, и это меня страшно томило и мучило. При проигрыше конкурса мне стыдно было бы куда-либо показаться. Заказов нет, и где их получить? А Шредер? Тому еще хуже. Не я ли увлек его обещанием половины заработка, и он работал с самозабвением и самоотверженно, как не работают за деньги, а только по дружбе. Он терпел тоже нужду.

В углу моей мастерской стоял большой мольберт высотой около сажени. Поглядел я на него и решил, что на нем легко покончить с собой. Глядел на него, и моему расстроенному воображению ясно представились висящих два трупа – Шредера и моего. Невольно я стал рисовать эту сцену как бы с натуры. Трупы эти уже совсем успокоились, повисев всю ночь до утра, когда в мастерскую, как обычно, входит мой старый Осип с чаем. Как увидит он и испугается, уронит поднос со стаканом, обварится... И такого испуганного Осипа я прибавил к рисунку. Потом лег на диван нераздетый, без подушки, я не помнил, как заснул непробудным сном и проспал 11 часов, т.е. до утра следующего дня, и, проснувшись, не мог понять, что со мной случилось. День ли, ночь, сумерки... Я оказался раздетым и прилично уложенным на подушках. На столе передо мной был вчерашний рисунок и несколько записок: от Гартмана, Хлебовского (Глебовского), Скирмунда и других товарищей с лаконичным словом “Поздравляю” и подпись. Тут, как буря, ворвался Шредер с Осипом и, задыхаясь, бросился ко мне в объятия, и мы покатались по дивану. Оказалось, что вчера было заседание первой комиссии, и оно еще в неоконченной форме признало первенство за моим проектом, а предстояло еще решение технической и еще какой-то, а потом одобрение государя. Но главное уже совершилось, и с этой поры началась новая эра моей жизни, о которой речь впереди. Рисунок, сделанный мною в столь трепетный и рискованный момент моей художественной жизни, цел у меня и донныне.

Первым действием этого дня была пространная депеша, уже не помню, на какие средства отправленная к моим возлюбленным родителям.

Текст депеши: “Рославль. Осипу Микешину. Ура! Я получил первый номер. Комиссия утвердила проект. Завтра будет Государь. Надеюсь,

совершенный успех. Тогда извещу. Благодарите Бога. Миша”» (Микешин М. О. Записки биографические (К истории памятника «Тысячелетие России») // *Нив*. 1971. № 21. 26 января; № 22. 27 января).

Дальнейшая работа над памятником описана Микешиним в «Дневнике»: «Этот неожиданный успех (Памятник 1000 лет России), к которому я не был подготовлен, огорошил меня. Работа была сложная, и мне предстояло выполнить 19 колоссальных фигур. Сам государь гнал меня с работой, и она за два с половиной года была выполнена. Работу распределили на несколько человек. Самая большая и ответственная досталась мне и Шредеру. Другие поручены Залеману и барону Клодту. Я даже не успел представить на конкурс сюжет барельефа. Работали день и ночь. Барельеф был поручен барону Клодту. Надо понять мое положение – Клодт был ректором и профессором Академии художеств, а я простой художник, и мое положение было совершенно неестественно, так что я не мог пойти к Клодту, как человек подчиненный, и должен был ждать его приглашения на смотр работы. Сам Клодт рисовать не умел; специальность его – лошади. Он пригласил итальянца, который лепил ему фигуры. Я работал над Гением и фигурой Петра I, и за свою работу боялся. Мастерская была на литейном дворе в Академии. Я знал, что государь должен посетить мастерскую для осмотра работ. В начале весны я встречал государя со свитой. При осмотре я сразу по его глазам понял, что он доволен и расхвалил меня. “А как у барона?” Я сказал: “Ваше величество, осмелюсь доложить, что я поставлен в невозможное положение. Меня сделали директором работ, а часть работы производит ректор, профессор Академии, и я не могу к нему ходить, кроме как по приглашению, и я ничего не видел”.

“Пойдем со мной”. Входим. Барон и итальянец, который работал, ждали государя. Государь молча осмотрел работу и на прощание – ни слова. Он был озадачен, повернулся и вышел. Я последовал за ним. Очутились вдвоем. Государь шел впереди меня, наклоня голову, остановился и спрашивает: “Какого ты мнения?” Я, задыхаясь, шепотом сказал: “Невозможно ставить”. “Что же делать, как ты думаешь? У тебя есть идея, чем заменить это?” – спросил государь. Момент отчаянный, надо было идею поставить моментально, и эта идея сразу пришла. Моя голова загорелась, и я сказал: “Я смел бы предложить всех достойных людей на этом барельефе представить, которые по разным отраслям знания, ума, науки и т.д. способствовали возвеличиванию России”. Государь молчал. Затем он тихо сказал: “Это хорошо, ты мне уступишь эту идею?” Я молчал. “Я не хотел бы обидеть старика, но поручаю тебе исполнить это как мою идею”. Тут я понял и покраснел. Государь добродушно взглянул на меня –

это было при публике: народ был всюду и на крышах. Государь сел в экипаж, вокруг стояла огромная толпа. Я был у экипажа, и он промолвил: “Сегодня же”, – и уехал, а я пошел к себе в мастерскую. В этот день явился ко мне фельдъегерь от министра Двора с бумагой, “что Его Величество, обозрев работы памятника тысячелетию России, поручает Вам сочинить барельефы, сообразно личной воле Его Величества, переданной Вам во время посещения Вас Его Величеством”. Фельдъегерь говорит: “Другой пакет барону Клодту”. Я спрашиваю его: “Вы знаете, что тут?” – “Знаю, – говорит, – пакет не запечатан”. Я спросил: “Можно знать, что тут?” – “Можно, ведь он не запечатан”. Я прочел и узнал, что Клодту предложили прекратить работу до дальнейшего распоряжения Его Величества.

Дело кончилось тем, что Клодту заплатили стоимость работы, которую он выполнил. Сделано очень деликатно, и барон не потерпел убытка. Потом Клодт догадался и гадил мне за то, так как был членом совета Академии. Я написал Костомарову, Буслаеву, Бестужеву-Рюмину, Погодину и Максимовичу помочь мне в моей непосильной работе. На мои письма все любезно откликнулись, и я в это время много читал и работал. Днем в Публичной библиотеке, а вечером зажигал десяток ламп и оставался с натурщиком Василием. Рисунок барельефа был на непрерывной бумаге, наклеенной на самой длинной доске, какую я только мог найти на лесном дворе. Натурщиком я пользовался, чтобы иметь лиц для барельефа, так что этот Василий превращался в Марфу-Посадницу, Екатерину II и прочих, и я работал не менее 20 часов в день.

По мнению Буслаева, мне надо было делать только одних угодников, по мнению Костомарова – юго-западных личностей, по Погодину – московский период, так что мне, неопытному и расстроенному, приходилось лавировать и искать среднее: критики не было, на которую я мог бы опереться.

После месяца работы (я работал голый: было жарко в мастерской, т. к. горело 10-15 ламп; питался в это время только чаем и кофе с хлебом, который верный слуга Осип доставлял) получил запрос от государя, когда он может осмотреть барельефы.

Контуры на рисунке делал пером. Я должен был с рисунком явиться к 9 часам утра в Зимний дворец прямо к государю в кабинет. В последний день я должен был сделать еще очень многое и всю ночь работал, и успел только вымыться, причесаться, кое-как меня одел натурщик, повязал как-то галстук и посадил в карету.

Когда шел по лестнице, то шатался, как пьяный, проходя до зала. Перед кабинетом были высшие чиновники, министры, и среди них, помню, был Суворов (Александр Аркадьевич, генерал-губернатор Санкт-

Петербурга – *сост.*), который со мною поздоровался и указал мне на кабинет государя. Он ждал меня.

Через Чевкина государь знал о всех помещенных лицах и некоторых изменениях, внесенных мною.

Во-первых, умер Шевченко, которого я ставил очень высоко, не меньше Кольцова, да и лично любил его. Во-вторых, Чевкину не понравилось, что я поставил Гоголя, и он сказал: «Это, может быть, только в вашей студенческой голове Гоголь вырос до исторической личности». Я сказал, что Гоголь не уступал в списке государственных людей и был прибавлен после Мордвиновым. В моем списке был последним Александр I. Николая I я пропустил и, являсь к государю со своим проектом, сидел, как гость, развертывая перед ним проект. Когда дошли до Александра I, и проект на этом закончился, государь спросил: “А батюшка?” Я встал со стула и молчал. Произошла пауза. Государь сказал: “Ну, дальше”. Он увидел мое смущение, мою муку. Я продолжал показывать до конца и когда закончил, он взял меня за плечо и приблизил к себе.

Дело с Николаем I не кончилось. Меня приглашали в разные места для объяснений. Мест этих было много, и самое щекотливое мое объяснение было у Чевкина. Требование поместить на барельефе Николая I то усиливалось, то ослабевало. Когда из Киева поступил на меня донос, что я оскорбляю русскую историю и русский народ (этот донос был подписан Юзефовичем), то мне показали его и спросили, что я отвечу. Я молчал у Чевкина, молчал и у Суворова. Наконец, потребовали к Константину Николаевичу. Он принял меня в Мраморном дворце в бильярдной комнате. Он вышел из своего кабинета, сел на угол бильярда и сказал: “Скажи причины, почему не помещаешь покойного батюшку?” “Если вы ставите этот вопрос на почву родственности, то я не могу говорить”. “Ну, как же ты хочешь?” “Я хочу, чтобы на время разговора забыть, с кем говорю, чтобы мог говорить без страха и боязни”. “Хорошо, говори”. В комнате не было никого, кроме нас. За спиной великого князя была дверь. Вот, когда он дал мне говорить, я попросту и говорю:

“Ваше Высочество, личность покойного государя до того близка к нашему времени, что нельзя к ней беспристрастно отнестись. Есть множество голосов, которые в его правление находили утешение русской мысли, а другие страстно превозносят его. Во всяком монументе, который должен выражать личности, еще рано его изображать, так как монумент ему рано открывать”.

Перед этим у меня с Его Высочеством (Константином Николаевичем) был разговор о морях, которые были у меня вычеркнуты,

и я просил о них, и за Чичагова Екатерининского просил, так что разговор этот долго продолжался, и, кроме того, я торопился говорить, и это ужасно утомило меня.

Великий князь сказал: “Но ведь не посмотрят на твое желание, и ты должен поместить батюшку”. Я отказался, сказав, что не могу быть насилуем как исторический художник, не могу делать то, что не желаю, и сил нет, которые бы меня заставили это сделать. Но есть люди и между художниками, для которых ничего не значат исторические взгляды, – заплатите им, и они сделают на том же барельефе, что вы пожелаете, но отсохнут мои руки, если это сделаю я.

...Заплатили Залеману, и он изобразил фигуру Николая I в казачком мундире рядом с Александром I» (*Микешин М. О. Записки биографические (К истории памятника «Тысячелетие России») // Нв. 1971. № 22. 27 января; № 23. 28 января*).

Микешин чрезвычайно осторожно писал о том, как к его проекту отнеслись в академической среде, а также о собственных взаимоотношениях с Иваном Николаевичем Шрёдером (принимавшим самое деятельное участие в создании памятника).

Позднее, в статье, посвященной памяти Микешина, современник констатировал: «Симпатии официального художественного ареопага нашего никогда не были на стороне Михаила Осиповича и всегда шли вразрез с всё более возрастающею популярностью его имени среди публики» (*Уманский А. М. Памяти Микешина // ИВ. 1897. Февраль. С. 629*).

Другой близкий к академическим кругам современник писал о Микешине: «Еще задолго до срока конкурса носились слухи, что в 3-м этаже Академии, в одной из ученических мастерских, двое учеников Академии работают над эскизом памятника “Тысячелетия”. Один из этих учеников был живописец-жанрист Микешин, другой – бывший ученик Пименова скульптор Шрёдер. У Микешина была первая золотая медаль за картину, и ему следовало ехать за границу пансионером; Шрёдер был художник-любитель, бывший воспитанник Пажеского корпуса, уланский корнет в отставке. Хотя казалось совсем несообразным, чтобы эти два художника могли сделать что-нибудь монументальное, но о них говорили так много, так превозносили их дарования и таланты, что появление их эскиза на конкурсе ожидалось с нетерпением. Между тем Пименов, Клодт и еще другие члены совета сильно восставали против всех этих похвал, не верили в достоинство проекта Микешина и Шрёдера и тем невольно заставляли брать сторону молодых художников. Пименов и Клодт утверждали, что Шрёдер никогда не сделал ни одного серьезного этюда, в классы ходил редко и занимался скульптурой как дилетант, что Микешин

жанрист, хороший рисовальщик, но не в состоянии создать что-нибудь серьезное, строгое, монументальное.

Памятник по модели Микешина и Шрёдера уже стоит в Новгороде, сожаления делу не помогут; но нельзя не сказать, что если б при обсуждении проекта были бы известны все обстоятельства дела, то вряд ли бы Микешину удалось получить первый номер на конкурсе, и смело можно утверждать, что конкурс тогда бы не состоялся и был бы назначен другой, потому что из числа представленных проектов не только не было ни одного удовлетворительного, но даже более половины были ниже всякой критики. Эскиз Микешина, хотя в нем было видно много таланта, был только намек на что-то, и не будь всех этих толков прежде конкурса, не поставь общественное мнение Микешина в роль угнетенного художника, которого таланту завидуют старые профессора, его эскиз никогда бы не нашли достойным премии, назначили бы другой конкурс и, может быть, в Новгороде не стояла бы масса из бронзы. Очень может быть, что памятник был бы сделан не русским художником; но что до этого, – художник по существу космополит, патриотическая гордость не должна иметь места в художественном деле, лучше чужое первоклассное произведение, чем свое посредственное, хотя бы исполненное русским художником.

Микешин имел большой успех в салонах и искусно пользовался общим к нему расположением, а преследования Пименова и Клодта делали его еще более интересным. Проповедуя любовь к искусству, он увлекал молодых художников и без особенного труда составил себе круг поклонников и почитателей. Между этими молодыми художниками было много очень талантливых. В числе поклонников Микешина находился и Шрёдер, юноша даровитый, горячий и пылкий. Непонятно, как Шрёдер, и по таланту, и по образованию, и по рождению стоявший гораздо выше Микешина, мог так им увлекаться; впоследствии, когда он в нем разочаровался, он был уже более не нужен Микешину. Идея памятника, общая его форма создалась в разговоре, стало быть, и тут честь изобретения принадлежала не одному Микешину; потом, когда началась работа эскиза, работа скульптурная, то, естественно, Микешину делать было нечего; весь эскиз вылеплен Шрёдером, и хотя можно предположить, что Микешин давал советы, рисовал эскизы, собственно исполнение модели принадлежит Шрёдеру. Когда, по обсуждении конкурса, дали первую премию и решили исполнить памятник тысячелетия по модели Микешина, то ему поручили все работы, работы колоссальные; чтобы дать понятие о размерах, достаточно сказать, что фигуры были 8 ½ арш. <ин>. Надо отдать справедливость предприимчивости Микешина; вдвоем с Шрёдером он взялся исполнять работу, хотя ни тот, ни другой никогда не

делали не только ничего монументального, но даже ничего законченного. Кроме Шрёдера были и другие скульпторы, которым были отданы отдельные группы, составляющие памятник. Но главный надзор за работами был поручен Микешину, как рисовальщику, его имя стояло впереди всех, несмотря на то, что он только рисовал. Все шло хорошо, пока Микешин и Шрёдер были дружны, но и после, когда Шрёдер уже не говорил с Микешиним, первый считал своею обязанностью окончить работу и не щадил ни сил, ни здоровья. Всю ночь напролет виден был свет в мастерской Шрёдера, и он, с обручем на голове, в который были вставлены огарки свечей, не опускал рук ни на час» (Художник. Академия художеств в 1859-1864 гг. // *РС.* 1880. Т. XXIX. С. 398-400).

<В. В. СТАСОВ>

ЕЩЕ ДВА СЛОВА О ПРОЕКТЕ ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ РОССИИ

Печ. по: РВ. 1860. Т. XXV. Современная летопись. С. 157-162.
Подпись: О.

Е. П. КАРНОВИЧ

О ПАМЯТНИКЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Печ. по: СПв. 1860. № 42. 25 февраля.

Ф. И. БУСЛАЕВ

ПАМЯТНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ РОССИИ

Вперв. опубли. (под заглавием: «Памятник тысячелетию»): Наше время. 1862. № 9. *Печ. по:* Мои досуги. Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева. В двух частях. Часть вторая. М., 1886. С. 187-208.

Федор Иванович Буслаев (1818-1897), великий русский филолог.

...в описании... Ф. И. Буслаев имеет в виду статью: Описание памятника Тысячелетие России // Месяцеслов на 1862 год. С изображением памятника тысячелетию России, воздвигаемом в Новгороде. СПб., 1862. С. 71-73.

Микель-Анджело... Микеланджело Буонаротти (1474-1564), великий итальянский художник и скульптор. Буслаев упоминает фрески Микеланджело, украшающие потолок Сикстинской капеллы в Ватиканском дворце.

Деларош... Поль Деларош (1797-1856), французский живописец. «Полукружие» – колоссальная (15 метров в длину и 4,5 метра в ширину) картина, размещенная в актовом зале Парижского училища изящных искусств, завершенная в 1841 г. Деларош представил аллегорические изображения образных и пластических искусств, которые, в присутствии величайших художников разных времен и стран, раздают наградные венки.

Иванова, картину которого <...> передали в Москву... Александр Андреевич Иванов (1806-1858), автор картины «Явление Мессии», приобретенной Александром II в 1858 г. для московского публичного музея.

...гомерического Вулкана... В римской мифологии Вулкан – бог огня (соответствующий греческому Гефесту). Буслаев имеет в виду щит, который сделал Ахиллу Гефест по просьбе Фетиды. Он подробно описан Гомером в восемнадцатой песне «Илиады» (см.: *Гомер. Илиада. Одиссея.* М., 1967. С. 319-322).

... где-то в журналах упрекали художника за отсутствие монументального величия... имеются в виду выступления В. В. Стасова (см.: *наст. изд.* С. 23-31, 37-43).

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА» ПИСЬМО НАШЕГО ВТОРОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Печ. по: СО. 1862. № 219. 12 сентября. Подпись – В.Ч.

«Второй корреспондент» петербургской газеты написал три статьи о новгородском празднике (см. две других: *СО. 1862. № 217. 10 сентября; № 220. 13 сентября*). Из них нами публикуются два: заключительное письмо, датированное 9-м сентября 1862 г., см.: С. 120-125.

...с бурмитскими зернами... «крупная, окатистая жемчужина» (Даль. Т. 1. С. 143).

...выддыбай, наш Боже, выддыбай!.. см. в «Истории...» Карамзина: «Старые люди рассказывают, что идол, влекомый Христианами с горы Днепровской, вопил и рыдал: для того прозвали сию гору (ниже монастыря Златоверхого Михаила) *Чертовым беремищем*, или *тягостию* и бедствием сего злого духа. Когда он плыл рекою, суеверные язычники кричали: *видибай!* т.е. *выплывай*. Он действительно выплыл на берег, и сие место названо *Выддибичи*, а после *Выдубичи* (где стоит ныне монастырь *Выдубецкий*). Однако ж христиане утопили идола, привязав к нему тяжелый камень» (Карамзин. Примечания к I тому «Истории Государства Российского». Стб. 125).

...гетмана Ходкевича... Ян Карл Ходкевич (ум. 1621), польский полководец.

...князем Михаилом Олельковичем... литовский князь, приглашенный в 1470 г. на княжение в Новгород.

Аристотеля Фиоравенти... Альберти Фиораванти, итальянский архитектор XV века, известный на Руси под именем Аристотеля. Прославился возведением Успенского собора в Московском кремле.

Святослава... Святослав Игоревич, Великий князь Киевский (945-972). «Знаменитые» слова, сказанные Святославом в 971 г. перед битвой с греками см.: *Повесть временных лет...* С. 170.

...по исследованию г. Бодянского... Осип Максимович Бодянский (1808-1877), филолог, профессор Московского университета.

Лев Дьякон... (род ок. 930), византийский историк.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» ТЕЛЕГРАФИЧЕСКИЕ ДЕПЕШИ

Печ. по: СПт. 1862. № 196. 8 сентября; № 197. 11 сентября; № 198. 12 сентября. Без подписи.

«Северная почта» – ведомственная газета Министерства внутренних дел, издаваемая с 1862 по 1868 гг.

Государь Великий Князь Наследник Цесаревич... Николай Александрович (1843-1866), старший сын Александра II, умер, не успев вступить на

престол. В день своего рождения, 8 сентября 1843 г., стал шефом лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, располагавшегося в то время в Селищах близ Новгорода (См.: История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Т. I. 1824-1865. Составил того же полка штаб-ротмистр Ю. Елец. СПб., 1890. С. 212-213).

Александр... Александр Александрович (1845-1894), с 1881 г. – император Александр III.

Владимир и Алексей Александровичи ... Владимир Александрович (1847-1909), Алексей Александрович (1850-1908), дети Александра II.

Михаил Николаевич (1832-1909) – сын Николая I, младший брат Александра II.

Николай Константинович... (1850-1918), сын великого князя Константина Николаевича, сына Николая I.

Мария Николаевна... (1819-1876) – дочь Николая I, в 1837 г. вышла замуж за принца Максимилиана Лейхтенбергского (1817-1852).

Ольга Федоровна...(1839-1891), великая княгиня, жена Михаила Николаевича.

Мария Максимилиановна Лейхтенбергская... (1841-1914), дочь Марии Николаевны.

Сосницкой пристани... Соснинская пристань – пристань на реке Волхов, расположенная в деревне Соснинка.

Великий Князь Николай Николаевич... Николай Николаевич (старший) (1831-1891), брат Александра II, сын Николая I, муж великой княгини Александры Петровны (1838-1900).

Николай Николаевич был особенно близок Новгороду. См. в воспоминаниях Н. А. Качалова, в 1862 г. – уездного предводителя белозерского дворянства: «Николай Павлович был в Новгороде, когда получено было известие о рождении великого князя Николая Николаевича, император был очень обрадован этим событием и поздравлявшей его депутации объявил, что пускай этот мой сын будет ваш, новгородский; с этого времени Николай Николаевич номинально считался князем Новгородским» (*Качалов Н. А. Записки (Фрагменты) // Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX – нач. XX в. Великий Новгород, 2008. С. 329*). См. также изложение этого события в путеводителе В. П. Ласковского: «Осведомившись, что в этот день (27 июля 1862 г., день рождения великого князя – *сост.*) праздновалась память св. Николая Кочанного, император повелел назвать новорожденного сына “Николаем”» (*Ласковский В. П. Путеводитель по Новгороду. Новгород, 1910. С. 125*). После рождения Нико-

лая Николаевича каждый год 27 июля из Новгорода отправлялась «депутация, состоящая из трех лиц почетного купечества с приветствием к высокому имениннику» (*Археологическое описание*. Т. 1. С. 203, прим.). Николай Николаевич – один из основателей Николаевского приюта, который Александр II посетил во время праздника.

Николай Кочанов – новгородский юродивый второй половины XIV века. Приведенные свидетельства нуждаются в уточнениях: Николай I в день рождения сына находился не в Новгороде, а в Царском Селе, однако назвал сына в честь новгородского юродивого (см. подробнее: *Галкин А. К. Никола Кочанов и Николай Романов // Новгородика – 2006. Материалы международной научной конференции*. Ч. II. Великий Новгород, 2007. С. 54-55).

На праздник Николай Николаевич приехал с женой и шестилетним сыном, Николаем Николаевичем (младшим) (1856-1929). Семья находилась в Новгороде дольше, чем другие члены царской фамилии, с 3-го по 12 сентября (см.: *Сибиряк Василий Колохматов*. С. 11, 74).

В «Северной почте» от 13 сентября сообщалось о назначениях и наградах, приуроченных к торжеству: «Высочайшим Именным указом, данным правительствующему сенату 8 сентября, Всемилостивейше повелено исправляющему должность новгородского гражданского губернатора действительному статскому советнику **Скарятину** быть новгородским гражданским губернатором.

Государь Император в присутствии Своем в Новгороде 8 сентября, в ознаменованье Высочайшего благоволения к ученым трудам нижепоименованных лиц Всемилостивейше соизволил пожаловать:

академику **Плетневу** *табакерку с портретом Его Императорского Величества*; академикам: **Востокову** и **Устрялову** ордена св. *Владимира 2-й степени*; сербскому митрополиту Михаилу **Иоанновичу**, главному редактору археографической комиссии **Качалову** и действительному статскому советнику **Далю** ордена св. *Анны 1-й степени*; члену Археографической комиссии **Севастьянову** и академику **Веселовскому** ордена св. *Станислава 1-й степени*; академикам: **Погодину**, **Срезневскому**, **Шевыреву**, **Кунику**, ректору университета св. *Владимира* **Иванишеву**, профессорам: Московского университета **Соловьёву** и **Бодянскому**, действительному статскому советнику **Гречу**, доктору Иоганну **Пуркинье** (профессору физиологии в Праге), доктору Францу **Палацкому** (чешскому историографу) и члену-корреспонденту Академии наук, верховному жупану в Загребе (Аграме) Иоганну **Кукулевичу-Сакчинскому** ордена св. *Владимира 3-й степени*; академику **Буслаеву**, профессору Казанского университета **Григоревичу**, доктору Карлу **Кузмани** (супер-интенданту и профессору бого-

словского факультета в Вене), канонику Михаилу **Куземскому** (во Львове, в Галиции), советнику венгерского наместничества в Песте Адольфу **Добрянскому**, члену-корреспонденту Академии наук доктору Францу **Миклошичу** (славянскому филологу в Вене), члену-корреспонденту той же Академии доктору Вуку **Стефановичу-Караджичу** (сербскому писателю и филологу), профессору Харьковского университета **Зернину** и инспектору казенных училищ киевского учебного округа **Тулову** ордена *св. Анны 2-й степени с Императорской премией*, профессорам университетов: С.-Петербургского **Сухомлинову**, Харьковского **Н. Лавровскому** и **П. Лавровскому**; адъюнкту Академии наук **Биярскому**, профессору славянской филологии в Прагском университете Мартыну **Гаттала**, доктору Божидару **Петрановичу** (советнику юстиции в Заре), члену-корреспонденту Академии наук доктору Карлу Яромиру **Эрбену** (начальнику государственного чешского архива в Праге), доктору Францу **Ригеру** (редактору энциклопедического ученого славянского словаря), доктору Алоизию **Шембера** (профессору чешской литературы в Венском университете), доктору **Сушилю**, канонику и профессору в Брне (Брюппе), доктору Иоганну **Субботичу** (сербскому ученому, вице-гешпану Славонии), доктору Янко **Шафарику** (профессору Белградского лицея) и лужицко-сербскому писателю Иоганну **Смоляру** в Будапеште (Бунцлау) ордена *св. Анны 2-й степени*; священнику Иакову **Головацкому** (профессору русской словесности во Львове, в Галиции), доктору Иоганну **Хаджичу** (сербскому ученому), доктору Антону **Мажураничу**, славянскому филологу в Загребе (Аграме) и доктору **Блейвейсу**, профессору в Люблянах (Лайбахе) ордена *св. Владимира 4-й степени*; чешскому ученому Францу **Резачу** (редактору педагогического журнала «Skola a Ziwot» в Праге), преподавателю русской словесности в гимназиях с.-петербургских: первой **Водовозову**, третьей **Стоюнину** и новгородской **Куприянову** ордена *св. Станислава 2-й степени*; архимандриту Иоанникию **Намучине** (в Герцоговине), протоиерею Георгию **Николаевичу** (профессору семинарии и члену консистории в Задре), библиотекарю чешского музеума в Праге Антону **Вртятко**, доктору **Францисци** (словацкому писателю и редактору пест-будимских ведомостей) и редактору русской газеты «Слово» во Львове, в Галиции, Богдану **Дедицкому** ордена *св. Анны 3-й степени*, и сербскому ученому Корнелию **Станковичу** (собирателю и издателю сербских национальных и церковных мелодий) орден *св. Станислава 3-й степени*.

Сверх того, в тот же день Его Императорскому Величеству было благоугодно пожаловать: профессору русской словесности в политехническом институте в Праге Францу **Иезбера перстень** из кабинета Его Импе-

раторского Величества; г-же **Ишимовой** (сочинительнице истории для детей) подарок из кабинета Его Императорского Величества.

Его Императорское Величество, в бытность Свою в Новгороде 8-го сентября, Высочайше соизволил пожаловать награды следующим лицам учебного ведомства Новгородской губернии: директору училищ **Апохалову** орден *св. Анны 2-й степени*; инспектору гимназии **Коншину** орден *св. Станислава 2-й степени*; старшему учителю гимназии **Отто**, почетным смотрителям уездных училищ: белозерского **Владимирскому**, новгородского **Комодзинскому** и боровичского **Казину** ордена *св. Анны 3-й степени*; штатным смотрителям училищ: устюжских **Соколову**, боровичских **Воробьеву** и новгородских **Можайскому** ордена *св. Станислава 3-й степени*» (СПт. 1862. № 199. 13 сентября).

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» ПИСЬМА ИЗ НОВГОРОДА

Печ. по: СПт. 1862. № 197. 11 сентября. № 200. 14 сентября; № 201. 16 сентября; № 202. 18 сентября. Подпись – Корреспондент.

...фотографа Александровского... Иван Федорович Александровский (1804-1867), с 1859 г. – придворный фотограф. См. также в очерке «Торжество Тысячелетия» из «Гудка»: наст. изд. С. 111.

...театр деревянный... Новгородский театр был устроен содержателем Летнего сада Е. Г. Курдюмовым летом 1862 года. Его здание располагалось неподалеку от Дворянского собрания, перед входом в Кремль. «Деревянный театр этот был мало чем лучше посредственного балагана (по крайней мере в архитектурном отношении). И как за пределами зала можно было слышать нередко голоса актеров, так и в самом зале можно было слышать голоса говоривших громко за пределами его» (Фирсов Н. Н. (Л. Рускин). Силуэты времени реформ (Воспоминания шестидесятника) // ИВ. 1910. № 3. С. 877). В 1880 г. здание сгорело при пожаре.

Дворянское собрание... дом Дворянского собрания на Софийской площади Новгорода (ныне – картинная галерея Новгородского государственного объединенного музея-заповедника). «В истекшем (1852 – сост.) году был окончательно у нас отстроен и открыт дом Благородного собрания, – в настоящее время лучшее здание и по внутренней отделке, удобству помещения покоев и их убранству. Теперь-то есть где повеселиться и потанцевать на просторе нашему обществу, в чем прежде чувствовался у

нас крайний недостаток» (*Куприянов И. К.* Письмо к редактору из Новгорода // *Мскн.* 1853. Ч. 3. №10. С. 31).

...гостиница *Соловьева*... ныне – ул. Большая Московская, д. 11 (см.: *Секретарь.* С. 244-250).

...св. князя *Владимира Ярославовича*... Владимир Ярославович (1020-1052), сын Ярослава Мудрого, князь новгородский (1036-1052). Во время его княжения в Новгороде в 1045 г. был заложен Софийский собор.

Федор Андреевич Верховцев... (1804-1867), ювелир, основатель петербургской мастерской золотых, серебряных и бронзовых изделий.

Тропарь... краткое молитвенное песнопение.

...преосвященный *Леонтий*... в миру Иван Алексеевич Лебединский (1822-1893). С 1891 г. – митрополит Московский.

...часовня *Чудного Креста*... часовня чудного или черного креста, памятный поклонный крест. С 1830 г. он размещался в каменной часовне.

...предводитель дворянства князь *Мышецкий*... Николай Евграфович Мышецкий (1817-1897). Был женат на Варваре Петровне Мышецкой.

...генерал *Бахметев*... Николай Павлович (1797-1863), новгородский губернский предводитель дворянства.

...эктеньи... Эктения – название последовательности молитвенных прошений.

...статье, напечатанной в *месяцеслове 1862 г.*... в указанном издании помещены две статьи, касающиеся предстоящего праздника: *Павлов П. В.* Тысячелетие России // *Месяцеслов на 1862 год.* С изображением памятника тысячелетию России, воздвигаемом в Новгороде. СПб., 1862. Приложение. С. 3-70; Описание памятника тысячелетию России // Там же. С. 71-73.

...лекции профессора *Костомарова*... *Наст. изд.* С. 206-229.

Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России... *Наст. изд.* С. 230-295.

Иван Ваненко... псевдоним писателя И. И. Башмакова (ум. 1865).

Шлецер... Август (1735-1809), русский и немецкий историк.

...митрополит *Филарет* написал особую молитву... текст молитвы приведен в очерке М. В. Толстого (см.: *наст. изд.* С. 183-184).

На конкурсе, учрежденном по случаю предполагаемого сооружения памятника... см.: *наст. изд.* С. 14-16.

...шпалерами... «в один ряд, порядок, шеренгу, по обе стороны» (*Даль.* Т. IV. С. 642).

...здание присутственных мест... построено в 1783-1786 гг. на территории Кремля по проекту губернского архитектора В. С. Поливанова.

Новгород был великолепно иллюминирован... ср. описание вечерней иллюминации: «В крепости (т. е. в Кремле – *сост.*) – отлично освещено было здание губернских присутственных мест, и двой крепостные ворота (арки) на обе стороны, с государственным на них гербом, залиты были разноцветными огнями; Митрополичий дом, в котором останавливался Государь Император; перед этим домом играл оркестр музыки. На Софийской стороне – Дворянское собрание, памятник 1812 года, Удельная контора, городской сад с разнохарактерными транспарантами и разноцветными фонарями, в котором играл оркестр музыки; за крепостью на возвышенном холму здание, хранящее лодку Императрицы Екатерины II, а вдали Воскресенская слобода. На Торговой стороне – первое место занимала губернская гимназия, освещенная розовыми и белыми круглыми прозрачными фонариками, в виде гирлянд спускавшимися от самой крыши до тротуара; а среди всего здания, над подъездом, красовался отлично хорошо сделанный вензель Их Величеств в царской порфире, под короною; во всех окнах верхнего этажа в помещении Благородного пансиона вставлены были транспаранты, представлявшие букеты цветов. Отлично был освещен Дивизионный штаб (бывший Екатерининский дворец) на берегу у Волховского моста. Хорош был огромный транспарант у почтовой конторы, соединявший здание конторы с другим ее корпусом, в середине которого изображался вензель Их Величеств в гирляндах, а по сторонам – по левую 862 г., а по правую 1862 г.; оба здания конторы горели в огне, с опущенными гирляндами в окнах из живых цветов. Хороша была устроена иллюминация против дома купца Кузнецова, где останавливались Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, с вензельными изображениями Их Высочеств, в живой зелени. Эффектны были триумфальные ворота с Московской – во всю ширину Знаменской улицы. Памятник тысячелетия против места Соловьева по Московской улице. Оригинален был транспарант против магазина купца Капеллера, по Московской улице, – он представлял осуществившуюся идею освобождения крестьян и счастливое будущее второго тысячелетия России, в виде здорового дюжего старика, убеленного сединами, выставляющего между цветов свою голову, с румяными щеками и радостною улыбкою. Множество разнообразных транспарантов, вензелей и декораций украшали сплошную массую все пространство по Московской улице от Никольского собора до Федоровского ручья. Волховский мост, городские присутственные места, гостиннодворные лавки и множество других зданий по всем направлениям улиц, в виде арок, гирлянд, звезд и проч., были освещены разноцветными огнями на славу. Даже отдаленные

улицы не отставали от центра города, и они имели свои транспаранты, окна, украшенные гирляндами живых цветов. Затем интересно великолепно была иллюминация, устроенная новгородским помещиком Эртелем, – по большой барке, прикнутой к правому берегу р. Волхова, против мучных лавок, близ моста; на барке этой возвышался щит, имевший в основании 13 ар.<шин>, а в высоту 7 саж.<ен> 1 ар.<шин>, и изображавший памятник тысячелетия России; по обе стороны этого щита находились другие два меньшей меры; на одном красовался российский герб, окруженный тоже губернскими гербами; вся эта декорация украшалась зеленью, разноцветными флагами и иллюминирована пятью тысячами разноцветных огней, римскими свечами и большим фонтаном. Эта иллюминация была так хороша, что Волховский мост и берег наполнены были массою народа, – кто только остановился, не мог оторваться, не мог налюбоваться ею. Г. Эртель за это удовольствие, доставленное многим, заслужил всеобщую искреннюю благодарность. Вообще, говоря об иллюминации, можно решительно сказать, что подобной никогда Новгород не видывал и, может быть, долго еще не увидит. В этот вечер, в одно время, горело гораздо более 120 тыс.<яч> шкаликов, кроме свечей на окнах и площадок на тротуарах. Гулянье по всему городу, в особенности в крепости, несмотря на дождь, начавшийся с 11 часов, продолжалось до поздней ночи и тогда только, когда дождь уже усилился, толпы гуляющих начали расходиться по домам» (*Сибиряк Василий Колохматов*. С. 42-44).

...гимназия... Мужская гимназия им. Александра I, с 1838 г. расположенная в специально построенном здании (ныне – ул. Большая Московская, д. 13). Женского образовательного учреждения (исключая частные пансионы) ко времени праздника в Новгороде не существовало.

...старого екатерининского дворца... Путевой дворец Екатерины II. Построен в 1771 г. на Торговой стороне в связи с посещением Новгорода Екатериной II. В описываемое время в здании помещался дивизионный штаб. Ныне – Городской центр культуры и досуга им. Н. Г. Васильева (ул. Дворцовая, д. 3).

А. А. Зеленый... Зеленой Александр Александрович (1818-1890), с 1862 г. – министр государственных имуществ.

Ю. И. Стенбок... (Стейнбок) Юлий Иванович (1812-1878), с 1862 г. – председатель Департамента уделов, с 1857 г. – действительный член Академии художеств.

В. Я. Скарятин... Владимир Яковлевич Скарятин (1812-1870), новгородский гражданский губернатор с 1862 по 1864 гг., был женат на Марии Петровне Скарятиной, урожд. Голицыной.

На посту он сменил Владимира Ивановича Филипповича. В сатирической «Искре» в начале июня 1862 г. были опубликованы колкие заметки о первых распоряжениях нового начальника. Новгород в них назван Ветхогорском, Филиппович – Филимоном, а сам Скарятин – Гладиатором-Курциусом (некоторые псевдонимы раскрыты в статье: *Быховский Н.* Из архива курочкинской «Искры» // Литературное наследство. Т. 25-26. Чернышевский. Добролюбов. Писарев. М., 1936. С. 606-617): «Идиллик-Филимон в Ветхогорске сошел со сцены. Благословим путь его отшествия. Ветхогорск ничего с потерей старичка Филимона не потерял, конечно, но, может быть, даже выигрывает... Гм! Почему не так? Но, скажите, что он выиграл с новым-то градоправителем, названным Гладиатором-Курциусом? В Гладиаторе-Курциусе одно хорошо: обыкновенно новые начальники на первых порах ставят в тупик обывателей – особенно в нынешнее переходное, смешанное время, когда сразу никак не решишь: берет человек, или не берет? взятка или бескорыстие? Курциус не допускал заходить далеко тяжелым догадкам. Вот-с он прибыл на пользу и благо Ветхогорска. По старинному обычаю, очень вкоренившемся у нас, его встречали с хлебом и солью (значение сего обширно ныне). Не пошел с хлебом и солью один только Буеракин, хозяин некоторого хорошего во славу Бахуса заведения. А, видно, Гладиатор-Курциус имел у себя обстоятельный список всех, долженствовавших приветствовать его хлебом-солью. Он, не дождавшись Буеракина, послал ловких слуг своих к нему в заведение посмотреть, нет ли там у него каких-либо подозрительных лиц? Как не быть? Нашли подозрительных людей, донесли Курциусу, а он сейчас, как снег на голову, и налетел. Несколько сибирок и чуек, не предьявивших видов своих, сделались жертвою его распорядительности: их повлекли. В отношении заведения, приотившего было этих злосчастных эпикурейцов, Курциус явил пример подобающей строгости: он запечатал заведение. «Понимай-де, Буеракин, что это значит!» Буеракин, гражданин опытный и сметливый, понял, разумеется. На другой день он явился к Курциусу с извинением, что-де *от безденежья* запамятовал совсем поздравить хлебом-солью его милость. – Ошибка в фальшь не ставится – ответственвал Гладиатор-Курциус, может быть, и не вполне, да одобрил этим сметливого горожанина. Буеракин поднес свое поздравление, результатом которого было смягчение души г. Курциуса, а результатом смягчения души – открытие запечатанного заведения... Вот какие магнетические соотношения бывают! Да, друг Горацио, много тайн в природе...» (*Искра*. 1862. № 21. 8 июня. С. 303). Покинув Новгород в 1864 г., он занял должность петербургского губернского губернатора, а потом стал придворным егермейстером. 29 декабря 1870 г. в окрестностях Малой Вишеры был случайно убит на охоте (см.:

Баженов М. Н. Убийство егермейстера В. Я. Скарятин // *ИВ.* 1884. Т. XVI. С. 143-153; Из воспоминаний Н. Я. Скарятин // *РА.* 1894. II. С. 600-602).

См. характеристику Скарятин в воспоминаниях писателя и мемуариста Н. Н. Фирсова, с 1863 г. – уездного предводителя белозерского дворянства: «Губернатором в Новгороде во время празднеств тысячелетия и некоторое время после них был Владимир Яковлевич Скарятин, человек, словно нарочно созданный для празднеств тысячелетия и цветущего утра преобразований. <...> Он не искал карьеры <...> и потому, что материально не нуждался в ней, и потому, что по темпераменту был несколько сродни Обломову. <...> Скарятин, несмотря на свои обломовские тенденции, был человек весьма благовоспитанный в придворном смысле <...> Он был очень представителен. Среднего роста, но плотно-крупный, с рано подернутыми сединой волосами и почти черными, тоже крупными, глазами. Глаза эти были красивы, но почти никогда не светились, хотя любезная улыбка не сходила с нижней части лица даже при самой серьезной беседе и казалась искусственной.

<...> Во время празднеств тысячелетия Скарятин вполне угодил всем, начиная с их величеств. Этому немало способствовала его умная жена, рожденная княжна Голицына» (*Фирсов Н. Н. (Л. Рускин)*). Силуэты времени реформ (Воспоминания шестидесятника) // *ИВ.* 1910. №1. С. 87-89).

Николаевский приют... открыт 27 июля 1860 г., располагался на ул. Дмитриевской (ныне – Великой). Открытие приюта было долгожданным городским событием; Н. К. Отто в 1858 г. с радостью писал о пожертвованиях на его устройство: «Сообщим <...> приятную и отрадную новость, это пожертвование 1000 р., сделанное здешним купечеством к празднику св. Пасхи в пользу предполагаемого новгородского Николаевского приюта. Ощутительный недостаток подобного благотворительного учреждения в Новгороде подал еще в 1840 году местным жителям мысль основать приют для призрения сирот. В том же году начался денежный сбор в пользу его и в течение 18 лет, вследствие частных приношений и пожертвования в 1853 году 1500 р. Его Императорским Высочеством Великим Князем Николаем Николаевичем, изъявившим согласие на желание жителей назвать предполагаемый приют в честь Его имени Николаевским, капитал увеличился до 12000 р., и приобретен был даже дом для его помещения... Все эти факты доказывают искреннее желание содействовать благу общества; в местных губернских ведомостях высказана была даже мысль, что открытие приюта осуществится, может быть, в скором времени. Мы сомневаемся, однако, в возможности этого предположения, потому что наличный фонд, превышающий 12 000 р., еще недостаточен для существо-

вания подобного благотворительного заведения: капитал должен, по крайней мере, утроиться» (СПб. 1858. № 99. 9 мая).

...изволили посетить Юрьев монастырь... см. воспоминания Д. Рослякова (Из воспоминаний очевидца об открытии в Новгороде памятника тысячелетию России // Чело. 2008. № 2(42). С. 47-48).

...аракчеевского корпуса... располагался близ Новгорода, ныне – п. Новоселицы Новгородского района.

Благословен Всевышний, посетивший... из драмы Пушкина «Борис Годунов» (сцена «Царская дума»).

П. И. Новиков

ИЗ ДНЕВНИКА

Печ. по: ГАНУ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 326 об. – 332. «Юбилейная» часть дневника *вперв. опубли.* (с пропусками): Данько Т. А. «Государь сказал... что этот день останется памятен для него...» Дневник П. И. Новикова. 5-10 сентября 1862 г. // НАВ. Вып. 1. С. 66-70; *републ.*: Новгородская полиция, милиция и органы внутренних дел. 1733-2000 годы. Великий Новгород, 2001. С. 537-540.

Петр Иванович Новиков (ок. 1828-1889) – старорусский уездный исправник (См. о нем: Юхнович Ю. В. Старорусское окружение Ф. М. Достоевского: П. И. Новиков // Достоевский и современность. Материалы XXVIII Международных Старорусских чтений 2013 года. Великий Новгород, 2014. С. 242-247).

В 1862 г. Новиков – подполковник (свою службу окончил полковником). Он был командирован в Новгород для исполнения своих служебных обязанностей: будучи полицмейстером, в его обязанности входил надзор за порядком во время торжеств.

Новиков с неохотой согласился на эту работу. Письмо от губернатора В. Я. Скарятин с распоряжением прибыть в Новгород он получил 23 августа, а через четыре дня с ним встретился Э. В. Лерхе, который настаивал на поездке и обещал награду: «Сегодня в <нрзб>-ть часов поехал к Лерхе, от которого узнал, что мне отрешиваться от настоящей командировки неловко, причем он сообщил мне, что он представляет меня к Станиславу на шею – но я при этом поблагодарил его, просил лучше представить меня к чину, и он дал слово» (Л. 311 об., от 27 августа).

Серьезные жизненные обстоятельства задерживали его в Старой Руссе. 28 марта Новиков потерял жену, скончавшуюся во время родов. В этот день он записал в дневнике: «С потерей А. О. я потерял жену, друга, мать 6-х детей, и кроме этого половину, если не более, моей головы» (Л. 34 об.). Некоторые его дети выросли (старший сын Иван учится в Петербурге), но кому доверить маленьких?

С Софьей Васильевной Лутковской Петр Иванович был знаком и до смерти жены, но взаимное чувство они начали испытывать друг к другу лишь после ее кончины. Софья Васильевна – замужняя дама, с детьми, постоянно проживающая в Новгороде, но приезжавшая в Старую Руссу в теплое время года. «Я должен расстаться с С.<офьей> В.<асильевной> и пробыть в Нов<городе> до тех пор, покуда она уедет в Нов<город>, а я должен буду вернуться в Руссу. Предсказание мое сбылось. Я говорил С.<офье> В.<асильевне> несколько раз, что время пролетит незаметно, а с ним невозвратно уйдет и наше счастье – так и случилось – я долго был растерявшись, не знал, что мне делать, и несколько раз принимался писать С.<офье> В.<асильевне> и бросал разорванные письма <...>» (Л. 307, от 23 августа). Софья Васильевна, однако, приехала в Новгород вслед за Новиковым, 3 сентября.

Взаимную симпатию скоро нельзя было скрыть от мужа Софьи Васильевны, Осипа Васильевича, статского советника, управляющего Новгородской удельной конторой: «С. В. сказала мне, что она ничего не скрывает от мужа и сказала ему, что она очень меня любит. Я сегодня спрашивал С. В., перейти ли мне в Новгород, и она ответила, молчала <?>, что это от меня зависит – и когда мы целовались с ней, она просила меня, чтобы непременно перешел» (Л. 188, от 1 июля; об О. В. Лутковском см.: Памятная книжка Новгородской губернии на 1863 г. Новгород, 1863. С. 27). В дни празднования Петр Иванович был озабочен более своими личными проблемами: в дневнике он подробнее описывает встречи с любимой женщиной. Общероссийское торжество интересует его главным образом в связи с профессиональными обязанностями: «Народу была тьма, но порядок был удивительный», «сделал наряд», «нашел команды все в исправности»...

Однако именно в личных записях старорусского полицейского обнаруживаются сведения, о которых не упоминали другие участники праздника.

Министр внутренних дел П. А. Валуев записал в своем дневнике 2 сентября 1862 г.: «Весь день дома. Видел разных лиц, ничего особенного, кроме телеграфического известия о пожаре в Новгороде, куда государь едет 7-го числа. Если поджог, неладно» (*Дневник Валуева*. Т. 1. С. 188). Тревога Валуева была далеко не случайной.

Первого сентября Новиков приехал в Новгород. 2 сентября он записал: «Вчера на пароходе приехал губернатор, а поэтому я в 11 часов поехал явиться к нему и получить приказание, но едва я доехал до Летнего сада, как заметил на каланче вытянутые шоры. Я спросил извозчика, где пожар, и <он> мне сказал, что горит военный госпиталь по Розважской. Я тот же час отправился туда – подъехавши к госпиталю, я увидел, что огонь пробивался сквозь крышу с угла того здания, которое выходило к Летнему саду. Пожарные команды были уже на месте, но распоряжения почти никакого не было. Все суетились, а к делу не приступали.

<...> Строение, которое горело, было деревянное и очень длинное, огонь стал распространяться по всему чердаку и угрожал всем соседним зданиям, которые были весьма близки одно от другого, поэтому мне пришла мысль, чтобы не дать распространиться огню, сломать крышу посредине здания и этим самым спасти другую часть, которая еще не горела. Поэтому я сам с несколькими солдатами взобрался по шесту на крышу и принялся за работу. Вскоре подошел губернатор и просил меня поскорей сделать работу, которую я начал.

<...> Я действовал сегодня отлично и на виду всей публики, это ободряло меня. Губернатор постоянно относился ко мне с распоряжениями. Военная команда действовала отлично и много пособила мне. Причина пожара неизвестна потому, что это строение только что отремонтировано, и там никто не жил. Мне говорил один офицер с <нрзб> батальона, что ему говорил смотритель острога, что было получено 3 письма, в которых предупреждали, что будет гореть госпиталь. Но я этим слухам не верю, потому что полиции об этом не было сообщено. Я на пожаре испортил все новое платье и эполеты так, что мне этот пожар влез в карман рублей с лишком 50 – хорошее начало командировки» (Л. 322 об. – 323 об.).

Опасения о поджоге, высказанные в ходе тушения пожара, подтвердились в ходе следствия, в котором Новиков, по просьбе губернатора, принимал участие. В дневнике не сообщаются его подробности, но перед своим отъездом из Новгорода Новиков заезжал «...к губ.<ернскому> стряпчему подписать бумаги, касающиеся до следствия о поджоге госпиталя» (Л. 332). Военный госпиталь, упомянутый Новиковым, находился в центре Новгорода, в районе современной улицы Розважа (см.: *Лысенко М. А.* Из истории Новгородского госпиталя // *НАВ*. Вып. 9. С. 75-81).

Валуев сопоставил пожар с разрушительным петербургским пожаром, который произошел в мае 1862 года. См., например, в воспоминаниях П. А. Кропоткина: «26 мая, в духов день, начался страшный пожар Апраксина двора. Середину двора, почти полверсты в квадрате, занимал тогда Толкучий рынок, весь застроенный деревянными лавчонками. Здесь прода-

вались всевозможные подержанные вещи. <...> Позади этого громадного склада горючего материала находилось министерство внутренних дел, в архиве которого хранились все документы, касавшиеся освобождения крестьян; а впереди Толкучего, окаймленного рядом каменных лавок, стоял на другой стороне Садовой Государственный банк. <...> Почти насупротив министерства внутренних дел, на другом берегу Фонтанки, находились огромные дровяные склады. И вот, Апраксин двор и дровяные склады занялись почти одновременно, в четыре часа пополудни.

Будь в это время сильный ветер, огонь уничтожил бы пол-Петербурга, в том числе и Государственный банк, несколько министерств, Гостиный двор, Пажеский корпус и Публичную библиотеку» (*Кропоткин П. А. Записки революционера. М.-Л., 1933. С. 104-105*).

Столичные правоохранительные органы предупреждали новгородских чиновников о «неблагонамеренных лицах», которые намереваются омрачить праздник. 23 апреля 1862 г. новгородский полицмейстер М. И. Ланге писал Скарятину: «Из приказа Санкт-Петербургского обер-полицмейстера от 19 апреля за №74, объявленного в «Северной Почте» № 106 видно, что в С.-Петербурге неблагонамеренными людьми разбрасываются разные воззвания, которые хотя и не имеют значения, но могут напрасно тревожить жителей и чрез это возбуждать ропот людей благомыслящих. – А как к сентябрю-месяцу текущего года, на время открытия памятника Тысячелетия России, ожидается в Новгород большое стечение народа, то неблагонамеренные лица вероятно воспользуются этим случаем, чтоб нарушить спокойствие жителей; для преследования чего, и желая принять строгие меры, я нахожу за лучшее, чтобы чиновники полиции могли быть на это время в партикулярной одежде, чрез это только можно достигнуть своей цели, потому что лица, занимающиеся означенными выше действиями, не зная лично чинов полиции, не будут остерегаться их, тогда как в противном случае одни уже мундиры частных приставов и прочих полицейских чинов могут возбудить в них большую осторожность.

Донося об этом Вашему Превосходительству, я осмеливаюсь всепокорнейше просить сделать зависящее с Вашей стороны распоряжение: во-первых, чтоб комплект чиновников полиции, при его ограничении, увеличить прикомандированием на время открытия памятника к штату полиции по крайней мере 10-ть человек чиновников губернского правления, и второе: разрешить лицам, штат полиции составляющим, быть в партикулярной одежде; а так как чиновники полиции, по крайне ограниченному содержанию своему, не имеют никаких средств приобрести себе партикулярное платье, то исходатайствовать на этот предмет откуда следует достаточное

вспомоществование, о последующем же я имею честь ожидать Вашего начальственного извещения» (*ГАНУ*. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2250. Л. 17-18).

Новгородский журналист характеризовал настроения новгородцев, обеспокоенных петербургскими событиями: «Среди приятных ожиданий счастливого для Новгорода события мы получили известие о пожаре Апраксина двора и Шукина дворов. Весть об этом громадном пожаре поразила всех, в особенности когда газетные известия передали нам, что причиной пожара были поджоги, и когда вслед за тем у нас начали находить подметные письма, в которых извещалось, что Новгород будет подожжен, это произвело такой между жителями страх, что многие приготовились выноситься в случае тревоги. Хозяева и пожильцы попеременно караулили по ночам дома. Повсюду раздавались свистки уличных сторожей, по улицам всю ночь ходил полицейский обход и военные патрули. Полицмейстер и частные приставы объезжали все улицы. Эта картина тревоги, этот постоянный свист и барабан в доски караульных, эти отряды дозоров и патрулей представляли нам город как будто в осадном положении, но, благодаря принятым мерам предосторожности, спокойствие жителей начинает малопомалу восстанавливаться. Увеличение предосторожности уменьшило страх, и даст Бог, чтобы он оказался совершенно напрасным» (*Вишневский И.*) Местные известия. Новгород // *Нзв.* 1862. №25. 23 июня. Отдел III. Часть неофициальная).

Росту паники в Новгороде способствовал и разрушительный пожар в уездном городе Боровичи: «В одно время с известием о петербургском пожаре мы получили известие о пожаре, бывшем в г. Боровичах, во время которого сгорело до 470 домов и несколько амбаров, устроенных для складки разных жизненных потребностей. Очевидцы рассказывают, что пожар начался в час пополудни, а через 7 или 8 часов половина Борович представляла из себя обширное пепелище» (*Вишневский И.*) Местные известия. Новгород // Там же). Бедствие, постигшее город, было настолько большим, что спустя два месяца после пожара императрица (во время сентябрьских торжеств в Новгороде) обратилась к местному предводителю дворянства с вопросом о положении Боровичей.

Сообщения местного журналиста о подметных (т.е. анонимных) письмах сменились более серьезными угрозами. 16 августа 1862 г. III Отделение сообщало новгородскому губернатору: «Имеется сведение, что будто бы некоторые из злоумышленников располагают привезти в Новгород ручные гранаты, называемые адскими, для метания в толпу народа во время предстоящего праздника тысячелетия России, чтобы произвести общее смятение. Так как подобные снаряды удобнее всего могут быть привезены в ящиках или чемоданах по железной дороге и потом на пароходах,

то, сообщив лично и словесно об этом директору пароходства г-ну Племянникову под строгим секретом, я просил его приказать наблюдать, что ежели окажется при взвешивании пассажирских багажей более тяжеловесные ящики или чемоданы, превосходящие обыкновенный их вес и у лиц неизвестных, то передавать о том по прибытии секретно полицейскому чиновнику при пароходной пристани.

Считаю долгом довести об этом до сведения Вашего Превосходительства на тот предмет, не изволите ли признать за нужное приказать назначить частного пристава Кудрявцова как более осторожного и распорядительного чиновника полиции для наблюдения и преследования подозрительных багажей, ежели таковые окажутся, и затем какие Вам угодно будет принять на этот счет меры и при сухопутной перевозке чрез Чудовскую станцию».

На лицевой стороне листа в левом верхнем углу рукой В.Я. Скарятина написано: «Секретно предписать исправнику, чтобы строго поручил становому приставу в Чудове безотлучно наблюдать и доносить» (*ГАНУ*. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2250. Л. 97-98).

В тот же день В.А. Долгоруков писал Скарятину: «Государь император, по всеподданнейшему моему докладу вследствие личного моего совещания с генерал-адъютантом князем <А. А.> Суворовым, высочайше повелеть соизволил: на время пребывания Их Величеств в Новгороде по случаю открытия там памятника Тысячелетия России отправить в распоряжение Вашего Превосходительства к первым числам сентября:

1. Сто пятьдесят человек городских С.-Петербургской полиции при десяти квартальных надзирателях или их помощниках и при штаб-офицере, которому вверяется надзор собственно в Кремле.

2. Тридцать конных и пятнадцать пеших рядовых С.-Петербургского жандармского дивизиона, при шести конных и двух пеших унтер-офицерах, с тремя офицерами под начальством одного из эскадронных командиров.

И 3. Четыре пожарных трубы с лошадьми и бочками при брандмейстере.

О таком Высочайшем повелении, сообщенном мною министру внутренних дел и С.-Петербургскому военному генерал-губернатору, имею честь уведомить Ваше Превосходительство для зависящих с Вашей, милостивый государь, стороны распоряжений» (*ГАНУ*. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2250. Л. 137).

Требованиями безопасности объяснялось и введение пропускной системы на праздник. Новгородский полицмейстер М. И. Ланге по указанию губернатора проверил даже надежность кремлевских стен; об этой работе он отчитался в рапорте от 14 августа 1862 г.: «Согласно словесного прика-

зания Вашего Превосходительства об отверстиях, в которые можно пройти или пролезть внутрь Кремлевской стены, имею честь донести.

При въезде в Кремль через Волховский мост на левой стороне представляется свободный проход в две большие арки, затем можно свободно пройти через Спасскую часовню, устроенную в башне, и, продолжая путь кругом стены, между Спасской и Сторожевою башней, есть отверстие, в которое можно пролезть одному человеку, а в Сторожевую башню есть свободный проход, где можно совершенно незамеченным скрыться в большом количестве людей. За Сторожевою башней есть еще башня, в которой сложены в небольшом количестве старые дела Новгородского гарнизонного батальона, – по обеим сторонам этой башни есть проходы, а в самой башне, в которой помещен архив Присутственных мест, можно влезть в окно. Таким образом, обходя наружную стену так называемой городской половины стены, есть еще один большой проход, чрез который проезжают в Софийскую часть; затем, в стене Монастырской хотя и есть небольшие отверстия и глухие полуарки, но все они заложены. – По мнению же моему, я полагал бы: с наружной стороны все малые проходы заложить кирпичами, ворота же между Никольскою башнею и аркой на левом берегу Волхова требуют немедленного исправления, – о чем также имею честь доложить Вашему Превосходительству на зависящее распоряжение, почтительнейше дополняя при этом, что хотя при башне, где помещается небольшой архив гарнизонного батальона, и находится сторож из евреев с своим семейством и хозяйственным обзаведением, но эта мера охранения выхода и входа далеко не может служить ручательством за возбранный впуск в Кремль, так как у этого сторожа очень часто бывает скопище евреев и даже подозрительных людей, на преследование коих полиции трудно обратить более внимательное и строжайшее наблюдение, потому что охранение это находится и зависит от военного ведомства» (*ГАНУ*. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2250. Л. 88-89).

Петербургский и новгородский пожар объединяет, помимо близости по времени, еще и то, что правительство и в том, и в другом случае пыталось скрыть, что это было преступление. Публицист В.П. Мещерский писал позднее в своих воспоминаниях, что в Петербурге ходили упорные слухи о преступной природе пожара: «Слово нигилист стали слышать везде, и нигилисты невинно стали обвиняться как поджигатели и как заговорщики. <...> Было ли что-либо основательное в этой народной молве, я не мог узнать ни тогда, ни после, и не слыхал ни об одном факте пойманного студента. <...> Но кто были эти поджигатели – мы не знали. Потом стали говорить о следствии, но что открыло оно – также осталось неизвестным» (*Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2003. С. 145;

ср.: Воспоминания Г. Д. Щербачева // *РА*. 1891. Т. 74. С. 68). А вот – точка зрения журналиста, высказанная в 1862 г.: «Между прошедшей и нынешней хроникой совершилось столько событий, что для верного описания их понадобятся со временем целые томы, над которыми с недоумением останется будущий историк. Он не будет, подобно нам, волноваться пустыми страхами, не станет ломать голову над вопросом: в какой мере справедливы народные толки, будто пожары имеют связь с прокламациями и воззваниями демагогов; нет, не с этой стороны задумается будущий историк. Перед нами будут уже не страхи, а голые факты, которые, надеемся, разоблачат всю нелепость народных толков. Для будущего историка и для всех будущих поколений скорее непостижимым покажется самый народ, в котором могли возникнуть подобные толки. Где же, в самом деле, слыхано, чтоб демагоги, которые только и говорят, что о народном счастье, которые жертвуют для народа всеми благами молодости и жизни, которые несут за него свою голову на плаху – где слыхано, чтоб подобные друзья народа были отвергаемы самим народом и постыдно смешиваемы им с разбойниками и поджигателями» (*ОЗ*. 1862. № 6. Современная хроника России. С. 39-40).

Писатель Н.С. Лесков одним из первых в печати высказал упорно ходивший слух о криминальной природе петербургского пожара: «Среди всеобщего ужаса, который распространяют в столице ежедневные большие пожары, лишаящие тысячи людей крова и последнего имущества, в народе носится слух, что Петербург горит от поджогов <...> В народе указывают на сорт людей, к которому будто бы принадлежат поджигатели, и общественная ненависть к лицам этого сорта растет с невероятной быстротою» (*Лесков Н. С. Честное слово*. М., 1988. С. 93). Справедливо замечание комментатора, указавшего на причины крайне болезненной общественной реакции на эту заметку, после которой автор должен был спешно покинуть Петербург и долгие годы носить незаслуженную репутацию мракобеса: «На нынешний взгляд, эта статья представляется естественнейшим и логичнейшим поступком нормального гражданина, предлагающего свою помощь в бедствии и требующего, чтобы темные слухи об этом бедствии были либо официально опровергнуты, либо официально подтверждены. <...> Лесков <...> потребовал только одного: гласности. Однако в горячечной обстановке 1862 г. в гласности не был заинтересован никто: ни реакционные круги, <...> ни круги революционные и либеральные <...>» (*Лесков Н. С. Честное слово*. М., 1988. С. 328-329).

Таким образом, личные дневниковые записи старорусского полицейского оказались полнее многочисленных юбилейных материалов.

Скарятин, правда, вспомнил дело о сгоревшем госпитале в мае 1863 г., сделав запрос в соответствующее ведомство. Этот документ обнаружить не удалось, однако сохранился ответ столоначальника (без даты): «На замечание Его Превосходительства господина начальника губернии, сделанное на журнале 2 стола за 16 число мая по делу о пожаре в госпитале: «объяснить, почему с сентября по май-месяц дело без движения лежало в губернском правлении 8 месяцев», первое отделение имеет честь объяснить. Медленность в докладе дел и большое накопление оных, а равно запущение в канцелярских книгах и в производстве самых дел вкоренилось в этом отделении за многие прошлые годы, и хотя к восстановлению порядка и успела: с начала 1862 г. вновь поступивший советник Дорофеевский прилагал и прилагает с энергическою настойчивостью по долгу чести и присяги все свое усердие, но при неспособности и нерадении бывших столоначальников: Петровского, Амассийского, Любимова, Георгиевского, помощников: Покровского, Ставеря и Фикссона – достигнуть цели было невозможно: все эти канцелярские чиновники постепенно в продолжение года сменены или уволены, и в настоящем году во 2-ой стол поступили столоначальником Миронов, 6 марта, и помощником Герасимов, 29 апреля; при этих лицах по 2 столу, буде они в усердии их не ослабнут, можно ожидать более исправности в докладе и в порядке дел» (*ГАНО*. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1473. Л. 125).

Документ поражает некоторой дерзостью: М. А. Дорофеевский свалил вину на нерадивых подчиненных и прямо написал, что никто губернаторским запросом заниматься не будет. Возможно, тон обусловлен тем, что чиновнику было известно, что губернатор покинет свой пост, а потому с ним можно «не церемониться». Так или иначе, дело о сгоревшем военном госпитале, которое могло стать одним из громких преступлений, не было доведено до конца.

* * *

Ланге... Михаил Иванович, майор, в 1862 г. – полицмейстер в Новгороде, один из главных организаторов праздника. Выше мы привели некоторые рапорты Ланге, в которых обсуждались вопросы обеспечения безопасности торжеств. В *ГАНО* хранится еще один документ, написанный им перед праздником.

19 июня 1862 года, за три неполных месяца до торжества, Ланге составил «секретный рапорт», который адресовал полковнику А. А. Буцковскому (Бутковскому), в 1862 г. – штаб-офицеру корпуса жандармов Новгородской губернии. Рапорт сохранился в копии, отосланной вместе с сопро-

водительным письмом к Скарятину 24 июля 1862 г. (см.: *ГАНО*. Ф. 138. Д. 2250. Л. 252-255 об.).

Ланге в своем рапорте охарактеризовал художественные и публицистические тексты о Новгороде 1859-1862 гг., коснувшись главным образом стихотворений о новгородских чиновниках. Забегая вперед, необходимо отметить: рапорт Ланге позволяет дополнить литературу о новгородском крае несколькими текстами (ниже мы подробнее остановимся на некоторых из них).

Перед нами особая оценка литературы о Новгороде, исходящая от местного жителя; предстоящий юбилей, когда соберутся многие высшие лица империи, только усиливал законное чувство сообщить объективную картину.

Такое понимание документа окажется, однако, однобоким. Если Ланге хотел представить реальную картину новгородской действительности, то почему он адресовал свой рапорт не в столичное ведомство, а новгородскому же жандарму и губернатору? И почему предпочел написать именно секретный, т.е. адресованный лишь двум людям, документ?

Итак, в начале он заявил о намерении охарактеризовать целое направление в литературе огромной страны:

«Нет сомнения, что обличительная литература способствует правильному развитию общественной жизни, стараясь выказать наружу предосудительные и несообразные с понятиями о чести, совести, справедливости и благонамеренности проявления человеческой деятельности. Право вразумления и обличения должно принадлежать исключительно тому, кого общественное мнение поставило на высшую степень уважения, чей авторитет не был еще помрачен действиями, могущими навести хотя тень сомнения на нравственные его достоинства. Кажется, что при этих условиях редакторы периодических изданий не могли бы затрудниться в удачном выборе благонамеренных корреспондентов в провинциях».

Отметив полезность «обличительного направления», которое способствует правильному развитию общественной жизни, Ланге тут же подверг его сомнению, поставив вопрос о «праве вразумления». Он не развил мысли об авторитетных людях, которые должны указывать на перегибы в нравах общества, но подробно остановился на характеристике тех, которые выбраны редакторами столичных изданий для работы в Новгороде:

«Но, к крайнему сожалению, по большей части выбор этот падает на лиц особой касты, специалистов по части литературы по преимуществу по должности, а не по призванию; одним словом, не педагогов; которые, сосредотачиваясь в своем кругу, изолированные от всего остального общества, по внутреннему убеждению в собственном своем ученом достоинстве

пожелают сблизиться с ним и даже презирают его, оттого что усвоенные ими неловкие приемы в обращении кажутся смешными в обществе. Но чтобы не сделаться бездеятельными корреспондентами и чрез то потерять материальных своих выгод, они спешат собирать сведения на улицах и базарах, прислушиваясь к площадным толкам и глядя с желчной точки зрения на предметы, стараются наполнить свою корреспонденцию свежими новостями о состоянии и действиях общества, в составе которого они не участвуют; обычаи и направление которого им вообще неизвестно. Это для них чуждый мир, о котором они пишут гадательно, по вдохновению».

Широкий размах, заявленный в начале рапорта, все более и более сужается по ходу чтения. Рисуя обобщенный портрет «лиц особой касты», Ланге намекнул Буцковскому на существование в Новгороде целой организации, презирающей современное общество. Это заявление не могло не заинтересовать жандарма.

Вряд ли случайно, что, характеризуя этих людей, Ланге упомянул о педагогике. Жандарм Буцковский, за неделю до получения рапорта от Ланге, написал свой рапорт (датированный 13 июня 1862 г.) о настроениях в Новгородской мужской гимназии, отправленный в Петербург вышестоящему начальству. В нем он писал: «Я не мог не заметить еще с прошедшего года, что некоторые из молодых учителей Новгородской гимназии весьма свободно выражают идеи социализма и неуважение к правительству, дозволяя себе это даже в публичных местах <...> некоторые родители гимназистов жаловались, что их дети распевают дома революционные песни; у 16-ти летнего гимназиста П. Ланге, сына местного полицмейстера, была обнаружена тетрадь стихов, наполненных самых отчаянных революционных направлений» (*Цит. по: Дьяков В. А., Фильдус В. Е. Революционные кружки в Новгороде в 1859-1863 гг. // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1962. С. 502, 503*). Можно предположить, что новгородский полицмейстер сообщил о своих подозрениях сначала в личной беседе, а потом оформил их в «секретный рапорт».

«Молодые учителя» Новгородской мужской гимназии Н. К. Отто и И. К. Куприянов, составившие ядро «революционного кружка», оказались активными участниками праздника, отметившись в 1862 г. сразу двумя книгами.

Николай Карлович Отто – учитель истории Новгородской мужской гимназии, корреспондент нескольких столичных изданий. В 1857 г. он издал одну учебную книгу (см.: Латинская хрестоматия, составленная Николаем Отто, учителем Новгородской гимназии. СПб., 1857). Годом позднее стал активно сотрудничать в «Санкт-Петербургских ведомостях», потом – в газетах «Русский дневник» и «Северная пчела». В середине 1860-х гг. он

написал две статьи об истории образовательных учреждений на северо-западе России (см.: История новгородской дирекции до 1828 г. // Приложение к «Журналу Министерства народного просвещения». 1865. Ч. 128; Вологодская дирекция училищ до 1850 г. // Приложение к «Журналу Министерства народного просвещения». 1866. Ч. 132). См. о нем в «Автобиографии» Н. И. Костомарова: «Он был немец по происхождению и по религии, но по своим национальным симпатиям – глубоко-русский человек, много раз более русский, чем значительная часть людей, принадлежащих к русской крови. Как учитель гимназии он пользовался хорошей репутацией толкового преподавателя и основательно знающего свой предмет – историю; но в его личности было что-то странное. <...> Отто казался мне одним из симпатичнейших людей, с какими мне случалось встречаться; я его полюбил от души <...> Через несколько лет до меня дошли слухи <...>: Отто впал в душевную болезнь и был заключен в дом умалишенных, но, к счастью, скоро умер» (Литературное наследие Н. И. Костомарова. СПб., 1890. С. 147-148).

Ланге не упомянул имени Отто, однако именно он стал одним из главных героев рапорта полицмейстера. Его злободневные корреспонденции вынудили даже губернатора Филипповича написать министру просвещения Ковалевскому:

«Ваше Высокопрев.<осходительство> милостивый государь
Евграф Петрович!

С некоторого времени в С.-Петербургских ведомостях по отделу внутренних известий начали появляться статьи под рубрикою *Вести из Новгорода*. Статьи эти, обозначенные вместо подписи буквами Н. О., приписывают одному из учителей здешней гимназии г-ну Отто. Отдавая автору полную справедливость в искусстве свободно владеть пером, нельзя, к сожалению, не заметить, что во взгляде его на вещи преобладает дух всеобщего порицания без всякого уважения к истине, чему примером служат в особенности две статьи. Из них одна заключает в себе описание концерта, данного любителями в пользу бедных, нумера не упомяну, а другая помещена в № 260 С. П. ведомостей. В первой автор обличает новгородских дам в страсти к нарядам, разорительной для отцов и мужей, а во второй обвиняет их в необузданном стремлении к карточной игре, причем они будто бы *забывают хозяйство, детей и все что может быть близко и дорого их сердцу*. Затем обращается к нескольким спектаклям, данным тоже любителями в пользу детского приюта, который, несмотря на желание начальства и публики, все еще не открывается по недостатку собранного на этот предмет капитала, – г. Отто нашел нужным сначала осудить самое намерение лиц, участвующих в представлениях единственно с благотворительною

целью, столь достойною признательности и уважения всех и каждого. А потом, решив подвергнуть их такому же строгому разбору, какой критики позволяют себе иногда при оценке искусства актеров Императорского театра, не заботясь даже о приличном выборе своих выражений. Например, говоря о роли Свахи в комедии Гоголя Женитьба, исполненной весьма удовлетворительно княгиней Мышецкою, он прилагает к ней эпитеты *разбитности* и *вертлявости*, и вообще называя любителей без церемоний актерами, утверждает, что *исключительным мотивом их в сем случае было: суетное тщеславие и желание блеснуть.*

Чтобы определить степень неприличия и, могу сказать, дерзости, заключающейся в статьях г. Отто относительно новгородского общества, долгом считаю пояснить, что г. Отто при всей своей учености по-видимому не получил того образования, которое называется воспитанием, и которое, в соединении с благородным беспристрастием, давало бы ему средства правильно судить о возвышенных побуждениях людей, скрывающих нередко свои чувства под личиною равнодушия и беззаботности. Скажу более, г. Отто, живя одиноким дикарем вне всякого соприкосновения с общественной жизнью*, как он говорит сам и как подтверждает г. директор гимназии, видел наших дам чужими глазами, слушал их суждения чужими ушами, изучал их наклонности чужою наблюдательностию.

Ежели бы замечания г. Отто касались меня, моих распоряжений или вообще городского управления, то я, конечно, с признательностию обратил бы внимание на его слова, в которых мог бы иногда почерпнуть что-нибудь и полезное, но в настоящем случае, встретив в его статьях неуместные выходы против воображаемых пороков наших достойных уважения дам, я счел обязанностию защитить их от незаслуженного оскорбления, нанесенного им пред всею читающею Россиею. Доводя о вышесказанном до сведения Вашего Высокопрев.<осходительства> и ходатайствуя о принятии мер, способных предотвратить на будущее время нелюбезные выходы новгородского корреспондента С. П. ведомостей, я посчитал бы дозволение мне просматривать те статьи, в которых г. Отто снова пожелает коснуться нравственной стороны нашего общества.

С истинным уважением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Высокопрев.<осходительства>

<Канцелярская помета:> Подлинное подписал генерал-лейтенант Филиппович.

14 декабря 1858» (ГАОУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1813).

---

* Г. Отто я никогда не видал ни у меня в доме, ни у моих знакомых.

Просьба губернатора, по всей видимости, была услышана: новгородские статьи Отто в «Ведомостях» позднее не публиковались.

Корреспонденции Отто вспомнил в своем рапорте и Ланге: «...стоит только заглянуть в «Русский дневник» (прекратившееся издание), «С.-Петербургские ведомости», «Северную пчелу», «Искру», «Русский мир» и «Гудок», в которых под фирмами: *Дяди Пахома* (псевдоним И. П. Можайского – *сост.*), *Новгородца*, *Литератора-Обывателя* и *Обличительного поэта* (два последних – псевдонимы И. П. Можайского – *сост.*) помещаемы были статьи о направлении, действиях и обычаях новгородского общества и отдельно некоторых из его членов в таком безобразном и неестественном виде, какого даже вовсе нигде и никогда не могло существовать. Но заявление печатно небывалых событий, сплетней и клеветы легко может поселить в читающей публике если не совершенное убеждение, то, по крайней мере, сомнение в возможности существования заявляемых публично событий.

В последнее время действия журнальных корреспондентов Новгорода принимают уже вид посягательства на оскорбление чести служащих лиц, передавая именем священной гласности на общественный суд позорную клевету и ядовитый вымысел, облакая их в формы правдоподобия.

Люди в начале 1860-х гг. жили чувством обновления, которое сопровождалось стремлением разорвать связи с тяготившим прошлым. Это чувство рождало особое восприятие русской истории, заостренное выраженное критиком Д. И. Писаревым: «...мы не думаем, чтобы мыслящий историк мог в истории московского государства до Петра подметить какие-нибудь симптомы народной жизни, мы не думаем, чтобы он нашел в ней что-нибудь, кроме жалкого, подавленного прозябания. Мы не думаем, чтобы мыслящий гражданин России мог смотреть на прошедшее своей родины без горести и без отвращения; нам не на что оглядываться, нам в прошедшем гордиться нечем; мы молоды как народ, и если счастье дастся нам в руки, так не иначе как в будущем, впереди, в неизвестной, заманчивой, голубой дали» (*Писарев Д. И.* Бедная русская мысль («Наука и литература в России при Петре Великом». Исследование П. Пекарского) // *Писарев Д. И.* Сочинения в четырех томах. Т. 2. Статьи 1862-1864. М., 1955. С. 66).

В новгородских письмах Отто обсуждались актуальные провинциальные проблемы; губернатор напрасно сводил эти корреспонденции лишь к «неуместным выходкам против наших достойных уважения дам» (хотя для большей убедительности упомянул имя жены губернского предводителя дворянства, отсутствующее в соответствующем «Письме из Новгорода»).

Отто, например, констатировал: «...в простом народе у нас более проявляется расположение к легкому труду, оттого нередко встречаем дю-

жего сильного парня, который мог бы быть отличным работником, с сайками, калачами, пряниками; оттого здоровый мужик охотнее пойдет служить половым в трактир, целовальником в кабак, сидельцем в лавку, чем примется за более серьезный труд. И между большинством городского населения развита и развивается страсть ко всякого рода мелочной торговле. Оттого происходит эта крайняя бедность и нищета, на которую приносит жалобы наш простой люд: слышишь зачастую горькую истину: “Жить нечем, кой-как перебиваемся”. Индустриальной деятельности вообще не видно, и потому невольно вспомнишь, например, небольшие местечки и города на финляндском берегу, где в каждом доме увидите или ткацкой станок, или приготовление шляп, или выделку посуды и прочее. <...> Как осязательное доказательство праздности можно привести то, что всякое происшествие, иногда даже самое незначительное, привлекает толпы любопытных: свадьба ли где, или похороны, выкинуло ли из трубы где-нибудь или с барабанным боем проходят солдаты, или качают на берегу утопленника – и народ сломя голову бежит туда, как будто от того зависит его участь. Это любопытство движет и малого и старого: какая-нибудь ветхая, разваливающаяся старушка, и та сочтет непременно обязанностью сходить посмотреть покойника, пощупать ножки гроба, заглянуть снизу, обито ли дно материею или нет и т. д.

<...> Между тем наша жизнь провинциальная совершается и идет своим старым, торным путем – путем, который проложили деды, путем, который, как говорится, не при нас начался и не нами кончится. Эта дремлющая губернская жизнь разнообразится и прерывается так называемыми «битвами на зеленом поле», большими очаровательными вечерами новейших опытов физики и магии, данными каким-то престижиджатором (от *франц.* prestidigitateur – фокусник) Гранмалем, артистом, прибывшим сюда с Сандвичевых островов и из путешествий по Востоку и Китаю, и благотворительными спектаклями здешних дилетантов в зале дворянского собрания. Оставив в стороне престижиджатора Гранмаля, коснемся битв на зеленом поле и домашних спектаклей, как пунктов более важных.

<...> Чем более живешь, тем более убеждаешься и видишь, что карты и ломберные столы составляют для многих отраду жизни, ее главную основу, без которой и жизнь будет не в жизнь. Лишить их этого удовольствия и занятия то же самое, что отнять все книги у ученого, лишить солдата оружия и корабль парусов. <...> И не только мужчины, но и многие дамы здешнего общества любят игру в карты до безумия, забывая детей, хозяйство и все, что, кажется, должно бы быть близко и дорого их сердцу: они готовы просиживать вечера до глубокой ночи, тасуя, сдавая, козыряя и

проч. И все это делается и происходит вследствие того убеждения, что жизнь не может идти иначе.

<...> Скажем, наконец, два-три слова о спектаклях, данных с благотворительной целью здешними любителями в зале дворянского собрания. В обществе укоренилось странное убеждение, что если какие-нибудь спектакли даются в пользу бедных и приютов, то артисты, принимающие участие в них, не подлежат никакому суду, никакой критике, на том основании, что они не записные актеры, не актеры *ex officio* и *professo* (по должности и профессии – *лат.*). Сколько нам кажется, убеждение это ложно. Спросите себя, положив руку на сердце, одна ли любовь к ближнему была исключительным мотивом в этом случае? не было ли еще чего-нибудь, например, желания блеснуть, не было ли тут суетного желания, тщеславия? Загляните поглубже к себе в сердце. Сделав эту оговорку, перейдем к спектаклям. Сначала дано было несколько пьес: “Путаница”, “Гони любовь хоть в дверь, она войдет в окно” и проч., наконец, здешними дилетантами была сыграна комедия Гоголя “Женитьба”, произведение классическое, проникнутое высоким комизмом. В актерах много было усердия во время самой игры, но этого еще мало: надо было глубоко изучить, понять роль и тогда только выходить на сцену, а то, слушая некоторые, в высшей степени забавные места пьесы из уст некоторых артистов, публика даже не улыбнулась, а отчего? Оттого, что артист походил совершенно на ученика, наскоро заучившего урок и так же скоро отвечающего его учителю, чтобы только избавиться и с плеч свалить. Некоторые роли не были как следует выдержаны с начала до конца. *Tête à tête* между Агафьей Тихоновной и Подколесиным был уже чересчур натянут и пересолен. В свахе Фекле Ивановне много было разбитности и вертлявости и, вообще говоря, дух, жизнь пьесы остались не поняты играющими» (*СПб.* 1858. № 260. 27 ноября).

А вот – «Письмо из Новгорода» из упомянутой Ланге газеты «Русский мир»: «Сожалею, что до сих пор я еще ничего не сообщал в ваш журнал о нашем городе. Впрочем, теперь, я думаю, это будет особенно кстати, так как он, собираясь праздновать свое тысячелетие, заметно гонится за современностью и в самое короткое время как будто бы хочет наверстать свою отсталость от других городов на пути прогресса. Теперь вы можете поздравить нас с открытием Статистического комитета, бесплатной ежедневной школы, клуба соединенного общества и с почти оконченным проектом общества взаимного вспоможения чиновников. Скажу несколько слов об этих учреждениях, не касаясь их цели, которая, без всякого сомнения, хороша, а преимущественно обращая внимание на то, в какой мере она может быть у нас выполнена. Начнем же с Статистического комитета, который со времени своего открытия (более четырех месяцев) имел всего два

или три заседания. Всякий согласится со мною, что душой его в провинции, где почти нет людей, специально занимающихся статистикой, должен быть секретарь – главный распорядитель и руководитель всех занятий; судя по тому, что статистических комитетов предполагается у нас много, а хороших секретарей по этой части найти трудно, надо думать, что еще долгое время некоторые из статистических комитетов будут существовать у нас только на бумаге, как существовали до сих пор, поглощая ежегодно известную отпускаемую правительством сумму и не принося никакой пользы. Перейду теперь ко вновь открытой ежедневной бесплатной школе, которая на бумаге также вероятно будет лучше, нежели в действительности. Школа эта открыта в предместьи города, называемом Антониевскою Слободою, в квартире, нанимаемой на пожертвованную благодетелями сумму. В ней обучаются малолетние дети – мальчики и девочки, обучают же послушники вблизи лежащего Антониева монастыря под наблюдением профессоров семинарии. Основываясь на том, что все вообще наши приходские учителя весьма плохи, так как вовсе не приготовлены к этому званию, требующему искусства, опытности и главное – совершенного самопожертвования, которое возможно только при известной степени образования, легко предположить, что и это училище будет не лучше других в этом роде, тем более, что учителям за преподавание не назначено приличного вознаграждения. Лучшим же доказательством того, как худо идет у нас дело без вознаграждения за труды, могут служить воскресные школы, падающие одна за другою, между тем как при плате учителям за уроки они могли бы идти, как и все другие учебные заведения, обеспеченные в своем существовании денежными средствами. Конечно, падение их объясняется обыкновенно другими причинами более серьезными и высокими, нежели денежные расчеты, но если вникнуть в дело, то, по крайней мере, у нас в провинции, без денежных средств, трудно еще рассчитывать на какое-либо учебное заведение, удовлетворяющее современному развитию педагогики» (Письмо из Новгорода // Русский мир. 1862. № 16. 28 апреля. Подпись – Новгородец).

И так дальше. Любое нововведение разбивается (или непременно разобьется) о реалии провинциального города.

Корреспондент «Русского мира» заканчивает свое письмо ироничным замечанием в адрес местных жителей, которое позднее, в дни торжеств, повторили многие гости: «...все новгородцы с нетерпением ждут открытия памятника тысячелетию России. Говорят, некоторые домовладельцы не отдают уже своих квартир в ожидании дорогих гостей, – дорогих в том смысле, что за несколько недель они заплатят за квартиру гораздо дороже, нежели в обыкновенное время заплатили бы за год, другие – уже

заготавливают лес, чтобы выстроить с тою же целью флигеля и бараки. Во многих старых домах уже и теперь заметна перемена к лучшему; большая часть ветхих заборов заменена новыми; с открытием же весны начнется исправление и мощенье улиц; словом, наш патриарх готовится проснуться от своего долгого сна в облагороженном виде» (Там же).

Упомянутые Ланге стихи публиковались в сатирических журналах (называемых в то время «листочками»); они приобрели особенную популярность в «эпоху реформ». Эти издания не боялись разоблачений, при этом часто сгущали картину общественного неустройства и чиновничьего произвола.

Автором стихов на новгородскую тему был Иван Павлович Можайский (1830?-1893), в 1862 г. он служил штатным смотрителем новгородских училищ.

«В № 19 «Гудка» *Обличительный поэт* в песне своей сетует о прекратившихся поборах с откупа и подрядчиков и проч. для бывшего губернатора Филипповича, которого служба была нам всем известна, честна и безукоризненна, и намекает, что в настоящее время поборы сделаются тяжелее».

Вот – текст упомянутой песни:

Прощальная песнь Филимона (Мандарина)

Прощаясь, ангел мой, с тобою,
Прощаюсь с счастьем моим;
Увы, мне суждено судьбою
Под сводом неба жить иным.

Русская песня.

Прощаясь, город мой, с тобою,
Прощусь с доходом я моим;
Теперь мне суждено судьбою
Жить пансионом лишь одним!

Настал последний час разлуки,
Прости же, город мой, прости,
В тебе не греть мне больше руки,
Не быть по-прежнему в чести!

Уж откуп мне платить не станет,
Подрядчик мне не подарит,
И на меня с презреньем взглянет,
Кто прежде мне, бывало, льстил.

Люблю, люблю, любить век буду,
Куда бы рок меня не вел,

Тебя, мой город, не забуду:
Здесь капитал я приобрел.

Но ведь и ты меня вспомнешь:
Узнав сановников иных,
На мой чертог уныло взглянешь
И скажешь: «он брал меньше их!»

(Гудок. 1862. №20. В своем рапорте Ланге ошибочно указал номер листка, а также псевдоним автора. В журнале стихотворение подписано: «Литератор-обыватель»).

Любопытен эпиграф к «Прощальной песне». Источник его установить не удалось, однако вряд ли он восходит к фольклору – такие осложненные конструкции («прощаясь – прощаюсь») для него нехарактерны.

Известны записи народных песен, куда входят первые два стиха четверостишия. Они относятся уже к XX веку; тяжеловесная конструкция заменена благозвучной анафорой, ср., например:

Погасло солнце за горою
Сидит казачка у ворот,
Она сидит и горько плачет,
И льются слезы из очей.
– Прощаюсь, ангел мой, с тобою,
Прощаюсь, счастье мое,
Ты едешь от меня далеко,
Быть может, едешь, милый, навсегда.
И солнце греть меня уже не будет,
И ночь росой меня не освежит,
Зарей меня уже не нарумянит,
И ночь меня не усыпит

(Багизбаева М. М. Фольклор семиреченских казаков. Часть 2. Алма-Ата, 1979. № 275. Ср.: Городские песни, баллады и романсы. М., 1999. № 185).

Скорее всего, текст этот мог восходить к жанру прощальной песни, распространенному в институтах благородных девиц, где между воспитанницами было распространено обращение «мой ангел». В институтской среде прощальные песни не имели, естественно, выражения такого обостренного чувства девушки, которая расставалась со своим возлюбленным. Нет его и в стихотворении Можайского. Но, учитывая возможное происхождение эпиграфа, чувство героя к городу («люблю, люблю, любить век буду») приобретает особый смысл.

Уходящий на покой престарелый чиновник сопоставлен здесь с оторванной от жизни институткой (образ, в литературе этого времени имевший устойчивые характеристики), а весь чиновничий мир – с миром инсти-

тута благородных девиц с надуманными ценностями. Трагедией для чиновника оказывается не только то, что негде будет «нагреть руки», а изолированность от привычной жизни, наполненной взаимной «любви» (в чем-то напоминающей институтское «обожание»). Годом позднее после появления этого стихотворения М. Е. Салтыков-Щедрин опубликовал очерк с характерным заглавием «Прощаюсь, ангел мой, с тобою!» (позднее включенный в цикл «Помпадурсы и помпадурши»). Героем его становится некий губернский чиновник, который чувствует «сожаление о смене любимого начальника», сменяющимся «надеждою на присылку другого любимого начальника» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 8. М., 1969. С. 13*).

Другое стихотворение, опубликованное в том же журнале, по мнению Ланге, коснулось лично его.

«В № 18 “Гудка” Литератор-Обыватель изложил подвиги новгородского полицмейстера в статье под заглавием “Волховский хамелеон”, где описаны поборы с откупа с трактиров, харчевен, приобретение новых венгерки и шубы, экипажей, лошадей и умышленное допущение воровства». Вот – текст этого стихотворения:

Узнав нужду и голод,
Побывши под судом,
На службу он в наш город
Приехал бедняком.

В венгерке постаревшей
Сред горя и забот,
В шинельке порыжевшей
От бурь и непогод.

Сейчас же для поправки
Он откуп поприжал,
Пугнул трактиры, лавки,
Воров помуштровал.

И вот коней ретивых,
Глядишь, добыл как раз,
И в саночках красивых
Стал ездить, развалясь,

Венгерка обновилась,
И в несколько недель
Уж шубой заменилась
Убогая шинель.

И все своим порядком
Пошло с поправки той,
Благодаря лошадкам
И шубе дорогой.

Вся мерзость, как бывало,
Всплыла наружу вновь,
И даже больше стало
И пьяниц, и воров.

Рассмотреть эти стихотворения как клевету именно на новгородского губернатора и полицмейстера возможно лишь в пределах ограниченного локуса: здесь не указан ни конкретный город (лишь во втором случае – город на Волхове), ни должность героя. Это без труда вычитывается из текста, но конкретная личность угадывается только в том случае, если его герой каждый день перед глазами, известно его прошлое, его свершения на ответственном посту и пр. Если бы рапорт Ланге прочитал, например, вышестоящий петербургский чиновник, то автор донесения мог оказаться в весьма двусмысленной ситуации. Сообщая о порочащих его слухах, Ланге своим рапортом лишь подтвердил бы их справедливость.

Подобные случаи, когда рассерженный «обличениями» чиновник обращался с жалобами к вышестоящему начальству, впоследствии оказавшимися бесполезными, были описаны уже в то время. Приведем один показательный пример.

В 1858 г. в «Современнике» была опубликована повесть екатеринославского писателя В. Н. Елагина «Откупное дело», которая задела многих местных чиновников. Один из них написал жалобу на имя министра просвещения, в которой сетовал, и даже угрожал: «У какой власти должны оскорбленные личности, почитая себя обиженными, искать суда и расправы? И ежели правительство попускает подобного рода оскорбления, за которые законного защищения найдти негде, то казалось бы, по крайней мере, справедливым не воспрещать поединков и оставлять самоуправство безнаказанным <...> мы узнаем «Ревизора» Гоголя в более широком раз- мере! Еще немного, и другой цензор, – конечно, в С.-Петербурге этого не допустят, – разрешит к печати новую статью, в которой главными пред- метами типических изображений будете уже вы, гг. министры!» (Цит. по: Ис- торические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 108-109). Министр народного просвещения Е. П. Ковалевский, рассмотрев эту жалобу, не наказал даже петербургского цензора, «которому мудрено было понять междустрочное значение пропущенной повести» (Там же. С. 109). Новго- родский полицмейстер мог оказаться в подобной ситуации.

«Служа честно и безукоризненно и доказывая в течение десяти месяцев беспристрастность и законность своих действий, новгородский полицмейстер смеет надеется, что Его Высокоблагородие г-н полковник корпуса жандармов Александр Андреевич Буцковский примет живое участие в незаслуженном оскорблении служащих лиц, так как обстоятельства совершающихся в Новгороде дел ему вполне известны и не могут быть скрыты от наблюдательного и беспристрастного его взгляда, а потому имеет честь покорнейше просить истребовать от гг. издателей “Искры” и “Гудка” имена корреспондентов, сообщивших упомянутые три статьи, дабы новгородский полицмейстер, не имея за собою никаких противозаконных и постыдных побуждений, мог требовать формального и законного удовлетворения за возведенные клеветы и поношение чести».

Этим полицмейстер не ограничился, раскрывая свое истинное намерение ниже: «При этом нельзя не обратить внимание на необыкновенную деятельность и особое участие в появлении упомянутых оскорбительных статей со стороны новгородского уездного врача Способина, имеющего близкие сношения с педагогическим кругом по связям родства и дружбы. К этому убеждению могут привести следующие обстоятельства». И далее – конкретные преступления, которые сведены полицмейстером в четыре пункта:

«1. г-н Способин в начале октября 1860 г., при освидетельствовании заеденной собаками с мызы г. Боршова 12-летней крестьянской девочки Василисы Петровой составил подложный акт, который хотя и уничтожил; но по подобранным и сложенным остаткам, вследствие протеста уездного стряпчего, было произведено формальное следствие, которое, по распоряжению г-на Филипповича, передано на рассмотрение палате Уголовного суда. Следовательно, у г. Способина имеется достаточно причин быть недовольным действиями против него бывшего г. губернатора – в особенности за неуваженное им представление врачебной управы о награде г-на Способина, неизвестно только за какие подвиги, орденом св. Станислава 2-ой степени.

2. Розыски г-на Способина в делах губернской канцелярии и требования его о сообщении ему сведений, относящихся до представлений и действий новгородского полицмейстера и секретных ему поручениях. Но главное всего, о сообщении ему сведений о прежней службе полицмейстера, и, наконец,

<3>. Публичное заявление г. Способиним в канцелярии губернатора о своем недоумении, *отчего в библиотеке клуба из журналов “Искра” и “Гудок” вырываются именно те листки, в которых напечатаны обличи-*

тельные статьи на новгородского полицмейстера и бывшего губернатора г. Филипповича.

<4>. Г. Способин, являясь часто в канцелярию начальника губернии, спрашивал о мне: “Здесь волховский хамелеон?”»

Трудно понять мотивы Г. И. Способина, воспрепятствовавшего правосудию. Однако сообщенные факты были хорошо известны не только новгородскому полицмейстеру, но и в столице. Вот что писал о служебной деятельности новгородских врачей Н. К. Отто: «Если в числе врачей и находятся уездные, то они преимущественно заняты вскрытием трупов, присутствуют при следствиях, и потому в глазах крестьян получают значение скорее чиновников, нежели врачей. К тому же народ наш считает анатомирование чуть ли не делом богомерзким и, называя его потрошением, с ужасом и омерзением смотрит как на самый процесс, так и на врача, вооруженного анатомическим ножом. Поэтому к врачу он и не прибегнет, а скорее обрадуется коновалу, который всегда пользуется большим народным доверием. Правду сказать, наши доктора тоже, с своей стороны, выражают мало сочувствия к болящей страждущей меньшей братии. Вот, например, случай. Года три тому назад собаки растерзали крестьянскую девушку и загрызли до полусмерти женщину. Последняя, однако, была исторгнута из челюстей псов прохожими и принесена в деревню. Вскоре началось следствие. Чиновники и доктор приезжали свидетельствовать девушку, но помощи никакой не было оказано, и она была принуждена лечиться сама, как знала» (*Отто Н.* Заметки о новгородской статистике. По поводу издания «Памятной книжки Новгородской губернии на 1862 год» // *Снч.* 1863. №105. 22 апреля).

Оценка периодики, о которой заявил Ланге в первых строках своего рапорта, оборачивается доносом на уездного врача. При этом показательно, что в это же время Ланге составил два списка подозрительных жителей Новгорода, на которых следовало обратить особое внимание во время праздника. Первый включал в себя уголовников (в него Способин не мог войти), второй же – «Список лиц, проживающих в Новгороде и по своим наклонностям признанных полициею вредными, во время открытия памятника Тысячелетию России» – также не включал имени уездного врача.

Местный поэт Николай Кулжинский в своем стихотворении «Новгород», опубликованном в местных «Ведомостях» через две недели после праздника, не удержался от пожеланий «тысячелетней старушке»:

Сегодня празднуешь свой юбилей, Россия,
Тысячелетняя старушка – наша мать!
И сердцу русскому твои все дни былые
О многом, многом нынче говорят.

Ты как дитя росла и как дитя болела;
 Но выросла уже, окрепла, наконец!
 И над твоей главой звезда уж засветлела
 Невзгодам, кажется, пришел уже конец!

<...> Желаю я потом, чтобы сыны твои
 Избавились скорей от обаянья мод,
 Которые (от платья до души)
 Зловредствуют на твой честной народ...

Желаю я еще, чтоб все мы поняли
 Что дорогой наш царь передовой к добру!
 Чтоб руки скорей друг другу подали, –
 За труд взялися бы, не жили на юру!

Желаю наконец, чтобы скорей, скорей
 Чувство законности проникнуло бы нас;
 И чтоб мы были бы честней, честней, честней
 Во глубине души, не только напоказ!..

Довольно!.. Не в силах пресказать все то
 Что сердце шевелит, что сладко так желать!
 Теперь же, русские, скажу я от души:
 Да осенит нас всех святая благодать!

(*Нзв.* 1862. № 39 от 29 сентября. Отдел II. Часть неофициальная).

Местный вития не удержался от упоминания «зловредствующих сынов»: на фоне тысячелетней истории государства заявленная проблема может показаться чересчур мелкой. Между тем, несмотря на откровенно слабые художественные особенности, стихотворение дает почувствовать остроту противостояния местных либералов и чиновников.

* * *

...ген.<ерала> жанд.<армского> Диренякина... Александр Михайлович Дренякин (1812-1894).

Лерхе... Эдуард Васильевич Лерхе (1823-1889), новгородский губернатор (1865-1882), почетный гражданин Новгорода. В 1862 г. – начальник Калужской губернии. Его жена – Елизавета Васильевна, в описываемое время – директриса женского отделения общества попечительного о тюрьмах (См.: Памятная книжка Новгородской губернии на 1862 год. Новгород, 1862. С. 14).

О Лерхе сохранились противоречивые отклики современников. Новгородский краевед А. Г. Слезский посвятил ему специальный очерк

(см.: Эдуард Васильевич Лерхе (К характеристике его деятельности) // *РС*. 1898. Т. 95. №8); Н. Н. Фирсов оставил негативную оценку его личности и деятельности: «Он (Лерхе – *сост.*) благоговейно старался исполнять не только предначертания, но и предупреждать желания данного министра и начальника его канцелярии. Хотя случалось, что, усердствуя не по разуму, иногда оправдывал русскую поговорку об усердии до расшибания лба при молитве. Но промахи эти охотно прощались министрами».

Мемуарист не без иронии вспоминал об одном распоряжении губернатора Лерхе: «...Эдуард Васильевич гордился первой мерой, которую принял, водворяясь губернатором в Новгороде. А именно: он предложил городской думе постоянно от захода до восхода солнца держать огонь в фонарях, окружающих монумент тысячелетия. “В летние и лунные ночи остальные фонари на улицах не зажигаются. – Ну, а у монумента всегда горят. Надо же делать различие”, – мотивировал он свое распоряжение» (Фирсов Н. Н. (*Л. Рускин*) Силуэты времени реформ (Воспоминания шестидесятника) // *ИВ*. 1910. № 3. С. 866; эскиз фонарного столба сохранился среди документов *ГАНО*). Ирония мемуариста по поводу этого распоряжения губернатора становится понятной после прочтения «Путеводителя» Куприянова, в котором автор уделял особенное внимание новгородским фонарям (которые освещают лишь сами себя) и опасности прогулок в ночное время (см.: *наст. изд.* С. 369-370).

...вышел государь <...> хорошо же поняли речь государя... Встреча императора с крестьянами планировалась задолго до праздника. 11 августа 1862 г. в адрес новгородского уездного предводителя дворянства В. Малевича было отправлено отношение из Министерства внутренних дел с предписанием: «Покорнейше прошу Выше Высокоблагородие для участия в торжественной встрече Государя Императора при открытии памятника Тысячелетия России сделать в самом непродолжительном времени распоряжение о приглашении гг. мировых посредников предводимого Вами уезда прибыть к 6 числу сентября в Новгород, если не представится только каких-либо особо уважительных по службе препятствий к тому. А также, через сношение с ними, вменить в обязанность и состоящим в участках их волостным старшинам, с одним от каждой волости сельским старостою, явиться в Новгород к пятому сентября в форменных кафтанах и с медалями» (*ГАНО*. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2250. Л. 74). Через три дня – уточнение предыдущего распоряжения: «... имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что в отношении Его Превосходительства от 11 августа <...>, коим призываются к 5 сентября в Новгород волостные старшины в форменных кафтанах, слово «в форменных» употреблено в отношении старшин и

старост временнообязанных крестьян ошибочно. И потому им следует явиться в приличных кафтанах с медалями» (Там же. Л. 108-108 об.).

Описанная встреча Александра II с новгородскими крестьянами, на которой император безуспешно пытался объяснить суть проведенной реформы, получила отражение не только в дневнике Новикова. Н. А. Качалов, в 1862 г. – белозерский уездный предводитель дворянства, писал в своих «Записках»: «В это время открывался торжественно в Новгороде памятник «Тысячелетие России». Присутствовал государь со всей царской фамилией, конечно, все власти, и были собраны с каждого уезда по несколько волостных старшин и сельских старост. В числе крестьян, особенно протестующих против неправильного толкования начальством царского положения, был наш крестьянин и сельский староста деревни Сташково Тимофеев, и я просил мирового посредника отправить его в Новгород, чтобы Тимофеев собственными ушами услышал от царя свои права. Действительно, государь при самой торжественной обстановке подробно объяснил старшинам и старостам их права и обязанности, и заключил, что более этого они не могут ничего ожидать. Казалось бы, Тимофеев должен бы был удовлетвориться, но оказалось другое. По возвращении домой он подробно передал все виденное и слышанное, но закончил, что говорил с ним не настоящий царь, а подставленный господами. Под руководством этого Тимофеева деревня Сташково завела со мной спор о наделах и спорила почти 20 лет» (*Качалов Н. А. Записки (Фрагменты) // Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX – нач. XX в. Великий Новгород, 2008. С. 334*).

Семенов... Василий Саввинович (?), пристав Новгородского уездного полицейского управления.

Родионов... Владимир Львович (?), стряпчий уголовных дел новгородского губернского прокурора.

Ветлицкий... Дмитрий Иванович (?), правитель канцелярии новгородского губернатора.

Фарафонов... Михаил Алексеевич (?), столоначальник в Новгородской удельной конторе.

...икет... карточная игра.

ИЗ САТИРИЧЕСКОГО ЛИСТКА «ГУДОК» ТОРЖЕСТВО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Печ. по: Гудок. 1862. № 35. Подпись – А. Н.

...стихотворений Кускова... Платон Александрович (1834-1909).

**ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»
ПИСЬМО НАШЕГО ВТОРОГО КОРРЕСПОНДЕНТА**

Печ. по: СО. 1862. № 220. 13 сентября.

...тамбур-мажор... тамбурмажор – «старший над музыкантами, барабанщиками в полку, ведущий шаг» (*Даль. Т. IV. С. 389*).

...позумент... «золотая, серебряная или мишурная (медная, оловянная) тесьма; золототканая лента, повязка, обшивка, оторочка; галун, гас» (*Даль. Т. III. С. 233*). Деталь форменного платья волостного старшины.

<А. В. ЭВАЛЬД>

ВСЕ И НИЧЕГО

Печ. по: ОЗ. 1862. №9. С. 143-167. Подпись: « – дъ. ».

Писатель и мемуарист Аркадий Васильевич Эвальд (1836-1898), см. о нем: Русские мемуары. Избранные страницы. 1826-1856. М., 1990. С. 611-616. Там же опубликованы отрывки из его воспоминаний (См.: С. 617-629). Эвальд – автор воспоминаний о Микешине (см.: *ИВ. 1897. Т. LXIX. С. 788-807*).

В *ГАНО* хранится официальное письмо из Министерства просвещения, датированное 28-м августа 1862 г. и адресованное губернатору Скарятину:

«Милостивый государь Владимир Яковлевич!

По приглашению редакции “С.-Петербургских академических ведомостей” один из сотрудников этой газеты, оставшей штабс-капитан Аркадий Васильевич Эвальд, принял на себя составление статьи о предстоящем в Новгороде открытии памятника Тысячелетию России.

Зная г.<осподина> Эвальда как писателя весьма даровитого и благонамеренного, обратившего на себя внимание прекрасною статьею «Учиться или не учиться» – я вменяю себе в долг покорнейше просить Ваше Превосходительство оказать г.<осподину> Эвальду Ваше покровительство и зави-

сящее от Вас, по званию начальника губернии, содействие по предпринятому им весьма похвальному труду к предстоящему в Новгороде открытию памятника Тысячелетию России» (*ГАОУ*. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2250. Л. 169).

Под газетой, упомянутой в письме, имеются в виду «Санкт-Петербургские ведомости», издаваемые в типографии Академии наук. Статья «Учиться или не учиться?» (см.: *СПв*. 1862. № 92. 1 мая; подпись: -ъ-) обсуждала студенческие волнения в Петербурге, которые привели к полугодичному закрытию университета в 1862 г. Это выступление «произвело в журналистике весьма оживленную полемику» (См.: Краткое обозрение направления периодических изданий и газет и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам за 1862 год. СПб., 1862. С. 52-53). На эту статью откликнулся П. Л. Лавров (см.: Учиться, но как? // *СПв*. 1862. № 104. 16 мая), а Н. Г. Чернышевский предложил Эвальду даже публичный диспут, который и состоялся в том же 1862 году (см.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. Саратов, 1958. С. 376-383).

В сентябрьских номерах «Ведомостей» была опубликована большая статья Эвальда «Праздник тысячелетия России (от нашего корреспондента)»; несколько ранее там же он опубликовал статью «862-1862 год», посвященную предстоящему торжеству (см.: *СПв*. 1862. №1).

В поздних воспоминаниях Эвальд передал слухи о подготовке страшного террористического акта: «Краевский пользовался большим уважением у многих высокопоставленных лиц и умел этим пользоваться для своих изданий. Вот случай со мною, который может объяснить, что я хочу сказать.

Когда в Новгороде готовились торжества по случаю открытия памятника тысячелетию России, Краевский хотел послать кого-нибудь туда корреспондентом. В Петербурге носились слухи о том, что будто бы под памятник сделан подкоп, и он будет взорван в самую минуту открытия. Поэтому два-три лица, которым Краевский предлагал ехать туда, отказались. Тогда он обратился ко мне, откровенно сказав об опасности, которой его напугали.

– Все это глупости, Андрей Александрович, – сказал я.

– Разве вы не верите в возможность подобной катастрофы? – спросил он.

– Разумеется, не верю! Во-первых, я жил в Новгороде и знаю место, где ставится памятник; во-вторых, я знаю, как устраиваются фундаменты под такие тяжести и могу вас уверить, что никакой тайный подкоп тут невозможен.

– Так вы согласны поехать туда?

– Сделайте одолжение, сколько угодно».

Как и многие другие приезжие, Эвальд вспоминал о возросших в праздничные дни ценах: «Тут он (Краевский – *сост.*) попросил меня съездить в Новгород предварительно, чтобы собрать заранее необходимые справки и составить приблизительный расчет о том, какая сумма потребуется мне на расходы. Оказалось, что все гостиницы и лучшие частные дома были уже законтрактованы придворным ведомством для помещения свиты, придворных и многих приглашенных лиц. Цены на квартиры возвысились до такой степени, что за крошечную каморку, в которой едва можно было поставить кровать и стол, требовали на время торжеств по двадцати рублей в сутки! В одном доме за помещение из двух комнат с меня спросили пятьдесят рублей в сутки... Извозчики за конец в двугривенный не трогались с места меньше рубля.

– Мы этого тысячу лет ждали! – говорили мне новгородцы, когда я возмущался против непомерной их жадности» (Воспоминания А. В. Эвальда // *ИВ*. 1895. Октябрь. С. 78-79).

Письмо, полученное новгородским губернатором, вызвало неожиданную реакцию местного чиновничества. Описывая обстоятельства своего приезда, Эвальд сопоставил себя с гоголевским Хлестаковым: «В Новгород приехал я вечером и тотчас же направился к зданию гимназии, заплатив извозчику от паровой пристани за расстояние около двухсот сажен два рубля. По этому образчику можно судить о других ценах, существовавших тогда в Новгороде.

У подъезда гимназии меня ждал сторож, принявший мой чемодан и проводивший в особое здание, оказавшееся лазаретом. По лестнице, устланной ковром, я поднялся на второй этаж, где был немало изумлен представившейся картиной: вместо лазарета, с его обычной обстановкой, я увидел две большие комнаты, вполне и хорошо меблированные, со всеми мелочами для комфортабельного проживания.

– Вчера и сегодня мы много работали здесь, – пояснил мне сторож, сладко улыбаясь. – Выносили все кровати, столы и шкафы, а из директорской квартиры переносили вот эту мебель, чтобы вашему благородию было удобно и покойно. Господин директор приказал узнать, не угодно ли вам будет поужинать или чаю выпить, а также когда они могут к вам прийти.

Изумленный таким вниманием, я просил передать, что сегодня ничего мне не нужно, а завтра утром я сам зайду к директору поблагодарить его за хлопоты, которые невольно причинил.

На другой день я отправился к директору и был встречен так официально и так торжественно, как встречают только какое-нибудь высшее начальство. Все воспитанники, оставшиеся в гимназии, были выстроены в

одном из зал в новых мундирах; тут же присутствовали некоторые наставники. Директор, почтительно идя около меня, предложил осмотреть всю гимназию...

Я сразу увидел из всего этого, что меня принимают не за того, кто я есть, и что мне навязывают, так сказать, роль Хлестакова. Совершенно сконфуженный, я остановился в первой же комнате и объявил директору, что зашел повидать только его лично, чтобы поблагодарить за устройство мне квартиры с такою роскошью, в какой я вовсе не нуждался, что я очень занят своими обязанностями корреспондента, должен ехать сейчас же с некоторыми визитами и не имею ни одной свободной минуты для осмотра гимназии или для чего бы то ни было.

У меня в Новгороде был знакомый, отставной полковник Саханский, который, как я знал, в свою очередь вел знакомство с директором гимназии. Поэтому в тот же день я поехал к нему, объяснил, в чем дело, и просил сообщить о моем смешном положении, в которое поставил меня директор. На другой день Саханский заехал ко мне и со смехом передал, что в гимназии действительно приняли меня за лицо, близкое к министру и присланное им для обозрения ее инкогнито. Но этого мало. Саханский прибавил, что, несмотря на его разъяснения и доказательства, директор все-таки остался при своем убеждении, что главная цель моего приезда – тайная ревизия гимназии, и что я только прикидываюсь корреспондентом «Голоса». Иначе он никак не мог себе объяснить распоряжения министра об отводе мне квартиры» (Воспоминания А. В. Эвальда // *ИВ*. 1895. Октябрь. С. 79).

Современный исследователь писал об особой «комедийной концепции» «Ревизора», выраженной в трех «специфических эффектах». Это, во-первых, «эффект необъяснения» («Гоголь никак не объясняет, почему «обманулись» чиновники уездного города»). Во-вторых, «эффект незаинтересованности» («самое активное участие в сюжете о «мнимом ревизоре» принимают <...> те лица (т. е. Бобчинский и Добчинский, неслужащие помещики, постоянно проживающие в городе – *сост.*), которые оказались вовлечены в интригу от скуки»). И, наконец, в-третьих, «эффект неведения»: «Хлестаков, оказавшийся источником всеобщего обмана, сам никого не обманывает» (*Кошелев В. А.* Пушкинская мысль «Ревизора» // *Драма и театр. Сборник научных трудов*. VI. Тверь, 2007. С. 96-97).

Эта комедийная концепция «Ревизора» гораздо полнее отразилась именно в «новгородском» эпизоде воспоминаний Эвальда, чем в многочисленных сюжетах о мнимом ревизоре (См. подробнее: *Войтоловская Э. Л.* Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». Комментарий. Л., 1971. С. 14-20).

Вспомним один известнейший факт, случившийся в уездном городе Устюжна в 1829 году. Тогда его, проездом из Вологды, под видом значи-

тельного лица посетил литератор Платон Волков. В отличие от Хлестакова, он намеренно изображал из себя значительного человека, чем и привлек внимание подозрительных чиновников. Вот что писал обеспокоенный Август Денфер (в 20-е годы XIX века – новгородский губернатор) устюженскому градоначальнику И. А. Макшееву: «...некто в партикулярном платье с мальтийским знаком проживает во вверенном Вам городе более пяти дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже и того, к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей, даже и сами Вы не знаете, почему необходимою считаю иметь от Вас сведение, по какому случаю проживал он в Устюжне, не входил ли он в общественные собрания и присутственные места и не обращал ли он какого-либо внимания на какие-нибудь предметы, если же он и ныне находится в Устюжне, спросить о звании его и меня без промедления времени уведомить» (*Поздеев А. А.* Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Устюжна. Историко-литературный альманах. I. Вологда, 1992. С. 147).

Эвальд не скрывал, что к надзорным органам он никакого отношения не имеет (об этом писал и Головнин), но напуганные чиновники не поверили не только журналисту, но и министру.

В «новгородской» истории Эвальда в некоторых чертах повторилась особая комедийная концепция «Ревизора». Вполне возможно, именно это обстоятельство и предопределило характер его фельетона, пронизанного аллюзиями из творчества Гоголя.

* * *

Эвальд сотрудничал в «Отечественных записках» на протяжении 1861-1862 гг. В 1862 г. он в 11-ти номерах журнала (из 12-ти) опубликовал фельетоны под тем же, что и публикуемый этюд, заглавием («Все и ничего»), предваряя повествование тем же эпиграфом («Вали все в кучу – после разберем»). В сентябрьском, праздничном очерке появляется подзаголовок, отсылающий к гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». По этой причине и памятник, поставленный в центре Новгородского кремля, прямо сопоставлен с «прекрасной лужей» в Миргороде: «Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! Единственная, какую только вам удавалось видеть! Она занимает почти всю площадь. <...> Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее» (*Гоголь Н. В.* Собрание художественных произведений: В 5 т. Т. 2. Миргород. М., 1960. С. 291).

В одном из первых очерков, опубликованных в «Отечественных записках», Эвальд не без иронии пишет о собственных заслугах, за которые

потомки должны поставить ему памятник: «...не забудьте поставить мне памятник на месте моего рождения, именно в Мышгороде. Памятник этот должен иметь форму колокольчика, в ознаменование того, что я всю жизнь ничего не делал, как только звонил языком. Наверху этого колокольчика поставьте, пожалуй, крест и подле него плачущую деву, изображающую скорбь всей России о потере такого прекрасного человека, как я. Крест будет опираться на полушарие, служащее символом того, что я благодетельствовал полмира. Ниже полушария изобразите аллегорически главные эпохи моей жизни, сведения о которых можете получить во всякой гимназии. Под этими аллегориями изобразите барельефом силуэты всех людей, прямо или косвенно имевших влияние на мое умственное, физическое и сердечное развитие. В числе этих людей главнейшим образом не забудьте автора «Домашней Беседы», поучавшего меня особого рода нравственности, состоявшей в совершенном притуплении мозговых органов. Эта нравственность сделала меня необыкновенно благополучным и навела на мысль, посредством которой я могу теперь благодетельствовать и вас.

Если вы поставите мне такой памятник, то достойным образом вознаградите за все, что я для вас сделал, и я буду лежать под ним смиренхонько и тихохонько.

А нужно мне успокоиться, пора уложить свои кости в могилу... Я бедный Макар, на которого, как известно, падают всякого рода шишки. Эти шишки избили, измучили меня. Мне больно, господа; голова моя горит, мой ум болен...» (*ОЗ*. 1862. №2. С. 53-54).

В этом описании без труда угадывается микешинский памятник. Предлагая таким образом отметить собственные заслуги, автор предельно утрирует идею памятника: вместо колокола – колокольчик, вместо важнейших исторических личностей – осмеиваемый журналист В. И. Аскоченский, в описываемое время – редактор газеты «Домашняя беседа». Вместо Новгорода – Мышгород (ср. в словаре Даля: «мышь – <...> плюгавка, поганка, гадина» и т.д., – *Даль*. Т. 2. С. 366).

Мышгородский памятник водружен в честь покойного, – чтобы сгладить чересчур смелое (едва ли не кощунственное) сопоставление с новгородским монументом и с Россией (значит, и она будет «лежать под ним смиренхонько и тихохонько»), условный автор вновь переводит разговор на себя, признаваясь в умственной болезни.

...самоеды... название народности, близкой финнам, проживающей в России в Архангельской губернии и на территории Сибири.

...ходить по улицам нельзя... В Новгороде к юбилейным дням проводились обширные работы. Сибиряк Василий Колохматов отмечал: «Кто

видел Новгород прежде праздника и взглянет на него теперь, тот невольно скажет, что Новгород изменился. Он как жених, и жених в годах престарелых, к брачному торжеству вычистился, вымылся и оделся, насколько было в его возможности и средствах; теперь на этого старца любо посмотреть. С начала весны он начал оживать, бодриться, тысячи рабочих всех знаний и мастерств явились в Новгород; не говоря о работах, производившихся около памятника в крепости, на городских площадях и около казенных зданий, которые все или исправлялись, или красились вновь, – частные работы везде кипели; самые отдаленные улицы не остались равнодушными к общему возрождению и обновлению, одни только проулки и так называемые захластья в своем печальном виде доживают остатки своего существования. Улицы были загромождены камнем, кирпичом, плитою, лесом и прочими строительными материалами; дома, ворота, заборы и крыши переделывались или исправлялись и красились; даже трубы, отличавшиеся сильным желанием попробовать крепость головы проходящего, переделывались и белились; мостовые и тротуары вновь перемасчивались или исправлялись по всему городу: самые отдаленные улицы, которые не знали, что такое тротуар, теперь ознакомились с ними поставленными тумбами и еще окрашенными.

Вот что в это шумно рабочее лето сделано: В крепости – наши губернские присутственные места красуются в новом цвете и с новыми прекрасными подъездами; вся площадь от Софийского собора перемощена, а от шоссе до присутственных мест кругом памятника выпланирована и отлично вымощена вновь; устроен новый тротуар между крепостными воротами и полукругло мимо самого памятника; кругом памятника и от него к присутственным местам сделаны также тротуары, устланные в одну широкую плиту так хорошо и правильно, что в городе ничего подобного ни против казенных зданий, ни против частных домов нет. Крепостная стена исправлена, и все ее вековые повреждения теперь уже не существуют; часть ее, в мае-месяце обрушившаяся, воздвигнута вновь; древнее достояние и краса этой стены – башни (стоявшие без крыш) все исправлены и покрыты; с наружной стороны крепостной стены по обе стороны ворот от Волховского моста к берегу Волхова – прежние, от времени заросшие травой, разрытые и осыпавшиеся откосы очень хорошо и правильно отделаны. Софийский собор, дом митрополита и другие церкви также покрасились и побелились, хотя они и всегда постоянно содержатся в исправном виде.

Вне крепости – торговая площадь сделалась настоящею площадью; весь хлам, в ней бывший и состоявший из безобразно-дрянных каких-то лавчонок, в которых едва помещалась одна торговка со всевозможной рух-

лядью, снят и перенесен внутрь двора городских присутственных мест во вновь устроенные правильным образом лавочки; и площадь, загроможденная до того, что иногда ни проехать, ни пройти по ней не было возможности, теперь открыта, перемощена и красуется, окруженная с трех сторон: бывшим штабом, торговыми лавками и городскими присутственными местами; с четвертой же обмывается Волховом. Лавки всех гостиных рядов поисправлены (разумеется, с купеческою экономией) и не так уже грязны, как в былое время. Волховский мост получил новую мостовую, давно уже в таком виде не существовавшую; его чугунная решетка из серенькой сделалась зеленою и хорошо отбронзированную, что придаст ему большую красоту. Близ моста устроена была против крепостной стены новая пристань для приезда Государя Императора, и от нее мостовая в гору к крепостным воротам; пристань эта носила название Царской пристани.

На Софийской стороне – Летний или городской сад наш приведен в надлежащий порядок, аллеи и дорожки обрезаны, вычищены от камней и прочего и усыпаны песком. Троицкая слобода более всех частей города обязана описываемому торжеству. Доселе она имела во все протяжение главной своей улицы деревянную мостовую, от начала устройства ее, кажется, совсем забытую и не исправляющуюся; ездить по этой мостовой и в лучшее время можно было с трудом и не без опасности сломать экипаж и разбиться самому, даже для ходьбы по ней нужно было особенное искусство. Теперь она вымощена вся вновь, и к тому же имеет ближайшее сообщение с городом, устройством для прохода кавалерии и артиллерии хорошей дороги по берегу Волхова мимо крепостной стены, тогда как прежде по этому берегу не было и проходу, особенно в весеннее и осеннее время, и бедные жители должны были обходить всю крепость по Софийской площади более полуторах верст» (*Сибиряк Василий Колохматов*. С. 3-5).

Работы по установке памятника длились более двух лет: «При устройстве пьедестала обращено особенно внимание на прочность основания, с тем, чтобы предупредить малейшее движение в частях сооружения и сохранить наружный вид во всем его изяществе. Тщательное исследование грунта на месте устройства памятника показало необходимость углубить основание до 5 саж. для передачи груза настоящему матеруку, который оказался только на этой глубине. Первые три сажени снизу пройдены свайною бойкою, а на остальных двух сажнях заложена масса бутовой кладки на растворе. Внутри пьедестала оставлена пустота, покрытая сверху сводом, поэтому и самый фундамент расположен в форме цилиндрической стены с внутреннею пустотою в 2 саж. в диаметре. Под тротуаром возведены тонкие стенки по направлению радиусов, и сверху покрыты сводами же. При таком расположении нижняя площадь основания нагружена достаточ-

но равно. Для облицовки пьедестала избран сердобольский гранит, и избрание это основано не только на красивости его вида и способности принимать высокую полировку, но вместе с тем имелось в расчете драгоценное свойство камня безвредно выдерживать влияние северного сурового климата. К тому же, по особенному стечению обстоятельств, в то время, когда нужно было приступить к заготовлению материала, в гранитных ломках близ Сердоболя имелась в виду значительная сплошная масса гранита, открытие которой дало возможность нижний цоколь памятника, высотой снаружи в 1 арш. <ин> 10 верш. <ков>, выполнить из одного ряда камней, тогда как до сего времени наибольшая толщина слоев этого гранита не превышала 1 арш. 2 вершк. Тротуар около памятника, ряд за барельефом и верхняя площадка устроены также из сердобольского гранита, а внутренняя масса пьедестала и свод – из цокольной путиловской плиты с притескою.

Тротуар памятника возвышен над окружающею монумент площадкою на $\frac{1}{2}$ саж. и обведен пологим откосом шириною в 3 саж. При основании откоса поставлена бронзовая решетка на гранитном цоколе, и кругом решетки настлан тротуар из олонецкого песчаника, соединяющий памятник переходами с домом присутственных мест и с обоими въездными в Кремль воротами.

Работы по устройству пьедестала памятника, с самого начатия их, подвигались быстро. В течение лета 1860 года разобран и перенесен на площадь перед домом Дворянского собрания памятник ополчению 1812 года, находившийся почти на том месте, где сооружен памятник тысячелетию.

В том же лете выведен фундамент нового памятника до поверхности земли и окончены все временные сооружения, необходимые при работах. Успели, наконец, тогда же окончить выломку гранита в Сердоболе и доставить его в Новгород чрез Ладожское озеро и вверх по реке Волхов. В ходе операций последней доставки особенно замечателен подъем в волховских порогах огромных камней гранитного цоколя, из которых каждый весом до 2000 пудов.

В зиму 1860-61 г., пока в С.-Петербурге вылеплялись модели групп, в Новгороде обтесывались и подготавливались к кладке гранитные массы пьедестала.

В мае 1861 г. произведена закладка памятника, причем молебствие совершено митрополитом Новгородским и С.-Петербургским Исидором в присутствии главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, начальника губернии и всех сословий Новгорода. В выемку, сделанную в заложенном для сего в фундаменте гранитном камне, опущен

бронзовый ящик с важнейшими медалями, выбитыми в настоящее царствование, с монетами 1861 г. и бронзовою доскою с обычной надписью.

В течение лета 1861 г. окончено устройство пьедестала памятника и доставлен камень для тротуаров из Олонецкой губернии.

В то время, пока продолжалось изготовление гипсовых моделей колоссальных групп, отделаны также модели державы и бронзовых украшений. По мере окончания моделей они собирались в устроенной нарочно на фабрике мастерской, с тем чтобы к отливке приступить не прежде как по сборке всего памятника в гипсе.

Затем, зимою 1861-62 г., по окончании моделей, приступлено к отливке из бронзы частей памятника. К весне в литейной мастерской Никольса и Плинке, поставщиков Двора Его Императорского Величества, принявших на себя литье из металла на условиях, выгоднейших тех, которые были предложены другими заводчиками, отлиты и собраны в полном составе все колоссальные фигуры и горельеф, решетка и канделябры и, уже по совершенной отделке всех частей в мастерской завода, находящегося в С.-Петербурге, бронза перевезена в Новгород и установлена окончательно на месте.

Одновременно отделана и местность, окружающая памятник; поставлены при нем 6 бронзовых канделябров, и к 1 сентября 1862 г. окончены все работы этого замечательного сооружения. Для оценки громадности их достаточно заметить, что вес одних бронзовых частей превышает 5700 пудов» (*Памятник тысячелетию*. С. 18-21).

Описывая праздник в «Санкт-Петербургских ведомостях», Эвальд отметил недоработки организаторов праздника. «8 сентября утром войска начали двигаться по улицам к общему центру сбора – Кремлю. Топот лошадей, звон сабель, трескотня экипажей, сновавших по главным улицам, разбудили даже наиболее ленивых. Все торопились скорей одеться и бежать в Кремль, чтобы занять там повыгоднее места. Это было не так легко сделать. Правда, для удобства публики были устроены два амфитеатра с обеих сторон памятника, у крепостных стен, но...

Это *no* имеет разные значения.

Во-первых, места на амфитеатрах отдавались *даром*, что, конечно, привлекло к ним огромную массу желающих. Еще за несколько дней до торжества губернская канцелярия была полна народом, и билеты доставались чуть-чуть не с бою. Накануне же праздника число желавших получить билеты увеличилось до того, что в дверях канцелярии должны были поставить часовых для сдержания публики.

Во-вторых, места не были нумерованы, что, после войны в губернской канцелярии, обещало не менее горячую схватку на самих амфите-

атрах. Для избежания чего всякий и торопился пораньше занять лучшее место.

Другая публика, не имевшая билетов на амфитеатры, употребляла все тонкости своего ума и все гимнастические способности, чтоб пробраться в Кремль, потому что полиция, для избежания тесноты, пропускала туда с большим трудом. Конечно, большая часть пробралась заранее, когда еще полиция не заняла своих мест. Другие или умасливали просьбами, или пользовались чьей-либо протекцией, или употребляли в дело разные хитрости. Наконец, были и такие искусники, что, не обращая внимания на ворота и часовых, охранявших его, взбирались на стену Кремля.

Так или иначе, но к девяти часам как амфитеатры, так и площадь, то есть часть ее, оставленная для народа, окна губернских присутственных мест – все уже было полно народом» (*Эвальд Ар.* Праздник тысячелетия России (от нашего корреспондента) // *СПб.* 1862. № 212. 29 сентября).

Трудности испытывали гости праздника с отъездом из Новгорода после его окончания. «Праздники новгородские, конечно, должны были оставить в приезжих самые разнообразные впечатления, зависевшие от тех случайных обстоятельств, в которые кто попадался. Но, несмотря на некоторые крайности и некоторые несообразности, общее впечатление должно остаться все-таки довольно полно.

<...> К числу же несообразностей нельзя не отнести распоряжения «Общества пароходства по Волхову». Желая угодить публике, оно распорядилось в Новгороде раздавать билеты на пароход и на железную дорогу. Идея эта была очень разумна, но беда в том, что применили ее далеко не искусно. Чтоб пробраться на пароход, вы должны были перейти через шесть различных мытарств. Нужно было: взять билет: 1) на пароход, 2) на железную дорогу, 3) свесить ваш чемодан, 4) взять билет для него на пароход и 5) на железную дорогу, наконец, 6) пройти на пароход. Каждая из этих операций совершалась отдельно, при разных кассах, и чтоб добиться места на пароходе, вы должны были шесть раз вытерпеть сильнейшую давку, да и то не всегда удачно» (Там же).

Эвальд писал о «несообразностях», возникших 10 сентября, во время отъезда. «Сильнейшая давка» гостей, стремящихся на праздник в Новгород, возникла и 7 сентября на Соснинской пристани. В газете «Северная Пчела» было помещено описание этих событий, смешно обыгранное в сатирической «Искре».

«Слава Волхова современна основанию русского государства, – заявлял журналист. – Это первая, если можно так выразиться, *гражданская* река в России. Когда не была известна еще Волга, когда, мягкий по характеру, подобно *сидевиш* на нем полянам, Днепр покорно склонял голову

пред иноземцами и подчинялся безответно их влиянию, Волхов первый является защитником родных, отеческих преданий. Запуганные Добрыней и Путятой, новгородцы склонились перед Византией, отвергли своего родного бога и с позором повлекли его в Волхов. Дано было строгое приказание никому не принимать его. Один вольный и гордый Волхов не послушался этого жестокого приказа. С честью принял он старого бога на свои рамена и, в пику новгородцам, повез его даже против течения.

Когда Иван IV, в негодовании на новгородцев, предавал их в своем присутствии неслыханным истязаниям каждодневно целыми тысячами и затем, поджарив истязанных *некою составною мудростию огненною, именуемую пожаром*, не хотел давать места в земле телам их вместе с другими, – один мой Волхов принимал в свои недра останки несчастных и невинных людей и хоронил их почетно в своих волнах, с опасением лишиться самому жизни. Ибо, по сказанию летописца, каждый день, в продолжении с лишком пяти недель, бросаемо было от 1000 до 1500 человек до того, что наконец, «яко и реке запрудиться».

И новое тысячелетие России открывает тот же Волхов отстаиванием гражданских прав народа против варварского стеснения компаниею Волховского пароходства. Как некогда Перуна принял он на свои рамена и скрыл от взоров и оскорблений преследовавших его новгородцев, неся дорогого своего идола даже против своего течения, так теперь принял он на свои рамена идола нашего времени, г. Льва Камбека, и против своего течения повез его в Новгород, оставив с носом на берегу своем изумленную дирекцию неисправной компании Волховского пароходства.

Мы должны, однако ж, рассказать читателям, в чем дело.

8 сентября назначено было в Новгороде открытие памятника тысячелетия России и празднество по случаю переложения мощей св. князя Владимира. В Новгород устремилось всё – и патриоты, и люди благочестивые, и праздные, разумеется, зрители, как бывает при всех торжествах.

В газетах было объявлено, что пароходы от Волховской станции до Новгорода 6 и 7 сентября *скорые* будут отходить в 2 часа 30 м. дня, *буксирные* в 11 часов утра, – 8-го же, 9-го, 10-го сентября пароходы будут отходить с Волховской станции в Новгород в 4 часа утра и в 5 часов вечера.

Но, вероятно, потому, что публикация этого объявления была сделана поздно и явилась, кажется, всего один раз в газетах, – сведение о времени отправления пароходов не успело довольно распространиться не только между массами, но и между присяжно-читающею публикою. По крайней мере, корреспондент «Северной Пчелы» пишет (№ 243), что, прибыв 7 числа на Волховскую станцию в 4 ½ часа, думал, как и все здесь бывшие, что они отправятся не позже 5 часов. Компания пароходства не могла же не

ожидать, что стечение народа будет огромное, что в массах народа, если бы объявление было сделано ею даже благовременно и дошло до сведения многих, все-таки найдется много людей, которым на месте нужно сообщать сведение о времени отхода пароходов, не поставила на месте ни людей от себя для объяснения дела публике, ни прибила объявлений на месте собрания публики. Удивительная беспечность, возможная едва ли только не у нас, в России!

Последствия этого были поистине плачевные, впрочем, не для компании, к которой мы – признаемся откровенно – не чувствуем ничего, кроме самого искреннего озлобления, – а для публики! Корреспондент «Северной Пчелы» рассказывает, что, во время его прибытия, т.е. в 4 ½ часа, «народу собралось уже видимо-невидимо: много было таких, которые дожидались еще с 9 часов вечера (*каково!*) Кто поместился в харчевне, неизвестно почему названной кафе-рестораном, кто сидел на пристани, народ в лежку растянулся на берегу Волхова, и никто не мог понять, почему нас не везут». Каково! Можно ли вообразить большее неуважение компаний к публике! Тысячи народа на *месте*, в продолжение полусуток, не могут получить сведений, почему их не везут!

Между тем, за недостатком точных сведений, которые хранит у себя дирекция компаний, как будто не видя бедствующего на берегах Волхова народа, в народе быстро разносятся сплетни самые разнородные. Одни говорят, пароход пойдет в 6 часов, другие – в 10 часов, третьи, – может, в 12 часов. Являются такие даже, которые утверждают, что багаж повезут вечером, и можно будет получить его не ранее 7 часов вечера, т.е. на другой день. – Каково было все это выслушивать людям, в числе которых были, может быть, целые сотни, истратившие последние деньги для того, чтобы видеть религиозное и патриотическое празднество.

Вот в это-то время на защиту угнетенного народа и явился г. Камбек. Он первый подал голос потребовать директора. Директор спал. Его разбудили. Он явился, но вместо того, чтобы, в виду волнующейся публики, сделать немедленное распоряжение об открытии касс и отправлении парохода, он пустился в объяснения... и не успел объясниться...

Вероятно, он хотел объяснить, что, по сделанной публикации, пароход не может идти ранее 11 часов. Нет, г. директор! Надо было раньше позаботиться о том, чтобы сделать это известным народу. Теперь подобное объяснение, и вообще всякое объяснение, было поздно.

Волнующаяся толпа под предводительством г. Льва Камбека бросилась на пароход.

«Неизвестно откуда взявшиеся жандармы стали защищать палубу; но толпа, воодушевленная своим предводителем, ломилась вперед. Тут же

отперли кассу, но билетов никто не хотел брать; пассажиры, поощряемые задними рядами, сделали еще один натиск и с громкими криками победы взяли приступом пароход. Полиция попыталась было еще раз удержать за собой позицию и дать отпор: но, к стыду своему, должна была уступить вновь подоспевшему натиску толпы. Поднялся визг, давка. Сняли трап, но и этим не могли остановить общего движения. Пассажиры стали прыгать прямо с пристани, бросали вещи на палубу и ничего слышать не хотели.

«Поддай свисток! – скомандовал предводитель атаки – Лев Камбек, и пароход, с такой отвагой отбитый у общества, тронулся в путь.

«Вот поди ж ты! – рассуждали пассажиры, когда мы отошли от берега, – что один человек может сделать! Ведь сидели бы мы и теперь. Молодец! Ишь ты, борода-то какая у него. Ай да Камбек! Браво, Камбек! Провозгласим-те его командиром парохода. Ура!..» Лев Камбек стоял у руля и раскланивался публике.

Путешествие наше продолжалось благополучно. Публика, довольная собой и Львом Камбеком, шумела, пароход подвигался. В буфете оказалась только четверть ведра водки и чай; все это было очень скоро выпито и закушено остатками ветчины.

Прислуги никто не видал. Все распоряжались сами; одним словом, было весело. Во все время нашего странствия Лев Камбек утешал публику разными шуточками. Он был решительно неутомим и поспеивал везде. То в одном конце рассказывал дамам, что в 1855 году, когда он служил в ополчении, все от него с ума сходили; то кричал на рулевого и вдруг ни с того, ни с сего подавал сигнал.

Чрез пять минут уже на палубе пили здоровье Камбека и кричали браво. А между тем по сторонам то вправо, то влево показывались деревья с соломенными щитами и толпой разряженных крестьян на берегу: они с вечера еще ждали Государя.

Завидя наш пароход, они снимали шапки и в недоумении смотрели на нас: но Камбек тотчас же подавал сигнал, и вдруг вся толпа начинала кричать, бросала шапки вверх и бежала по берегу с громким криком – ура. Таким манером надули мы деревень пять или шесть. Наконец, часов в 12 приехали мы в Новгород».

В этом рассказе бросается нам в глаза, между прочим, следующее обстоятельство. Откуда взялась полиция, когда отчалил пароход? – Отчего ее не было прежде? – Уж не послал ли за нею директор, чтобы усмирить начавшийся гвалт? – Мы только подозреваем это, – не утверждая положительно, – но на том основании, что у нас водится это зачастую. Не делают сначала того, что требует прямая обязанность, доведут публику до раздражения, отнимут всякое терпение, – а потом сами же сейчас и к полиции:

посмотрите, дескать, какой беспорядок! О Rus! о Русь!» (Хроника прогресса. Сентябрь <1862 г.> // *Искра*. 1862. № 36. 21 сентября. С. 468-470).

Лев Логинович Камбек (1822 – между 1866 и 1871), иронически названный «защитником угнетенного народа», был малозаметным журналистом, издававшим в 1861-1862 гг. «Санкт-Петербургский вестник, литературный еженедельный журнал». Громкую известность Камбеку принесли не сочинения, а многочисленные общественные скандалы, часто приобретавшие комический эффект, поскольку обличительный пафос нередко сочетался с незначительностью поводов. Чрезвычайно энергичный, жаждущий публичности и общественной деятельности Камбек приобрел стойкую репутацию неукротимого протестанта.

Случай на Соснинской пристани, когда Камбек захватил пароход, направлявшийся на празднование тысячелетия России, приобрел большую известность. В той же «Искре» Д. Д. Минаев (под псевдонимом «Обличительный поэт») описал эти события в стихотворении:

Призвание Льва Камбека в Новгород в 1862 г.

(Опыт современного эпоса)

Не древнее вече пою я, не Рюрика, добрые люди,
Не подвиги витязей славных и Яси, и Веси, и Чуди,

Не Новгород с вольной дружиной его и посадом
Хочу я прославить по миру высоким, эпическим складом.

Нет, к этому я, – так решили в совете поморных – негоден,
На то Иоанн есть Аксаков и старец Михайло Погодин.

В них самое небо вложило познание древнего века...
Хочу я прославить теперь похождения мужа Камбека.

Пою о деяньях его и о подвигах истинно львиных
(Недаром прозвание *Льва* получил он еще на крестинах).

Начнем же, о муза, собравшись с духом и мощью заранее:
В поддѣвке, в смазных сапожищах и в смуром славянском кафтане.

С кудрями под мурмолкой шапкой, с брадой, от рожденья не бритой,
Уж много годов на Руси стал известен сей муж именитый.

Которого мудрые боги послали на землю с наказом:
Мешать всем скандалам людским и предел положить их проказам.

Положен ли был тот предел, или нет, – мы наверно не знаем,
Но знаем, что имя Камбека грозой пронеслося над краем;

Плаксивых детей умиряли пугающим именем этим;
Где двое дрались меж собой – Камбек там, бесспорно, был третьим;

Где только кулак поднимался, хоть будь то за Волгой, за Доном,
Он всюду являлся на кары каким-то зловещим Сифоном –

В гостиных, в театре, в харчевнях, в вагонах, в уездных этапах
Особым чутьем открывая скандалов удушливый запах.

Но в будущем ждало Камбека иное геройское дело:
Когда по словенскому миру стрелою молва пролетела,

Что тысячу прожитых лет будет праздновать Русь в Новеграде,
И дедам поминки свершит в новгородском старинном посаде,

Почтить вечевое начало и Рюрика белые кости, –
Толпами народ наш отправился к дедушке Волхову в гости,

И вот, по чугунке, до Волховской станции мигом домчался,
Но здесь-то, нежданно-негаданно, вдруг он с бедой повстречался.

Бежит он проворно на пристань и требует в кассе билетов,
Но заперта касса пустая; на просьбы, на крик нет ответов.

В объятиях сладких Морфея покоится тело кассира,
И только в волнах пароход на веревке качается сиром.

Часы пробегают без пользы... Всё ждут новгородские гости,
Дрожа от холодного ветра, от утренней стужи, от злости...

Но стойте, миряне! смиритесь духом и в ряд становитесь:
Спасет вас всё он же, Камбек, обличенья упорного витязь,

Всё он же, чье имя знакомо гражданам и старым и юным:
Он в Новгород послан на славное дело могучим Перуном.

Сверкая глазами от гнева и ноздри раздувши широко,
Летал он и мчался в народе, как в Африке знойной сирокко,

Директора громко он кликал и звал он кассира к ответу:
«Я Камбек, известный Лев Камбек! Статью напишу я в газету.

Я громы протестов низвергну, я все перед миром раскрою...»
И плеском и радостным воем толпа отвечала герою.

«Билетов, билетов!» – вопил он, но касса как будто заснула...
Вдруг новая смелая мысль в голове у Камбека сверкнула.

«За мною, граждане! на берег! – он крикнул, махнувши народу, – Вас выручит Камбек! за мною», – и ринулся вниз к пароходу.

«Ура!..» – и кидая на воздух кто зонтик, кто шапку, кто шляпу, Толпа, за вождем поспешая, спустилася дружно по трапу,

Отбросивши в сторону стражу, покрыла корму и каюты.

«Отваливай! – гаркнул Камбек. – Ну, живей!..» Через две-три минуты,

Колеса, стуча, завертелись и, волны реки рассекая, Летел уж, дымясь, пароход, только брызги и пену бросая.

А там, на корме парохода, в величьи классической позы, Герой наш Лев Камбек стоял, как живая статуя угрозы.

* * *

С тех пор-то и ходит рассказ к поучению нового века:

«Призвание в Новгород древний сурового мужа Камбека»

(Искра. 1862. № 38. 5 октября. С. 506-507).

После этого скандала Камбек был арестован. Он писал: «7-го сего <1862 г. – *сост.*> декабря заарестовали меня по делу о завладении будто бы мною парохода на р. Волхове во время тысячелетия России и распорядились о высылке меня в Новгород под стражею по случаю обвинения меня кроме того новгородским губернатором Скарятиным в кощунстве над чувствами верноподданных к своему государю» (Цит. по: *Рейсер С. А.* Журналист и «обличитель» Лев Камбек // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV-XX вв. VIII. М., 1950. С. 783). История окончилась для скандалиста благополучно: в 1863 г. он стал распорядителем «Хуторка» – увеселительного заведения на Каменноостровском проспекте в Петербурге, привлекавшего публику канканом.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА»

Печ. по: *СПт.* 1862. № 196. 8 сентября. Без подписи.

Н. И. КОСТОМАРОВ

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Вперв. опубл.: СПв. 1862. № 5. Печ. по: Костомаров Н. И. Русские инородцы. Исторические монографии и исследования. М., 1996. С. 594-602.

Николай Иванович Костомаров (1817-1885) – историк, писатель.

Заостренно высказанная мысль о «передовых людях», следующих моде, вызвала иронический отклик в сатирическом «Свистке» (см.: <Елисе-ев Г. З.> 862-1862, или Тысячелетие России // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859-1863. М., 1981. С. 250-254).

...диогеновым фонарем... об упорно, но тщетно ищущем кого-то человеке.

И. С. АКСАКОВ

ПО ПОВОДУ ПРАЗДНОВАНИЯ ТЫСЯЧЕЛЕНИЯ РОССИИ

Вперв. опубл. (анонимно): Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году. Т. II. СПб., 1862. С. 345-351. Печ. по: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 163-167.

Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886), с 1861 по 1865 гг. – редактор газеты «День».

Статья предназначалась для публикации в юбилейном (от 8 сентября 1862 г.) номере газеты «День», но была снята цензурой. Ее текст был полностью опубликован в книге: Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. СПб., 1905. С. 280-286. Там же сообщена реакция на статью Александра II: «Много справедливого» (Указ. соч. С. 280).

...не принесли мы ни единого таланта и едва не зарыли их в землю... Талант – мера веса и монета в античности. Устойчивое выражение «зарыть талант в землю», т.е. погубить свои способности, восходит к евангельской притче (см.: Матф., 25, 24-25).

...покаянный поэтический гимн к небу... стихотворение А. С. Хомякова «Не говорите: то былое...».

ТОРЖЕСТВО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Печ. по: Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году. Т. II. СПб., 1862. С. 351-354. Без подписи.

Уния... слияние православной и католической церквей.

<Н. П. ОГАРЕВ>

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИИ

Печ. по: Общее дело (Прибавление к *Колоколу*). 1862. № 4. 15 октября. Без подписи.

Поэт, критик и публицист Николай Платонович Огарев (1813-1877), ближайший сотрудник А. И. Герцена по работе в Вольной русской типографии в Лондоне. Газета «Колокол», издававшаяся с 1857 по 1867 гг., наиболее остро обсуждала события, происходящие в России.

А. И. Герцен откликнулся на торжество небольшой заметкой, в которой с раздражением писал: «Нелепость праздника в Новгороде превзошла все ожидания самых свирепых поклонников земского царя. Какая пошлость и пустота, какая упорность и формализм, какая неловкость и неспособность во всем, от объявления рекрутского несчастья именно в тот день, когда ждали добрых вестей, до загвоздки новгородским крестьянам, чтоб и впредь не надеялись на действительное освобождение!.. Нет, господа Зимнего дворца, на вас нет современного помазания, вы ничего не умеете, в какой бы форме вы ни являлись – Собакевичей или Маниловых, – ни даже устроить праздника; проза, жалкая проза Петровского времени, в которой остался тяжелый немецкий слог, а мысль отлетела! Авось либо одураченная Русь поймет этот урок, и спасибо Валуеву: он один поднял голос, чтоб в свою очередь одурачить глупое тысячелетие, он разослал по журналам следующую злую насмешку:

«Шестидесятилетие Министерства внутренних дел.

В день открытия памятника тысячелетию России, 8-го сентября, исполнилось шестидесятилетие министерства внутренних дел» (С.-П. 10 сентября).

Так как мы не беремся выдумать ничего глупее и смешнее, то на этом и остановимся» (Колокол. 1862 от 1 октября; *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 16. М., 1959. С. 247-248). «Сближения» усматривались издателя-

ми газеты еще в одном: «Говорят, что в ознаменование беспорочного тысячелетнего существования России государь пожалует III Отделение в министерство – и это очень хорошо...» (Колокол. 1862. Лист 142. 22 августа).

III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (Корпус жандармов) было создано в 1827 г. (оно не было преобразовано в министерство в 1862 г.). Праздник совпал с юбилеем двух государственных учреждений, созданных для поддержания законности в стране, но в то же время – борьбы с инакомыслием.

В 1861 г. отмечался также пятидесятилетний юбилей поэтической деятельности П. А. Вяземского (1792-1878). Прославившийся в 1810-1820-х гг. вольнодумными стихотворениями, он, как считали современники, изменил своим прежним идеалам, став едва ли не реакционером. Праздник насмешливо был оценен в «Колоколе» (см.: Злоупотребление юбилеев // Колокол. 1861. Лист 96. 15 апреля) и в «Искре», откликнувшейся на юбилей Вяземского насмешливыми стихами (см.: Стансы на будущий юбилей пятидесятилетней русско-французской водевильной и фельетонной деятельности Тараса Толерансова // *Искра*. 1861. № 10). Обилие круглых дат, пришедшихся на незначительный промежуток времени, умаляло значение тысячелетия России; именно так, кажется, стоит воспринимать спор Ивана Еремеевича и Антона Антоновича о юбилейных торжествах в фельетоне Эвальда (см.: *наст. изд.* С.126-153).

...тверских мировых посредников в тюрьме держали... Речь идет о тринадцати членах губернского съезда мировых посредников в Твери, которые были приговорены в 1862 г. к двухлетнему заключению в «смирительном доме» за то, что во время проведения реформы отказались подчиняться распоряжениям правительства. См. об этом: Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. V. М., 1911. С. 248-250.

...князь Гагарин с графом Паниным... Павел Павлович Гагарин (1789-1872). Виктор Никитич Панин (1801-1874), в 1841-1862 гг. – министр юстиции. Во второй половине 1850-х – нач. 1860-х гг. были членами секретного (с 1858 г. – главного) Комитета для рассмотрения постановлений и предложений о крепостном состоянии.

...охотниками всегда замещать можно... здесь: охотник – лицо, добровольно поступающее на военную службу.

М. В. Толстой

ТОРЖЕСТВО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ В 1862 ГОДУ

Печ. по: РА. 1892. №4. С. 526-532. Републ.: Чело. 2008. №2. С. 44-46.

Граф Михаил Викторович Толстой (1812-1896) – историк церкви, писатель. Автор двух «юбилейных» книг о Новгороде: Святыни и древности Великого Новгорода. С планом Новгорода, картою окрестностей и многими рисунками. Соч. гр. М. Толстого. М., 1862; Указатель Великого Новгорода с приложением новгородского месяцеслова. Составил для богомольцев граф Михаил Толстой. М., 1862. В 1861 г. книг на новгородскую тему Толстой не издавал.

...книгою ректора Новгородской семинарии архимандрита Макария... Архимандрит Новгородского второклассного монастыря, ректор семинарии Макарий (в миру Николай Миролюбов; 1817-1894), автор нескольких книг о церковных древностях Новгорода. Упом. его книга: *Археологическое описание.*

А. В. Головин... Александр Васильевич Головин (1821-1886), с 1861 г. – министр народного просвещения.

В. Ф. Адлерберг... Владимир Федорович Адлерберг (1790-1884) – министр императорского двора.

...икона Знамения Богородицы... – знаменитая новгородская икона Знамения Пресвятой Богородицы. Новгородцы приписывали успех в битве с суздальцами в феврале 1170 г. ее влиянию. Они вынесли икону на городскую стену во время битвы: в нее попала стрела, она заплакала и наслала на вражеское войско тьму, из-за которой враги стали драться не с новгородцами, а друг с другом. С тех пор икона стала символом покровительства Новгорода. Хранится в Софийском соборе.

...в матлоте... Мателот – «уха особого приготовления на вине» (*Даль. Т. II. С. 305.*)

А. П. Ахматов... Алексей Петрович Ахматов (1817-1870).

...панагиар... – блюдо, на котором выносятся просфор во имя Богородицы.

При входе в Грановитую палату, обращенную теперь в церковь... Имеется в виду церковь Иоанна архиепископа, основанная в 1822 г. См. отзыв писателя П. И. Якушкина, который сетовал на «образованных» людей, уничтоживших древнюю роспись палаты: «Из Софийского собора мы

пошли в Грановитую палату. Трудно вообразить себе что-нибудь светлее, радостнее этой палаты. Эта палата – палата пиршеств новгородцев у своего епископа. Но образованные люди и ее не оставили в покое: переделали ее на церковь и, иконостасом отгородивши часть, как бы отрезали кусок от целого, да и украсили по-своему. “Сперва она была расписана попроще, – сказал мне провожавший монах, – а теперь разукрасили получше”. Но все-таки не могли испортить, как ни старались!» (*Якушкин П. И.* Путевые письма // *Якушкин П. И.* Сочинения. М., 1986. С. 39).

Именно в этой палате в 1570 г. состоялась «кровавая» трапеза Ивана Грозного, описанная в «Повести о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году» (См.: Русские летописи XI-XVI веков. Избранное. СПб., 2006. С. 426-433).

<П. А. ВАЛУЕВ>

8-Е СЕНТЯБРЯ 1862 ГОДА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКА

Вперв. опублик.: РС. 1888. Т. LVII. Январь. С. 1-16 (подпись: В***). Имя автора раскрыто в издании: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т.3. Ч.1. 1857-1894. М., 1979. С. 15.

Валуев Петр Александрович... (1814-1890), с 9 ноября 1861 г. – министр внутренних дел. Памятник он видел еще на производстве, см. его запись в дневнике от 27 июня 1862 г.: «Утром в городе. Ездил с женою, Скарятиным, гр. Паленом, гр. Сиверсом и Мартыновым смотреть памятник тысячелетия. Отдельные фигуры весьма хороши. Об общем эффекте судить нельзя в сарае, где теперь собран памятник. Барельефы, или, точнее, горельефы пьедестала мне менее нравятся. Фигура императора Николая очень неудачна, он сидит в казацком мундире и оборотился спиной к Сперанскому, показывающему ему из-за кого-то том законов» (*Дневник Валуева.* Т. 1. С. 181).

В «Дневнике» Валуев лишь упомянул о визите в Новгород (запись от 11 сентября): «Вернулся из Новгорода вчера вечером. Подробности пребывания там заключаются в моей переписке и в современных газетах» (*Дневник Валуева.* Т. 1. С. 189; упом. корреспонденция, опубликованная в газете «Северная почта», см.: *наст. изд.* С. 78-100).

Для верной оценки свидетельства Валуева принципиально важно, что оно было написано спустя четверть века после описанных в мемуарах

событий. Лишь ощутив себя в числе немногих, оставшихся в живых, он счел возможным передать потомству свои личные воспоминания. Новгородский праздник (и вообще – вся вторая половина 1862 г.) в позднейшем восприятии Валуева – самое благоприятное и спокойное время царствования Александра II, резко отличающаяся уже от следующего года.

Самое поверхностное сравнение воспоминаний Валуева с документами, современными событию и восходящими к нему же (например, его дневником; см.: *наст. изд.* С. 407) оставляет впечатление, что 25-летняя отсрочка в написании мемуаров обусловлена не только тем, что автор их остался одним из немногих живых, но и тем, что к этому времени (четверть века означает смену поколений) естественным образом ушли многие насущные проблемы бурных 60-х годов.

Валуеву, например, были известны оппозиционные настроения новгородского дворянства, недовольного недавно проведенной крестьянской реформой. Характерны воспоминания Д. Н. Толстого, в 1862 г. – директора Департамента полиции исполнительной, который был командирован в Новгород для подготовки встречи Александра II.

«8 сентября 1862 года назначено в Новгороде открытие памятника Тысячелетию России. Валуев предложил мне ехать туда. <...> Валуев опасался, что прием государя от дворянства будет несимпатичен; ему хотелось, напротив, при всяком случае примирять сословия с правительством. Он поручил мне действовать в этом смысле и по возможности направить новгородское общественное мнение.

Новгородское дворянство, как известно, приняло Государя с восторгом, дало в честь его великолепный бал и поднесло адрес, дышущий самыми верноподданническими чувствами. Нужно знать, однако же, что накануне приезда Государя это самое дворянство, собравшись в зале благородного клуба, положило не давать бала; но я не припишу себе последовавшей перемены, нет; она произошла, во-первых, от того глубокого чувства любви и преданности к монарху, которое, благодаря Бога, еще доселе твердо коренится в душе всего русского дворянства, и, во-вторых, от той обаятельной симпатичности, которою обладает Государь. О нем можно сказать словами Цезаря: Пришел, увидел, победил!

Я не забуду самой первой встречи Государя на пристани Волхова, куда должен был пристать пароход высокого гостя. <...> Дворяне, по видимому, были верны одушевлявшему их накануне чувству; по крайней мере, многие сверх мундиров были задрапированы фантастическими плащами и вместо форменных шляп имели на головах какие-то диковинные шапки. Их телодвижения, позы, словом, все выражало недовольных и как бы сознающих свою самостоятельность <...> По мере приближения паро-

хода лица их оживлялись; на них выражалось не одно простое любопытство; нет, в глазах виднелась любовь. Многие, смотря на пароход, крестились, и крестились не из трусости; всеми овладело чувство любви, радости, восторга!

Такова вообще оппозиция нашего дворянства! Расстроенное крестьянскою реформою в своем экономическом быту, оно находится в болезненном положении и, пока не излечатся нанесенные ему язвы, оно не может не ощущать того тревожного неудовольствия, которым пользовались люди, желавшие в мутной воде ловить рыбу. Проникнутые этим болезненным чувством, оно собиралось на выборы в губернские города. Там это чувство возрастало по мере сближения дворян между собою, по мере возможности передавать друг другу свои жалобы, и этим пользовались агитаторы. Те из сих последних, которые хотя считались принадлежавшими к местному дворянству, но в сущности состояли из бюрократов и литераторов, спешили из столиц на выборы, раздражали там массу и подсовывали готовые адреса, враждебные правительству, которые та подписывала не читая и бессознательно, и единственную целию выразить только свое неудовольствие, истекавшее из затруднительности положения каждого. Забавнее всего, что каждый, подписав такой адрес, возвращался домой, храня в душе единственную надежду своего спасения на правительство. Такая была и отчасти есть и доселе оппозиция русского дворянства!..» (Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого // *РА*. 1885. №5. С. 56-57).

Именно под таким углом следует понимать следующий документ, составленный 26 августа 1862 г. от имени демянского уездного предводителя дворянства Н. М. Обрескова и адресованный дворянам подведомственного ему уезда.

«Весьма нужное.

Милостивые государи!

Г.<осподин> демянский уездный предводитель дворянства получил приглашение от начальника Новгородской губернии и новгородского губернского предводителя дворянства о *прибытии его с дворянством* Демянского уезда к 6 сентября в Новгород. Причем г. начальник губернии уведомил, что 7 будущего сентября в новгородском кафедральном Софийском соборе совершится переложение из одной раки в другую нетленных мощей св. благоверного князя Владимира Ярославича, и при священнодействии по этому случаю предполагает присутствовать Государыня Императрица, а на другой день 8 числа того же месяца последует в Новгороде открытие памятника Тысячелетию России, и к этому торжеству изволит прибыть Государь Император с августейшею фамилиею.

При твердом убеждении, что вы, милостивые государи, всегда одушевлены благородными чувствами любви и преданности к августейшему монарху, поставите себе непременно долгим пожаловать в Новгород к 6 сентября, как для встречи государя императора и представления Его Величеству, так и для участия в общем торжестве, я, за отсутствием г.<осподина> уездного предводителя дворянства и по его поручению имею честь сообщить вам это.

А как предстоящее торжество открытия памятника Тысячелетию России будет сопровождаться особенными увеселениями и, вероятно, балом в зале дворянства, сообщает г.<оспадин> начальник губернии, и для живейшего одушевления их и участия в единодушном приветствовании Высочайших посетителей необходимо присутствие дам благородного сословия, то я имею честь просить Вас, милостивые государи, пригласить с собою Ваших жен и взрослых дочерей.

Примите уверение в истинном уважении и совершенной преданности, с коим имею честь быть, милостивые государи, Вашим покорным слугою

Николай Нормандский».

И далее – ряд подписей: «Читала подполковница Транковская.

Читал помещик Николай Голохватов.

Читал Егор Дирын» и т.д., всего подписавшихся – 18 человек (*ОПИ НГОМЗ*. КП – 25 974).

Это письмо – далеко не единственное, в котором жителей Демянского уезда призывали принять участие в предстоящих торжествах (об этом Обрескову писали и Мышецкий, и Лерхе; можно предположить, что подобные послания отправлялись и в другие уезды Новгородской губернии).

Нет достаточных оснований для адекватной трактовки этого документа, но вполне допустимо предположить, что демянские дворяне весьма неохотно ехали на новгородский праздник (характерно в этом отношении, что Валуев в числе гостей не упоминает самого уездного предводителя; подписи Обрескова нет и на «всеподданнейшем» письме, которое уездные предводители дворянства поднесли Александру II, – см.: *наст. изд.* С. 202-203).

* * *

...три праздничные мотива... 8 сентября 1862 года сочетало в себе три праздника: годовщину Куликовской битвы, 19-летие наследника престола великого князя Николая Александровича (к этому событию он был произведен в генерал-майоры свиты) и Рождество Богородицы.

Богородица особенно почиталась в Новгороде. По свидетельству актера и писателя А. П. Славина (Протопопова), путешествовавшего по нов-

городской земле в конце 1850-х гг., «в день Рождества Богородицы, 8 сентября, ежегодно бывает крестный ход из Юрьева монастыря в этот (Юрьевский – *сост.*) скит, в котором отшельники проводят самую труженическую, покаянную жизнь и где церковное служение <...> никогда не прекращается» (*Славин А. П.* Путешествие русского человека на поклонение Господину Государю Великому Новгороду, Святой Софии златоглавой и ее заповедной святыне // Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX – нач. XX в. Великий Новгород, 2008. С. 293).

...генерал-адъютант граф Строгонов... Сергей Григорьевич Строгонов (1794-1882).

...граф Адлерберг 2-й... Александр Владимирович (1819-1889), сын В. Ф. Адлерберга, друг детства Александра II, командующий императорской главной квартирой.

...министр путей сообщения... Павел Петрович Мельников (1804-1880), с 1862 по 1869 гг. – министр путей сообщения.

...на втором пароходе, наименование которого не припомню... Второй пароход носил столь же легкомысленное имя – «Кокетка».

У пристани... Для встречи Александра II на берегу Волхова со стороны Кремля была построена специальная пристань. Сохранилось написанное писарской рукой с правкой губернатора отношение Скарятина к П. П. Мельникову: «Разрешенное Вашим Высокопревосходительством устройство пристани ниже Волховского моста по левому берегу Волхова <...>, удовлетворяя всем необходимым условиям сооружения, по моему мнению, представляет неудобства. Место для проезда Его Величества стеснено кремлевскою стеною, рекою Волховом и мостом, чрез что возникают те неудобства, что при самом выезде на гору от пристани экипажи должны будут сделать крутой поворот под арку Кремля, и что по краткому и стесненному в этой местности проезду жители города, только в весьма ограниченном числе, будут иметь счастье приветствовать Высочайших гостей при въезде.

Предоставляя о сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, имею честь испрашивать: не изволите ли признать более удобным разрешить пристань сию, в совершенно том же виде, устроить на правом берегу реки Волхова, выше существующей ныне там пристани общества пароходства. Это представит к проезду Его Величества выгоды некрутого подъема на мост с большой площади, где может собраться народ, не стесняя проезда и разъезда свиты, в случае же приезда вечером эта местность представляет удобство быть великолепно иллюминированною, к чему жители уже начали приготовления.

Сверх того, не изволите ли, Ваше Высокопревосходительство, признать возможным после празднества тысячелетия вновь устроенную пристань оставить в пользу города» (*ГАНУ*. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 2250. Л. 71-72).

В этих просьбах губернатору было отказано. 11 августа 1862 г. было отправлено следующее письмо: «...предлагаемое Вами, милостивый государь, устройство упомянутой пристани, вместо левого, на правом берегу р. Волхова, между мостом и пристанью общества Волховского пароходства, оказывается, по ближайшему соображению с потребностями судоходства, не вполне удобным.

Свободное движение пароходов было бы затруднено теснотою пространства, <...> сверх того, могло бы причинить стеснение для плавающих по Волхову судов, в настоящее время года довольно многочисленных, и которые должны проходить чрез подъемную часть моста, расположенную близ того же правого берега. Если же для приема императорской фамилии назначить ту самую пристань, которая принадлежит обществу Волховского пароходства, то от сего могло бы быть не меньшее стеснение для пароходов придворных и частных, и даже самое столкновение пароходов.

<...> Что же касается до оставления пристани в пользу города, то, по временному лишь назначению этой пристани, самая конструкция ее такова, что она не может быть подвергнута действию ледохода и высоких вод, а потому устраивается лишь на время настоящей надобности, после чего должна быть разобрана, а на этом основании заключен самый подряд на постройку ее» (*ГАНУ*. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 2250. Л. 262-263). После праздника пристань убрали; от нее остались лишь уродующие берег сваи: «К крайнему сожалению, эта пристань снята, тогда как она осталась бы живым воспоминанием бывшего празднества и сохранила бы навсегда название Царской пристани, да к тому же и необходима для будущих праздников особ Царствующего дома, – писал местный житель. – А сверх того была бы чрезвычайно полезна для устройства с нее иордани; тут отлично хорошо могли помещаться крестные ходы в Богоявление Господне и Преполовение. Оставшиеся же ныне от нее сваи только безобразят берег» (*Сибиряк Василий Колохматов*. С. 5, примечание).

...князь Мышецкий... Валуев отмечал в своем дневнике после праздника: «Императрица с сожалением говорила о неудовольствиях, возбужденных в новгородском дворянском мире тем, что по представлению губернатора губернскому предводителю дан только орден св. Анны II степени, а уездным предводителям ничего не дано. Я уже прежде этим озабочивался. Кажется, можно будет поправить *post festum*» (*Дневник Валуева*. Т. 1. С. 190; после праздника – *лат.*).

...первый русский царь... – имеется в виду Иван III.

...другой царь... Иван IV.

Поэт не мог бы говорить России о «хвалебном немолчном плеске семи морей»... Неточная цитата из стихотворения А. С. Хомякова «России»:

Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко склонят взор,
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись –
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!

...если бы она не стала, по выражению другого поэта, «твердою ногой» при этом море... имеется в виду поэма А. С. Пушкина «Медный всадник».

...церковь Андрея Стратилата... расположена в южной части Кремля; до 1682 г. она существовала в качестве придела большого собора Бориса и Глеба. Предание о том, что церковь была построена в один день, после эпидемии моровой язвы в XIII в. князем Андреем Ярославовичем, братом Александра Невского, было распространено в середине XIX в. (см., например: *Славин А. П.* Путешествие русского человека на поклонение Господину Государю Великому Новгороду, Святой Софии златоглавой и ее заповедной святыне // *Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX – нач. XX в. Великий Новгород, 2008. С. 282*). См. также в «Путеводителе» И. К. Куприянова: *наст. изд. С. 317*.

...о Марфе Посаднице Карамзина... повесть Н. М. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» (1803). Дом Марфы Посадницы, на месте которого «теперь находится кузница», располагался, по признанию мемуариста, «недалеко от Ярославова дворища <...> на улице Рогате или Рогатице. От них уцелела теперь только одна развалина <...>» (*Славин А. П.* Путешествие русского человека на поклонение Господину Государю Великому Новгороду, Святой Софии златоглавой и ее заповедной святыне // *Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX – нач. XX в. Великий Новгород, 2008. С. 286*).

По другим сведениям, дом Марфы Борецкой располагался на Софийской стороне, на берегу Волхова, около современной улицы Розважа (см. в «Путеводителе» Куприянова: *наст. изд. С. 321*).

Наши летописи крайне бедны женским элементом <...> Карамзин создал значение этого пробела... Ср. в «Известии о Марфе-посаднице, взятом из жития св. Зосимы» Карамзина: «Женщины во все времена и во

всех землях жили более для семейственного счастья, нежели для славы: мудрено ли, что их имена редки в истории? Чем ближе народ к простоте естественной, тем менее влияния имеют они на политическую судьбу его. Не одно воспитание определяет скромную жизнь их: сама природа хотела того, дав им нежное сердце, чувствительные нервы, робость, стыдливость и болезни. Мы видим цель ее: кому-нибудь надлежало поручить воспитание и хранение младенцев <...> Марфа-посадница была чрезвычайная, редкая женщина, умев присвоить себе власть над гражданами в такой республике, где женщин только любили, а не слушались. Если бы современные летописцы разумели, что такое история и что важно в ней для потомства, то они, конечно, постарались бы собрать для нас возможные известия о Марфе; но не их дело было ценить характеры. В сказках, в песнях и в преданиях осталось более следов ее, нежели в летописях» (*Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 162-163*).

Его история... «История Государства Российского» Н. М. Карамзина.

М. О. Микешину были пожалованы орден св. Владимира 4-й степени и пожизненная пенсия... Пожизненная пенсия, назначенная Микешину, составляла 1200 рублей, позднее увеличенная до 1800 рублей. Наград удостоились и другие люди, участвовавшие в создании памятника. Инженер генерал-майор Евреинов получил Владимира 3-й степени. Не были забыты и менее заметные лица: коллежский асессор Брусницын, письмоводитель при строительстве, получил «единовременную денежную выплату»; купцы, руководившие подрядными работами, были награждены золотыми медалями «За усердие», временнообязанный крестьянин Иван Григорьевич Карabanов, десятник плотницких работ, был награжден почетным кафтаном.

...отпускать особую сумму денег новгородской дирекции училищ... Общая сумма, выделенная на эти цели, составляла 1200 рублей.

...народный гимн... «Боже, царя храни...».

...бал открылся, по обыкновению, польским... полонезом. Согласно бальному церемониалу, именно этим танцем должен был открываться бал.

Смуты 1863 года... Имеется в виду польское восстание 1863-1864 гг.

...всепоподаннейшем письме дворянских предводителей... Текст письма был опубл.: *СПт.* 1862. № 199. 13 сентября.

...новгородцев крестил мечом Путята, а огнем Добрыня... Выражение о Добрыне и Путяте, вперв. опубл. В.Н. Татищевым (см.: *Татищев В. Н. История российская. М., 1962. Кн. 1. С. 113*), стало устойчивым. См., например, его трактовку в труде фольклориста первой половины XIX века: «Когда нов-

городцы, по свидетельству Иоакимовской летописи, возмущенные тысяцким Угоняем и жрецом Богомилом, или Соловьем, не захотели креститься: тогда воевода Владимиров Путята, предводительствуя ростовцами, вступил в битву с непокорными новгородцами, а дядя Владимиров Добрыня велел зажечь их дома; от сего будто случая, бедственного для Новгорода и славного для Путяты и Добрыни, разнеслась в народе притча между новгородцами: *Путяты крести мечем, а Добрыня огнем*» (Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках И. Снегирева. Кн. IV. М., 1834. С. 116-117).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. И. Костомаров

О ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В ИСТОРИИ РОССИИ (Статья из публичного чтения в Новгороде 3 апр<еля> 1861 <года>)

Печ. no: ОЗ. 1862. №1. С. 84-105.

Свои наблюдения об удельно-вечевом укладе Костомаров оформил в книгу «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки)» (1863).

О посещениях Костомаровым Новгорода в первой половине 1860-х гг. см. ниже: *наст. изд.* С. 474; Чело. 2012. №2 (51). С. 73-77.

«В конце апреля (1861 г. – *сост.*) я получил просьбу прочитать публичную лекцию в пользу народного училища, – вспоминал Костомаров в своей «Автобиографии». – Я согласился и отправился в Новгород. Замечательно, что училище, для которого мне пришлось читать лекцию, было устроено в башне, по преданию той самой, где некогда висел вечевой колокол и помещалась вечевая изба, то есть канцелярия. Лекцию мою «О значении Новгорода в русской истории» я прочитал в зале дворянского собрания 3 апреля. Она была принята с большим сочувствием. На другой день я отплыл из Новгорода, торопясь ехать за границу» (Литературное наследие Н. И. Костомарова. СПб., 1890. С. 124-125).

...в этой земле было свое отличное наречие, близкое к южнорусскому... Ср. наблюдения Костомарова, сделанные в новгородских окрестностях в 1862 г.: «...я выехал в Новгород, где, пригласив с собою бывшего учителя

новгородской гимназии Отто, я пустился пешком для осмотра Ильменского побережья: я желал ознакомиться с бытом и наречием паозерцев, как называются жители этого края, говорящие своим особым говором, в котором справедливо видеть остатки древнего новгородского наречия. <...> Наречие их, как я заметил, имеет следующую особенность: 1) буква *o* никогда не изменяется на *a*; 2) *Ѣ* всегда выговаривается за *и*; 3) окончание *ть* в изъявительном наклонении глаголов всегда выбрасывается не только в единственном, но и во множественном числе, например, “даю” вместо “дают”, “полó жу” вместо “положут”; 4) полногласие сильнее, чем в обыкновенном русском языке, например, “верех” вместо “верх”; 5) употребляется много слов, неупотребительных в русском языке, существующих в малорусском, например, “шукать, хилить, шкода”, “що” вместо “что”, “жона” вместо “жена”, “чоловик” вместо “человек”; *я* вместо *a*; например, “девица, травица”» (Литературное наследие Н. И. Костомарова. СПб., 1890. С. 144-145; ср.: Костомаров. С. 9-12).

...предание о приходе с юга поселенцев на север... Костомаров полнее раскрыл свою мысль в «Севернорусских народоправстах...»: «Во многих наших хронографах XVI и XVII веков записана сказка, которую мы едва ли имеем право оставить в полном пренебрежении, хотя в ней действительно есть явные нелепости. Эта сказка носит название “О истории еже от начала русския земли и создании Новагорода”. В ней рассказывается, что потомки Афета – Скиф и Зардан, отлучившись от прочей братии, поселились на берегах Эвксипонта (Черного моря – *сост.*); потомки их там обитали долгое время, пока между ними не возникло междоусобие; тогда часть их, под предводительством Словена и Руса, решились оставить свое местопребывание, и пошли они искать себе нового отечества. Двигаясь на неизвестный им север, они дошли, наконец, до озера, которое по-белорусски называлось Мойско, оттуда вытекала река, носившая на том же языке древних тамошних туземцев название *Мутная*. Пришельцы начали гадать, и волшебная наука указала им, что именно здесь следует им основаться на жительство. Тут при истоке реки поставили они город и поселились. Озеро переименовали, по имени дочери Словена, в Ильмер, а реку по имени сына Словенова Волхва – Волхов. Потом они переименовали другие местности по именам членов семейства своих предводителей <...>

В этой сказке следует отличать книжные вымыслы грамотея, писавшего под влиянием тогдашней учености, от народных сказаний, которыми он пользовался, и которые отчасти сохранились в изустных местных преданиях. Поселенцы на берегах Ильменя и Волхова представляются пришельцами с юга, но сказка не говорит, что страна эта прежде была пуста: напротив, <...> народное воображение представляет край уже заселенным,

прежде чем пришли поселенцы с юга <...> Между насельниками, которых на севере нашли пришельцы с юга, сказание признает славян. Река, переименованная пришельцами в Волхов, прежде называлась славянским именем Мутная. Эти славяне изображаются белорусами, т.е. кривичами, ибо название Перуна сказание признает белорусским. Таким образом, по смыслу этого сказания, край Приильменский издревле населяли славяне отрасли белорусов, т.е. кривичей, а потом с юга подвинулись к ним другие единоплеменники, иная отрасль славянского племени» (*Костомаров*. С. 6-9).

...киевляне покорились добровольно Олегу... Костомаров трактует эпизод «Повести временных лет», записанный под 882 г.: «Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов <...> И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и показал Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Диру <...> И сел Олег в Киеве, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским»» (*Повесть временных лет*. С. 150). Н. М. Карамзин писал не о «добровольной» покорности киевлян, а о страхе перед жестоким завоевателем: «Олег, обогранный кровию невинных Князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, уstraшенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного Государя» (*Карамзин*. Т. I. Гл. V. Стб. 75).

...избирал одного из сыновей киевского князя Святослава... Владимир Святославович Святой.

Изяслава Ярославича... старший сын Ярослава Мудрого.

Всеволода Гавриила... Всеволод Мстиславович, сын Мстислава Владимировича, новгородский князь в 1117-1136 гг. В 1134-1135 гг. возглавлял неудачные походы на Суздаль.

Мстислав Удалой... Мстислав Мстиславович, новгородский князь в 1210-1215 и 1216-1218 гг.

Это событие есть начало новой русской истории... Отмена крепостного права рассматривалась многими современниками в качестве важнейшего этапа в истории России, который только по причине недавнего времени не запечатлен на памятнике. Характерен Пролог к гимну «Боже, Царя храни», сочиненный малоизвестным поэтом М. А. Марковым (1810-1876), опубликованный в праздничном номере «Сына Отечества»:

Явление Гения. Пролог к народному гимну.

В день открытия памятника тысячелетию России

Театр представляет собой лесистую местность, глубину сцены застигает густой туман, сквозь который пробивается утренняя заря; вокруг виден спящий народ; Гений России спускается при звуках тихой музыки.

Гений (с облака).

Проснись, восстань, народ мой славный –
Любимец Бога, друг Царя!

(Пробужденный народ встает, Гений сходит с облака).

Зажглась над Русью православной
Тысячелетняя заря;
Приветствуй час ее восхода:
Вошла с ней вечная свобода.

Один из старейшин.

Благословляем твой приход!
Но кто ты – с облачных селений
Зовущий к празднику народ?

Гений.

Твой вековечный страж, твой Гений:
Тот, кто варягу поручил
Тебя, повивши пеленами;
Тот, кто днепровскими волнами
Тебя с Владимиром крестил;
Тот, кто спасал тебя от ига
Орды несметной вражьих сил;
Тот, кто мечом Архистратига
Донского руку ополчил;
Тот, кто и предков и потомков
Из века в век оберегал;
Тот, кто из немощных обломков
Россию мощную создал –
И кто, во славу исполину,
Для просвещения и добра
Повел на подвиги Петра
И осенил Екатерину;
Кем вдохновенный, наконец,
Твой Царь, твой любящий Отец,
Разрушил рабства все основы,

Сорвал с тебя твои оковы
 И – с небывалой высоты –
 Тебе сказал: свободен ты!
 И ты проснулся к жизни новой,
 На труд и подвиги готовый
 С Верховным Пастырем своим.

Старейшина и народ.

Благодарим! Благодарим!

Гений.

Благодари не словом – делом:
 Послушен будь, храни закон,
 Оберегай душой и телом
 И свой покой, и Царский трон;
 Иди путями просвещения,
 Но изощрай на пользу ум;
 Не распложай преступных дум
 И стой стеной против волнения;
 Пускай подымлет злобный крик
 К тебе неопытное племя –
 Скажи в глаза ему, старик,
 Что дел великих цемент – время,
 Что не создашь в один размах
 Умом начертанного зданья;
 Не то – рассыплется во прах
 И не свершатся начинанья.
 Скажи, что ныне, как и встарь,
 Народу верны две опоры:
 На небе – Бог, здесь – Государь; –
 К ним помыслы, сердца и взоры! –
 Успех твой в Их делах благих;
 Восстань грозой противу слова
 В ущерб их имени святова:
 Тот враг тебе – кто против Них!
 Спаси от мудрости развратной
 Религиозный свой покой.

Старейшина.

Спасем: на почве благодатной
 Траве не вырасти дурной –
 Зародыш вытопчем пятой!

Спасем дарованное счастье;
 Уже смекнули мы умом,
 Что нам на долю дан Царем
 Свободный труд, а не безвластье;
 Мы честно двинемся вперед;
 Не отуманит нас тревога –
 За Русь родимую, за Бога
 И за Царя умрет народ!
 Клянемся в том, небесный вестник,
 Доверься нам – и не покинь:
     (указывая на народ)
 Владимира святого крестник
 Не нарушает клятв...

Гений.

Аминь!

Иди ж указанной дорогой –
 Тебе судьба готовит пир.
 Воздай за счастье жизнью строгой;
 Храни в среде любовь и мир;
 Трудись, радей об общем благе;
 Мужай в душевной красоте;
 Будь русским в поле – по отваге,
 И русским будь – по доброте;
 И процветет из рода в роды
 Роскошно честная семья!
 И удивятся ей народы –
 С ней вечно будет Бог и я!

(Восходит на облако).

Старейшина.

Дозволь почтить тебя хвалою:
 Желает пламенно народ
 Воспеть счастливый твой приход
 С тысячелетнею зарею.

Гений.

В твоём Царе живет мой дух:
 Он твой защитник, друг и гений;
 Но не найдешь ты песнопений
 Достойных царственных заслуг:
 Пусть благодарственно и звучно

Молитва грянет россиян,
 С ней будет Имя неразлучно
 Освободителя крестьян.
 Прославь к Небесному мольбою
 Отца земного своего...
 (*Поднимается на облака*).

Смотри – уж всходит над тобою
 Изображение Его...
 (*Появляется солнце, Гений улетает*).

Народ (*обращаясь к солнцу, преклоняет колена и поет гимн «Боже, Царя храни!» Во время пения под солнцем выясняется из тумана памятник тысячелетия России»*).

(СО. 1862. № 216. 8 сентября).

Н. К. Отто, И. К. Куприянов

**Из книги «БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ЛИЦ,
 ИЗОБРАЖЕННЫХ НА ПАМЯТНИКЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ,
 ВОЗДВИГНУТОМ В Г. НОВГОРОДЕ В 1862 ГОДУ»**

Вперв. опубли.: Новгород, 1862. Часть книги «Несколько слов о памятнике тысячелетия России» была полностью опубликована в «Памятной книжке Новгородской губернии на 1863 год» (Новгород, 1863. С. I-V; подпись: О. и К.).

Об Иване Киприяновиче Куприянове см. ниже: С. 474.

См. краткую рецензию на книгу, опубликованную в местных губернских ведомостях: «На днях поступит в продажу только что отпечатанная в Новгороде книга под заглавием: «*Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России*»; составлена учителями Новгородской гимназии *Н. Отто* и *И. Куприяновым*».

Книга эта служит необходимым пособием при обозрении 1000-летнего памятника России, воздвигнутого ныне в Новгороде; в ней изложены, в последовательном порядке, биографии всех достопамятных лиц (числом 109), которые изображены на новгородском памятнике; представлено также и краткое описание самого памятника, так что осматривающий его с этою книгою в руке может скоро, легко и удобно ознакомиться со всеми замечательными деятелями русской земли за истекшее 1000-летие ее госу-

дарственного устройства; след.<овательно>, почти со всею историею России в лице избранных представителей за этот период на разных поприщах общественной деятельности» (*Нзв.* 1862. №32. Часть неофициальная).

В сборник включены избранные статьи из книги (о главных героях памятника, а также очерки о личностях, правомерность увековечивания которых обсуждалась в 1861-1862 гг.).

Список выдающихся деятелей России, попавших на барельеф, перерабатывался несколько раз в 1860-1862 гг. (см. подробнее: *Антощенко А. В.* (elibrary.petrstu.ru/m1000/ideas/); *Захаренко А.Г.* История сооружения памятника «Тысячелетию России» в Новгороде // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Т. II. Историко-филологический факультет. Вып. 2. Новгород, 1956. С. 62-74 и др.). 22 августа 1860 г. Микешин подал Чевкину список героев нижней части памятника (См.: *РГИА.* Ф. 207. Оп. 3. Д. 123. Л. 11-12 об.). Художник предлагал включить в отделе «Просветители» новгородских святых (Антоний Римлянин, Варлаам Хутынский, Иоанн Новгородский и др.). Отдел «Военные люди и герои» не был изначально столь обширным (он включал в себя 28 фигур, а не 36).

Чевкин исправил список Микешина. Он удалил «новгородцев», повторения – т.е. вычеркнул фигуры главных деятелей России, представленных в центральной части памятника (позднее их вернули на памятник). Наконец, расширил список «Военных людей» за счет адмирала Нахимова, фельдмаршалов Дибича и Паскевича.

7 сентября 1860 г. исправленный список был просмотрен Александром II. В целом согласившись с выбором, он вписал адмиралов Лазарева и Корнилова.

После утверждения списка были внесены изменения: в разделе «Писатели и художники» убраны Гнедич, Державин, вместо них Микешин рассчитывал поместить Гоголя и Шевченко.

В конце 1861 г. список был впервые опубликован: именно его обсудил Ф. И. Буслаев; см.: *наст. изд.* С. 52-67. Этот список отличался от окончательного варианта: первоначально в него входили актер И. Дмитриевский и поэт Т. Г. Шевченко; их изображения были изъяты. Впоследствии на памятнике появились Николай I и Державин.

Гнедич попал в число героев памятника (хотя очерк о нем не вошел в книгу). Отсутствие Державина на памятнике вызвало оживленное обсуждение; малоизвестный поэт И. Дейнека опубликовал такие стихи:

Ты памятник себе воздвиг, о бард, не вечный,
Не тверже мрамора, не выше пирамид,
И славу ветр твою развеял быстротечный,

И ты, и гений твой совсем уже забыт.
 Тысячелетие свое Россия правит,
 И скоро невдали от Званки твоея
 «Передовым» своим всем памятник поставит,
 Но в памятнике том нет места для тебя

(Домашняя беседа. 1862. Вып. 16. С. 374).

Появление на памятнике Шевченко – личная инициатива Микешина. Это решение, надо думать, было обусловлено следующими обстоятельствами. Они были знакомы (Микешин – автор воспоминаний о поэте, см.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 310-317). Шевченко скончался 26 февраля 1862 г., в разгар работы над памятником.

29 июля 1862 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована заметка И. К. Куприянова «Несколько слов о памятнике тысячелетия России» с сообщением: «На барельефе памятника произведены небольшие изменения против первоначального плана; некоторые лица, как менее замечательные, уничтожены вовсе и заменены другими; не будут помещены на барельефе св. Митрофаний Воронежский, Дмитревский (актер) и Шевченко (поэт), а взамен их будут изображены император Николай I (в числе государственных людей) и Державин (в отделе литераторов)». Митрофаний (1624-1703), епископ Воронежский, остался в числе героев памятника.

Ко времени публикации объявления тираж книги Отто и Куприянова (цензурное разрешение подписано 27 апреля 1862 г.) был уже, по всей видимости, напечатан. Авторы вынуждены были дополнить свою книгу разделом «Прибавление», который составили очерки о Николае I и Державине (в основном же разделе сохранились очерки о Дмитревском и Шевченко).

Имеет смысл переписать оглавление книги Отто и Куприянова, заодно – перечислить героев, попавших на памятник:

Просветители:

1. Кирилл и Мефодий.
2. Великая княгиня Ольга.
3. Великий князь Владимир.
4. Святой Авраамий Ростовский.
5. Святые Антоний и Феодосий.
6. Святой Кукша.
7. Нестор летописец.
8. Святой Алексей митрополит.
9. Святой Сергий Радонежский.
10. Святой Кирилл Белозерский.
11. Святой Стефан Пермский.
12. Святой Иона митрополит.

13. Святые Савватий и Зосима.
14. Максим Грек.
15. Митрополит Макарий.
16. Святой Гурий.
17. Святой Варсонофий.
18. Князь Константин Острожский.
19. Петр Могила.
20. Патриарх Никон.
21. Ф. М. Ртищев.
22. Святой Митрофаний.
23. Святой Дмитрий Ростовский.
24. Феофан Прокопович.
25. Святой Тихон Задонский.
26. Георгий Конисский.
27. Митрополит Платон.
28. Архиепископ Иннокентий.

Государственные люди

1. Ярослав I.
2. Владимир Мономах.
3. Гедимин.
4. Ольгерд.
5. Витовт.
6. Иоанн III.
7. Сильвестр.
8. Царица Анастасия.
9. А. Ф. Адашев.
10. Патриарх Гермоген.
11. Михаил Федорович.
12. Патриарх Филарет.
13. Алексей Михайлович.
14. Артамон Матвеев.
15. А. Л. Ордын-Нащокин.
16. Петр I.
17. Князь Яков Долгорукий.
18. И. И. Бецкий.
19. Екатерина II.
20. Князь А. А. Безбородко.
21. Князь Г. А. Потемкин.
22. Князь В. П. Кочубей.
23. Александр I.

24. Князь М. С. Воронцов.
25. Граф М. М. Сперанский.

Военные люди и герои

1. Святослав.
2. Мстислав Удалой.
3. Даниил Галицкий.
4. Довмонт Псковский.
5. Александр Невский.
6. Михаил Тверской.
7. Дмитрий Донской.
8. Кейстут.
9. Князь Д. Д. Холмский.
10. Князь М. И. Воротынский.
11. Князь Д. В. Щеня.
12. Марфа Посадница.
13. Ермак Тимофеевич.
14. Князь М. В. Скопин-Шуйский.
15. Козьма Минин.
16. Князь Д. М. Пожарский.
17. Авраамий Палицын.
18. Иван Сусанин.
19. Богдан Хмельницкий.
20. Граф Б. П. Шереметев.
21. Князь М. М. Голицын.
22. Граф П. С. Салтыков.
23. Граф Б. Х. Миних.
24. А. Г. Орлов-Чесменский.
25. П. А. Румянцев-Задунайский.
26. А. В. Суворов.
27. М. Б. Барклай-де-Толли.
28. М. И. Кутузов-Смоленский.
29. Д. Н. Сенявин.
30. М. И. Платов.
31. П. И. Багратион.
32. И. И. Дибич-Забалканский.
33. И. Ф. Паскевич-Эриванский.
34. М. П. Лазарев.
35. В. А. Корнилов.
36. П. С. Нахимов.

Писатели и художники

1. М. В. Ломоносов.
2. Д. И. Фон-Визин.
3. Ф. Г. Волков.
4. И. А. Дмитриевский.
5. А. Ф. Какорин (Кокоринов).
6. И. А. Крылов.
7. Н. М. Карамзин.
8. В. А. Жуковский.
9. А. С. Грибоедов.
10. М. Ю. Лермонтов.
11. А. С. Пушкин.
12. Н. В. Гоголь.
13. М. И. Глинка.
14. К. П. Брюллов.
15. Т. Г. Шевченко.
16. Д. С. Бортнянский.

Дополнение

1. Император Николай I.
2. Державин.

Расположение двух последних очерков обусловлено, таким образом, объективными причинами. В то же время этот раздел является частью замысла авторов, которые как будто исключают двух героев из числа личностей, которыми Россия должна гордиться.

Личность Державина охарактеризована чрезвычайно резко; авторы, пользуясь расхожими в 1860-е гг. формулировками «реальной критики», отвергают его значение для русской литературы (см. об этом подробнее: *Зорин А. Глагол времен // Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив... М., 1987. С. 76-154*).

Вряд ли случайно, что завершающим аккордом книги Отто и Куприянова стала цитата первых двух строф «Памятника» Державина. Их расположение заставляет думать, что речь здесь идет не столько о Державине, сколько о неуместной попытке правительства отразить на памятнике Мишкина официальную «табель о рангах» героев России.

Бесчестным Русь давя ярмом... из стихотворения В. А. Жуковского «Русская слава».

...ерлыков... Ерлык, ярлык, здесь – грамота татарского хана.

Правеж... «взыскание долга, пени и вообще денег с истязанием» (*Даль. Т. III. С. 378*).

...инсургентов... Инсургент – повстанец.

...рангоута и такелаж... Рангоут – «все деревянное (а ныне и железное) вооруженье судна...» (*Даль*. Т. IV. С. 58). Такелаж – «снасти, все веревочное вооружение, снаряжение корабля» (*Даль*. Т. IV. С. 387).

...гелертеров... Гелертер – ученый педант.

Пушкин... В очерке необходимо отметить фактические неточности. По словам авторов, Пушкин вовсе не был сослан в Михайловское, а находился на юге (в Кишиневе, а потом – в Одессе) с 1820 до 1826 г. На самом деле Пушкин находился в Михайловской ссылке с 1824 по 1826 гг.

В цитате из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» «наполеонов столп» (т.е. Вандомская колонна, установленная в Париже в честь Наполеона Бонапарта) заменил «александрийский столп»: по всей видимости, Пушкин имел в виду одно из семи чудес света – маяк в Александрии.

При жизни Пушкина стихотворение опубликовано не было. В. А. Жуковский, редактор первого посмертного собрания сочинений Пушкина, изменил образ, опасаясь цензуры (полагая, что автор имел в виду Александровскую колонну – памятник в честь Александра I на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге). Впервые оригинальный пушкинский текст был опубликован в 1881 г.

<И. К. КУПРИЯНОВ>

ПРОГУЛКА ПО НОВГОРОДУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМ

Вперв. опубл. (анонимно, под заглавием: «Письма из Новгорода»): Новгородские губернские ведомости. 1862. Часть неофициальная. №26-28 (письмо I-III); 30-35 (IV-VIII). Первое письмо имеет указание: «от корреспондента «Северной почты». *Печ. по:* Прогулка по Новгороду и его окрестностям. Составил И. К-ть. Новгород, 1862.

Газетный вариант путеводителя написан от первого лица, которое заменено множественным числом («мы»), что более подходило для избранной манеры повествования (прогулки по городу под руководством экскурсовода). Свою книгу Куприянов разделил на главы, содержание и объем которых соответствуют письмам, публиковавшимся в «Новгородских губернских ведомостях».

Иван Киприянович (Куприянович) Куприянов (1820 (по другим сведениям – 1826)-1878 ?) – в 1846-1865 гг. работал в Новгородской губернской гимназии учителем русской грамматики и географии (см.: *Жервэ Н. Н.* Новгородский краевед И. К. Куприянов – корреспондент журнала «Москвитянин» // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 23-25 января 1996. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 229-235). В 1850 – п.п. 1860-х гг. сотрудничал с петербургскими и московскими журналами, выступая с публикациями о Новгороде. См. избранную библиографию работ Куприянова, опубликованных в «Москвитянине»: Указатель статей и материалов по истории, словесности, статистике и этнографии России, помещенных в «Москвитянине» за 1841-1853 годы. Составлен Петром Бартевым. М., б.г. После отъезда из Новгорода Куприянов сотрудничал с «Русской Стариной» М. И. Семецкого. В журнале он отметился лишь публикацией былины «Ермак Тимофеевич» (См.: *РС.* 1872. Т. VI. С. 702).

Знаком новгородских древностей, Куприянов проводил экскурсии для многих столичных литераторов, которые оставили благодарные отклики о совместных прогулках. См., например, у М. П. Погодина, посетившего Новгород весной 1858 г.: *Погодин М. П.* Прогулка в Новгород. СПб., 1859; Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга шестнадцатая. СПб., 1902. С. 138-158.

Н. И. Костомаров, посетивший Новгород в конце июля 1860 г., писал в своей «Автобиографии»: «...познакомившись там (в Новгороде – *сост.*) с известным в то время знатоком местной старины Иваном Куприяновичем Куприяновым, в течение десяти дней осматривал город, посетил все его церкви, обозрел в них все остатки старины...» (Литературное наследие Н. И. Костомарова. СПб., 1890. С. 116).

Поэт А. Н. Майков в письме к И. П. Можайскому от 21 мая 1862 г. так вспомнил свое недавнее посещение Новгорода: «Неделя, проведенная мною у вас в Новгороде, вышла для меня каким-то светлым оазисом с населением, в котором древние мужи новгородские, вызванные к жизни Ник<олаем> Ивановичем (Костомаровым – *сост.*), как-то странно перемешались со всеми вами, и с Ив<аном> Куприяновичем, и с милейшим Никол<аем> Карловичем (Отто – *сост.*), и со всеми вашими семьями. Надо будет повторить эту прогулку» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Л., 1977. С. 113). Поездка состоялась в начале мая 1862 г.; Новгород Майков посетил вместе с Н. И. Костомаровым и Н. П. Барсуковым.

Публикуемый путеводитель был одним из трех, опубликованных в юбилейном году (см. два других: *Макарий (Миролюбов Н. К.)*).

Путеводитель по Новгороду с указанием на его древности и святыни. СПб., 1862; <Долгоруков В. А.> Путеводитель по Новгороду: Справочная книга для едущих на открытие памятника тысячелетию России. СПб., 1862. См. об авторе последнего путеводителя: Мельцин М. О. Автор одного из первых путеводителей по Новгороду // Новгородика-2006. К 100-летию академика Д. С. Лихачева. Материалы международной научной конференции. 20-22 сентября 2006 г. Часть 1. Великий Новгород, 2007. С. 257-264). Именно книга Куприянова стала в какой-то мере образцом для поздних путеводителей: характерно, что в 1891 г. С. З. Бураковский, автор еще одного путеводителя, среди всех подобных книг выделил именно куприяновский, упомянув его в числе наиболее значительных книг о Новгороде, которыми он пользовался (см.: Бураковский С. З. Путеводитель по Новгороду и его окрестностям. Новгород, 1891).

В местной новгородской прессе «Путеводитель» Куприянова преподносился исключительно как туристический справочник: «В ней (книге Куприянова – *сост.*) описаны исторические достопримечательности Новгорода и его окрестностей, представлены также и статистические сведения о нынешнем Новгороде; книга эта может служить надежным путеводителем по Новгороду для всякого, кто желает ознакомиться с его достопримечательностями» (*Изв.* 1862. №36. Часть неофициальная). Однако книга сразу приобрела устойчивую славу скандального издания: см., например, его оценку в статье «Гудка» (*наст. изд.* С. 117).

Острые замечания о бытии современного Новгорода соседствуют с подробными описаниями постепенной гибели памятников древнерусского искусства. Имеет смысл выписать впечатления на этот счет петербургского ученого-филолога П. Н. Полевого (сына Н. А. Полевого), посетившего Новгород весной 1862 г. Заметка, появившаяся впервые в газете И. С. Аксакова «День», была опубликована в последнее время (см.: *Вихрова Н. Н.* Из Новгорода Великого. Новгородские материалы на страницах славянофильской газеты «День» (1861-1865) // *НАВ.* Вып. 11. С. 37-43), однако в современную публикацию не были включены важные примечания Аксакова.

Точка зрения П. Полевого чрезвычайно созвучна с той, которая была высказана Куприяновым: «Очень жалею, что такие простые и непреложные истины встречают мало сочувствия себе в нашем обществе, можно даже сказать, не понимаются вовсе большинством его. Прямым доказательством тому служит плачевное состояние наших древностей вообще (а новгородских в особенности) и невыносимо-грубое отношение к ним всякого рода начальств. Действительно, стоит взглянуть на новгородские древности, чтобы подивиться русскому равнодушию к родной старине, словно она и не родная нам – мы сами по себе, а она сама по себе. Зайдите в новгород-

ский Кремль со стороны Волховского моста, поверните налево и ступайте вдоль древней стены новгородской. Что вы там встретите? Никем не поддерживаемые, заброшенные, заглохшие развалины, полные следов древней жизни и новейшего к ним презрения. В стене прежде всего неприятно бросится вам в глаза недавно отстроенная часть ее, обращенная в соляной магазин. Взгляните на первую башню, какая попадется вам на пути, загляните потом и во все остальные: невольную грусть навевают на вас их заложённые кирпичом окна и бойницы, отвратительная вонь и нечистота внутри их, всюду, куда только вход не загражден железной решеткой, из-за которой вы можете в одной из башен рассмотреть груды бумаг и старых дел, сваленных туда, вероятно, из соседних присутственных мест. К другой башне, рядом с Покровкою, прилеплена отвратительная, полусгнившая деревянная пристройка, служащая помещением для каких-то солдат: внизу грязная казарма, а наверху опять-таки архив, только не присутственных мест, а инвалидной команды, как мне рассказал солдат-сторож. К следующей за Покровкою башней опять очень неуклюже прилажена пристройка, но уж не деревянная, а каменная, помещающая в себе лестницу к трем этажам башни. Так как она покрепче других, то начальство придумало ей и употребление *поблагоднее*: внизу огородило каменной оградой с караульным домом и собирается в ней «тюрьму делать», по выражению одного из солдат, сопровождавших меня на верх башни. Все пространство Кремля между присутственными местами и стеною занято какими-то жалкими огороженными, кучами всякого сора и битого кирпича, обсыпавшегося со стены; среди огородов – несколько покривившихся сараев; везде грязь, нестерпимая вонь и нечистота, все поросло и заглохло крапивой и релейником...

Кремлевские стены обваливаются постоянно. Не далее как на прошлой неделе обрушилась в Волхов значительная часть восточной стены Кремля. Между тем, как я осматривал эту еще свежую развалину и с невольным трепетом глядел на громадные груды булыжнику, плиты и кирпича, которые покрыли весь – в этом месте очень крутой – берег Волхова, пришел какой-то старик-купец, стал рядом со мною и стал тоже смотреть на развалину. «Никого не придавило стеной? Как у вас слышно?» – спросило я его. «А кто ее знает? – отвечал старик: в ночь упала, а кабы днем, так наделала бы дела – народу-то тут внизу немало толчется. Вот разрывать станут, так увидим. А и то правда: как им *старым* не валиться, когда их никто не поддерживает: всякий еще норовит, как бы привалить к ним что-нибудь потяжелше, то кирпич, то бревна для построек – ну, и надо им обрушиться».

Всего неприятнее встречать равнодушие к древности в духовенстве и монахах, которые бы, кажется, более всех должны были ею дорожить и

гордиться. Как то, так и другое сословие гораздо более заботится о *преходящем*, чем о прошедшем, и преспокойно пристраивает к массивному и простому зданию старинной церкви узкую колокольню самого модного архитектурного стиля. А что ожидает любителя русской старины в Юрьевском монастыре? Там старины словно и нет вовсе, так все ново, чисто, так хорошо отделано, поправлено, так грубо подновлено... Прежде всего ужасно неприятно поразит каждого яркая подмалевка стеной живописи на соборной паперти: за спиной Юрия, изображенного налево от входа, написан Юрьевский монастырь в том виде, какой придан был ему перестройками Фотия на счет бесчисленных вкладов Орловой; живописец особенно тщательно занялся отделкою золотых маковок и совершенно синей воды, не позабыл даже изобразить на горизонте пароход с дымящеюся трубою!»

И. С. Аксаков заметил по этому поводу в примечании: «Охота вносить *современные* сюжеты в иконописные стеновые изображения в некоторых монастырях переходит пределы комизма: мы разумеем здесь те иконы, где под видом святого изображается портрет соименного святому важного лица, т.е. какой-нибудь предержавшей власти. Это уже нисколько не смешно; тут уже не наивность, а умышленная, грубая, низкая, преступная лесть».

«Очевидно, – пишет далее П. Полевой, – древние сюжеты стеной живописи внутри собора (особенно в придельных алтарях) подновлены также грубо и ярко. «Видно, вам новенькое-то уж надоело, что вы на старое-то засмотрелись? – сказал мне монах, сопровождавший меня в собор. – А тут смотреть-то, правду сказать, и не на что: ведь в этой старине ничего хорошего нет, искусства, можно сказать, никакого-с, уродливо уж очень, некрасиво...» Когда я обращался к нему с расспросами касательно времени, к которому относились те или другие образы и вещи, он отзывался совершенным неведением; говорил, что «это, мол, старье, значит, смотреть на это не стоит», и тут же сводил разговор на Фотия и на Орлову, восхвалял их до небес и рассказывал, в каком бедственном положении находился монастырь до Фотия: «тогда, – говорил он, – было нас в монастыре всего десятеро, а теперь около ста».

Да, тяжелое, грустное впечатление оставляет новгородская старина на каждого, кто ее посещает и всматривается с любовью в ее великолепные обломки. Мне не раз приходило в голову, когда я бывал в новгородском Кремле, что вместо пресловутого памятника тысячелетию России едва ли не гораздо лучше было бы поддержать в целости старинные кремлевские стены и башни, живые памятники столетий, оградить их, кроме того, и от начальственного произвола, и от осквернения невежд. Не будет ли смешон этот памятник, новенький и красивенький, среди величаво-важных стен,

покрытых седым мхом веков? Не странно ли ставить памятник старине, – к развалинам и красноречивым остаткам которой мы так равнодушны?..

14 мая 1862».

«Более чем странно... – недоумевал И. С. Аксаков. – Впрочем, мы желали бы знать – от кого зависит поддержка стен и башен Кремля, т.е. к какому ведомству прикомандирована новгородская старина, кто начальник останков вольного Новгорода? Просим убедительно нашего корреспондента сообщить нам эти сведения» (*Полевой П.* Из Новгорода Великого: Несколько слов о новгородских древностях // *День.* 1862. №33. 26 мая).

Возникший вопрос и в самом деле был чрезвычайно актуальным. В Новгороде в описываемое время не было «начальника останков». Обозначенные И. Аксаковым проблемы на государственном уровне стали обсуждаться в 1869 г., когда председатель Московского археологического общества А. С. Уваров обнародовал «Проект мер охранения памятников старины». Согласно ему, в губерниях вводилась выборная должность блюстителя, ответственного за сохранность памятников (см. подробнее: *Полякова М. А.* Охрана культурного наследия России. М., 2005. С. 30-33).

...ко дню празднования памяти св. Варлаама Хутынского... – 6 (19) ноября.

...«поля и нивы полосаты»... неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Деревня»:

Здесь вижу двух озер лазурные равнины
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты,
Везде следы довольства и труда...

Званка... имение Г. Р. Державина. Д. А. Державина, вторая жена поэта, скончавшаяся в 1846 году, завещала имение духовному ведомству для устройства там женского монастыря. Званский Знаменский монастырь появился в 1869 году, спустя семь лет после публикации книги Куприянова.

В 1863 г. Званку посетил академик, издатель академического Полного собрания сочинений Державина Я. К. Грот. Тот так передал свои впечатления: «Влево от дома (если стоять лицом к реке) был сад, теперь совершенно заросший: только на стоящем отдельно крутом холме видны деревянные столбы находящейся тут беседки, около которой еще и теперь особенно густо растет зелень с одичалыми цветами. <...> Уцелели только не-

многие строения: баня, где отводилось иногда помещение некоторым из гостей, съезжавшихся на Званку; каретный сарай и часовня. Стоявшая внизу, вправо от усадьбы, ткацкая, где приготавливались сукна и полотна, совершенно исчезла. Но сзади места, где был господский дом, виден теперь навес, под которым сложены разнообразные бревна и доски его; там же стоят два каменные небеленные флигеля, построенные по смерти Державина его вдовою для келий предполагавшегося монастыря» (*Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 642-643*).

...«по шкурке, так и быть, возьмите, а большие их не троньте волоском»... из басни И. А. Крылова «Слон на воеводстве».

...лейб-гвардии Гродненский гусарский полк... с 1832 г. располагался в д. Селищи. Ср. в записях историка полка: «Поселение находилось в 50 верстах от Новгорода, на берегу р. Волхова и в девяти верстах от Петербургской дороги, соединяясь с Новгородом прекрасным шоссе. Красивые каменные здания, назначенные для казарменных помещений, расположены были громадным квадратом, заключавшем в себе полковой плац, окруженный широким бульваром с большими тенистыми деревьями. В одном конце плаца находился полковой манеж – замечательное здание по своей величине и легкой архитектуре, дальше высилась изящная каланча, а кругом были разбросаны красивые офицерские дома, окруженные садиками. Общий вид дополнялся домом полкового командира, большим двухэтажным зданием, и дворцом, на случай приезда высочайших особ и начальства. Соседями нашими сделались уланы Его Величества (т.е. лейб-гвардии Уланский Его Императорского высочества полк, располагавшийся в Муравьевских казармах – *сост.*), занявшие штаб 2-го округа пахотных солдат в 25 верстах от нас, а еще далее на 12 верст находились лейб-драгуны (т.е. лейб-гвардии драгунский полк, располагавшийся в Кречевицких казармах – *сост.*)» (*История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Т. I. 1824-1865. Составил того же полка штаб-ротмистр Ю. Елец. СПб., 1890. С. 172-173*).

Удаленное от городов размещение полка, по мнению его историка, было полезным не только для Новгорода, но и для военных. «Расположение полка было оригинальным уже потому, что не могло быть подведено под общую рубрику стоянок нашей конницы, – отметил он. – <...> Это был, если можно так выразиться, *гусарский монастырь*. И действительно, только фантазия временщика Аракчеева могла выбрать уединенное место на малонаселенном берегу реки Волхова, и там возвести нечто вроде идеала военных казарм. <...> Отсутствие городской жизни и ее интересов более привлекало офицеров к службе, и время пребывания полка в Селищенских казармах может считаться одной из блестящих эпох преуспевания полка в служебном отношении» (Там же. С. 271, 273).

Полк участвовал в военном параде 8 сентября 1862 г. (См.: там же. С. 266-268).

Иван Васильевич IV, посетив однажды Хутынский монастырь... Описанные события, известные по «Житию Варлаама Хутынского», произошли с Иваном III.

III Новг.<ородская> лет.<опись>... Здесь и далее автор цитирует издание: Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. СПб., 1841 (в третьем и четвертом томе этого издания публиковались новгородские летописи).

...крестный ход из Софийского собора и всех городских церквей в Хутын монастырь... См.: Крестные ходы, местные праздники и церковные обряды Древнего Новгорода. Составил И. К. Куприянов. Новгород, 1859. Републ.: Чело. 2009. № 2-3 (44-45). С. 17-28. Упом. Варлаамьевская ярмарка.

...подлинную пергаменную грамоту св. Варлаама... Имеется в виду вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю на землю с угодьями, челядью и скотом в окрестностях монастыря.

...немецкой колонии... Имеется в виду Николаевская колония.

Колмово... Колмов Успенский мужской монастырь был основан в конце XIV века, в 1764 году был упразднен, а бывшие монастырские постройки перешли в ведение Приказа общественного призрения. Во время написания книги там располагались Колмовские богоугодные заведения (больница на 30 мест, дом для умалишенных, богадельня и воспитательный дом).

...московскому пророку Ивану Яковлевичу... Пророк и целитель первой половины – середины XIX века, проживавший в сумасшедшем доме в Москве (см. о нем: Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. Издание Н. Баркова. М., 1864. С. 3-37).

...толпы богословов, философов и грамматиков... В духовных учебных заведениях грамматики – ученики младшего класса, затем следовал класс риторики, класс философии и старший класс – богословия.

«Памятники старинной русской литературы»... Имеется в виду издание: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцию Н. Костомарова. Вып. 1-4. СПб., 1860-1862.

Сокольницкий монастырь... Сокольницкий Николаевский женский монастырь, разобранный в 1781 г.

Улица, по которой мы теперь поедем, прозывается Буяною... Улица Бояна в описываемые времена выходила на пристань: приезжие начинали складывать впечатления о Новгороде от этой улицы, в описании которой Куприянов точен. Ср. стихотворный экспромт Н. А. Добролюбова «Посещение Новгорода» (1858):

Ровно в три часа поутру
Пароход пришел,
И я тотчас древний город
Посмотреть пошел.

Еще мирно спит весь город,
Но его покой
Веет бурей жизни прошлой,
Вольной, удалой.

На Буяновском проспекте
Преодо мной лежал
Человек с подбитым глазом
И спокойно спал.

Тут же, близко, в *заведеньи*
Выбито стекло, –
Точно пренье вечное
В эту ночь в нем шло.

Дальше дом, вчера сгоревший.
Два солдата рвут
В нем задвижки, гвозди, петли:
Бескорыстный труд!

Вот две дамы едут шумно,
Что-то мне кричат;
Но язык им плохо служит,
Мутен что-то взгляд

(Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М.-Л., 1964. С. 66).

Впервые о происхождении названия улицы от имени легендарного древнерусского книжника заявил Н. Н. Муравьев: «улочка Бояна любопытно напоминает об имени Бояна» (*Муравьев Н. Н.* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828. С. 39). О происхождении этого названия от буяна (речной пристани, места выгрузки товаров) писал Евгений (Болховитинов): «Новгородская улица Буяна знаменита издревле потому, что к ней на берег приставали все торговые иностранные суда и на ней сгружали товары. По имени сей улицы в Петербурге, в Астрахани, в

Архангельске и в других российских портах, где бывает выгрузка товаров, прозваны Буянами» (*Исторические разговоры*. С. 56). См. также другие версии происхождения топонима: *Васильев В. Л.* Архаическая топонимика Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 340-342.

Прежний исторический мост, с которого свергали, как с Тарпейской скалы... Тарпейская скала – скала в Риме на Капитолийском холме, с которой в античные времена сбрасывали преступников. В 1825 г. был составлен проект нового моста по проекту инженер-полковника Рейхеля (см.: *Корнилович М.* Волховский мост в Новгороде // *Спч.* 1833. № 199-200). 1 апреля 1831 г. состоялось его открытие, см. отзыв современника: «Как прекрасен этот мост! Какая соразмерность в частях и в целом, в арках, высящих над рекою! Везде полезное в сочетании с приятным. Какие виды он открыл на оба отдаленные пункта, с одной стороны замыкающие общую картину Антоновым монастырем с рощею, с другой белеющая монастырем Юрьевым и деревнями» (*Мартос А.* Письмо к издателю из Новгорода. 4 апреля 1831 г. // *Спч.* 1831. №84. 15 апреля).

Перекомский монастырь... Имеется в виду Перекомский Николаевский Розважский мужской монастырь.

Мартирий... Мартирий Рушанин, новгородский архиепископ с 1193 по 1199 гг.

Мстислав Ростиславович... Мстислав Ростиславович Храбрый, князь новгородский (1179-1180). Упом. столкновения с Чудью, произошедшие в 1179 г. Особо чтимый местный святой, память его празднуется 14 июня.

...св. Никита... Новгородский епископ (ок. 1096-1109), святой. Переказываются события из жизни Никиты, описанные в его житии.

...тяжкая рука Святослава... Великий князь Киевский Святослав Игоревич, воевавший с греками в 70-х гг. X в.

Княгиня Анна, дочь шведского короля и супруга великого князя Ярослава I... По предположению В. Л. Янина, в Софийском соборе похоронена не мать Владимира Ярославовича, а его жена, княгиня Александра (см.: *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 119-140).

...греческий огонь... зажигательная смесь, употребляемая греками в военных целях.

...перестройка <...> с 1830-<18>37 гг. ... В книге П. Соловьева сообщаются подробности работ: «В 1832 году, при митрополите Серафиме, главы на соборе, кроме средней, обиты новою английскою жестью. В это

время над среднею главою надстроена верхушка, в виду луковицы; а до того времени глава сия имела вид опрокинутого котла. В 1833 году собор по железным стропилам покрыт листовым железом, и стены со всех сторон, на полтора аршина от земли, обложены цоколем. <...> вся северная часть собора, в которой находятся приделы Иоанна Богослова и Иоанна Предтечи, и часть восточной и западной стены, до самой северной стены главного собора, вновь перестроены, без малейшего отступления от прежнего плана и фасада сей части, на старом фундаменте (*Описание*. С. 23-24, 25).

Архиепископ Иоанн... 4 октября 1856 г. мощи Иоанна были переложены в новую «серебряную, высокой работы, раку» (*Описание*. С. 102).

...на рели... Рель – «выпуклая, возвышенная полоса, хребтик...» (*Даль*. Т. IV. С. 91).

Григорий... новгородский архиепископ (1186-1193).

Изяслав Владимирович... муромский князь, убитый 6 сентября 1096 г. во время битвы под Муромом.

Мстислав Ростиславович <...> *троюродный брат соименного ему св. князя...* Мстислав Ростиславович Безокий (умерший в 1178 г.). Упом. Мстислав Ростиславович Храбрый.

Василий Мстиславович... старший сын новгородского князя Мстислава Мстиславовича Удалого.

Иоаким... Иоаким Корсунянин (умерший в 1030 г.), первый новгородский епископ, приехавший в Новгород из Византии по приглашению князя Владимира Святославовича в 989 году.

Амвросий Подобедов... митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1791-1818).

Дмитрий (Димитрий) Сеченов... архиепископ Новгородский (1757-1767).

Гробницы семейства Ростовских-Катыревых... Князь М.П. Катырев-Ростовский, воевода Новгородский, умер во время эпидемии в Новгороде в 1606 г. В Софийском соборе сохранились две могильные плиты: одна принадлежит самому князю, другая – его жене, Д.В. Катыревой-Ростовской, умершей в том же году. Согласно летописи, в том же году скончалась и их дочь, похороненная там же.

Иконы <...> *называемые у нас корсунскими...* Древнейшие иконы Софийского собора, которые в народном сознании были отнесены к временам принятия на Руси христианства. «Корсунскими» называли две иконы. Чудотворная икона Спасителя по преданию была написана византийским

императором Мануилом I в середине XII в. и подарена Новгороду. См. в у П. Соловьева: «Об иконе Спасителя, находящейся ныне в Софийском соборе, в «Кратком историческом описании святыни Новгородской» (1850 г., стр. 28) и в «Путешествии по святым местам русским» (1843 г., Ч. II, стр. 272) сказано, что икона сия называется корсунскою. В первом из этих известий прибавлено, что эта икона прислана Владимиром из Корсуня; а во втором, что она называется корсунскою по древности своего происхождения. Первое из этих сказаний летописями не подтверждается; а второе может быть принято за истинное в том смысле, что икона сия есть копия или список с древней корсунской иконы» (*Описание*. С. 50, примечание). Упом. издание: Краткое историческое описание святыни Новгородской. СПб., 1850. Под «Путешествием по святым местам русским» имеется в виду одно из изданий известной книги А. Н. Муравьева (первое издание – СПб., 1836). Икона «Апостолы Петр и Павел» относится к первой половине XII в.

Обе иконы в 1561 г. были вывезены в Москву по указу Ивана Грозного. В 1572 г. вторая икона была возвращена в Новгород, а вместо иконы Спасителя была возвращена ее копия. П. Соловьев сообщает, что подлинная икона хранится в Успенском соборе Московского Кремля.

...чичероне... (от *итал.* *cicerone*) – гид, экскурсовод.

...клубуки, из которых особенно замечателен белый... Упом. «Повесть о белом клубуке», согласно которой он был прислан архиепископу Василию патриархом Константинопольским Филофеем. Церковный собор 1667 г. признал повесть «лживой и неправой». В дальнейшем повесть получила распространение в старообрядческой рукописной книжности.

...халдейская пещь, употреблявшаяся при известном обряде пещного действия... Пещное действо в воспоминание чудесного спасения из печи огненной Анании, Азарии и Мисаила, отправлявшееся в некоторых кафедральных соборах, в том числе и в Софийском, перед Рождеством.

Знаменитая софийская библиотека... уникальное собрание книг и рукописей (формировавшееся с сер. XI в.), хранящееся в настоящее время в Российской национальной библиотеке. В 1859 г. была передана в Санкт-Петербургскую духовную академию. Куприянов, описавший 87 пергаменных рукописей, был одним из первых исследователей библиотеки (см.: *Куприянов И. К.* Обзорение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857).

Аделунг написал обширное сочинение об этих воротах... См.: *Аделунг Ф.* Корсунские врата, находящиеся в Новгородском Софийском соборе. М., 1834 (первое издание – Berlin, 1823).

...церковь Входа в Иерусалим... построена в 1759 г. на месте одноименной церкви XIV в. Не сохранилась до настоящего времени.

Вознесенской церкви... Церковь Вознесения Христова на Прусской улице, разобранная после 1819 г.

Пименовский колокол... был отлит по благословению архиепископа Пимена в 1555 г.

7 мая нынешнего года <...> обрушилась в Волхов... Восстановление крепостной стены производилось без сохранения древних форм.

На стенах Детинца устроены были башни... В XV-XVII вв. в Детинце было 12 башен, из них пять были проезжими, а семь – глухими.

Кроме этих ворот были еще водяные... Тайничные ворота.

Теперь на крепостной стене <...> существуют только две часовни... В 1850-х гг. к Спасской башне, на месте церкви Спаса Преображения на воротах, разобранной в XVIII веке, была построена Спасская часовня. Часовня была построена над упомянутым Куприяновым колодцем с целебной водой; позднее, в конце XIX в., была устроена часовня Живоносного источника, располагавшаяся на первом этаже Спасской часовни. Никольская часовня была пристроена к Владимирской башне в XVIII в. Обе башни были разобраны в 60-е г. XX в.

...уничтоженной церкви во имя этого святого при архиерейском доме... Церковь Евфимия Великого (1445), располагавшаяся в здании Никитского корпуса в Кремле. Была упразднена в конце XVIII века.

Покрова Пресвятой Богородицы... расположена рядом с Покровской башней Кремля. Построена в начале XIV века, однако настоящую постройку следует отнести к кон. XVI – нач. XVII века. В 1810-1832 гг. в Покровской башне располагалась женская тюрьма.

«Придворной» церковь Покрова называл Евгений (Болховитинов): «... был еще в самом Кремле у нынешней Покровской церкви Княжей двор, после называвшийся *Боярским*, где живали княжие *наместники*, а после *стольники* и *воеводы*, а наконец *коменданты*» (*Исторические разговоры*. С. 40). Это представление уточнил позднее Макарий (Миролюбов): «Предание может быть принято в том только смысле, что у Покровской церкви жили некогда наместники княжеские и воеводы, а потом дьяки, слушавшие богослужение с верхних комнат...» (*Археологическое описание*. Ч. 1. С. 108).

Грановитая палата... построена в 1433 г. Келии Иоанна архиепископа – мемориальный объект, созданный в память о прославленном новгородском святом при архиепископе Евфимии II.

События, описанные в приведенных надписях, известны по житию Иоанна и ряду самостоятельных произведений («Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе»).

Возвести на сени... Ср. описание избрания новгородского владыки в книге Евгения (Болховитинова): «Первое преимущество новгородской иерархии есть то, что в ней, прежде всех российских иерархий, учреждена в половине XII века *Архиепископия*, и с тех пор архиепископ Новгородский по всероссийском митрополите между российскими архиереями занимал степень первого места. Другое преимущество есть то, что со времени учреждения в Новгороде Архиепископии выбор архиепископов зависел уже не от митрополита и не от князей, но от самих новгородских граждан. Выбор сей часто происходил на *вече*, то есть общенародном собрании при Ярославле дворце, или при Софийском соборе на площади, голосами или жеребьем. Новгородцы выбирали на сие достоинство из одних только своих духовных, а не из посторонних, и притом не взирая на степень чинов кандидатских; и например: архиепископы Иоанн второй, Григорий и Василий Калека избраны из приходских белых священников; Климент и Давид из архиепископских духовников; Антоний, Арсений, Симеон, Евфимий второй и Иона из простых монахов, а Феофил из белых диаконов. Как скоро бывал народом кандидат на архиепископство, то из *веча* посылались к нему депутаты, которые, взяв его, приводили торжественно на Архиепископль двор и, по новгородскому выражению, *возводили его на сени*, то есть в Архиепископли палаты на пребывание, где подносили ему хлеб, соль и разные подарки. С тех пор новоизбранный, хотя и не хиротонисан еще был, управлял всеми архиепископлими делами: а между тем новгородцы отправляли депутатов к всероссийскому митрополиту с извещением о избрании кандидата и с прошением о хиротонисании его» (*Исторические разговоры*. С. 61).

Церковь Сергия Радонежского... построена в 1459-1460 гг. на Владычном дворе Кремля.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы... изначально после постройки в XV в. называлась церковью Боявления; располагалась над Исповедническими воротами. Освящена после пожара в 1805 году.

...известные братья Лихуды... Иоанникий и Софроний Лихуды. В 1701 г. они были сосланы в Ипатьевский монастырь в Костроме, откуда были вызваны митрополитом Иовом в 1706 г. для устройства славяно-греко-латинской школы в Новгороде.

...разными цаты... Цата – «гривенка, приклад, подвеска у икон, от венца» (*Даль*. Т. IV. С. 571).

...монумент, рисунок которого представлен в календаре нынешнего года... См.: Месяцеслов на 1862 год. СПб., 1862; наст. изд. С. 53.

...владыка Макарий... Макарий, архиепископ Новгородский (1526-1542).

...изящной архитектуры церковь... Церковь Тихвинской иконы Божьей матери, построенная в 1711 г., была перестроена в 1819 г. и сохранилась до наших дней. Макарий (Мирослюбов) отмечал по ее поводу: «Если Тихвинская церковь построена на месте Козьмодемьянской, то история ее соединяется с историею Козмодемьянской церкви. По летописям новгородским, на Софийской стороне церковей Козми и Дамиана было две: одна на Козмодемьяне улице, а другая на Холопьи улице. Обе церкви находились хотя недалеко друг от друга; впрочем, в летописях различаются между собою. Основание одной Козмодемьянской церкви, именно на Холопьи улице относится к 1146 году <...> Эта самая церковь и существовала до 1711 года <...>» (*Археологическое описание*. Т. 1. С. 216-217).

...современный портрет этого святого, подаренный им самим одному из своих приятелей... Димитрий Ростовский – митрополит Ростовский (Туптало; 1651-1709). См. заметку об истории упомянутой иконы, опубликованную в петербургской прессе новгородским краеведом: «В Новгороде, в приходской церкви Святого Николая, называемую *Кочановскою*, находится икона Святителя Димитрия, Ростовского Чудотворца, писанная при жизни его, когда он был митрополитом Ростовским и Ярославским. Икона сия досталась сюда по следующему случаю. Святой Димитрий был очень расположен к семейству одного из ростовских чиновников, Петру Ивановичу Никитину, и часто бывал у него в доме. Как-то Никитину вздумалось попросить первосвятителя, чтоб он что-либо благословил ему и роду его на память. Митрополит прислал ему свой портрет, который, после этого, как святыня, хранился в роде Никитина, переходил по наследству, и, наконец, достался правнуку Петра Ивановича, Федору Ивановичу Никитину, служившему в царствование императрицы Екатерины II секретарем Новгородской губернской канцелярии. Федор Иванович был богат, славился благочестивою жизнью, помогал бедным, обновил здесь несколько церквей, но был бездетен, и о том очень печалился, желал наиболее иметь сына. Желание его, наконец, исполнилось чрез несколько лет супружества: у него родился сын, и когда же? 21-го сентября, в тот день, когда празднуется память Святителя Димитрия. В ознаменование этого Никитин назвал новорожденного *Димитрием*, и икону, или бывший портрет Святого Димитрия, пожертвовал Новгородской Николо-Кочановской церкви, которой был прихожанином. – Событие это

внесено в церковные документы» (*Игнатъев Р.* Письма в редакцию «Северной пчелы». V // *Спч.* 1852. № 278. 12 декабря).

...*церковь св. Дмитрия на Дослане улице...* Церковь Дмитрия Солунского на Дослане улице, разобранный в 1847 г.

...*церковь Мины и Виктора...* Церковь Мины на Дослане улице, разобрана не позднее 1819 г.

...*Фрола и Лавра на Людогоще улице...* Церковь разобрана в годы Великой Отечественной войны.

...*церковь Федора Стратилата...* Церковь Феодора Стратилата на Щиркове улице, построенная в XII веке. В 1682 г., как сказано в летописи, была построена «вновь»; архимандрит Макарий в своей книге сделал следующее примечание к этой записи: «... слова сии должно относить не к первоначальному построению церкви, а к ее возобновлению и устройству в нынешнем виде <...> Согласно с сказанием летописи, церковь Феодора Стратилата в клировых ведомостях издавна пишется построенной митрополитом Корнилием» (*Археологическое описание.* Т. 1. С. 193-194). *Росткин Предтеченский женский монастырь* упразднен в 1764 г.

Евфимьин монастырь... Евфимьин женский монастырь в Плотниках, располагавшийся на Торговой стороне Новгорода. Монастырские постройки были разобраны в 1807-1808 гг. *Молотков монастырь* – Михалицкий (Молотковский) женский монастырь, располагавшийся на Торговой стороне Новгорода. От монастырского комплекса сохранилось два храма: церковь Рождества Богородицы на Михалице и Собор Богородицы. *Сокольницкий монастырь* – Сокольницкий Николаевский монастырь, располагавшийся на Торговой стороне Новгорода. Пострадал от пожара в 1775 г., после него монастырский штат был переведен в Молотковский монастырь. 5 марта 1786 г. Екатерина II подписала указ, согласно которому два монастыря, Евфимьин и Молотков (с послушницами Сокольницкого монастыря), «в рассуждении невыгодного их положения», переводятся в Духов монастырь (см.: *Археологическое описание.* Т. 1. С. 128).

Лазарев монастырь... упразднен в 1764 г.

Николы белого... Николо-Бельский монастырь упразднен в 1764 г.

Церковь св. Лазаря... разобрана в нач. 1860-х г. См. описание бедственного состояния церкви в книге архимандрита Макария: «В настоящее время осталась от Лазарева монастыря одна каменная ветхая церковь, остающаяся несколько уже лет без утвари и без пения. <...> Кровля на церкви деревянная, была покрыта на 8 скатов, а теперь на четыре, с поднятыми деревянными вверху углами. На кровле трибун круглый с 4-мя

просветами, покрыт железом; над ним небольшая глава обита белою жемчужью, а креста на ней теперь нет» (*Археологическое описание*. Т. 1. С. 152).

...неправдоподобное известие об этом море... Церковь Симеона Богоприимца была основана по обету, данному новгородцами, по случаю «мора от железа» в 1467 г., который поразил все новгородские пятины, а также псковские земли.

Упом. доска, установленная в церкви с описанием трагических обстоятельств ее сооружения. В достоверности записи с указанием количества жертв не сомневался Евгений (Болховитинов), упомянувший ее в своей книге для доказательства многолюдности древнего Новгорода. См., например, в первом «разговоре» его книги, посвященном «Многолюдству древнего Великого Новгорода»: «*Вторый*. В 1467 году была моровая язва в Новгороде и в ближних его уездах. Летописи повествуют, что от сей язвы умерло по щету 250 652 человека, из того числа в одном Новгороде мирских и духовных 48 784 человека. В отвращение сего гнева Божия тогда построена в Зверине монастыре обыденная церковь во имя Св. Симеона Богоприимца; и все сие происшествие обстоятельно описано на доске, сохраняющейся донныне в сей же церкви. <...> *Первый*. Вот это доказательство многолюдства в Новгороде яснее всех прочих» (*Исторические разговоры*. С. 46; свидетельству памятной доски на церкви Симеона Богоприимца доверял и архимандрит Макарий, см.: *Археологическое описание*. Т. 1. С. 138-139).

Историк И. И. Красов, скептически отнесшийся к сообщению, писал: «Не осмеливаясь прямо обвинять летописца в преувеличении, мы решаемся допустить здесь одно предположение, которое может отчасти возвысить число жителей новгородских, именно: нельзя думать, чтобы в городе торговом, по тогдашнему времени значительно населенном, не было людей пришлых, живших там временно, по крайней мере зимой и осенью, по окончании полевых работ. Мы видим и теперь, что в большие города стекается народ не только из ближних, но и из отдаленных сел и деревень. Это мы видим в странах даже очень плодородных, а места, лежащие около Новгорода, не могут похвастаться особым плодородием; если допустим, что значительная часть населения из окрестностей Новгорода и его пятин стекались в город для своего прокормления и для заработка. <...> Таким образом, на основании означенных соображений можно думать, что от моровых поветрий умирали в Новгороде не одни только граждане новгородские, а и жители окрестных мест, пребывавшие временно в городе» (*Красов И. Разбор мнений о населении древнего Новгорода // ЖМНП*. 1854. Ч. LXXXI. С. 121-122).

...церковь во имя св. апостолов Петра и Павла... Церковь Петра и Павла в Кожевниках. В 1406 г. на месте сгоревшей церкви был построен каменный храм.

Веслав Брячиславич Полоцкий разбил новгородцев и разграбил Новгород... Князь полоцкий, совершавший походы на Новгород во второй половине 60-х годов XI в. Куприянов ошибся: первый поход 1066 г. закончился разграблением Новгорода; второй же, произошедший в 1069 г., закончился поражением Всеслава Брячиславича. Войска полоцкого князя, по свидетельству летописца, были встречены новгородским полком «у звринца на Кзени, и пособи Бог Глебу (новгородскому князю – *сост.*) с новгородци».

...церковь во имя Двенадцати апостолов на пропасть... В 1454 г., на месте сгоревшей деревянной церкви, был построен каменный храм.

Церковь Михаила Архангела на Прусской улице... не сохранилась.

Церковь Вознесения Христова... разобрана в 1819 г.

Десятинский женский монастырь... Десятинный Рождественский женский монастырь, основанный в конце X в. (см.: *Великий Новгород*. С. 303). Под 1327 г. в новгородских летописях упоминается о строительстве храма Рождества Пресвятой Богородицы: «В лето 6835 (1327) княгиня Ярославля постави церковь камену Рожество Богородицы на Десятине, и монастырь девичь устрои, при архиепископе Моисеи новгородском, после суздальцов спустя 158 лет». Макарий в своем труде отметил неточность записи: «Что касается до княгини, строительницы XIV века, то она не могла быть супругою князя Ярослава II, жившего не в XIV, а в XIII веке. Впрочем, гораздо достовернее то, что первоначально церковь основана в XIII веке супругою в. к. Ярослава Владимировича, княгинею Феодосиею Мстиславною, в монашестве Евфросиньею, <...> а в XIV веке св. Моисеем была возобновлена или устроена <...> С таким предположением примиряется тот анахронизм в современности княгини Ярославлей (ум. 1244) и св. Моисея (ум. 1362), который усматривается в словах летописи, называющей их строителями Десятинского монастыря в одно и то же время» (*Археологическое описание*. С. 211).

Елизавета Лупалова, известная более под именем Параши Сибирячки... Уже на первый взгляд фраза Куприянова кажется странной. В ней один человек неожиданно назван разными именами. В комментируемом фрагменте содержится еще несколько весьма показательных «ошибок», которые объясняются особенностями восприятия личности Параши Сибирячки в разные исторические эпохи.

Речь идет о Прасковье Григорьевне Луполовой (1784-1809); биография ее была широко известна в XIX веке.

Д. Н. Бантыш-Каменский посвятил ей специальную статью в «Словаре достопамятных людей русской земли». Приведем ее в значительных выдержках: «Луполова Прасковья Григорьевна, дочь прапорщика, сосланного в 1798 году за преступления в Сибирь по лишении чинов и дворянства, – родилась в Елисаветграде 1784 года. Любя нежно отца своего, она последовала за ним в самое заточение; утешала, подкрепляла горестную его старость. В сие бедственное для них время одна только мысль занимала Луполову: освобождение родителя. Три года неотступно просила она, чтобы отпустили ее в С.-Петербург, где надеялась исходатайствовать прощение у милосердного Государя. Дорожа ее присутствием, находя в ней последнюю отраду жизни своей, отец долго не соглашался; наконец, уступил ее убеждениям. На двадцать первом году от рождения Луполова пустилась в дальний путь из Тобольска с одним рублем, с образом Божией Матери и родительским благословением. <...> В странствии своем, борясь с различными бедствиями, повторяла: *Жив Бог! жива душа моя!* Надежда на Всемогущего не обманула примерную дочь: она нашла в столице пристанище в доме одной госпожи, славившейся христианской любовью к бедным и несчастным. Вскоре просьба Луполовой поступила в Комиссию для пересмотра прежних дел уголовных, из оной к незабвенному монарху. Александр изрек виновному помилование за добродетели его дочери, дозволил ему возвратиться в прежнее жилище (27 декабря 1804 года), иметь пребывание, где пожелает, исключая обеих столиц (12 апреля 1805 г.); пожаловал Прасковье Григорьевне две тысячи рублей. Августейшая императорская фамилия также оказала ей денежное пособие: все спешили на помощь избавительнице отца. Уже навсегда была обеспечена участь ее – оставалось ей только наслаждаться славою в цветущих летах, вознаградить скучные дни, проведенные в Сибири, жизнью шумною, рассеяною, которую мы привыкли называть *веселым*; но Луполова среди счастья вспомнила о своем обете и удалилась в Десятинный девичий монастырь Новгородской епархии. Там добродетельная девица кончила дни свои в декабре 1809 года, непрестанно воссылая мольбы к Всевышнему за оказанные ей благодеяния. – Прасковья Григорьевна Луполова отличалась скромностию и здравым смыслом. Когда спросили ее в С.-Петербурге, как отважилась она предпринять такой опасный путь? – отвечала: *А для чего мне бояться? Я знала, что Бог не оставляет несчастных.* Слыша похвалы себе, говорила: *За что меня хвалить? Разве дочь не должна все терпеть за отца?»* (Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерар-

хов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории, составленный Дм. Бантыш-Каменским. В пяти частях. Часть третья. М., 1836. С. 222-224).

Итак, в цитате из книги Куприянова можно указать еще на две ошибки. Во-первых, неправильно воспроизведена фамилия Параши (через «а»): не Луполова, а Лупалова. И, наконец, во-вторых: смерть Сибирячки почему-то приурочена к Отечественной войне 1812 года.

Обозначенные ошибки никак нельзя объяснить неосведомленностью автора. Куприянов посвятил биографии Параши сразу несколько статей, которые публиковались в московской прессе (см.: *Куприянов И. К.* Письмо к редактору из Новгорода // *Мскн.* 1853. Т. 3. № 10. Май. Кн. 2. С. 106-111; *Куприянов И. К.* Новые сведения о девице Луполовой (письмо редактору) // *Мскн.* 1853. Т. 4. № 13. Июль. Кн. 1. С. 31-34; *Куприянов И. К.* Еще справка о девице Луполовой // *Мскн.* 1853. Т. 5. № 18. Сентябрь. Кн. 2. С. 71-72). В одной из них, между прочим, он уточнил Бантыша-Каменского: оказывается, Параша Сибирячка не успела принять постриг, скончавшись послушницей.

Подвиг Луполовой стал предметом нескольких литературных произведений. Куприянов, назвав героиню по-разному, ориентировался на два текста – роман французской писательницы Софи Коттен «Елизавета, или Ссылные в Сибири» (написанный в 1806 г. и переведенный на русский язык в 1807 г., еще при жизни прототипа). Позднее, в 1840 г., Н. А. Полевой написал драму «Параша Сибирячка», которая была в том же году с успехом поставлена на сцене. Д. Ю. Струйский написал по мотивам драмы Полевого оперу с тем же заглавием, ее премьера состоялась в том же 1840 г. (см. об этом: *Васильев Н. Л.* Д. Ю. Струйский (Трилуный): Биография, творчество, библиография. Саранск, 2010. С. 189-210).

И у французской писательницы, и у Полевого целью путешествия Луполовой была Москва, а не Петербург, а ее встреча с Александром I приурочена к 15 сентября 1801 года, когда состоялась церемония его вступления на престол.

Позднее в новгородской прессе сообщалась уже «точная» дата кончины Луполовой, которая явилась следствием ошибочного утверждения о том, что Параша присутствовала на московских торжествах: «После коронации Александра I, когда ее отец был прощен, Лупалова почему-то должна была из Москвы отправиться в Санкт-Петербург. Будучи в Новгороде, Лупалова пользовалась уважением настоятельницы Десятинного монастыря игумении Паллады, урожденной Бутаковой. Возвращаясь из Санкт-Петербурга, Лупалова снова гостила у игумении, но заболела и 11 мая 1802 г. скончалась» (*Игнатьев Р. Г.* Могила девицы Лупаловой, известной под именем Параши Сибирячки // *Нзв.* 1853. № 8. Часть неофициальная.

С. 3). Именно в этой заметке фамилия Параши написана с ошибкой, которую Куприянов сохранил в «Прогулке по Новгороду».

Куприянов критически отозвался о статье Р.Г. Игнатьева, «писанной <...> по слухам, а не по документам. <...> Вот какими неверностями наполнена небольшая статья г. Игнатьева: 1) что звали *Парашу* Сибирячку *Елизаветой* – не верно; 2) что скончалась она в 1802 г., 11 мая, 20-ти лет от рождения – не верно; 3) что в Десятинском монастыре находится каменная могильная плита с надписью, свидетельствующей, что под ним погребена девица Елизавета Лупалова – не верно; 4) что, возвращаясь из Петербурга, Лупалова снова гостила у игумении Палладыи, но здесь опасно занемогла и, после продолжительной болезни, скончалась – не верно. Одним словом, из всех известий, сообщенных г. Игнатьевым, верно только то, что Параша Сибирячка погребена в Новгородском Десятинском монастыре» (*Куприянов И.* Еще справка о девице Луполовой... С. 71).

Показательно, что в 1853 г., когда Куприянов написал свои заметки о Параше Сибирячке, в «Москвитянине» была опубликована анонимная статья «Новое сведение о девице Луполовой (письмо к редактору)». В ней, со ссылкой на О. П. Козодавлева, который в начале XIX века входил в Комиссию по пересмотру уголовных дел, сообщены известные факты биографии Луполовой. При этом автор доверял статье из «Новгородских губернских ведомостей»: «Елисавета Лупалова, скончавшаяся 11-го мая 1802 года и погребенная в Новгородском Десятинском девичьем монастыре, есть лице, не имеющее ничего общего с Прасковью Луполовою, подвиг которой послужил сюжетом для известного романа г-жи Коттень. <...> Замечательно, что оба лица: Прасковья Луполова и Елисавета Лупалова, похоронены в одном и том же монастыре» (*Мскн.* 1853. Т. IV. Отд. VIII. Смесь. С. 33-34). Героиня романа стала исторической личностью.

Могильная плита Прасковьи Луполовой была недоступна в 1850-1860-е годы: «Похоронена Луполова в ограде Десятинского монастыря по особому разрешению высшего начальства <...> Память о знаменитой Параше сохранялась в народе не долго <...> надгробный памятник зарос травой и углубился в землю так, что его нельзя было даже видеть. Во время пристройки в Десятинском монастыре придела во имя Великомученицы Варвары в 1824 г., при возведении капитальной алтарной стены, рабочие нашли надгробную плиту: оказалось, что под ней погребено тело Прасковьи Луполовой. Изменить плана церкви было уже невозможно, а потому могилу заделали; теперь она находится под алтарем Варваринской церкви, и видеть ее уже нельзя» (Там же. С. 72). Надгробие было восстановлено в начале XX века, но уничтожено во время Великой Отечественной войны.

Путешествие Луполовой, осмысленное историком Бантышом-Каменским как деяние благочестивой и любящей дочери, в первых художественных произведениях приобретает дополнительный смысл. Параша надеется на милость взошедшего на престол монарха: традиция прощать преступников ко дню вступления на престол утвердилась в России еще в первой половине XVIII века. По замечанию современной исследовательницы, ее «жизненная история <...> превратилась почти в житийно-иконографический идеал дочерних и верноподданнических чувств» (*Терешкина Д. Б.* Пушкинская Параша: пространство житийного имени // *Болдинские чтения.* 2013. Большое Болдино, 2013. С. 195). Это утверждение нуждается в некоторых дополнениях.

Полевой в «Параше Сибирячке» изменил некоторые моменты биографии Луполовой, известные по статье Бантыша-Каменского. У историка время нахождения в ссылке отца Параша ограничено шестью годами, с 1798 по 1804 год. В пьесе Полевого Александр Григорьевич (так в драме зовут отца Параша) находится в ссылке целых 16 лет, а дочь его была рождена «под кровом ссыльного, в диком лесу». Таким образом, у Полевого отсутствует мотив добровольного следования за отцом в Сибирь любящей дочери.

Полевого не смущают хронологические неувязки, допущенные в драме. «Через 20 лет я встречаю тебя здесь, добрый старый друг, товарищ!» – воскликнул бывший сослуживец Александра Григорьевича. Далее он вспомнил обстоятельства последней встречи: «Помнишь ли, где мы расстались? В лагере под Очаковым, когда князь Григорий Александрович (Потемкин – *сост.*) послал тебя в Петербург курьером!» (*Полевой Н. А.* Параша Сибирячка // *Савченкова Т. П.* Ишим и литература. Век XIX-й: Очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты. Ишим, 2004. С. 93). Реальный Григорий Луполов, если верить прессе начала XIX века, участвовал в штурме Очакова (см.: *Савченкова Т. П.* Прасковья Луполова в действительности и художественном воображении // *Савченкова Т. П.* Ишим и литература... С. 5). Осада Очакова происходила в 1788 году; следовательно, действие пьесы должно относиться к 1808 году, и Параша, таким образом, не могла оказаться на коронационных торжествах в Москве в 1801 году. Если же принять во внимание слова Александра Григорьевича о 16-ти годах, проведенных в ссылке, то героиня Полевого должна родиться не ранее 1792 года, когда отец оказался в ссылке. Параше, рожденной в ссылке, в 1801 году должно быть, таким образом, не более девяти лет, что также противоречит указанию Полевого о 16-летнем возрасте героини.

Более того, Параша поначалу не догадывается о преступлении отца: ее родители пытаются оградить дочь от «позора и бесславия», которые, по

их мнению, будут преследовать дочь ссыльного. По этой причине они ведут уединенную жизнь, соседями их оказываются лишь тунгусы. О них Параша отзывается крайне снисходительно и как-то «не по-христиански»: «да они какие-то не люди – они такие смешные...» (*Полевой Н. А. Параша Сибирячка... С. 92*).

Этот замкнутый мир рухнет с появлением сбившегося с дороги Прохожего, который рассказывает Параше о русских городах. Параша начинает мечтать о том, как увидит «тамошние высокие дома», «тамошних девушек». В ее воображении вырастает идиллический мир, где, «верно, все люди добры, которых Бог создал». Решение Парашы отправиться в Москву продиктовано, таким образом, не только стремлением освободить отца, но и желанием увидеть незнакомый мир.

Таинственный Прохожий оказался старинным сослуживцем Александра Григорьевича. Их беседу, во время которой последний поведал историю последних двадцати лет, вместивших в себя женитьбу, рождение сына, увлечение картами и убийство, подслушала Параша. Прохожий предложил свою помощь: в Москве ожидается церемония коронации «юного государя», тогда появится возможность «испросить прощения». Это предложение запало в душу Парашы; она решила отправиться в Москву вместе с Прохожим. В ту же ночь они тайно отправляются в путь. Побег Парашы едва не свел в могилу ее отца, но возвращение дочери вместе с найденным в Москве братом вернуло Александра Григорьевича к жизни.

Уже первые критики отметили, что Параша Полевого получилась совсем не такой, какою была реальная Прасковья Луполова. Полевой, по мнению Белинского, «дал слабый и бледный абрис» Парашы (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I-XIII. М., 1953-1959. Т. IV. С. 16*). В 1864 г. Д. И. Писарев, имея в виду политическую тенденциозность «Парашы Сибирячки», отказал автору в «искренности»: «... истинный поэт, принимаясь за перо, отдает себе строгий и ясный отчет в том, к какой общей цели будет направлено его новое создание, какое впечатление оно должно будет произвести на умы читателей, какую святую истину оно докажет им своими яркими картинами, какое вредное заблуждение оно подроеет под самый корень. Поэт – или великий боец мысли, бесстрашный и безукоризненный «рыцарь духа», как говорит Генрих Гейне, или же ничтожный паразит, потешающий других ничтожных паразитов мелкими фокусами бесплодного фиглярства. <...> Действительно, каждый эстетик, конечно, согласится со мною, что искренность есть необходимейшее качество поэта. Драма, роман, поэма, лирическое стихотворение, в которых хоть сколько-нибудь проглядывают натянутые и обязательные отношения автора к его предмету, – ни под каким видом не могут быть названы поэтическими произведениями».

ми. Это – риторические произведения на заданные темы, а ритор и поэт, разумеется, не имеют между собою ничего общего. Припомните, например, оды Ломоносова, «Парашу-Сибирячку» Полевого <...> и подобные прелести» (*Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Сочинения. Т. 3. Статьи 1864-1865 гг. М., 1956. С. 95*).

В том же 1840 г. был опубликован русский перевод повести Ксавье де Местра «Молодая сибирячка», сюжет которой ближе к действительным событиям. Белинский, сравнив оба произведения, отдал предпочтение повести французского автора: «Вот истинная, а не поддельная история «Параши-сибирячки» <...> Бедная молодая девушка, дочь природы, с глубоким религиозным чувством и бесконечною любовью, одна, без денег, без опытности, идет из глуши Сибири в Петербург <...> Высокое, отрадное и при всем том такое простое явление ...» (Там же. С. 169; см. также: *Елизаветина Г. Г. «Параши-сибирячка» Н. А. Полевого: опыт прочтения пьесы // Литературные взгляды и творчество Н. А. Полевого. М., 2002. С. 172-183*).

В «Прогулке по Новгороду» Куприянов ориентирует читателя на ее «литературную» биографию, которая заслоняет биографию реальную, намеренно смешивая противоречащие друг другу интерпретации. При этом автор допускает еще одну «ошибку», которой не было ни у французской писательницы, ни у Полевого, приурочив смерть Луполовой к Отечественной войне 1812 года. Уместно предположить, что и здесь автор ориентировался на какое-то художественное «прочтение» биографии Луполовой: к тому времени судьба Параши стала предметом «низовой» литературы. Обнаружить конкретный текст не удалось; между тем, если сопоставить сообщение Куприянова с современными ему произведениями о Параше Сибирячке, то можно с определенной долей уверенности говорить о возможных причинах появления этой даты.

В 1860-1870-х гг. Д. Л. Мордовцев работал над серией очерков, посвященных русским женщинам XVII-XIX века. Эта работа вылилась в серию книг; героиней писателя становится и Прасковья Луполова. Пересказывая ее биографию, Мордовцев пришел к неожиданным выводам: «Луполова <...> доказывала современникам и будущим женщинам, что если существует в мире рабство женщины, то цепи для этого рабства куют себе сами же женщины, и что разрешение так называемого «женского вопроса» находится в руках у самих же женщин» (*Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории. Женщины девятнадцатого века. Составил Д. Мордовцев. СПб., 1874. С. 85*).

Луполова в описании беллетриста оказалась, таким образом, одной из первых феминисток в России, указавшей своим современницам пути разрешения актуального в эпоху реформ «женского вопроса». Мордовцев

описал едва ли не революционерку: «Недостаточность сведений <...> не позволяет уяснить самый процесс, помощью которого сложилась в молодой девушке ее упрямая воля, не позволяет нам выяснить и тех нравственных побуждений, под которыми естественное чувство привязанности к отцу <...> превратилась в то могучее чувство, называемое иногда словом *idée fixe*, иногда верою, которое горами vorочает» (Там же. С. 79).

Одной из современниц Луполовой, вдохновившейся ее путешествием, была «кавалерист-девица» Н. А. Дурова. Сближая своих героинь, Мордовцев допустил несколько натяжек: «Читая <...> известия о похождениях первой (Луполовой – *сост.*), мы невольно останавливаемся на мысли, что едва ли скромные, но благородные подвиги Луполовой не были тою нравственною возбуждительною силою, которая дала толчок и исход богатым нравственным силам последней (Дуровой – *сост.*). Нас утверждает в этом предположении и то обстоятельство, что начало походов Дуровой, тайно бежавшей из отцовского дома в 1806 году, совпадает именно с тем временем, когда вся Россия заговорила о похождениях Луполовой. А Луполова, между тем, пробираясь в 1804 году из Тобольска в Петербург, должна была пешком проходить через тот город, где росла Дурова, проводя свою юность в таких занятиях, которые так не гармонировали с ее полом» (Там же. С. 77). Если Луполова и Дурова не виделись в Сарапуле, где прошло детство последней, то Дурова, конечно, знала о путешествии Параша Сибирячки и увидела в нем проявление «упрямой воли». Заразившись примером предшественницы, кавалерист-девица продолжила борьбу за женское равноправие в военное время с оружием в руках. Неизвестно, читал ли Мордовцев книгу Куприянова, однако сближение двух текстов, кажется, объясняет возможную причину «ошибки» новгородского краеведа.

В 2004 г. в Ишиме, куда был сослан Григорий Луполов и откуда начала свой далекий путь его дочь, был открыт памятник Параше Сибирячке. Под ним – надпись: «Прасковье Луполовой <,> явившей миру подвиг дочерней любви» (*Крамор Г. А.* Памятник Прасковье Луполовой в Ишиме // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Выпуск шестой. Ишим, 2004. С. 61). Спустя девять лет, в 2013 г., в Новгороде на месте могилы Параша Сибирячки был установлен, по благословению митрополита, памятный крест, – так были отмечены ее заслуги перед церковью. Параша перестала быть бунтаркой, а ее поход вновь стал восприниматься так, как он был осмыслен в свое время историком Бантышом-Каменским.

В Параше Сибирячке воплощались черты нравственного идеала женщины. «Дочерняя любовь» оказалась важной составляющей этого идеала в наше время, заменив собою Прасковью Луполову – борца за женское

равенство. Разительные метаморфозы Параши продиктованы меняющимися устремлениями исторических эпох.

...галерная гавань в Петербурге, так мастерски описанная г. Генслером... Иван Семенович Генслер (1820-1873), автор популярных очерков «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года» (см.: Библиотека для чтения. 1860. Т. 162).

...устав вел. кн. Ярослава о мостовых... Имеется в виду «Устав о мостех» князя Ярослава, в котором обсуждается «мостовая повинность»: обязанность горожан заниматься устройством мостов и обновлением уличных настилов на Торговой стороне и в Детинце, а также повинность жителей предместий Новгорода доставлять лес для производства необходимых работ.

Составление этого документа относится ко времени новгородского князя Ярослава Ярославовича (60-е годы XIII в., см. об этом: Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 246-248). *Вперв. опубли.: Карамзин.* Примечания ко II тому. С. 41-42. В позднем происхождении устава был убежден первый его публикатор; Куприянов был согласен с современной ему датировкой устава, предложенной И.И. Красовым, который относил его составление к концу XII века, когда в Новгороде княжил Ярослав Владимирович (см.: О местоположении древнего Новгорода. Историческое исследование Ив. Красова. Новгород, 1851. С. 141-143). В своей рецензии на книгу Красова Куприянов отметил доказательность этого предположения (см.: *Мскн.* 1851. XXIII. С. 465).

В уставе не обсуждались правила постройки мостовых, однако Куприянов точно охарактеризовал внешний вид дорог в древнем Новгороде (бревна укладывались поперек улицы).

...икона Божией Матери умиления, почитаемая за чудотворную... об этой иконе, считавшейся заступницей Новгорода, пишет Макарий. 8 июля 1337 г. «в полдень <...> церковный сторож услышал шум во внутренности церкви, и тотчас же поспешил осведомиться о происходящем. Но, пришед в церковь, он с ужасом увидел, что находившаяся там над северными воротами во втором ярусе (тябле) икона Божия Матери Умиления, восхищенная с своего места невидимою силою Божиею, стала на воздухе никем недержимая, и слезы капали из очей Божия Матери. «О великое чудо, – говорит летописец, – како из суха древа слезам быти, но се ведомо есть, яко Бог прославляет свою Матерь и молитву Ея приемлет и град спасает». Тотчас уведомили архиепископа Алексия, и он не медля, в сопровождении всего духовенства, крестного хода и множества народа, поспе-

шил прибыть на место чуда. В память сего чуда установлено праздновать иконе Божия Матери Умиления 8 июля, в день памяти св. мученика Прокопия, а самая икона поставлена архиепископом в нарочно устроенном кивоте. Рукописная же церковная летопись присовокупляет и о других чудесах, бывших в то время от иконы Божия Матери. По этой летописи, в том же 1337 году открылось в Новгороде моровое поветрие. Но когда народ обратился в молитвах своих к заступлению Божия Матери Умиления, то поветрие скоро прекратилось. <...> летом 1366 года церковь св. Троицы загорелась от молнии, и пламя обхватило всю церковь; но чудотворная икона Божия Матери снова явилась стоящею в воздухе над пылающею церковью. Чудо это не могло утаиться от народа, собравшегося сюда со всего города. Архиепископ Алексий пришел сюда с крестным ходом. Во время молебствия икона Божия Матери сама сошла с высоты прямо на руки архиепископа. В то же самое время прекратился и пожар» (*Археологическое описание*. Ч. 1. С. 168-170).

...церкви Воздвиженья Креста Господня и евангелиста Луки... Церковь Воздвижения на Воздвиженской улице, разобранная в первой половине XVIII в. Церковь Луки на Лукиной улице была разобрана в 1789 г.

...уединенное каменное здание с заколоченными окнами... В июне 1785 г. Екатерина II в сопровождении обширной делегации придворных людей и иностранных послов путешествовала по мстинским порогам. 11 июня путешественники отправились из Боровичей, уже 19 июня они прибыли в Петербург. 14 и 15 июня делегация была в Новгороде.

Среди путешествующих, кроме придворных, были послы иностранных государств (австрийский посол граф Кобенцль, французский – граф де Сегюр, английский – Фиц Герберт). 24 мая обширная делегация отправилась из Царского Села по суше в Москву; пробыв в древней столице некоторое время, путешественники отправились в Боровичи.

11 июня на 16-ти судах началось речное путешествие, а 14 июня 1785 г. караван путешественников прибыл в Новгород. Вот – описание торжественной встречи императрицы: «По полудни, в половине 3-го часа, дано было знать флагом: следовать судам в путь, а отошед от берега, изволила Ее Императорское Величество продолжать шествие 34 версты до Новгорода, сопровождаема до оного Бронницкими жителями, как берегом, по сухому пути, так и водою множеством лодок, наполненных народом, который, изъявляя наичувствительнейшую свою радость, сообщал оную с разными веселостями и забавами, с пением русских песен, и во время Высочайшего Ее Императорского Величества шествия к Новгороду учинена пред оным встреча следующим образом.

Около 7-ми часов вечера, при выходе Ее Императорского Величества флота из устья реки Мсты в Ильмень озеро, встретил на шлюбке господин новгородский вице-губернатор коллежский советник Василий Андреевич Приклонский и с ним советники Правления на прочих судах.

При устье же реки Мсты стоял старорусский караван, вытянувшись по Ильменю озеру с левой стороны, между которым и в пространстве берегов находилось до нескольких сот лодок, наполненных народом.

При вступлении Ее Императорского Величества судна в озеро Ильмень, с вице-губернаторской шлюбки учинен был сигнал двумя ружейными выстрелами, почему, как на шлюбках и других мелких судах, так и на старорусском караване, народ сделал троекратное ура.

Потом господин вице-губернатор с советниками Правления следовал на шлюбке вперед, а за ним все лодки рассеялись по озеру, сопровождали суда Ее Императорского Величества, и бывшие на помянутых лодках люди пели песни и играли в рожки.

У Юрьева монастыря, состоящего от города в 5-ти верстах на берегу озера Ильменя, на оном в лодках встретили гражданство и, учиня же троекратное ура, следовали потом пред вице-губернаторскою шлюбкою.

Когда судно Ее Императорского Величества поровнялось против помянутого монастыря, пущена была ракета, и оною возвещено в городе о приближении Ее Императорского Величества, почему, в самое то время, с крепостей началась пушечная пальба, а в Соборе и у прочих церквей колокольный звон и, как город, так и Собор были иллюминированы.

Прошед озеро Ильмень, все встретившие мелкие суда, кроме вице-губернаторской шлюбки, приставали к левой стороне волховского берега, а старорусский караван, приближаясь к устью Волхова, по данному с вице-губернаторской шлюбки сигналу одним ружейным выстрелом, остановился в линию, дабы пропустить Ее Императорского Величества суда» (Камер-фурьерский церемониальный журнал 1785 года. СПб., 1885. С. 372-375).

Екатерина задержалась в Новгороде на один день, отправившись в дальнейший путь 15 июня и добравшись до Петербурга 19 июня 1785 г.

В 1787 году барка, упоминаемая автором «Путеводителя», была поднята на постамент и над ней сделан навес (памятник не сохранился до наших дней; на его месте стоит монумент в честь юбилея победы в Великой Отечественной войне).

По словам Куприянова, памятник превратился в совершенную забытую развалину к началу 1860-х гг. Автор подчеркнуто не скрывает злорадства, едва ли не оправдывая «признательных современников» и «благодарных потомков», разграбивших городской мемориальный объект. При этом Куприянов, кажется, сгустил картину.

В новгородской литературе вопрос о действительном состоянии барки Екатерины в XIX веке получил после книги Куприянова свое развитие, причем некоторые исследователи предпочли шуточный тон.

Характерен анекдот о Николае I, который во время посещения Новгорода в 1843 г. решил осмотреть барку Екатерины: «Местная (т. е. новгородская – *сост.*) администрация заранее знала, что государь приедет делать инспекторский смотр гренадерскому корпусу. Вдруг, по приезде, царь объявил, что он желает посмотреть яхту, на которой Екатерина II плавала по боровичским порогам и потом подарила ее на память новгородскому дворянству. Яхта, обнесенная каменным зданием, находилась в страшном запустении.

<...> Не показывать же памятник в таком безобразном состоянии. Оставалось отклонить смотр, но доложить о том государю рискованно, да и нет подходящих причин. Наконец, губернатор (Е. А. Зуров – *сост.*), посоветовавшись со своими сотрудниками, придумал такое средство. Государь остановился в митрополичьих покоях. Отсюда надо ехать к яхте или кругом по бульварной дороге, чрез Кремль и Сенную площадь, или берегом, где тогда держалась непролазная грязь. Приказано было подать возок как можно массивнее. Государь отправился с Зуровым. Ямщику ранее было сказано ехать берегом. Едва возок достиг берега, как начал тонуть в грязи. Губернатор осмелился предупредить государя, что дальше они рискуют совсем увязнуть. Рассерженный император обрушился на Зурова и велел ехать назад» (*Слезкинский А.* Император Николай I в Новгороде // *РС.* 1902. Январь. С. 223). Для верной оценки анекдота о находчивом новгородском губернаторе необходимо учесть несколько моментов, которые подмывают его достоверность.

Шестью годами ранее памятник видел сын Николая I, будущий император Александр II, совершавший поездку по России вместе со своим воспитателем, поэтом Василием Жуковским. Последний в своих записных книжках отметил основательность постройки на берегу Волхова: «Екатерины барка под настилом каменным» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. В 20 т. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834-1847. М., 2004. С. 47).

Другой новгородский краевед и современник Слезкинского, М. В. Муравьев, написал в начале XX в. еще одну статью о барке Екатерины, в которой раскрыл еще ряд существенных деталей о действительном состоянии памятника.

Николай I обратил внимание на катастрофическое состояние барки еще в 1827 г.; тогда же были приняты меры к реставрации памятника. Краевед опубликовал письмо губернатора Августа Денфера к губернскому пред-

водителю дворянства Н. И. Белавину от 15 марта 1827 г. В нем было отмечено: «... между прочими казенными и общественными зданиями, которые Государь Император изволил заметить ветхими в проезд свой из Москвы, находится и деревянная галерея, выстроенная от новгородского дворянства, с провалившеюся крышею и ветхими стенами, на валу делающая безобразие, в коей хранится яхта <...> Его Императорское Величество собственноручною резолюциею Высочайше повелеть изволил привести в порядок или вовсе разобрать, если дворянство не согласно исправить» (Цит. по: *Муравьев М. В.* О барке Екатерины Великой // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. IV. Март. Новгород, 1911. С. 193-194). Письмо это, по словам краеведа, возымело действие: «Постройка галереи была поручена Новгородскому уездному предводителю дворянства Оболянинову, на нем лежала обязанность «по смотрению за баркой». <...> Старанием Оболянинова не только была возведена каменная галерея, но и вся барка Императрицы, очевидно, совершенно сгнившая, была перестроена при посредстве матросов и, хранимая новгородским дворянством, яхта не хранит никаких воспоминаний о Великой Екатерине» (Там же. С. 194-195).

И барка, и дом, если верить работе Муравьева, были отреставрированы еще в конце 1820-х гг., а десятью годами позднее представляли собой крепкую постройку. Позднее, в 1843 г., она превратилась в развалину, а спустя без малого 20 лет, в 1862 году – в угрюмое, заброшенное и овеянное страшными легендами строение, о мемориальной ценности которого помнят разве что местные старожилы.

Стихотворение Державина «Шествие по Волхову российской Амфитриты» (См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. III. СПб., 1866. С. 37-41) упомянуто Куприяновым не к месту. Оно было написано на Званке в июне 1810 г., т.е. спустя четверть века после памятного путешествия императрицы. Под именем жены Посейдона выступила вовсе не Екатерина II, а ее внучка, великая княгиня Екатерина Павловна. В это время она по Волхову добиралась из Твери в Санкт-Петербург и, как выяснили современные исследовательницы, посетила поэта в его имении (См.: *Морозова Н. П., Морозова Е. В.* Материалы к хронике «званской жизни» Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и его время. Сборник научных статей. Вып. 7. СПб., 2011. С. 166).

Годом ранее, в 1809 г., Екатерина Павловна вышла замуж за принца Георга Ольденбургского (на это событие Державин отозвался стихотворением «Геба»). Вскоре после свадьбы Георг стал тверским, ярославским и новгородским губернатором. Путевой дворец Екатерины II в Твери был до конца 1812 года (когда Георг скончался) местом жительства любимой сестры Александра I. Надо думать, что описанное Державиным путешествие не

было исключительным событием и в жизни Екатерины Павловны: членам царственной фамилии было привычно собираться летом в Царском Селе. Неожданным был разве что выбранный способ передвижения: маршрут по суше в то время был более привычным.

Только в первой строфе Державин уделил внимание описанию самого «шествия Амфитриты по Волхову»:

Что сияет от заката
 В полночь полудневный свет?
 Средь багряна сткляна злата
 Кто по Волхову плывет?
 Полк Тритонов трубит в трубы,
 Рыб на дне сребрится бег,
 Пляшут холмы, скачут дубы,
 С плеском рук бежит вслед брег
 И шумят струи жемчужны!

Вышла условная пейзажная картина: ход корабля по ночному Волхову, озаренному будто дневным светом, радость обывателей и самой природы, в едином порыве приветствующих путешествующих представителей царственной фамилии. Державин сохранил единственную деталь, характерную для Званки, – дубы на холмистых берегах Волхова. В стихотворении «Волхов Кубре» он использовал тот же образ («Меж холмиков, дубов саженных...» и т. д.), а в «Объяснениях...» к собственным сочинениям сделал следующий комментарий: «Дубы по берегам Волхова посажены были по повелению государя Петра Великого: их там прежде не было» (Объяснения на сочинения Державина им самим диктованные его родной племяннице, Елисавете Николаевне Львовой, в 1809 году. Изданные Ф. П. Львовым, в четырех частях. Ч. 3. СПб., 1834. С. 45).

Державин целиком процитировал это стихотворение в своем трактате «Рассуждение о лирической поэзии или об оде», чтобы примером продемонстрировать одический принцип «лирического беспорядка», когда «восторженный разум (поэта – *сост.*) не успевает чрезмерно быстротекущих мыслей расположить логически» (Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 295).

Сами же стихи о Екатерине Павловне могут служить образцом одического «разнообразия в картинах». В этом случае поэт «старается выставить картины, одну после другой противоположные, как то: ужасныя и приятныя и проч.» (Там же. С. 297). Выражение лирического восторга, а не точность реалий, определили структуру оды Державина. При этом вместо характерного для оды 4-стопного ямба он предпочел 4-стопный хорей:

приветственная ода Державина приобретала напевный характер, лишаясь при этом торжественного пафоса.

Поняв причину всеобщего ликования, поэт описал радость столицы («града преузорочного»). А в последней строфе высказал такое пожелание путешествующей Екатерине:

Поспешай к нам, Амфитрита,
 Россов всех утешь сердца,
 Да душой орла – повита
 Будет юна дух птенца,
 Нам рожденного тобою.

Екатерина Павловна в то время была беременной – в августе 1810 г. у нее родился Александр.

Достаточно прочитать стихотворение, чтобы понять, когда оно было написано и какой именно Екатерине посвящено. Вот в нем упоминается Мария Федоровна, вдова Павла I. После смерти Екатерины II она занималась развитием системы «воспитательных» сиротских домов в России:

Вижу вдов, сирот притворы,
 Рукоделья юнош, дев,
 За болящими призоры
 И всех нив благих посеv
 Зрю Марииной рукою!

А вот – Елизавета Алексеевна, с 1793 г. – жена Александра I. Державин воспел ее скромность:

Вижу дом весь благодатный,
 Братьев, сестр – божеств собор,
 Тихий нрав и, как приятный
 Луч, Елисаветин взор!

Примеры подобных хронологических неувязок без труда можно умножить. Важнее даже не это: в трактовке Куприянова стихотворение посвящено вовсе не Екатерине Павловне, и не ее царственной бабушке, а именно барке (оказывается, ее Державин назвал «Амфитридой»). Без сомнения, он допустил эти ошибки намеренно, демонстрируя откровенное пренебрежение к творчеству Державина. А «забытая» барка в представлении новгородского педагога стала ярким образчиком народного представления о «веке Екатерины».

...дворец великого князя Ярослава I <...> вечевых приговоров и распоряджений посадников... По всей видимости, «дворцом Ярослава I» ошибочно называли Гостиный двор Ярославова дворища, а «башней Ярослава» – Воротную башню, или гридницу, которая является частью Гостиного

двора. Эта постройка относится к 1692 году; она была возведена на месте сгоревшей деревянной постройки. Государевы дворы, возведенные на Ярославовом Дворище в 1572 г., сгорели в 1580 г. и не восстанавливались.

Specimen juris Lubecensis... Упомянутая Куприяновым статья была частью договора между немецкими и голландскими купцами. В России он впервые был опубликован Карамзиным (см.: *Карамзин*. Примечания к тому III. М., 1988. С. 96-99), который сослался на работу Дреера.

...монастырь св. Арсения... Рождественский Арсенийев монастырь, упраздненный в 1764 г. Назван в честь святого Арсения, который принял там постриг в 1566 г. После кончины Арсения в 1577 г. монастырь стал носить его имя. Под «небольшой каменной часовней», сохранившейся на монастырской территории ко времени написания книги, имеется в виду Арсениевская башня, разобранная в 1899 г.

...известное чудо о посаднике Добрыне... Легенда о подкупленном посаднике Добрыне публиковалась ко времени издания книги Куприянова дважды: в «Истории...» Н. М. Карамзина (см.: *Карамзин*. Примечания к тому III. М., 1988. С. 99-100) и в «Памятниках старинной русской литературы» (см.: Вып. 1. СПб., 1860. С. 252; именно этим изданием воспользовался автор «Путеводителя»). Оба публикатора сомневались в достоверности сообщаемых событий. См. об этом памятнике: *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М., 2009. С. 46-51.

...большой сад арбузьевский... от Арбузьева, жителя Новгорода в XVII в.

...бойня рогатого скота... Ср. в одной из статей Н. К. Отто: «Даже в губернском городе встречается <...> много такого, на что следовало бы обратить внимание. <...> берега Волхова, не имеющие еще набережной, представляют мерзость запустения, а улицы, в иную ночь не освещенные фонарями, кажутся чем-то вроде дремучего бора или заброшенного погоста. Если же кто-нибудь полюбопытствовал бы, например, взглянуть на новгородскую бойню, находящуюся у городского вала, то он, скажу без всякого преувеличения, пришел бы в ужас, потому что трудно даже представить себе что-нибудь более гадкого и отвратительного тех гнилых, старых, развалившихся и никогда не поправляемых клетушек, которые здесь называют бойней. Этот древний памятник (ему, кажется, боле 50 лет) едва держится на подгнивших столбах над канавой, из которых несется удушье и смрад, как из ям, наполненных трупами зачумленных» (*Отто Н.* Заметки о новгородской статистике. По поводу издания «Памятной книжки Новгородской губернии на 1862 год» // *Спч.* 1863. №110. 27 апреля).

Кириллов... Имеется в виду Кириллов на Нелезене монастырь близ Новгорода (не сохранился).

...церковь св. Лазаря... разобрана в 1859 г.

Ходаковский... Зориан Доленга-Ходаковский, псевдоним польского историка Адама Чарноцкого (1784-1825), бывавшего в Новгороде в 20-х г. XIX в. (см.: Вестник Европы. 1886. №11).

...страшная казнь над князьями Долгорукими... В 1739 г. по надуманному обвинению близ Новгорода были казнены Сергей и Иван Григорьевичи, Василий Лукич и Иван Алексеевич Долгоруковы.

Благовещенская церковь... находится в руинированном состоянии.

...дали Юрьеву монастырю известную грамоту... Имеется в виду грамота Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Мстиславовича о даровании Юрьеву монастырю волости Буец и серебряного блюда.

...достопамятными словами Лаврентия мниха... Суздальский инок Лаврентий, автор «Лаврентьевской летописи».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас-Мирза** 275, 277
Август II 256
Авраамий Ростовский 58, 59, 469
Авраамий Смоленский 61
Агапов, купец 363
Адамс А. В. 141, 233, 383
Адашев А. Ф. 11, 61, 143, 196, 248, 250, 470
Аделунг Ф. П. 313, 484
Адлерберг 2-й – см. **Адлерберг А. В.**
Адлерберг А. В. (Адлерберг 2-й) 192, 457
Адлерберг В. Ф. (министр Двора) 183, 191, 390, 452, 457
Адриан, патриарх 258
Аксаков И. С. 168-173, 446, 449, 475, 477, 478
Аламбер Жан Лерон, д` 6,7
Алегам 266
Александр I (Государь) 12, 261-263, 285, 290, 324, 359, 391, 392, 403, 471, 473, 491, 492, 502-504
Александр II (Его Императорское Величество Государь Император, Царь-Освободитель, Монарх, Отец Его, Он, Великий Монарх, дорогой наш царь) 5, 7, 14, 15, 22, 69, 78-80, 82, 83, 85-87, 89-100, 102, 104-107, 121, 123, 145, 149, 151, 176-184, 186, 191, 192, 195-197, 199-203, 205, 229, 232, 374-376, 383, 385, 388-391, 395-400, 402, 407, 411, 429-431, 439, 445, 449, 454-457, 465-468, 501
Александр III (Александр Александрович) 78, 82, 191, 397
Александр Александрович – см. **Александр III.**
Александр Георгиевич 504
Александр Невский 60, 220, 310, 459, 471
Александр Ягеллон 247, 248
Александра, жена Владимира Ярославовича 310, 482
Александра Петровна (Супруга) 78, 82, 85, 97, 103, 193, 201, 397
Александровский И. Ф. (известный фотограф) 81, 110, 400
Алексеева, актриса 82
Алексей (Алексий) Александрович 78, 82, 191, 397
Алексей (Алексий), архиепископ 313, 498, 499
Алексей Михайлович 12, 239, 241, 271, 311, 344, 470
Алексей Петрович 257, 258
Алексий (Алексей), митрополит 12, 236-237, 469
Алфановы 302
Амассийский 414
Амвросий (Подобедов) 310, 483
Анастас 235
Анастасия Романовна 11, 61, 143, 196, 249, 250, 470
Андрей Александрович 317
Андрей Боголюбский 219, 346
Андрей Борисович 337
Андрей Ярославович 459
Аничков 353
Анна, жена Владимира Святославовича 235, 308
Анна (Ингегерда), жена Ярослава Мудрого 245, 307, 482
Анна Иоанновна 243, 272, 312, 351
Анна Петровна 257

- Антипов П. Е. 18, 21, 46, 91, 377, 382, 384
- Антоний, архиепископ 312, 486
- Антоний Печерский 60, 469
- Антоний Римлянин 64, 302, 468
- Антощенко А. В. 377, 468
- Апохалов П. И. 400
- Аракчеев А. А. 298, 479
- Арбузов 505
- Арсений, архиепископ 486
- Арсений, святой 343, 354, 505
- Артемьев П. 313
- Аскольд 204, 213, 463
- Аскоченский В. И. 437
- Афанасий Данилович 355
- Афет 462
- Ахмат 247, 265
- Ахматов А. П. 185, 452
- Багизбаева М. М. 424
- Багратион П. И. 274, 471
- Багрим 292
- Баженов М. Н. 405
- Байрон Джордж Гордон 27, 287
- Бантыш-Каменский Д. Н. 491-492, 494, 497
- Банухин, купец 363
- Барабаш 269
- Барклай де-Толли М. Б. 143, 471
- Барков Н. 480
- Барсуков Н. П. 9, 449, 474
- Бартнев П. И. 474
- Бахматов 346
- Бахметев Н. П. 85, 401
- Башмаков И. И. (Иван Ваненко) 87, 401
- Безбородко А. А. 259-261, 287, 470
- Безбородко И. А. 260
- Белавин Н. И. 502
- Белингаузен (Беллингаузен) Ф. Ф. 279
- Белинский В. Г. 495, 496
- Бендт, ресторатор 144
- Бестужев-Рюмин К. Н. 390
- Бетховен (Бетговен) Л., ван 27
- Бецкий (Бецкой) И. И. 470
- Бибииков А. И. 292
- Билиарский П. С. 399
- Бирон Эрнест-Иоанн 354
- Блейвейс Янез 399
- Блументрост (Блюментрост) 259
- Богдановы 363
- Богданов В. И. 381
- Богданович А. А. 185, 203
- Богомил 461
- Бодянский О. М. 75, 396, 398
- Болеслав 244
- Борецкие 246, 267
- Борис 103
- Борис Владимирович, князь 244
- Бородин, полковник 277
- Бороздины 353
- Бортнянский Д. С. 13, 76, 472
- Боршов 427
- Боян 303, 481
- Брусницын 460
- Брюллов К. П. 13, 60, 61, 76, 290, 472
- Будницкий Б. Л. 5
- Бураковский С. З. 475
- Буслаев А. И. 9
- Буслаев Ф. И. 52-67, 390, 394-395, 398, 468
- Бутковский (Буцковский) А. А. (жандарм) 106, 414, 416, 427
- Буцковский – см. Бутковский А. А.
- Быстрицкий 102, 104, 105
- Быховский Н. 404
- Валуев П. А. (министр внутренних дел) 5, 13, 186, 190-205, 371, 376, 407, 408, 450, 453-461
- Варлаам, митрополит 242

- Варлаам Хутынский (святой угодник)** 64, 296, 299, 300, 468, 478, 480
- Варсонофий Казанский** 58, 63, 470
- Василий, натурщик** 387, 390
- Василий Калика** 312, 338, 356, 484, 486
- Василий II, император Византийский** 235
- Василий Дмитриевич** 265, 266
- Василий Иванович – см. Василий IV Иванович.**
- Василий III Иванович Темный** 187, 188, 246, 292
- Василий IV Иванович** 237, 238, 247, 248
- Василий Мстиславович** 310, 483
- Василий Темный – см. Василий III Иванович Темный**
- Васильев В. Л.** 482
- Васильев Н. Г.** 403
- Васильев Н. Л.** 492
- Вассиан, архиепископ** 247
- Вейнберг П. И.** 381
- Вергилий** 158
- Веревкин М. И.** 292
- Верховцев Ф. А.** 83, 401
- Веселовский А. Н.** 398
- Ветлицкий Д. И.** 107, 431
- Виллевальде Б. П.** 384
- Винчи Леонардо, да** 58
- Витгенштейн П. Х.** 290
- Витен** 245
- Витовт** 11, 470
- Вихрова Н. Н.** 475
- Вишневский И. М.** 410
- Владимир Александрович** 78, 82, 191, 397
- Владимир Андреевич** 249, 250, 265
- Владимир Всеволодович Мономах** 50, 219, 334, 470
- Владимир Святославович Святой (царственный внук, Равноапостольный, Василий)** 12, 15, 17, 25, 27, 44, 49, 59, 70, 76, 120, 142, 144, 184, 204, 214, 215, 232, 233-236, 244, 305, 311, 375, 461, 463, 464, 466, 469, 483, 484
- Владимир Ярославович** 82, 83, 85, 86, 103, 182, 297, 307-308, 314, 401, 443, 455, 482
- Владимирский В. А.** 400
- Владислав IV** 252, 269
- Владиславлевич** 104, 107
- Водовозов В. И.** 399
- Войков П. В.** 203
- Войтоловская Э. Л.** 435
- Волгин, актер** 82
- Волков П. А.** 436
- Волков Ф. Г. (отец русского театра)** 12, 60, 76, 472
- Волхв** 462
- Волчий Хвост** 348
- Вольф Христиан** 282
- Воробьев З. О.** 400
- Воронцов М. С.** 471
- Воротынский М. И.** 471
- Воскобойников В.** 354
- Воскобойников Д.** 354
- Востоков А. Х.** 398
- Врятко Антон** 399
- Всеволод III** 71
- Всеволод Большое Гнездо** 219
- Всеволод, великий князь – см. Всеволод Большое Гнездо**
- Всеволод Гавриил – см. Всеволод Мстиславович**
- Всеволод Мстиславович** 218, 332-333, 340, 344, 347, 358, 463, 506

- Всеслав Брючиславич Полоцкий** 324, 490
Вышата 308
Вяземский П. А. 451
Гавриил, митрополит 183
Гагарин П. П. 179, 451
Галкин А. К. 398
Гартман В. А. 385, 386, 388
Гаттала Мартын 399
Гедимин 245-246, 470
Гейне Генрих 495
Геннадий, архиепископ 248
Генслер И. С. 326, 498
Георг Ольденбургский 502
Георгиевский 414
Георгий Владимирович 335
Георгий Конисский 61, 470
Герасим Гайдук 349
Герасимов 414
Гермоген, патриарх 12, 470
Гергей Артур 278
Герцен А. И. 450
Гете Иоганн Вольфганг 382
Гильфердинг А. Ф. 8
Глазатов 353
Глеб Владимирович 244
Глеб Святославич 490
Глебовский 388
Гликерия 322
Глинка М. И. 13, 58, 472
Гнедич Н. И. 468
Гоголь Н. В. 13, 76, 287-289, 385, 391, 418, 421, 426, 435, 436, 468, 472
Годунов Б. Ф. 170, 175, 250, 311, 406
Голицын В. В. 252
Голицын М. М. 471
Головацкий Иаков 399
Головкин А. Г. 283
Головнин А. В. 181, 436, 452
Голохвастов Н. 456
Гомер 66, 395
Горбатый-Шуйский А. Б. 249
Горностаев И. И. 18, 21, 46, 91, 377, 382, 384
Горчаков М. Д. 291
Гостомысл 158, 232, 353
Готье Теофиль-отец 382
Готье Теофиль-сын 17-22, 33, 39, 41, 45-48, 51, 382-384
Гранмаль 420
Грейг А. С. 385
Греч Н. И. 398
Гречин Павел Юрьев 318
Грибоедов А. С. 277, 472
Григорий 102
Григорий, архиепископ 299, 310, 327, 360, 483, 486
Григорий, митрополит 312
Григорий Степанов 347
Григорович В. И. 398
Грот Я. К. 478, 502
Губернский предводитель дворянства – см. **Мышецкий Н. Е.**
Гурий Казанский 58, 63, 470
Гусев В. Е. 248
Гюго В. 24, 27
Давид, архиепископ 486
Даль В. И. 371, 396, 398, 401, 432, 437, 452, 473, 483, 486
Даниил Галицкий 471
Дантес Шарль-Луи 286
Данько Т. А. 406
Деицкий Богдан 399
Дейнека И. 468
Деларош Поль 57-59, 65, 66, 395
Денфер А. У. 436
Державин Г. Р. 12, 61, 292-295, 296, 298, 299, 328, 468-469, 472, 478, 479, 502
Державина Д. А. 297, 478
Державина (Козлова) Ф. А. 292

- Дибич (Дибич-Забалканский) И. И.** 278, 290, 291, 468, 471
Димитрий Борецкий 267
Димитрий Константинович 74, 263
Дир 204, 213, 463
Диренякин – см. Дренякин А. М.
Дирин Е. 456
Дмитревский И. А. 58, 60, 468, 469, 472
Дмитрий (Димитрий) Донской 12, 15, 17, 19, 25, 27, 28, 44, 49, 50, 62, 74, 89, 142, 143, 232, 263-266, 349, 375, 464, 471
Дмитрий Иоаннович 247
Дмитрий Мирошкинич 358
Дмитрий (Димитрий) Ростовский 12, 258, 359, 470, 487
Дмитрий (Сеченов) 310, 483
Дмитрий Юрьевич Шемяка 188, 358, 359
Добрадин, священник 85
Добролюбов Н. А. 404, 481
Доброхотов, купец 363
Добрыня, воевода 203, 204, 443, 460-461
Добрыня, посадник 341, 505
Добрянский Адольф 399
Довмонт Псковский 60, 471
Долгорукие 354
Долгорукий В. Л. 506
Долгорукий И. А. 354, 506
Долгорукий И. Г. 506
Долгорукий М. И. 354
Долгорукий С. Г. 506
Долгоруков Владимир А. 373, 411
Долгоруков Всеволод А. 475
Долгоруков (Долгорукий) Я. Ф. 12, 49, 144, 470
Доленга-Ходаковский – см. Чарноцкий Адам.
Дорофеевский М. А. 414
Дорошенко Петр 175
Достоевский Ф. М. 406
Дренякин (Диренякин) А. М. 101, 106, 429
Дурова Н. А. 497
Дьяков В. А. 416
Дюма Александр 24
Дюрер Альбрехт 60
Евгений (Болховитинов) 371, 481, 485, 486, 489
Евреинов В. Д. 141, 233, 378, 460
Евфимий II (Евфимий Вяжицкий) 187, 312, 318, 348, 360, 485, 486
Евфросиния Полоцкая 61
Екатерина I 243
Екатерина II Великая (Северная Минерва, Государыня, Императрица) 12, 175, 178, 183, 260, 261, 273, 274, 283, 284, 293-295, 328, 385, 390, 402, 403, 464, 470, 487, 488, 499-502, 504
Екатерина Павловна 502-504
Елагин В. Н. 426
Елена, жена Ярослава Владимировича 350
Елена Глинская 62
Елец Ю. Л. 397, 479
Елизавета Алексеевна 504
Елизавета Петровна 257, 272, 283, 284
Елизаветина Г. Г. 496
Елисеев Г. З. 449
Ермак Тимофеевич 12, 471, 474
Ермолов А. П. 275
Еропкин П. Д. 273
Ефрем Перекомский 361
Жерве 105
Жервэ Н. Н. 474
Жинкин, купец 95

- Жуковский В. А.** 13, 59, 61, 236, 286, 288, 290, 472, 473, 501
- Жулев Г. Н.** 381
- Залеман Р. К.** 141, 389, 392
- Зар-дан** 462
- Заруцкий И. М.** 251
- Захаренко А. Г.** 468
- Зеленой (Зеленый) А. А. (министр государственных имуществ)** 95, 193, 200, 403
- Зернин А. П.** 399
- Зимин А. П.** 361, 363, 367
- Зина** 104
- Зиновьев** 203
- Зорин А. Л.** 472
- Зосима Соловецкий** 58, 59, 63, 66, 187, 268, 459, 470
- Зотов Н. М.** 253
- Зубков Н. Н.** 472
- Зубов П. А.** 260
- Зуров Е. А.** 501
- Иван (Иоанн) III (великий князь Московский, первый русский царь)** 11, 15, 17, 19, 25, 27, 44, 62, 68, 73-74, 115, 142-144, 187, 188, 206, 221-223, 227, 228, 232, 246-248, 266-268, 325, 333, 375, 379, 458, 470, 480
- Иван (Иоанн) IV Грозный (грозный царь, другой царь)** 22, 61, 62, 113-115, 121, 143, 156, 170, 175, 188, 195, 238, 248-250, 299, 301, 304, 305, 311, 313, 330, 333, 339, 346, 349, 443, 453, 459, 480, 484
- Иван Ваненко** – см. Башмаков И. И.
- Иван Иванович** – см. Иоанн (Иван) Калита.
- Иван Иванович, сын Ивана IV Грозного** 346
- Иванишев Н. Д.** 398
- Иван Яковлевич** 301, 480
- Иванов А. А.** 60, 61, 76, 395
- Игнатъев Р. Г.** 488, 492, 493
- Игорь Рюрикович** 213, 233, 463
- Иезбер Франц** 399
- Изяслав Владимирович** 310, 483
- Изяслав Ярославович (Ярославич)** 216, 358, 463
- Ильмера** 462
- Илья Муромец** 59
- Ингегерда** – см. Анна, жена Ярослава Мудрого.
- Инзов И. Н.** 286
- Иннокентий Таврический (Херсонский)** 12, 61, 75
- Иоаким Корсунянин** 308, 310, 359, 483
- Иоанн, мученик** 234
- Иоанн Алексеевич** 253, 254
- Иоанн Всеволодович** 347
- Иоанн Златоуст** 238
- Иоанн (Иван) Калита** 73, 236, 237, 263
- Иоанн Ласкарис** 237
- Иоанн Новгородский** 64, 188, 309-310, 312, 317, 318, 327, 346, 347, 360, 468, 483, 485, 486
- Иоаннович Михаил** 398
- Иоасаф, митрополит** 358
- Иов, митрополит** 318, 346, 486
- Иона, митрополит** 188, 470
- Иона Отенский** 188, 359, 486
- Иосиф, игумен** 347
- Иосиф, игумен Волоколамский** 248
- Иосиф, патриарх** 240
- Ирина Федоровна** 351
- Исаия Ростовский** 61
- Исак Борецкий** 266

- Исидор, митрополит 84, 85, 90, 182, 183, 185, 196, 440
- Ишимова А. О. 400
- Казимир, князь Литовский 246, 247, 267
- Казин А. Д. 400
- Какорин – см. Кокоринов А. Ф.
- Калиновский Мартын 270
- Камбек Л. Л. 443-448
- Каменский М. Ф. 274
- Капеллер, купец 363, 402
- Карабанов И. Г. 460
- Карамзин Н. М. 12, 55, 199, 250, 284-286, 307, 371, 396, 459-460, 463, 472, 498, 505
- Карл-Август 271
- Карл XII 255-257, 315
- Карлин 345
- Карнович Е. П. 44-51, 394
- Катков М. Н. 371
- Катырева-Ростовская Д. В. 483
- Катырев-Ростовский М. П. 483
- Качалов Н. В. 398
- Качалов Н. А. 397, 431
- Квашнин-Самарин А. А. 380-381
- Кейстут (Кейсут, Кейстутий) 11, 12, 471
- Кейт Джемс 272
- Киов А. М. 203
- Кирилл 11, 12, 75, 469
- Кирилл Белозерский 59, 470
- Кирыак, игумен 358
- Климент, архиепископ 356, 486
- Клодт фон Юргенбург П. К. 377, 378, 389, 390, 392, 393
- Кобенцль Людовик, фон 499
- Ковалевский, подполковник 383
- Ковалевский Е. П. 417, 426
- Козлова Ф. А. – см. Державина Ф. А.
- Козодавлев О. П. 493
- Коковцев Н. В. 203
- Кокоринов (Какорин) А. Ф. 12, 60, 76, 284, 472
- Кольцов А. В. 391
- Комодзинский К. Щ. 400
- Концепольский 269
- Константин, купец 337
- Константин IX, император Византийский 235
- Константин Николаевич 391, 397
- Константин Острожский 12, 470
- Константин Павлович 290
- Коншин Н. И. 400
- Корнилий, митрополит 323, 488
- Корнилов, действительный тайный советник 102
- Корнилов В. А. 75, 280, 468, 472
- Корнилович М. О. 482
- Королев 81
- Косаговский П. П. 203
- Коссаговский – см. Косаговский П. П.
- Костомаров Н. И. 86, 158-167, 206-229, 301, 310, 318, 371, 390, 401, 417, 449, 461-467, 474, 480
- Котген Софи 492, 493
- Кочубей В. П. 262, 471
- Кошелев В. А. 435
- Краевский А. А. 433, 434
- Крамор Г. А. 497
- Красов И. И. 489, 498
- Красовский А. И. 275
- Кропоткин П. А. 408
- Круа (де Кроа) Карл-Евгений 255
- Крылов И. А. 12, 472, 479
- Кудрявцов 411
- Куземский Михаил 399
- Кузмани Карл 398
- Кузнецов П. М. 93, 343, 361
- Кукулевич-Сакчинский Иоганн 398
- Кукша 58, 59, 66, 469

- Кулжинский Н. 428-429
Куник А. А. 398
Куприянов И. К. 10, 11, 86, 113, 116-118, 230-370, 399, 401, 416, 430, 459, 467-506
Куракин А. Б. 261
Курбский А. М. 250
Курдюмов Е. Г. 400
Курочкин Н. С. 381
Кусков П. А. 110, 432
Кутузов М. И. 143, 471
Кушелев-Безбородко Г. А. 480
Лаврентий, монах 370, 506
Лавров П. Л. 433
Лавровский Н. А. 399
Лавровский П. А. 399
Лазарев М. П. 75, 278, 280, 468, 471
Ланге М. И. (полицмейстер) 101, 107, 131, 409, 411, 414-428
Ланге П. М. 416
Ланской С. С. (министр внутренних дел) 373, 375
Ласковский В. П. 397
Ласси П. П. 272
Лаудон Гедеон 272
Лев Дьякон 75, 396
Левенгаупт Адам-Людвиг 256
Леонтий, епископ 84, 183, 401
Леонтий Ростовский 61
Лермонтов М. Ю. 13, 59, 64, 472
Лерхе Е. В. (жена) 98, 102, 201, 429
Лерхе Э. В. 102, 107, 406, 429-430, 456
Лесков Н. С. 413
Лефорт Ф. Я. 253
Лещинский Станислав 256
Липул Василий 270
Лисовский Александр-Иосиф 251
Лихачев Д. С. 475
Лихуд Иоанникий 486
Лихуд Софроний 486
Лихуды 318, 486
Ломоносов М. В. 12, 76, 280-284, 293, 472, 496
Лопухина Е. Ф. 254, 255
Лука Жидята 308-309
Лукин 336
Лупалова Елизавета – см. Лупалова П. Г.
Луполов Г. 494
Луполова П. Г. (Параша Сибирячка, Лупалова Елизавета) 326, 490-498
Лутковская С. В. (С. В.) 101-108, 407
Лутковские 107
Лутковский, гусар 104
Лутковский О. В. (О. В.) 102-108, 407
Лухин, купец 363
Льков Б. М. 251
Лысенко М. А. 408
Львов Ф. П. 503
Львова Е. Н. 503
Любимов 414
Лядов 97, 201
Магмет-Аминь 247
Мадатов В. Г. 275
Мажуранич Антон 399
Мазепа И. С. 256
Майков А. Н. 474
Макарий (Миролюбов) 181, 185, 187, 371, 452, 474, 485, 487-489, 498
Макарий, митрополит Московский 240, 248, 250, 319-320, 470
Макарий II, митрополит Новгородский и Великолуцкий 313, 358, 487, 490
Максим Грек 12, 237-238, 240, 470
Максимилиан Лейхтенбергский 397

- Максимович М. А.** 390
Малевич В. С. 203, 430
Мамай 142, 265, 349
Мануил I 484
Марина – см. **Мнишек М.**
Мария Александровна (Ее Императорское Величество Государыня Императрица, Она, августейшая посетительница) 78, 82, 89-93, 96-98, 104, 105, 121, 181, 183, 185-189, 191, 192, 195-197, 200-203, 410, 455, 458
Мария Ильинична 344
Мария Максимилиановна 78, 97, 191, 201, 397
Мария Николаевна 78, 82, 97, 191, 201, 397
Мария Федоровна 504
Маркел, митрополит 358
Марков М. А. 464-467
Мартирий Рушанин 306, 482
Мартос А. 482
Мартынов П. А. 453
Марфа – см. **Шестова К. И.**
Марфа Алексеевна 255
Марфа Посадница (Борецкая) 11, 12, 113, 116, 122, 123, 130, 140, 141, 187, 199, 205, 266-268, 321, 390, 459-460, 471
Масанов И. Ф. 384
Матвеев А. С. 470
Матвей Душильцевич 332
Межов В. И. 9
Мельников П. П. (министр путей сообщения) 192, 457
Мельцин М. О. 475
Менгли Гирей 247
Меншиков (Меньшиков) А. Д. 186, 243
Меншиков (Меньшиков) А. С. 291
Меньшиков А. Д. – см. **Меншиков А. Д.**
Меньшиков А. С. – см. **Меншиков А. С.**
Меркурий Смоленский 61
Местр Ксавье, де 496
Мефодий 11, 12, 75, 469
Мещерский А. И. 295
Мещерский В. П. 412
Микеланджело (Микель-Анджело) Буонарроти 57, 395
Микешин М. О. (составитель проекта, художник) 5, 9, 11, 13, 18, 19, 21, 23-43, 46-49, 51, 71, 90, 91, 98, 141, 199, 201, 231, 232, 377-394, 432, 460, 468, 469
Микешин О. Д. 388
Миклошич Франц 399
Милорадович М. А. 274
Минаев Д. Д. 10, 381, 446-448
Минин К. (нижегородский гражданин) 12, 71, 142, 143, 251, 471
Министр внутренних дел – см. **Валуев П. А.**
Министр государственных имуществ – см. **Зеленой А. А.**
Миних Б. Х. 12, 143, 471
Миронов 414
Мирошка 358
Митрофан, архиепископ 333
Митрофаний Воронежский 61, 469, 470
Михаил Александрович Тверской 60, 264, 471
Михаил Николаевич 78, 82, 191, 397, 402
Михаил Олелькович 73, 246, 396
Михаил Павлович 274
Михаил Федорович 12, 15, 17, 44, 56, 62, 71, 76, 142, 177, 187,

- 232, 250-253, 268, 285, 325, 379, 470
- Михайлов П. С.** 141
- Михельсон И. И.** 274
- Мнишек М. (Марина)** 251
- Можайский И. П.** 400, 419, 423-426, 474
- Моисей, архиепископ** 301, 312, 323, 325, 339, 345, 352, 353, 356, 490
- Монигетти И. А.** 21, 384
- Мординов А. Н.** 391
- Мордовцев Д. Л.** 496-497
- Морозова Е. В.** 502
- Морозова Н. П.** 502
- Морозова Ф. П.** 11
- Мстислав Владимирович, сын Владимира Святославовича** 244
- Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха** 314, 334, 335, 356, 358, 506
- Мстислав Мстиславович Удалой** 219, 463, 471, 483
- Мстислав Ростиславович Безокий** 483
- Мстислав Ростиславович Удалой** 306, 310, 482, 483
- Муравьев А. Н.** 484
- Муравьев М. В.** 501, 502
- Муравьев Н. Н.** 481
- Мышецкая В. П.** 98, 201, 401, 418
- Мышецкий Н. Е. (губернский предводитель дворянства)** 85, 92, 97, 98, 182, 195, 201, 203, 401, 455, 456, 458
- Навохоцкий** 105
- Намучин Иоанникий** 399
- Наполеон Бонапарт** 142, 262, 473
- Нарышкины** 253
- Наталья** 349
- Наталья Кирилловна (мать)** 253, 254
- Нахимов П. С.** 12, 64, 75, 278-280, 468, 472
- Начальник губернии – см. Скарятин В. Я.**
- Невежа** 319
- Некрасов Н. А.** 9, 385
- Немзер А. С.** 472
- Нестор** 12, 44, 186, 469
- Нестор, епископ Ростовский** 335
- Никита, епископ** 307, 312, 482
- Никита Переяславский** 61
- Никитин П. И.** 487
- Никитин Ф. И.** 487
- Никифор Ефимович** 347
- Николаевич Георгий** 399
- Николай** 102
- Николай I (Государь, батюшка)** 12, 50, 263, 268, 277, 285, 290-292, 391, 392, 397, 398, 453, 468, 469, 472, 501, 502
- Николя, сын С. В. Лутковской** 102, 106-108
- Николай Александрович (Великий Князь Наследник Цесаревич, Тот, Государь Наследник, царский первенец)** 78, 82, 89, 90, 93, 94, 98, 103, 107, 182, 183, 190, 191, 396, 456
- Николай Константинович** 78, 97, 191, 397
- Николай Кочанов** 322, 347, 398
- Николай Николаевич младший (Сын)** 78, 82, 193, 398
- Николай Николаевич старший (Его Высочество)** 78, 82, 85, 102, 103, 182, 193, 196, 201, 397-398, 402, 405
- Никон, патриарх** 12, 239-241, 344, 470

- Нифонт, архиепископ** 334-335, 344, 348
- Новаковский** 102, 104
- Новгородский губернатор** – см. **Скарятин В. Я.**
- Новикова А. О.** 407
- Новиков И. П.** 407
- Новиков Н. И.** 284
- Новиков П. И. (провинциальный полицейский)** 5, 101-108, 406-431
- Нормандский Н.** 456
- Норманский И. Е.** 203
- О.** – см. **Стасов В. В.**
- Обольянинов** 102, 502
- Обресков Н. М.** 455-456
- О. В.** – см. **Лутковский О. В.**
- Огарев Н. П.** 177-180, 450-451
- Одинокое А. Н.** 5
- Одоевский И. Н. Меньшой** 251
- Олав** 245
- Олег, князь** 204, 213, 233, 463
- Олег Иванович** 264, 265
- Олег Святославович** 233, 234
- Олег Черниговский** 310
- Олоний Шил** 356-357
- Ольга Равноапостольная** 12, 144, 184, 235, 469
- Ольга Федоровна (Супруга)** 78, 82, 191, 397
- Ольгерд** 264, 470
- Ордын-Нащокин (Нащокин) А. Л.** 12, 470
- Орлов (Орлов-Чесменский) А. Г.** 359, 471
- Орлов Г. Г.** 359
- Орлов Ф. Г.** 359
- Орлова-Чесменская А. А.** 307, 358-360, 477
- Осип** 387, 388, 390
- Отто Н. К. (Н. О.)** 10, 86, 230-295, 400, 405, 416-421, 428, 462, 467-473, 474, 505
- Офенберг** 105
- Павел I** 260, 261, 294, 504
- Павел Петрович** 337
- Павлов, актер** 81
- Павлова, актриса** 82
- Павлов П. В.** 401
- Палацкий Франц** 398
- Пален К. И.** 453
- Палицын А.** 471
- Палладия, игуменья** 492, 493
- Панин В. Н.** 179, 451
- Панин П. И.** 273
- Панченко А. М.** 11
- Параша Сибирячка** – см. **Луполова П. Г.**
- Паррот Георг-Фридрих** 263
- Паскевич-Эриванский И. Ф.** 64, 273-278, 290, 291, 468, 471
- Паткуль Иоганн-Рейнгольд, фон** 255
- Пекарский П. П.** 419
- Пелагея** 106
- Петр I Великий (великий преобразователь)** 12, 15, 17, 19, 22, 25, 27, 28, 33, 44, 47-49, 56, 62, 72-73, 121, 122, 139, 142, 144, 156, 168, 175, 177, 186, 197, 198, 203, 208, 227, 232, 241-243, 253-259, 272, 283, 291, 310, 312, 315, 379, 389, 419, 464, 470, 503
- Петр II** 243, 354
- Петр III** 178, 273
- Петр Могила** 470
- Петр Невежин** 305
- Петранович Божидар** 399
- Петров П. Н.** 196

- Петрова В. 427
Петровский 414
Пимен, архиепископ 187, 318, 485
Пимен, монах 267
Пименов Н. С. 20, 377, 378, 384, 392, 393
Пиндар 294
Писарев Д. И. 404, 419, 495-496
Платов М. И. 471
Платон, митрополит 470
Племянников 411
Плетнев П. А. 287, 398
Плеттенберг Вальтер 248
Погодин М. П. 9, 390, 398, 446, 449, 474
Пожарский Д. М. 12, 71, 142, 143, 251, 471
Поздеев А. А. 436
Покровский 414
Полевой Н. А. 475, 492, 494-496
Полевой П. Н. 475-478
Поливанов В. С. 402
Полякова М. А. 478
Посошков И. Т. 529
Потемкин Г. А. 12, 471
Предслава 244
Приклонский В. А. 500
Прозоровский А. А. 274
Пронский И. П. 328
Пугачев Емельян 292
Пуркинъе Иоганн 398
Путята, тысяцкий 203, 204, 443, 460-461
Пушкин А. С. 13, 100, 198, 286-287, 288, 406, 459, 472, 473, 478
Пушкин С. Л. 286
Ракочи – см. Ракоци Юрий П.
Ракоци Юрий П 271
Распе Рудольф-Эрих 382
Растрелли В. В. 284
Резач Франц 399
Рейсер С. А. 448
Рейхель К. Я. 482
Рембрандт ван-Рейн 58
Ригер Франц 399
Родионов В. Л. 107, 431
Рогнеда 244
Розе 292
Романовский, полковник 101, 102, 105
Романов-Захарьин-Юрьев Ф. Н. 250
Романовы (Августейшая фамилия, Императорская фамилия, Гости, высочайшие особы) 71, 79, 80, 82, 89, 90, 96, 98, 99, 100, 103-107, 121, 156, 189, 194, 195, 196, 375, 411, 455, 456
Росляков Д. 406
Ростислав Ярославич 358
Ростовские-Катыревы (Катыревы-Ростовские) 310
Ртищев Ф. М. 12, 470
Рубенс Петер-Пауль 58
Рублев Андрей 60
Румянцев-Задунайский П. А. 12, 143, 259, 260, 471
Рус 462
Руссо Жан-Жак 6, 7
Рыбина Е. А. 505
Рюрик (Рурик, первый властелин земли русской, варяг) 15, 17, 21, 22, 25, 26, 27, 44, 49, 56, 68-70, 74-76, 89, 115, 130, 142, 158, 170, 177, 186, 197, 203, 204, 232, 233, 353, 373-376, 379, 446, 447, 463, 464
Савва, святой 353
Савватий Соловецкий 58, 59, 63, 66, 470
Савченкова Т. П. 494
Салтыков П. С. 272-273, 471

- Салтыкова Е. В. 191
Салтыков-Щедрин М. Е. 425
Салтыковы 272
Сант Рафаэль (Рафаэль) 60
Саханский 435
С. В. – см. Лутковская С. В.
Святополк Владимирович Ока-
янный 214, 244, 245, 348
Святополк Изяславович 215
Святополк Киевский – см. Свя-
тополк Изяславович.
Святослав Владимирович 244
Святослав Игоревич 12, 59, 74,
75, 204, 213, 233, 396, 471, 482
Святослав Мстиславович 332
Святослав Ольгович 334
Севастьянов П. И. 398
Сегюр Луи-Филипп, де 261, 499
Секретарь Л. А. 372, 401
Семевский, помещик 359
Семевский М. И. 474
Семен Андреевич 349
Семенов В. С. 104, 107
Сенявин Н. Д. 471
Серафим, митрополит 482
Сергий, игумен 342
Сергий Радонежский 12, 60, 188,
264, 265, 469
Сиверс Э. К. 453
Сидоров, купец 363
Сильвестр 61, 143, 196, 248-250,
470
Симанский 104-106, 108
Симеон, архиепископ 486
Симеон, казанский царь 61
Симеон Иванович 236, 356
Синеус 69, 232
Скарятин В. Я. (новгородский
губернатор, начальник гу-
бернии) 95, 101-103, 105-107,
122, 182, 186, 193, 200, 203,
398, 403-405, 406, 408-411,
414, 415, 432, 434, 440, 448,
453, 455-458
Скарятин Н. Я. 405
Скарятин (Голицына) М. П. 96,
98, 201, 403, 405
Скирмунд 388
Скиф 462
Скопин-Шуйский Ф. И. 250
Скопин-Шуйский М. В. 12, 471
Славин А. П. 456-457, 459
Слезскинский А. Г. 429, 501
Словен 462
Смирнов В. Г. 5
Смоляр Иоганн 399
Снегирев И. М. 461
Снетков, купец 349
Собинин Б. 268
Соколов, купец 361
Соколов Н. М. 400
Соломон 234, 236
Соломония 238
Соловьев, купец 361, 363, 401
Соловьев П. 82, 311, 371, 482, 484
Соловьев С. М. 398
Сотко Сытинич 308
София (Софья) Палеолог 73, 237,
247
Софья Алексеевна 253, 255
Софья, жена Дмитрия Юрьевича
Шемяки 359
Сошенко 289
Сперанский М. М. 12, 75, 261-263,
292, 453, 471
Способин Г. И. 427-428
Срезневский И. И. 398
Ставерей 414
Станкович Корнелий 399
Стасов В. В. (О.) 23-43, 46, 47, 51,
384-385, 394, 395
Стейнбок (Стенбок) Ю. И. (граф)
95, 102, 103, 105, 106, 108, 403
Стефан Пермский 58, 470

- Стефан Яворский 258
Стефанович-Караджич Вук 399
Стоюнин В. Я. 399
Строганов (Строгонов) С. Г. 191, 457
Строгонов – см. Строганов С. Г.
Струйский Д. Ю. (Трилуный) 492
Субботич Иоганн 399
Суворов А. А. 390, 411
Суворов А. В. 12, 143, 471
Сусанин И. 12, 142, 143, 251, 268, 471
Сухомлинов М. И. 399
Сушиль Франтишек 399
Сырков Д. И. 338, 339
Сырков И. 340
Сырков Ф. 360
Таирова, купчиха 365
Тайдула 237
Татищев В. Н. 460
Твердислав, посадник 325, 332-333
Творимирич 308
Терешкина Д. Б. 494
Тиммерман Франц 254
Тимофеев 431
Тихон Задонский 61, 470
Тихонов, ресторатор 286
Толстой Д. Н. 454-455
Толстой М. В. 181-190, 401, 452-453
Тон К. А. 21, 384
Тохтамыш 265
Транковская 456
Трубецкой Н. Р. 251
Трувор 69, 232
Тулов М. А. 399
Тумановские, гусары 104
Тютчев Ф. И. 9
Уваров А. С. 478
Угоняй 461
Уманский А. М. 392
Устрялов Н. Г. 398
Ушаков С. 60
Фальконэ (Фальконет) Э.-М. 28, 385
Фарафонтов М. А. 106, 108, 431
Федор Варяг 234
Федор, посадник 325
Федор Алексеевич 253
Федор Борецкий 267
Федор Иванович (Иоаннович) 249, 351
Федор Ярославич 310, 358
Федоровы, купцы 361
Феогност, митрополит 236
Феодор (Федор), юродивый 322, 347
Феодорит, архиепископ 71, 251
Феодосий – см. Феодосий II, архиепископ
Феодосий Печерский 60, 469
Феодосий II, архиепископ 305
Феодосия, княгиня 325, 358, 490
Феоктист, архиепископ 358
Феоктист, игумен 360
Феофан, художник 347
Феофан Прокопович 241-244, 258, 302, 310, 312, 470
Феофан Прокопович, ректор Киевской академии 242
Феофил, архиепископ 267, 486
Феофилакт, викарий 84, 85, 186
Фермор В. В. 272
Фикссон 414
Филарет, митрополит 90, 401
Филарет, патриарх 252, 470
Филиппович В. И. 404, 417-418, 423, 427, 428

- Филофей**, патриарх 484
Фильдус В. Е. 416
Фиоравенти Альберти (Аристотель) 73, 248, 396
Фирсов Н. Н. 400, 405, 430
Фицгерберт (Фиц Герберт) Аллейн 499
Фонвизин (Фон Визин) Д. И. 12, 472
Фотий, архимандрит 358, 359, 477
Францисци Ян 399
Фридрих Великий 20, 272, 273, 384
Хаджич Иоганн 399
Харитина 328
Хилков Ф. А. 240
Хлодвиг 49
Хлопицкий Григорий-Иосиф 278
Хмельницкий Зиновий Богдан 175, 268-271, 385, 471
Хмельницкий Тимофей 270
Ходаковский (Доленга-Ходаковский) Зориан – см. Чарноцкий Адам.
Ходкевич Ян Карл 71, 396
Хозрев-Мирза 277
Холмский Д. Д. 266, 471
Хомяков А. С. 172-173, 198, 449, 459
Хренов, купец 363
Чанибек 237
Чаплинский 269
Чарноцкий Адам (Ходаковский, Доленга-Ходаковский Зориан) 353, 506
Чевкин К. В. (главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями) 16, 377, 378-379, 391, 440, 468
Чернышевский Н. Г. 404, 433
Чичагов В. Я. 392
Шаден Иоанн Матиас 284
Шакловитый Ф. Л. 254
Шафарик Янко 399
Шаховской И. С. 346
Шванталер Людвиг-Михаэль 384
Шевченко Т. Г. 58, 64, 289-290, 385, 391, 468, 469, 472
Шевырев С. П. 398
Шембер Алоизий 399
Шейн М. Б. 252
Шенья Андрей 287
Шереметев Б. П. 256, 471
Шестова К. И. (Марфа, Марфа Ивановна) 187, 251
Ширяев 289
Шишков А. С. 285
Шлецер Август Людовик 89, 401
Шредер И. Н. 20, 141, 385-389, 392-394
Штейнгель В. 8
Шувалов И. И. 284, 292
Шувалов П. А. 191
Щеня Даниил 73, 247, 248, 471
Щербачев Г. Д. 412
Эвальд А. В. 126-153, 378-379, 432-448, 451
Эмельянов А. 95
Эрбен Карл Яромир 399
Эртель, помещик 94, 403
Эфиоров А. 8
Юзефович 391
Юхнович Ю. В. 406
Ягелло 265
Ягужинский П. И. 243
Якушкин П. И. 452-453
Янин В. Л. 482
Ян Казимир 269, 270
Ярополк Святославович 233, 234
Ярослав Владимирович 306, 350, 355, 498

- Ярослав I Владимирович Мудрый (законодатель)** 18, 22, 25, 27, 50, 75, 186, 205, 214, 215, 244-245, 329-330, 334, 348, 358, 376, 379, 401, 470, 482, 490, 504
- Ярослав Ярославович** 326, 490, 498

Тысячелетие России
в записках, мемуарах, документах

Составление, вступит. статья, комментарии А. В. Кошелева.

Верстка Е.Н. Пяткина
Дизайн обложки О.М. Матлаш

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 17-44-93516/17-ОГОН)

Подписано в печать 15.04.2019 г.
Печ. л. 33. Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Отпечатано в ООО «ТПК «Печатный Двор»,
г. Великий Новгород, ул. Нехинская, д.61, производственный корпус 3.
Тел. 8(816-2) 502-233.